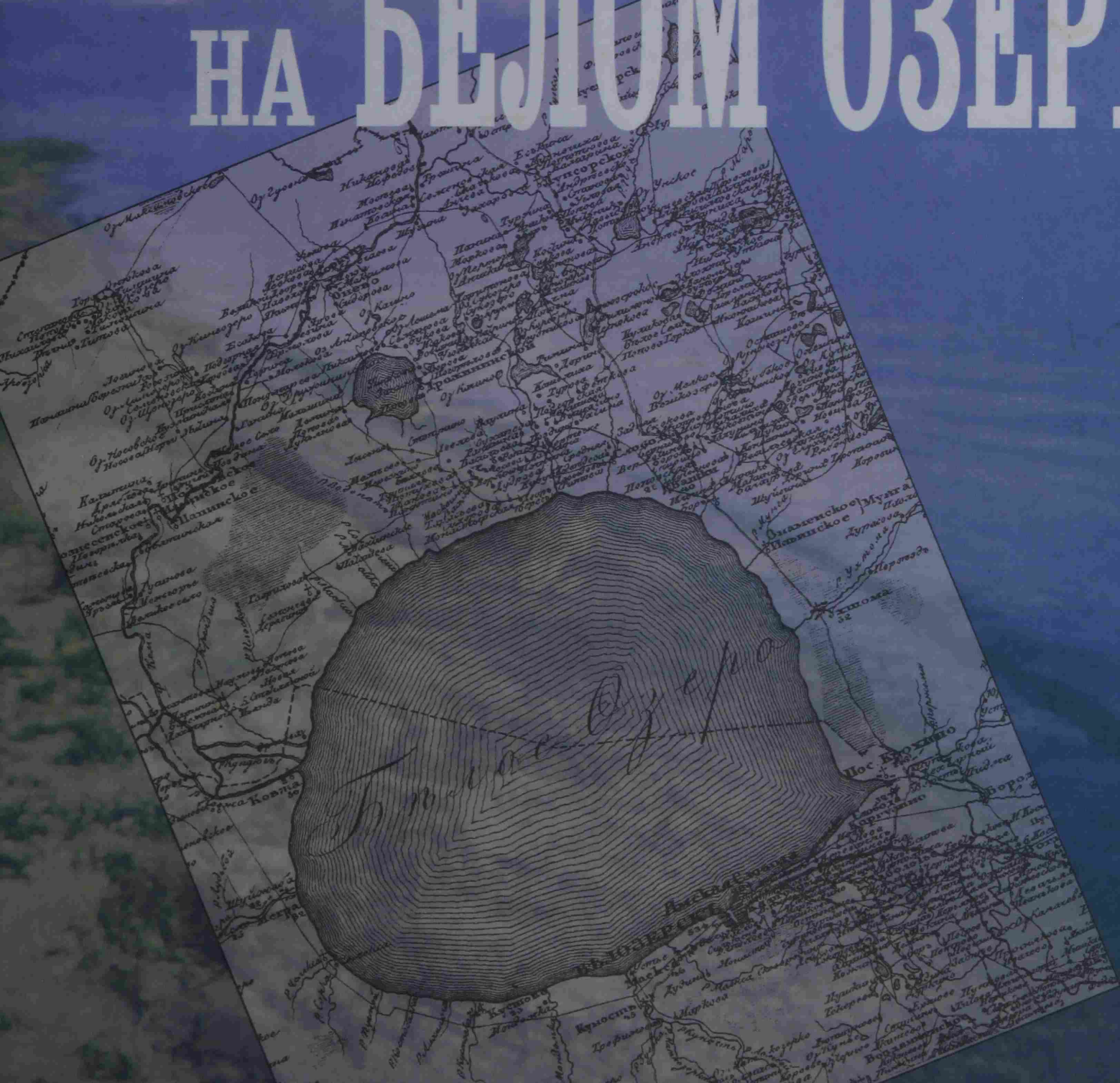

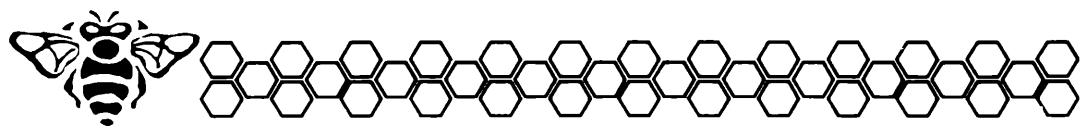

Н. А. МАКАРОВ, С. Д. ЗАХАРОВ, А. П. БУЖИЛОВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

STUDIA HISTORICA

ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ РАН

Н. А. МАКАРОВ, С. Д. ЗАХАРОВ, А. П. БУЖИЛОВА

СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

N. MAKAROV
S. ZAKHAROV
A. BUZHILOVA

MEDIEVAL
SETTLEMENT
IN BELOOZERO
REGION

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

МОСКВА

2001

ББК 63.3(2)4
М 15

Исследование выполнено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований
проекты №№ 99-06-88-028, 96-06-80287

Составление археологической карты
района Белого озера произведено при финансовой поддержке
Комитета по экологии и природным ресурсам Вологодской области

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)
проект № 00-01-16089

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Бужилова А. П.

М 15 Средневековое расселение на Белом озере = Medieval Settlement in Beloozero Region. – М.: Языки русской культуры, 2001. – 496 с. – (Studia historica).

ISBN 5-7859-0207-9

Работа представляет собой опыт реконструкции сети сельского расселения X—XIII вв. в одной из ключевых исторических областей Древней Руси — на Белоозере. Основываясь на археологических материалах, авторы подробно воссоздают региональную систему расселения, исследуют основные закономерности в ее организации, становлении и развитии, выявляют ее специфические особенности и общие черты, свойственные средневековому расселению на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси. Особый раздел книги посвящен антропологическим материалам из средневековых могильников Белозерья и Поонежья. Применение современных методов биологических исследований для анализа антропологических материалов позволяет получить принципиально новые данные о состоянии здоровья, биологических стрессах и образе жизни населения Севера в XI—XIII вв.

ББК 63.3(2)4

Outside Russia, apart from the Publishing House itself (fax: 095 246-20-20 c/o M153, E-mail: koshchev.ad@mtu-net.ru), the Danish bookseller G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail: slavic@gad.dk) has exclusive rights for sales of this book.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства «Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма G·E·C GAD.

ISBN 7859-0207-9

9 785785 902077 >

© Авторы, 2001

Содержание

Введение (Н. Макаров)	7
Часть I. Средневековое расселение на Белом озере	17
1. Территория и памятники (Н. Макаров)	19
2. Региональная система расселения и ее развитие в X–XIII вв. (Н. Макаров, С. Захаров)	70
3. Ретроспектива: средневековые селища на фоне памятников эпохи камня — раннего металла (Н. Макаров)	95
4. Палеоботанические материалы из Белоозера: к истории становления земледелия на северных окраинах Древней Руси (Н. Макаров, С. Захаров, Н. Кирыянова)	112
5. Организация расселения на микрорегиональном уровне (Н. Макаров)	124
6. Белоозеро и Белозерск (С. Захаров)	168
7. Вещь и славяне на Белом озере (Н. Макаров)	188
8. Сельские приходы XV–XVII вв. и системы расселения домонгольского времени: проблема преемственности (Н. Макаров)	199
9. Древнерусское Белоозеро и некоторые общие вопросы изучения средневекового расселения (Н. Макаров)	217
Часть II. Биологическая и социальная адаптация населения Русского Севера (по антропологическим материалам Белозерья и Поонежья) (А. Бужилова)	227
Таблицы	266
Приложения	277
1. Могильник Крохинские Пески — некрополь Белоозера X–XIII вв. (Н. Макаров, Г. Новикова)	279
2. Каталог археологических памятников бассейна Белого озера и Верхней Шексны (Н. Макаров, С. Захаров)	310
5. Каталог археологических памятников бассейна Лозско-Азатского озера, Ворбозомского озера, Андозера и Верховьев р. Андоги (А. Кудряшов)	388
Литература	423
Архивные материалы	437
Список сокращений	439
<i>Summary</i>	
I. Medieval settlement in Beloozero region, Northern Russia	440
II. Biological and social adaptation of Medieval settlers in Northern Russia	462
Illustrations	468
Archaeological maps of the Beloe lake — Upper Sheksna river basin	479
Археологическая карта района Белого озера, Верхней Шексны, Лозско-Азатского озера и Андозера (л. 1–13)	481

Contents

Introduction (<i>N. Makarov</i>)	7
Part I. Medieval settlement in Beloozero region	17
1. Beloozero region and archaeological monuments in the area (<i>N. Makarov</i>)	19
2. Regional settlement pattern and its development in 900–1250 A. D. (<i>N. Makarov, S. Zakharov</i>)	70
3. Early medieval dwelling sites in the context of prehistoric settlement patterns (<i>N. Makarov</i>)	95
4. Plant remains from the Beloozero region: on the expansion of farming in the northern periphery of Medieval Russia (<i>N. Makarov, S. Zakharov, N. Kirjanova</i>)	112
5. Local settlement units in Beloozero region (<i>N. Makarov</i>)	124
6. Beloozero and Belozersk — the two towns on the Beloe lake (<i>S. Zakharov</i>)	168
7. The Ves' and the Slavs in Beloozero region (<i>N. Makarov</i>)	188
8. Early Medieval settlement and late medieval parish system: break or continuation? (<i>N. Makarov</i>)	199
9. Beloozero region: early medieval settlement patterns in the general context of settlement history in Medieval Russia (<i>N. Makarov</i>)	217
Part II. Biological and social adaptation of medieval settlers in Northern Russia (<i>A. Buzhilova</i>)	227
Tables	266
Appendices	277
1. Krokhinskie Peski burial site — early medieval cemetery of Beloozero town (<i>N. Makarov, G. Novikova</i>)	279
2. Catalogue of the sites of the Beloe lake and Upper Sheksna basin (<i>N. Makarov, S. Zakharov</i>)	310
3. Catalogue of the sites in the Lozsko-Azatskoe lake, Vorbozomskoe lake, Andozero lake and Upper Andoga river basins (<i>A. Kudriashov</i>)	388
Bibliography	423
Documentary sources	437
Abbreviations	439
<i>Summary</i>	
I. Medieval settlement in Beloozero region, Northern Russia	440
II. Biological and social adaptation of Medieval settlers in Northern Russia	462
Illustrations	468
Archaeological maps of the Beloe lake — Upper Sheksna river basin	479
Archaeological map of the Beloe lake, Upper Sheksna, Lozsko-Azatskoe lake and Andozero lake basins (pl. 1–13)	481

ВВЕДЕНИЕ

Анализ пространственного размещения и хронологического распределения средневековых археологических памятников, реконструкции систем расселения на региональном и локальном уровне, выявление динамики их развития и характера трансформаций приобретают сегодня все большее значение для исследования исторических процессов, происходивших на Русской равнине во второй половине I — первой половине II тыс. н. э. Это явление созвучно общему направлению в развитии европейской археологии, в которой вопросы расселения, взаимосвязи расселения и природной среды и общей динамики развития древних обществ вышли в 1970–1980-х гг. на первый план, потеснив традиционные историко-культурные исследования. В России перспективы, открывающиеся при изучении систем расселения были осознаны после широких археологических обследований ряда областей, начатых в 1970-е годы в связи с развитием региональных исследований и подготовкой сводов археологических памятников. Результатом этих разведок стало не только количественное увеличение материала — фиксация и каталогизация сотен ранее неизвестных средневековых памятников, но и некоторые качественные сдвиги в оценке и осмыслении всего массива этого материала.

Обнаружилось, во-первых, что достаточно однородная по своему географическому облику территория Центра и Севера Европейской России весьма неравномерно насыщена археологическими памятниками, причем эта неравномерность лишь отчасти обусловлена видимыми различиями физико-географических условий на разных широтах и ярко выражена на уровне отдельных районов. Второе, не менее важное наблюдение касается хронологического распределения памятников. Выясняется, что различные хронологические периоды весьма неравномерно представлены в археологических материалах, равные по своей протяженности исторические эпохи далеко не пропорциональны по количеству относящихся к ним археологических памятников, что может быть объяснено лишь как следствие чередования периодов высокой и низкой заселенности в древности и средневековье. В-третьих, отчетливо выявилось, что исторический процесс на Русской равнине характеризуется периодическими сдвигами в организации расселения, которые в некоторых случаях обнаруживают связь с культурными трансформациями и сменами археологических культур, а в некоторых случаях происходят независимо от них. Эти сдвиги не менее значимы в общем контексте

исторического развития, чем культурные изменения.

Цель настоящей работы — реконструкция сети сельского расселения X–XIII вв. в одной из ключевых исторических областей Древней Руси — на Белоозере — и исследование ее как региональной системы, анализ некоторых закономерностей в ее организации, становлении и развитии, выявление ее специфических особенностей и общих черт, свойственных древнерусскому расселению на Северо-Западе и Северо-Востоке. Работа базируется на материалах археологической карты района Белого озера, составление которой велось с 1992 г. Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в сотрудничестве с археологами из Череповецкого краеведческого музея и Научно-Производственного Центра «Древности Севера» (Вологда). Выбор для изучения территории Белоозера и подход к составлению карты в значительной степени определяются общим видением ситуации, сложившейся в изучении древнерусского расселения.

Не имея возможности дать подробный историографический очерк изучения археологии средневекового расселения на территории Центра и Севера Европейской России, останавлиюсь на некоторых моментах, которые представляются мне наиболее важными. У истоков этого направления в отечественной археологии стоят два региональных исследования, изданные в 1960-е гг., одно из которых посвящено центральному району Смоленской земли (Седов В. В., 1960), а другое — Полоцкой земле (Алексеев Л. В., 1966). В основу этих работ положены различные методические принципы реконструкции средневекового расселения: у В. В. Седо-

ва — сплошное выявление сельских поселений, трудоемкий метод, позволяющий подробно восстановить сеть поселений как на региональном, так и на локальном уровне, у Л. В. Алексеева — картирование уже известных курганных групп, позволяющее оценить общую картину размещения населения на больших пространствах, но без хронологической детализации. Оба исследования, как и большинство последующих работ по археологии средневекового расселения, во многом опирались на традиции и методы отечественной исторической географии, в которой проблемы локализации средневековых сельских поселений, заселенности различных древнерусских территорий в ее динамике, территориально-административного устройства различных областей, характера погостов и волостей как локальных расселенческих и административных структур, были в центре внимания со второй половины XIX в. (Неволин К. А., 1853; Готье Ю. В., 1906; Богословский М. М., 1909; Андрияшев А. М., 1914; Любавский М. К., 1929; Насонов А. Н., 1951; Копанев А. И., 1951; Витов М. В., 1962; Витов М. В., Власова И. В., 1974). Необходимость археологического изучения сельских поселений и сельского расселения в целом четко обозначилась в 1970-х гг. на фоне бурного развития городской археологии, прежде всего, как проблема той исторической среды, в которой возникли и развивались города (Куза А. В., 1978). Но в 1970–1990-х гг. изучение средневекового расселения развивалось по нескольким направлениям, серьезно отклоняясь от заданной исторической оппозиции «город» — «деревня». Одним из ведущих «жанров» стали микрорегиональные исследования, основанные на доскональном археологическом

или комплексном исследовании компактных территорий (их размеры сильно варьируют, но не выходят за пределы двух–трех средневековых волостей) со сплошной фиксацией памятников различных хронологических пластов и сопоставлением картины расселения на различных временных срезах (Чернов С. З., 1989; Чернов С. З., 1991; Буров В. А., 1989; Буров В. А., 1995; Исланова И. В., 1997; Кузьмин С. А., 1991, Фролов А. А., 1996). Микрорегиональные исследования дали возможность для достаточно подробной реконструкции облика отдельных поселений и организации расселения на локальном уровне и позволили выявить основные тенденции и закономерности в развитии расселения во второй половине I — начале II тыс. н. э. — изменения в плотности населения, в топографии, ландшафтной приуроченности, размерах и группировке поселений. Вторым направлением стало исследование сети расселения на более значительных территориях с преимущественным вниманием к отдельным хронологическим срезам (Носов Е. Н., 1984; Носов Е. Н., 1991; Конечный В. Я., 1992; Лапшин В. А., 1985) или к более широким временным периодам (Платонова Н. И., 1988; Исланова И. В., 1990; Харлашов Б. Н., 1986; Узянов А. А., 1993; Харлашов Б. Н., 1995; Леонтьев А. Е., 1984; Леонтьев А. Е., 1996). Эти работы вслед за исследованиями В. В. Седова и Л. В. Алексеева до некоторой степени раскрыли характер региональных структур расселения, дали представление о заселенности тех или иных древнерусских областей в средневековье и выявили упоминавшиеся выше контрасты в размещении поселений. Они позволили с большей или меньшей степенью подробности реконструировать сеть расселения

в ближайшей окрестности таких крупнейших городских центров Древней Руси как Новгород, Псков, Суздаль, Ростов, Переяславль-Залесский. Высоко оценивая эти работы, необходимо отметить общий для многих из них недостаток — неясность и неполноту источниковой базы, обусловленные сложностью сплошного выявления и точной квалифицированной фиксации средневековых селищ на больших территориях при обычном для археологии дефиците времени и средств. Третьим направлением стали палеоэкологические исследования, проводимые археологами совместно с географами, палеоботаниками, почвоведом, палеозоологами и нацеленные на конкретные реконструкции средневековой природной среды, ландшафтов и систем хозяйства (Кренке Н. А., 1987; Кренке Н. А., Кирьянова Н. А., Александровский А. А., 1997; Узянов А. А., Сычева С. А., 1987; Бызова Е. Г., Кренке Н. А., Спиридонова Е. А., Чернов С. З., 1993; Фоломеев Б. А., Александровский А. А., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А., 1990). Хотя в России, в отличие от западноевропейских стран, палеоэкологические подходы к изучению средневекового расселения не получили широкого распространения, а данные о природном окружении средневековых поселений и проблема формирования культурного ландшафта, по справедливому замечанию Н. А. Кренке и С. З. Чернова, осталась на периферии поля зрения медиевистов, реализация нескольких палеоэкологических проектов, связанных с изучением археологических памятников микрорегиона Дьяково — Коломенское, Радонежа, Куликова поля имела исключительно важные результаты. Эти работы впервые мобилизовали данные палинологии, почвоведения и ландшафтове-

ления для реконструкции средневековых ландшафтов, оценки масштабов антропогенного воздействия на природную среду и характера и особенностей аграрного развития в те или иные исторические периоды. Разумеется, выделение различных направлений в исследовании средневекового расселения и культурного ландшафта отчасти условно, поскольку многие работы по археологии расселения сочетают анализ ситуации на разных географических уровнях, в той или иной степени используя методы естественных наук. Особой составной частью систематизации материалов по археологии древнего и средневекового расселения стала работа над Археологической картой России, продолжившая начатое в 1960-е гг. и оставшееся незавершенным составление свода памятников истории и культуры, в том числе археологии. 10 изданных к настоящему времени выпусков АКР, содержащие материалы по отдельным административным областям Центральной России, дают важный документальный материал, характеризующий расселение на различных территориях в различные периоды. Однако составление АКР не предполагает сплошного выявления памятников археологии, а лишь фиксирует современное состояние обследованности тех или иных территорий с неизбежными контрастами в полноте и качестве проводившихся здесь полевых работ.

Таким образом, несмотря на повышенный интерес археологов к проблемам средневекового расселения, обозначившийся с 1970-х гг., представление о том, что организация сельского расселения в Древней Руси хорошо изучена на уровне отдельных регионов, иллюзорно. Сплошное выявление древнерусских селищ пред-

принималось в основном в границах сравнительно небольших районов (рис. 1), приемы фиксации средневековых поселений зачастую далеки от современных стандартов, публикации не дают представления об особенностях топографии и группировки памятников. Исследуя средневековое расселение, археологи нередко ограничиваются анализом ситуации на сравнительно узких хронологических срезах, оставляя без внимания памятники смежных хронологических периодов и общую динамику заселения территории. Перед исследователями по-прежнему стоит задача сплошного выявления памятников X–XIII вв. в границах более крупных регионов и реконструкции областных систем расселения в их статике и динамике.

Актуальность этой задачи вполне очевидна и в общем контексте изучения сельских территорий и средневекового расселения в Европе, в особенности на Северо-Западе Европейского континента, где это направление археологии развивается особенно интенсивно. Хотя методы и результаты западноевропейских исследований по археологии сельского расселения долгое время оставались малоизвестными в СССР, современный рост интереса к проблемам средневекового расселения на Востоке Европы так или иначе связан с общими тенденциями в европейской археологической науке. Вряд ли можно считать простой случайностью, что полевые работы В. В. Седова на смоленских селищах начались спустя всего несколько лет после того, как его западноевропейские коллеги впервые обратились к систематическим раскопкам и разведкам средневековых сельских поселений в Англии и Дании. В 1950 г. Дж. Херст приступил к исследованию заброшенной деревни Варрам Перси в Йоркшире (Beres-

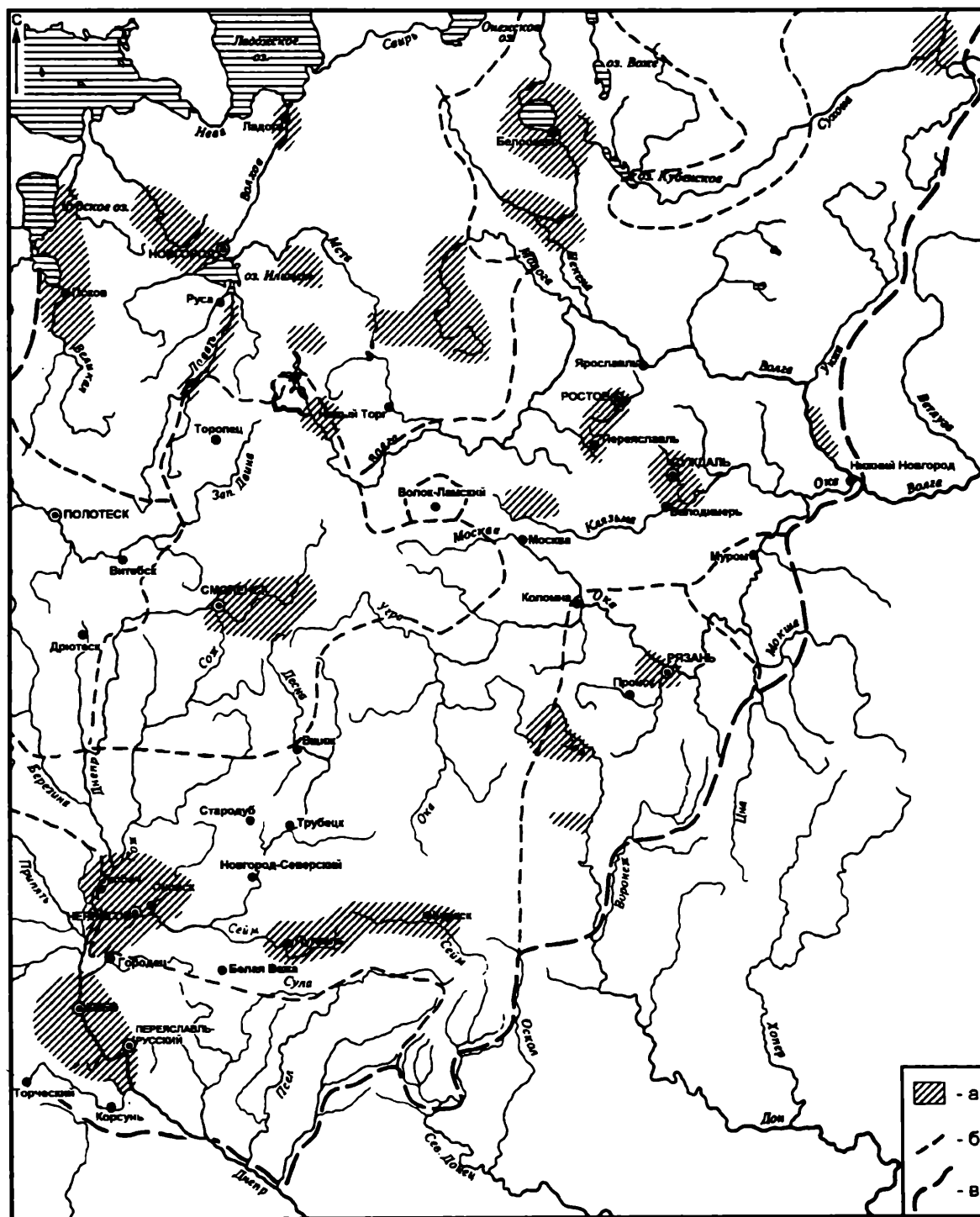

Рис. 1. Археологическое изучение сельских поселений на территории Древней Руси: современная ситуация.

а — районы сплошной фиксации селищ X–XIII вв.;
б — границы древнерусских княжеств; в — границы Древней Руси

ford M. V., Hurst J., 1990), а А. Стенсберг начал обследования и раскопки системы полей и средневековых построек небольшой деревни Боруп в Зеландии (A. Steensberg, 1968; A. Steensberg, 1983). Оба эти поселения, полевые работы на которых затянулись на несколько десятилетий, впоследствии приобрели широкую известность как эталонные сельские памятники, раскопки которых дали мощный импульс для изучения других сельских территорий на Северо-Западе Европы. 1960-е и в особенности 1970–80-е годы стали временем бурного роста полевых работ, связанных с выявлением сельских поселений и нарастающего размаха их раскопок. Первоначально с наибольшей активностью они велись в Англии, Дании и Чехословакии, но постепенно распространились на большую часть территории северной и средней Европы, а частично и в Средиземноморье. Отдельными звеньями этих исследований стали выявление заброшенных средневековых деревень и ферм в Англии (Beresford M., Hurst J., 1971; Hook D., 1985; Fox H., 1992; Aston M., Lewis C., 1994; Aston M., 1997; Maekawa K., 1997), подробное изучение локальных групп поселений в Чехии (Сметанка З., 1985) и Словакии (Ruttkay, 1997), широкомасштабные раскопки «блуждающих деревень» — поселений с остатками длинных домов столбовой конструкции, периодически менявших свое местоположение, в Дании (Hvass S., 1979; Hvass S., 1993; Becker C. J., 1980), картирование средневековых ферм путем обследования местонахождений монет и укреплений эпохи викингов на о. Готланд (Ostergren M., 1989), комплексные исследования средневекового ландшафта в Сконе (Berglund B. E., 1991), комплексные исследования «шиллинг» — летних де-

ревень» — в Вэрмланде и на Фарерских островах (Svensson E., 1998; Svensson E., 1998a; Mahler D., 1998), выявление и раскопки сезонных летних поселений в высокогорных альпийских районах Швейцарии (Meyer W., Auf der Maur F., Bellwald W., 1998). Фактически именно в 1970–80-е гг. произошло подлинное археологическое открытие средневековой западноевропейской деревни и сельского культурного ландшафта. Накопленные материалы немедленно стали основой для серьезных историко-культурных, историко-географических и историко-социологических реконструкций. В центре обсуждения оказались прежде всего проблема возникновения деревень как особого типа поселений, проблема преемственности и разрывов в истории сельских поселений и развитии локальных территорий, вопросы скученного (в форме деревни) и рассеянного (хуторского) расселения как двух альтернативных форм социальной и пространственной организации, проблема общей динамики развития сельских территорий и региональной специфики отдельных областей (Berglund B. E., 1991; Broberg A., 1992; Andersson H., 1993; Dyer C., 1997).

В отличие от России, где средневековое расселение в 1980–1990-е гг. изучалось в рамках локальных разработок, мало связанных между собой, без определения каких-либо общих целей и методов, в западноевропейской археологии в это время отчетливо наметилась тенденция к сравнительному изучению средневекового расселения в различных странах и областях, к поискам общих закономерностей в развитии культурного ландшафта и синтезу наблюдений, сделанных в рамках различных проектов. Реализации этих це-

лей способствовала организация секции «Сельские поселения в средневековой Европе» на конференции «Средневековая Европа» — крупнейшем международном форуме по средневековой археологии, состоявшемся в 1997 г. в Брюгге (*Rural Settlements...*, 1997), проведение трех специальных конференций по археологии сельских поселений — «*Ruralia*», наконец, создание специального международного комитета «*Ruralia*», координирующего исследования по археологии средневековой деревни в разных странах. Большинство исследователей согласно в том, что при всем разнообразии природно-географических условий и исторических ситуаций в характере средневекового расселения и культурного ландшафта Европы присутствуют общие черты, а их развитие подчинено некоторым общим закономерностям. И все же главную перспективу в изучении средневековой деревни и расселения большинство археологов связывают с интенсивным подробным исследованием ситуации в отдельных районах, соответствующих административно-территориальным образованиям периода средневековья, с возможно более полной реконструкцией картины расселения и палеосреды и последующим синтезом результатов разных проектов. Это отмечает, в частности, Кристофер Дайер, один из ведущих британских медиевистов, изучающих проблемы сельского общества (Dyer C., 1997, p. 60).

Средневековое расселение в районе Белого озера представляет исключительный интерес для изучения по целому ряду обстоятельств. Прежде всего, Белоозеро — одно из древнейших территориально-административных образований на Севере Древней Руси, существовавшее,

согласно Повести временных лет, уже в середине IX в. Как показывают новейшие археологические исследования, средневековые памятники Белозерья представляют собой особую территориальную группу, крайнюю северо-восточную часть ареала древнерусской археологической культуры X–XIII вв., окруженную с севера и востока слабозаселенными территориями, колонизация которых древнерусским населением началась не ранее рубежа X–XI вв. и первоначально не сопровождалась формированием крупных массивов поселений (Макаров Н. А., 1997). На территории Белозерья, в отличие от многих других областей Севера, средневековые селища относительно легко поддаются выявлению и содержат обильный вещевой и керамический материал, который может служить надежной основой для их датировки. летописное сообщение о Белоозере как о племенной территории веси и присутствие в регионе значительного количества древностей финского облика закономерно ставят вопрос о преемственности между древнерусским и более ранним веским расселением. Наконец, обилие поземельных документов XV–XVII вв., относящихся к территории Белозерья, и наличие фундаментального исследования А. И. Копанева о землевладении и расселении в Белозерском крае в XV–XVII вв. (Копанев А. И., 1951) открывают некоторую перспективу для сопоставления систем расселения домонгольского и московского периодов в ситуации, когда памятники XV–XVII археологически почти не изучены. Поскольку качество исследования по истории и археологии средневекового расселения во многом зависит от полноты и надежности источников, мы приложили максимум усилий для детального обследования центральной части

Белозерья и возможно более точной фиксации всех имеющихся здесь археологических памятников от мезолита до периода XII–XIII вв., почти полностью посвятив этому 6 полевых сезонов (1992–1997 гг.). Разумеется, это не гарантирует стопроцентной полноты выявления археологических объектов, и все же я полагаю, что общая картина древнего и средневекового расселения документирована на Белозерье намного полнее, чем в большинстве других древнерусских областей.

Настоящее исследование в значительной степени следует традиционным методам исторической географии, которые начиная с 1960-х гг. успешно используются в археологии. В основу его положено по возможности более точное картирование археологических объектов древности и средневековья, последующее составление серии археологических карт, отражающих ситуацию на различных хронологических срезах, и сопоставление этих карт с целью воссоздания процесса расселения в его динамике. Действенным приемом оказывается также сопоставление археологических карт с ландшафтными и историческими, характеризующими ситуацию более позднего периода. Эти же простые, но трудоемкие методы широко используются западноевропейскими археологами, исследующими средневековое расселение. Работа построена как серия очерков, сфокусированных на различных аспектах средневекового расселения и различных группах источников, данные которых могут сопоставляться с материалами археологической карты. Поставив перед собой задачу реконструкции сети древнего и средневекового расселения на значительной (около 9000 кв. км) территории и оценку общих изменений в заселенности на протяжении

продолжительных хронологических периодов, мы были вынуждены отказаться от исследования палеоэкологических проблем и реконструкции средневекового культурного ландшафта методами естественных наук. Финансирование наших работ было недостаточным для проведения широких палеоботанических, палеопочвенных и ландшафтных исследований. За пределами нашей работы осталось и сельское расселение XIV–XVII вв. Эта тема отчасти разработана А. И. Копаневым (Копанев А. И., 1951), но, разумеется, не исчерпана. Дальнейшее изучение ее предполагает выявление и фиксацию огромной массы позднесредневековых селищ в районе Белого озера, то есть особую программу полевых работ, реализация которой — дело будущего.

Информация о древних и средневековых поселениях на Русской равнине, полученная путем разведочных обследований, почти всегда лаконична. В большинстве случаев она ограничивается данными о топографии памятников, об их размерах, группировке, мощности и хронологии культурных напластований. Повторные обследования поселений, сопровождающиеся тщательным сбором подъемного материала и шурфовкой, обычно пополняют коллекции вещевого материала, позволяя уточнить хронологию памятника и получить дополнительные данные о его функциональных особенностях, но мало что добавляют к характеристике его внутренней структуры. Последующее исследование строится как анализ некоторых формальных признаков и характеристик (площади поселений, высоты террас, наклон площадок, расстояния между поселениями внутри отдельных гнезд, связи между поселениями и могильниками,

соотношение различных хронологических пластов памятников) и имеет своим итогом достаточно схематичные реконструкции, замещающие реальную историческую действительность с живыми картинами средневековых поселений. Не располагая материалами раскопок на поселениях, мы не в состоянии предметно рассматривать их хозяйство и бытовой уклад, социальную стратификацию и профессиональные занятия населения, конкретные обстоятельства и реальное течение процессов, которые мы именуем «подъемами», «кризисами» и «периодами стабильного развития». Путь к изучению этих явлений лежит через раскопки. Но реконструкции, базирующиеся на материалах разведок, при всем своем схематизме, имеют и очевидное достоинство — они позволяют восстановить некоторые общие явления и процессы, неизменно ускользающие от нашего зрения при длительной концентрации внимания на отдельных памятниках.

Изучение средневекового расселения теснейшим образом связано с исследованием экологии средневековых популяций и проблем биологической адаптации населения. Поэтому одной из составных частей настоящей книги стало исследование антропологических материалов из средневековых могильников Белозерья и Прионежья. Современные методы биологических исследований позволяют получить принципиально новые данные о состоянии здоровья, биологических стрессах и образе жизни древнего и средневекового населения. Одной из первых средневековых остеологических серий, к которым были применены эти методы, стали материалы белозерских и поонежских памятников. К сожалению, в 1997 г.,

когда археологические материалы северных некрополей готовились к публикации, антропологический проект был еще далек от завершения и разные группы материалов, собранных на одних и тех же памятниках, представлены теперь в разных изданиях. Однако, как мне кажется, соединение в рамках одной книги археологических «поселенческих» материалов и антропологических данных органично подчинено общей идее изучения средневекового расселения как процесса, определявшегося как историческими, так и естественными факторами. Сведения о биологическом состоянии средневековых насельников Белозерья и смежных областей исключительно важны для общей оценки исторической ситуации на севере Древней Руси.

Систематическое обследование территории Белозерья в 1992–1997 гг. и составление археологической карты этого района стали возможными благодаря финансовой и организационной поддержке Комитета по экологии и природным ресурсам Вологодской области и Кирилло-Белозерского музея-заповедника и личному вниманию их руководителей — Ю. М. Базанова и Г. О. Ивановой к проблемам сохранения археологического наследия. В полевых работах Онежско-Сухонской экспедиции, связанных с составлением карты, и обработке материалов, помимо авторов, принимали деятельное участие археологи из Москвы и Вологды А. В. Суворов, И. В. Папин, И. А. Сумина, И. И. Минаев, А. А. Фролов. Полевые работы в районе Андозера и Лозско-Азатской водной системы были проведены археологической экспедицией Череповецкого музейного объединения под руководством А. В. Кудряшова как самостоятельный

экспедиционный проект. Каталог памятников этого района публикуется в настоящем издании в качестве отдельного приложения. Учет этих данных крайне необходим для реконструкции общей картины расселения в Белозерском крае на современном этапе исследования, однако подробный анализ богатого вещевого материала — задача специальной работы, ко-

торая ведется сейчас автором раскопок. Основная часть иллюстративных материалов подготовлена С. Д. Захаровым при участии А. П. Бужиловой и Н. А. Макарова. Карта выполнена М. В. Сагатовской, чертежи — Н. С. Сафроновой. Основные исследовательские работы выполнены в рамках проектов РФФИ №№ 99-06-88-028, 96-06-80287.

Часть I

**Средневековое расселение
на Белом озере**

1. ТЕРРИТОРИЯ И ПАМЯТНИКИ

Географическое название «Белоозеро» уже на первых страницах летописи выступает как имя особой области и особого территориально-административного образования. Локализация этой области в районе Белого озера, дающего начало р. Шексне, левому притоку Волги, и тесная связь ее с одноименным городом, находившимся у истока Шексны, а позднее перенесенным на южный берег озера, на место современного г. Белозерска, не вызвала принципиальных сомнений у историков. Вместе с тем летописные известия о Белоозере, относящиеся к IX — первой трети XIII в., не дают ориентиров для выяснения административного статуса этой области в древнейший период и определения ее размеров и границ. Белозерское княжество выделилось из состава Ростовского в 1238 г. (ПСРА, т. X, с. 113), но летописное упоминание о княжении на Белоозере Синеуса, брата Рюрика, указывает, вероятно, на особое положение Белоозера, изначально выступавшего как некое консолидированное территориальное образование, обладавшее определенной автономией. Что касается границ Белоозера в домонгольский период, то они могут быть восстановлены лишь ретроспективно. Можно предположить, что они в какой-то мере соответствуют границам Белозерского княжества XIV в., ре-

конструированным В. А. Кучкиным по актовым материалам XIV–XVI вв. (Кучкин В. А., 1984, с. 304–314).

Согласно В. А. Кучкину, территория Белозерского княжества охватывала в XIV в. бассейн Белого озера, речную систему Шексны от верховьев до устья ее левого притока р. Воли, большую часть речной системы правого притока р. Суды и ее левого притока р. Согожи, район озера Воже и озера Лача (рис. 2). Источники не позволяют точно размежевать земли Белозерского княжества, других княжеств Северо-Восточной Руси и Новгорода на ряде участков, в особенности в районе озера Лача и на водоразделе систем Онежского озера и Белого озера, однако в целом восстановленные В. А. Кучкиным границы Белозерского княжества представляются достоверными. Контуры Белозерского уезда, образованного московской администрацией на этой территории в конце XV в. после ликвидации Белозерского удельного княжества, имели близкие очертания (рис. 2). В 1541 г. из Белозерского уезда был выделен Пошехонский уезд, в состав которого вошло нижнее течение Шексны и земли по рекам Согоже, Ухтоме и Ухре (Копанев А. И., 1951, с. 7–8). Основная часть бассейна озера Лача по крайней мере с 1550-х гг. находилась в составе Каргопольского уезда, о чем

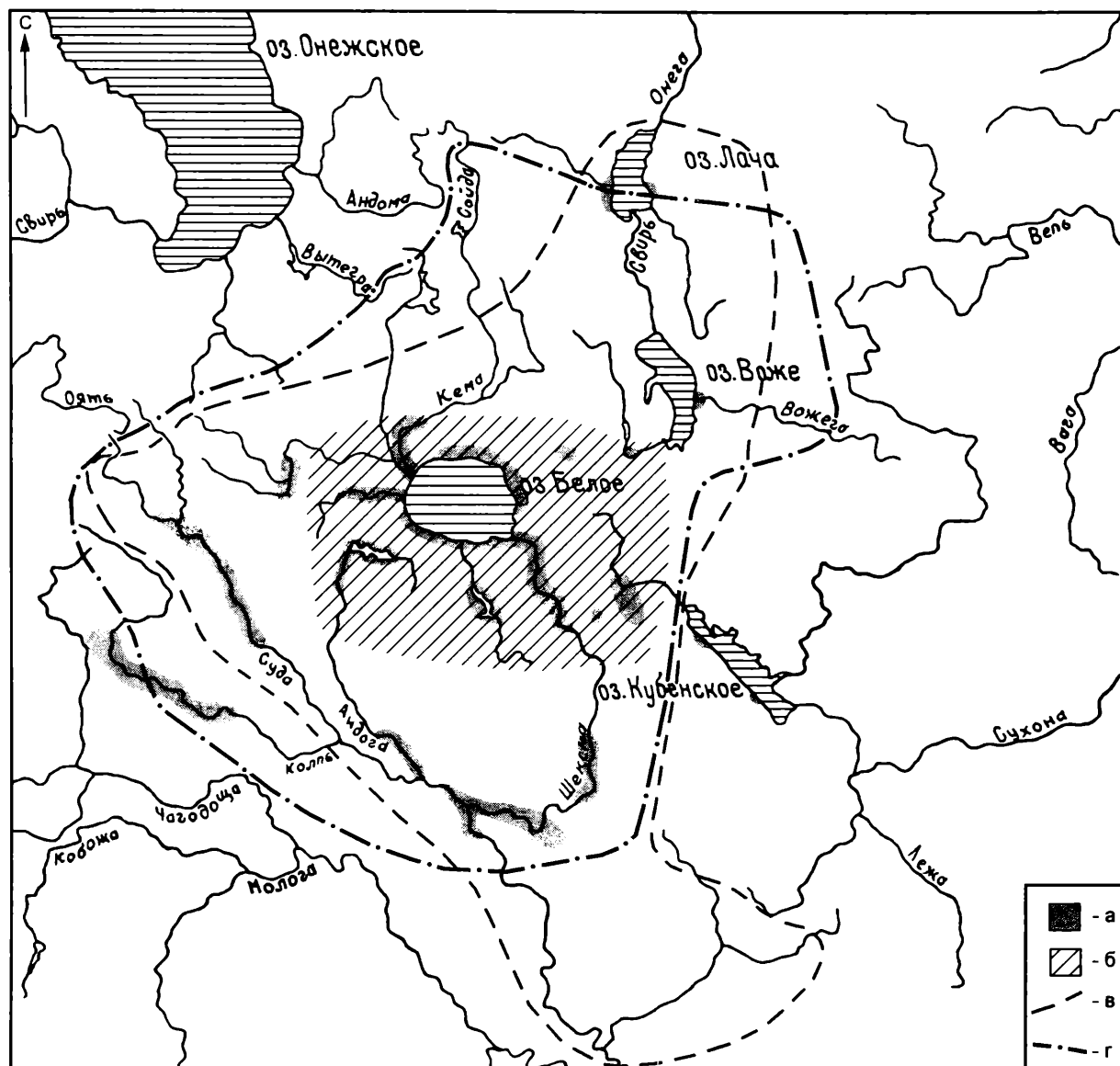

Рис. 2. Район археологических разведок Онежско-Сухонской экспедиции ИА РАН и экспедиции Череповецкого музейного объединения на Белом озере и Верхней Шексне.

а — места концентрации археологических памятников X–XIII вв. в районе Белого озера и Верхней Шексны; б — район археологических разведок; в — границы Белозерского уезда в XVII в.; г — границы Белозерского княжества XIV в. по В. А. Кучкину

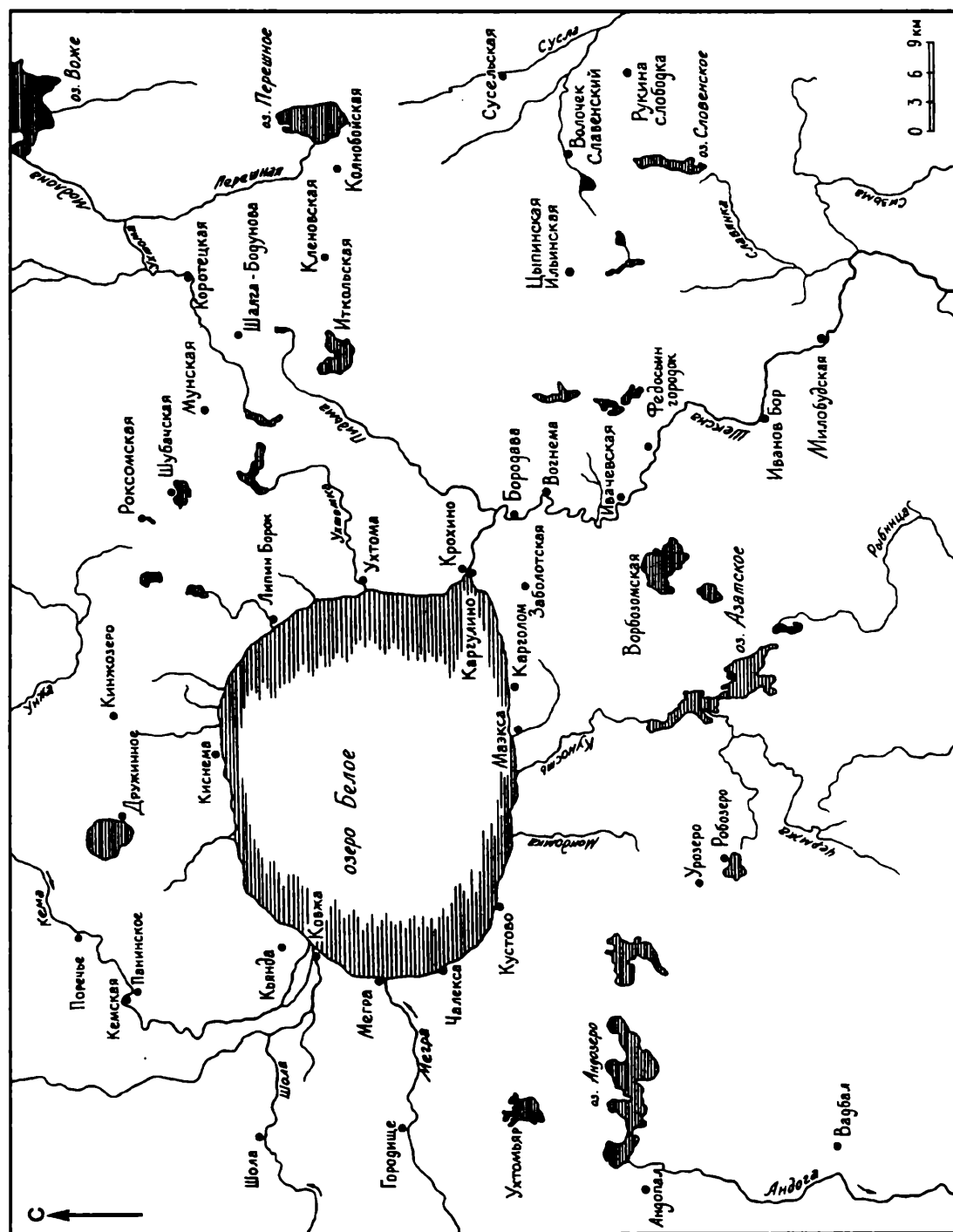

Рис. 3. Центральная часть Белозерского уезда в первой трети XVII в.

На карте представлены центры волостей и села, перечисленные в писцовой книге Белозерского уезда 1627 г. (РГАДА, ф. 1209, № 592)

свидетельствуют материалы Платежной книги Каргопольского уезда 1555–1556 гг. (Платежная книга..., 1972), волости в бассейне оз. Воже в 1580-х гг. входили в состав Чарондской округи, входившей в Вологодский уезд (Писцовая книга..., 1984, с. 173). Детальная реконструкция границ и административного устройства Белозерского уезда в XVI в. затруднена из-за отсутствия полных писцовых описаний. Белозерская Уставная грамота 1488 г. и писцовая книга езовых дворцовых волостей 1585 г. отмечают наличие на этой территории 3-х станов — Надпорожского, Судского и Городского (Городецкого) (последний получил свое название по имени волости Федосьин Городок; ААЭ, 1836; Писцовая книга..., 1984). Писцовая книга 1626–27 гг. фиксирует деление Белозерского уезда на 3 стана — Заозерский, Судский и Надпорожский (РГАДА, фонд 1209, № 592). Чарондская округа являлась в этот период самостоятельным административным образованием.

Предметом нашего исследования являются территории вокруг Белого озера и в верхнем течении р. Шексны, составлявшие центральную и северо-восточную часть Белозерского княжества XIV в. Протяженность этого района с запада на восток — около 120 км, с севера на юг — 90 км, общая площадь, за вычетом площади Белого озера, — около 9000 кв. км. На этой территории находился город Белоозеро — один из древнейших городских центров Северо-Восточной Руси, в XIV в. уступивший место областного центра «Новому Городку Белозерскому», выросшему на южном берегу озера. Здесь

локализуются 4 из 8 белозерских волостей, имена которых упомянуты в духовной грамоте Дмитрия Ивановича 1389 г.: Городок, Милолюбский ез, Слободка и Волочек (ДДГ, № 12, с. 34), и волости, ставшие центрами уделов при дроблении Белозерского княжества: Кема, Карголом, Вадбал и Андопал. В пределах этого же района, на левобережье Шексны, в конце XIV в. были основаны монастыри, ставшие крупнейшими церковными центрами и очагами общерусской духовной жизни — Кирилло-Белозерский и Ферапонтов. Согласно административному делению 1626–27 гг., эта территория соответствует 44 волостям и селам (рис. 3). 11 из них входили в состав Заозерского стана (волости Киснема, Липин Борок, Шубачская, Слобода-Село — Панинское, Кемская, Шола, Ухтомьяр, Поречье и Дружинное, Кьянда, Кинжозеро), 23 — в состав Надпорожского стана (волости и села Волочек Словенский, Рукина Слободка, Цыпинская Ильинская, Крохино, Каргулино, Бородава, Милобудская, Кленово, Сусельская, Заболоцкая, Ухтома, Иткольская, Вогнемская, Ивачевская, Федосьин Городок, Азацкая, Ворбозомская, Иванов Бор, Карголом, Чалекса, Мегра, Городище, Кустово, Маекса), 4 — в состав Судского стана (Андопал, Вадбал, Урозеро, Робозеро), 5 волостей находились в составе Чарондской округи (Коротецкая (Коротская), Мунская, Шалга-Бодунова, Роксомская, Колнобойская). Хотя древнее территориальное ядро летописной области Белоозеро практически не выражено в позднейшем административном делении, несомненно, что оно располагалось именно на этой территории¹.

¹ Стоит отметить, что несмотря на обилие документов XV–XVI вв., относящихся к территории Белозерья, и наличие фундаментального труда А. И. Копанева по истории землевладения в Бело-

Природные условия

Белое озеро — огромный водоем, принадлежащий к числу 10–12 самых крупных озер Европы. Границы его водосбора на северо-востоке и северо-западе совпадают с главными водоразделами Восточной Европы — Беломоро-Каспийским и Балтийско-Каспийским. Таким образом, водосбор Белого озера составляет начальное звено одного из крупнейших ответвлений волжской гидрографической системы (Гусаков Б. А., Дружинин Г. В., 1983, с. 5).

В физико-географическом отношении рассматриваемая территория представляет собой равнину, в одних местах всхолмленную, в других — волнистую или плоскую, центральное место в которой занимает Белозерская низина с Белым озером посередине. С юга эта низина обрамлена цепью возвышенностей Белозерской гряды, поднимающихся над окружающей низиной на 50–70 м, с севера — возвышенностями Кирилловской гряды (Рихтер Г. Д., 1946, с. 149–152). В ландшафтном отношении территория неоднородна: северная и центральная ее части относятся к подзоне средней тайги и подразделяются на Вашкинский и Белозерский ландшафтные районы, южная составляет Белозерско-Кирилловский ландшафт подзоны южной тайги. Вашкинский и Белозерско-Кирилловский ландшафты характеризуются холмисто-грядовым моренным рельефом с преоб-

ладающими урочищами моренных и каменных холмов, гряд и понижений между ними. Для этих урочищ характерны еловые и мелколиственные зеленомошные леса на подзолистых и дерново-подзолистых, суглинистых и местами песчаных почвах. Комплексы урочищ плоской и волнистой моренных равнин с ельниками и мелколиственными заболоченными лесами представлены на незначительных участках на севере Вашкинского ландшафта и на восточной периферии Белозерско-Кирилловского. Белозерский озерный ландшафт с характерной для него слабой расчлененностью рельефа резко отличается по своему облику от моренно-холмистых ландшафтов. На территории его преобладают комплексы урочищ плоских и волнистых равнин избыточного увлажнения с елово-сосновыми и мелколиственными с примесью сосны лесами на дерново-подзолистых и подзолистых суглинистых и супесчаных почвах (Атлас Вологодской области..., 1965, с. 22; Казакова О. Н., Павлова Н. Н., Дашкевич З. В., 1970).

Основная часть рассматриваемой территории относится к бассейну Волги, однако реки на северной и восточной ее периферии принадлежат Онежской (р. Модлона) и Северодвинской (р. Порозовица) речным системам. Основу гидрологической сети составляет Белое озеро (площадь водного зеркала 1130 кв. км) с вытекающей из него р. Шексной. Озе-

зерском крае, общее территориально-административное устройство этой области в XV–XVI вв. восстанавливается с известным трудом. География монастырских вотчин отражена в источниках несравненно полнее, чем волостное деление XV–XVI вв., принадлежность многих населенных пунктов, находившихся во владении Кирилло-Белозерского монастыря, к той или иной волости остается неясной. Создается впечатление, что многочисленные земельные владения Кириллова монастыря на Белом озере, Шексне и в междуречье Шексны и Кубенского озера, сформировавшиеся в первой половине XV в., отчасти деформировали волостную структуру.

ро имеет почти идеальную круглую форму и простые очертания береговой линии. Длина и ширина его примерно равны и составляют около 40 км. Дно Белого озера ровное и плоское, глубина его не превышает 4–5 м. В озеро впадают около 60 рек и речек (Гусаков Б. А., Дружинин Г. В., 1983, с. 5–8). Бассейн Белого озера отличается повышенной озерностью, суммарная площадь водного зеркала озер составляет более 10% его территории. Предпосылкой образования многочисленных озер является, прежде всего, обилие межхолмных и межрядных понижений в районах с холмисто-рядовым моренным рельефом. Большинство озер имеет относительно небольшие размеры, к числу крупных принадлежит лишь Андозеро (44 кв. км) и Азатское (19 кв. км) (Озерные ресурсы..., 1981). На большей части территории естественный сток изменен и зарегулирован в результате создания Северо-Двинской и Волго-Балтийской водных систем. Строительство Северо-Двинской системы имело своим следствием подъем уровня воды в целом ряде озер на левобережье Шексны и водоразделе Шексны и Кубенского озера, превращение в водохранилища Бородавского и Ферапонтовского озер и расчистку и изменение русел связывавших их рек и ручьев. Гораздо большие изменения произошли в результате сооружения Волго-Балта в 1964 г. Уровень воды в Шексне и Белом озере поднялся на 1,5–2 м, увеличился объем водной массы и площадь зеркала озера, началось значительное разрушение берегов и перемещение наносов. Большая часть пойменных земель по Шексне оказалась затоплена.

Для современного лесного покрова Белозерско-Кирилловского ландшафта характерны нарушенные ельники, мелколи-

ственные и смешанные насаждения. Спорно-пыльцевые исследования показывают, что высокая облесенность территории при длительном господстве ели сохранялась здесь в течение всего голоцена, несмотря на регулярные нарушения лесов в историческое время (Афанасьева Н. Б., 1996). Ландшафты Белозерья характеризуются в настоящее время как среднеосвоенные. Несмотря на создание Волго-Балтийской водной системы и другие антропогенные изменения, в целом природная среда здесь нарушена значительно слабее, чем на многих других исторических территориях Центра и Севера Европейской России, где средневековые города в новейшее время послужили основой для формирования крупных городских центров. В районе Белого озера в последнее десятилетие прослеживается тенденция снижения антропогенного пресса: уменьшается распашка, сокращается площадь полей и лугов, в ряде мест восстанавливаются хвойные древостой (Афанасьева Н. Б., 1996).

Обследованность территории, типы и количество археологических памятников

Археологическое обследование Белозерья продолжается почти полтора столетия. Началом его следует считать предпринятую в 1860 г. по заданию Императорской археологической комиссии поездку на Белое озеро коллежского секретаря Я. М. Лазаревского и титулярного советника Ю. Б. Иверсена. Объехав Белое озеро, Я. М. Лазаревский составил подробное описание нескольких объектов, связанных в местных преданиях с событиями далекого прошлого, в том числе и урочища Старый город на правом

берегу Шексны. Прорезав траншеями две земляные насыпи на территории Старого города, Ю. Б. Иверсен обнаружил в них погребения, а в основании — культурный слой с камнями от печей и кухонными остатками. Выяснилось, что предания о Старом городе имеют под собой историческую почву и дают ориентиры для дальнейших полевых работ.

История поисков и полевого изучения археологических памятников различных хронологических периодов на Белозерье достаточно подробно изложена в целом ряде публикаций (Голубева Л. А., 1973; Ошибкина С. В., 1978; Макаров Н. А., 1990; Спирина Д. В., 1996), поэтому в настоящей работе целесообразно обозначить лишь некоторые общие тенденции в развитии этих изысканий, постепенные изменения подходов к выявлению и фиксации памятников. Полевые исследования в районе Белого озера, как и в большинстве районов России, начались с обследования и пробных раскопок на тех участках, которые рассматривались в местной традиции в качестве древних поселений или погребальных памятников. Именно этим принципом руководствовались в ходе своих разведок Я. М. Лазаревский и Ю. Б. Иверсен, а позднее, в 1920–1930-х гг., археологи М. Е. Арсакова, В. И. Равдоникас, Г. П. Гроздилов, П. А. Сухов, краеведы А. А. Алексеева и В. В. Гарновский. Несмотря на выборочный характер подобных обследований и неточную в ряде случаев атрибуцию археологических объектов, именно эти работы заложили основу современной источниковой базы по археологии Белозерья. В результате их были получены первые данные о таких исключительно важных для археологии региона объектах как поселение Крутик, Кемские курганы у д. Болтинская (Ни-

кольское III), поселение Федосьин Городок, могильник Нефедьево, стоянка Волоба. Разведки 1940–1960-х гг., в особенности работы А. А. Алексеевой, В. В. Гарновского, М. В. Фехнер, Н. В. Тухтиной, А. В. Никитина в какой-то мере продолжили эту линию полевых изысканий, однако с течением времени принципы организации разведок стали меняться. Главным их направлением стали более систематические поиски памятников какого-либо одного хронологического периода, необходимых для решения определенных научных проблем. Выбор разведочных маршрутов и территорий для обследования производился в этих случаях исходя из формирующихся представлений о характерных типах урочищ, ландшафтах и формах рельефа, привлекавших древних насельников в те или иные периоды. Начало подобных разведок на Белозерье было положено в 1917–1919 гг. работами гидрографа К. В. Маркова на р. Модлоне и оз. Воже, послужившими основой для предпринятых здесь спустя два десятилетия обследований А. Я. Брюсова и последующих разведок И. К. Цветковой, Р. В. Козыревой и С. В. Ошибкиной. Исследователи культур эпохи камня и раннего металла раньше чем медиевисты сделали наблюдения о приуроченности археологических памятников к определенным формам ландшафта и рельефа и в 1960–70-х гг. выполнили большой объем работы по фиксации стоянок эпохи первобытности по всей территории центра и востока Белозерья — от Андозера и Лозско-Азатского озера на юге до р. Модлоны и р. Еломы на северо-востоке. Разведки средневековых памятников, предпринимавшиеся М. В. Фехнер, Л. А. Голубевой, Н. В. Тухтиной, А. В. Никитиным, вплоть до конца 1970-х гг. ос-

тавались малорезультативными, поскольку исследователи не пытались выявить каких-либо закономерностей в топографическом положении памятников. Следуя общепринятой практике средневековой археологии послевоенных десятилетий, исследователи закладывали шурфы и траншеи в тех точках, где, судя по письменным источникам, могли располагаться древние поселения (Федосьин Городок, Никитский Остров) или где при случайных земляных работах были сделаны какие-либо примечательные находки. Итогом этих работ стало выявление нескольких средневековых могильников (Троицкое I (Киснема), Погостище, Крохинские Пески и позднесредневековых поселений (Федосьин Городок, Никитский Остров). Разведки выявили несколько средневековых могильников, но не дали материалов для локализации соответствующих им селищ. Широкое выявление средневековых поселений началось лишь в 1980-е годы с началом систематических маршрутных разведок Онежско-Сухонской экспедиции на Белом озере, Кеме и Шексне и развернувшихся несколько позднее работ археологического отряда Череповецкого музея на Андозере и Азатском озере. В каталоге средневековых памятников Белозерья, сопровождающем археологическую карту, составленную по итогам разведок 1980–1985 гг., содержатся сведения о 72 памятниках, в том числе 54 селищах (Макаров Н. А., 1988).

Возобновление разведок в 1990-х гг. сопровождалось изменением сложившихся стереотипов обследований, прежде всего, поворотом от изучения отдельных хронологических групп памятников к изучению территорий как целостных объектов с разновременными древностями.

Итоги разведок 1970–1980-х гг. показали, что раздельное выявление и фиксация памятников различных исторических периодов, во-первых, создает значительные технические трудности при составлении сводных каталогов и карт, во-вторых, затрудняет исследование общих закономерностей в развитии расселения и культурного ландшафта. Перенос центра внимания с отдельных памятников, культур и хронологических групп древностей на территории как на самостоятельные объекты исследования потребовал фиксации не только хорошо сохранившихся памятников, перспективных для стационарных раскопок, но и разрушенных объектов, важных для реконструкции сети расселения вне зависимости от их современного состояния. Наконец, осознание факта, что разведочные работы — не некая предварительная операция, предшествующая раскопкам, а полноценная исследовательская процедура, обозначило необходимость более тщательной фиксации памятников, включая данные об их местоположении, размерах, культурном слое, датирующем материале. Во время разведок, проводившихся в 1992–1998 гг., мы стремились возможно более строго следовать принципам полного обследования территории. Разведочные маршруты прошли по берегам всех сколько-нибудь крупных водоемов, с частичным выходом на водоразделы и обследованием участков вблизи исторических деревень, существование которых зафиксировано документами XV–XVI вв. Многие участки обследовались по несколько раз в разные годы для более полного сбора подъемного материала и более точного определения границ памятников. Разумеется, мы не можем гарантировать полного выявления всех памятников эпохи первобыт-

ности и средневековья, но по нашим оценкам, в районе Белого озера выявлено не менее 90% от всех сохранившихся объектов этого времени.

На рассматриваемой территории зафиксировано около 500 археологических памятников и местонахождений (Археологическая карта, л. 1–13). В каталог памятников (Приложение II и III) включены все археологические объекты от мезолита до средневековья, как сохранившиеся до наших дней, так и уничтоженные, но надежно документированные по результатам старых обследований. Около 320 археологических объектов, находящихся на Белом озере и впадающих в него реках, на Шексне и на территориях к северу и северо-востоку и востоку от Белого озера, были обследованы Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН. Памятники в районе Андозера, в верховьях р. Андоги и на Лозско-Азатской водной системе были обследованы Шекснинским археологическим отрядом Череповецкого краеведческого музея под руководством А. В. Кудряшова. Помимо памятников эпохи первобытности и раннего средневековья в каталог включен ряд объектов позднего средневековья и раннего нового времени — отдельные селища, культурный слой на территории Кирилло-Белозерского и Ферапонтова монастыря, культовые камни. В ходе разведок 1990-х гг. мы не ставили перед собой задачу выявления позднесредневековых памятников, но сочли целесообразным повторно обследовать объекты этого времени, выявленные и исследованные в 1940–80-х гг., а также зафиксировать ряд ранее неизвестных памятников XIV–XVII вв., представляющих особый интерес в контексте изучения позднесредневекового расселения и куль-

туры. Таким образом, если перечни памятников эпохи камня, бронзы, раннего металла и древнерусского времени должны более-менее адекватно отражать заселенность Белозерья в эти исторические периоды, то перечень позднесредневековых памятников представляет собой лишь небольшую и случайную выборку из всего пласта позднесредневековых древностей.

Около 90% всего массива памятников, включенных в каталог, составляют неукрепленные поселения: стоянки, селища и поселения с культурными напластованиями различных эпох, а также местонахождения кремневых орудий и керамики, которые в большинстве случаев могут быть интерпретированы как места временных или сильно разрушенных стационарных поселений. Среди других типов памятников городища и сходные с ними поселения на останцах (4 объекта), участки культурного слоя на территории монастырей (2 объекта), грунтовые могильники и одиночные погребения, расположенные отдельно от поселений или непосредственно на их площадках, в том числе памятники с погребениями различных исторических эпох (15 объектов), подкурганые могильники (5 объектов), монетные клады (2 объекта), культовые камни (3 объекта).

Средневековые материалы, датируемые в хронологическом интервале между IX–X и XIII вв. представлены на 186 памятниках (рис. 4). 138 из них были обследованы экспедицией ИА РАН, 48 — Археологической экспедицией Череповецкого краеведческого музея. В числе средневековых объектов различные типы погребальных памятников: насыпи типа сопок (3), дерево-земляные сооружения типа «доми-

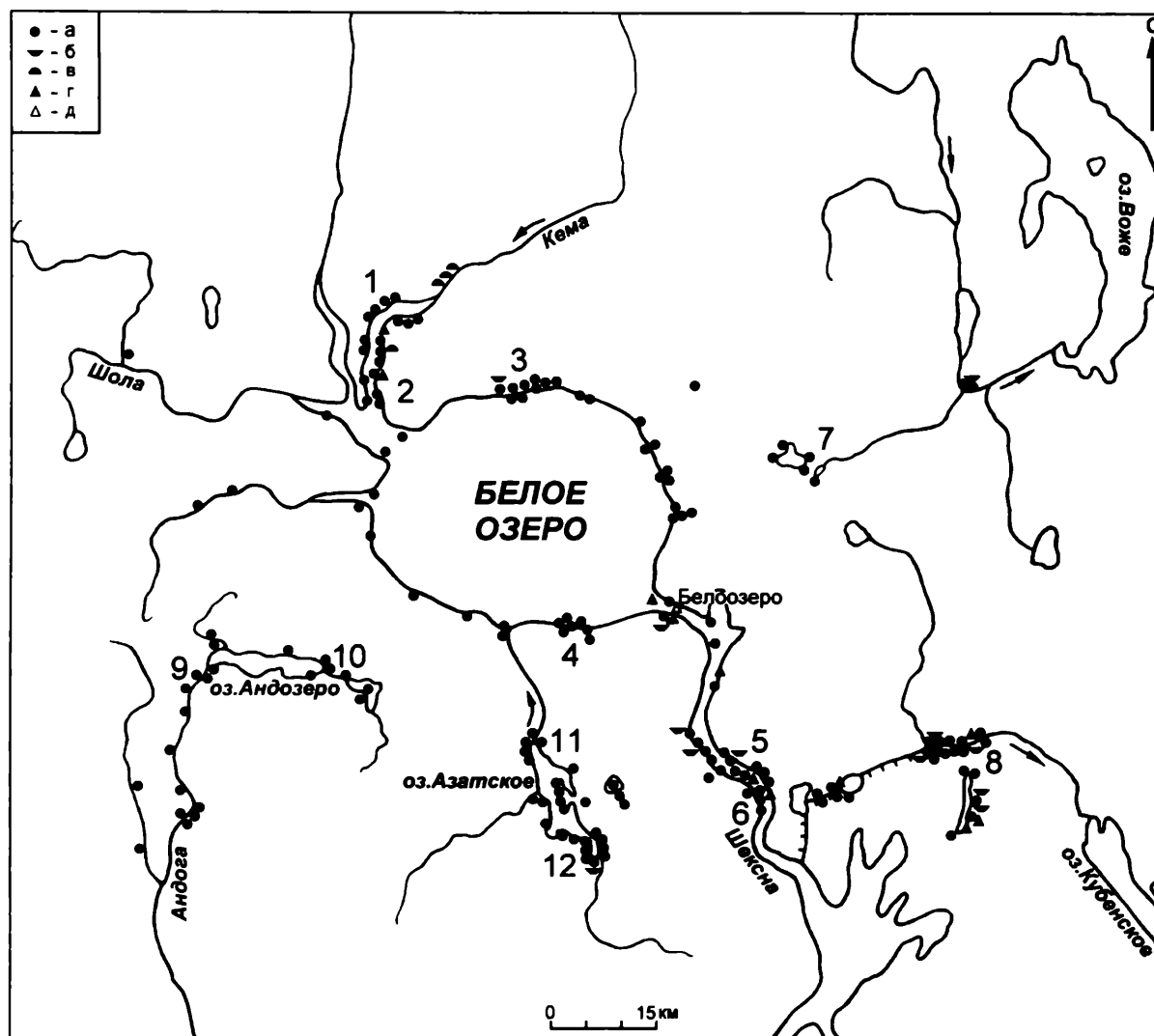

Рис. 4. Археологические памятники X–XIII вв. в районе Белого озера.

Цифрами отмечены основные локальные группы (кусты) поселений.

- 1 — Никольская; 2 — Новокемская; 3 — Киснемская; 4 — Маэксинско-Белозерская; 5 — Волоховско-Пружининская; 6 — Горлицко-Шуклинская; 7 — Волоцкая; 8 — Волокославенская; 9 — Андозерская Западная; 10 — Андозерско-Новоезерская; 11 — Лозская; 12 — Азатско-Родионовская.

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные группы и сопки;

г — местонахождения; д — клады

ков мертвых» (1), курганы (1), могильники с подкурганными и бескурганными погребениями (2), и, наконец, грунтовые могильники с кремациями (1) и ингумациями (10). В перечень включен монетный клад. Основную массу средневековых памятников (и памятников с комплексами различных исторических эпох, в том числе средневековыми) составляют поселения. Их в общей сложности 155. Среди них 2 городища с земляными оборонительными сооружениями (Белозерский кремль и Никольское I на р. Кеме), 2 поселения на останцах, типологически близкие городищам, но отличающиеся от них отсутствием земляных валов, остатки города Белоозера (состоящие из двух частей — правобережной и левобережной, не имеющие земляных валов, хотя устойчиво именуемые в местной традиции как «старый город» или «старое городище») и, наконец, 149 неукрепленных рядовых поселений, которые мы, следуя сложившейся традиции, именуем селищами, если в этих пунктах представлены лишь средневековые материалы, и поселениями, если они сопровождаются также слоями эпохи камня и раннего металла. Из 12 объектов, зарегистрированных как местонахождения, 10 представляют собой находки средневековой керамики на местах поселений с полностью разрушенным культурным слоем.

Нетрудно заметить, что наименее изученной категорией средневековых памятников на Белозерье остаются рядовые неукрепленные поселения. Погребальные памятники региона уже были предметом специального исследования, в том числе под углом изучения истории расселения (Макаров Н. А., 1990; Макаров Н. А., 1997). Анализ материалов Старого Города — Белоозера посвящена капитальная мо-

нография Л. А. Голубевой (Голубева Л. А., 1973) и цикл статей С. Д. Захарова. Итоги раскопок Крутика — одного из двух поселений на останцах, известных в Белозерье, подведены в книге Л. А. Голубевой и С. И. Кочкуркиной (Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991). В настоящей работе мы сфокусировали основное внимание на селищах, составляющих наиболее значимый материал для реконструкции средневековых систем расселения. Характеристику белозерских селищ целесообразно предварить обзором истории их исследования и методам полевых работ, практиковавшимся на этих памятниках.

Специфика полевых работ на селищах

Полевые работы Онежско-Сухонской экспедиции на Белозерье в 1992–1998 гг. в основном следовали общепринятой практике разведок с обследованием преимущественно прибрежных участков, топосъемкой памятников, шурфовой и поверхностными сборами подъемного материала. Мы считали необходимым выдержать принцип обследования всей территории по единой методике, с применением единых приемов поиска и фиксации памятников. Местоположение всех объектов наносилось на стандартные топоосновы масштаба 1:100 000, а в большинстве случаев также на топоосновы масштаба 1:10 000, а в случае их отсутствия — 1:25 000. Нам удалось также осуществить инструментальную топосъемку всех поселений X–XIII вв., площадки которых имеют удовлетворительную сохранность, в масштабе 1:2000, 1:1000 или 1:500 (рис. 5–6, 9–10, 15–16). Отметим некоторые особенности наших работ,

связанные как с характером региона, так и со специфическим пониманием наших задач.

В ходе разведок Онежско-Сухонской экспедиции на белозерских поселениях заложено в общей сложности около 230 шурфов, в основном — размером 1 x 1 м, на 8 поселениях заложены небольшие раскопы и траншеи площадью от 10 до 120 кв. м. В эти подсчеты не включены данные о шурфовке и разведочных раскопках, производившихся нашими предшественниками, в основном — при исследовании памятников эпохи неолита и раннего металла, а также о стационарных раскопках на могильниках. Около 80% наших шурфов было заложено на средневековых памятниках или на памятниках с культурными напластованиями различного времени, в том числе — средневековья.

Являясь эффективным способом проверки наличия культурного слоя на том или ином участке и выяснения его мощности и характера, шурфовка не всегда позволяет получить репрезентативную коллекцию вещевого материала на памятнике. На разрушаемых поселениях Белозерья, многие из которых размываются, а еще недавно подвергались интенсивной распашке, значительно большее количество материалов дает осмотр участков с обнаженным культурным слоем. В 1980-х гг., когда большие площади использовались как сельхозугодья, нам удалось собрать внушительную коллекцию средневековой керамики, бытовых вещей и украшений на распахиваемых участках. В 1990-х гг. С. Д. Захаров ввел в практику полевых работ на селищах разборку размывшихся переотложенных участков культурного слоя на береговых отмелях. Сбор вещевого материала велся по

отдельным участкам с привязкой его к топопланам, что во многих случаях позволило сделать важные планиграфические наблюдения и проследить изменения размеров и топографии поселений. В береговых отложениях на ряде памятников зафиксированы остатки очагов и построек. Наиболее значительные коллекции вещевого инвентаря, собранные на селищах, происходят не из шурфов и разведочных раскопов, а с размывших береговых отмелей на поселениях Никольское IX, Никольское X, Новокемский XIII, Новокемский II, Маэкса II, Пружинино II, Погостище III, Погостище VI или из распашки на селищах Монастырское, Троицкое II-III, Покровское I. Единственным исключением является коллекция с селища Никольское V на Кеме, собранная в результате раскопок (рис. 21–23).

Большинство белозерских селищ обследовалось по нескольку раз, по возможности — при меженном уровне воды, что позволило не только увеличить количество собранных находок, но и сделать более надежные наблюдения об их планиграфическом распределении и об изменениях в состоянии памятников. Однородность подъемного материала, собранного на одних и тех же участках поселения в различные годы, и сохранение контура береговой линии свидетельствует об относительно медленном разрушении большинства памятников. При разборке береговых отложений и шурфовке на ряде памятников мы практиковали промывку культурного слоя с использованием металлических сит, что позволило получить дополнительный вещевой материал, в том числе бусы, редко встречаемые на селищах при разборке культурного слоя совком или лопатой.

Сохранность памятников и репрезентативность материалов

Вопросы о сохранности памятников, выступающих в качестве источника для реконструкции средневекового расселения, и о репрезентативности самой выборки, составляющей каталог, тесно связаны между собой и существенны для оценки достоверности наших выводов и построений. Значительные участки долины Шексны, Ковжи и Кемы и приозерной котловины Белого озера были затоплены при создании Волго-Балтийской водной системы и ныне скрыты под водой. Практически все памятники, расположенные в долине Шексны, на берегах Белого озера, Ковжи и Кемы, в той или иной степени подтоплены и размывы Волго-Балтом. Характер разрушений различен — от полной переотложенности культурного слоя — до небольших обрушений края террасы, степень разрушения возрастает по мере продвижения с юго-востока на северо-запад, от Сизьминского разлива Шексны вверх по течению Кемы. В этой ситуации, на первый взгляд, нельзя исключить, что значительная часть древних и средневековых памятников полностью затоплена и составленная нами карта неадекватно отражает истинную картину древнего и средневекового расселения.

Для проверки этого предположения рассмотрим географическое распространение памятников с неолитическими материалами, занимающих обычно наиболее низкое положение относительно уровня воды. Вопреки пессимистическим ожиданиям, поселения с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой зафиксированы по всей трассе современного Волго-Балта от Иванова Бора до Устья Ковжи и поселка Новокемский (рис. 38).

Большинство из них находится на очень небольшой высоте (0,1–1 м), многие — частично затоплены. Ниже мы увидим, что на Шексне и Белом озере представлены памятники практически всех исторических периодов начиная с мезолита, хотя на многих из них культурный слой почти полностью переотложен. Естественно, часть поселений, находившихся в пойме или на низких надпойменных террасах, могла исчезнуть, не оставив никаких следов, но большинство из них сохранилось, пусть в видоизмененном ландшафте и переотложенном состоянии. Эти памятники непригодны для раскопок, но представляют вполне информативный материал для создания археологической карты и оценки общей картины расселения.

Исключение составляет, возможно, лишь участок среднего течения Шексны между Сизьминским разливом и селом Звон (Археологическая карта, лист. 3), территориально наиболее близкий к шлюзу в поселке Шексна и поэтому наиболее пострадавший от подъема воды. Несмотря на фиксацию здесь в районе д. Ратибор — Иванов Бор 9 поселений и местонахождений с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой и сетчатой и гладкостенной керамикой эпохи раннего железа, нельзя исключить, что какая-то группа поселений здесь исчезла бесследно. Неясной остается ситуация в районе Сизьминского разлива, где не выявлены пока какие-либо следы первобытных стоянок или средневековых селищ. Их отсутствие объясняется, очевидно, не только слабой заселенностью этого участка, но и в первую очередь, высоким подъемом воды.

Если памятники, полностью скрытые водами Шексинского водохранилища, недоступны для выявления, то объекты, находящиеся ныне на уровне паводково-

го или меженного стояния воды, напротив, легко поддаются выявлению и открытию для сбора подъемного материала. Таким образом, нанеся огромный ущерб археологическому наследию Белозерья, создание Волго-Балта в то же время облегчило поиски и фиксацию археологических объектов, оказавшихся в полосе новой береговой линии.

Создание Волго-Балта — не единственный фактор разрушения археологических памятников Белозерья, хотя и безусловно первенствующий по своим масштабам. Существенный ущерб белозерским древностям был причинен ранее — при строительстве Северо-Двинской водной системы и обводного канала вдоль южного и западного берегов Белого озера. Еще более ощутим эффект широкой аграрной колонизации позднего средневековья и нового времени, в результате которой почти все участки со средневековыми поселениями были введены в сельскохозяйственный оборот. При картировании выявленных разведками селищ X–XIII вв. на уездных планах Генерального межевания 1780-х гг. выясняется, что практически все они локализуются на пахотных землях (рис. 7, 8, 14, 29). Многие селища продолжали распаиваться еще в 1980-х гг. Почти все средневековые селища и часть стоянок эпохи камня или раннего металла на Белозерье, в том числе памятники с площадками, поросшими в настоящее время лесом и кустарником, имеют следы распашки. Ниже мы специально рассмотрим культурный слой средневековых селищ с этой точки зрения.

Из 320 памятников, обследованных Онежско-Сухонской экспедицией, лишь

53 могут быть оценены как имеющие хорошую сохранность, в значительной степени сохранившие свой первоначальный облик и непо потревоженный культурный слой. Облик остальных сильно искажен. Поэтому вопрос о топографических особенностях поселений, об их размерах, застройке и планировке может быть прояснен далеко не во всех случаях.

Топография селищ

Характеризуя топографию белозерских поселений, я уже неоднократно отмечал приуроченность их к долинам наиболее крупных рек и побережьям озер, концентрацию поселений вблизи речных устьев, расположение поселений на невысоких террасах в непосредственной близости от воды (Макаров Н. А., 1988; Макаров Н. А., 1990). Накопление новых материалов позволяет уточнить эти наблюдения и более подробно рассмотреть некоторые особенности топографии селищ.

Повторяя наблюдения, сделанные по итогам разведок 1980-х гг., отмечу, что все белозерские селища X–XIII вв. расположены у воды. Площадки 88 обследованных нами селищ² в настоящее время вплотную примыкают к воде или удалены от нее на 2–4 м (рис. 6, 9, 10–12, 15, 17, 20). До подъема уровня воды в Шексне и Белом озере положение части памятников относительно открытой воды могло быть несколько иным, площадки селищ могли примыкать к низким поймам и старицам. В трех случаях расстояние между краем площадки и рекой или озером составляет 20–30 м, в двух случаях — 40–80 м. Впрочем, в обоих последних случаях памятники находятся на краю тер-

² В подсчеты не включены данные по андозерским и лозско-азатским памятникам.

расы, примыкающей к заболоченной пойме, не исключено, что в средневековые они находились значительно ближе к открытой воде. У шести киснемских селищ площадки удалены от берега Белого озера на 120–160 м (рис. 16), однако все эти поселения находятся вблизи оврагов, по которым некогда протекали речки или ручьи, впадавшие в Белое озеро. Русло одной из них — Киснемки и сейчас пересыхает лишь в середине лета.

Хотя Белое озеро было основной доминантой, определявшей географию средневекового расселения, на побережье самого озера зафиксировано лишь несколько средневековых поселений: селище на месте деревни Орлово (рис. 7, № 210), селище в Киснеме, селище на территории Белозерского порта и 2 селища вблизи устья Мазксы, в этот перечень можно добавить также 6 селищ в устьях Муныги (рис. 8, 3), Ухтомы (рис. 8, 4), Мазксы и Хотинки (Вашкицы), расположенных на стрелках впадающих в озеро рек и обращенных как к реке, так и к озеру. Основная масса селищ на Белом озере располагалась в приустьевой части впадающих в озеро рек и была ориентирована на реки (рис. 7, 8), хотя фактор близости к озеру был, несомненно, весьма значимым. Расположение селищ на побережье менее крупных озер — таких как Андозеро, Лозско-Азатское, Новозеро, Родионовское, Волоцкое, Вашкозеро, Никольское, было обычным явлением (рис. 4; 10, 1; 15, 1; 30). Однако и здесь участки в устьях или вблизи устьев рек и речек оказывались наиболее предпочтительными. 58 из 100 обследованных нами селищ (т. е. около 60%) топографически тесно связаны с речными устьями или местами истока реки из озера, в действительности доля их была выше, поскольку

русла многих речек и ручьев, впадавших в Шексну, ныне практически не прослеживаются. Тяготение селищ к речным устьям объясняется целым рядом факторов: удобством этих мест с точки зрения коммуникаций, богатством биоресурсов поймы в приустьевых частях рек, хорошей дренированностью площадок, удобством речных устьев для рыболовства.

Большинство белозерских селищ находится на небольшой высоте над уровнем воды. 87 поселений расположено на высоте от 0,5 до 2 м, еще 30 — на высоте от 2 до 4 м над меженным уровнем. 11 селищ находятся на наклонных террасах, высота которых колеблется от 0,5–6 до 5–14 м. 5 селищ находятся на сравнительно плоских террасах высотой от 10 до 14 м. Оценивая эти данные, следует иметь в виду, что первоначальная высота площадок селищ, находящихся на Шексне, Белом озере и Кеме, уровень воды в которых был поднят при сооружении Волго-Балта, нам неизвестна, как впрочем и первоначальная высота площадок селищ на трассе Северодвинской водной системы. Можно предположить, что она была выше современной на 1–2,5 м. Отдельно рассмотрев данные по тем селищам, которые приурочены к незарегулированным водоемам (Андозеро, Лозско-Азатское озеро, Никольское озеро, Вашкозеро, Волоцкое озеро, р. Модлона), мы сталкиваемся, однако, с близким распределением значения этого признака — у 34 селищ высота площадки составляет 0,5–2 м, у 15 селищ — 2–4 м, у 2 — 10–14 м, у 6 селищ площадки имеют наклонную поверхность и возвышаются над водой на 0,5–3–4–7 м. Таким образом, реальность существования поселений с низкими площадками, возвышавшимися над водой на

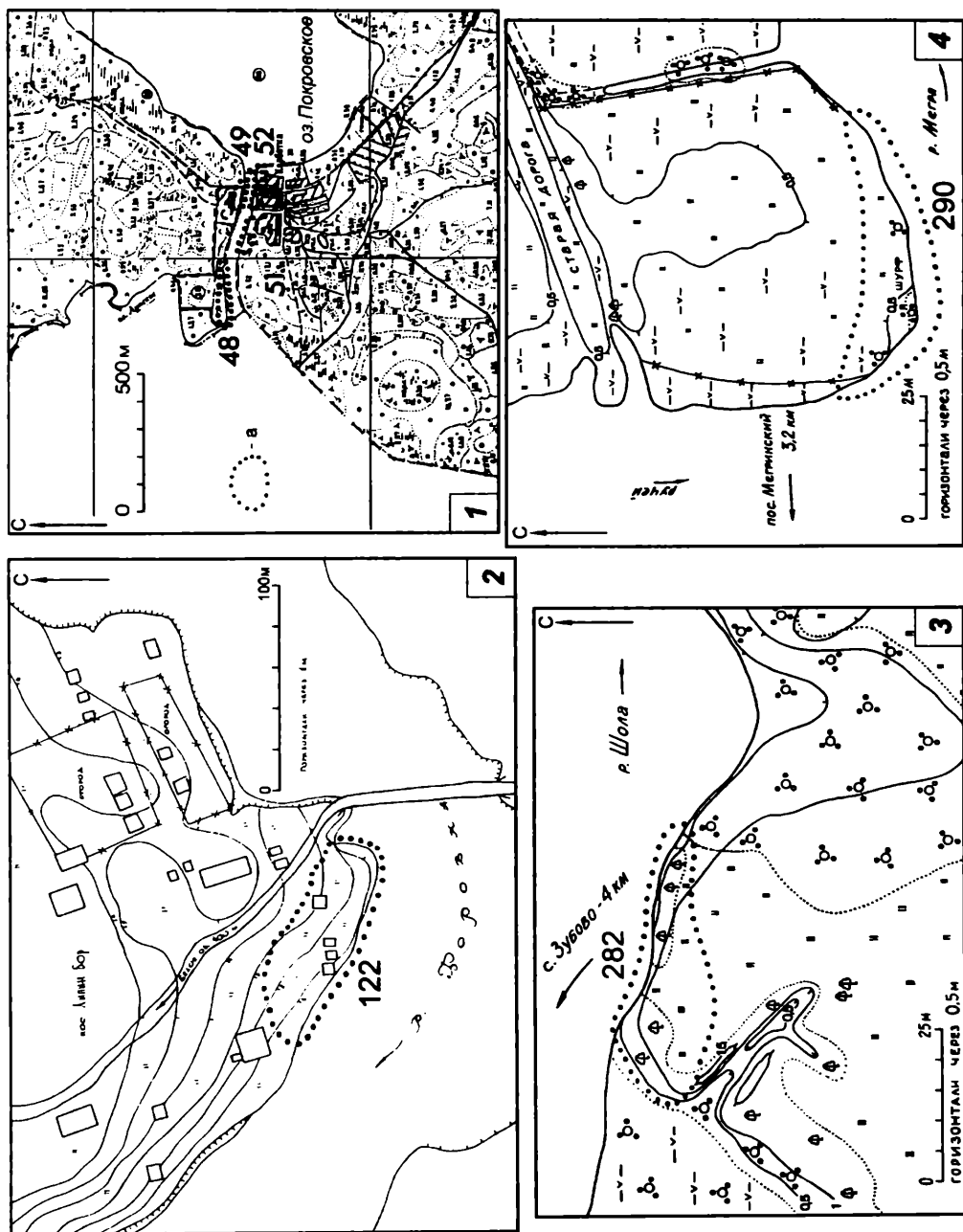

Рис. 5. Средневековые поселения в районе Белого озера и на левобережье р. Шексны.

- 1 — группа поселений у д. Карботка на Покровском озере в окрестностях г. Кириллова;
 2 — поселение Липин Бор II в устье р. Боровки; 3 — поселение Зубово III в низовьях р. Шолы;
 4 — поселение Мегринский II в устье р. Мегры.

а — границы распространения культурного слоя и подземного материала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

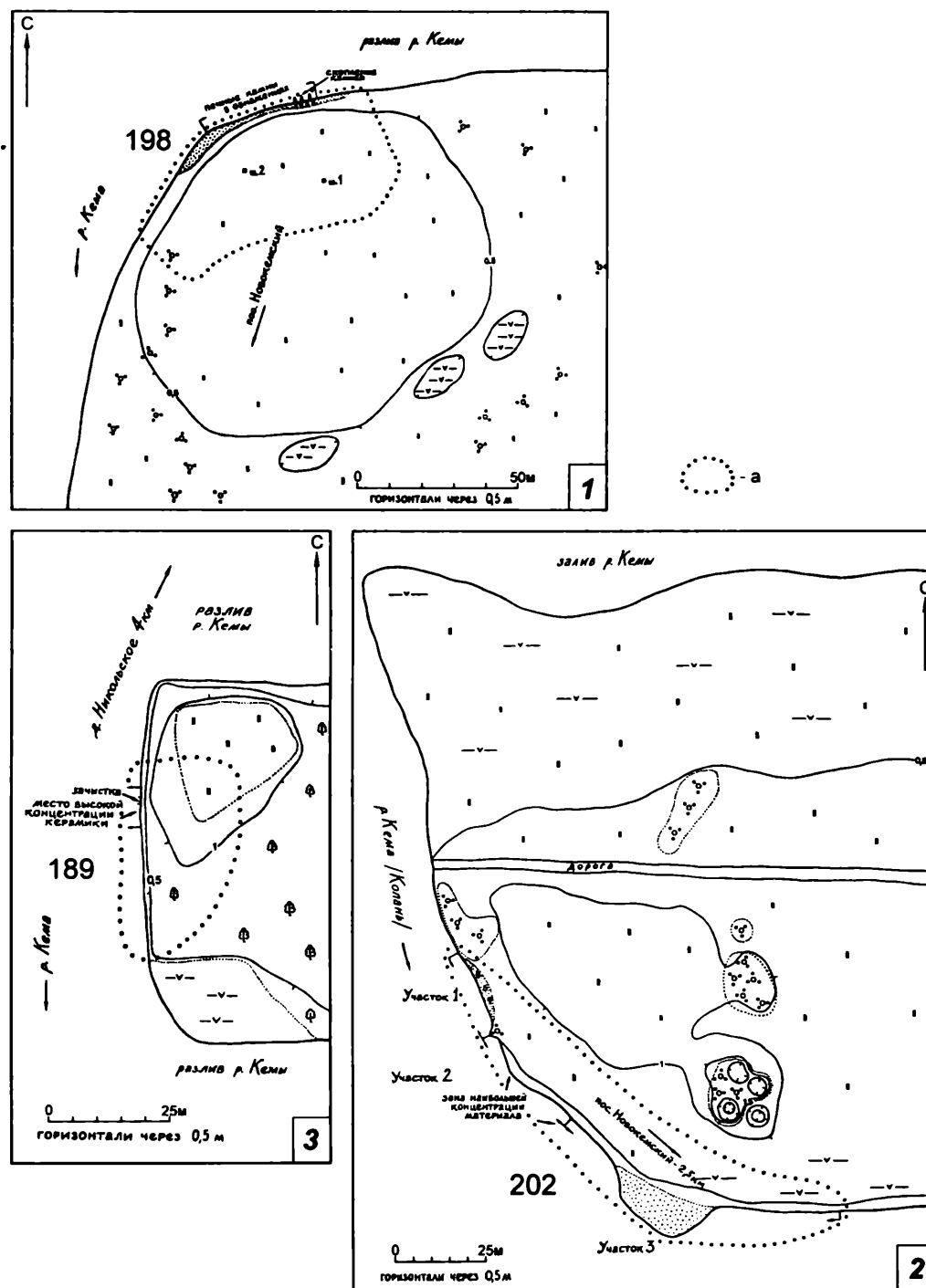

Рис. 6. Средневековые поселения в низовьях р. Кемы.

1 — поселение Новокемский XI; 2 — поселение Новокемский XIII; 3 — поселение Никольское XIII.

а — границы распространения культурного слоя и подъемного материала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

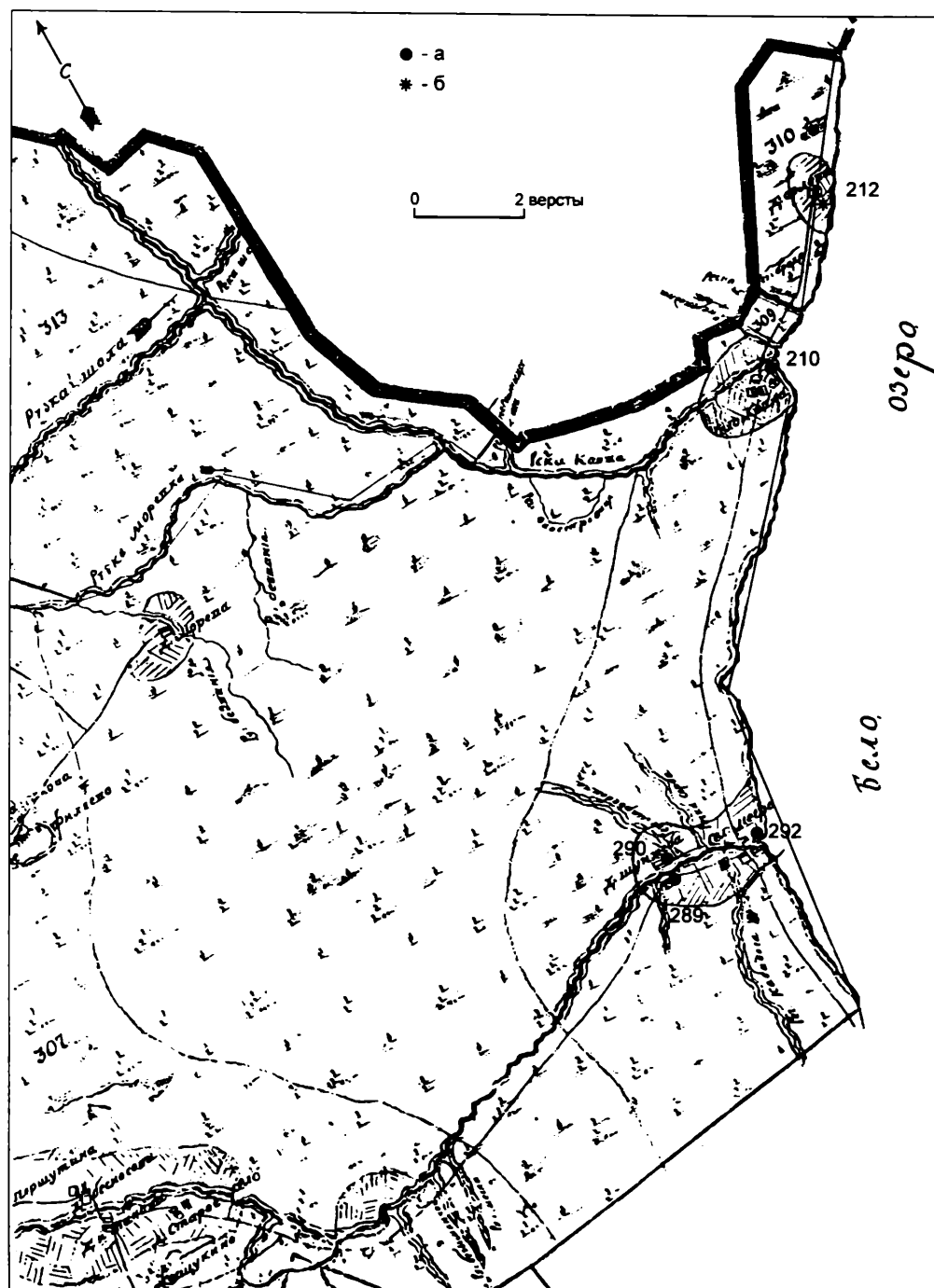

Рис. 7. Средневековые поселения на северо-западном берегу Белого озера. Фрагмент Генерального плана Белозерского уезда 1789 г. (РГАДА, ф. 1356, № 2980) с обозначением на нем средневековых археологических памятников.

а — поселения X–XIII вв.; б — местонахождения вещей X–XIII вв.
Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

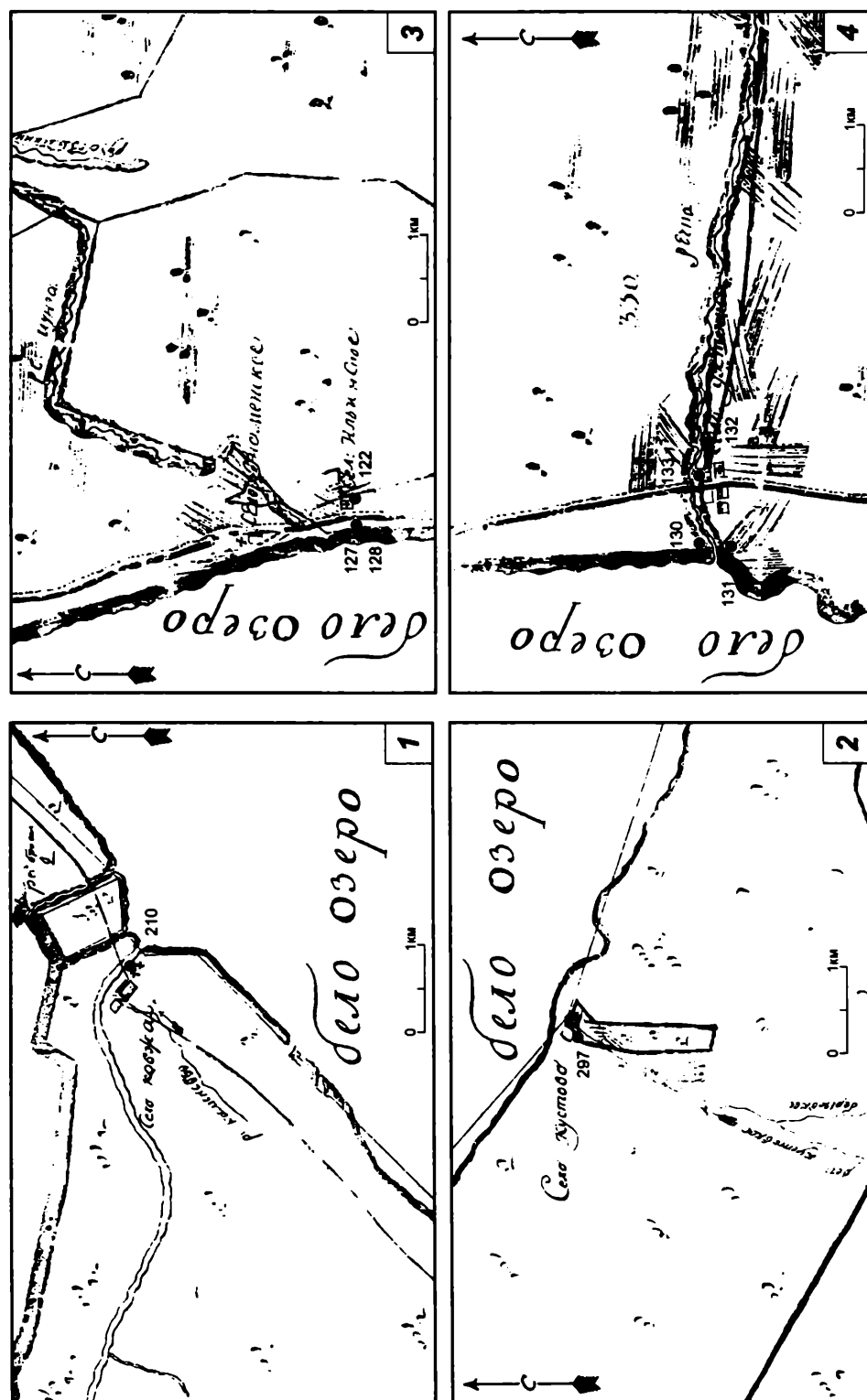

Рис. 8. Средневековые поселения в устьях рек, впадающих в Белое озеро. Фрагменты генеральных уездных plano в Белозерского

и Кирилловского уездов 1789 и 1785 гг. (РГАДА, ф. 1356, №№ 2969, 3039) с обозначением на них средневековых археологических памятников.

1 — поселение в устье р. Ковжи; 2 — поселение устье р. Кустовки; 3 — группа поселений в устье р. Мунги; 4 — группа поселений в устье р. Ухтомы.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

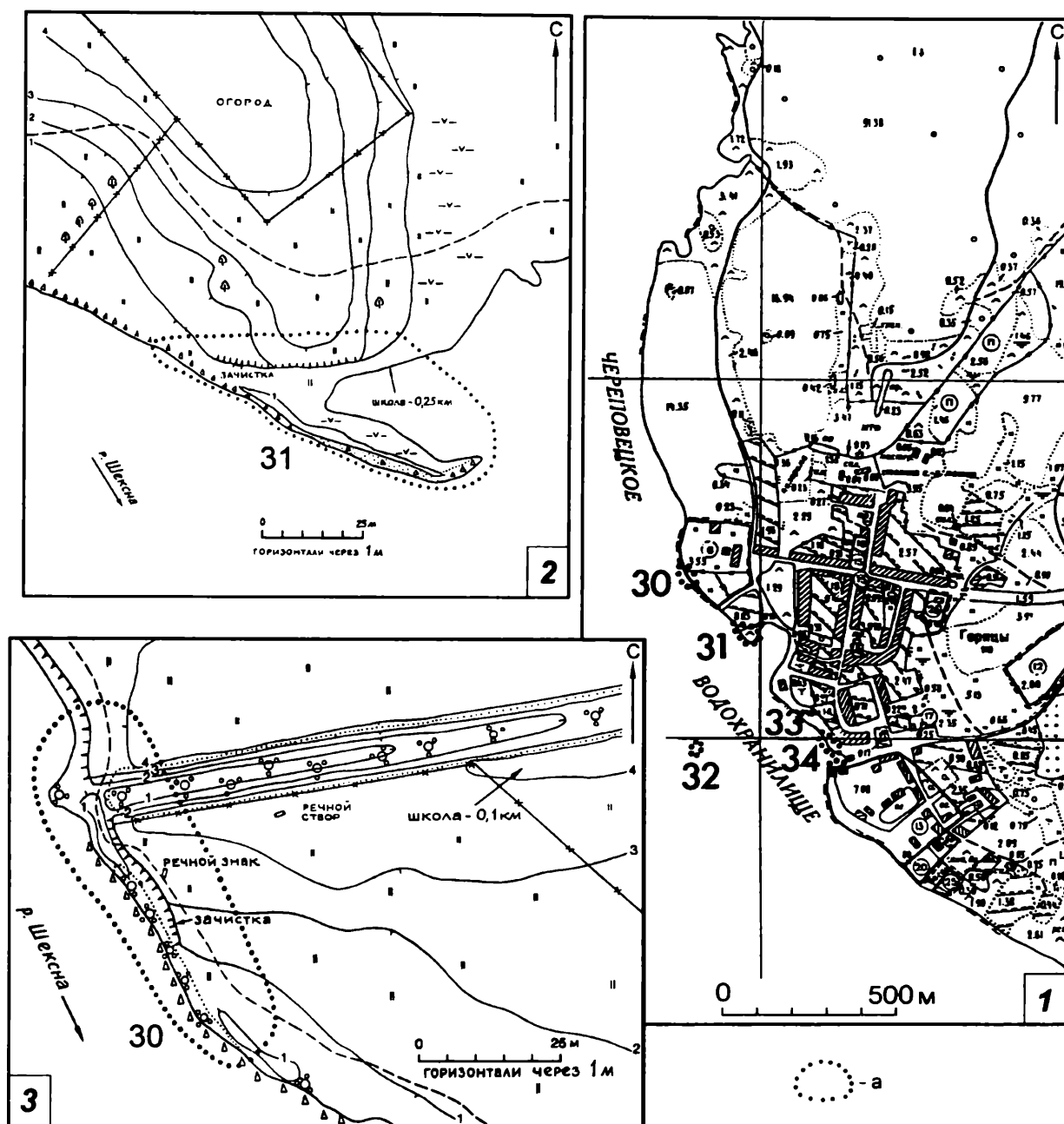

Рис. 9. Средневековые поселения в верхнем течении р. Шексны.

- 1 — группа поселений вблизи Горицкого Воскресенского монастыря; 2 — селище Горицы II;
 3 — селище Горицы V;
 а — границы распространения культурного слоя и подъемного материала.
 Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

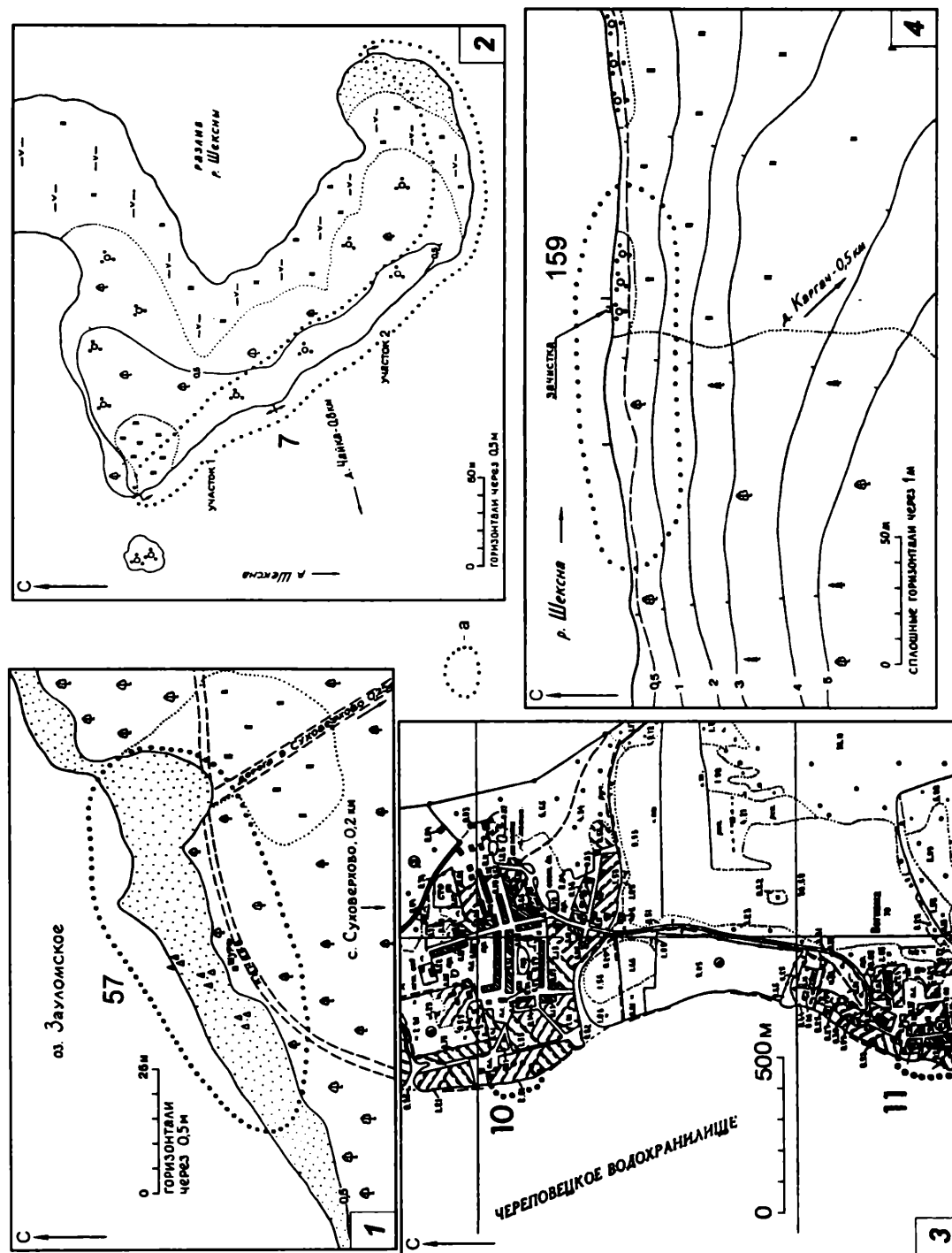

Рис. 10. Средневековые поселения в верхнем течении р. Шексны и на озерах левобережья Шексны.

1 — селище Суховерово на Зауломском озере; 2 — поселение Чайка II; 3 — селища Косино II и Вогнема; 4 — поселение Каргач;

а — границы распространения культурного слоя и подземного материала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

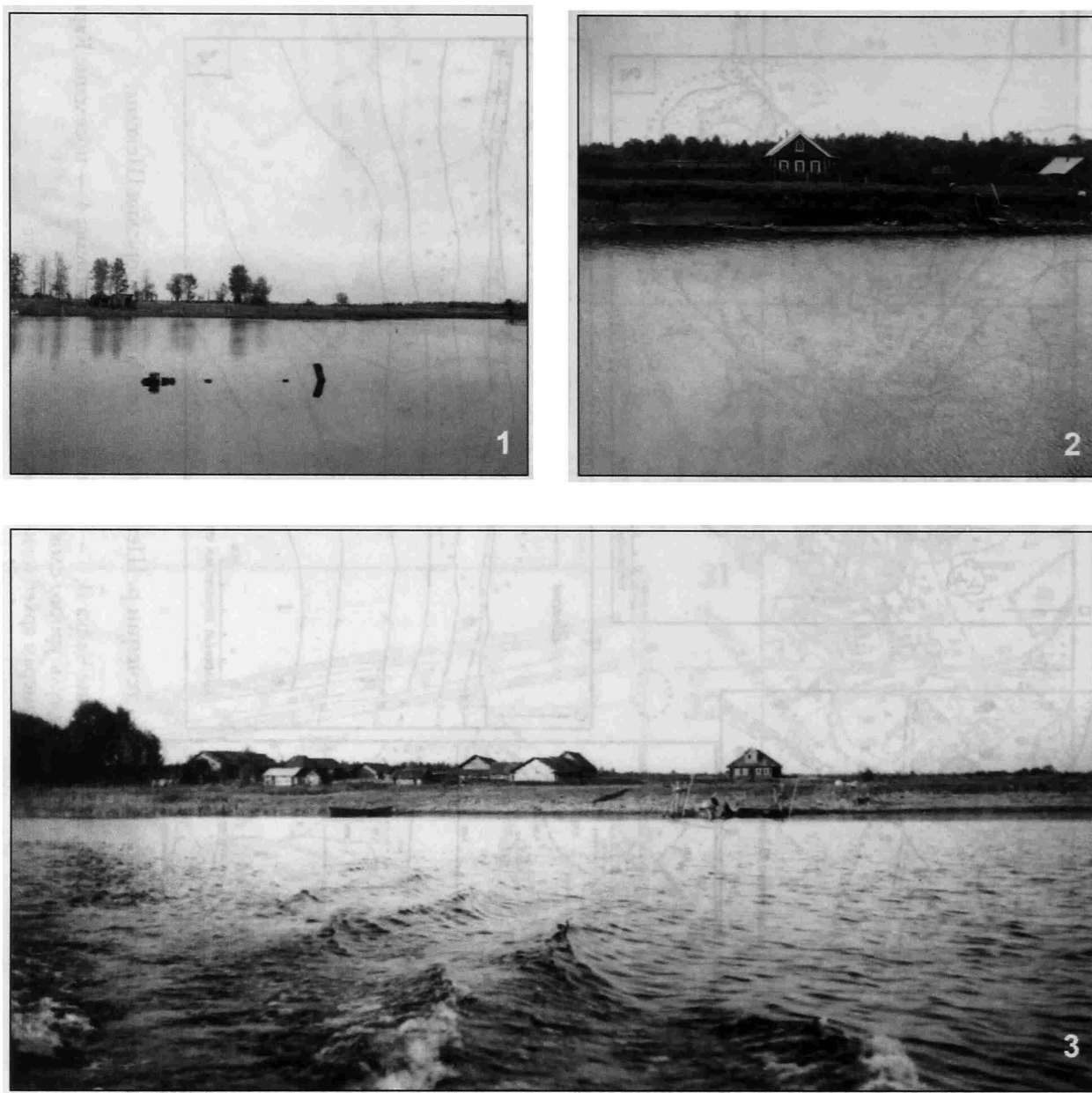

Рис. 11. Средневековые поселения на Белом озере, Покровском озере и р. Модлоне.

1 — поселение Куность IV вблизи устья р. Куности; 2 — поселение Карботка III на Покровском озере. В обрыве берега рядом с современной постройкой хорошо заметна линза культурного слоя с подпечной ямой XII–XIII вв., перекрытая отвалом грунта из русла канала, прорытого в начале 1820-х гг.; 3 — поселение Погостище А на р. Модлоне. Культурный слой зафиксирован на размытых участках берега на месте причала лодок

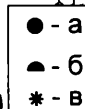
Рис. 12. Древние и средневековые поселения на Белом озере.

1 — поселение Мегринский I вблизи устья р. Мегры; 2 — поселение Куность I в устье р. Куности;
3 — поселение Маэкса II в устье р. Маэксы

Рис. 13. Средневековые поселения на р. Кеме.

1 — р. Кема в нижнем течении. Вид с могильника Никольское III на поселение Никольское XII;
2 — поселение Новокемский XII; 3 — городище Никольское I. На переднем плане — остатки вала

Фрагмент генерального уездного плана Кирилловского уезда 1785 г. (РГАДА, ф. 1356, № 3039)
с обозначением на нем средневековых археологических памятников.
Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

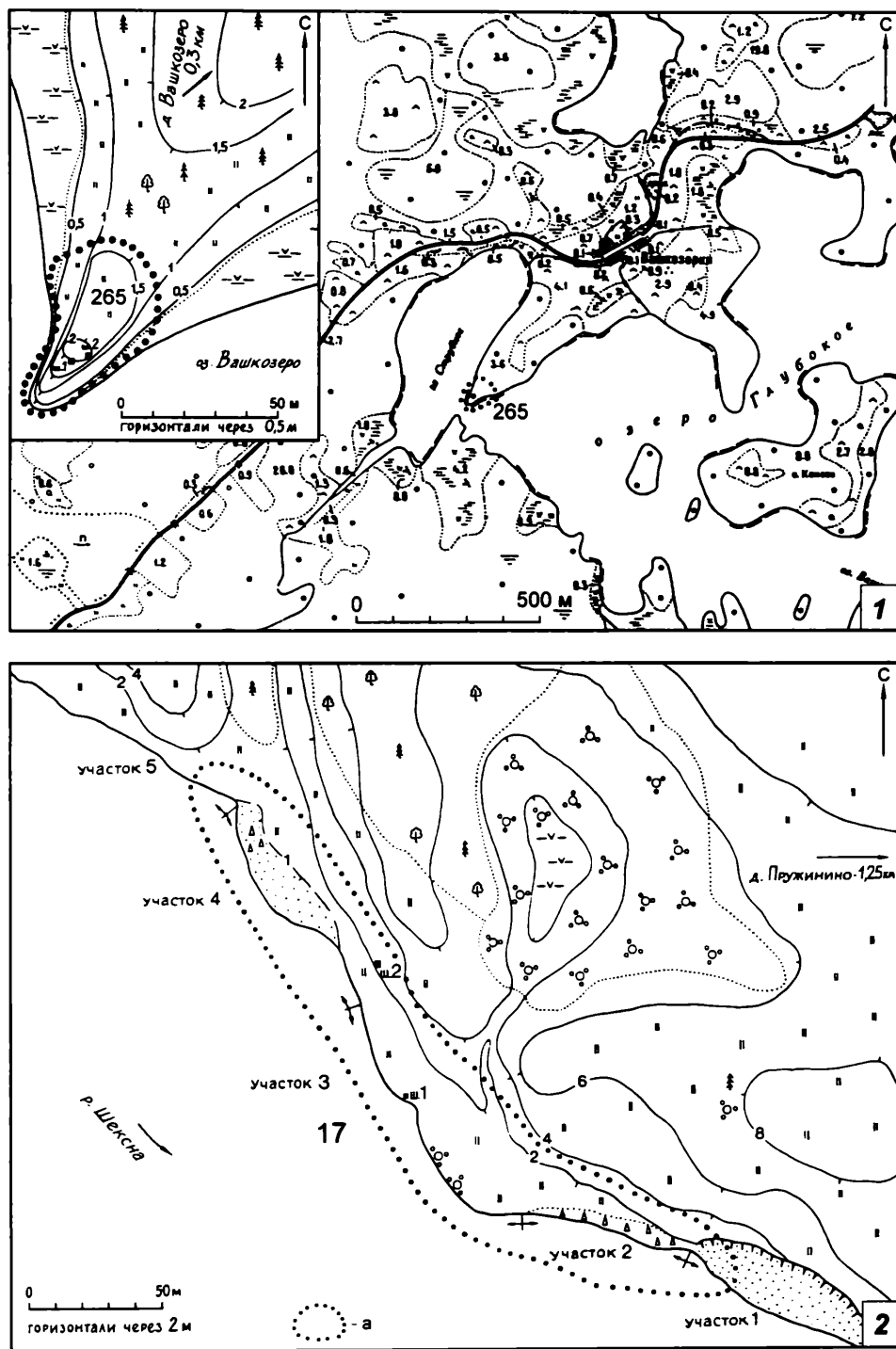

Рис. 15. Средневековые поселения на Вашкозере и в верхнем течении Шексны.

1 — поселение Вашкозеро I на Вашкозере; 2 — поселение Пружинино II в верхнем течении р. Шексны;
а — границы распространения культурного слоя и подъемного материала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

0,5–2 м, не может вызывать сомнения, хотя с учетом подъема уровня воды эта группа селищ не могла быть преобладающей.

Площадки большинства селищ имеют относительно плоскую горизонтальную поверхность (рис. 5, 1, 3, 4; 6; 11; 12; 64). Точно рассчитать наклон площадок затруднительно, так как под воздействием многолетней распашки культурный слой иногда сползал к краю террасы, а в некоторых случаях откладывался у ее подножья, и мы не всегда можем определить истинные границы площадки, которую занимало средневековое поселение. На 58 селищах максимальный перепад высот на площадке не превышал 1 м, что достаточно выразительно характеризует рельеф. Тем не менее по крайней мере в 8 случаях зафиксировано расположение селищ на наклонных террасах, с перепадом превышающим 3 м (рис. 73). (В подсчеты не включены данные по андозерским и лозско-азатским селищам.)

При попытке классифицировать селища по особенностям их топографии мы вынуждены несколько отойти от традиционной для древнерусской археологии схемы, в рамках которой выделяются приречный, мысовой, овражный, дюнный и водораздельный типы топографического положения поселений (Куза А. В., 1985, с. 97–100). Учитывая географическое размещение белозерских поселений и характер рельефа все они могут быть отнесены к типу приречных (или приозерных) или расположенных на дюнах и пойменных всхолмлениях. Разделение поселений на приречные и приозерные кажется мне лишним смыслом, разделение поселений на приречные и расположенные на пойменных всхол-

млениях также во многом условно, так как нам неизвестно точное положение речных русел в период средневековья. Тем не менее некоторые особенности положения селищ, принадлежащих по традиционной классификации к приречному и приозерному типу, дают достаточное основание для разделения их на несколько групп.

В первую группу мы выделяем селища на плоских и невысоких (0,5–4 м) приречных и приозерных террасах со слаборасчлененным рельефом. Площадки поселений имеют четкие естественные границы лишь с одной или с двух сторон (край террасы и прорезающее его русло реки или ручья). Большинство поселений вытянуто вдоль берега реки или озера. Поселения этой группы могут иметь как крупные, так и небольшие размеры, они располагаются по всей территории исследуемого региона, включая долину Кемы, побережье Белого озера, верховья Шексны, район Волока Славенского. Появление древнейших из них относится ко второй половине X в., наиболее поздние возникли во второй половине XII в. и продолжали существовать в XIII в. Характерными примерами селищ этой группы можно считать селища Покровское II, Никольское V, Никольское VI и Никольское IX на Кеме (рис. 20; 92, 1), селище Старые Вашки на северном берегу Белого озера (рис. 93), селища Маэкса I и Маэкса II на южном берегу (рис. 64), селище Кудрино на Волоке Славенском. Всего к этому типу отнесено 47³ селищ (№№ 7, 49, 52, 57, 68, 77, 79, 80, 91, 96, 97, 127, 130, 131, 132, 133, 143, 144, 156, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 190, 193, 194, 198, 199, 202, 206, 210, 223, 231, 232, 236, 281, 289, 292, 297, 298, 303, 304, 305, 306).

³ Здесь и далее в подсчеты не включены данные по андозерским и лозско-азатским памятникам.

Во вторую группу выделены селища на плоских и слабонаклонных невысоких (0,5–4 м) приречных и приозерных террасах с пересеченным рельефом, определяющим конфигурацию и границы площадки поселения. В эту группу мы включили поселения на невысоких останцах, моренных гривах, озерных мысах, отрогах коренных террас, прорезанных речками и ручьями, а также поселения на небольших участках первой террасы, ограниченных с напольной стороны основаниями более высоких террас. Большинство поселений вытянуто вдоль реки или озера. В ряде случаев принадлежность селища к первой или второй группе может быть дискуссионной. Площадь некоторых поселений второй группы достигает 1 га, но большинство из них имеет небольшие размеры. Селища второй группы зафиксированы на озерах Северного Белозерья (Вашкозеро I (рис. 15, 1), Пиньшино II, Пиньшино III), на Шексне (рис. 9; 10, 4; 15, 2); в районе Волока Славенского (в общей сложности 23 — №№ 11, 17, 20, 28, 30, 31, 48, 62, 65, 69, 70, 71, 73, 74, 77, 84, 122, 129, 135, 136, 159, 189, 265). Многочисленны они и на Андозере и Лозско-Азатском озере, где зафиксированы не менее 8 небольших мысовых поселений. Таким образом, поселения этой группы концентрируются в основном в моренных ландшафтах Кирилло-Белозерской гряды. Древнейшие из них появились в X в., однако широкое распространение их характерно для XI–XII вв.

В третью группу мы выделили поселения на невысоких островах среди озер или на участках низкой поймы. 12 таких поселений зафиксированы А. В. Кудряшовым на озерах Андозерской и Лозско-Азатской систем. По многим своим характеристикам эти памятники близки посе-

лениям предыдущей группы: их площадки имеют четкие естественные границы и часто — несколько наклонную поверхность. Все поселения небольшие, площадь их, как правило, не превышает 2500 кв. м, лишь в одном случае она достигает 5000 кв. м. Древнейшие комплексы инвентаря на этих памятниках датируются X в., но преобладают более поздние материалы. Не исключено, что по крайней мере часть этих памятников — специализированные поселения рыболовов.

В четвертую группу выделены поселения с сильно наклонными площадками, один край которых вплотную примыкает к воде, а второй поднимается на коренную террасу. Перепад высот на площадке составляет от 4 до 10 м. 4 таких селища зафиксированы в настоящее время на Шексне (рис. 73) (не исключена принадлежность к этой группе еще одного шексинского поселения — Пупково I), 2 — в Киснеме (Троицкое VI, Монастырская; рис. 60), 1 — на Долгом озере, еще 1 — Попова Гора II — на Лозском озере. На 6 памятниках представлены материалы XII–XIII вв., на двух киснемских селищах зафиксированы также и более ранние, относящиеся к X и XI вв. Планировка поселений остается неясной, но, судя по конфигурации пятна культурного слоя, шексинские селища и поселение Долгое озеро не были вытянуты вдоль берега. Очевидно, появление поселений на наклонных площадках отражает попытки осваивать новые типы урочищ в тех ландшафтах, где не было традиционно используемых для заселения плоских береговых террас.

В пятую группу мы выделяем селища на высоких (10–14 м) плоских или слабо наклонных береговых террасах. Мы включили в нее 4 киснемских селища (рис. 16)

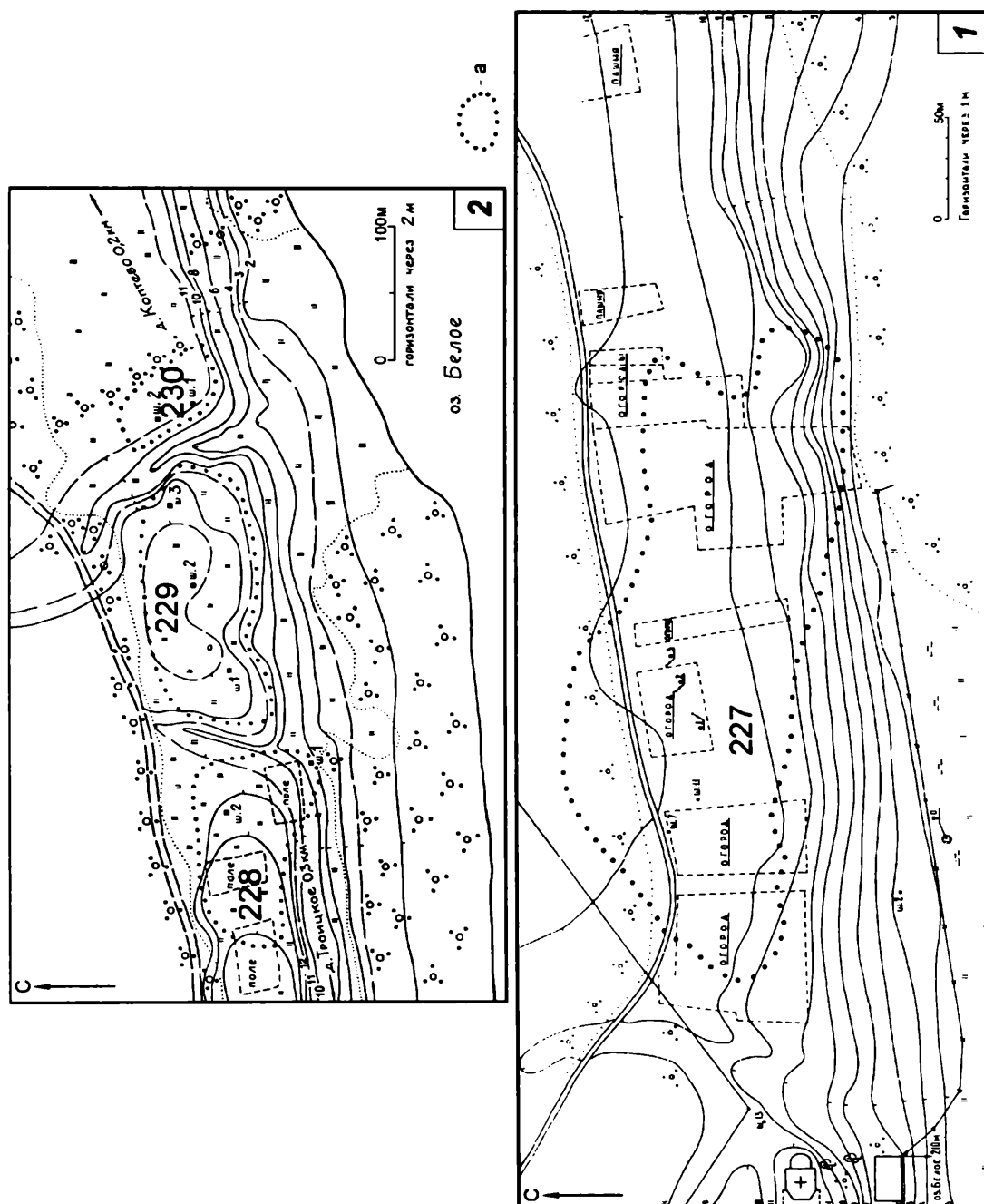

Рис. 16. Средневековые поселения в Киснеме на северном берегу Белого озера.

1 — селище Троицкое V, Троицкое IV, Троицкое V — Коптево II, Коптево I;

а — границы распространения культурного слоя и подземного матернала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

и 2 поселения в системе Лозско-Азатского озера — Титово и Люпинский погост. Выше уже отмечалась приуроченность киснемских селищ к небольшим речкам, протекавшим у подножья террас и впадавшим в Белое озеро. Все поселения этой группы, кроме Люпинского погоста, имеют значительные площади (свыше 1 га), все они относятся к XII–XIII вв.

Количественное и хронологическое соотношение между селищами 5 описанных групп отражает, на мой взгляд, некоторые предпочтения в выборе урочищ для поселения и закономерности в освоении территории Белозерья. Очевидно, что наиболее удобными для заселения урочищами были участки с невысокими плоскими приречными и приозерными террасами со слаборасчлененным рельефом, освоение которых велось с самых начальных этапов колонизации Белозерского региона. Однако отсутствие подобных урочищ в целом ряде районов, представлявших значительный интерес для колонизации, например, в Киснеме или на Шексне между Вогнемой и Ивановым Бором, вынуждало устраивать поселения на менее удобных участках — на слабонаклонных террасах с пересеченным рельефом, на наклонных береговых склонах, а затем и на высоких террасах. Этот процесс принял более широкие масштабы в XII–XIII вв., когда многие участки на невысоких плоских террасах уже были заняты поселениями. Таким образом, появление поселений на слабонаклонных террасах с пересеченным рельефом, на наклонных береговых склонах и на высоких террасах должно рассматриваться как некоторый компромисс между идеальной топографической моделью и реальным ландшафтом.

Почвенные исследования, проведенные на средневековых селищах группой почвоведов из Карельского научного центра РАН под руководством П. В. Красильникова, позволили уточнить характеристику исходных ландшафтов археологических памятников. Территория Белозерья характеризуется сложным, полигенетичным характером четвертичных наносов, основу которых составляют ледниковые наносы последней (Валдайской) стадии Осташковского оледенения. Состав ледниковых отложений преимущественно локальный и в разной степени обогащен дериватами карбонатных пород (известняков), составляющих значительную часть коренных пород Вологодской области. Ледниковые отложения (карбонатные и обогащенные карбонатами морены) переслаиваются, а в большинстве случаев перекрыты озёрными и аллювиальными отложениями различного гранулометрического состава. Практически на всех обследованных почведами участках, на которых в X–XIII вв. существовали поселения, отложения представляли из себя озёрные пески, подстилаемые суглинками и глинами озёрного или ледникового происхождения, либо, как минимум, имели непрерывные прослойки материала суглинисто-глинистого гранулометрического состава. Подобная ситуация зафиксирована на поселениях Троицкое II–III, Троицкое IV, Троицкое VI, Коптево II, Коптево I — Троицкое V, Маэкса I, Маэкса II, Усть-Ситское III, Никольский Торжок II, Кудрино, Карботка I, Карботка II. Почвы, сформировавшиеся на таких отложениях, были удобны для обработки (само название «лёгкие почвы» по отношению к землям песчаного и супесчаного состава появилось потому, что они легки в обработке), наличие же тяжё-

лых по механическому составу подстилающих пород или прослоев препятствовало провалному дренажу. Сложившиеся на данных отложениях почвы — преимущественно, дерново-подзолы остаточнокarbonатные глееватые, в которых признаки оглеения (восстановительных процессов вследствие избытка влаги) отмечаются на контакте с тяжёлыми подстилающими породами и прослоями. Культурный слой X–XIII вв. ни разу не был выявлен в шурфах на дериватах известняков или на морене, обогащённой щебнистым карбонатным материалом. Известно, что подобные участки характеризуются неблагоприятными водно-физическими свойствами почв. Таким образом, можно полагать, что водный режим почв являлся одним из важных критериев выбора участков для поселений.

Границы поселений, характер культурного слоя, планировка поселений

Вопросы об определении границ поселений (а следовательно, и об их размерах), о характере культурного слоя и о планировке поселений тесно связаны между собой. От того, насколько правильно решаются, казалось бы, чисто технические для археологии вопросы об определении границ селищ и степени нарушенности их культурного слоя во многом зависит решение некоторых более общих проблем истории средневекового расселения.

Белозерское селище обычно представляет собой пятно темного культурного слоя (гумусированной супеси, реже — суглинка), в большей или меньшей степени насыщенное пережженными печными камнями, фрагментами керамики и от-

дельными бытовыми вещами и имеющего небольшую (до 40 см) мощность. Здесь мы не берем в расчет селища, размытые Волго-Балтом, с полностью переотложенным культурным слоем, но иногда — с обильным подъемным материалом. Обычные критерии определения границ такого поселения — фиксация участка, выделяющегося по окраске культурного слоя, по находкам печных камней и керамики. Пятно культурного слоя чаще всего вытянуто вдоль реки или озера. Культурный слой многих селищ имеет следы распахки: содержащаяся в нем керамика сильно измельчена, а в шурфах на уровне материка хорошо заметны узкие параллельные канавки — борозды сохи или плуга. Наибольшую мощность культурный слой имеет, как правило, у края террасы. Это обстоятельство соблазнительно интерпретировать как свидетельство наиболее интенсивной жизнедеятельности средневековых насельников в прибрежной полосе при приречном расположении поселений, но более внимательное изучение профилей показывает, что на гребне террасы часто накапливался наиболее мощный слой напаша, сползавшей к краю террасы в результате многолетней распахки.

Полевые работы на некоторых селищах показали, что даже в тех случаях, когда для раскопок выбирались «перспективные» участки с наиболее темным и насыщенным керамикой слоем, этот слой при внимательном изучении оказывался полностью переотложенным. С такой ситуацией мы столкнулись, например, при раскопках селищ Усть-Ситское III и Волок В, где сильно гумусированные напластования относительно большой мощности (до 80 см) оказались полностью переме-

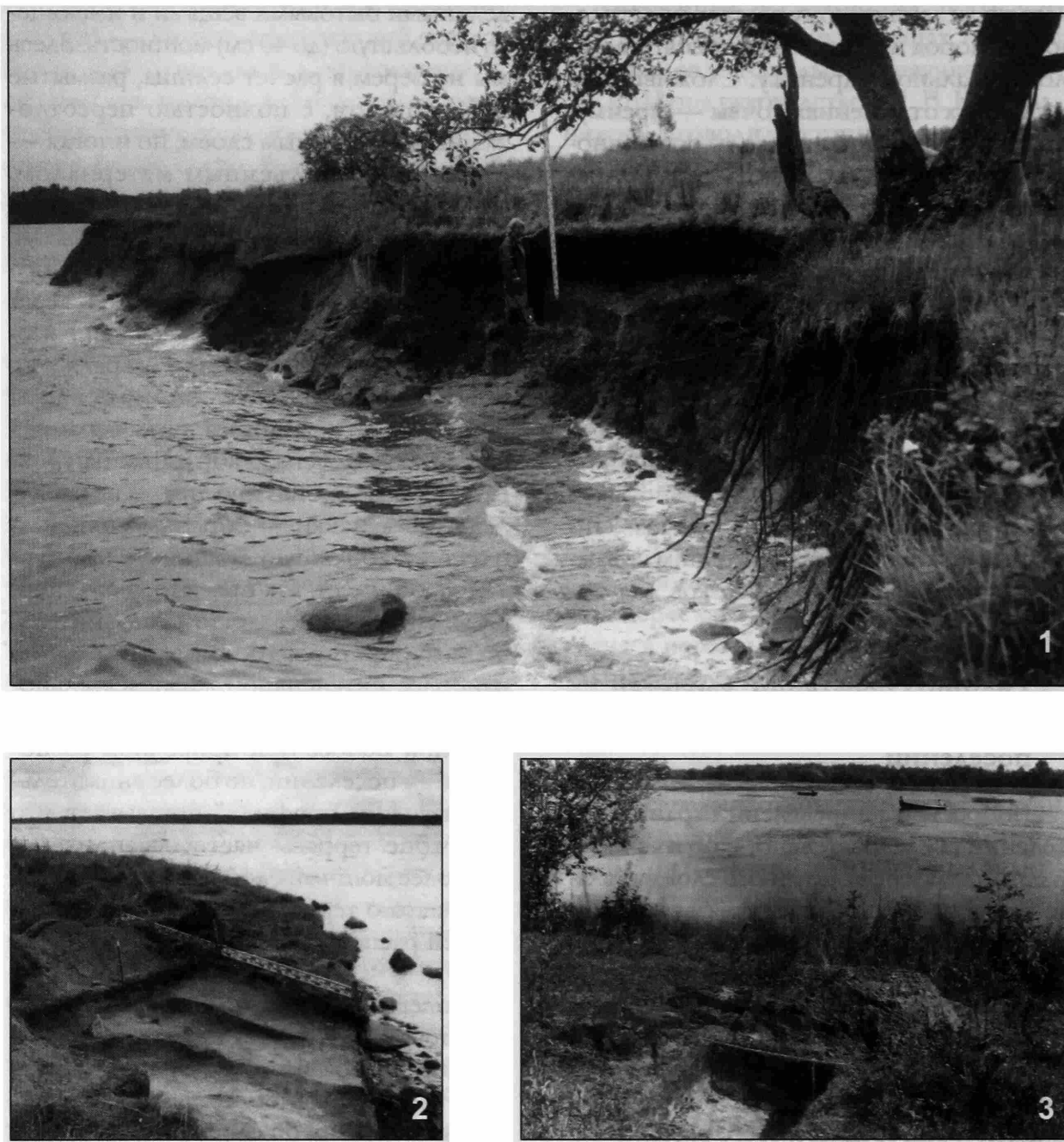

Рис. 17. Средневековые поселения и могильники на Шексне и Белом озере.

- 1 — поселение Шуклино В на Шексне. В зачистке видна линза темного культурного слоя с керамикой XII–XIII вв.; 2 — могильник Пружинино IV и селище Пружинино II на Шексне. В разведочном раскопе две могильные ямы с остатками погребений XII–XIII вв.; 3 — поселение Киуй I в устье р. Киуй. В шурфе темный культурный слой с керамикой XI–XIII вв.

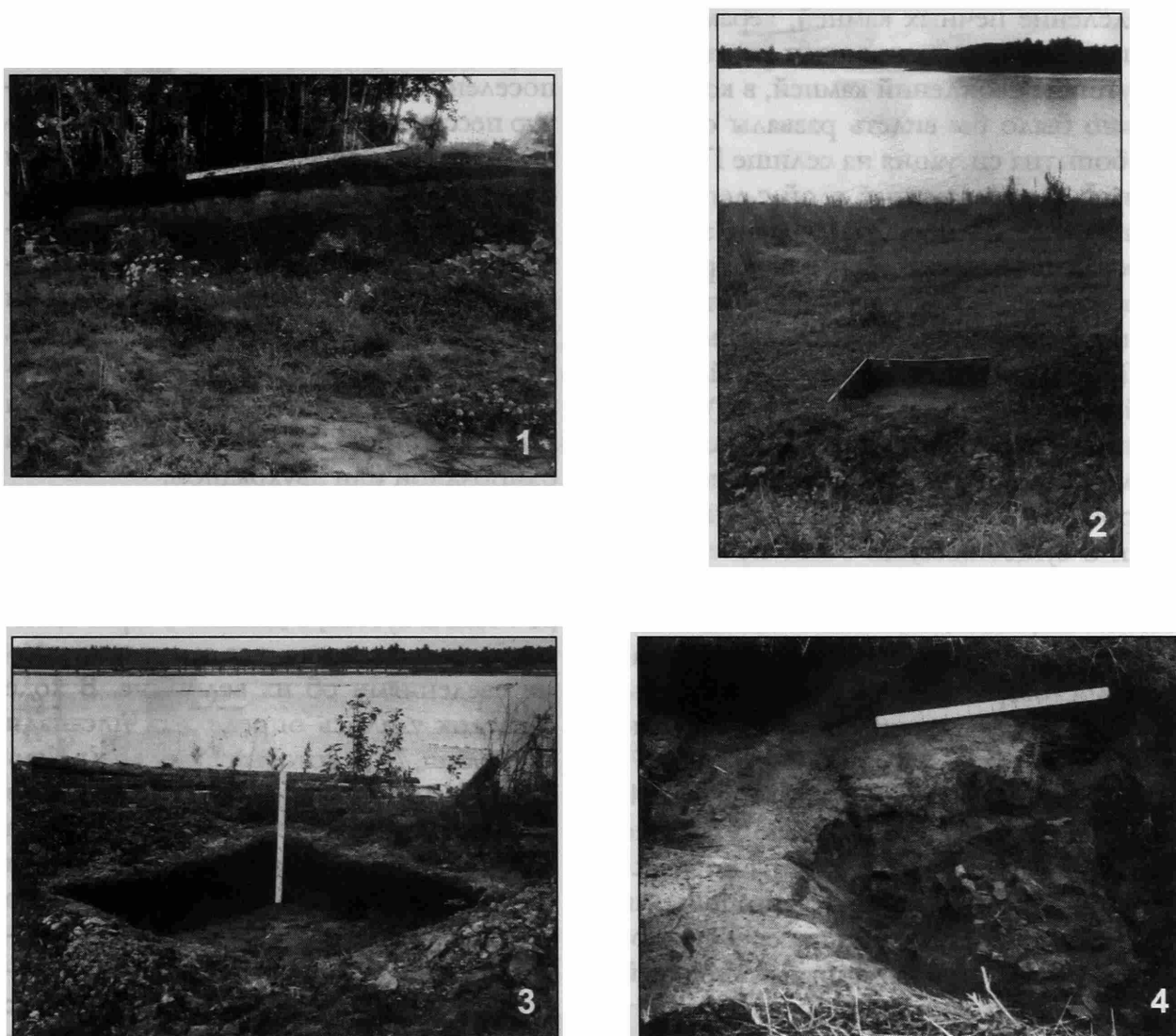

Рис. 18. Культурный слой белозерских селищ X–XIII вв.

1 — селище Шуклино А на р. Шексне, зачистка культурного слоя; 2 — селище Шуклино Б на р. Шексне, шурф 7; 3 — селище Никольское IX на р. Кеме, шурф 1; 4 — селище Никольское IX на р. Кеме, развал печных камней в материковой яме

шанными старой распашкой. Об этом свидетельствует измелеченность керамики и костей животных, равномерное распределение печных камней, керамики и других находок по площади раскопов и отсутствие скоплений камней, в которых можно было бы видеть развалы очагов. Лесбопытна ситуация на селище Пружинино I, где культурный слой с лепной и круговой керамикой XII–XIII вв. зафиксирован на склоне береговой террасы, а на вершине ее, в заполнении могильных ям погребений второй половины XII–XIII вв., выявлен культурный слой с лепной керамикой X в. (рис. 17, 2; 69). Если бы на вершине террасы, где, как оказалось, размещалось селище X в., не был позднее устроен могильник, мы никогда бы не узнали о существовании этого поселения. Число подобных примеров можно было бы многократно увеличить. В заложенных нами раскопах, шурфах и зачистках участки достоверно непо потревоженного культурного слоя выявлены лишь на 26 селищах (№№ 17, 35, 48, 49, 52, 63, 68, 70, 77, 80, 96, 97, 144, 145, 163, 182, 186, 193, 194, 202, 222, 224, 227, 229, 281, 306), хотя не исключено, что дальнейшие работы расширят этот список. С другой стороны, на подавляющем большинстве средневековых селищ непо потревоженный культурный слой залегает лишь на небольших участках или в подпечных ямах. Залегание его на значительной площади отмечено лишь на единичных памятниках (Никольское V (рис. 20), Никольское IX (рис. 18, 3, 4), Никольское XIII, Волок В, Карботка III (рис. 11, 2), Кудрино).

Таким образом, пятна культурного слоя, составляющие археологически фиксируемые селища, — это не реальные участки, занятые средневековыми поселени-

ями, а результаты их разрушения и трансформации ландшафта. Следует ли из этого, что конфигурация и размеры этих пятен не несут никакой информации о планировке и размерах средневековых поселений? Такой вывод был бы чересчур пессимистичным. Вытянутость большинства селищ вдоль берега реки или озера, безусловно, связана с их прибрежной планировкой, распространение культурного слоя на большой площади, несомненно, отражает значительные размеры поселений. Но, учитывая разрушенность памятников, было бы некорректным рассчитывать число дворов на площадке или пытаться определить, была ли застройка однорядной или двухрядной.

Поскольку вопрос о размерах сельских поселений будет специально рассматриваться ниже вместе с вопросом о структуре гнезд и кустов, в данном очерке целесообразно ограничиться самыми краткими сведениями об их величине. В ходе разведок удалось определить площади 116 селищ, 74 из которых находятся в Кемско-Белозерско-Шекснинском регионе и обследованы экспедицией ИА РАН, а 42 — в Андозерско-Азатском регионе и обследованы экспедицией Череповецкого музейного объединения (рис. 19). Рассмотрев распределение площадей, можно выделить 3 группы селищ: небольшие, с площадью от 250 до 7000 кв. м., более крупные, с площадью от 9000 до 15000 кв. м., и очень крупные, с площадью от 2 до 11 га. Селища первой группы численно доминируют, составляя более 85% от всей массы. Вероятно, поселения этой группы могут быть разделены на две подгруппы, с площадями от 250 до 2500 кв. м и от 3000 до 7000 кв. м., но граница между ними выражена нечетко. Наблюдения о преобладании на Белом озе-

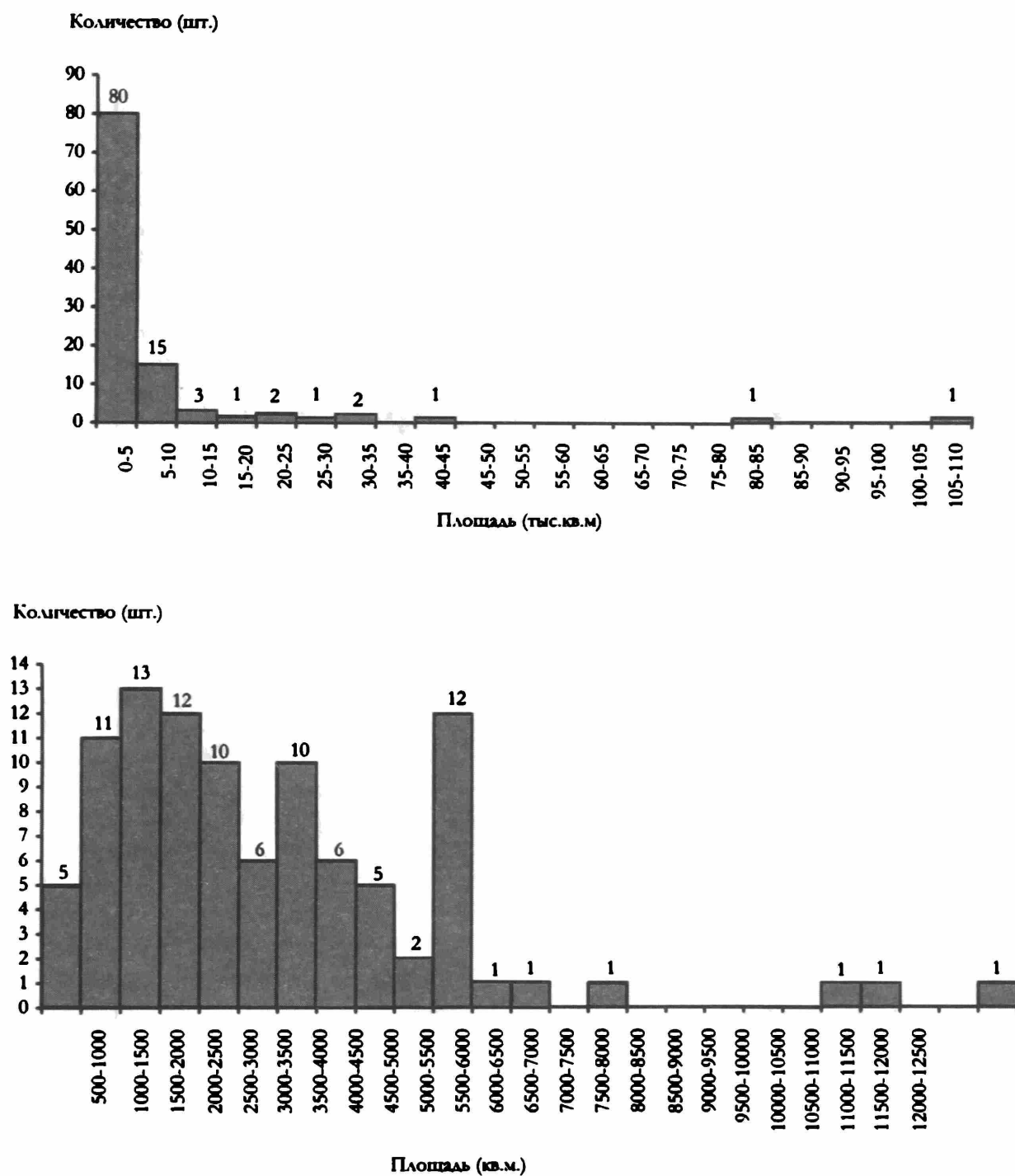

Рис. 19. Селища X–XIII вв. в районе Белого озера и Верхней Шексны. Распределение по размерам.

а — все селища с точно определимой площадью; б — селища с площадью до 12500 кв. м

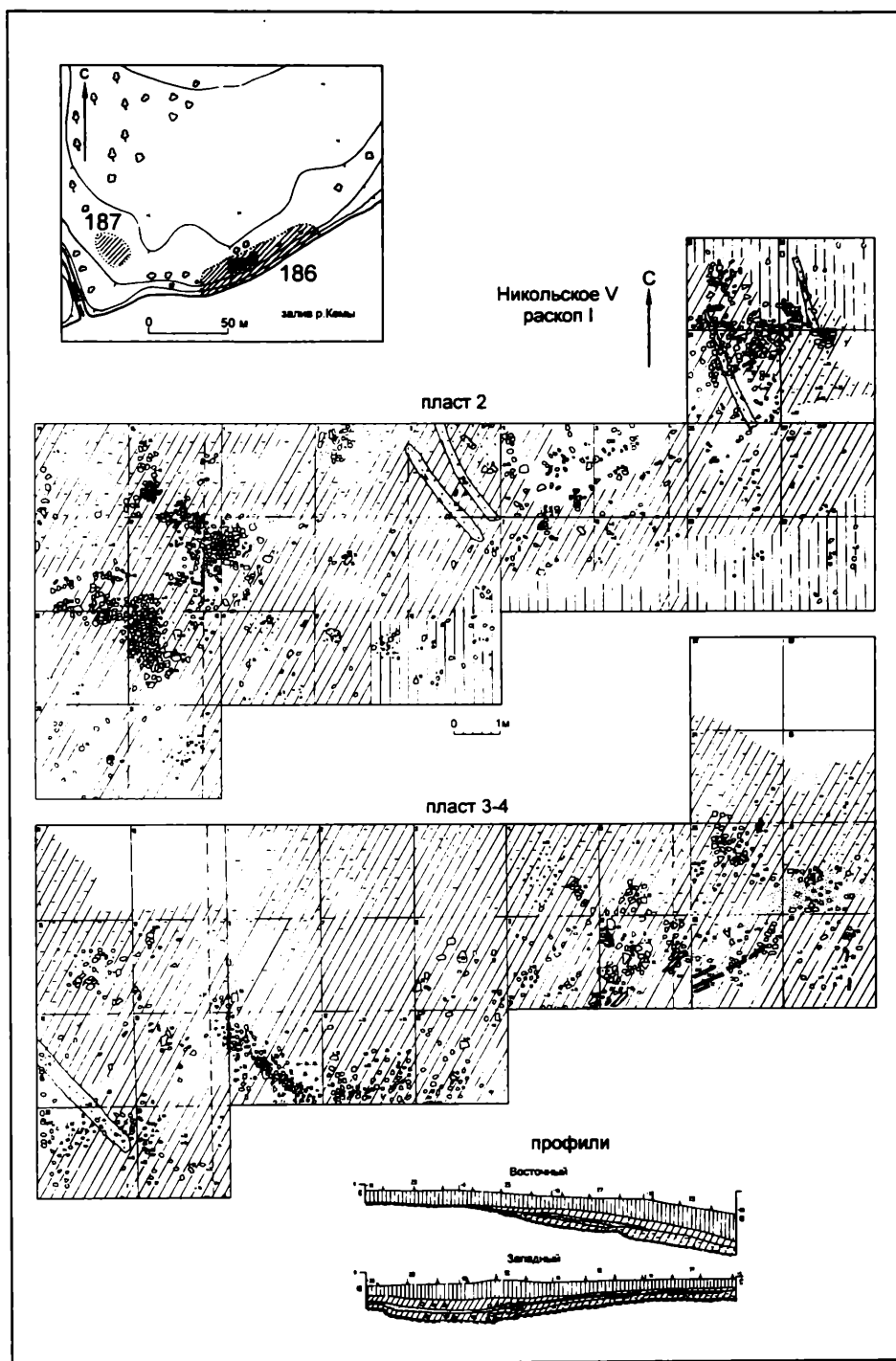

Рис. 20. Селища Никольское V и Никольское VII в нижнем течении р. Кемы.

Вверху: план местности. Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге.

Внизу: планы и профили раскопа на селище Никольское V

ре небольших поселений, впервые сделанные по итогам разведок начала 1980-х гг. (Макаров Н. А., 1988) и подкрепленные обследованием территории Волока Славенского (Макаров Н. А., 1997, с. 64–66) в целом оказались верными, однако продолжение разведок показало, что эта категория населенных пунктов была не единственной. На Белозерье существовали также крупные поселки, немногочисленные, но сосредоточившие в себе значительную часть населения региона. При этом крупные поселения находятся, главным образом, на берегах Белого озера, Кемы и Шексны, а мелкие поселения — на периферии, в глубинных микрорегионах.

Культурный слой белозерских селищ плохо сохраняет остатки сооружений. От деревянных наземных построек остаются обычно лишь развалы пережженных камней от очагов и подпечные ямы глубиной от 0,3 до 0,6 м с завалами камней и пережженной глиной (рис. 18, 4; 20). Первые зафиксированы на 9 поселениях (№№ 63, 80, 97, 144, 182, 186, 222, 224, 229), вторые — на 5 поселениях (№№ 49, 77, 80, 193, 224). Сказать что-либо определенное о конструкции этих сооружений затруднительно. Наиболее интересны остатки сооружений, вскрытые раскопками на селищах Никольское V (рис. 20), Никольский Торжок II и Кудрино и частично уже рассмотренные при исследовании расселения на Волоке Славенском (Макаров Н. А., 1997, с. 66–67).

На селище Никольское V расчищены развалы 5 очагов из дикого камня, при этом 4 развала имеют относительно хорошую сохранность и обнаруживают планиграфическую связь с остатками обугленных и истлевших бревен, представлявшими собой, вероятно, стены наземных

срубных (?) жилищ (рис. 20). Определить их размеры и планировку, а также конструкцию самих очагов не удалось. Пережженные очажные камни лежат, как правило, в два яруса, площадь развалов составляет от 2,2 до 3,5 кв. м, часть камней покоится на подушках из желтого насыпного песка. Очевидно, очаги принадлежат двум ярусам наземных построек без подпечных ям или каких-либо углубленных конструкций, сменявших друг друга на краю береговой террасы.

На селище Никольский Торжок II в раскопе частично вскрыта материковая яма размером 4,0 x 2,2 м и глубиной до 0,6 м с плоским дном и наклонными стенками. Заполнение ее в нижней части представляет собой черную гумусированную супесь с углями, золой и песком, в верхней части зафиксированы пережженные очажные камни, залегающие в беспорядке. Возможно, яма должна быть интерпретирована как остатки постройки с углубленной нижней частью.

На селище Кудрино в раскопе расчищен развал камней размером 1,2 x 2,4 м, перекрывавший глубокую (0,50 — 0,65 м) яму в форме неправильного овала размером 1,6 на 2,9 м. Пережженные очажные камни залежали в один или в два яруса на уровне верхнего края ямы в гумусированном слое, насыщенном углями и золой, и частично покоятся на подушке из спекшейся глины и песка. Нижняя часть ямы заполнена гумусированным слоем с углями и отдельными пережженными камнями. Из развала камней и заполнения ямы происходит значительное количество керамики и бытовых вещей, в том числе массивная железная цепь для подвешивания над очагом металлической посуды. Все сооружение, несомненно, должно быть интерпретировано как остатки очага с

подпечной ямой, сложенного насухо из камней и находившегося в жилой постройке. В том же раскопе в 2 м восточнее расчищен небольшой круглый в плане развал камней диаметром около 1,2 м с углями и кусками пережженной глины. Развал перекрывает яму в форме неправильного овала размером 1,2 x 1,6 м и глубиной до 0,60 м. Интерпретация сооружения неясна, возможно, это остатки открытого летнего очага.

Можно ли в конечном итоге сделать какие-либо наблюдения относительно планировки и застройки белозерских селищ? Представляется, что значительная часть поселений X–XIII вв. была вытянута вдоль берега реки или озера. 29 обследованных нами памятников имеют в плане форму сильно вытянутого овала (№№ 11, 17, 20, 33, 57, 68, 70, 77, 80, 96, 97, 121, 135, 143, 156, 163, 181, 182, 186, 193, 202, 206, 222, 227, 232, 281, 298, 305, 306). Поскольку в этот перечень включены лишь памятники с относительно хорошей сохранностью площадки, форма которых в плане определяется достаточно надежно, можно полагать, что в действительности прибрежный тип планировки встречался на Белозерье чаще. На 11 поселениях остатки очагов и подпечных ям зафиксированы непосредственно в обрыве берега или на расстоянии не более 10 м от края террасы или обрыва берега, что безусловно свидетельствует о прибрежном характере застройки. Небольшая ширина полосы культурного слоя (не более 15–20 м) на ряде селищ, имеющих неплохую сохранность (№№ 20, 181, 186, 202, 231, 232, 281; рис. 6, 2; 20; 69), позволяет с большой долей вероятности предполагать, что застройка этих поселений была однорядной. С другой стороны, прибрежный тип пла-

нировки и застройки поселений не был единственным на Белозерье в X–XIII вв. В ходе наших обследований зафиксирован ряд поселений овальной или неправильной в плане формы с близкими значениями длины и ширины (№№ 5, 129, 145, 161, 162, 187, 189, 198; рис. 6, 3; 73). Эти поселения не могли иметь прибрежной однорядной застройки. Возможно, некоторые из них, имеющие сравнительно небольшие размеры, представляют собой остатки однодворных поселений.

Вопрос о наличии усадебной планировки на белозерских поселениях X–XIII вв. остается неясным. Прояснить его могут лишь раскопки широкой площадью на селищах с ненарушенным культурным слоем. Кучное расположение развалов очагов и подпечных ям на селищах Никольское V, Кудрино и на поселении Крутик указывает, как будто бы, на тесное расположение построек, при котором разделение на дворы сомнительно, но для сколько-нибудь надежных выводов материалов недостаточно.

Вещевой материал и датировка

После широких раскопок средневековых белозерских могильников, поселения Крутик и серии селищ в среднем течении Шексны и полевых работ на Старом городе Белозерье стало регионом, из которого происходит громадная коллекция вещевого материала X–XIII вв. — в том числе сотни вещей датирующих типов — стеклянные бусы, монеты, украшения из цветных металлов. Погребальные комплексы белозерских могильников в ряде случаев могут быть датированы с большой точностью (Макаров Н. А., 1990; Макаров Н. А., 1997), как и культурные напластования отдельных поселений, исследо-

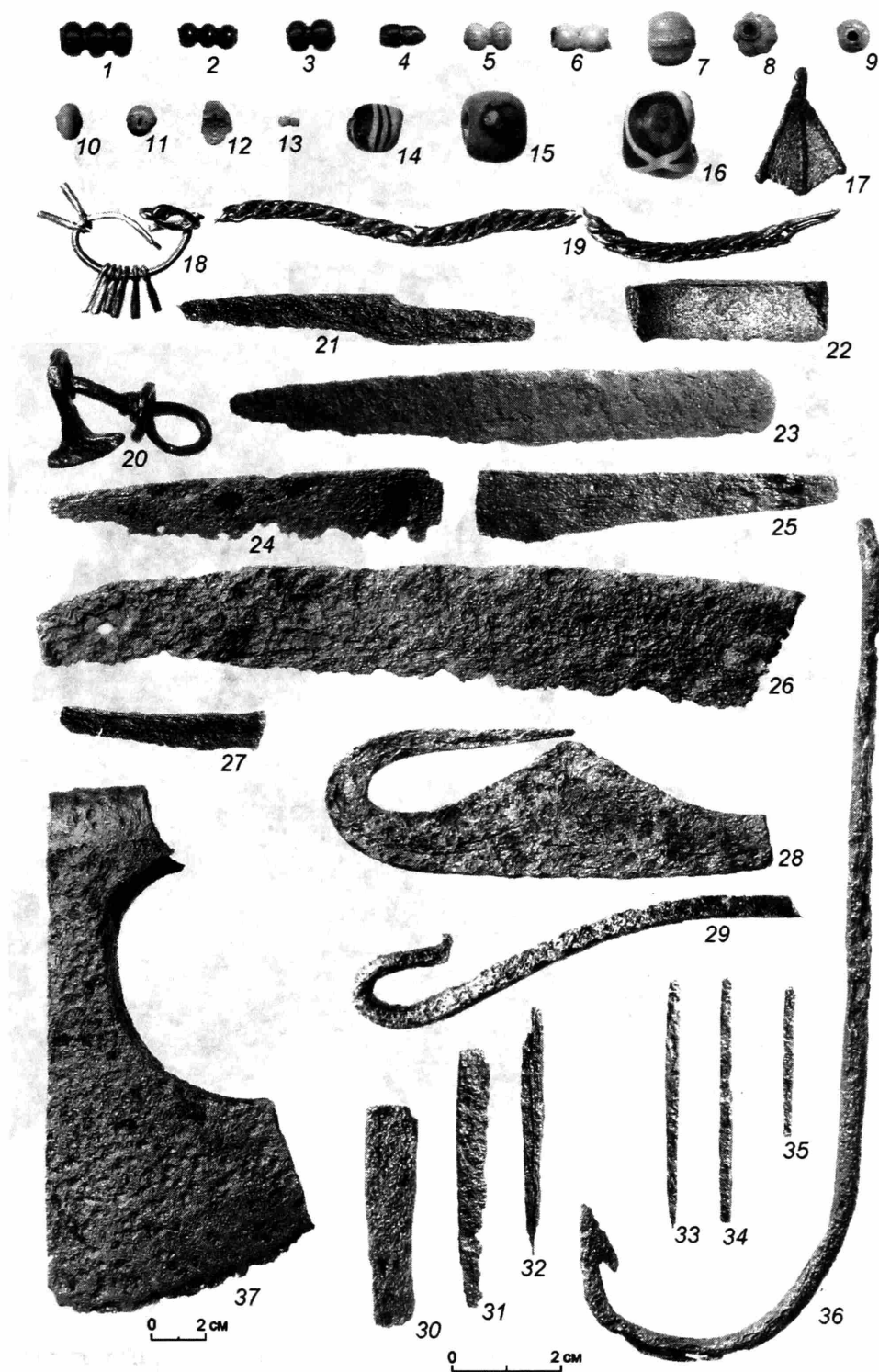

Рис. 21. Селище Никольское V в низовьях р. Кемы. Вещевой материал из раскопок.

1-16 — стекло; 17, 19 — бронза; 18 — серебро; 20-37 — железо

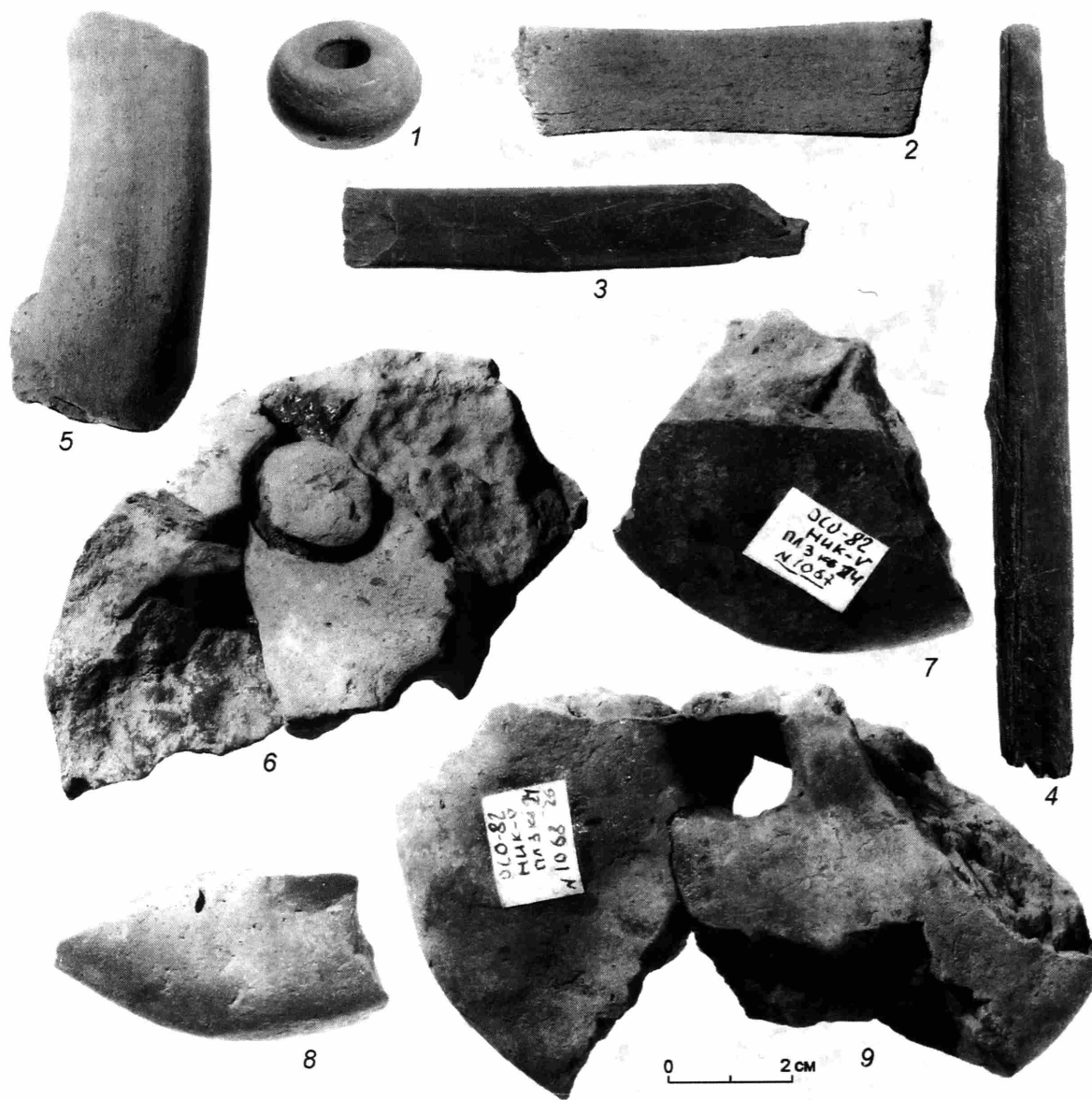

Рис. 22. Селище Никольское V в низовьях р. Кемы. Вещевой материал из раскопок.

1-4 — камень; 5-9 — глина

Рис. 23. Селище Никольское V в низовьях р. Кемы. Орнаментированная лепная керамика

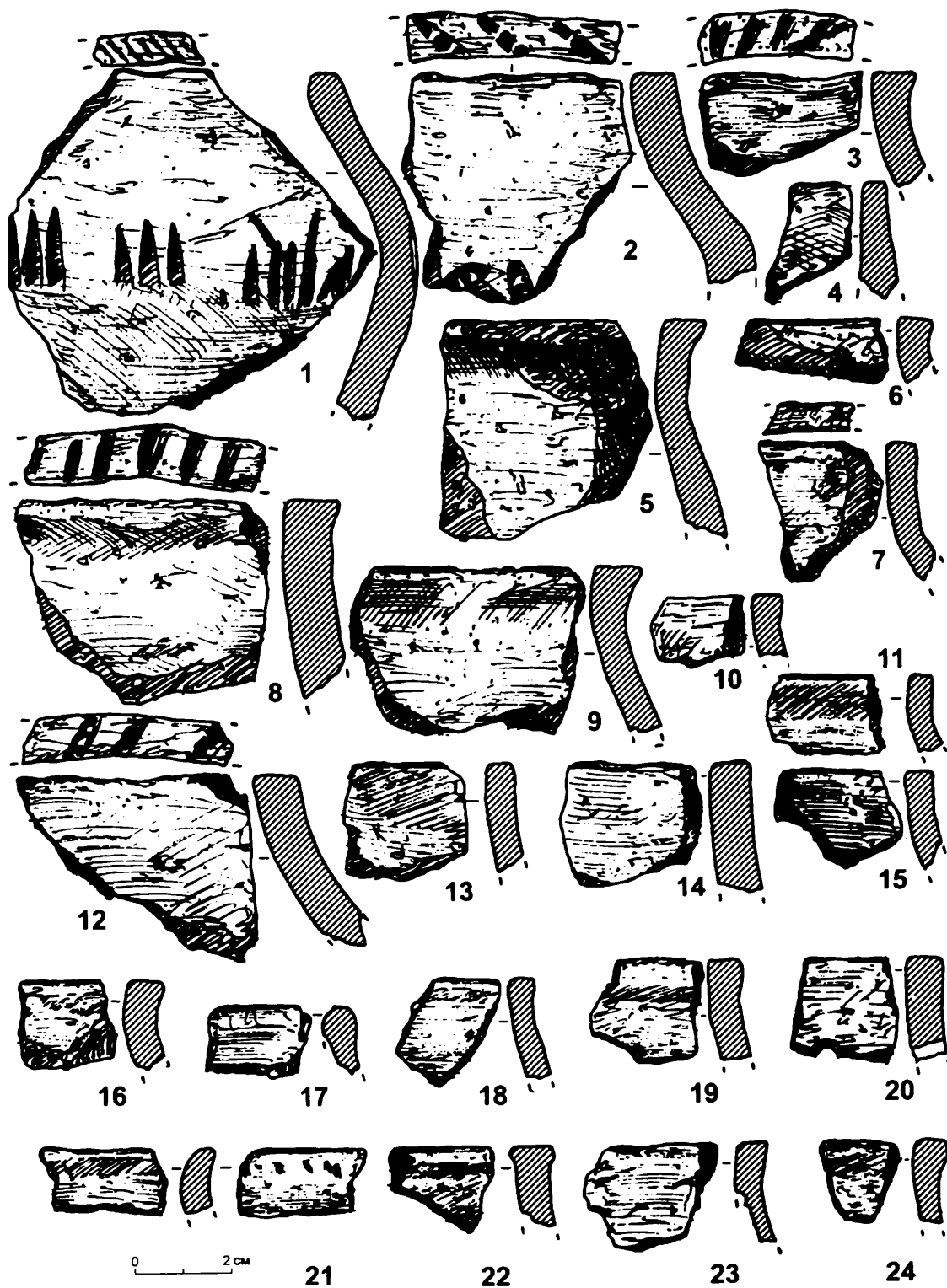

Рис. 24. Селище Никольское VIII в низовьях р. Кемы. Лепная средневековая керамика

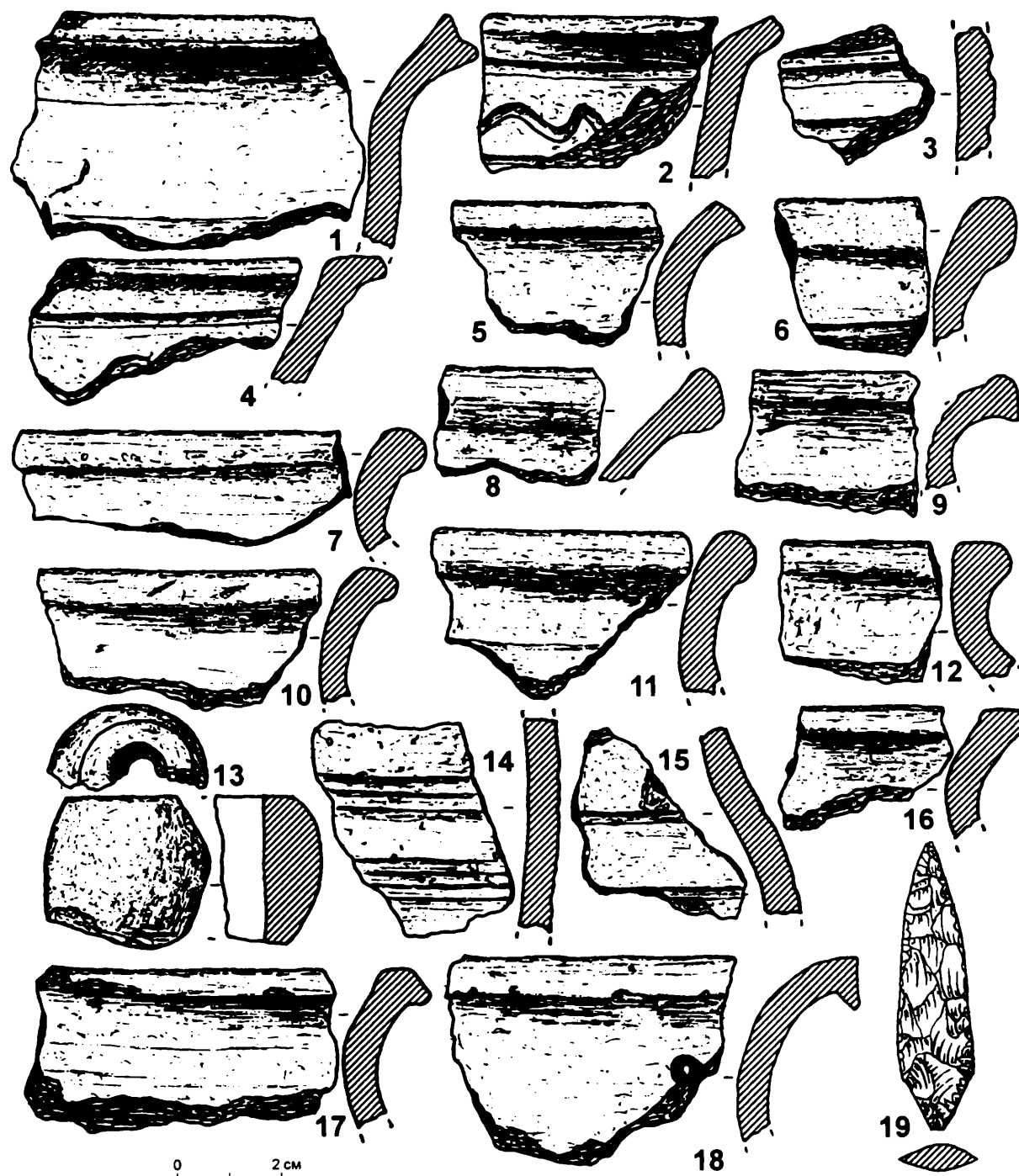

Рис. 25. Поселения Погостище А и Погостище Б на р. Молдоне.

Вещевой материал из сборов на поверхности.

1–16, 19 — Погостище А; 17, 18 — Погостище Б.

1–12, 14–18 — круговая керамика; 13 — глиняное грузило; 19 — кремневый наконечник стрелы

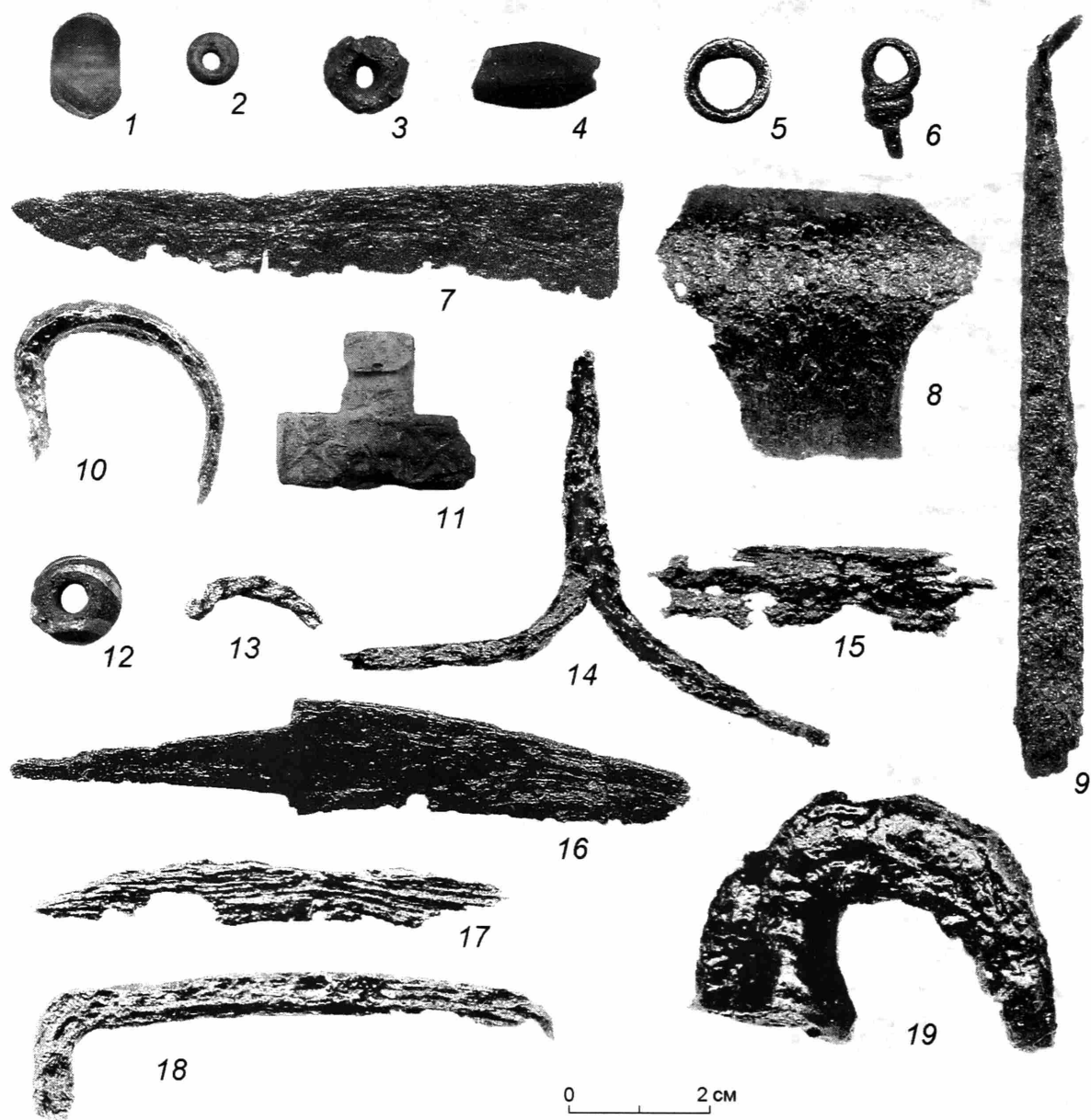

Рис. 26. Поселения Погостище А и Погостище Б. Вещевой материал из сборов на поверхности.

1–11 — Погостище А; 12–19 — Погостище Б.

1–4, 12 — стекло; 5–6, 13 — бронза; 11 — камень; 7–10, 14–19 — железо

ванных раскопками или путем многолетних поверхностных сборов (Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991; Захаров С. Д., 1993; Кудряшов А. В., 1992; Кудряшов А. В., 1996). Материал, собранный в процессе обследования белозерских селищ в результате шурфовки, сборов и небольших раскопок, значительно беднее по своему объему и ассортименту, чем материал могильников, хотя и богаче, чем материал сельских поселений южной и средней России. На 56 обследованных нами селищах собрана лишь средневековая керамика, на 41 собраны, кроме того, предметы из железа, цветных металлов, стекла, камня, кости и глины. На большинстве селищ число этих находок не превышает 2-3 предметов, однако на некоторых памятниках (Никольское IX, Никольское V, Кудрино) собрано по 30-50 индивидуальных находок.

Рассмотрим подробнее состав находок на селищах. Из железных вещей здесь встречены ножи (63 экз., №№ 17, 49 (2 экз.), 52, 68, 71, 72, 77 (6 экз.), 80, 84 (2 экз.), 91, 96 (3 экз.), 97 (4 экз.), 143 (2 экз.), 145, 163, 183, 186 (12 экз.), 187, 193 (5 экз.), 194 (3 экз.), 202 (4 экз.), 204 (2 экз.), 224 (2 экз.), 227, 306 (4 экз.); рис. 21, 21–25; 26, 7, 16–17; 56, 29–30; 57, 7; 58, 6, 7; 67, 28–30; 75, 6), калачевидные, овальные и прямоугольные кресала (5 экз., №№ 70, 97, 181, 186, 202; рис. 21, 28; 58, 5), целые топоры и их фрагменты (4 экз., №№ 70, 96, 163, 186; рис. 21, 37; 26, 8; 75, 5), детали замков (4 экз., №№ 96, 97, 121, 306; рис. 26, 19) и ключи типа А (1 экз., № 194; рис. 57, 6), ледоходные шипы (1 экз. — № 97; рис. 26, 14), наконечники стрел (8 экз., №№ 143, 144, 180, 204 (2 экз.), 306 (3 экз.); рис. 67, 25, 26), остроги (3 экз., №№ 143, 193, 306; рис. 56, 31; 67, 31), рыболовные крючки (№№ 51, 186; рис. 21, 36), обломок косы

(№ 186; рис. 21, 26), ботало (№ 186), острие с кольцом (1 экз., № 204), очажная цепь с крючком для подвешивания котла (1 экз., № 77), трубочка с петлей (т. н. «трубочка для трута», 1 экз., № 84), а также скобы, обломки игл, шильев, клинья от топоров и неопределимые предметы. Необычной находкой является амулет — молоточек Тора, закрепленный на железном костыльке цепочки (1 экз., № 186; рис. 21, 20).

Изделия из камня представлены шиферными пряслицами (24 экз., №№ 1, 7, 68, 77 (4 экз.), 143, 163 (2 экз.), 181 (2 экз.), 186, 207, 212, 227 (4 экз.), 228, 306 (4 экз.); рис. 22, 1; 61, 8–10; 67, 33; 75, 2), крестами-тельниками с прямоугольными концами (1 экз., № 306; рис. 67, 32), оселками неправильной и призматической формы (12 экз. — №№ 77, 144 (2 экз.), 163, 186 (6 экз.); рис. 22, 2–4), 193, 194) и рыболовным грузилом (1 экз., № 227).

Среди изделий из глины целые и фрагментированные пряслица (3 экз., №№ 77 (2 экз.), 84), диски от вертикального ткацкого станка (3 экз., № 186; рис. 22, 6–9), льячки (1 экз., № 286), тигли (1 экз., № 286), кузнечные сопла (2 экз., № 51) и рыболовные грузила (1 экз., № 84, исключая многочисленные случаи, когда принадлежность этих предметов к средневековому комплексу проблематична).

Изделия из кости и рога представлены фрагментами односторонних расчесок (1 экз., № 186) и двусторонних гребней (5 экз., №№ 193 (2 экз.), 207, 212, 292; рис. 56, 32).

Среди изделий из стекла фрагменты браслетов (4 экз., №№ 79, 210, 224 (2 экз.); рис. 61, 1, 2) и бусы (58 экз., №№ 52, 68, 84 (3 экз.), 96 (4 экз.), 97, 131 (2 экз.), 163 (2 экз.), 180, 181, 186 (25 экз.), 188, 189, 193 (10 экз.), 194, 206, 227, 306 (2 экз.)). В чис-

ле последних рубленый бисер (2 экз., №186; рис. 21, 13), желтые, синие и продольно-полосатые одинарные и многочастные лимонки (24 экз., №№ 84, 180, 181, 186 (16 экз.), 188, 189, 193 (3 экз.); рис. 21, 1–12; 56, 3–6), зонные желтые, зеленые, темно-серые и обесцвеченные (12 экз., №№ 52, 68, 96 (3 экз.), 131 (2 экз.), 163, 193 (2 экз.), 206, 227; рис. 26, 1–3; 56, 8, 11, 12; 61, 3–5), зонная красная из глухого стекла (№ 84), зонная навитая темно-коричневая с белым пластическим петлевым орнаментом (№ 97; рис. 26, 12), синяя призматическая белоромбическая (№ 163; рис. 75, 1), синяя кубическая (№ 84), призматическая прозрачная с продольным рельефным орнаментом (№ 84), синяя рыбовидная (№ 96; рис. 26, 4), глазчатые черные, желтые и синие с петлями (10 экз., №№ 186 (6 экз.), 193 (3 экз.), 194; рис. 21, 14–16; 56, 9–10; 57, 1), синие кольцевидные (1 экз., № 186), фрагмент мозаичной (1 экз., № 193; рис. 56, 3), синяя битрапецидная (1 экз., № 193).

Коллекция изделий из цветных металлов и серебра включает бытовые вещи, предметы христианского и языческого культа, монеты и украшения, составляющие наиболее значительную ее часть. На белозерских селищах собрано большое количество бронзовых пластин, основная часть которых, безусловно, может быть атрибутирована как фрагменты металлической посуды (38 экз., №№ 77 (2 экз.), 84, 180 (2 экз.), 181 (2 экз.), 182 (2 экз.), 186, 187, 193 (5 экз.), 202, 224, 306 (20 экз.); рис. 56, 23, 24, 28; 58, 3; 67, 22, 23). В составе коллекции 6 металлических крестовельников (№№ 77, 193, 202, 222, 306 (2 экз.); рис. 56, 15; 58, 1; 59, 6; 67, 14, 15) и круглый образок с изображением Успения (№ 162; рис. 75, 4). Монеты пред-

ставлены целым дирхемом (Аббасиды, алмуттаки, 941–942 гг. н. э., мухаммадия — № 193) и шестью обломками (№ 306; рис. 56, 2; 67, 1–6) и пятью фрагментами денариев (№ 306; рис. 67, 8–12). Среди украшений проволочные височные кольца перстнеобразные и среднего диаметра (6 экз. — №№ 77 (3 экз.), 193, 194, 210; рис. 56, 19; 57, 2), мелкие проволочные колечки (2 экз. — №№ 96, 306; рис. 26, 5; 67, 21), обломок витой гривны (№ 222; рис. 61, 7), перстни пластинчатые (4 экз. — №№ 84, 193, 306 (2 экз.); рис. 56, 16; 67, 19, 20), широкосрединный с рифленым орнаментом (1 экз. — № 193; рис. 56, 14), ложноплетеный (1 экз. — № 97; рис. 26, 13), рубчатый (1 экз. — № 194), браслеты плетеные (1 экз. — №186; рис. 21, 19), витые (2 экз. №№ 194, 202; рис. 57, 3; 58, 12), пластинчатый с растительным орнаментом (1 экз., № 193; рис. 56, 17), круглодротовый с заостренными концами (1 экз., № 193), поясные бляшки (4 экз., № 84, 181, 193, 306; рис. 56, 1), амулеты — стерженьки на кольце (1 экз., № 186; рис. 21, 18), подвески монетовидные (1 экз., № 204), плоская подвеска-конек (1 экз., № 306; рис. 67, 17), колоколовидные привески (1 экз., № 49), трапециевидные привески (1 экз., № 286), бубенчики крестопрорезные (2 экз., № 306), ушко подвески (1 экз., № 193; рис. 56, 18), игла от фибулы (1 экз., № 193), костыльки от цепочек для крепления привесок (2 экз., №№ 48, 96; рис. 26, 6), привеска-лапка (1 экз., № 186; рис. 21, 17), пуговица (1 экз., № 193; рис. 56, 12). Найдены также фрагменты проволоки (1 экз., № 193) и бронзовый стержень-заготовка браслета (1 экз., № 186).

Белоозеро — крайний на Северо-Востоке Руси район с массовыми находками керамики на селищах X–XII вв. Север-

нее и северо-восточнее — на Онеге, оз. - Лача и Воже, в бассейне Ваги и в верховьях Северной Двины производство и использование керамики в этот период было ограниченным.

Наличие нескольких специальных работ, посвященных лепной керамике Белозерья (Макаров Н. А., 1985; Макаров Н. А., 1989; Макаров Н. А., 1991), и отдельных публикаций, в которых рассматривается круговая керамика ключевых памятников X–XIII вв., исследованных раскопками (Голубева Л. А., 1973, с. 161–166; Макаров Н. А., 1990, с. 57–65; Макаров Н. А., 1997, с. 67–69, 123–124) избавляет меня от необходимости подробно останавливаться на характеристике керамических форм и орнаментов. Сильно фрагментированный материал селищ мало что добавляет к характеристике средневековой керамики Белозерского края, основывающейся на материалах широко раскопанных памятников с большим количеством целых форм. Однако именно этот материал, составляющий наиболее многочисленную группу находок, принципиально важен для выделения селищ конца IX–XIII вв. как особого культурно-хронологического пласта памятников. По своим внешним признакам керамика этого периода легко отличается как от более ранней, лепной со штрихованной или гладкой поверхностью, так и от более поздней, круговой сероглиняной, изготовленной на быстром круте. В то же время она сравнительно плохо поддается более дробному хронологическому расчленению. На Белом озере нет стратифицированных поселений с культурным слоем X–XIII вв., исследование которых дало бы возможность для составления общей хронологической шкалы керамики. Остановлюсь коротко на характе-

ристике основных групп керамики конца IX–XIII вв.

Грубая лепная керамика с шероховатой и заглаженной поверхностью и примесью крупной или средней дресвы или песка в тесте найдена на 91 поселении (№№ 5, 11, 17, 20, 27, 29, 30, 31, 32, 34, 35, 49, 51, 52, 62, 63, 66, 68, 69, 70, 73, 74, 79, 81, 84, 85, 91, 97, 121, 122, 127, 128, 129, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 143, 144, 154, 155, 156, 157, 159, 160, 161, 162, 163, 180, 181, 182, 183, 184, 185, 186, 188, 189, 190, 193, 194, 198, 199, 202, 204, 206, 210, 222, 223, 224, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 236, 265, 278, 281, 286, 292, 303, 304, 305, 306, 307, 308, 310, 311; рис. 23; 24; 37, 17, 18; 53, 2, 3, 5, 6, 8; 54, 1–6, 8–12; 14, 15; 55, 1, 3–12, 14–16; 62; 63, 1–2, 4, 5, 7–12, 17, 18, 2; 66, 1–3, 5–12, 14–16; 71, 1, 3–4, 6, 11, 14–17, 19–20, 22; 74, 1, 3, 17). Часть фрагментов украшена штампованным орнаментом и насечками. У фрагментов верхних частей сосудов венчик, как правило, прямой или немного отогнутый наружу. Всего на белозерских селищах найдено несколько тысяч фрагментов подобной керамики, без учета коллекции с поселения Крутик, насчитывающей более 53 000 фрагментов.

Гладкая лепная керамика с хорошо промешанным тестом и примесью мелкой дресвы представлена на 3 поселениях (№№ 160, 186, 286). На всех памятниках, кроме Крутика, найдено от нескольких фрагментов до нескольких десятков фрагментов подобной керамики, на Крутике их найдено не менее 10 000.

Наиболее многочисленной на белозерских селищах является круговая древнерусская керамика, именуемая обычно сероглиняной, но в действительности имеющая нередко коричневую или розовую поверхность. Черепок ее в изломе часто

бывает трехслойным, тесто содержит примесь мелкой дресвы и песка. Часть фрагментов украшена редким линейным или волнистым орнаментом или оттисками зубчатого колесика. Фрагменты верхних частей имеют четко выраженную отогнутую наружу шейку, варианты оформления венчика разнообразны. Преобладают отогнутые наружу и прямые венчики с округлым, слегка утолщенным, косо срезанным наружу или «секировидным» краем. Количество фрагментов, найденных на 93 памятниках, насчитывает около 10000 (№№ 5, 7, 9, 10, 11, 17, 20, 28, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 48, 49, 51, 52, 57, 62, 63, 65, 66, 68, 69, 70, 71, 72, 73, 76, 77, 78, 79, 80, 81, 85, 89, 91, 96, 97, 121, 127, 128, 130, 131, 132, 133, 135, 136, 143, 145, 154, 155, 156, 157, 161, 162, 163, 181, 182, 183, 184, 186, 187, 188, 189, 193, 194, 198, 199, 204, 206, 207, 210, 222, 224, 227, 228, 229, 230, 231, 232, 236, 289, 292, 294, 297, 298, 303, 305, 306, 307, 308; рис. 25, 1–12, 14–18; 53, 1, 4, 7, 9–12; 54, 7, 13; 55, 2, 13; 63, 3, 6, 13–16, 19, 21, 22; 66, 4, 13; 71, 2, 5, 7–10, 12, 13, 18, 21; 74, 2, 4–16).

В общей массе круговой древнерусской керамики выделяются фрагменты с густой волнистой и линейной орнаментацией, покрывавшей, очевидно, значительную часть сосуда. Черепок в изломе трехслойный, поверхность его розовая или коричневая. Немногочисленные (всего около 100) фрагменты подобной керамики зафиксированы на 8 селищах (№№ 17, 186, 193, 204, 222, 224, 227, 306).

Фрагменты белоглиняной круговой керамики, изготовленной из плотного хорошо промешанного теста, с отогнутой наружу шейкой и линейно-волнистой орнаментацией на плечике собраны на 6 селищах (№№ 5, 77, 80, 154, 227, 230). По профилировке и орнаментации эта кера-

мика сходна с сероглиняной круговой древнерусской. Общее количество фрагментов, определенно атрибутируемых как древнерусские, не превышает 50, однако кроме них на селищах представлена белоглиняная керамика, которая может быть отнесена как к домонгольскому, так и к позднесредневековому времени.

Единичные фрагменты красноглиняной лощеной круговой керамики болгарского происхождения представлены на поселении Крутик и селище Никольское V на Кеме (рис. 22, 5). В культурном слое последнего их собрано всего 7.

Состав вещевой коллекции, собранной на белозерских селищах, позволяет охарактеризовать их как обычные сельские поселения, материальная культура которых во многом близка культуре областного центра — города Белоозера. Находки характеризуют обитателей селищ как достаточно состоятельное население с широким спектром внешних связей, ориентированных на древнерусскую метрополию, на Балтику, и в меньшей степени на Волжскую Булгарию. Вещевой материал отражает занятия обитателей селищ промыслами (в том числе рыбной ловлей и охотой), а также скотоводством, карпологические материалы, связанные с земледелием, будут специально рассмотрены ниже. Отдельные находки указывают на занятия ремеслами. Представляется существенным присутствие на селищах как мужских, так и «женских» вещей (бус, металлических украшений), подтверждающее функционирование их как нормальных стабильных поселений.

Оценивая датирующие возможности вещевого материала белозерских селищ, мы должны иметь в виду, что в основном он найден вне комплексов и стратифици-

рованных слоев. Учитывая относительную длительность бытования большинства типов вещей и керамики, это обстоятельство создает определенные сложности для получения узких дат. В целом ряде случаев, при недостатке выразительных в хронологическом отношении типов вещей и керамических форм, мы вынуждены датировать памятники в широких границах X–XIII вв., не выделяя более дробных хронологических комплексов. Но на целом ряде поселений можно выделить материалы относительно узких временных интервалов. Опорой для их датировки служат материалы белозерских поселений и могильников, исследованных широкими раскопками в 1980-е гг. и в более раннее время, хронология которых хорошо разработана. Речь идет, прежде всего, о таких памятниках как поселение Крутик, город Белоозеро, могильники Нефедьево, Шуйгино, Никольское III, Усть-Ситское VI, Крохинские Пески. Часть комплексов на этих памятниках содержит западноевропейские и куфические монеты, для некоторых комплексов получены радиоуглеродные даты.

На белозерских поселениях относительно четко выделяется хронологическая группа материалов конца IX–X вв., представленная на 29 памятниках, включая памятники Андозерско-Азатского района. Индикатором этого периода служат находки дирхемов, скандинавской поясной бляшки в стиле Борре и бляшки с растительным орнаментом, железного амулета-молоточка, некоторых типов бус, в том числе мозаичной, рубленого бисера, продольно-полосатых лимонок, широкосрединного перстня с продольными каннелюрами, трапециевидных привесок, ножей с прямой спинкой, а также чистые

комплексы лепной керамики, включающие фрагменты профилированных сосудов типа I, сосудов с заглаженной поверхностью, сосудов, орнаментированных оттисками веревочки и веревочки на палочке. С более широким хронологическим периодом, охватывающим X–XI вв. или конец X — начало XII вв., связаны находки ножей с узким клиновидным лезвием, основной массы одинарных и многочастных лимонок, глазчатых бус, ключей типа А. Комплексы чистой лепной керамики на большинстве белозерских памятников, исследованных широкими раскопками, должны быть датированы временем не позднее конца X в. Однако учитывая, что в могильнике Нефедьево в погребениях XI в. не найдено ни одного кругового сосуда (Макаров Н. А., 1997, с. 67–69), можно предположить, что в некоторых микрорегионах первое появление круговой керамики относится не к концу X в. (как на Старом городе — Белоозере или на поселениях в низовьях Кемы), а к XI в., возможно, к концу этого столетия. Поэтому для некоторых наборов лепной керамики, не содержащих фрагментов с четкими хронологическими признаками X в., правильнее предложить более широкие хронологические рамки конца IX–XI вв. или X–XI вв.

Период XI — первой половины XII в. характеризуется сосуществованием лепной и круговой посуды в керамическом комплексе. Однако поскольку на большей части белозерских поселений культурный слой перемешан распашкой, совместное залегание лепной и круговой керамики далеко не всегда является указанием на принадлежность памятника к этому хронологическому интервалу. Если наборы чистой круговой древнерусской керамики или чистой лепной керамики

могут рассматриваться как компактные в хронологическом отношении, то относительно смешанного набора такое заключение не очевидно. Среди лепной керамики не удастся выделить форм, характерных исключительно для этого периода, в то же время установлено, что преобладающей формой среди лепной керамики в это время стали лепные сосуды, относительно редкие в предыдущий период. Рамочный орнамент на лепной керамике впервые появляется с начала XI в. Среди круговой керамики для этого периода характерны формы с плавным или округлым изгибом плечика и косо срезанным наружу краем, иногда оттянутым вниз, и с выпуклым плечиком и цилиндрическим горлом и прямым или немного отогнутым и косо срезанным внутрь венчиком. Значительная часть тулова сосуда при этом сплошь покрыта линейным и волнистым орнаментом. Хронологическими индикаторами комплексов этого периода выступают западноевропейские денарии, грушевидные крестопорезные бубенчики, поясные бляшки со стилизованным растительным и геометрическим орнаментом, калачевидные кресала с язычком, узкопластинчатые перстни. В XI — начале XII в. продолжается бытование многих типов вещей, появившихся в предшествующий период, например, ножей с узким клиновидным лезвием или бус-лимонок, поэтому разделить комплексы X в. и XI — начала XII вв. часто не удастся. В силу всех вышеперечисленных обстоятельств выделение комплексов XI — начала XII в. осложнено — их удалось идентифицировать лишь на 16 поселениях.

Комплексы следующего хронологического периода второй половины XII — 1-й половины XIII в. значительно легче поддаются выделению. Со второй поло-

вины XII в. круговая древнерусская керамика на Белозерье получает значительное преобладание над лепной и на рубеже XII–XIII вв. полностью вытесняет последнюю. Поэтому комплексы с чистой круговой древнерусской керамикой или со значительным преобладанием последней могут быть уверенно датированы второй половиной XII–XIII в. В этот период преобладают формы с более коротким венчиком, утолщенным, имеющим округлый валик на внешнем крае или утолщение на внутренней стороне. Линейный и волнистый орнамент становится более редким и наносится обычно лишь на верхнюю треть тулова. Помимо сероглиняной круговой представлена и белоглиняная керамика. Хронологическим индикатором этого периода являются ножи с широким плоским лезвием, кресала овальной формы, пластинчатые браслеты с растительным орнаментом и проволочные витые браслеты с петлями на концах, рубчатые перстни и перстни, изготовленные из пластинчатых браслетов, стеклянные браслеты, стеклянные бусы (зонные полупрозрачные из плохого стекла, рыбовидная, навитая темно-коричневая с белым пластическим орнаментом), металлические и каменные кресты-тельники и образок. Эти материалы собраны на 84-х поселениях.

Продолжительность существования поселений

Характер культурного слоя, неудовлетворительная сохранность памятников, недостаток узкодатированных вещей и незначительные размеры площадей, вскрытых раскопками, вынуждают быть предельно осторожным при определении продолжительности существования поселений.

Несмотря на периферийное положение Белоозера, предполагающее некоторую подвижность населения, среди обследованных нами памятников трудно указать поселения, срок жизни которых был ограничен несколькими десятилетиями. Исключение составляют, возможно, несколько небольших поселений в Северном Белозерье, на Вашкозере и Волоцком озере (№№ 135, 136, 265), но и в этих случаях малая мощность и бедность культурного слоя являются, возможно, следствием распахки.

Среди памятников Кемско-Белозерско-Шекснинского района можно выделить порядка 20 поселений, продолжительность существования которых не превышала 100–150 лет (№№ 49, 52, 70, 77, 80, 81, 84, 96, 97, 129, 143, 144, 145, 160, 180, 186, 187, 281, 286, 298), а в некоторых случаях ограничивалась, вероятно, периодом около полустолетия (№ 186). Относительно недолгая продолжительность жизни подтверждается хронологической компактностью обильного вещевого материала, собиравшегося на этих памятниках в течение нескольких полевых сезонов. Все эти поселения, кроме трех (№№ 77, 160, 286), имеют небольшие размеры. Выделяется также 11 поселений, продолжительность существования которых была не менее двух столетий (№№ 20,

68, 188, 193, 194, 204, 222, 224, 305, 306, 307), возможно, некоторые из них функционировали непрерывно со второй половины X в. до первой половины XIII в. (№№ 193, 194, 222, 224, 305, 306, 307). В этой группе преобладают крупные селища. Определить длительность существования остальной части белозерских поселений пока не представляется возможным.

При всем недостатке данных для уточнения хронологии и динамики развития сельских поселений X–XIII вв. в районе Белого озера мне представляется, что мы имеем дело с достаточно стабильными образованиями. Ниже я попытаюсь показать, что эта стабильность особенно ярко выражена на уровне локальных гнезд поселений. Прекращение жизни на том или ином поселении часто связано с локальными перегруппировками и сопровождается появлением новых поселений в том же микрорегионе, иногда — на расстоянии 200–300 м. Смысл этих перегруппировок неясен. Необходимость возделывать новые поля и эксплуатировать новые промысловые угодья, периодически возникавшая при использовании примитивных систем земледелия, в данном случае не может рассматриваться как возможное объяснение, поскольку она требовала переноса поселения на значительно большие расстояния.

2. РЕГИОНАЛЬНАЯ СИСТЕМА РАССЕЛЕНИЯ И ЕЕ РАЗВИТИЕ В X–XIII ВВ.

Центральная часть летописной области «Белоозеро» — район Белого озера и Верхней Шексны — характеризуется высокой по северным стандартам концентрацией археологических памятников X–XIII вв. На территории около 9000 кв. км зафиксировано 186 памятников и местонахождений X–XIII вв. 169 из этих объектов — поселения и местонахождения керамики на местах поселений с разрушенным культурным слоем.

На северо-западе, севере и востоке освоенный в X–XIII вв. район имел отчетливую границу — от других освоенных участков здесь его отделяла широкая (от 30 до 100 км) полоса незаселенных земель, значительную часть которой составляют болота и залесенные водоразделы. Эта граница пересекала р. Ковжу и р. Кему в их среднем течении, проходила по водоразделу Белого озера и озера Воже и по восточной стороне водораздела Белого озера и Кубенского озера. Менее четко обозначены западная и южная граница этого массива памятников, проходившая по Сизьминскому разливу Шексны и пересекавшая верховья р. Андоги и р. Шолы — граница, разделявшая Белозерье на северо-восточную и юго-западную части.

Белозерские памятники представляют собой наиболее крупный известный в на-

стоящее время массив поселений X–XIII вв. на Севере и в определенном смысле маркируют «край» древнерусской территории, зоны сравнительно плотного распространения древнерусских памятников. В «освоенных» районах к северу и востоку от Белого озера: на Онеге, Ваге, Сухоне и Северной Двине — концентрация археологических памятников XI — 1 пол. XIII в. значительно ниже. Хотя в XI–XII вв. ареной древнерусского расселения и промыслового освоения оказываются весьма обширные области, простирающиеся далеко на север от Белого озера, документированная археологической картой граница зоны плотного древнерусского расселения, стабилизировавшись к востоку от Белого озера, практически не меняла своих очертаний вплоть до второй половины XIII — XIV в.

Подводя предварительные итоги археологических разведок в центральной части Белозерья, один из авторов уже отметил тяготение основной массы средневековых памятников к наиболее крупному водоему — Белому озеру с впадающей в него р. Кемой и вытекающей из него р. Шексной (Макзров Н. А., 1988). Более тщательные обследования подтвердили справедливость этих наблюдений. В озерной котловине Белого озера и долинах Шексны и Кемы сосредоточено 84 посе-

ления и местонахождений X–XIII вв., т. е. ровно половина всех поселений (рис. 4). Здесь локализуются почти все крупные селища площадью более 1 га (рис. 27; исключения составляют 3 поселения в районе Азатского озера (Титово), Люпинского озера (Дюково) и Андозера (Муриновская пристань). Остальные поселения также связаны в основном с относительно крупными реками, такими как Модлона, Порозовица, Шола, Андога, Мегра, и в особенности — с крупными озерами Андозером (площадь водного зеркала 4439 га), Лозско-Азатским озером (3507 га), Никольским озером (459 га). Впрочем, величина водоема была, по-видимому, не единственным фактором, определявшим ценность и привлекательность территории для заселения: берега некоторых достаточно крупных озер, таких как Дружинское (площадь водного зеркала — 1400 га), Иткольское (770 га), Сиверское (957 га), Сотозеро (907 га) в XI–XIII вв. не были заселены, тогда как на Вашкозере (площадь водного зеркала — 173 га), Люпинском озере (257 га), Покровском озере (200 га), существенно уступавшим озерам первой группы по своим размерам, существовали средневековые поселения. При выборе участка для устройства поселений большое значение имел характер ландшафта, рельеф, конфигурация речных и озерных систем на той или иной территории и направление основных путей сообщения. Однако, как уже отмечалось в предыдущей главе, практически все поселения древнерусского времени в исследованном районе связаны с открытыми водоемами. Водораздельные участки и участки вблизи малых рек и озер оставались неосвоенными вплоть до XIV в.

Картина неравномерного распределения средневековых памятников вырисо-

вывается более отчетливо при более подробном рассмотрении карты (рис. 27). 37 поселений находится на побережье Белого озера и в устьях впадающих в него рек, 27 — в долине Шексны в верхнем ее течении (рис. 28, 29), 20 — в низовьях р. Кемы, одной из двух наиболее крупных рек, впадающих в Белое озеро, 3 — к западу от Белого озера в верхнем течении р. Мегры и среднем течении р. Шолы, 26 — к востоку от Шексны в районе Покровского озера и Волока Славенского, 48 — к западу от Шексны и к югу от Белого озера в районе Лозско-Азатского озера (25) (рис. 30) и Андозера и верховьев р. Андоги (23), 8 — к северо-востоку от Белого озера на малых озерах и р. Модлоне. На значительной части территории Белозерья поселения и могильники X–XIII вв. отсутствуют. Контуры Белоозера как особого административно-политического образования XIII–XIV вв., реконструированные по письменным источникам, оказываются значительно шире, чем контуры основного массива поселений X–XIII вв. на севере и востоке рассматриваемого региона.

Некоторую возможность независимой проверки наблюдений об отсутствии постоянного населения на водораздельных участках и участках вблизи малых рек и озер дает исследование спорово-пыльцевых материалов из 23-х разрезов озерных и болотных отложений на востоке Белозерско-Кирилловских гряд, выполненное палеоботаником Н. Б. Афанасьевой в связи с изучением лесов этого района. Отбор проб производился в разрезах на горе Мауре, Цыпиной горе, к северу от Бородаевского озера вблизи старого Каргопольского тракта, в районе Окуловского озера и Лимоновского озера. Судя по документам XV в., большинство перечис-

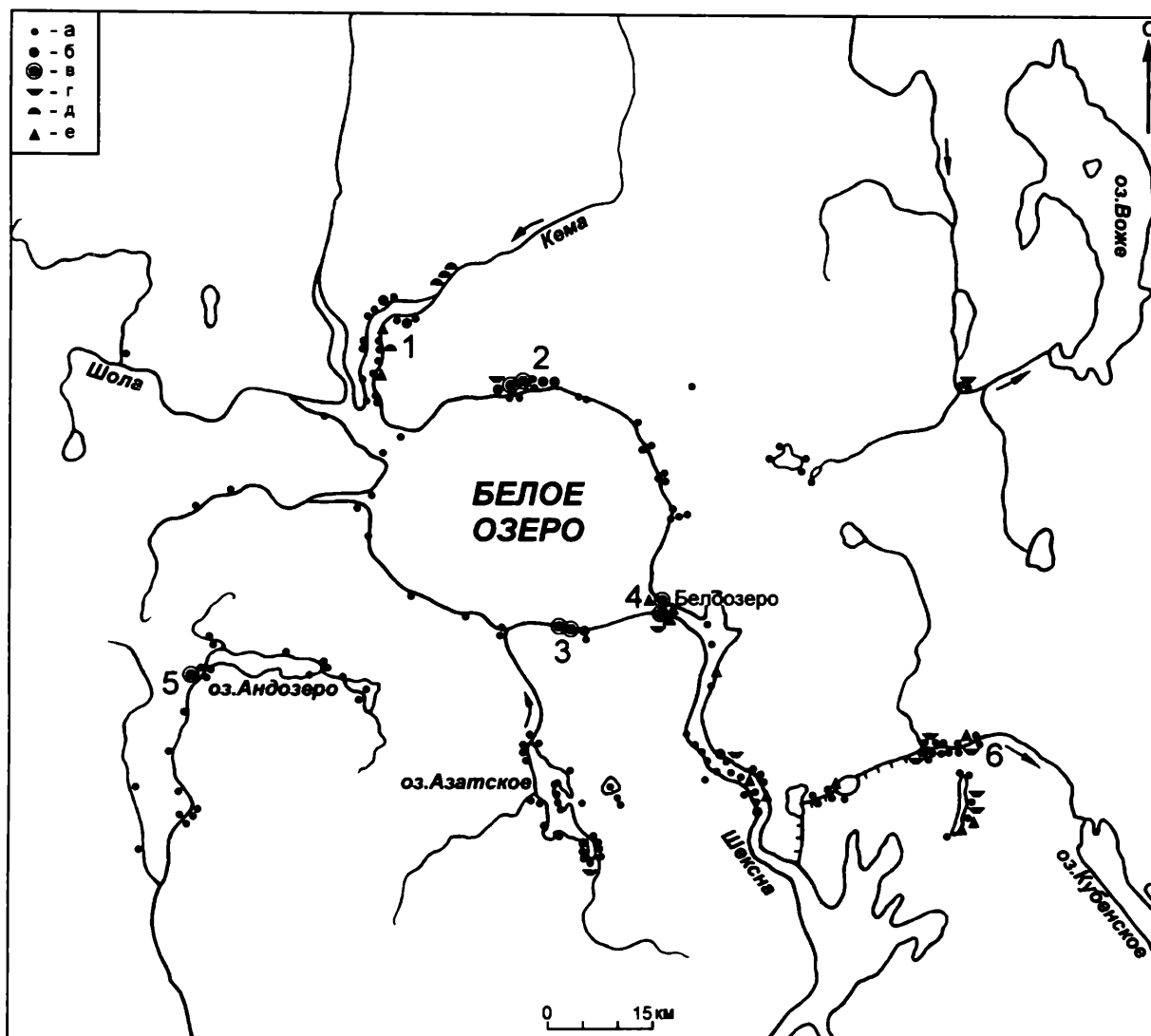

Рис. 27. Археологические памятники X–XIII вв. на Белом озере — Верхней Шексне.

а — поселения площадью до 1 га; б — поселения площадью от 1 до 2,5 га; в — поселения площадью более 2,5 га; г — грунтовые могильники; д — курганы и сопки; е — местонахождения и клады.
 1 — Никольская группа поселений; 2 — Киснемская группа поселений; 3 — Маэксинская группа поселений; 4 — Белоозеро; 5 — Андозерская западная группа поселений (Андопал); 6 — Волок Славенский

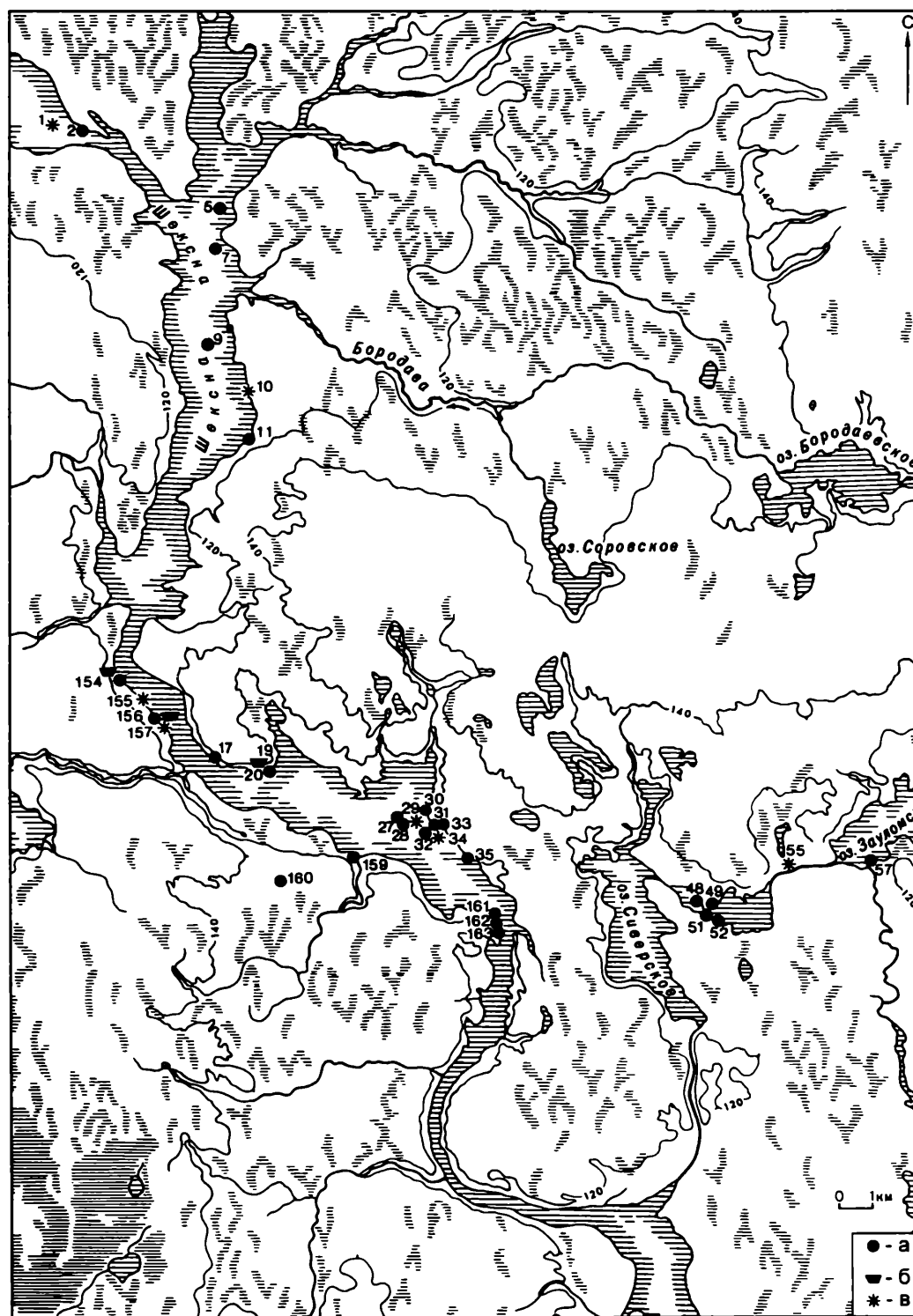

Рис. 28. Средневековые поселения в верхнем течении р. Шексны.

Вторая половина IX — первая половина XIII в.

а — поселения; б — могильники; в — местонахождения

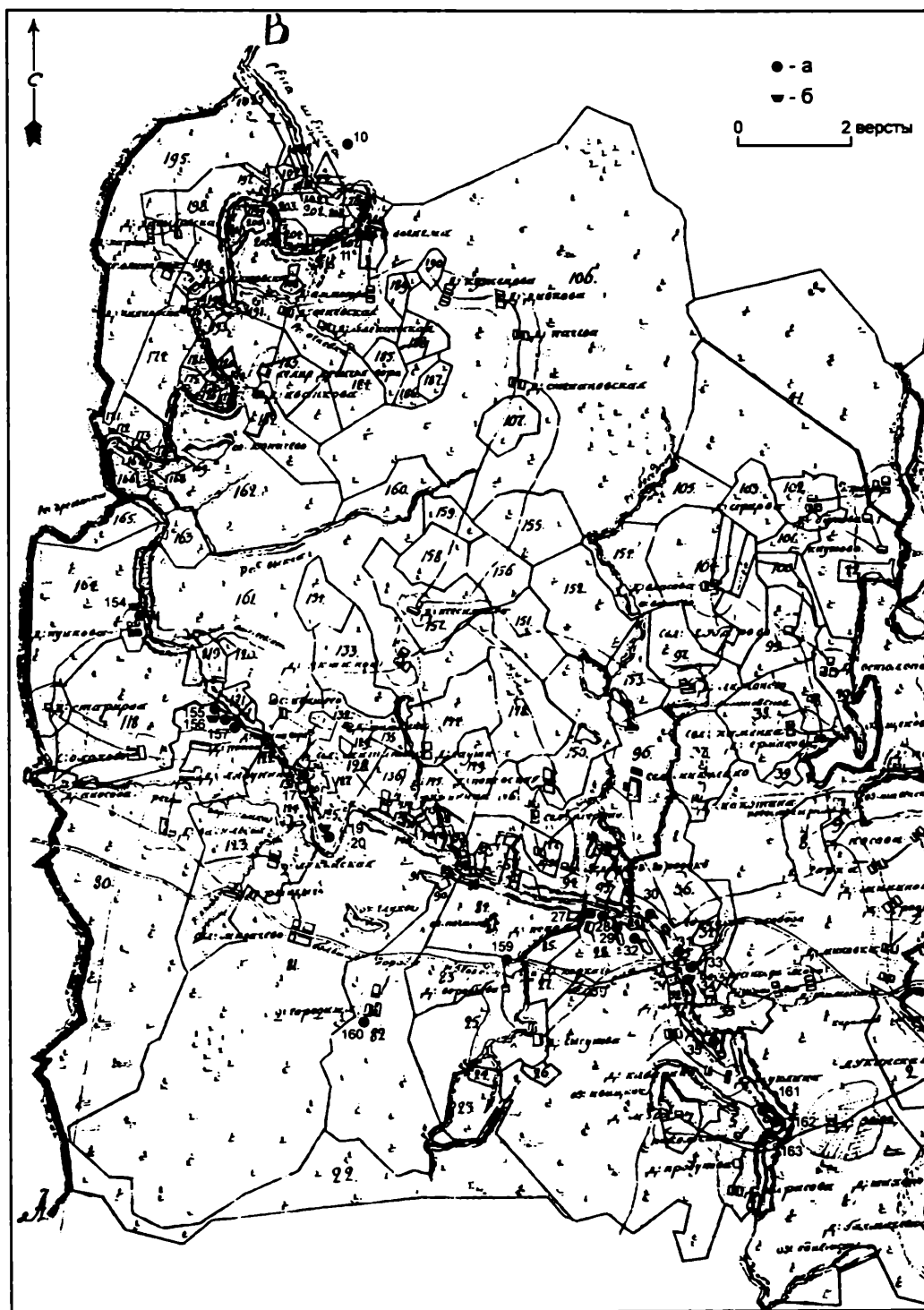

Рис. 29. Средневековые поселения в верхнем течении р. Шексны.

Фрагмент генерального плана Кирилловского уезда 1790 г. (РГАДА, ф. 1356, № 75/3044) с обозначением археологических памятников второй половины IX — первой половины XIII в. а — поселения; б — могильники. Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

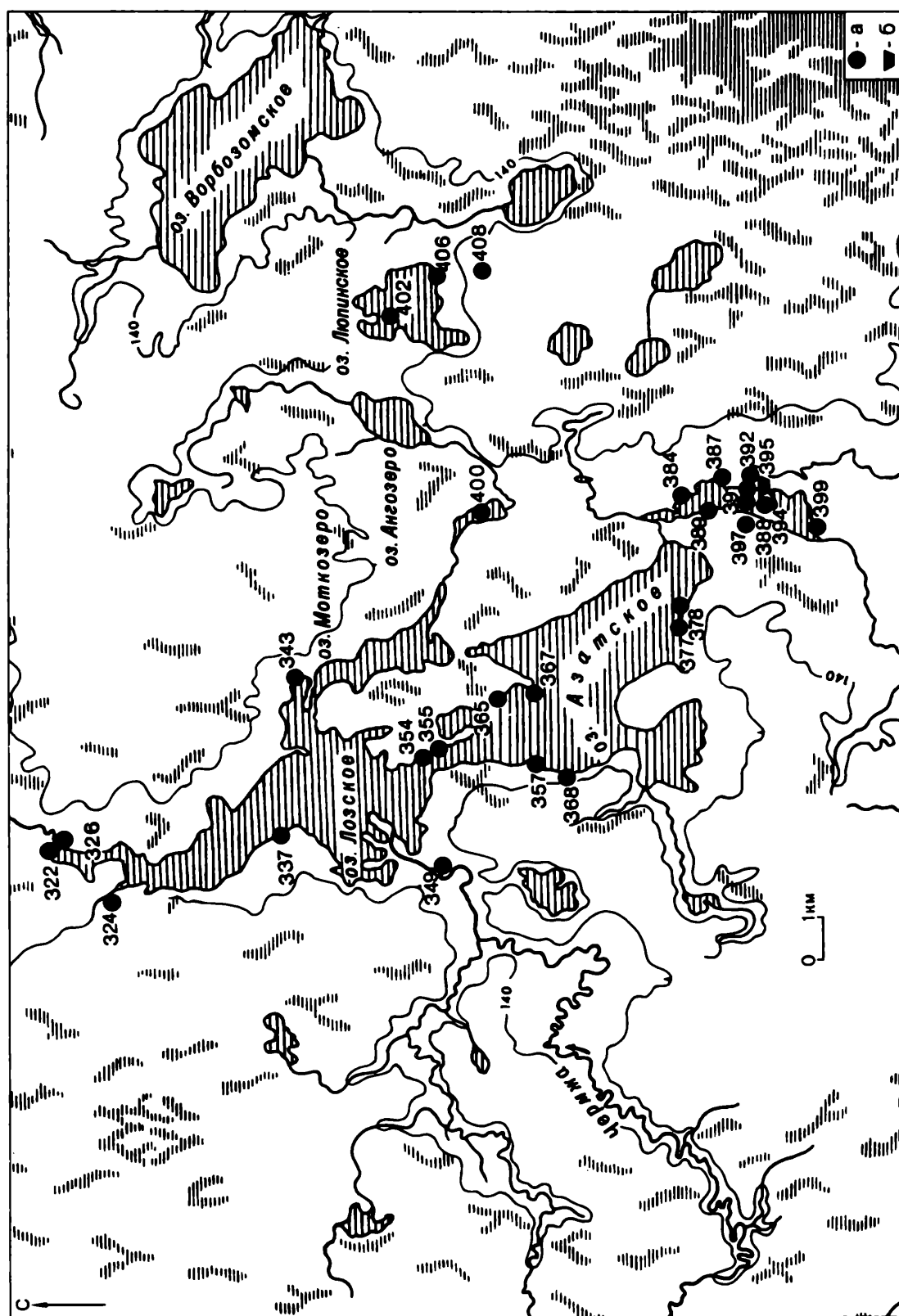

Рис. 30. Археологические памятники второй половины IX — первой половины XIII в. на Лозско-Азатской озерной системе.

а — поселения; б — могильники

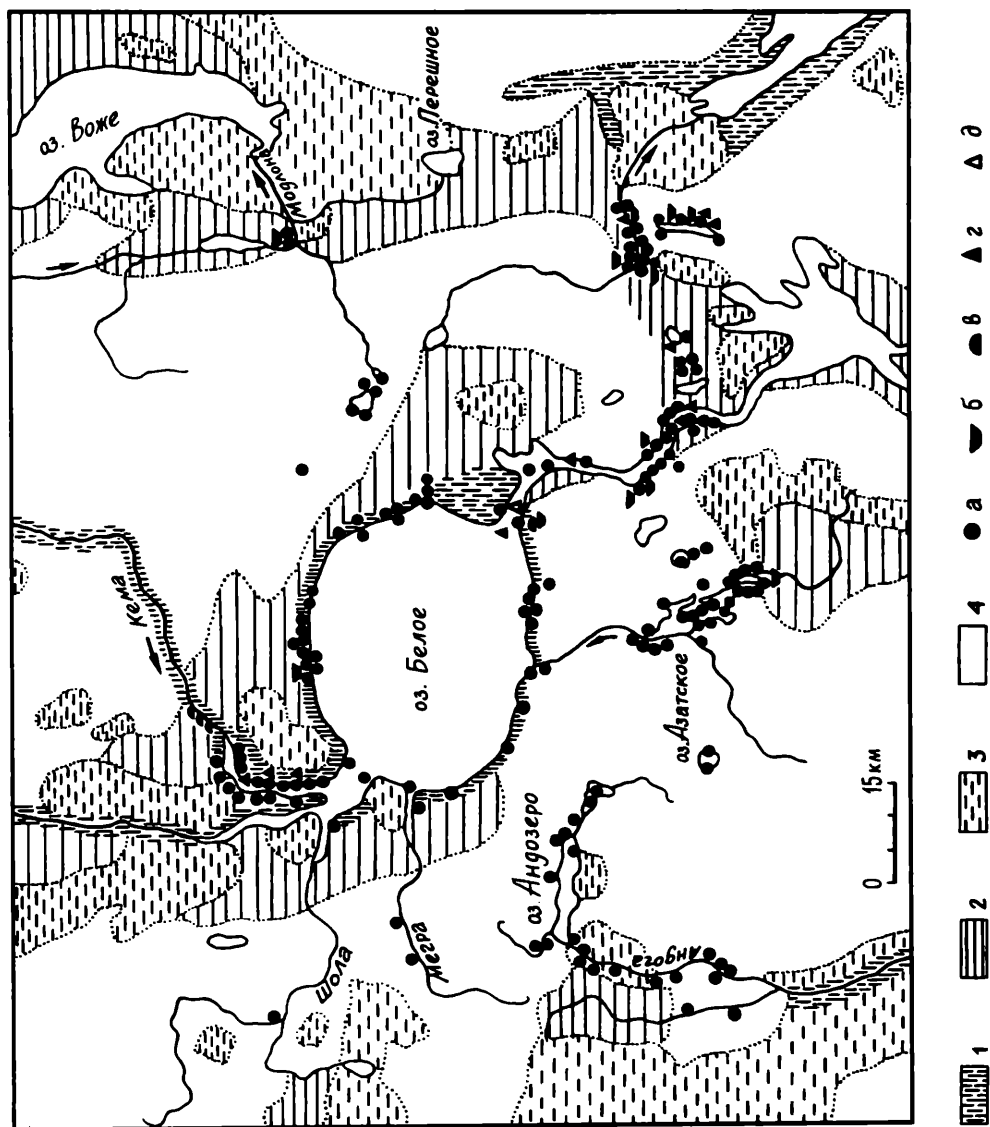

Рис. 31. Археологические памятники X–XIII вв. на Белом озере — Верхней Шексне и ландшафтные районы.

1 — урочища террасированных озерных побережий и речных долин; 2 — урочища плоских и волнистых равнин с слово-сосновыми и мелколиственными с примесью сосны лесами; 3 — болота, преимущественно верховые; 4 — урочища моренных и камовых холмов с мелколиственными и слово-сосновыми лесами на суглинистых, супесчаных и песчаных почвах.

а — поселения; б — грунтовые могильники; в — курганные группы и сопки; г — местонахождения; д — клады

ленных участков в этот период было заселено, в то же время они находятся на существенном удалении от долины Шексны, района Волока Славенского и Покровского озера, где сконцентрированы поселения XI–XIII вв. Диаграммы, составленные Н. Б. Афанасьевой, показывают достаточно стабильное существование еловых лесов на этих территориях вплоть до относительно позднего времени. Смена в растительном покрове, выраженная в резком падении кривой ели, увеличении доли трав и появлении пыльцы культурных злаков фиксируется в верхних отложениях и связывается исследовательницей с монастырской колонизацией (Афанасьева Н. Б., 1996). Н. Б. Афанасьева указывает на значительную облесенность этих территорий, сохранявшуюся вплоть до позднего времени и отличавшую ландшафты Кирилло-Белозерских гряд от близлежащих флювиогляциальных ландшафтов в районе Волока Славенского. К сожалению, недостаток радиоуглеродных дат из разрезов не позволяет точно определить время смены растительного покрова на востоке Белозерско-Кирилловских гряд и соответственно освоения водораздельных районов Белозерья.

Сопоставление карты поселений X–XIII вв. с ландшафтной картой запада Вологодской области (рис. 31) показывает тяготение средневековых памятников к равнинным территориям Белозерского ландшафта, с характерными для него комплексами урочищ террасированных озерных побережий и речных долин и урочищ плоских и волнистых равнин с елово-сосновыми и мелколиственными с примесью сосны лесами, развитыми на супесчаных и песчаных подзолистых и дерново-подзолистых почвах (Казако-

ва О. Н., Павлова Н. Н., Дашкевич З. В., 1970; Атлас Вологодской области..., 1965, карта 22). Поселения, находящиеся в границах Белозерско-Кирилловского и Вашкинского ландшафтов с характерными для них урочищами моренных и камовых холмов, гряд и понижений между ними с еловыми и мелколиственными лесами на суглинистых и супесчаных подзолистых и дерново-подзолистых почвах и урочищами камовых холмов, тяготеют к отдельным участкам с комплексами урочищ плоских и волнистых равнин, располагающимся в этих ландшафтных районах. Хотя отсутствие детальных ландшафтных карт затрудняет точные оценки ландшафтной приуроченности средневековых поселений, по моим оценкам, не менее 60 % их связано с урочищами террасированных озерных побережий и речных долин и волнистых и плоских озерно-ледниковых равнин, общая площадь которых значительно уступает площади моренно-холмистых ландшафтов. Расположение и топография средневековых поселений на Андозере, Лозско-Азатском озере, Вашкинском озере и Волоцком озере показывает, что моренно-холмистые ландшафты заселялись и осваивались наряду с другими типами ландшафтов, тем не менее предпочтение отдавалось урочищам террасированных озерных побережий, речных долин и плоских и волнистых равнин.

Вместе с тем, общее распределение средневековых памятников по территории Белозерья было далеко не в полной мере обусловлено географией ландшафтов. Если концентрация поселений на побережье Белого озера, на Шексне и Кеме или локализация крупного куста средневековых памятников в районе Благовещенского и Никольского озера на

востоке Белозерья могут быть в значительной степени объяснены в связи с характером ландшафтов на этих территориях, то выявленная нашими разведками резкая асимметрия в размещении поселений к юго-западу и северо-востоку от Белого озера не может быть интерпретирована как следствие ландшафтных различий. Вашкинский и Белозерско-Кирилловский ландшафтные районы близки по своему облику. Между тем, к югу от Белого озера, в районе Андозера и Азатского озера, выявлено 48 средневековых поселений, а на озерах к северу от Белого озера в аналогичных природных условиях — лишь 6. Эта диспропорция может быть объяснена лишь особым пограничным положением Белозерья на карте Северной Руси. Территории к юго-западу от Белого озера плотнее прилегали, с одной стороны, к основному ядру весских земель (этот вопрос будет подробнее рассмотрен в одной из последующих глав), с другой стороны, к основному ареалу славянских памятников конца I тыс. н. э. на Севере. На территориях к северу от Белого озера колонизационное давление со стороны метрополии было слабее, и менее удобные для заселения моренно-холмистые ландшафты остались незанятыми.

Если рассматривать систему расселения X–XIII вв., отраженную археологической картой, в ее статике, не касаясь детализации датировки отдельных памятников, вопроса об их синхронности и проблемы развития и эволюции сети поселений, важными элементами этой системы оказываются крупные кусты поселений, состоящие из отдельных или сгруппированных в небольшие гнезда селищ. Отчетливо выделяются 12 подобных кустов, в каждом из которых насчитывается от 6 до 21 поселения с суммарной пло-

щадью от 1,3 до 16,4 га (рис. 4). Кусты поселений, как правило, отстоят друг от друга на расстояние от 15 до 29 км. Не все поселения входили в состав крупных четко выраженных кустов. На карте хорошо заметны гнезда из двух-трех селищ, не ассоциированные в более значительные группы и одиночные поселения. Внутренняя структура кустов и гнезд будет рассмотрена ниже в отдельной главе.

Полевые работы двух последних десятилетий заметно расширили источниковую базу для изучения двух важнейших компонентов средневековой экономики Белозерского края — пушного промысла и земледелия. Некоторые материалы, документирующие широкие масштабы пушного промысла на Белозерье в X–XIII вв., уже были предметом специального анализа (Андреева Е. Г., 1991; Кочуркина С. И., Голубева Л. А., 1991; Makarov N. A., 1994; Макаров Н. А., 1997), палеоботанические материалы, свидетельствующие о развитии земледелия, также явились предметом отдельной публикации (Макаров Н. А., Захаров С. Д., Кирьянова Н. А., 1997) и будут более подробно рассмотрены в одной из последующих глав. Имеющийся материал не дает возможности для выяснения различий в хозяйственной специализации поселений и установления взаимосвязи между определенными топографическими или размерными характеристиками селищ и спецификой хозяйства. Рассматривая общую картину средневекового расселения, существенно отметить, что на сегодняшнем уровне изучения среди белозерских селищ трудно выделить какие-либо специализированные поселения, связанные с занятием земледелием, рыбным промыслом, пушной охотой или обслуживанием

торговых путей. Следы всех этих занятий присутствуют на одних и тех же поселениях, как в центре, так и на периферии региона. Исключение составляют возможно, некоторые небольшие поселения на островах Лозско-Азатской и Андозерской водных систем, раскопки которых дали значительный материал, относящийся к рыбному промыслу. Разумеется, весьма вероятно, что в Белозерском регионе, наряду с постоянными долговременными поселениями, существовали в X–XIII вв. и временные сезонные поселения, связанные с занятием охотой и рыболовством. Однако большинство выявленных к настоящему времени памятников должно с большим основанием рассматриваться как следы постоянных долговременных поселений.

Наличие кустов поселений, в которых с большой долей вероятности можно видеть местные территориально-административные образования, упоминание погов в летописной статье 1073 г., рассказывающей о выступлении волхвов на Белоозере, наконец, присутствие среди белозерских поселений городища и поселений на останцах (фактически, также укрепленных поселений), казалось бы, указывают на существование некой иерархии поселений и побуждают специально исследовать эту тему. Однако в действительности иерархические отношения прослеживаются с трудом. Функции части поселений как местных центров практически не выражены ни в их топографии, ни в характере вещевого инвентаря. Казалось бы, на роль местных центров с большим основанием должны претендовать укрепленные поселения — Никольское I, Крутик и Васютино. Однако культурный слой городища Никольское I содержит весьма

бедный вещевой материал, а Крутик и Васютино не имеют в ближайшем радиусе сопутствующих селищ, по отношению к которым они могли бы выполнять роль местных центров. Еще более затруднительно выделение местных центров XI–XII вв. Очевидно, некоторым индикатором их являются крупные размеры самих поселений и расположение вблизи крупных некрополей, содержащих боевое оружие и импорты, подобных могильнику Никольское III на Кеме, могильнику Троицкое I в Киснеме или могильнику Нефедьево I на Волоке Славенском. Впрочем, сами могильники не всегда поддаются обнаружению. Единственным поселением, особый статус которого непосредственно отражен составом вещевого инвентаря из культурного слоя, остается город Белоозеро с находками вислых печатей, каменных иконок и золотых украшений.

Географическое положение города, находящегося у истока Шексны из Белого озера (в источниках это место именуется «устьем» и Старый Город помещается «на Устье Шексны»), кажется достаточно оправданным и логичным в контексте общей системы расселения X–XIII вв. С устья Шексны по воде можно было сравнительно легко попасть в любую точку на побережье озера, а поднявшись по рекам, впадающим в озеро и Шексну, — проникнуть во «внутренние» районы Белозерья. Отсюда открывался удобный доступ к трем важнейшим волокам, открывавшим дорогу на Северную Двину, Онегу и Онежское озеро, — Славенскому, Ухтомскому и Бадожскому. Эта точка, закрывавшая единственный вход в Белое озеро из речной системы Волги, была наиболее удобна для контроля за сообщением между Белозерьем и центральными

районами Ростово-Суздальской земли. Но оценивая достоинства этой точки в системе средневековых коммуникаций, нельзя не видеть и другие особенности ее географического положения. Белоозеро занимало ярко выраженное асимметричное положение на территории региона, особенно если иметь в виду, что тянувшие к нему в административном отношении земли простирались на западе до Колпи и Колошмы, а на юге — до Ухры и Согожи. Город был выдвинут далеко на северо-восток, на пограничье плотно освоенной территории. К востоку и северо-востоку от него на Белозерье находилось лишь 4 группы поселений — три небольших гнезда на Волоцком озере, р. Молоне и Покровском озере и более крупный куст на Волоке Славенском. При обращении к крупномасштабной карте хорошо заметно, что город существовал в определенном «вакууме» — вблизи него не было сельских поселений. К востоку от города на многие десятки километров тянулись леса и болота. Таким образом, если роль города Белоозера как одного из крупнейших центров древнерусского расселения на северных окраинах и важнейшего узла средневековых коммуникаций на Севере хорошо документирована археологической картой, то функции его как регионального центра сельской округи не столь очевидны.

Попробуем теперь рассмотреть динамику развития Белоозера как особой региональной системы расселения.

Обращение к этой проблеме предполагает детализацию датировки белозерских поселений, расчленение общего массива древностей X–XIII вв. на несколько хронологических пластов. Как уже отмечалось выше, эта задача выполняема не в

полном объеме, поскольку часть белозерских поселений (в основном, речь идет о сильно нарушенных объектах) может быть датирована лишь в широких хронологических границах X–XIII, X–XII или XI–XIII вв. Некоторые из этих поселений действительно могли функционировать в течение сравнительно продолжительного времени, период жизни других был коротким, но мы не располагаем основанием для сужения хронологических рамок. У другой части памятников хронологические позиции могут быть уточнены. Выше изложены обоснования выделения 3-х хронологических комплексов вещей: второй половины IX — X в., XI — первой половины XII вв. и второй половины XII — XIII в.

Материалы второй половины IX — X в. представлены в регионе (включая район Андозера и Лозско-Азатской озерной системы) на 29 поселениях, еще на 18 зафиксированы комплексы, датируемые в хронологических рамках X–XI вв. (рис. 32). Сеть поселений этого времени охватывает всю территорию региона, многие поселения располагаются в точках, имеющих ключевое значение для контроля над территорией и ее эксплуатации (Киснема, низовье Кемы, истоки Шексны, Волок Славенский, Волок Ухтомский), но к востоку от Шексны и к северо-востоку от Белого озера поселения крайне редки. Местом более высокой концентрации поселений X в. выступает район Андозера и Азатского озера и низовья р. Кемы, где локализуется более половины всех селищ. Почти все поселения этого времени имеют очень небольшие размеры. У многих из них площадь не превышает 1000 кв. м. и лишь единичные имеют площадь более 2000 кв. м. При шурфовке крупных поселений, существо-

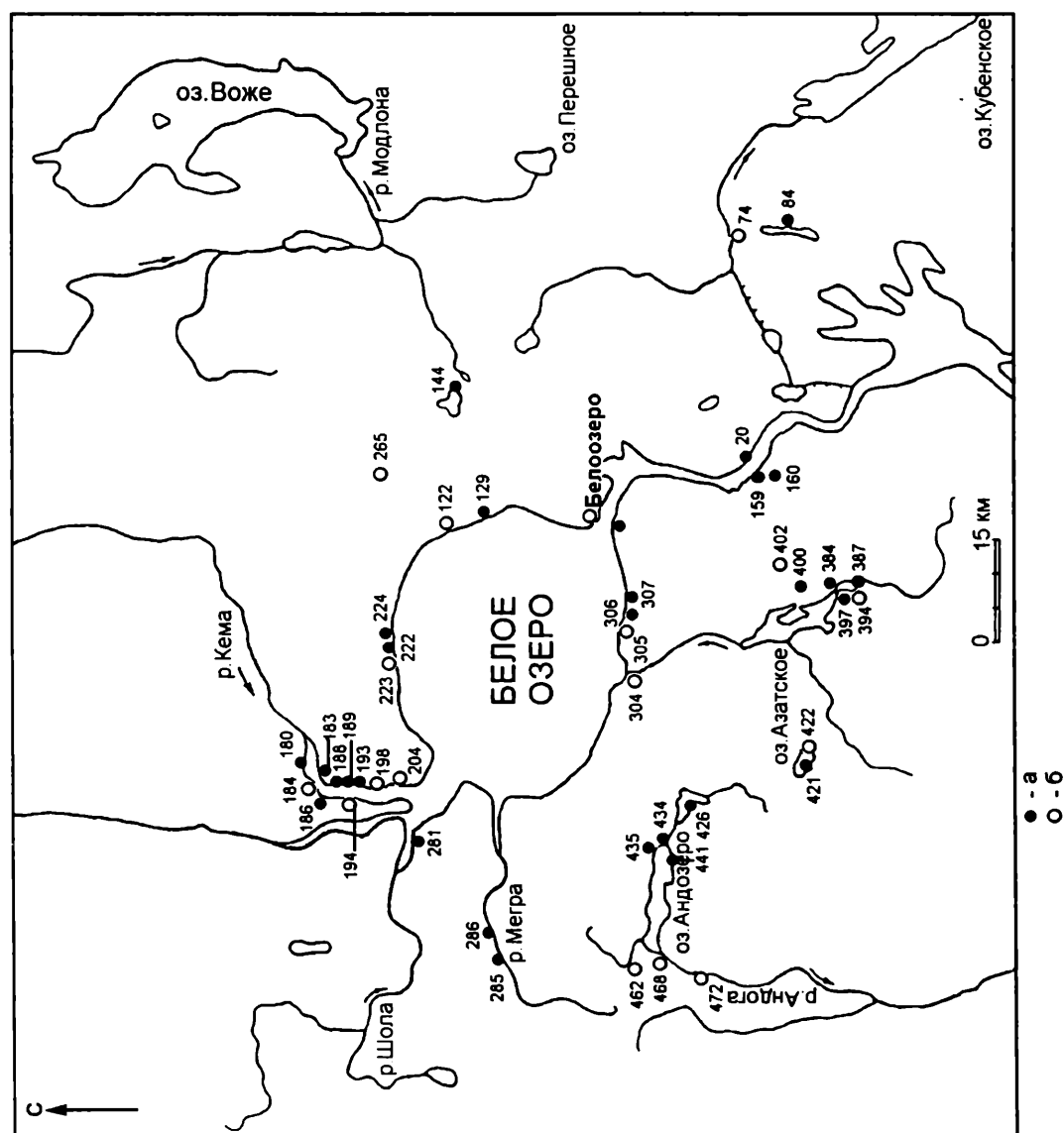

Рис. 32. Поселения второй половины IX — X в. на Белом озере.

а — поселения, твердо датированные второй половиной IX — X в.;

б — поселения, датированные в более широких хронологических рамках X–XI вв.

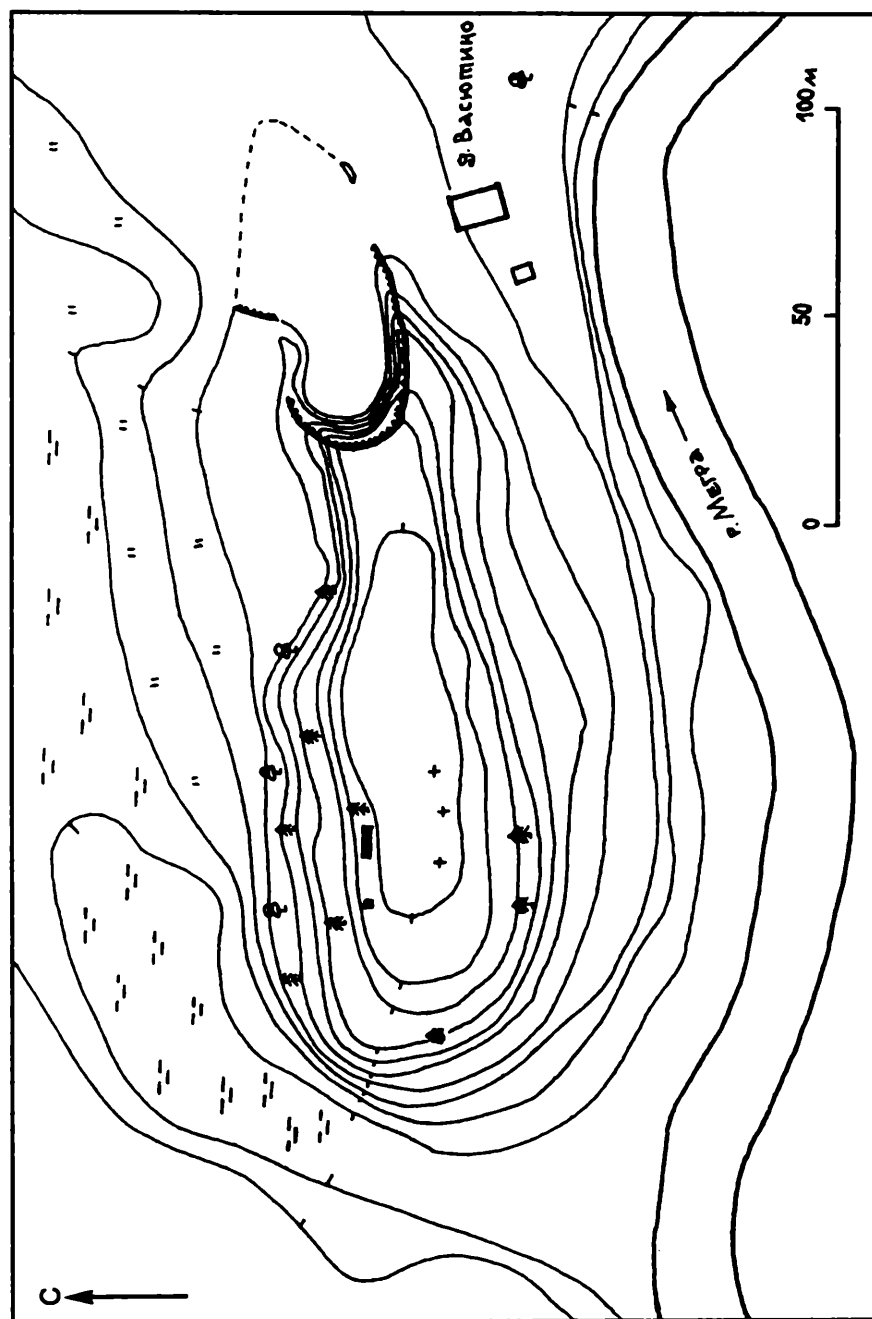

Рис. 33. План поселения на моренном останце у д. Васютино. Вторая половина IX — X в.

вавших на протяжении X–XIII вв., таких как, например, Троицкое VI в Киснеме, выясняется, что материалы X в. присутствуют здесь на очень небольших компактных участках. По своим размерам выделяются 2 поселения на останцах: Крутик и Васютино (рис. 33) с площадками около 6000 кв. м (Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991). Возникновение в этот период укрепленных поселений, возможно, должно расцениваться как признак нестабильности, отсутствия единого военнополитического контроля над всей приозерной территорией.

Некоторые поселения X в. были объединены в гнезда. Но в целом для этого периода более характерны одиночные поселения, не образующие гнезд и кустов и отстоящие друг от друга на значительные расстояния, иногда — на 10–20 км.

Что же представлял собой в X в. город Белоозеро? Основываясь на материалах раскопок Л. А. Голубевой и новых материалах, собранных С. Д. Захаровым (Захаров С. Д., 1993; Захаров С. Д., 1994), можно полагать, что поселение, возникшее не позднее середины X в., к концу этого столетия занимало площадь 1,1–1,4 га между правыми притоками Шексны — речками Васильевкой и Никольской. Таким образом, с самого начала своего существования оно выделялось по своим размерам. По характеру материальной культуры раннее Белоозеро близко другим памятникам региона (комплекс находок включает лепную керамику, в том числе со штампованным орнаментом, стеклянные бусы, в том числе многочастные лимонки, шумящие привески финно-угорских типов, дирхемы, односторонние костяные расчески, разнообразные бытовые вещи и орудия труда из стандар-

тных для Северной и Восточной Европы форм), однако славянский и скандинавский элемент выражены здесь ярче (отметим находки круговой керамики, шиферных пряслиц, ширококорогих лунниц, наконечника ножен меча, ланцетовидных наконечников стрел, пряжки с личинами), а сам слой выделяется более высокой, чем на других памятниках, насыщенностью культурными остатками. Рядом с городом в 1993–1994 гг. исследованы остатки могильника с курганом, содержащим кремации X в. Кальцинированные кости были помещены в курганный ровик и в основание насыпи (?), среди них найдены стеклянные бусы, в том числе глазчатые и цветные лимонки, фрагменты проволочных височных колец большого диаметра, шумящая подвеска со шитком из трех волют, фрагмент подковообразной фибулы с гранеными головками и овальной скорлупообразной фибулы. Набор вещей и радиоуглеродные даты позволяют отнести комплекс ко второй половине — концу X в. Своеобразный погребальный обряд этого памятника не имеет точных соответствий в обрядности весских могильников Юго-Западного Белозерья. Культура раннего Белоозера в целом близка культуре других городов и открытых торгово-ремесленных поселений X в. на северо-западе и северо-востоке Руси, хотя и отличается, возможно, меньшей концентрацией привозных вещей и оружия.

Вокруг раннего Белоозера нет синхронных ему сельских поселений. Ближайшие памятники с культурным слоем X в. (селище на территории Белозерского порта, Пружинино IV, Муньга III, Крутик) находятся на расстоянии 17–25 км от Старого Города. Таким образом, у города первоначально не было прилегающей к нему сельскохозяйственной округи. Белоозеро

на первом этапе своего существования могло функционировать лишь как самодостаточный организм, как поселение, жители которого обеспечивали себя всем необходимым. Оно было не столько центром управления регионом, сколько местом обитания значительной части его населения.

«Сказание о призвании варягов», сообщающее о княжении Синеуса на Белоозере, тем самым отводит Белоозеру место одного из важнейших политико-административных центров северной конфедерации племен середины IX в. Скептическая оценка достоверности сведений «Сказания», господствовавшая в советской историографии в 1950–60-х гг., в последнее десятилетие сменилась признанием реальности его основной фабулы и исторического контекста. Этому в немалой степени способствовали археологические исследования на Новгородском (Рюриковом) городище, открывшие пласт древностей, хронологически близкий летописным событиям и содержащий богатый материал скандинавского происхождения. Мотив «трех братьев», встречающийся во многих переселенческих сказаниях, имеет определенно выраженные фольклорные истоки, поэтому братья Рюрика обычно рассматриваются как легендарные персонажи (Петрухин В. Я., 1995, с. 52–55, 89–90). Тем не менее, после проведения нового цикла полевых работ на Белом озере правомерно поставить вопрос о том, как соотносятся имеющиеся в нашем распоряжении археологические материалы с рассказом о вокняжении Синеуса.

Отсутствие культурных напластований IX в. на Старом Городе, так же как и отсутствие на Белом озере дружинных могильников IX–X вв. и значительных серий вещей скандинавского происхождения

оказываются серьезным препятствием на пути признания достоверности известий «Сказания», относящихся к Белоозеру. Пытаясь разрешить видимую нестыковку летописного предания и археологических данных, ряд исследователей предложил идентифицировать Белоозеро эпохи Синеуса с другими средневековыми поселениями. И. В. Дубов локализовал его в Киснеме на северном берегу Белого озера (Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978, с. 129). А. Н. Башенькин, отметив, что Белоозеро Синеуса пока не найдено, также указал на Киснему как на наиболее вероятное место его расположения (Башенькин А. Н., 1997, с. 23). В качестве второго претендента на роль древнейшего городского центра, предшественника города у истока Шексны, рассматривается поселение Крутик. В наиболее безапелляционной форме эта точка зрения была выражена С. В. Белецким (Белецкий С. В., 1996, с. 15–16). Исследователя несколько не смутили ни сравнительно скромные размеры памятника, ни состав вещевой коллекции, в которой представлены лишь единичные предметы вооружения и украшения скандинавского происхождения, которые могли бы указывать на его особый статус. Другие исследователи, рассматривая Крутик как торгово-ремесленное поселение протогородского типа, воздерживаются от характеристики его как непосредственного предшественника Белоозера у истока Шексны (Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991, с. 101–117; Седов В. В., 1999, с. 208–209).

Между тем мы располагаем достаточным материалом, чтобы утверждать, что ни Киснема, ни поселение Крутик не являлись в IX–X вв. общерегиональными экономическими и административными центрами. Возникнув в X в., Киснемский

куст поселений превратился в крупную агломерацию лишь в XI–XII вв. Крутик в IX–X вв. имел, вероятно, такой же статус, что и синхронные ему поселение Васютино на Мегре и гнездо поселений у д. Никольское на Кеме. Выполняя функции промыслово-ремесленного и торгового поселения, Крутик, занимавший площадь около 6000 кв. м., едва ли мог претендовать на роль протогорода. Дальнейшие поиски города Синеуса, если конечно видеть в нем сколько-нибудь значительное поселение, представляются малоперспективными. Начало урбанизации Белозерья, безусловно, связано со становлением города у истока Шексны.

Исторической основой преданий о Синеусе могла стать инфильтрация скандинавов в район Белого озера и возникновение здесь во второй половине IX — первой половине X в. нескольких конкурирующих между собой местных центров (Крутик, Васютино на Мегре, Никольское I на Кеме), один из которых — Никольское I на Кеме — был, вероятно, связан с

Новгородом (Макаров Н. А., 1989). Украшения и амулеты скандинавского происхождения найдены на Старом городе и в низовьях р. Кемы. Все известные к настоящему времени находки не древнее второй половины X в. и не имеют прямого отношения к эпохе призвания варягов. Тем не менее, учитывая значительную хронологическую дистанцию, отделяющую эту эпоху от момента литературного оформления «Сказания», можно допустить, что историческая ситуация X в., зафиксированная в устной традиции, стала одним из источников летописного повествования¹.

XI — первая половина XIII в. — время интенсивного освоения территории Белозерья, сопровождавшегося появлением большого количества новых поселений и расширением заселенных территорий. К сожалению, характер материала не позволяет детально восстановить ситуацию на хронологическом срезе XI — начала XII в. Мы уже отмечали, что комп-

¹ В этой связи интересен вопрос о размещении курганных насыпей на территории региона. Известно, что обычай сооружать сопки и курганы не получил широкого распространения на Белозерье — сопки известны здесь лишь на Кеме, в 4 км выше гнезда поселений у д. Покровское, курганы — на Кеме, в 5 км ниже того же гнезда, и на Старом Городе — на территории самой площадки поселения и к западу от него. Кроме того, на территории Белоозера сохранились остатки трех курганообразных насыпей, на одной из которых в XVII — начале XX в. стояла часовня св. Василия, и которые использовались как места кладбищ. Все три насыпи возведены на культурном слое, одна из них — на культурных отложениях X в. Часовня на кургане, стоявшем на левом берегу р. Васильевки, по преданию, отмечала место первой белозерской церкви — храма Василия Кесарийского, в котором был погребен первый белозерский князь Глеб Василькович (в действительности, судя по сообщению летописи, похороненный в Ростове). Время сооружения насыпей и их назначение остаются неясными, несмотря на раскопки их Ю. Б. Иверсеном в 1860 г. и Л. А. Голубевой в 1960 г. (Голубева Л. А., 1973, с. 59–64). Если признать, что сопки и курганы представляли собой не только надмогильные памятники, но и монументальные сооружения, символизировавшие отношения власти, присутствие их на Кеме и вблизи Старого Города может быть объяснено не только особым этническим составом населения этих микрорегионов, но и значением устья Шексны и низовьев Кемы как двух важнейших административных центров региона. Сооруженные двух насыпей на территории Старого Города, очевидно, как оснований для двух церковных построек, также, вероятно, призвано было компенсировать недостаток древних монументальных земляных сооружений, наличие которых было важным элементом культурного ландшафта городского центра, претендующего на высокий статус.

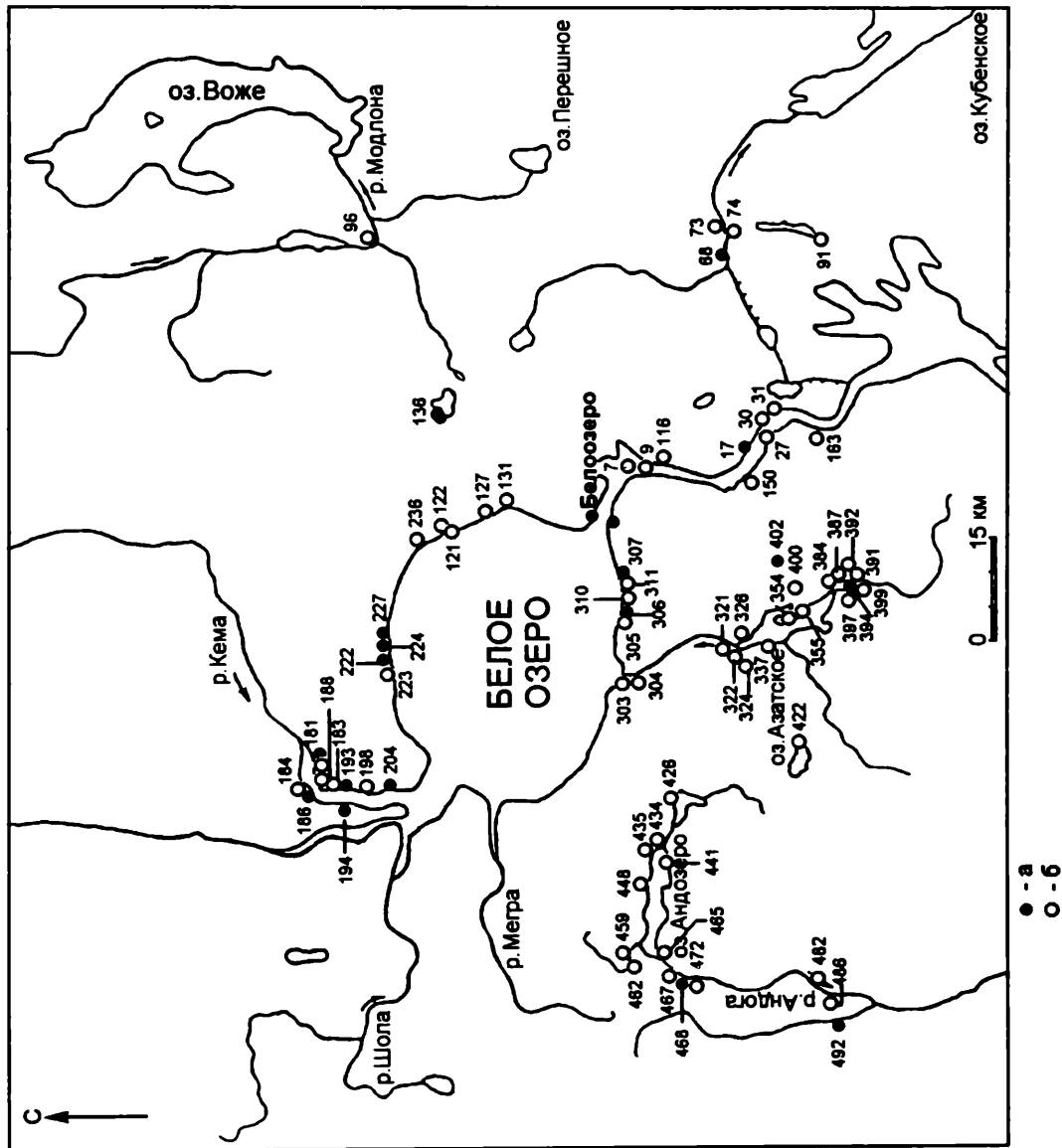

Рис. 34. Поселения XI — начала XII в. на Белом озере.

а — поселения, твердо датируемые XI — началом XII в.; б — поселения, датируемые в более широких хронологических рамках X–XI и конца X — XII в.

лексы этого времени с большим трудом отделяются в подъемном материале и в материалах из шурфов и раскопов на поселениях с переотложенным культурным слоем от более ранних и более поздних. Они выделены лишь на 16 поселениях. Недостаток четко датированных поселенческих комплексов отчасти компенсируется материалами могильников, в которых хорошо представлены древности XI в. Кроме того, на 54 белозерских поселениях представлены материалы, датированные в широких хронологических интервалах X–XI вв. и конца X — XII в. (рис. 34).

Хотя наши материалы и не позволяют точно оценить изменение числа поселений в XI в. по сравнению с предыдущим периодом, сам факт роста их числа не вызывает особого сомнения, учитывая наличие большого количества широко датированных поселений, хронологические рамки которых охватывают XI в. Общая картина размещения поселений по территории Белозерья остается примерно такой же, что и в предшествующий период. Наиболее плотно заселенные участки — территории, лежащие к югу от Белого озера, включая район Андозера и Лозско-Азатского озера и верхнее течение Шексны, а также низовья р. Кемы. Намечается некоторый рост числа поселений на северном и восточном побережье Белого озера и к северо-востоку от него. Новые поселения возникают в Киснеме, на Шексне и на Волоке Славенском, а также, вероятно, на восточном берегу Белого озера и на р. Модлоне.

Рубеж X–XI вв. стал временем запустения ряда поселений, в том числе городища Никольское I на Кеме и поселений на останцах — Крутика и Васютина. Симптоматично, что вблизи Крутика и Васю-

тина, памятников, финно-угорский характер культуры которых выражен наиболее отчетливо, не выявлены селища XI в. И все же доминирующая тенденция в развитии расселения — сохранение преемственности между поселениями X и XI — начала XII в. Она хорошо прослеживается на Андозере и Азатском озере, в Киснеме, на Кеме, на южном берегу Белого озера в районе Маэксы, на Шексне в районе Пружинина, на Волоке Славенском. При этом в одних случаях, например, в Маэксе, Киснеме, на Старом Городе — Белоозере, мы фиксируем продолжение жизни на поселениях, возникших в X в., в других случаях (на Волоке Славенском, на Волоцком озере) — перегруппировку поселений в микрорегионах, возникновение новых поселений на небольшом расстоянии от селищ предшествующего периода, запустевших на рубеже X–XI вв. Недостаток узкодатированных материалов не позволяет точно определить размеры поселений XI в., однако общая тенденция к увеличению размеров поселений документирована достаточно надежно. Одно из отражений ее — появление относительно крупных могильников, таких как Троицкое I в Киснеме, Никольское III на Кеме, Нефедьево I на Волоке Славенском.

Город Белоозеро развивается в XI — начале XII в. опережающими темпами по сравнению с остальными поселениями региона. Его территория распространяется на оба берега Шексны, занимая общую площадь не менее 7 га. Не ставя перед собой задачу дать обзор вещевых материалов XI — начала XII в., отметим лишь, что общий ассортимент бытовых вещей, украшений и орудий труда, собранных на территории Старого Города, исключительно разнообразен и включает боль-

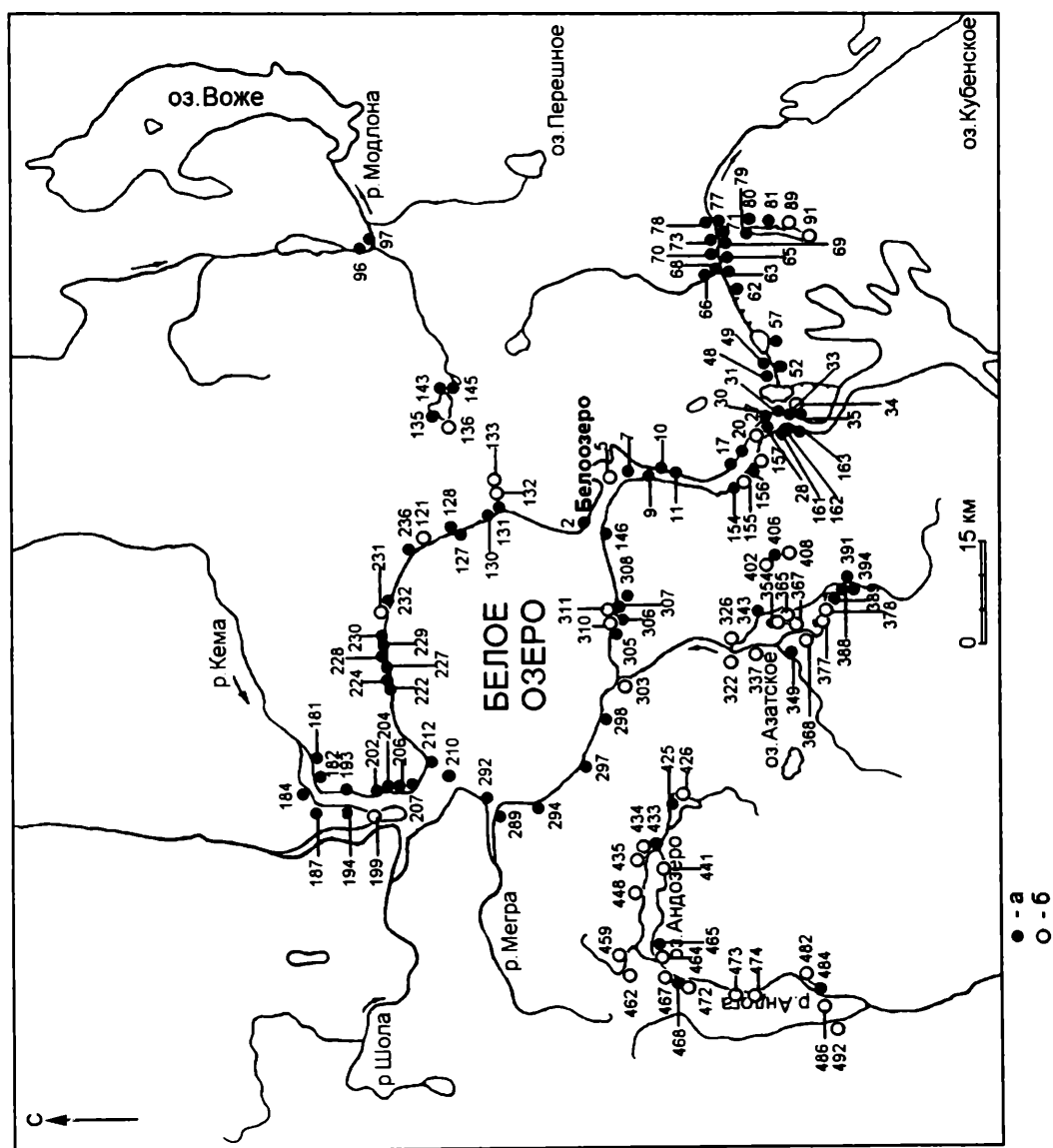

Рис. 35. Поселения второй половины XII — первой половины XIII в. на Белом озере.

а — поселения, твердо датированные второй половиной XII — первой половиной XIII в.;

б — поселения, датированные в более широких хронологических рамках XI–XIII или конца XI — XIII в.

шинство типов вещей, распространенных в это время на Севере Восточной Европы. В качестве находок, отражающих особую роль Белоозера в торговле, экономике и системе управления, укажу византийский золотой солид 976–1025 гг., серию денариев первой половины XI в., представляющих собой часть монетного клада, и некоторые сфрагистические находки, в том числе печать с изображением Михаила Архангела и надписью «Дне слово», атрибутируемую как булла Святополка Изяславича (1093–1113 гг.), и печать с изображением Василия Великого и благопожелательной надписью на обороте, принадлежащую Владимиру Мономаху (1113–1125 гг.).

Материалы середины XII — первой половины XIII в. зафиксированы на 84 белозерских поселениях, еще на 28 селищах собраны находки, датируемые в более широких интервалах XI–XIII вв. или XII–XIII вв. (рис. 35). По сравнению с X в. общее количество поселений увеличилось, таким образом, в 2–3 раза.

Увеличение числа поселений фиксируется во всех районах Белозерья, кроме района Андозера и Лозско-Азатского озера, наиболее высокий рост отмечен на востоке Белозерья — на левобережье Шексны (с 4 до 30). Распределение поселений по территории региона благодаря этому выравнивалось, диспропорции в заселенности юго-западного и северо-восточного сектора приозерной территории во второй половине XII в. несколько сгладились.

Увеличение числа поселений — не единственный показатель роста. Не менее существенно увеличение размеров селищ. В XII–XIII вв., наряду с небольшими поселками, площадь которых не превышала 2000–3000 кв. м, на территории Белозерья функционировали и крупные, с пло-

щадью более 1 га, такие как Покровское II, Монастырское, Троицкое II–III, Троицкое VI, Пружинино II, Шуклино, Маэкса I, Белозерский Порт. Площадь наиболее крупного селища с керамикой XII–XIII вв. — Маэкса II — достигала 11 га. Появление крупных поселений отражает, с одной стороны, рост численности обитателей Белозерья, с другой стороны, — эффективность и устойчивость местной экономики. Отчетливо выражена и тенденция группировки поселений в гнезда и кусты. Хотя одиночные поселки возникали и функционировали и в этот период, доля их стала намного меньше доли поселений, ассоциированных в гнезда.

Археологические материалы четко отражают два взаимосвязанных процесса: рост числа поселений и размеров освоенных территорий и «структуризацию» первоначально аморфной сети расселения. Система расселения, сложившаяся на Белозерье в XII–XIII вв., имела значительно более сложное строение, чем существовавшая в X в. сеть небольших одиночных поселений. В то же время мы можем проследить довольно четкую преемственность между памятниками XII–XIII вв. и более ранними. Хотя часть поселений с комплексами первого хронологического периода прекратила свое существование в конце X или на рубеже X–XI вв., большинство микрорегионов, освоенных в этот период, впоследствии не забрасывалось и составило своеобразный каркас для системы расселения XII–XIII вв.

Для Белоозера вторая половина XII — начало XIII в. — время максимального расширения городской территории. Вещевой материал этого периода присутствует почти на всей площади памятника. В коллекции представлены едва ли не все категории и типы орудий

труда, бытовых вещей, украшений и предметов христианского культа, характеризующих древнерусскую культуру этого времени. Значительная часть вещей относится к типам, распространенным на рядовых поселениях и могильниках. В то же время на Белоозере представлены и некоторые находки, редкие или вовсе отсутствующие на других поселениях и выступающие в качестве своеобразных маркеров городской культуры: каменные иконки, энколпионы, книжные застежки, писала, амфорная керамика, золотые украшения с зернью и сканью, актовые печати и пломбы. Эти находки свидетельствуют, что определенные группы населения, выделявшиеся по своему имущественному положению и социальному статусу (бояре, купцы, духовенство), были сосредоточены именно в этом пункте.

При отсутствии письменных источников трудно судить о том, в какой мере хозяйственное освоение региона в XII–XIII вв. регулировалось из Старого города и опиралось на его материальные и людские ресурсы. В этот период, безусловно, региональное единство усиливается, между городом и сельскими поселениями формируются более прочные связи. Значение Белоозера как административного центра отражает большая серия сфрагистических материалов, в составе которой 31 вислая печать и более 150 пломб. В коллекции представлены хорошо известные типы печатей, принадлежащие князьям Ярополку Владимировичу (4 экз., 1132–1139 гг.), Всеволоду Мстиславичу (3 экз., 1117–1136 гг.), Ярославу Изяславичу (1148–1154 гг.). Основная часть этих материалов относится к середине XII в. На роль города как ремесленного центра, обслуживавшего

сельские поселения приозерной области, указывают не только открытие жилищ-мастерских в слоях XII–XIII вв. при раскопках Л. А. Голубевой (Голубева Л. А., 1973, с. 118–179), но и появление некоторых местных типов украшений, известных по находкам как в самом городе, так и на сельских поселениях и могильниках. В числе этих вещей, например, кресты-тельники с волютами около ушка или прорезные подвески в виде одноглавого конька. Весьма вероятно, что эти вещи производились городскими ремесленниками.

И все же противопоставление Белоозера остальным поселениям приозерной области как ремесленно-торгового центра — аграрно-промысловой округе было бы чересчур упрощенным и схематичным построением. Имеющиеся археологические материалы не позволяют пока предметно исследовать разделение труда между городом и остальными поселениями. При сравнении же материальной культуры Белоозера и сельских волостей мы обнаруживаем, что основной набор бытовых вещей, орудий труда и украшений в городе и деревне был общим. Находки на сельских поселениях и в могильниках крестов-тельников, образков, амулета-змеевика, стеклянных браслетов, боевого оружия, замков и ключей и некоторых предметов, связанных с ювелирным ремеслом, заставляют пересмотреть традиционные представления о бедности и замкнутости «сельских миров». Очевидно, хозяйственные занятия обитателей селищ были достаточно разнообразны, предполагали интенсивные контакты с внешним миром и могли приносить высокий доход. Складывается впечатление, что ремесло и торговля не были полностью монополизированы городом.

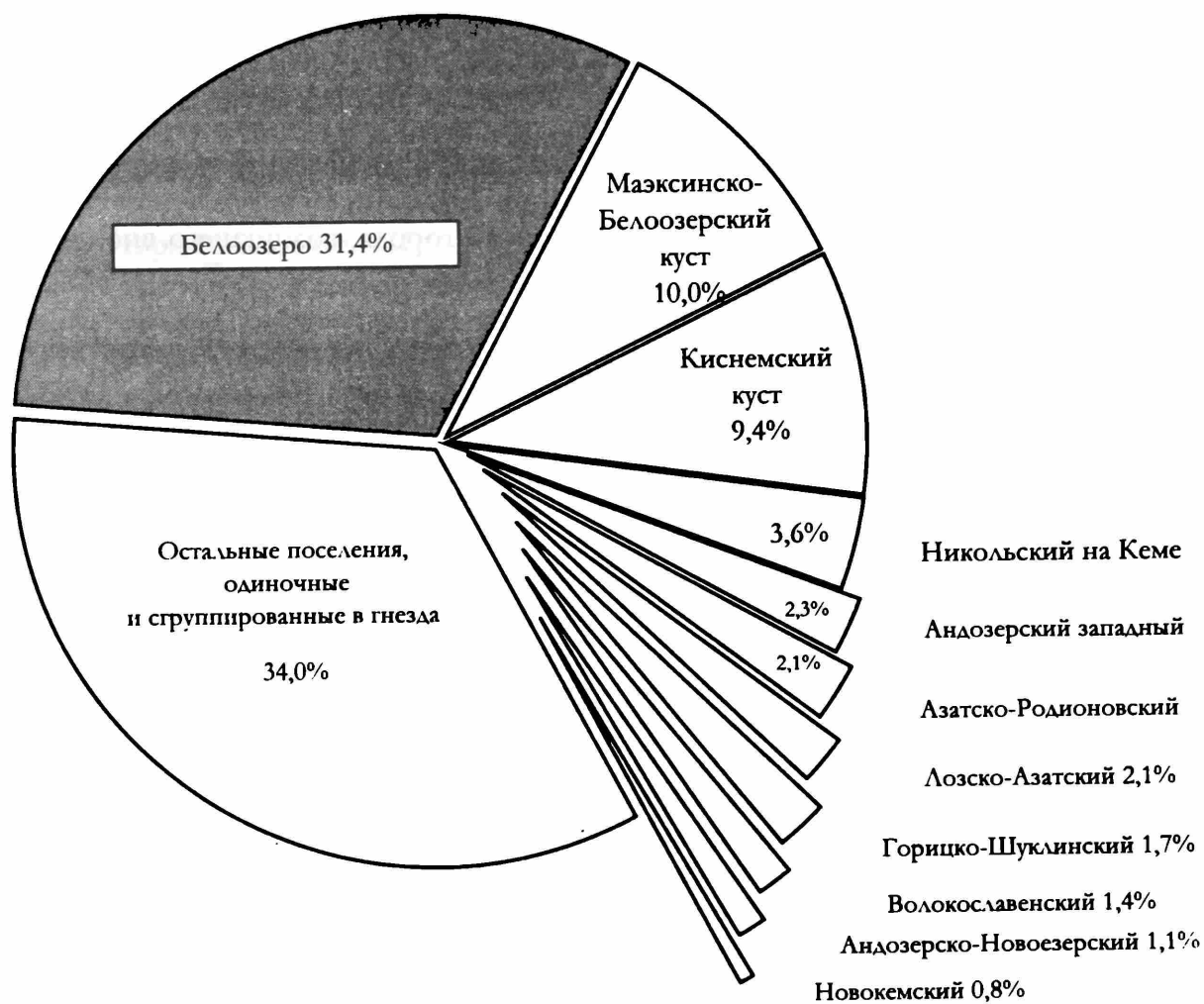

Рис. 36. Доля основных локальных групп (кустов) поселений и города Белоозеро в суммарной площади белозерских поселений X–XIII вв.

С другой стороны, акцентируя внимание на функциях Белоозера XII–XIII вв. как административного и торгово-ремесленного центра региона, мы не должны упускать из виду, что жизнь огромного поселения у истока Шексны из Белого озера не ограничивалась выполнением этих функций. Доля города в общем экономическом и демографическом потенциале Белозерского края оставалась исключительно высокой. Об ее относительной величине можно судить по соотношению площади города и площади остальных поселений. Суммарная площадь белозерских поселений X–XIII вв. (без самого города) оценивается нами в пределах 120 га. Учитывая широкие хронологические рамки многих памятников, трудно подсчитать площадь поселений с напластованиями второй половины XII — XIII в., однако мы должны иметь в виду, что на большинстве памятников преобладают материалы именно этого времени. Общая площадь Старого города — Белоозера достигала 54 га. Мы не имеем возможности подсчитать площадь распространения культурного слоя второй половины XII — XIII в. на Старом Городе, но располагаем надежными данными, что именно с этим периодом связан максимальный рост городской территории. Поэтому вполне корректно предположение, что во второй половине XII — XIII в. площадь города составляла примерно треть от общей площади белозерских поселений, а его население — треть всего населения Белозерской области (рис. 36). Такой город мог существовать лишь как достаточно самостоятельный организм с многопрофильным хозяйством, в том числе с собственной аграрной зоной и собственными промысловыми угодьями.

Оценивая общий ход развития Белозерского края в X–XIII вв., мы вправе говорить скорее об опережающем развитии города, сконцентрировавшего значительный экономический и людской потенциал и стимулировавшего колонизацию приозерных территорий, чем о кристаллизации его как центра местного управления и местной хозяйственной жизни. Белоозеро может рассматриваться как пример города, возникшего вне связи с аграрными поселениями. Будучи основанным на слабо освоенных территориях, город в процессе своего развития как бы сам формировал вокруг себя сельскую округу. На протяжении всего периода X–XIII вв. Белоозеро оставалось не только центром властвования, но и местом концентрации значительной части населения региона. Плательщиками дани для данщиков великого князя, «старой чади», а впоследствии — с 1238 г. — для белозерских князей были, прежде всего, сами горожане.

Последующая судьба поселений XII–XIII вв. в центральной части Белозерья ясна далеко не во всех деталях. На большинстве древнерусских селищ с культурным слоем X–XIII вв. нет перекрывающих его напластований XIV–XV вв., но присутствует значительное количество позднесредневековой керамики, в основном относящейся к XVI–XVII вв., но частично и к более раннему времени. Отсутствие хронологической шкалы позднесредневековой керамики памятников Белозерского региона затрудняет выделение комплексов XIV–XV вв. Актовый материал XV в. свидетельствует о существовании в этот период деревень и волостных центров на местах древнерусских селищ на Кеме (Покровское II), в устье

Ковжи, в Киснеме, на Волоке Славенском (Благовещение) и в некоторых других пунктах. Судя по документам XVI в., в этот период на побережье Белого озера и в устьях впадающих в него рек существовал целый ряд больших сел (Ковжа, Вашки, Муньга, Мегра, Ухтома; Копанев А. И., 1951, карта 2), выросших на местах древнерусских селищ или гнезд селищ X–XIII вв. И все же представляется, что ситуация второй половины XIII — XIV в. должна оцениваться как достаточно радикальная трансформация старой системы расселения при сохранении ее основных локальных очагов. Сдвиги и изменения выразились не только в широком освоении моренно-холмистых ландшафтов и территорий вблизи малых рек и озер и на водоразделах, но и в запустении значительной части поселений, динамично развивавшихся в XII–XIII вв., или в резком уменьшении их размеров. По-видимому, присутствие немногочисленной керамики, предположительно датируемой XIV–XV вв., на селищах в Мазксе, Киснеме или в Шуклине может быть интерпретировано как свидетельство существования малодворных деревень на местах крупных поселений предшествующего времени. Полное топографическое совпадение селищ XII–XIII вв. и исторических деревень XIV–XV вв. в староосвоенных микрорегионах отмечается редко — обычно последние занимают более возвышенные участки, а их площадки не плоские, а наклонные. Более точная оценка изменений в системе расселения невозможна без специального археологического изучения селищ XIV–XV вв.

Таким образом, историческое «Белозеро» X–XIII вв. — не только город и тяготеющая к нему территория в бассейне Белого озера и Шексны, но и определен-

ный массив поселений, региональная расселенческая структура, начало сложения которой относится ко второй половине IX — X в. История ее характеризуется, с одной стороны, динамичным ростом, развитием и усложнением на протяжении X — первой половины XIII в., с другой стороны, стабильностью некоторых особенностей территориальной организации и основных узлов расселения.

Учитывая, что обследованная территория со 169 поселениями X–XIII вв. составляет примерно четверть всей территории Белозерского княжества XIII–XIV вв. и в то же время наиболее населенную его часть, рискну высказать некоторые соображения относительно общего количества поселений, находившихся на территории этого административно-политического образования. В северной части Белозерья — в бассейнах озер Лача, Воже и Кемозеро зафиксировано к настоящему времени около 20 средневековых памятников и местонахождений. Обследования не носили характера сплошных разведок, однако они не оставляют сомнения в том, что эта территория оставалась слабозаселенной. На юге и юго-западе Белозерья — в среднем течении Шексны и на р. Суде и ее притоках — выявлено более 100 поселений X–XIII вв. (Башенькин А. Н., 1986; Башенькин А. Н., 1993; Кудряшов А. В., 1992), полный перечень которых пока не составлен. Оценить возможное количество поселений на территориях по Шексне между устьем р. Суды и устьем Согожи затруднительно, поскольку этот участок в настоящее время скрыт водами Рыбинского водохранилища. Если считать, что заселенность района среднего течения Шексны была примерно такой же, как и центральной части Белозерья, все-

го в границах Белозерской земли могло насчитываться 600–700 поселений X–XIII вв. Количество единовременно существовавших в XII–XIII вв. поселений могло достигать 400–500.

Попытка проанализировать становление и развитие города Белоозера на общем фоне археологической карты региона, взглянуть на генезис города со стороны «округи» приводит к достаточно неожиданным выводам, не вполне укладывающимся в традиционные представления о древнерусских городах и условиях их существования. «Аномалии» было

бы проще всего объяснить окраинным положением Белоозера, нетипичным для древнерусских городов природными условиями Белозерского края. Но такие особенности формирования расселенческих структур на Белом озере, как возникновение города в слабозаселенном районе и опережающее развитие его при запаздывающем развитии сельской округи, едва ли правомерно рассматривать как индивидуальные черты местной истории. Они находят параллели в развитии других севернорусских городов и соответствуют одному из общих путей средневековой урбанизации на Севере.

3. РЕТРОСПЕКТИВА: СРЕДНЕВЕКОВЫЕ СЕЛИЩА НА ФОНЕ ПАМЯТНИКОВ ЭПОХИ КАМНЯ — РАННЕГО МЕТАЛЛА

Древнерусские системы расселения в лесной полосе Восточной Европы исследуются обычно вне контекста более раннего расселения. В подобном подходе есть известная логика, поскольку население, создавшее эти системы как на Северо-Западе, так и на Северо-Востоке Руси появилось на этих территориях достаточно поздно и не имело прямой генетической связи с местными культурами более раннего времени. Но, с другой стороны, осваивая новые территории, древнерусское население оказалось в ландшафтах, окультуривание которых началось в глубокой древности и которые едва ли могут рассматриваться как естественный природный фон, даже в тех случаях, если они не имели постоянного населения в момент появления славянских колонистов.

На общей карте древних и средневековых памятников Белозерья 493 точек, в том числе 261 поселение с материалами эпохи первобытности и средневековья. Я рассмотрю подробнее ситуацию на территории, обследованной Онежско-Сухонской экспедицией (без учета памятников Андозера и Лозско-Азатского озера), где из 320 пунктов 207 являются поселениями с материалами первобытности и средневековья. На 132 из этих поселений собраны находки двух или более различных исторических периодов (рис. 37).

Таким образом, примерно две трети этих поселений (64%) были обитаемы в различные исторические периоды. Уже одна эта цифра свидетельствует о значительной устойчивости некоторых принципов организации расселения и использования территории на протяжении всего периода от неолита до XII–XIII вв.

Пространственное расположение и топография археологических памятников всех исторических эпох от неолита до средневековья характеризуется рядом общих черт. Все эти памятники в большей или меньшей степени приурочены к крупным рекам и озерам, все они располагаются относительно низко и близко от воды, для всех эпох характерно размещение поселений в речных устьях. Если абстрагироваться от частных особенностей, то все системы расселения в хронологическом интервале от неолита до середины XIII в. на Белом озере могут рассматриваться как варианты одной модели, резко отличной как от более ранней — мезолитической, — так и от более поздней, сложившейся в удельный период. Тем более интересны некоторые различия в заселенности территории, в размещении памятников и в организации расселения, выявляющиеся при сопоставлении карт памятников различных культурно-хронологических срезов.

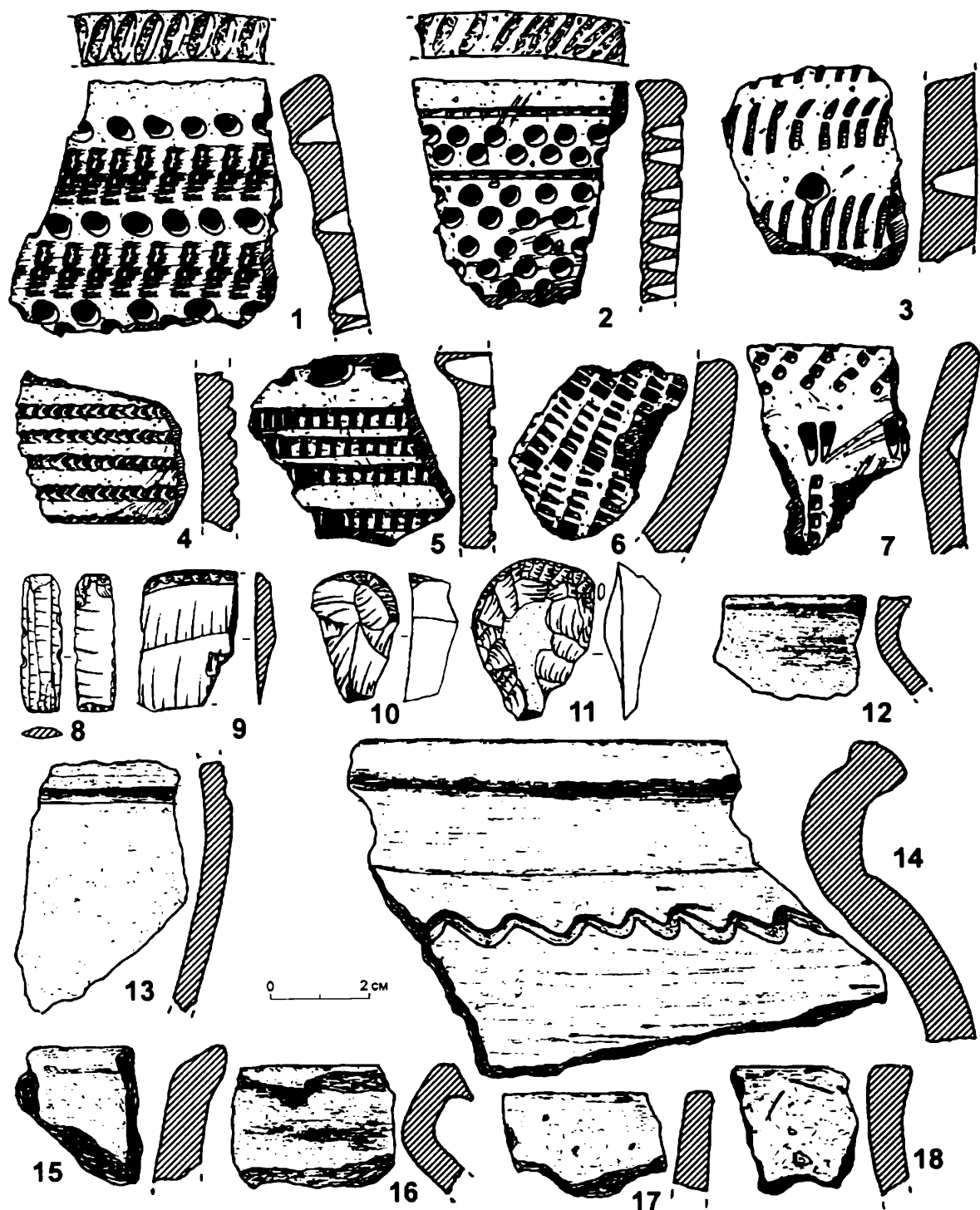

Рис. 37. Поселение Новокемский XIII. Подъемный материал различных исторических эпох.

1-6 — неолитическая ямочно-гребенчатая керамика; 7 — лепная керамика раннего железного века;
8 — кремневая пластина с ретушью; 9-11 — кремневые скребки; 13-16 — средневековая круговая
керамика; 17, 18 — средневековая лепная керамика

Находки неолитической ямочно-гребенчатой керамики представлены на Белозерье в 128 пунктах (рис. 37–40). Очевидно, к этому же периоду могут относиться многие находки кремневого инвентаря, не сопровождающиеся керамикой, однако мы не в состоянии отделить в этом массиве неолитические находки от более поздних, относящихся к эпохе энеолита, бронзы и раннего железа и поэтому не будем включать их в подсчеты.

Неолитические памятники относительно равномерно распределены по всем районам Белозерья: в долине Шексны (19), на побережье Белого озера (37), в долине Кемы и Ковжи (8), на озерах к северу от Белого озера (19) и к востоку от него (26), в среднем и нижнем течении Модлоны (15) (рис. 38). Относительно низкая концентрация их в долине Шексны ниже Гориц (5 пунктов), объясняется, возможно, тем, что часть неолитических поселений здесь скрыта водами Волго-Балта.

Неолитические памятники располагаются на берегах не только больших, но и средних и даже малых озер. Для памятников этого периода особенно характерно расположение в речных устьях, при впадении небольшой реки в озеро (на Перешном оз., Дружинском оз.) и в истоках рек, берущих начало из озер и впадающих в Шексну и Белое озеро (Унженское, Пушторское, Роксомское, Бородаевское, Никольское, Лукинское, Благовещенское), многие памятники расположены на протоках, соединяющих озера (гнезда поселений в Карботке, Филимонове). Почти все поселения находятся на низких террасах, хотя в нескольких пунктах (Монастырское, Троицкое II–III) отдельные фрагменты ямочно-гребенчатой ке-

рамики встречены на высоких коренных террасах.

Поскольку многие неолитические памятники сильно размыты, по имеющимся материалам трудно сделать точные подсчеты их площадей и выделить определенные стандарты их размеров. Несомненно, что неолитические поселения заметно различались по размерам. В целом ряде пунктов зафиксированы находки лишь нескольких неолитических черепков, концентрирующиеся практически в одной точке. Площадь ряда поселений с хорошей сохранностью площадки оценивается в 1500–3000 кв. м. (Пиньшино I, Zubovo I, Поздышка I, Суховерхово, Гора). Наконец, в районе Белого озера зафиксирован целый ряд крупных неолитических поселений, площадь которых превышает 0,5 га (Кительская, Водоба, Куность, Устье Борисоглебки, Нефедьево I–II, Карботка IV, Пружинино II, Погостище, Устье Модлоны). В устье Ковжи и в Белозерье на правом берегу Шексны неолитическая керамика залегает в размывах берега на протяжении 1 километра. Отметим, что на всех этих памятниках зафиксирована сравнительно высокая концентрация неолитических материалов, в ряде пунктов, где производились раскопки, например, в Нефедьеве, — мощный неолитический слой, свидетельствующий о стационарном характере поселений и длительном их функционировании. Наиболее крупные неолитические поселения располагались у истока Шексны из Белого озера и в устье самой крупной из впадающих в него рек — Ковжи.

Примечательно, что при общем тяготении памятников эпохи первобытности к крупным водоемам часть крупных неолитических поселений располагается на

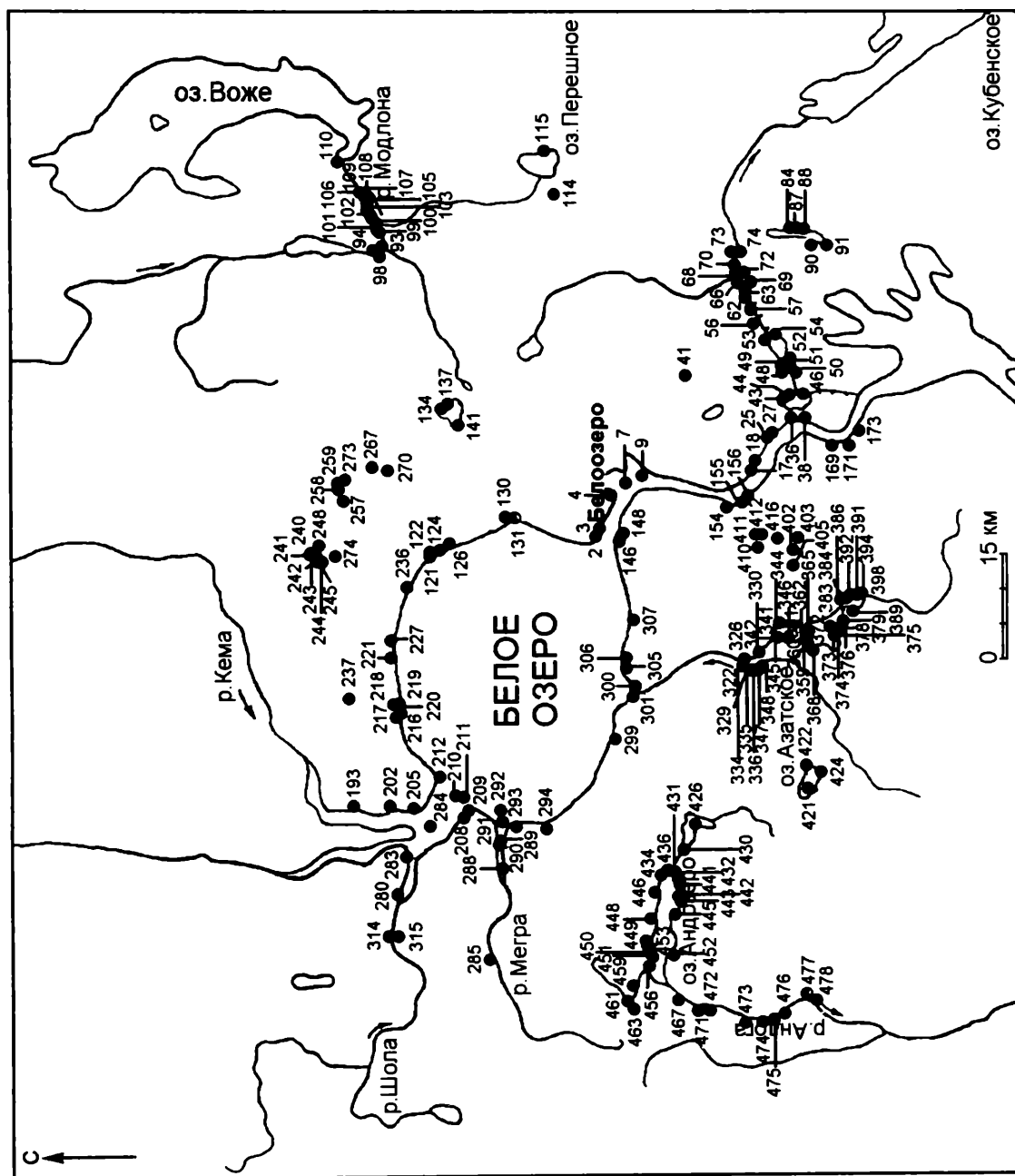

Рис. 38. Поселения с находками неолитической ямочно-гребенчатой керамики на Белом озере

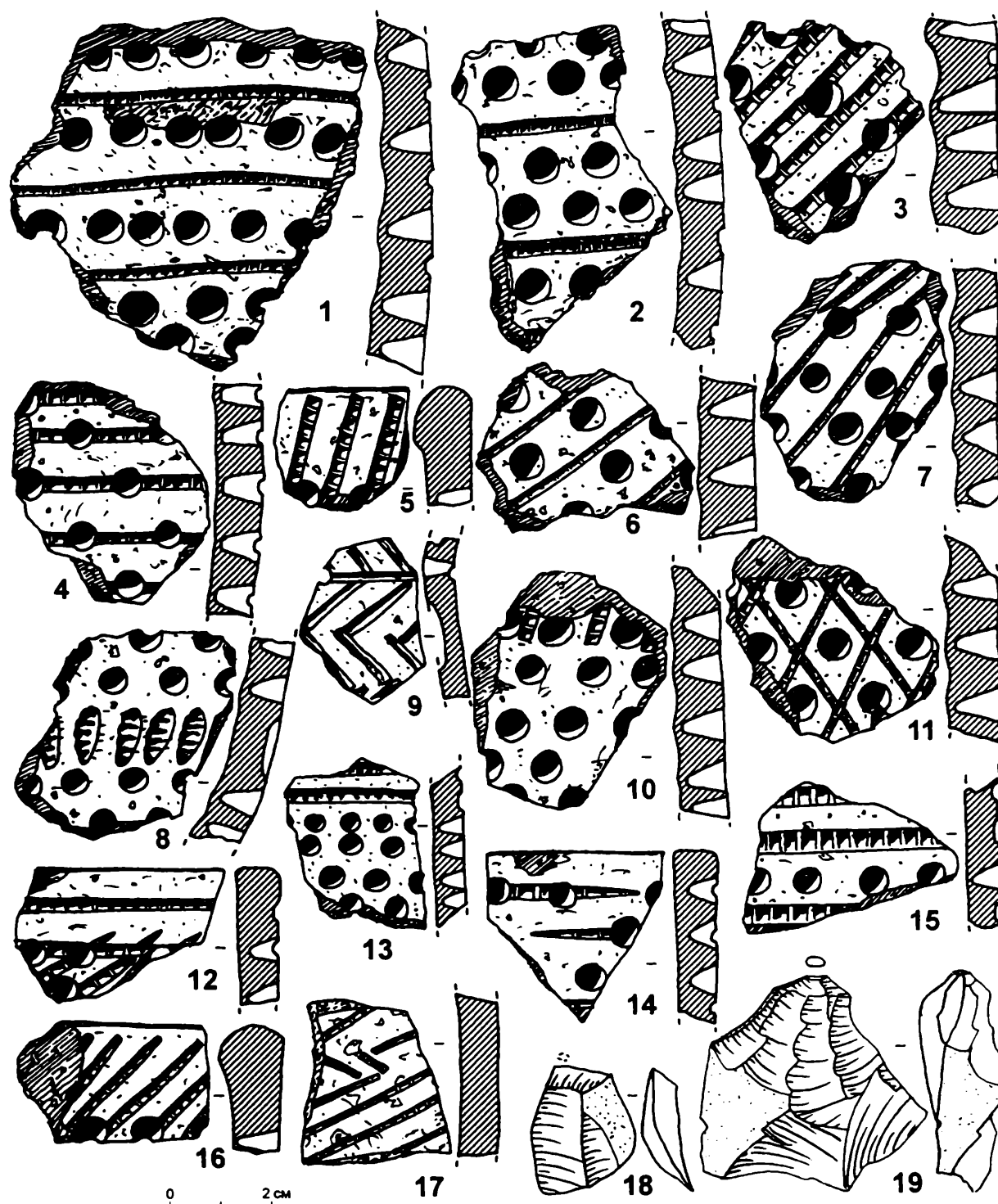

Рис. 39. Поселение Зубово IV. Подъемный материал.

1–16 — фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики;
 17 — фрагмент энеолитической пористой керамики; 18–19 — кремневые сколы

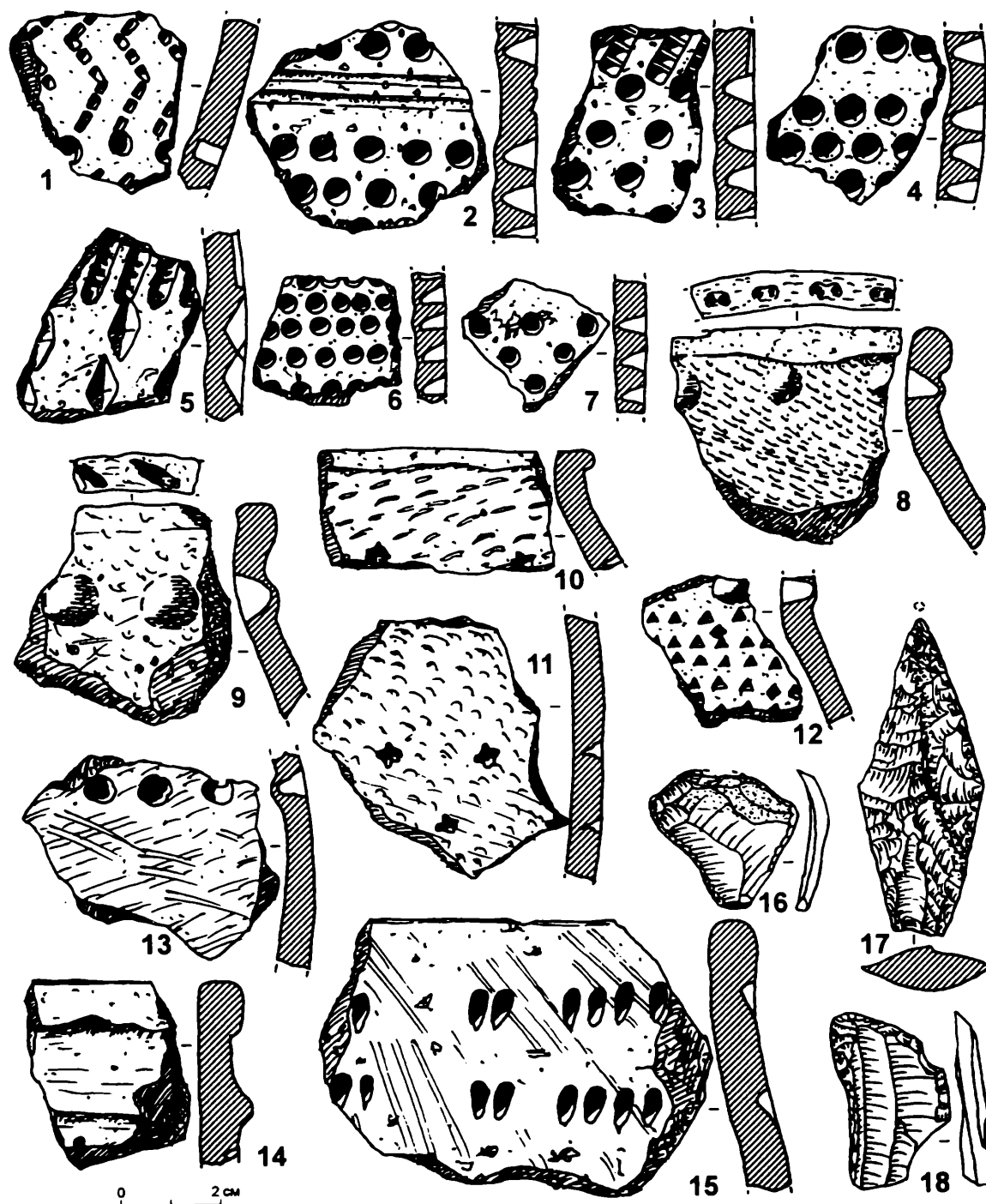

Рис. 40. Поселения Пески I и Пески II. Подъемный материал.

1-6 — фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики; 7-15 — фрагменты сетчатой, гладкостенной и штрихованной керамики эпохи бронзы и раннего железного века;
 16, 18 — кремневые скребки; 17 — кремневый наконечник.
 1-4, 12, 14, 16, 18 — Пески I; 5-11, 13, 15, 17 — Пески II

небольших озерах или на берегах соединяющих их друг с другом протоков и небольших речек (рис. 38) (в такой ситуации расположены гнезда неолитических поселений у д. Карботка, у д. Нефедьево, у д. Филимоново, у д. Нефедово на Родионовском озере, на Шубацком озере).

Расположение неолитических поселений отражает, по-видимому, не только установку их обитателей на возможно более полное использование ресурсов дикой природы на всей территории Белозерья, но и особое значение в их хозяйстве некоторых способов рыболовства — использование заколов и различных снастей, перегораживавших реки и протоки в момент весеннего хода рыбы и в другое время. Иначе трудно объяснить то обстоятельство, что неолитические поселения концентрируются не там, где рыбные ресурсы наиболее велики (на побережье Белого озера неолитических стоянок немного), а там, где легче всего вести лов, используя заклы и ставные снасти. Вероятно, снасти и средства передвижения эпохи неолита не позволяли эффективно вести лов в Белом озере далеко от берега. С другой стороны, стабильность и значительные размеры ряда поселений, безусловно, отражают стабильность и эффективность неолитической присваивающей экономики в районе Белого озера. Вероятно, необходимым условием этой стабильности было использование промысловых ресурсов весьма обширных территорий, в том числе участков, далеко отстоявших от базовых поселений. Пробывание первобытных насельников за пределами постоянных поселений маркируют многочисленные находки кремневого инвентаря — ножей, скребков, наконечников стрел, отщепов в различных

пунктах на побережьях средних и малых озер, где не выявлен ни культурный слой, ни керамика. Подобные местонахождения хорошо известны на Волоцком озере, Унженском озере, Роксомском озере. Несомненно, по крайней мере часть их относится к неолитическому времени.

Энеолитические памятники с керамикой волосовского облика (или керамикой типа Модлоны) не всегда легко выделяются по материалам разведок и случайных сборов. Достоверное присутствие подобных комплексов зафиксировано в 19 пунктах, в некоторых случаях они, возможно, остались не идентифицированными. По своей топографии, размерам и характеру культурного слоя волосовские поселения Белозерья мало отличались от поселений круга культур ямочно-гребенчатой керамики. Однако в волосовское время в заселенности Белозерья наступает, по-видимому, некоторый спад.

Появление памятников каргопольской неолитической культуры на Европейском Севере еще недавно относили к концу IV или рубежу IV–III тыс. до н. э., а финал ее существования — к рубежу III–II тыс. до н. э. (Ошибкина С. В., 1978, с. 160), однако новейшие исследования, и прежде всего, широкое использование радиоуглеродного метода для датирования неолитических комплексов, показывают, что эти даты должны быть существенно удревнены. Памятники с ямочно-гребенчатой керамикой на Верхней Волге датируют в настоящее время концом V — серединой III тыс. до н. э., волосовские памятники Верхневолжья — концом IV — началом II тыс. до н. э. (Неолит Северной Евразии, 1996, с. 330–336). К сожалению, мы почти не располагаем ра-

диоуглеродными датами для памятников эпохи неолита — бронзы на Белом озере. Две радиоуглеродные даты, полученные для угля из верхнего слоя поселения Модлона (3080-420; 2130-400 с учетом калибровки), позволили С. В. Ошибкиной отнести его ко второй половине III — началу II тыс. до н. э. Достоверность третьей даты (3620-250 с учетом калибровки) была поставлена ею под сомнение (Ошибкина С. В., 1978, с. 127), однако с учетом новой серии радиоуглеродных дат, полученных для волосовских памятников Центра Европейской России, она выглядит вполне правдоподобной. В последних публикациях С. В. Ошибкина относит сложение каргопольской неолитической культуры к началу IV тыс. до н. э., а поздний ее период датирует III тыс. н. э., хронологические рамки памятников типа Модлона (близких волосовским) очерчены в пределах III тыс. до н. э. (Неолит Северной Евразии, 1996, с. 227–228). При всех неопределенностях с датировкой культур эпохи камня можно полагать, что памятники с ямочно-гребенчатой керамикой относятся к достаточно протяженному (не менее полутора тысяч лет) отрезку времени и наиболее поздние из них синхронны волосовским.

Эпоха бронзы характеризуется, с одной стороны, резким сокращением количества поселений, с другой стороны, изменением их характера. Керамика эпохи бронзы встречена на 34-х памятниках, однако в этот список включены 11 комплексов с сетчатой керамикой, которые с равным основанием могут быть атрибутируемы как относящиеся к поздней бронзе или раннему железу. Находки керамики с гребенчатым и зубчатым орнаментом, фатьяноидного облика, сходной с поздняя-

ковской или с сейминской, зафиксированы лишь в 16 пунктах. На двух памятниках найдены изделия из бронзы сейминских типов — два наконечника копья (Крохинские Пески) и нож и нож-пилка.

Часть материалов эпохи бронзы собрана на памятниках с неолитическим культурным слоем (Пески II, Нефедьево I, Вьюшино, Первомайский I, Стрелка Модлоны), однако несколько чаще они фиксируются на некотором удалении от неолитических поселений, в тех же микро-регионах, но на расстоянии нескольких сот метров от неолитических стоянок (Никольское III, Крохинские Пески II, Усть-Ситское III, Шуйгино, Зубово III, Кунонь V). Многие из этих комплексов приурочены к более высоким участкам, чем неолитические поселения и находятся на высоте 1,5–2,5 м над современным уровнем воды, иногда на боровых террасах (Шуйгино, Усть-Ситское VI, Усть-Ситское III, Никольское III, Крохинские Пески II).

При этом, если напластования с ямочно-гребенчатой керамикой нередко залегают на значительных площадях и имеют большую мощность, то комплексы эпохи бронзы обычно представляют собой небольшую серию фрагментов керамики, происходящих от одного или нескольких сосудов и не связанную со сколько-нибудь мощным культурным слоем. Керамика эпохи бронзы залегает на небольших участках, едва ли не единственным исключением является поселение Первомайское I на Унженском озере с площадью около 0,5 га.

Изменения отражают не только демографический спад и снижение интенсивности жизни на территории Белозерья, но и переход к несколько иным формам

организации расселения и хозяйства. Хорошо известно, что во многих районах лесной полосы Европы эпоха бронзы ознаменовалась широким распространением скотоводства, требовавшего более подвижного образа жизни и расчистки новых территорий под пастбища. Обращаясь к белозерским материалам, можно составить впечатление, что население в эпоху бронзы было организовано в более мелкие группы, вело более подвижный образ жизни и было не столь привязано к урочищам в устьях и истоках рек, как их предшественники. Очевидно, некоторые поселения в эту эпоху устраивались на расчистках после сведения соснового леса, а не на пойменных участках.

В то же время, расселяясь по территории Белозерья, население эпохи бронзы чаще всего занимало те же микрорегионы, что и их предшественники — носители ямочно-гребенчатой культурной общности. Почти четырехкратное — по сравнению с эпохой неолита — уменьшение количества поселений не сопровождалось изменением общей картины размещения памятников. Контуры обеих карт во многом сходны. Места наиболее высокой концентрации неолитического населения (за исключением устья Ковжи) оставались освоенными в эпоху бронзы.

Эпоха железа характеризуется новым ростом количества поселений. Комплексы с сетчатой, штрихованной и гладкостенной лепной керамикой, датируемые I тыс. до н. э. — первой половиной I тыс. н. э., зафиксированы в 103 пунктах (рис. 41). 28 памятников находятся в долине Шексны, 29 — на побережье Белого озера и в устьях впадающих в него рек, 11 — в низовьях Кемы, Ковжи и Шолы, 20 — на малых и средних озерах к востоку

от Белого озера и Шексны, 3 — на озерах к северу от Белого озера, 12 — в нижнем и среднем течении Модлоны. Памятники с сетчатой и гладкостенной керамикой в бассейне Белого озера атрибутируют, обычно, как относящиеся к позднекаргопольской культуре (Манюхин И. С., 1989; Манюхин И. С., 1998), однако по многим признакам они близки дьяковским. Особое сходство с дьяковскими прослеживается у комплексов Верхней Шексны и Шексинско-Сухонского междуречья.

Общее размещение поселений эпохи раннего железа по территории Белозерья во многом повторяет размещение неолитических стоянок (рис. 38, 41). Картины различаются лишь на озерах к северу от Белого озера, где на месте 19 неолитических стоянок функционировало в I тыс. до н. э. — 1 пол. I тыс. н. э. лишь 3 небольших поселения. В остальных районах едва ли не все освоенные в неолите микрорегионы были вновь заселены в железном веке. Часто поселения располагаются непосредственно на местах неолитических стоянок, и сетчатая и ямочно-гребенчатая керамика оказываются перемешанными в культурном слое (рис. 40).

Поселения с сетчатой и гладкостенной керамикой заметно варьируют по своим размерам: наряду с небольшими поселениями площадью 1000–3000 кв. м. (Поздышка I, Пески II, Zubovo I) известны поселения с площадью 5000–7000 кв. м. (Чайка III, Кирсново I, Волохово I, Устье Борисоглебки) и более крупные, с площадью 1,5–2,5 га (Новодевичье I, Новокемский IX) или, возможно, более (Устье Ковжи). Значительная часть поселений с сетчатой и гладкостенной лепной керамикой располагается в пойме или на краю низких террас непосредственно у воды.

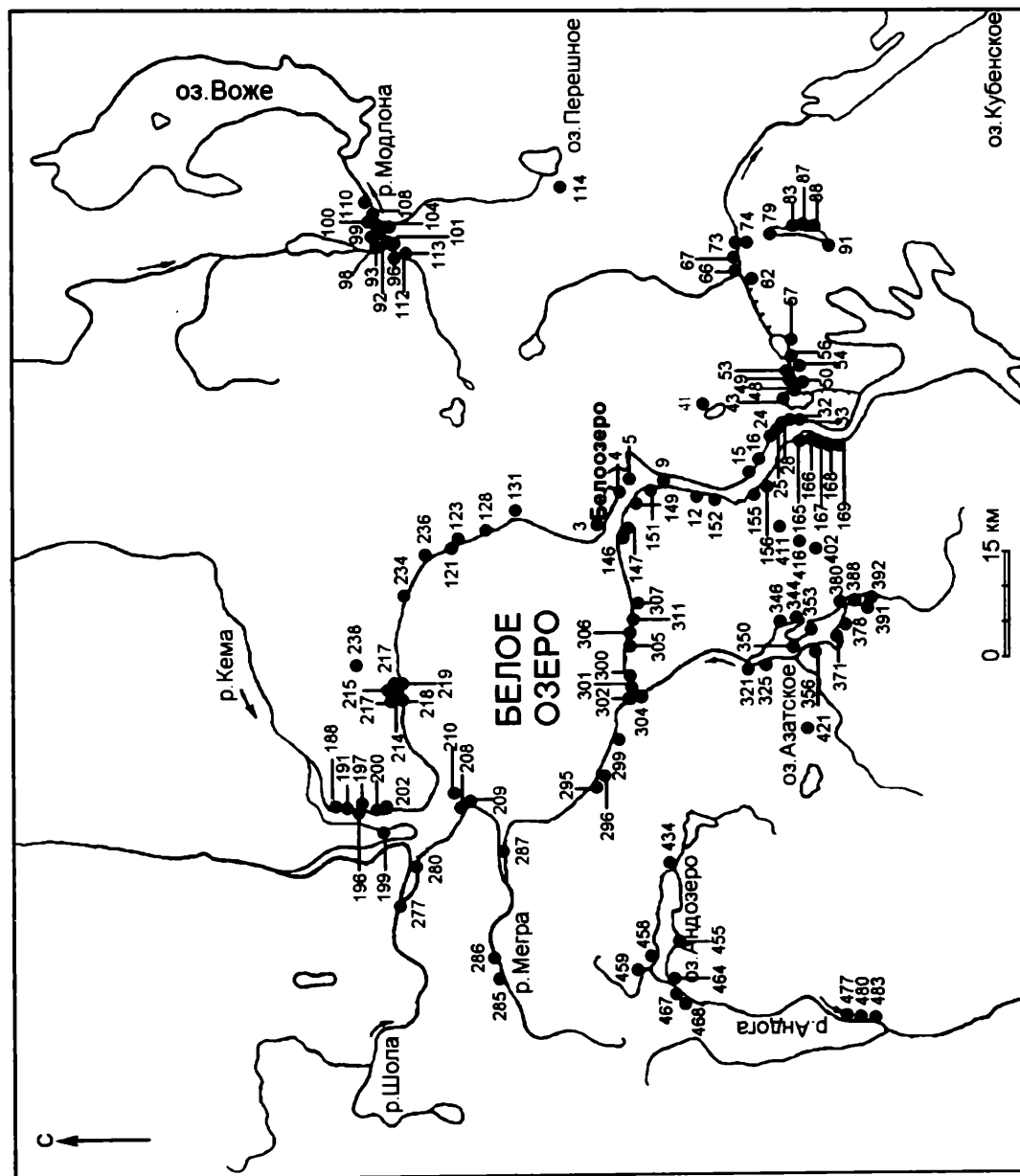

Рис. 41. Поселения с находками сетчатой, штрихованной и лепной гладкостенной керамики середины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. на Белом озере

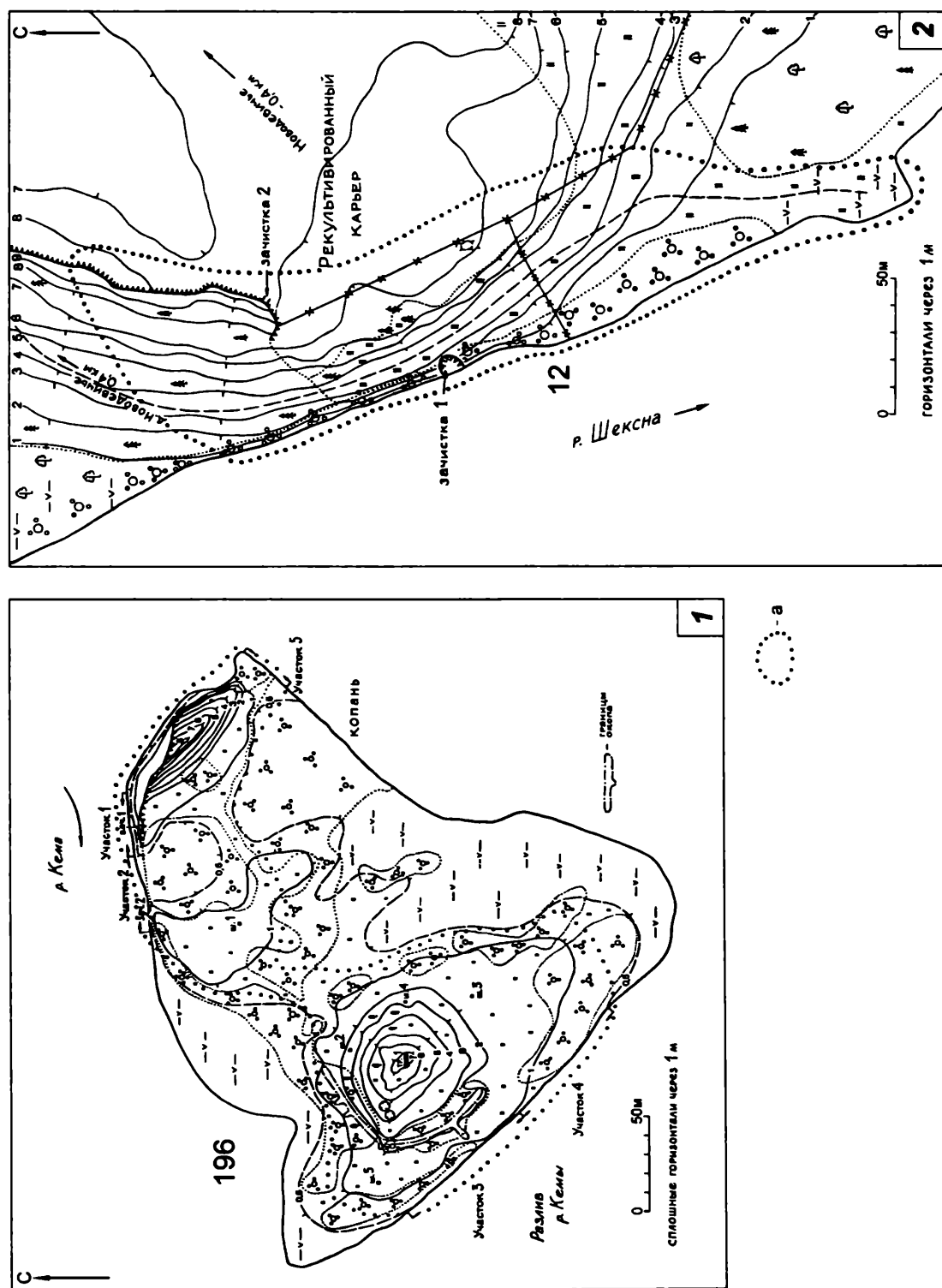

Рис. 42. Поселения середины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э. в районе Белого озера.

1 — поселение Новокемский IX в низовьях р. Кемы; 2 — поселение Новодевичье I в верхнем течении р. Шексны;
а — границы распространения культурного слоя и польского материала.

Номера на планах соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

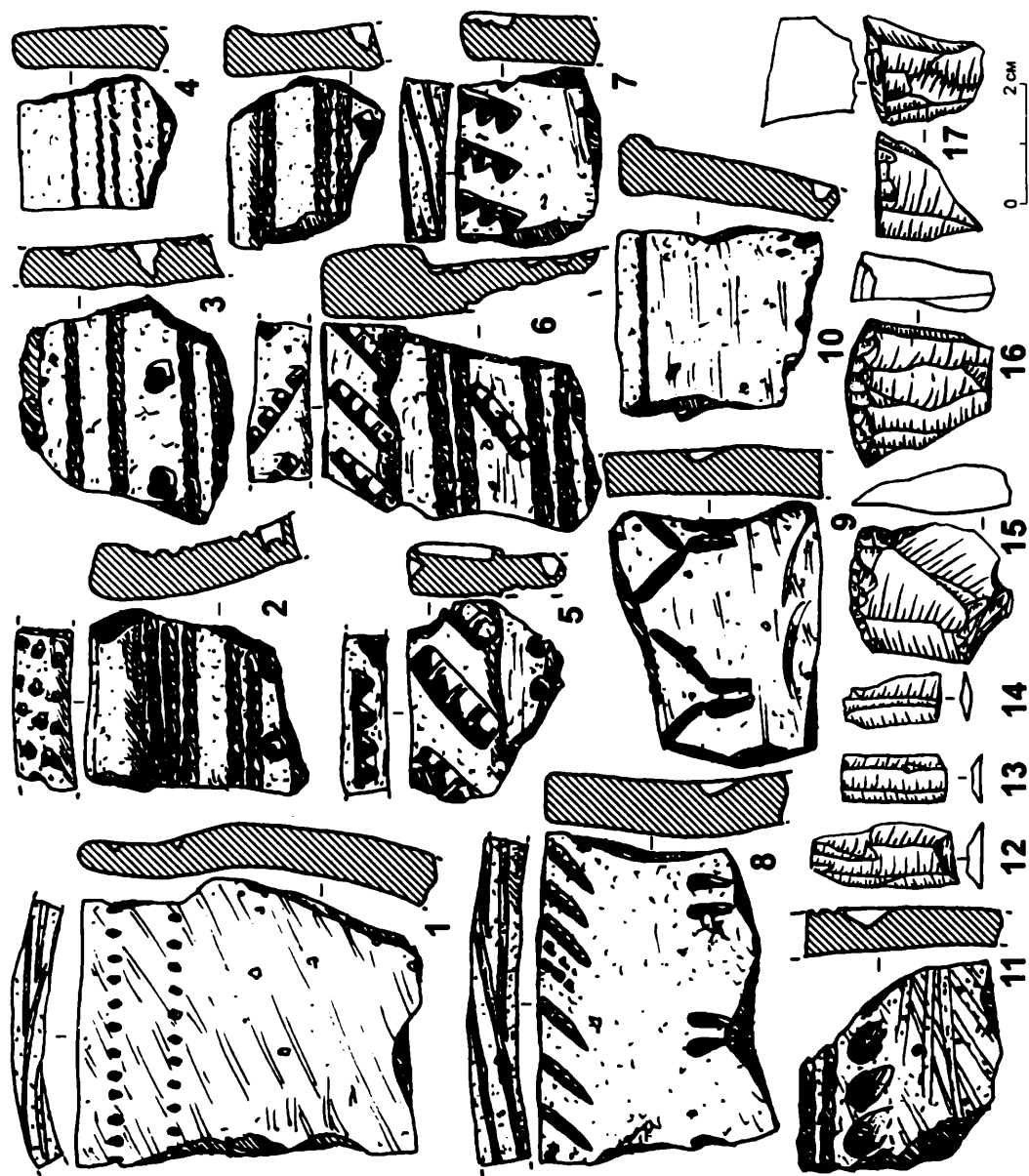

Рис. 43. Поселения Новокемский IX и Новокемский X. Керамика и кремневый инвентарь из шурфов и сборов.

1-11 — штрихованная и гладкостенная керамика раннего железного века; 12-14 — кремневые пластины; 15, 16 — кремневые скребки; 17 — кремневый нуклеус.

1 — Новокемский X; 2-17 — Новокемский IX

Но в эпоху железа начинают осваиваться и более возвышенные участки, ранее не заселявшиеся или заселенные лишь в мезолите (рис. 42, 43). Поселения с сетчатой и лепной гладкостенной керамикой зафиксированы на краю или на склоне коренных террас высотой от 4 до 8–12 м на различных участках Белозерья: на Кеме (Новокемский IX), на Белом озере (Липин Бор III), на Шексне (Новодевичье I, Федосьин Городок III, Ратибор), на Зауломском озере (Перхино), в районе Волока Славенского (Усть-Ситское VI, Филимоново II), в некоторых случаях мы можем полагать, что сетчатая керамика, найденная у подножья высоких террас на Шексне, происходит из разрушенных поселений, находившихся на их верхней кромке. Эти поселения не имеют укреплений, однако топография некоторых из них, расположенных на береговых мысах и высоких останцах в пойме (Новокемский IX, Новокемский X) сходна с топографией дьяковских городищ (рис. 42).

Немногочисленность датирующих находок на белозерских поселениях с сетчатой и штрихованной керамикой и отсутствие радиоуглеродных дат затрудняют определение их хронологических границ. Учитывая современные представления о хронологии древностей эпохи железа в лесной полосе, нижняя дата этих комплексов может быть отнесена к началу I тыс. до н. э. Верхнюю хронологическую границу позднекаргопольской культуры на Водлозере И. С. Манюхин определяет как V–VI вв. н. э., на Белозерье — как первые века н. э. (Манюхин И. С., 1989). Возможно, жизнь на этих поселениях продолжалась до середины I тыс. н. э.

Вторая половина I тыс. н. э. стала временем нового спада в заселенности Бело-

зерья (рис. 44). Древности середины — третьей четверти I тыс. н. э. представлены комплексами со штрихованной керамикой, украшенной иногда ямочным орнаментом. В районе Белого озера подобная керамика и металлические вещи середины I тыс. н. э. найдены в 9 пунктах (Макаров Н. А., 1986, с. 23–30; Макаров Н. А., 1997). Лишь одна находка — бронзовая фигурка из раскопок стоянки Водоба II (Усть-Водоба VI), атрибутированная недавно как часть прорезной бляхи прикамского типа, может быть отнесена к несколько более позднему времени — VII–VIII вв. (Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 1994). Симптоматично, что все эти комплексы не могут рассматриваться как остатки долговременных поселений — они содержат лишь небольшое количество керамики, залегающей вне связи с остатками сооружений.

Таким образом, сеть средневековых поселений, становление которой на Белозерье началось в конце IX или в X в., формировалась на почти не заселенной свободной территории в процессе внешней колонизации. Количество селищ X–XIII вв. — 138 (рис. 4) — сопоставимо с числом поселений неолита и раннего железного века, однако следует учитывать, что две последние группы памятников относятся к хронологическим периодам протяженностью около полутора тысячелетий, а древнерусские памятники — к периоду около трех с половиной веков. Очевидно, далеко не все неолитические стоянки и поселения раннего железного века функционировали одновременно, что же касается средневековых поселений, то значительная часть их существовала синхронно и составляла единую систему расселения. Учитывая это обстоятельство,

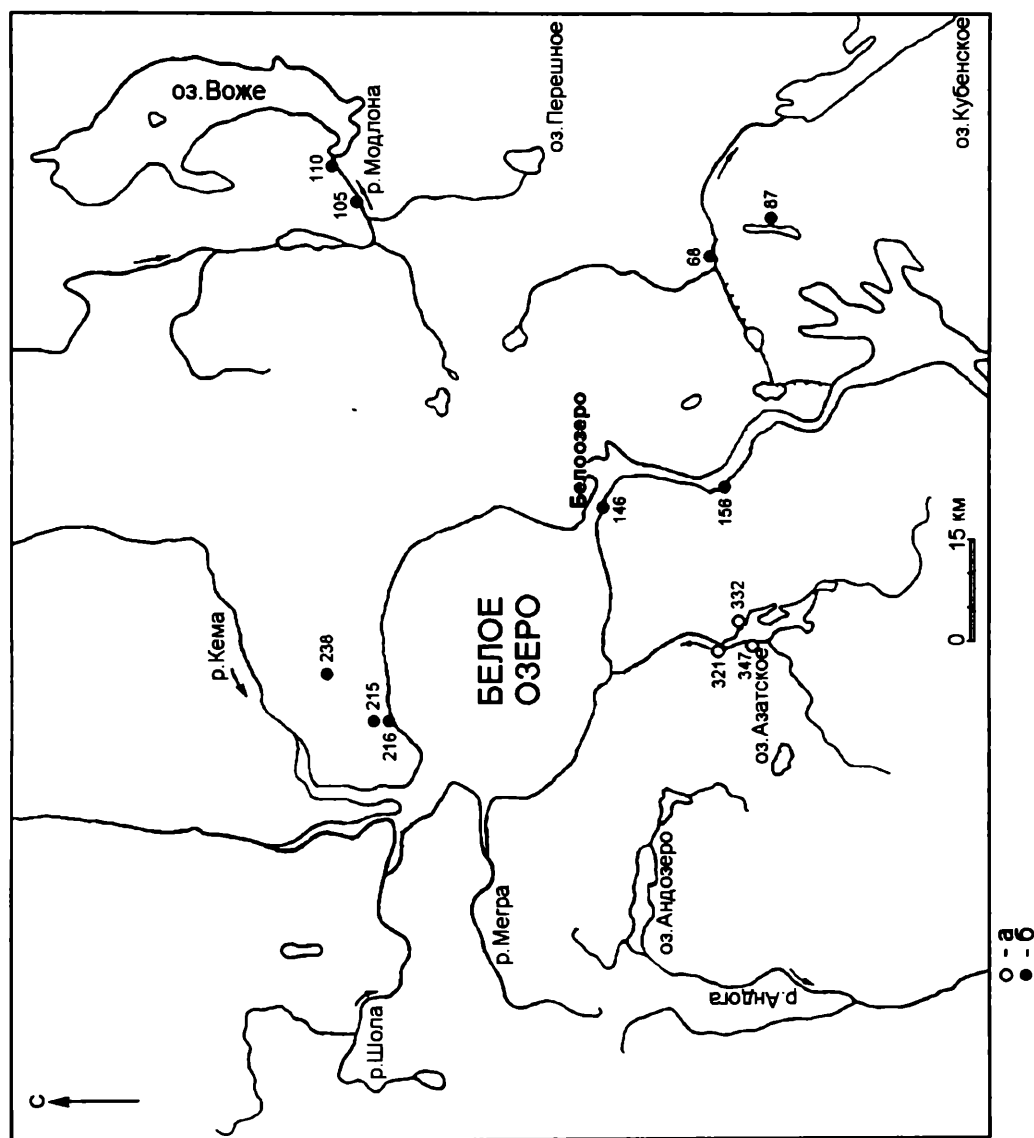

Рис. 44. Поселения с материалами середины — третьей четверти I тыс. н. э. на Белом озере.

а — поселения, датированные в широких хронологических рамках I тыс. н. э.;

б — поселения, твердо датированные серединой — третьей четвертью I тыс. н. э.

можно сделать вывод о значительном увеличении плотности населения на Белозере в древнерусское время по сравнению с периодами более ранних демографических подъемов.

Средневековое население устраивало свои поселки в тех же урочищах, что и насельники эпохи неолита и раннего железного века. Непосредственное топографическое совмещение неолитических и средневековых комплексов зафиксировано на 39 памятниках, совмещение комплексов эпохи раннего железа и средневековья — на 33 памятниках. Но гораздо более многочисленны случаи тесного соседства между поселениями первобытности и средневековья, когда они располагаются на расстоянии нескольких десятков или сотен метров друг от друга в однотипных урочищах.

Почти все гнезда и кусты древнерусских поселений формируются в микро-регионах, освоенных в эпоху первобытности. Формирование их на территориях без подосновы в виде неолитических памятников или памятников раннего железного века зафиксировано лишь на Кеме — в районе Покровского, Никольского и Нового Села, в районе Ухтомского Волока и на северной стороне Волока Славенского. Отметим также, что средневековые поселения возникают на месте почти всех наиболее крупных неолитических поселений и гнезд поселений — у истока Шексны из Белого озера, в Устье Ковжи, при впадении р. Ухтомы в р. Молону, на Покровском озере у д. Карботки, на р. Порозовице у д. Нефедьево.

Древнерусское население, почти не связанное генетической преемственностью с местными культурами предшествующих эпох (культура веси, как мы попытаемся показать ниже, формировалась

несколько в стороне от района Белого озера), во многом воспроизвело на территории Белозерья систему расселения предшествующих исторических эпох.

Таким образом, история заселения Белозерья на протяжении V тыс. до н. э. — начала II тыс. н. э. не носит характера непрерывного поступательного развития. Она распадается на несколько циклов, с ярко выраженными фазами подъемов и упадков. Примерно та же динамика прослеживается и в некоторых других районах лесной полосы восточной Европы, где проводились достаточно подробная инвентаризация памятников археологии или специальные исследования споровопыльцевых колонок эпохи голоцена, например, в Подмоскowie (Кренке Н. А., 1996) и Приильменье (Königsson L.-K., Possnert G., Hammar T., 1997), в районе оз. Неро (Леонтьев А. Е., 1996, с. 29–37). Эти колебания в заселенности сопоставимы с «вековыми циклами», «движениями длительной протяженности», выявленными Ф. Броделем (Бродель Ф., 1992), хотя имеют значительно большую продолжительность.

Несмотря на смену культур, сопровождавшуюся, в большой или меньшей степени, физической сменой населения, системы расселения на Белозерье принимали во многом сходные формы (рис. 4, 38, 41). Хотя в периоды демографических спадов во многих районах Белозерья существовали лишь небольшие одиночные поселки, их география во многом соответствовала расположению крупнейших гнезд поселений, формировавшихся в периоды подъемов. Сложившийся в неолите основной каркас расселения оказался исключительно устойчив.

Причины устойчивости можно видеть, с одной стороны, в особых географических свойствах тех участков, на которых в течение нескольких тысячелетий располагались поселения. Весьма вероятно, что в приозерных южно-таежных ландшафтах они изначально являлись некими оптимальными для обитания точками, наиболее удобными для создания систем жизнеобеспечения с большим удельным весом присваивающего хозяйства. С другой стороны, преемственность в расселении могла обеспечиваться за счет сохранения элементов культурного ландшафта прошедших исторических эпох, которые не полностью утрачивались в периоды запустений. Новые насельники могли выбирать для своих поселений некогда заселенные участки, на которых первичные леса так и не восстановились. Подобные представления о развитии культурного ландшафта, широко распространенные в западной археологии, подкрепляются в последнее время наблюдениями над спорово-пыльцевыми колонками и археологическими материалами Подмосковья (Кренке Н. А., 1996) и Приильменья (Königsson L.-K., Possnert G., Hammar T., 1997). К сожалению, недостаток спорово-пыльцевых материалов не позволяет предметно судить о том, в какой мере на территории Белозерья сохранялись открытые участки, расчищенные в неолитическую эпоху и в эпоху раннего железа, доисторические периоды, когда воздействие человека на природную среду было максимальным. Однако анализ спорово-пыльцевой колонки Нефедьева на востоке Белозерья привел Е. А. Спиридонову к заключению, что на пустошах, появившихся в этом микрорегионе в волосовское время, лес в последующие эпохи так до конца и не восста-

новился (Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 1993).

Изменения в топографии и размещении поселений, безусловно, связаны с некоторыми изменениями в хозяйстве. Фрагментарность наших знаний о хозяйстве культур энеолита, эпохи бронзы и раннего железа на Европейском Севере заставляет быть осторожными в интерпретациях и не злоупотреблять логическими реконструкциями. Тем не менее, по-видимому, мы не ошибемся, если признаем, что проявившаяся в эпоху раннего железа тенденция к освоению возвышенных участков на кромке борových террас связана с распространением скотоводства, и, вероятно, — с попытками внедрения земледелия в регионе, где ранее прочно доминировало присваивающее хозяйство. Топография древнерусских селищ отражает практику ведения комплексного промыслово-аграрного хозяйства (часть продукции которого предназначалась для обмена) в условиях постепенного роста населения. Мы фиксируем, с одной стороны, стремление использовать ресурсы тех микрорегионов и ландшафтных зон, которые традиционно заселялись с эпохи неолита, с другой стороны, — стремление максимально раздвинуть границы этих микрорегионов, чтобы вместить в них возросшее население.

Пространственное совмещение памятников различных исторических эпох (в том числе неолита и раннего железного века, неолита и средневековья, раннего железного века и средневековья) прослеживается и в других районах лесной полосы на Севере и в центре Европейской России. Так, исследователями отмечено присутствие материалов эпохи неолита, раннего железа и средневековья на одних памятниках в Прионежье и Заонежье

(Косменко М. Г. 1992, с. 193–211; Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., 1988, с. 121–136), совпадение точек с находками неолитической керамики и керамики раннего железного века в Подмоскowie (Кренке Н. А., 1996), находки керамики эпохи неолита и раннего металла в насыпях волховских сопok (Петренко В. П., 1994, с. 70, 91) и на поселениях Приильменья (Носов Е. Н., 1991, с. 10–23). В различных регионах это совпадение выражено по-разному. В Заонежье, Обонежье и на Водлозере, где эта тенденция прослеживается особенно ярко, на местах стоянок неолита — эпохи бронзы — раннего железного века в конце X — XI в. возникают небольшие временные поселения, по-видимому, чисто промыслового характера, оставившие очень слабые археоло-

гические следы. Лишь некоторые средневековые комплексы на этих памятниках могут быть интерпретированы как стационарные поселения. В Приильменье, на озере Неро (Ростовском), в Подмоскowie древнерусские поселения нередко оказываются топографически совмещены с поселениями эпохи железа, но не совмещаются с неолитическими поселениями, расположенными на более низких участках. Различие ландшафтов, осваивавшихся в эпоху неолита и в эпоху железа — средневековья здесь отчетливо выражено. Белозерье дает редкий пример территории, где на местах неолитических стоянок и поселений железного века возникают стабильные долговременные средневековые поселки в хозяйстве которых, как мы увидим ниже, немалую роль играло земледелие.

4. ПАЛЕОБОТАНИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ ИЗ БЕЛООЗЕРА: К ИСТОРИИ СТАНОВЛЕНИЯ ЗЕМЛЕДЕЛИЯ НА СЕВЕРНЫХ ОКРАИНАХ ДРЕВНЕЙ РУСИ

Рост интереса к палеоботаническим материалам, ярко проявившийся в последние десятилетия, отражает общую тенденцию к более глубокому исследованию как сельскохозяйственной экономики прошлого, так и самих механизмов взаимодействия человека и природной среды в древности и средневековье. При этом палеоботанические исследования на Западе и в России существенно различаются по характеру разрабатываемых вопросов и по методу сбора материалов. В практике отечественной археологии остатки зерен, собранные в ходе раскопок, используются, главным образом, для исследования состава основных возделываемых культур и изменений его с течением времени, для оценки уровня развития сельского хозяйства и реконструкции систем земледелия в древности и средневековье (Кириянов А. В., 1959; Кириянова Н. А., 1992). Западноевропейская археология обращается к карпоботаническим материалам и для решения ряда других проблем, таких как особенности питания различных этнических и социальных групп, торговля зерном, воздействие земледелия на природную среду отдельных регионов (van Zeist K., Wasylkova K., Behre K. E., 1991; *Res archaeobotanicae*, 1995; Alsleben A., 1991). Предметом изучения отечественных палеоботаников являются, глав-

ным образом, скопления зерна, обнаруженные в процессе раскопок (Кириянов А. В., 1959; Кириянова Н. А., 1992; Петрашенко В. А., Пашкевич Г. А., 1992). На Западе в практику полевой археологии уже давно вошла флотация (промывка) культурного слоя для сбора остатков зерен, которые остаются незамеченными в культурном слое при разборке его совком или лопатой (*Archaeobotany...*, 1989), — методика, позволяющая более системно подойти к сбору карпоботанических материалов. В России эта методика стала внедряться со второй половины 1980-х гг. после раскопок Н. А. Кренке на Дьяковом городище, в ходе которых благодаря промывке грунта удалось собрать огромную коллекцию зерен, принципиально изменившую традиционные представления о хозяйстве дьяковских племен во второй половине I тыс. до н. э. (Кренке Н. А., 1987, с. 18). В самое последнее время программа палеоботанических исследований с использованием флотации грунта была развернута в Новгороде и на поселениях Новгородской округи при участии палеоботаников из Германии и Ирландии (Alsleben A., Jansson J., Hammar T., Königsson L.-K., Kroll H., Müller-Wille M., Nosov E., 1993; Альслебен А., Кеннигсен Л.-К., Кролл Х., Мюллер-Вилле М., Носов Е. Н., Хаммер Т., Янссон И.,

1994; Монк М., 1996). Очевидно, что широкое использование методики промывки культурного слоя даст возможность получить конкретный ответ на вопрос о существовании земледелия в целом ряде археологических культур лесной полосы Восточной Европы, хозяйственная основа которых пока остается неясной. Ниже мы попытаемся оценить уровень сельскохозяйственного развития Белозерья в X–XIII вв., основываясь на зерновых материалах, собранных здесь в самое последнее время.

Многочисленные поземельные документы конца XIV — XVI в. из архива Кирилло-Белозерского монастыря свидетельствуют о том, что Белозерье в этот период представляло собой развитую аграрную область, значительная часть территории которой была превращена в сельскохозяйственные угодья. Информация о более раннем периоде ограничивается археологическими, палинологическими и антропологическими материалами. При раскопках поселения Крутик на площади около 1600 кв. м. не были найдены ни земледельческие орудия, ни жернова (Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991, с. 95), поэтому вопрос о существовании здесь земледелия остался неясным. Земледельческие орудия не встречены и на других белозерских поселениях X–XIII вв. Исключение составляет Белоозеро, в культурном слое которого найдена целая серия предметов, связанных с земледелием: наральник, плужный нож, 8 серпов, целые и фрагментированные жернова. Все эти находки относятся к XII–XIII вв. (Голубева Л. А., 1973, с. 189–191). Как свидетельства существования земледелия в регионе в XII–XIII вв. можно рассматривать также присутствие пыльцы культурных злаков в пыльцевых комплек-

сах Нефедьевского микрорегиона, относящихся к этому периоду (Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 1993), и микроэлементный состав костной ткани в погребениях могильника Шуйгино, отражающий преобладание растительной пищи в диете населения в конце XII — XIII в. (Козловская М. В., Федосова В. Н., 1992, с. 43–51). Излишне говорить о том, насколько фрагментарны эти данные, не позволяющие составить сколько-нибудь ясное представление о масштабах распространения земледелия. Неудивительно, что исследователи высказывали противоречивые мнения об экономическом укладе северных окраин, от полного отрицания существования здесь земледелия в X–XII вв. (Платонов С. Ф., 1923) до признания принципиального сходства экономики Севера и центральных областей Древней Руси (История северного крестьянства..., 1984, с. 46–47).

Первые попытки промывки грунта для сбора зерновых материалов были предприняты Онежско-Сухонской экспедицией в 1986–89 гг. при раскопках могильника Нефедьево (промывался грунт из сосудов, находившихся в могильных ямах и заполнение самих могильных ям) и при раскопках селищ XII–XIII вв. в районе Великого Устюга (промывалось заполнение материковых ям). Эти попытки не дали результатов. Получить отмывки с зернами впервые удалось в 1991 г. при раскопках селищ на Волоцком озере, а затем при обследовании одного из селищ в Киснеме, на северном берегу Белого озера, в следующем, 1992 г. Хотя в обоих случаях в отмывках были представлены лишь единичные зерна, находки убедили в перспективности использования самого метода на белозерских селищах. Поэтому программа выявления и фиксации средневековых памятников в районе

Белого озера и Верхней Шексны, осуществлявшаяся в 1992–1997 гг., включала в качестве одного из основных элементов промывку грунта на всех поселениях с ненарушенными культурными напластованиями. Отбор проб был осуществлен в 27 точках на 22 памятниках — 21 поселении и могильнике Крохинские Пески. На всех памятниках, кроме двух (Крохинские

Пески и Усть-Ситское III) в отмытках присутствовали зерна (рис. 45). Всего на средневековых памятниках собрано около 2000 целых и фрагментированных зерен (рис. 46).

Чтобы яснее представлять характер и информативные возможности полученного материала, остановимся более подробно на методике отбора проб.

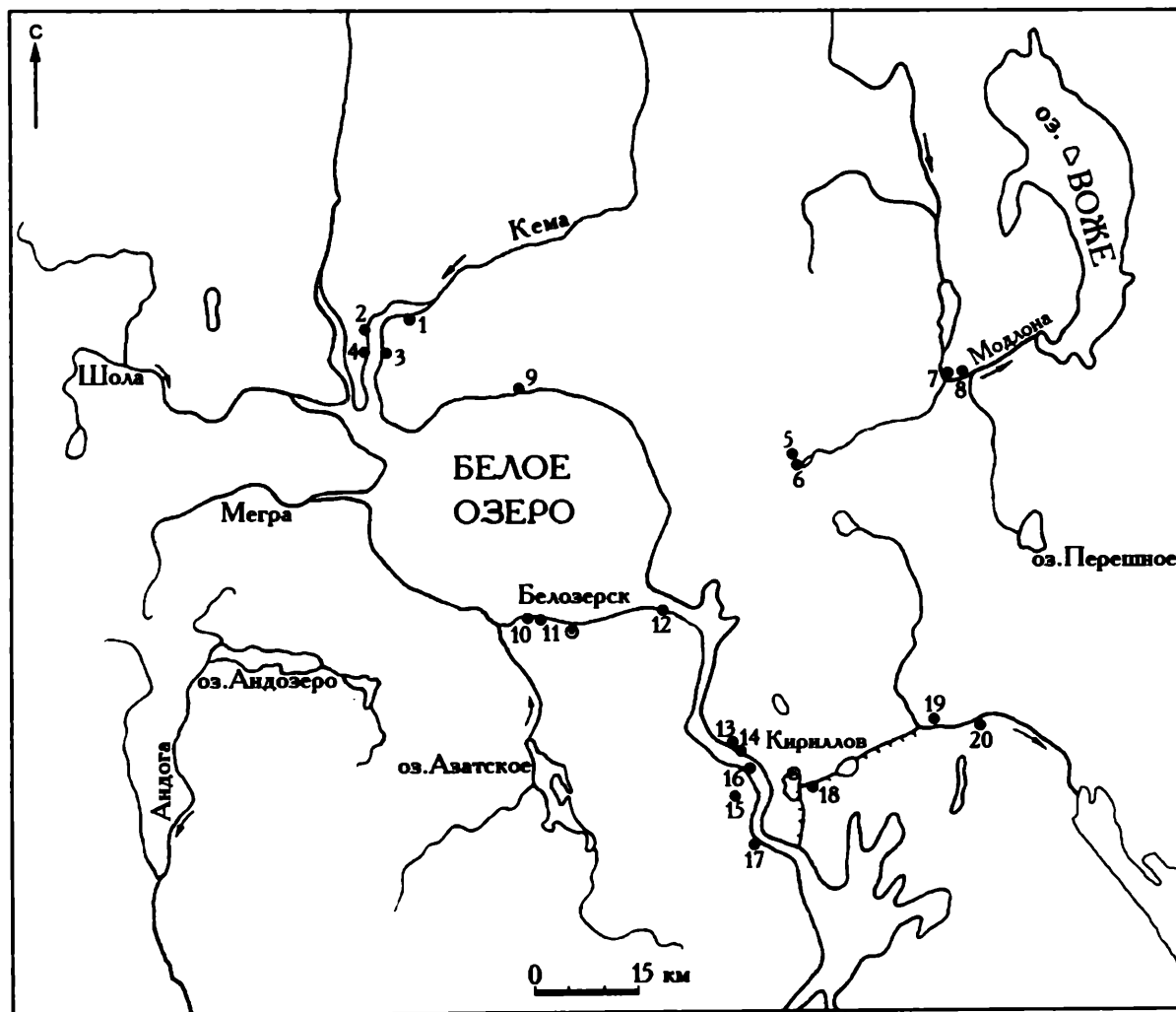

Рис. 45. Находки зерен на средневековых памятниках Белозерья.

- 1 — Покровское II; 2 — Никольское V; 3 — Никольское IX; 4 — Никольское X; 5 — Волок В; 6 — Волок А; 7 — Погостище III; 8 — Погостище VI; 9 — Троицкое VI; 10 — Мазкса I; 11 — Мазкса II; 12 — Белоозеро; 13 — Пружинино II; 14 — Пружинино IV; 15 — Крутик; 16 — Федосьин Городок; 17 — Шуклино; 18 — Карботка III; 19 — Гора; 20 — Кудрино

Рис. 46. Зерна из культурного слоя средневековых поселений на Белом озере и Верхней Шексне.

1 — рожь, Погостище VI, 1995; 2 — пшеница, Белоозеро, 1994; 3 — ячмень, Мазкса II, 1994; 4 — овес, Погостище III, 1995; 5 — горох, Никольское V, 1995; 6 — лен и конопля, Кудрино, 1994

Как правило, промывка грунта для сбора зерновых материалов практикуется на поселениях при проведении на них более-менее широких раскопок, что дает исследователю возможность отбирать грунт с различных участков раскопа, отдавая предпочтение заполнениям жилищ, хозяйственных ям и участкам, насыщенным органикой. На Белозерье отбор проб осуществлялся в иной ситуации, обычно, вне связи с раскопками (исключением можно считать работы на селищах Волок А, Волок В, селище и могильнике Пружинино I, IV и могильнике Крохинские Пески). В ряде случаев мы отбирали пробы из стенок раскопов 1970–1980-х гг., частично вскрыв засыпанные котлованы и зачистив профили (Никольское V, Крутик, Кудрино, сходный характер имели работы в Белоозере, где был зачищен обрыв берега у края старого раскопа с хорошо документированной стратиграфией). Но чаще всего пробы отбирались в шурфах, закладывавшихся на памятниках при выявлении в них ненарушенного культурного слоя, содержащего датирующие материалы. При подобном характере работ мы не всегда могли выбрать на поселении участок с наиболее насыщенным органикой культурным слоем. Кроме того, следует иметь в виду, что по внешним признакам трудно определить, насколько насыщен грунт зерновыми материалами. На поселениях Никольское IX, Карботка III, Покровское II для промывки был взят сильно гумусированный насыщенный углями и органическими остатками грунт из слоя очагов и заполнения подпечных ям, но количество зерновых материалов во всех трех случаях оказалось достаточно скромным. На поселении Никольское X высокая концентрация зерен была зафиксирована на

участке с обычным культурным слоем небольшой мощности.

Включив отбор карпологических проб в программу разведочных работ, мы не всегда располагали возможностью промыть на обследуемых памятниках большое количество земли. Объем грунта, отбиравшегося для промывки, колебался от 12 до 192 л, наибольшие объемы были промыты на памятниках с чистым культурным слоем X в. и X — начала XI в. (Крутик, Никольское V, нижний горизонт Белоозера). В то же время в ходе обследований мы смогли проверить присутствие зерен на целой серии близких по времени памятников и таким образом получить представление об общем состоянии аграрного развития в Белозерском регионе в X–XIII вв. Пробы были отобраны как на поселениях, находящихся в центре Белозерского региона, на берегах Белого озера и Шексны, так и на памятниках, расположенных на периферии, на малых и средних озерах (Волоцкое, Покровское, Лукинское) и на реках, не связанных с речной системой Белого озера (Модлона, Порозовица). Охвачены районы, лежащие к северу (Киснема, долина Кемы, Модлона), к югу (Маэкса, долина Шексны) и к юго-востоку (Волок Славенский) от Белого озера (рис. 45). Материал отобран как на рядовых сельских поселениях, так и на памятниках, являвшихся крупнейшими историческими центрами региона — на Белоозере и на поселении Крутик. Хотя памятники, на которых производилась промывка культурного слоя, составляют примерно одну седьмую от всех зафиксированных в этом районе поселений X–XIII вв., пробы собраны почти на всех памятниках, где такие работы в принципе возможны, — на большинстве остальных культурный слой сильно

нарушен распашкой или размыт и в силу этого мало пригоден для флотации.

Все зерна найдены в обугленном состоянии. Поверхность их зачастую повреждена. В подсчетах учитываются целые зерна и те обломки, которые удастся отнести к определенному роду хлебных злаков. Мелкие обломки подсчитываются отдельно.

Наибольшее количество зерен и наиболее высокая концентрация их в культурном слое отмечены в пробах, собранных на двух памятниках — на Белоозере в центральной части города (слои второй половины X — начала XI в. и XI в.) и на поселении Никольское X (слои, датированные в широком хронологическом интервале конца X — XII в.) (рис. 47). На поселении Никольское V (культурный

слой второй половины X — начала XI в.) получить относительно большое количество зерновых материалов удалось благодаря промывке большого объема грунта (120 л); при этом концентрация их в слое была примерно такой же, как на большинстве остальных памятников. Зерновые материалы, собранные во всех трех пунктах, довольно резко выделяются по своему объему на фоне других поселений, на которых встречено в лучшем случае по несколько десятков зерен. Очевидно, контраст во многом объясняется случайными обстоятельствами: в центральной части Белоозера и на Никольском X пробы были взяты на участках, где залегают скопления зерен, не прослеженные во время полевых работ, но четко фиксируемые при лабораторном исследовании образцов. Интересно отметить, что в зачистке

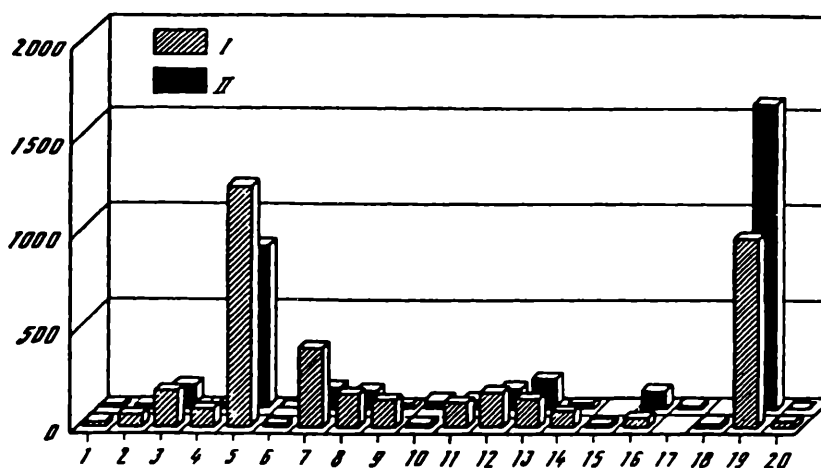

Рис. 47. Насыщенность культурного слоя средневековых поселений Белого озера и Верхней Шексны зернами злаков и их обломками (в пересчете на равный объем промытого грунта)

I — целые зерна; II — обломки зерен.

- 1 — Крутик; 2 — Волок В; 3 — Никольское V; 4 — Пружинино IV; 5 — Белоозеро; 6 — Никольское IX; 7 — Мазкса II; 8 — Карботка III; 9 — Кудрино; 10 — Гора; 11 — Покровское II; 12 — Погостище III; 13 — Погостище VI; 14 — Волок А; 15 — Шуклино; 16 — Троицкое VI; 17 — Мазкса I; 18 — Пружинино II; 19 — Никольское X; 20 — Федосьин Городок

культурного слоя в западной части Белоозера зерновые материалы не были обнаружены вовсе. Таким образом, у нас нет достаточных оснований полагать, что Белоозеро и поселения Никольское V и Никольское X реально выделялись по количеству хранившегося здесь зерна или по своему особому земледельческому характеру.

Часть проб, собранных на белоозерских поселениях, датируется в относительно широких хронологических рамках XI–XIII вв. (Маэкса I, Пружинино II, Никольское X, верхний слой Белоозера), хронологические позиции других определяют более точно. Эти отмывки разделены нами на две хронологические группы: раннюю — X–XI вв. (Крутик, Волок В, Никольское V, Никольское XI, нижний

слой Белоозера, Пружинино IV) и позднюю — XII–XIII вв. (Маэкса II, Карботка III, Кудрино, Гора, Покровское II, Погостище III, Погостище VI, Волок А, Шуклино, Троицкое VI). В обеих сериях присутствуют отмывки, имеющие еще более узкие даты. Мы располагаем, таким образом, некоторыми данными для оценки динамики изменения состава сельскохозяйственных культур на Белом озере в X–XIII вв.

Период X–XI вв. представлен 14 отмысками с шести памятников. По встречаемости в пробах на первом месте стоит ячмень, на втором — рожь, третье место занимает пшеница и на четвертом месте находится овес (рис. 48). Горох, лен и конопля встречены каждый в одной пробе. Древнейшие зерновые находки в рассмат-

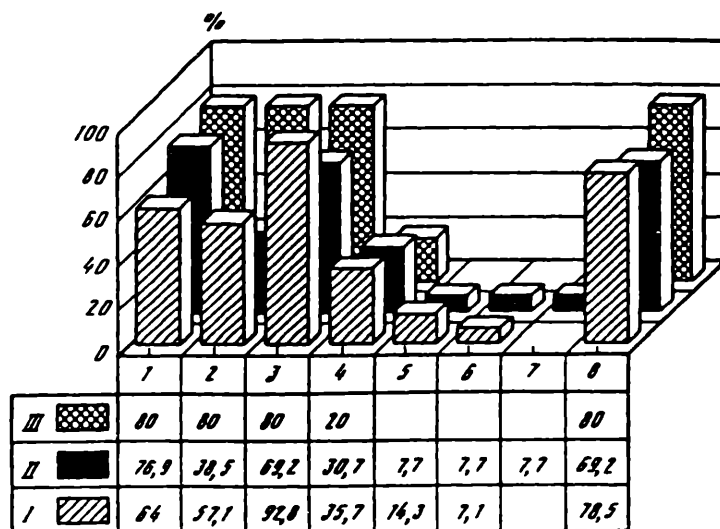

Рис. 48. Частота встречаемости зерен различных культур на средневековых поселениях Белого озера и Верхней Шексны в различные периоды (процентное содержание отмывок с зернами различных культур в общем количестве отмывок с зернами).

I — X–XI вв.; II — XII–XIII вв.; III — XI–XIII вв.

1 — рожь; 2 — пшеница; 3 — ячмень; 4 — овес; 5 — горох; 6 — лен; 7 — конопля; 8 — обломки зерен

риваемой серии относятся к X в., причем материалы Крутика могут быть надежно датированы временем ранее последней четверти X в. и связаны с финно-угорской средой, мало затронутой славянским влиянием. На поселении Крутик представлен характерный набор сельскохозяйственных культур, включающий рожь, пшеницу, ячмень и овес, при этом зерна ячменя заметно преобладают над зернами остальных растений. Те же злаки, за исключением ячменя, встречены на синхронном Крутику поселении Волок В. Пробы, собранные на поселении Никольское V и в нижнем слое Белоозера, имеют, очевидно, несколько более позднюю дату (вторая половина X — начало XI в.) и связаны со своеобразным культурным комплексом, характеризующимся сочетанием славянских и финских элементов. При сравнении зерновых материалов Крутика и Никольского V — близких по времени поселений со сходными характеристиками культурного слоя — нетрудно заметить, что на втором памятнике концентрация зерен значительно выше. Отчетливо фиксируется также более высокая доля ржи в ассортименте сельскохозяйственных культур поселения Никольское V и нижнего горизонта Белоозера. В Никольском V рожь является доминирующей культурой.

Период XII–XIII вв. характеризуется преобладанием ржи в палеоботаническом спектре белозерских поселений (рис. 48). В 13 отмытках с 10 памятников с культурным слоем XII–XIII вв. встречены зерна тех же сельскохозяйственных культур, что и в слоях более раннего времени, но на первом месте по встречаемости в пробах находится рожь. Ячмень стоит на втором месте, за ним следуют, как и в предыдущий период, пшеница и овес. Горох, лен и конопля встречены также в единичных про-

бах. Оценить изменение концентрации зерен в культурном слое по сравнению с предыдущим периодом затруднительно, поскольку на большинстве поселений XII–XIII вв. промыты сравнительно небольшие объемы грунта (12–24 л), но некоторое увеличение концентрации тем не менее фиксируется.

В немногочисленных отмытках с широкой датой (XI–XIII вв.), включающих материалы обоих периодов, встречены только зерна четырех основных сельскохозяйственных культур (рис. 48). Значительно более поздним временем (XV–XVI вв.) датируется единственная отмытка с Федосина Городка, содержащая единичные зерна ржи, полбы и овса.

Таким образом, в белозерских материалах почти всех периодов присутствуют зерна четырех главных зерновых культур древнерусского земледелия. Бобовые культуры представлены очень небольшим количеством гороха, а прядильные — единичными семенами льна и конопли. Весь набор сельскохозяйственных культур характерен для домонгольского периода земледелия лесной зоны Древней Руси.

Частая встречаемость зерен ячменя в пробах X–XI вв. объясняется, вероятно, почвенно-климатическими условиями Белозерья. Встреченные зерна (рис. 46, 3) принадлежат, скорее всего, пленчатым формам двурядных и многорядных ячменей. Эта культура может идти на север дальше всех других культур и требует для произрастания самую меньшую сумму положительных температур — 1750° (Прянишников Д. Н., Якушкин И. В., с. 44). Ячмень очень требователен к питательности и чистоте почв, отличается коротким вегетационным периодом и яв-

ляется культурой сжатого срока накопления питательных веществ (Прянишников Д. Н., 1922). Преобладание ячменя в находках характерно для ряда памятников лесной зоны, датируемых второй половиной I тыс. н. э. (Кириянова Н. А., 1992, с. 17–20), а также для памятников железного века. Именно ячмень и рожь были основными культурами, возделывавшимися коми, как культуры, выдерживающие суровый климат северных районов (Жеребцов А. Н., 1985, с. 33).

Озимая рожь (рис. 46, 1) широко входит в культуру земледелия на рубеже I–II тыс. н. э. По материалам из отмывок не удается определить форму этой культуры — яровую или озимую. Но по многим средневековым памятникам лесной зоны, где найдены скопления зерна, широкое возделывание озимой формы бесспорно, хотя часть зерен этой культуры могла принадлежать и яровой ржи. По своим биологическим особенностям рожь — культура, которая менее пшеницы и ячменя требовательна к плодородию почвы. Она может извлекать питательные вещества из более глубоких почвенных слоев. Кроме того, озимая рожь кустится с осени и обладает способностью подавлять сорную растительность и тем самым очищать посевные площади для следующих за ней культур, повышая их урожайность.

Пшеница (рис. 46, 2) — культура, известная в земледелии Восточной Европы на протяжении нескольких тысячелетий. В древнерусском земледелии была распространена популяция культуры, состоящая из смеси мягкой и карликовой пшениц. Пшеница несколько более ячменя чувствительна к плодородию и засоренности почв. Она способна хорошо использовать свойства пласта.

Овес (рис. 46, 4) по требовательности к почвам близок ржи, но активных температур требует больше, чем рожь и даже пшеница.

Обращает на себя внимание полное отсутствие в находках проса, в то время как в материалах домонгольского времени лесной зоны Восточной Европы зерна этой культуры встречены в 23,5% всех скоплений и в 55% памятников (Кириянова Н. А., 1992, табл. 3, 4). Такое положение объясняется, скорее всего, тем, что просо чувствительно к заморозкам и требует для развития суммы положительных температур в 2300° (Прянишников Д. Н., Якушкин И. В., 1936, с. 44–45), в то время как на территории Вологодской области наибольшая сумма температур составляет лишь 1750° (Агроклиматические ресурсы..., 1972, с. 23). Кроме того, просо принадлежит к группе культур короткого дня, которые с продвижением на север удлиняют вегетационный период (Прянишников Д. Н., Якушкин И. В., 1936, с. 45; Берг А. С., 1938, с. 211). Археологические памятники Белозерья, на которых были собраны исследуемые материалы, располагаются на уровне 59–61° северной широты, и просо здесь, в отличие от Приильменя, вероятно, не успевало вызревать.

Белозерские селища, на которых производился отбор проб, существенно различаются по своему географическому положению, ландшафтной приуроченности и размерам. Среди них несколько крупных поселений (площадь их варьирует от 1 до 11 га), расположенных в долинах Шексны и Кемы или на побережье Белого озера на участках, которые, судя по письменным документам, возделывались в XV–XVI вв. и в настоящее время несут следы длительного сельскохозяй-

ственного использования — селище Троицкое VI в Киснеме, поселения Маэкса I и II на южном берегу озера, поселения Пружинино II и Шуклино на Шексне, селище Покровское II на Кеме. Учитывая топографию и размеры этих памятников, находки в их культурном слое остатков зерен, документирующих существование земледелия, нельзя считать неожиданностью. С другой стороны, зерна встречены и в культурном слое небольших (площадь 400–2500 кв. м) поселений, находящихся на слабоосвоенных участках Белозерья, окруженных болотами и никогда не представлявших ценности для земледелия: таких как Волок А, Волок В, Погостище III, Погостище VI. Возможность существования земледелия на этих памятниках была малопрогнозируема — по всем характеристикам они более походили на поселки, связанные с организацией пушного промысла и обслуживанием волоков и речных путей.

Представляется существенным, прежде всего, сам факт присутствия зерен четырех основных сельскохозяйственных культур в культурном слое большинства поселений X–XIII вв. в районе Белого озера, однозначно указывающий на знакомство их обитателей с земледелием. Белозерские отмывки добавляют 17 новых пунктов на карту находок зерновых материалов XI–XIII вв. в лесной зоне Древней Руси, на которой ранее значилось 38 точек (Кириянова Н. А., 1992, с. 20–21), увеличивая их общее число почти в полтора раза. Зерновые материалы из Белозерья позволяют говорить о существовании в изучаемом районе типичного для Древней Руси набора земледельческих культур. Как и на остальных территориях Руси, на Белозерье четко просле-

живается увеличение роли ржи в сельском хозяйстве. Повторяемость находок и относительное обилие зерен в пробах, взятых в произвольно выбранных точках, в том числе на рядовых, ничем не выделяющихся селищах, делают маловероятным предположение, что мы имеем дело с зерном, попавшим на Север в результате торговли. Из этого не следует, конечно, делать заключение, что земледелие было основным занятием белозерцев в X–XIII вв. и главным источником их существования. Мы располагаем выразительным археологическим и остеологическим материалом, раскрывающим исключительное значение промыслов, в том числе пушной охоты, в хозяйстве этого региона (Андреева Е. Г., 1991; Makarov N., 1994; Макаров Н. А., 1994; Захаров С. Д., 1996). Новые материалы документируют скорее существование на Белоозере сложного комплексного хозяйства, строившегося на сочетании земледелия, скотоводства и промыслов.

В самое последнее время значительное количество зерен культурных злаков было обнаружено в смежном с Белозерьем Кубенозерском регионе, в слоях XI–XII вв. и более раннего времени на поселении Минино. Севернее, в Поонежье, и далее на восток, на селищах Устюжского края, обнаружить зерна культурных злаков в отмывках культурного слоя до сих пор не удалось. Карпологические материалы, собранные на белозерских и кубенозерских памятниках, маркируют пока северо-восточную границу распространения земледелия в домонгольский период, но не исключено, что продолжение систематического сбора палеоботанических остатков на северных поселениях заставит отодвинуть эту границу далее на северо-восток.

Делать какие-либо заключения о системах земледелия, существовавших на Белом озере, по имеющимся материалам довольно сложно. Общий объем материалов невелик, кроме того, в коллекции отсутствуют семена сорняков, сопутствовавших зернам культурных растений. Но поскольку состав культур и их соотношение повторяют картину, зафиксированную на других памятниках лесной зоны, мы вправе предположить, что в изучаемом районе шел процесс расширения старопашотных земель, на которых использовалась для восстановления плодородия почвы паровая система земледелия. Это предположение не исключает и существования переложных участков, использовавшихся на севере в течение длительного времени. Очевидно, наличие нескольких систем и различные их комбинации характерны для средневекового земледелия Руси.

Можно ли считать финские и славяно-финские памятники X–XI вв. древнейшими на Белом озере поселениями, обитатели которых практиковали земледелие? Дать определенный ответ на этот вопрос трудно, если учесть, что памятники I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. на Белом озере никогда не были объектами целенаправленных раскопок, а немногочисленные спорово-пыльцевые колонки из этого района недостаточно точно датированы. Столь же фрагментарны и неполны материалы из сопредельных областей Европейского Севера.

Существование земледелия в центральных и восточных районах Финляндии и в Карелии в железном веке, по крайней мере во второй половине I тыс., документировано пыльцевыми материалами, которые, однако, свидетельствуют, что мас-

штабы земледелия были ограничены (Poutiainen H., Grönlund E., Koponen M., 1995; Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E., 1998.; Uino P., 1997). В озерных отложениях в области Саво и на севере Финской Карелии пыльца культурных злаков появляется в горизонтах начала — середины I тыс. н. э., древнейшие споры культурных растений зафиксированы в одном из разрезов в горизонте эпохи бронзы (Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E., 1998, p. 230). Однако вплоть до начала второго тысячелетия концентрация пыльцы культурных злаков оставалась крайне низкой, а распределение ее в диаграммах может указывать лишь на спорадические кратковременные периоды земледельческой активности на небольших расчищенных от леса участках. Постоянный характер земледелие приобретает здесь лишь в XIII в. Столь же бедно представлена пыльца культурных злаков в горизонтах раннего железного века и в Приладожской Карелии. П. Уйно, автор обобщающего исследования по археологии Приладожской Карелии, полагает, что земледелие впервые появилось здесь в эпоху раннего металла, однако стало практиковаться в относительно широких масштабах лишь в VIII в. При этом исследовательница оценивает свои выводы как предварительные, ссылаясь на недостаток палеоботанических материалов (Uino P., 1997, p. 143, 164). Неясной остается ситуация в Приильменье. Заключение Л.-К. Кенигсона, Г. Посснерта и Т. Хаммара о развитии земледелия здесь с эпохи неолита, базирующееся на изучении спорово-пыльцевых спектров из болота Радбелик под Новгородом (Königsson L.-K., Possnert G., Hammar T., 1997), существенно расходится с общими характеристиками изменения флористи-

ческих комплексов лесной полосы Европейской России, представленными отечественными палеоботаниками (Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 1999). На Юго-Западе Белозерья, где отмечена высокая концентрация археологических памятников конца I тыс. до н. э. — I тыс. н. э., специальные палеоботанические исследования не проводились. Для прояснения общей ситуации большое значение имеют зафиксированное В. И. Вишневым и Н. А. Кирьяновой присутствие зерен ячменя и пшеницы в культурном слое дьяковских поселений на Верхней Волге (Вишневский В. И., 1994) и недавняя находка зерен этих культур на поселении Минино на Кубенском озере в напластованиях второй половины I тыс. до н. э. — первой половины I тыс. н. э.

Основываясь на палеоботанических материалах из сопредельных областей Европейского Севера, можно полагать, что земледелие в раннем железном веке было в какой-то мере знакомо и обитателям Белозерского края, оставившим близ-

кие в культурном отношении памятники. Не исключено, что земледельческие традиции не были полностью утеряны в этом регионе и в середине — третьей четверти I тыс. н. э. — в период глубокого и продолжительного спада в заселенности территории.

Палеоботанические материалы конца I — первых веков II тыс. н. э., собранные в различных районах лесной полосы Европейской России и Финляндии, характеризуют этот период как эпоху значительной экспансии земледелия на северной периферии. При всей неопределенности наших знаний о хозяйстве населения Белозерья в I тыс. н. э. мы имеем надежные основания рассматривать зерновые материалы с белозерских поселений X–XIII вв. как свидетельство существенного расширения масштабов сельскохозяйственной активности в эту эпоху, обусловленного скорее распространением культурных импульсов с запада и юго-запада, чем развитием местной традиции сельского хозяйства.

5. ОРГАНИЗАЦИЯ РАССЕЛЕНИЯ НА МИКРОРЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ

Проблемы локальных групп средневековых поселений, иначе называемых «гнездами поселений», и организации расселения на микрорегиональном уровне дискутируются и разрабатываются в древнерусской археологии с 1960-х годов. Начало их исследования связано с именем В. В. Седова, впервые выявившего компактные группы средневековых поселений в Смоленском Поднепровье и идентифицировавшего их с сельскими общинами и погостами-округами (Седов В. В., 1960, с. 30–50, 126). Примерно в это же время М. В. Витов, изучавший сельское расселение XV–XVII вв. в Заонежье по материалам писцовых книг, обратил внимание на гнездовую группировку северных деревень и связал происхождение этого типа расселения с семейной общиной и ее сегментацией, при которой вновь возникающие поселения оставались связаны определенным территориальным единством (Витов М. В., 1997, с. 69–94). В последующие десятилетия локальные группы сельских поселений X–XIII вв., сходные со смоленскими, были выявлены археологами во многих областях Руси — от Прикарпатья и Днепровского Левобережья до Новгородской земли и Белоозера (Никольская Т. Н., 1981; Тимошук Б. А., 1990; Узянов А. А., 1993; Щекун А. В., 1990; Буров В. А. 1990; Макаров Н. А.,

1988). Ряд исследователей попытался более подробно реконструировать историю развития сельских общин в различных районах Руси, анализируя локальные комплексы поселений и исходя из того, что пространственные структуры тесно связаны с социальной организацией общества и фиксируемые археологами локальные группы памятников непосредственно отражают социальные образования древности и средневековья (Б. А. Тимошук, 1990; Буров В. А., 1990; Буров В. А., 1995). Гнезда поселений стали рассматриваться как важнейший элемент древнерусских систем расселения, прослеживаемый во всем восточнославянском ареале на протяжении значительного хронологического периода и принципиальный для характеристики общественных отношений и культуры.

Разведки 1980-х гг. на Белом озере показали, что гнездовой тип расселения получил здесь широкое распространение в XII–XIII вв., но не был абсолютно господствующим: колонизационный процесс XI–XII вв. протекал в основном как процесс возникновения небольших одиночных поселков, часть которых не утратила своего значения как самостоятельных элементов расселенческих структур и в позднейшее время (Макаров Н. А., 1997). Белозерские гнезда селищ, безусловно, заслуживают пристального внимания,

однако представляется не вполне корректным рассматривать их исключительно через призму общинной теории. Априорное представление о том, что пространственная близость поселений является выражением родственных связей их обитателей или принадлежности их к одному социальному организму, кажется мне спорным. Историко-социологическая интерпретация гнездовых структур невозможна без детального анализа ландшафтных особенностей заселенных микрорегионов, хронологического соотношения и функциональных особенностей поселений, входивших в состав одного гнезда. Напомним, что ряд исследователей поставил под сомнение синхронность селищ эпохи железа — средневековья, составляющих локальные группы, предложив интерпретировать их как скопления разновременных памятников, отражающие периодические перемещения одного и того же поселения (Горюнов Е. А., 1981; Богомазова Т. Г., Шевченко Ю. Ю., 1997).

Рассмотрим сначала общую структуру локальных групп поселений на Белом озере, затем — структуру и развитие отдельных гнезд поселений.

Первичным звеном локальных групп на Белоозере выступают как небольшие селища с обычной для этого региона площадью от 400–500 кв. м до 6000–7000 кв. м, так и более крупные поселения площадью от 1 до 11 га. На карте довольно отчетливо выделяются 37 групп средневековых памятников, объединяющих по 2–5 селищ (в четырех случаях до 6–9), расположенных на компактных участках с поперечником от 0,3 до 2 км, в редких случаях 2,5–3 км (рис. 49; 68, 1; 72; 73). Эти группы мы называем гнездами. Всего в гнездовые структуры ассоцииро-

вано 124 поселения — т. е. около 73% всех белозерских селищ. Суммарная площадь поселений в каждом гнезде варьирует от 2000 до 30 000 кв. м, в отдельных случаях — до 14,4 и 16,4 га. Часть гнезд, располагающихся на сравнительно небольших (как правило, 2–4 км) расстояниях друг от друга, в свою очередь образует группы, которые мы называем кустами (во многих археологических работах, затрагивающих вопросы сельского расселения, подобные группы называют гнездами, а малые гнезда, эквивалентные белозерским, не выделяют вовсе). На археологической карте Белоозера относительно четко выделено 12 кустов: Никольский, Новокемский, Киснемский, Маэксинско-Белозерский, Волоцкой, Волоховско-Пружининский, Горицко-Шуклинский, Волокославенский, Андозерский Западный, Андозерско-Новоезерский, Лозский и Азатско-Родионовский (рис. 4).

В кустах насчитывается от 5 до 21 поселения, одиночных и ассоциированных в гнезда (рис. 50, 59, 60, 64). Суммарная площадь этих поселений составляет обычно от 1,3 до 16,4 га, чаще всего — около 3 га, но в одном случае — лишь 0,6 га. Участок, на котором располагаются поселения одного куста, обычно имеет в поперечнике 5–7 км, но в двух случаях (Андозерско-Новоезерский и Лозский кусты) это расстояние составляет 8–8,7 км, а на Волоке Славенском достигает 13,5 км. Кусты поселений, как правило, отделены друг от друга значительными массивами незаселенных территорий.

Выделяя селища, гнезда и кусты селищ как элементы четкой иерархической структуры, не стоит упускать из виду известной условности этого выделения, связанной с определенным несовершенством методики полевых работ и приемов фик-

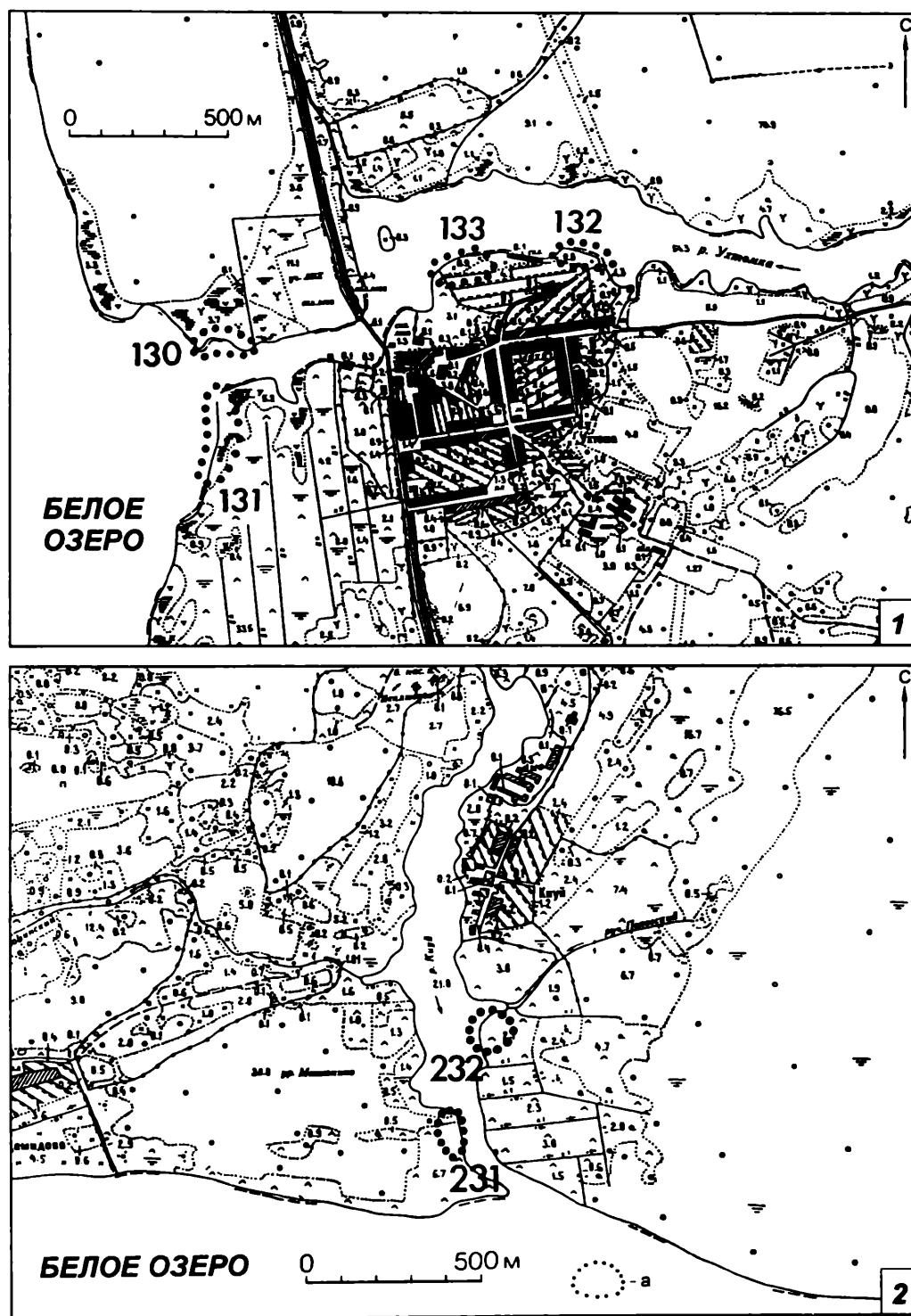

Рис. 49. Гнезда средневековых поселений на Белом озере.

1 — гнездо поселений в устье р. Ухтомы; 2 — гнездо поселений в устье р. Киуй;
а — границы распространения культурного слоя и подъемного материала

сации памятников. Соответствие археологически фиксируемых селищ реальным средневековым поселениям не столь очевидный факт, как это может показаться на первый взгляд. Скажем, некоторые гнезда тесно соседствующих селищ, разделенных неширокими руслами рек (Никольский Торжок I и II, №№ 79, 80; Мазкса I и II, №№ 305–306; Нефедьево II и V, №№ 68, 69) или незастроенными участками шириной 50–200 м (Шуклино А, Б и В, №№ 161–163; Погостище III и VI, №№ 96, 97), могли в действительности составлять единое поселение. С другой стороны, мы не можем исключить, что некоторые из выявленных нами крупных селищ, подвергавшихся многолетней распашке (например, в Мазксе и Киснеме) в действительности представляют собой остатки нескольких поселений, находившихся на небольшом расстоянии друг от друга. В ряде случаев мы можем предложить альтернативные решения при выделении гнезд поселений. Так, 9 селищ в районе д. Нефедьево на Волоке Славенском, расположенные на 2-километровом участке Итклы-Порозовицы (№№ 62–63, 65–66, 68–71, 73, карта, лист 4) могут рассматриваться как одно гнездо, но могут быть разделены на три самостоятельных малых гнезда, каждое из которых включает группу поселений с наиболее тесными пространственными связями. Доля условности заложена и в выделении кустов поселений и определении их границ. Например, два куста поселений на Кеме, находящиеся на расстоянии около 4 км друг от друга (№№ 180–191, 193–194 и №№ 198, 199, 202, 204, 206, 207, карта, лист 8), при известном желании могут рассматриваться как один куст; Волокославенский куст поселений (№№ 62–66, 68–71, 73–74, 79–81, 84, 89, 91, карта, лист. 4)

может быть разделен на два куста, тяготеющие к Никольскому озеру и к Порозовице; Андозерско-Новозерский (№№ 425–426, 433–435, 441, карта, рис. 12) и Азатско-Родионовский (№№ 377, 378, 384, 387–389, 391, 392, 394, 397, 399, рис. 30, карта, лист 11) кусты могут рассматриваться как пары самостоятельных гнезд.

Важен вопрос о синхронности поселений, принадлежащих к одному гнезду или кусту. Для четырнадцати белозерских гнезд поселений он не может пока получить однозначного решения — собранный на памятниках материал позволяет датировать их в широких хронологических рамках, так что предложения об их одновременном или разновременном существовании выглядят одинаково правдоподобными. В шестнадцати гнездах зафиксирована неполная синхронность селищ: не все входившие в них поселения существовали одновременно. Наконец, в 7 гнездах все селища полностью синхронны, во всяком случае, выявить какие-либо хронологические различия в собранном материале не удастся. Мы видим, что плотность селищ внутри одного гнезда отчасти действительно объясняется их несинхронностью — перегруппировками поселений внутри микрорегионов, сопровождавшимися запустением старых и возникновением новых поселков. Тем не менее, по крайней мере 24 белозерских гнезда селищ могут рассматриваться как реальные группы поселений, существовавших одновременно в конце X — XI в. (3 гнезда), в X–XII вв. (2 гнезда), в XI–XII вв. (3 гнезда), в XII в. (4 гнезда), и в XII–XIII вв. (12 гнезд).

Структура белозерских гнезд и кустов кажется значительно более простой, чем структура аналогичных гнезд, исследован-

ных в южных и западных районах Древней Руси, например, в Смоленском Поднепровье (Седов В. В., 1960), в Украинском Прикарпатье (Тимошук Б. А., 1990), Курском Посемье (Узянов А. А., 1993). Все гнезда, кроме Покровско-Никольского на Кеме, включают лишь неукрепленные поселения. Характер находок, размеры и взаимное расположение этих поселений не позволяют выделить какие-либо различия в их статусе и функциях. Несмотря на присутствие в некоторых белозерских кустах селищ серии крупных, выделяющихся по своим размерам поселений (у которых, казалось бы, могли быть особые административные функции), попытка выделения внутри локальных групп центральных и рядовых поселений была бы явно искусственной. Белозерские гнезда и кусты — это группы однородных по своему характеру поселений.

Хотя лишь в восьми малых гнездах выявлены связанные с селищами средневековые могильники, можно предположить, что в регионе не сложилась практика устройства крупных некрополей, единых для всего куста поселений. На это указывают как относительно небольшие размеры могильников, так и жесткая топографическая связь их с отдельными малыми гнездами поселений или даже с отдельными поселениями. В Волокославенском кусте зафиксировано 5 средневековых могильников (правда, не в полной мере синхронных), в Волоховско-Пружининском кусте — 2 или 3 могильника. Очевидно, что в Киснеме и на Кеме, где выявлено пока лишь по одному могильнику, их было значительно больше. Если считать наличие общего некрополя отражением определенной социальной консолидированности той или иной группы, то она выражена скорее на уровне отдель-

ных поселений или групп поселений, чем на уровне кустов.

Рассмотрим теперь динамику развития отдельных гнезд и кустов.

Группа средневековых памятников вблизи д. Никольское на Кеме состоит из 12 селищ, одного городища и могильника с подкурганными и бескурганными погребениями (№№ 180–191, 193–194, рис. 13, 14, 20–25, 50–58), сосредоточенных на берегах р. Кемы на 5-километровом участке ее течения. Средневековые поселения образуют три гнезда, расположенные с интервалом 0,5–0,8 км друг от друга и образующих единый куст. Северное **Покровско-Никольское гнездо** (рис. 13, 3, 50, 51, 52, 1, 89, 90, 92, 1) включает три селища и городище Никольское I с небольшой (800 кв. м) мысовой площадкой (№№ 180–183). Памятники удалены друг от друга на 0,1–0,5 км. Период жизни на городище, судя по находке синей многочастной бусины-лимонки и чистого комплекса лепной керамики, должен быть отнесен к X в. (не исключена и более ранняя дата — IX в.). Преобладание лепной керамики зафиксировано и на двух небольших близлежащих селищах — Никольское VIII (рис. 24) и Покровское I (рис. 53), на последнем найдены также желтая бусина-лимонка, бронзовая поясная бляшка, имеющая многочисленные аналогии в приладожских комплексах, калачевидное кресало с язычком и 2 шиферных пряслища. Очевидно, во второй половине X в. все три поселения существовали одновременно, их общая площадь составляла около 4500 кв. м., но в XI в. городище и одно из селищ запустели. Достоверные материалы XI — первой половины XII в. представлены лишь на селище Покровское I на площади не более 1000 кв. м. Не позднее середины XII в.,

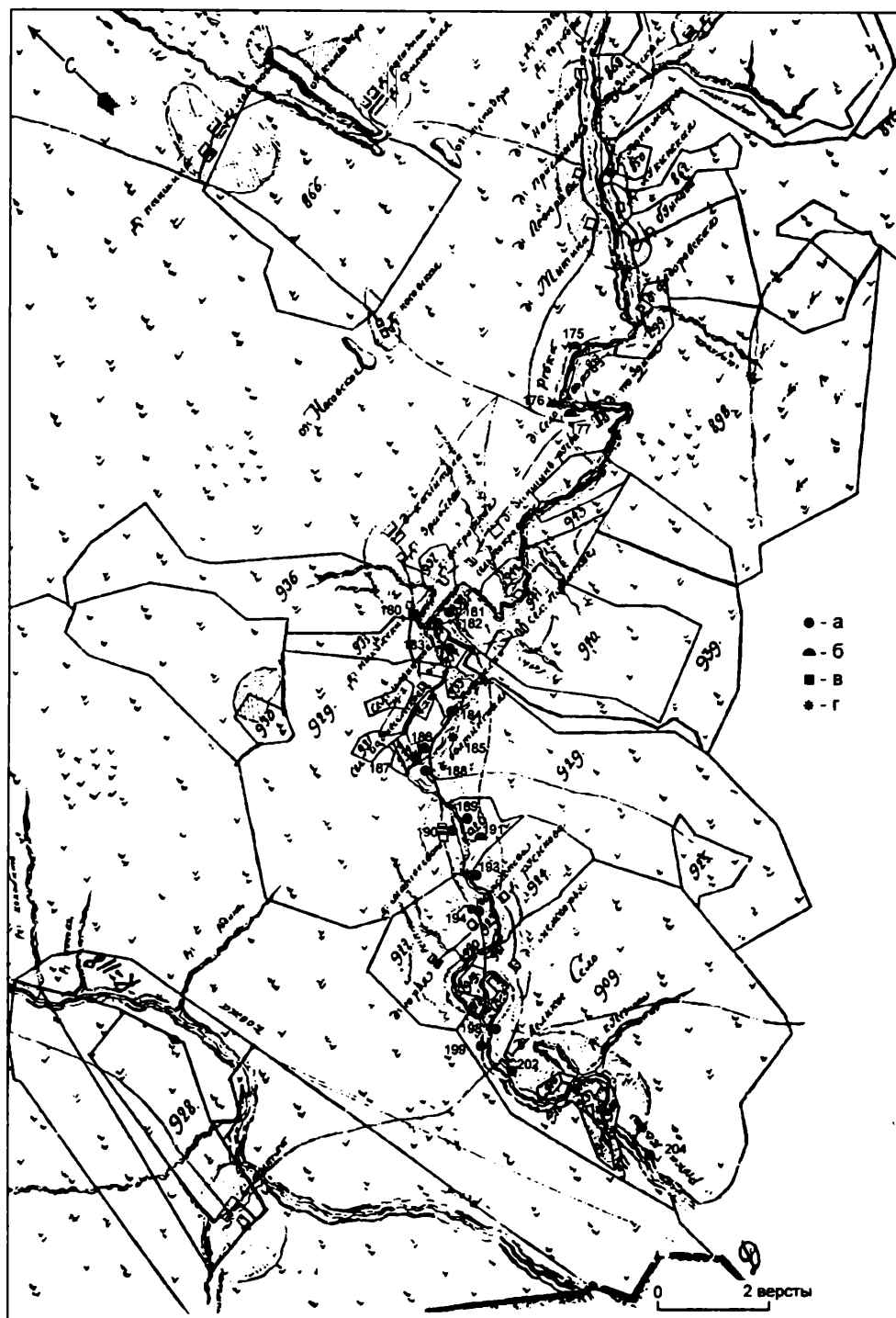

Рис. 50. Средневековые памятники в низовьях р. Кемы.

Фрагмент генерального плана Кирилловского уезда 1789 г. (РГАДА, ф. 1356, № 79/3048) с обозначением на нем археологических памятников второй половины IX — XIII в.
 а — поселения; б — курганная группа; в — городище; г — местонахождение.
 Номера на карте соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

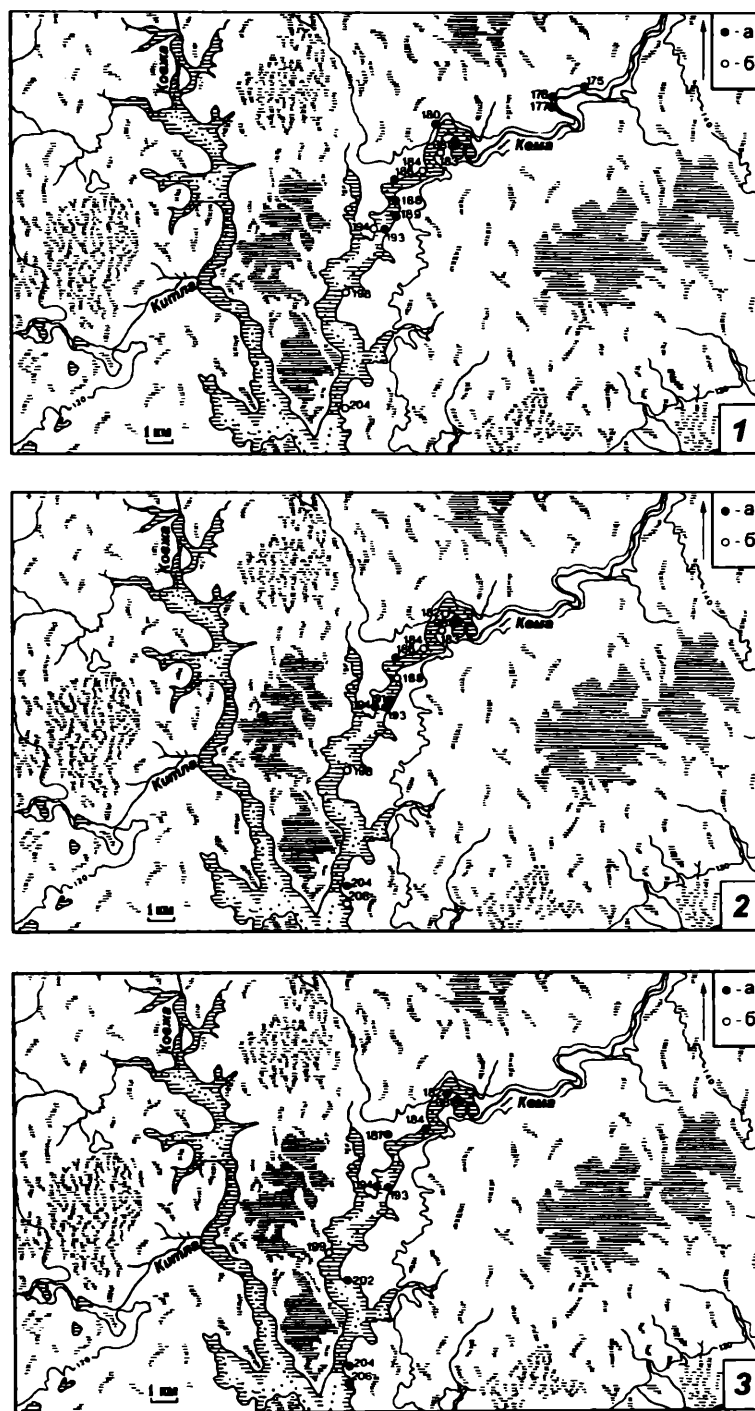

Рис. 51. Средневековое расселение в низовьях р. Кемы в различные периоды.

1 — вторая половина IX — X в.; 2 — XI — первая половина XII в.;

3 — вторая половина XII — XIII в.

а — памятники, достоверно относящиеся к указанным хронологическим интервалам;

б — памятники датируемые в более широких хронологических рамках

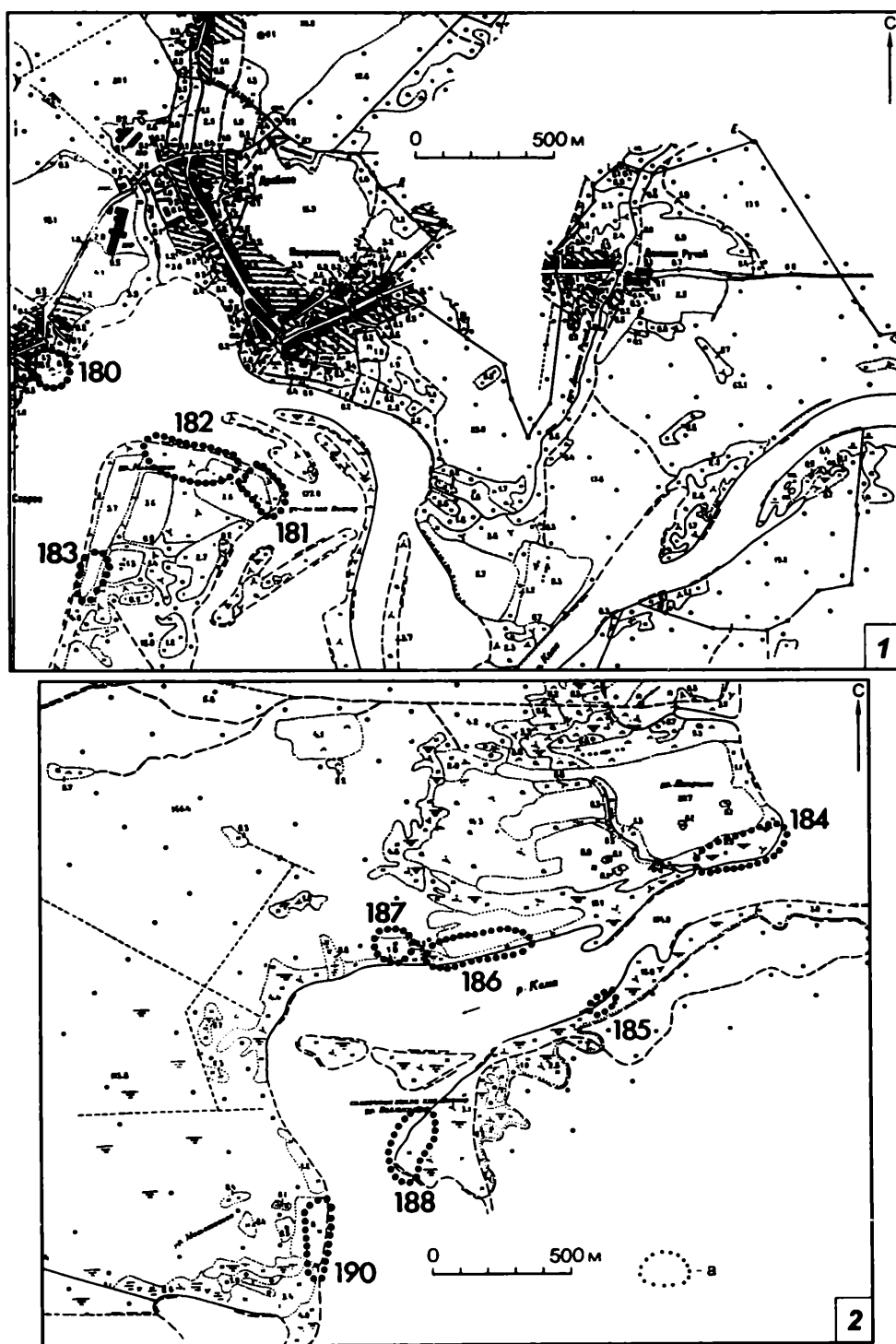

Рис. 52. Средневековые памятники Никольской локальной группы в низовьях р. Кемы.

1 — поселения у д. Покровское и Никольское;

2 — поселения вблизи снесенных деревень Погорелое и Болтинская.

Номера на карте соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

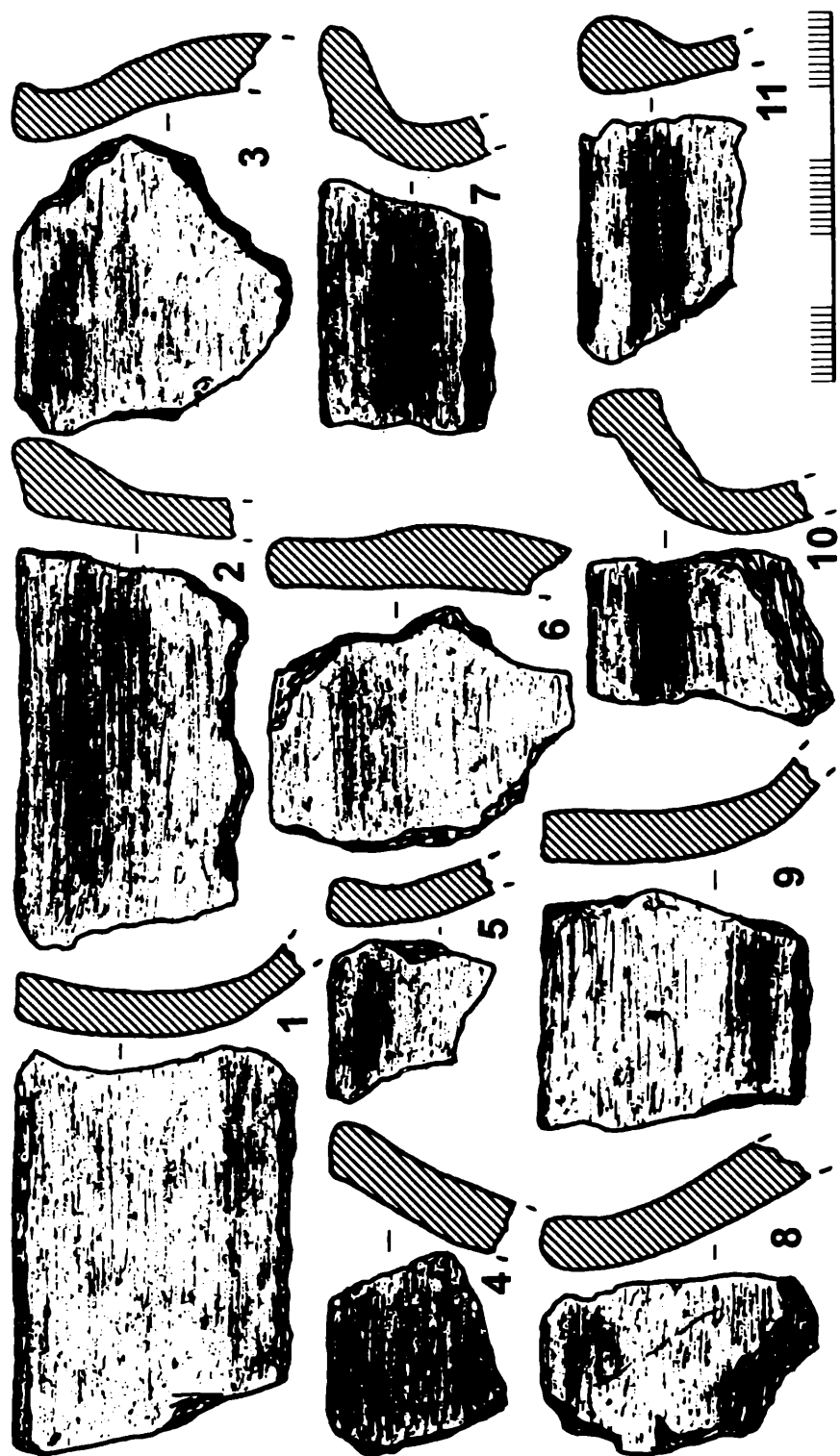

Рис. 53. Селище Покровское I в низовьях р. Кемы.
Круговая (№№ 1, 4, 7, 9–12) и лепная (№№ 2, 3, 5, 6, 8) средневековая керамика

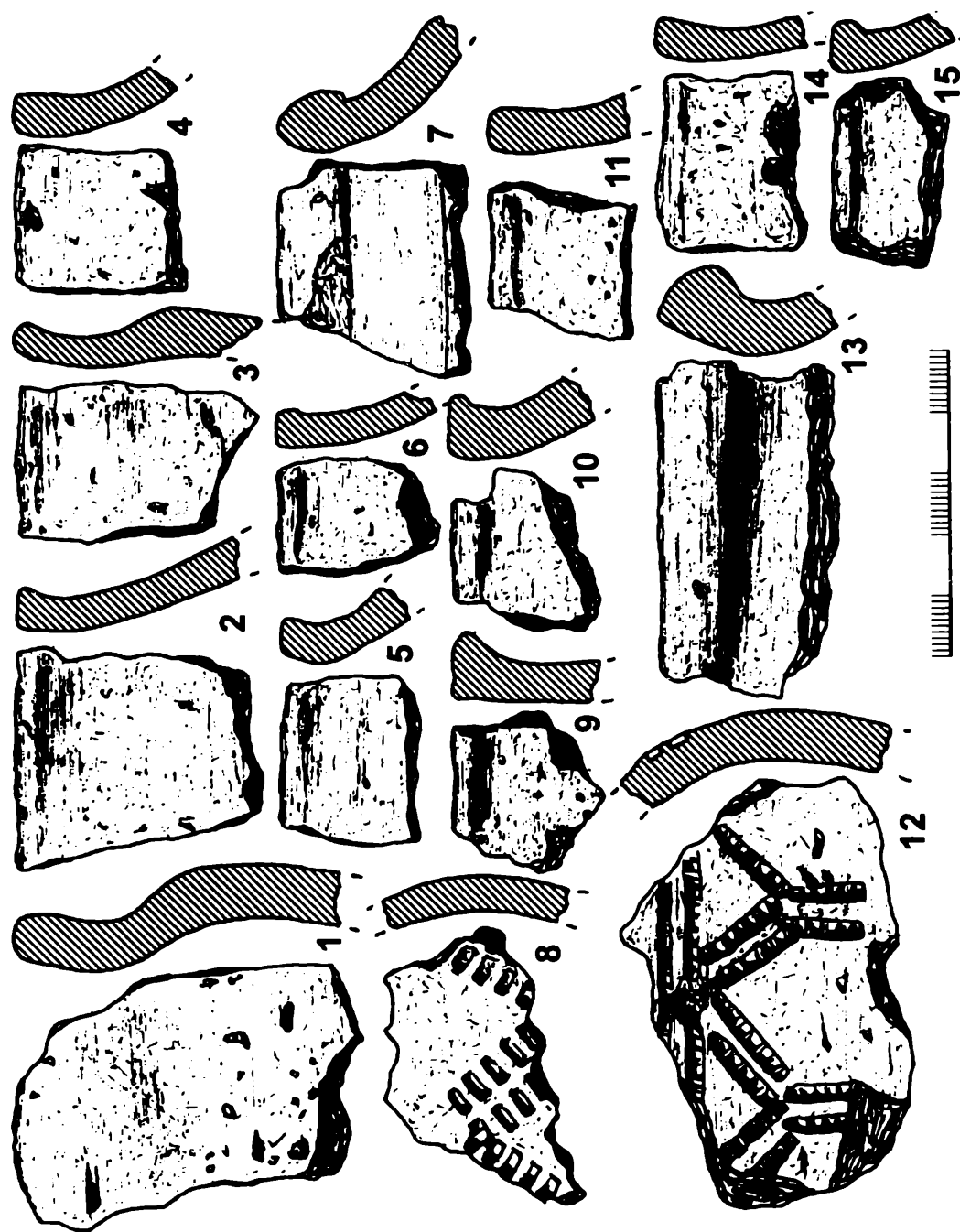

Рис. 54. Селище Никольское VI.

Лепная (№№ 1-6, 8-12, 14, 15) и круговая (№№ 7, 13) средневековая керамика

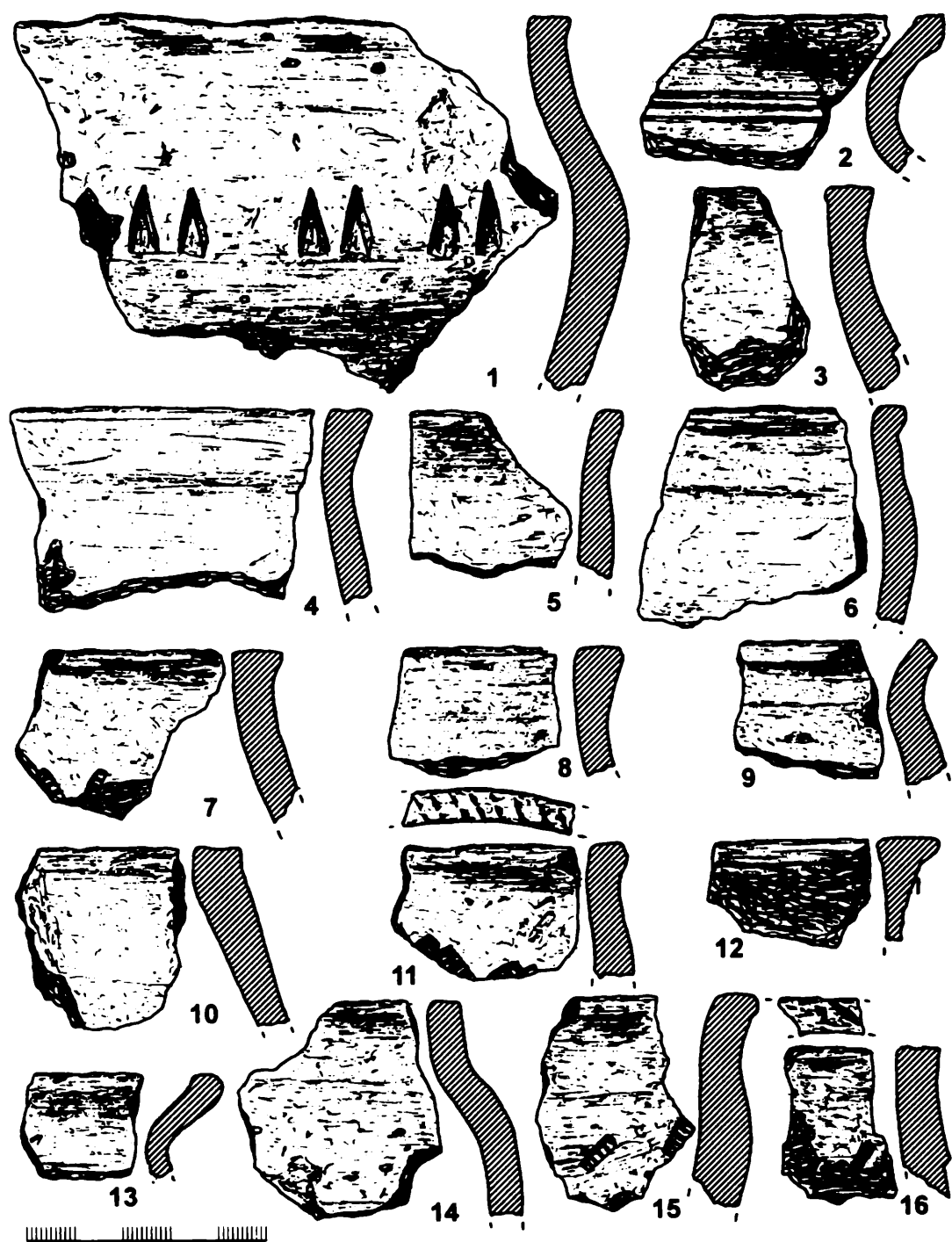

Рис. 55. Поселение Никольское IX.

Лепная (№№ 1, 3–12, 14–16) и круговая (№№ 2, 13) средневековая керамика

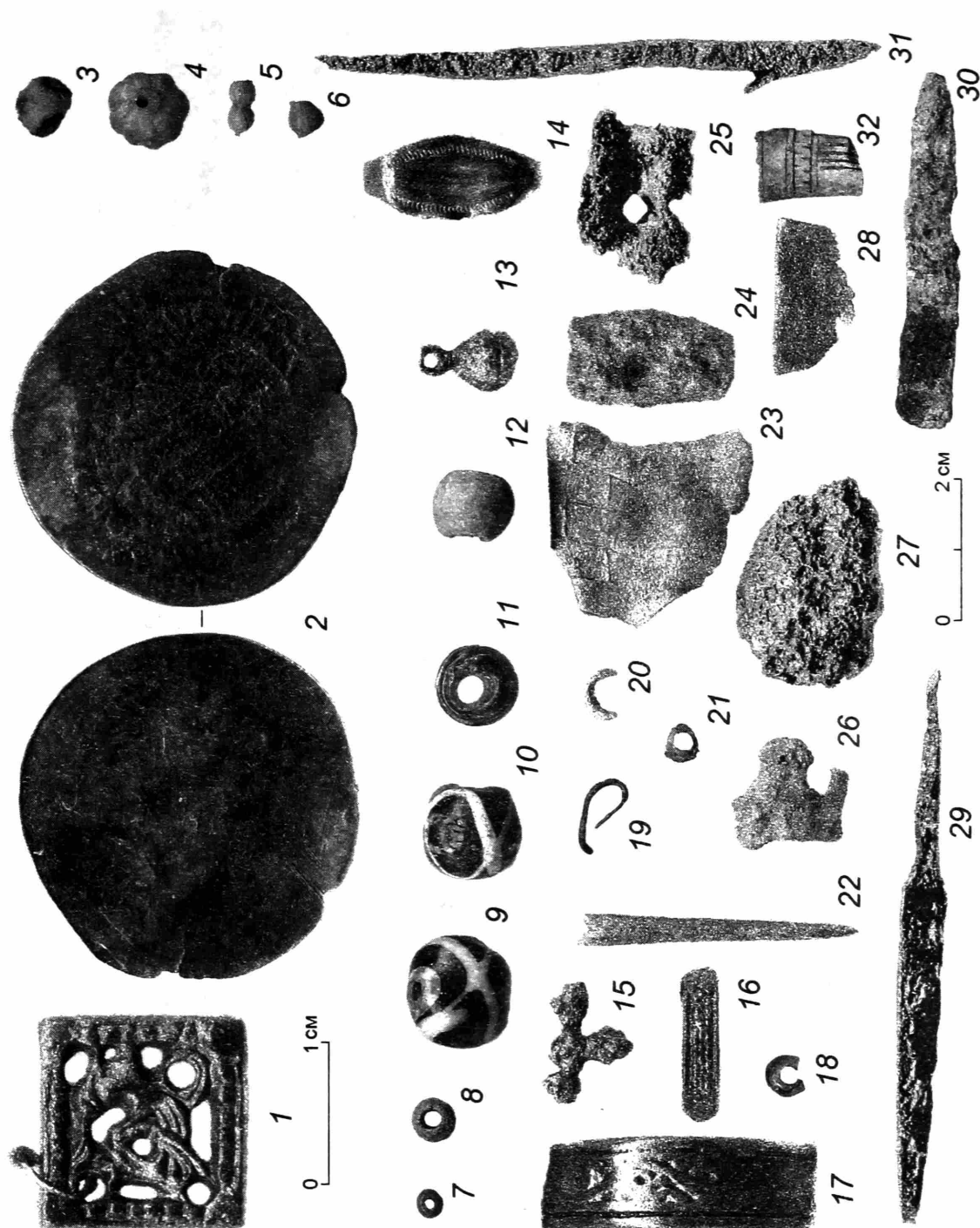

Рис. 56. Поселение Никольское IX. Вещевой материал из сборов на поверхности.

1, 2 — серебро; 3-12 — стекло; 13-28 — цветной металл; 29-31 — железо

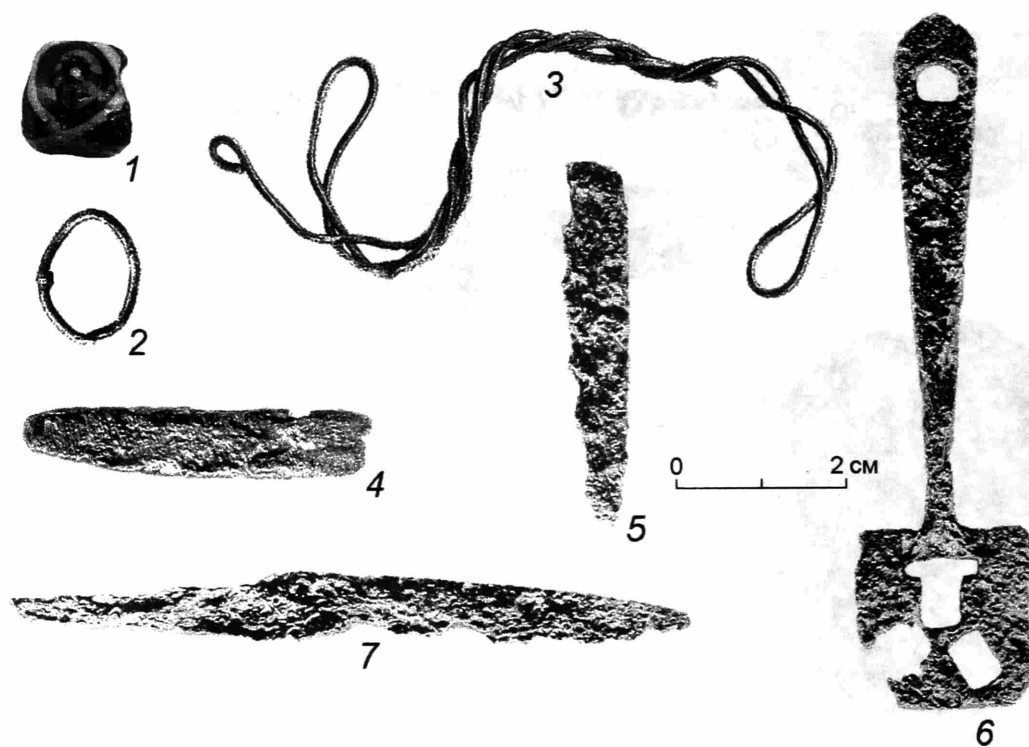

Рис. 57. Селище Никольское X. Вещевой материал из сборов на поверхности.

1 — стекло; 2-3 цветной металл; 4-6 — железо.

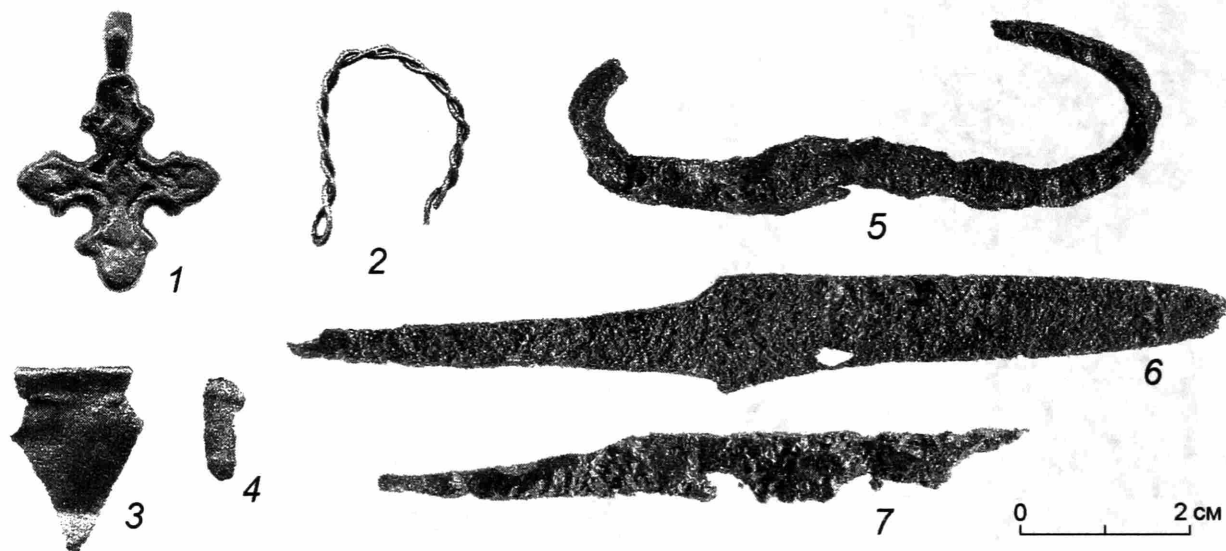

Рис. 58. Поселение Новокемский XIII. Вещевой материал из сборов на поверхности.

1-4 — цветной металл; 5-7 — железо

а возможно и на полстолетия раньше рядом с ним возникает крупное поселение Покровское II (Ильинское) (рис. 92, 1), площадь которого (2,5 га) в пять раз превышала суммарную площадь селищ раннего гнезда. Круговая керамика XII–XIII вв. на этом памятнике доминирует. Поселение не было заброшено в XIII–XIV вв., деревня Ильинская, многократно упоминаемая в поздних источниках, была снесена лишь в 1964 г. в связи с сооружением Волго-Балтийской водной системы.

В деловой грамоте 1474–1486 гг. о разделе Кемы — вотчины князя Давыда Семеновича Кемского между его сыновьями зафиксировано деление удельного княжества на две стороны — Ильинскую и Никольскую, рубеж между которыми проходил по р. Кеме (АСЭИ, 1958, т. II, №№ 227а; Копанев А. И., 1951, с. 156–157). Очевидно, обе половины получили свое название по названиям центральных поселений Кемского удела. Учитывая отсутствие в районе д. Никольское значительных культурных напластований XIV–XV вв. и присутствие таких напластований на территории д. Ильинской, именно она должна рассматриваться как центр Кемского княжества, выделившегося из состава Суторского удела Белозерского княжества в конце XIV в. (Копанев А. И., 1951, с. 156–157).

В километре ниже по течению Кемы за ее поворотом в местности Прилук располагается гнездо из 3-х селищ, вытянутых цепочкой по правому берегу реки на полтора километра (№№ 184, 186, 187; рис. 20–23; 52, 2; 54). Четко датированные материалы второй половины — конца X в. зафиксированы здесь на селище Никольское V (рис. 20–23), площадь которого не превышала 1500 кв. м, возможно, этим же временем датируется и лепная ке-

рамика с селища Никольское VI (рис. 54), имевшего значительно большие размеры — около 2 га. В начале XI в. первое селище запустело, на втором жизнь продолжалась как в XI–XIII вв., так и далее — в позднее средневековье и новое время вплоть до 1964 г. В XII в. вблизи запустевшего селища Никольское V появляется новое миниатюрное по своим размерам (600 кв. м) поселение — Никольское VII. Единичные фрагменты плохо датированной лепной средневековой керамики собраны на левом берегу Кемы.

Третье гнездо, находящееся вблизи бывшей д. Болтинская, состоящее из 5-и средневековых селищ (№№ 188–190, 193, 194) отделено от вышеописанного изгибом реки длиной около километра (рис. 6, 3; 13, 1; 14; 18, 3, 4; 55; 57). Цепочка поселений тянется по обоим берегам реки на 1,6 км, поселения занимают почти все участки, где береговые террасы вплотную подходят к руслу реки или к старицам. В центре этого участка, на левом берегу Кемы, на мысу при впадении в нее ручья Выдроба, находились курганная группа Никольское III (Болтинская) и грунтовый могильник с ингумациями. Материалы, достоверно датированные X в., зафиксированы на двух поселениях: на селище Никольское XIII (выразительный комплекс лепной керамики, желтая двойная бусина-лимонка), на селище Никольское IX (рис. 55; 56) дирхем 941/942 г. (рис. 56, 2), поясная накладка со стилизованным изображением зверя в стиле Борре (рис. 56, 1), бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень с рифленным орнаментом (рис. 56, 14), фрагмент мозаичной бусины (рис. 56, 3), желтые одинарные и многочастные бусы-лимонки (рис. 56, 4, 5, 6). Не исключено, что к этому же времени относится и возникнове-

ние поселения Никольское X, где найдена глазчатая бусина, ключ-лопаточка и нож с узким клиновидным лезвием (рис. 57), и поселения Никольское XII (комплекс с преобладанием лепной керамики, синяя бусина-лимонка), однако эти материалы с равной вероятностью могут быть отнесены и к XI в. Эти поселения имели скромные размеры — от 1000 до 2000 кв. м. В XI в. Болтинское гнездо поселений приобретает особый статус — об этом свидетельствует появление здесь некрополя с необычным для Белозерья погребальным обрядом и большим количеством воинских погребений. Судя по находкам монет, Кемский некрополь начал функционировать в 1030–40-х гг. и продолжал использоваться вплоть до 1070–1080-х гг. Однако часть площадки могильника, занимавшая наиболее возвышенную часть мыса на стрелке Кемы и Выдробы, была скрыта карьером. Весьма вероятно, что здесь располагались наиболее ранние погребальные сооружения, относящиеся к X в. Материалы, достоверно датированные XI в., присутствуют в Болтинском гнезде на 2-х поселениях (Никольское IX, Никольское X), вопрос о наличии их на селищах Никольское XI и Никольское XII до конца не ясен (рис. 51, 2). Керамика и находки XII–XIII вв. представлены на трех селищах (Никольское IX, Никольское XII, Никольское X, рис. 51, 2), однако на двух первых селищах они очень малочисленны. Очевидно, в XII в. интенсивность жизни в этом микрорегионе снижается. Существенно, что на трех из пяти поселений этого гнезда в больших количествах присутствует позднесредневековая керамика, часть фрагментов, собранных на селище Никольское X, относится к XIV–XV вв. На местах трех селищ в позднейшее время стояли деревни Бол-

тинская, Матвеевская и Самсоновская, снесенные в 1960-х гг. (рис. 14).

Динамика развития второго, **Новокемского куста** поселений, находящегося в 3-х километрах ниже по течению Кемы, восстанавливается лишь в общих чертах (рис. 51). 6 поселений, составляющих этот куст (№№ 198, 199, 202, 204, 206, 207), относятся в целом к более позднему времени и располагаются менее плотно, чем поселения Никольского куста.

Чистый комплекс лепной керамики X–XI вв. представлен здесь лишь на одном поселении (Новокемский XI, рис. 6, 1), материалы XI–XII вв. — на поселениях Новокемский II и Новокемский XVIII. Керамика и вещевой материал, достоверно датированные XII — первой половиной XIII в., представлены на трех поселениях (Новокемский II, Новокемский XVIII, Новокемский XIII), наиболее выразительный и многочисленный материал — на последнем (рис. 37, 58). Таким образом, формирование куста поселений на этом участке началось не ранее XI в., окончательное оформление его относится к XII в., куст в это время состоял из 3–5 поселений размером от 2000 до 3600 кв. м. и общей площадью не менее 1 га, располагавшихся на 7-километровом участке течения реки и, таким образом, слабо связанных между собой (рис. 51, 3). Характерно, что на площадках некоторых из этих селищ или рядом с ними располагались позднейшие исторические деревни, исчезнувшие лишь в недавнее время. Прямая связь между древнерусским и позднесредневековым поселением хорошо прослеживается в Великосельском микрорегионе: в 100 м к северу от древнерусского селища здесь располагается историческая деревня Великое Село с древнейшим керамическим комплексом XV–XVI вв.

Таким образом, Новокемский куст поселений уступал Никольскому кусту по количеству поселений и по суммарной площади составлявших его селищ. Оба эти микрорегиона в конце XIV — XV в. вошли в границы Кемского удельного княжества, при этом центр княжества сформировался на месте наиболее крупного древнерусского поселения северного — Никольского — куста, вблизи которого уже в X–XI вв. существовали некие археологически фиксируемые центры властвования.

Группа средневековых поселений в Киснеме на северном берегу Белого озера состоит из двух разномасштабных гнезд, одно из которых, включающее 7 поселений (№№ 222–224, 227–230, карта, лист 9, рис. 16, 59–63), расположено рядом с устьем небольшой полностью пересыхающей в летнее время р. Киснемки, другое, включающее 2 селища (№№ 231–232), — в 1,8 км к востоку от Киснемского гнезда в устье р. Киуй (рис. 17, 3; 49, 2). Суммарная площадь селищ киснемского гнезда составляет 16,4 га, они вытянуты цепочкой вдоль берега озера на два с половиной километра, располагаясь с небольшими (100–300 м) интервалами (рис. 59, 60).

Ранние комплексы зафиксированы в Киснеме на двух поселениях (рис. 60). Чистый комплекс лепной керамики происходит из шурфа 15 в северной части д. Монастырской (рис. 63, 1, 2, 4, 7–12), заметное преобладание лепной керамики отмечено здесь и в подъемном материале. Площадь первого поселения, возникшего на этом участке в не позднее конца X в., составляла 1000–2000 кв. м. Аналогичный керамический комплекс происходит из шурфа 1983 г., заложенного в центральной части наиболее крупного кис-

немского селища Троицкое VI. Раннее поселение было небольшим: во всех остальных шурфах, заложенных на поселении, выявлен культурный слой с лепной и круговой керамикой XI–XII вв. Таким образом, история киснемского гнезда поселений начинается в X в., когда на краю коренной террасы северного берега Белого озера по обе стороны от р. Киснемки на расстоянии около 250 м друг от друга возникли 2 небольших поселения (рис. 60). В XI в. число поселений и их размеры увеличиваются: круговая керамика с характерной для этого времени профилировкой присутствует на селищах Троицкое VI, Троицкое II, Монастырская, возможно, в этот же период возникает поселение на берегу Белого озера при впадении в него р. Киснемки. XI веком датируются и древнейшие из дошедших до нас погребений Киснемского могильника, располагавшегося на моренной возвышенности к северу от центрального селища Троицкое VI.

Керамика XII–XIII вв. собрана на 6 селищах и практически на всех является численно преобладающей. Функционирование киснемских селищ в этот период документируется также находками обломков стеклянного браслета (Троицкое VI, рис. 61, 1, 2), бронзового крест-тельника (Монастырская, рис. 61, 6), стеклянной желтой зонной бусины (Троицкое II–III, рис. 61, 3), ножей с широким плоским лезвием (Троицкое VI, Троицкое II–III), вероятно, к этому же периоду относятся и найденные здесь шиферные пряслица (Троицкое II–III, Троицкое IV (рис. 61, 8–10). Несколько погребений этого времени были исследованы в Киснемском могильнике до момента его полного разрушения. Несомненно, именно в XII–XIII вв. киснемская агломерация раз-

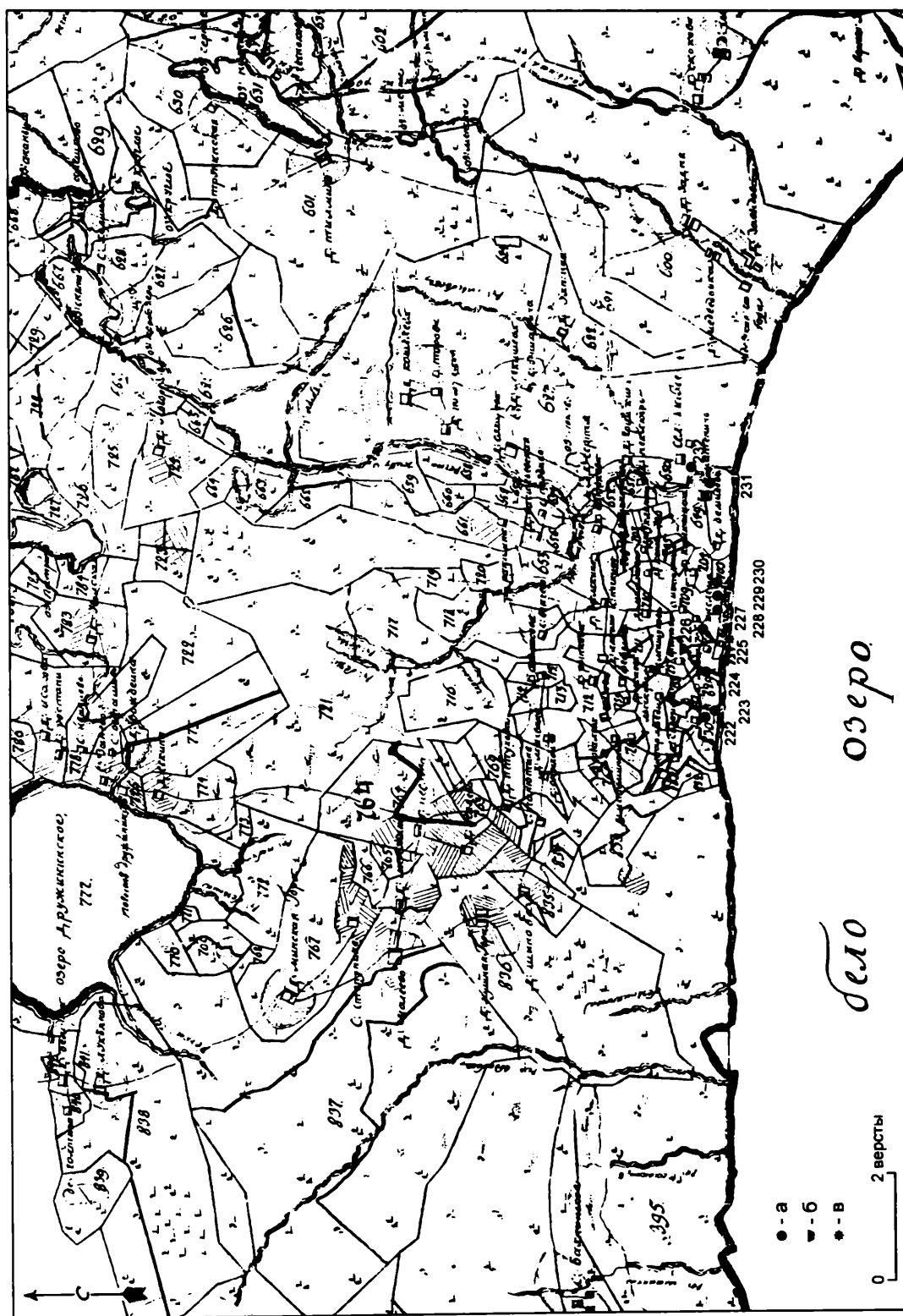

Рис. 59. Локальная группа средневековых памятников в Кисневе на северном берегу Белого озера.

Фрагмент генерального плана Кирилловского уезда 1789 г. (РГАДА, ф. 1356, № 78/3047) с обозначением на нем археологических памятников X–XIII вв. а — поселение; б — монастырь; в — местонахождение.

Номера на карте соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

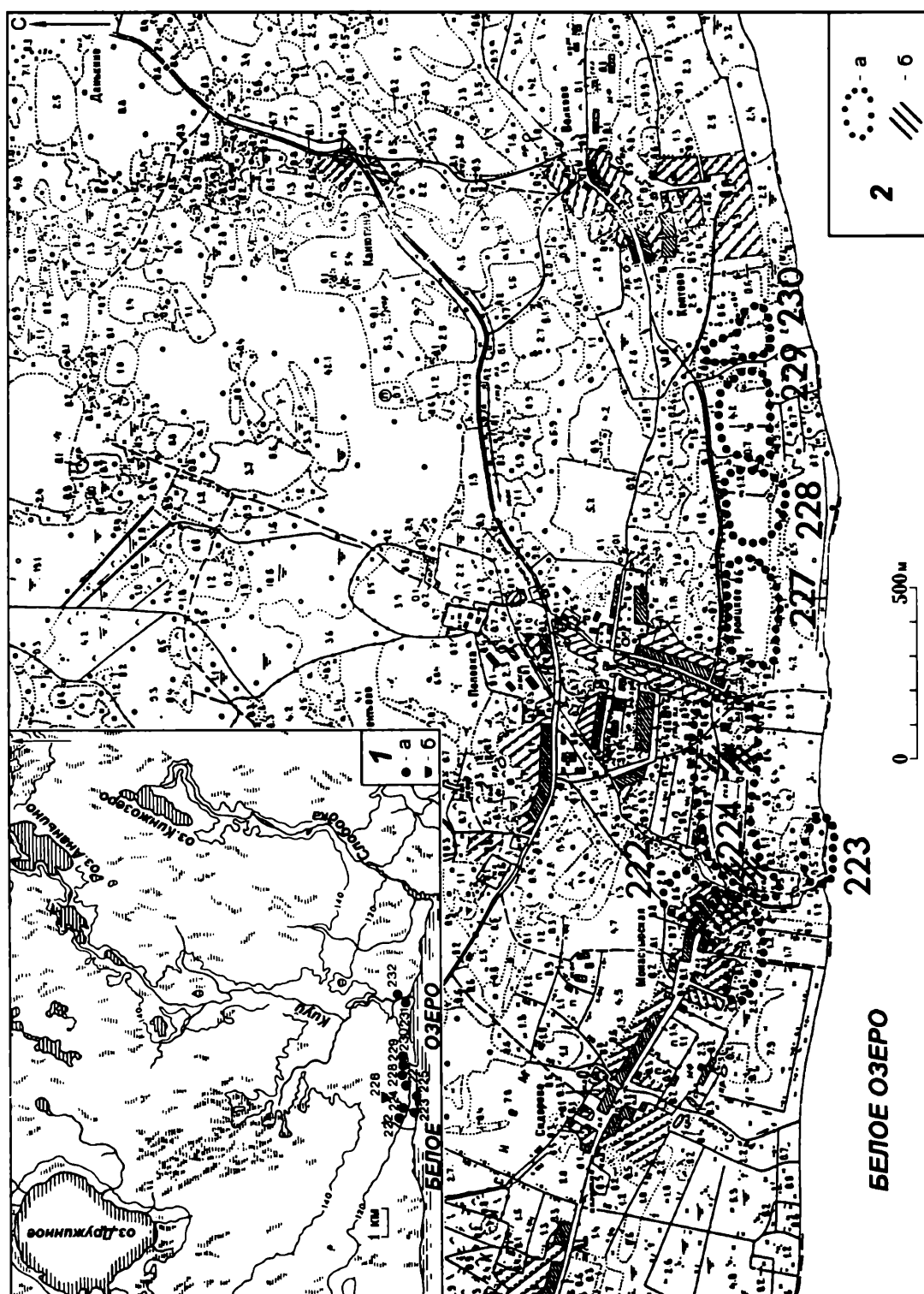

Рис. 60. Локальная группа средневековых памятников в Киснеме на северном берегу Белого озера.

- 1 — берег Белого озера между устьями р. Волобы и р. Слобода. а — поселение X–XIII вв.; б — могильник X–XIII вв.
 2 — участок берега в районе Киснемы. а — границы поселений X–XIII вв.; б — участки с культурным слоем X в. на поселениях.

Номера на карте соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

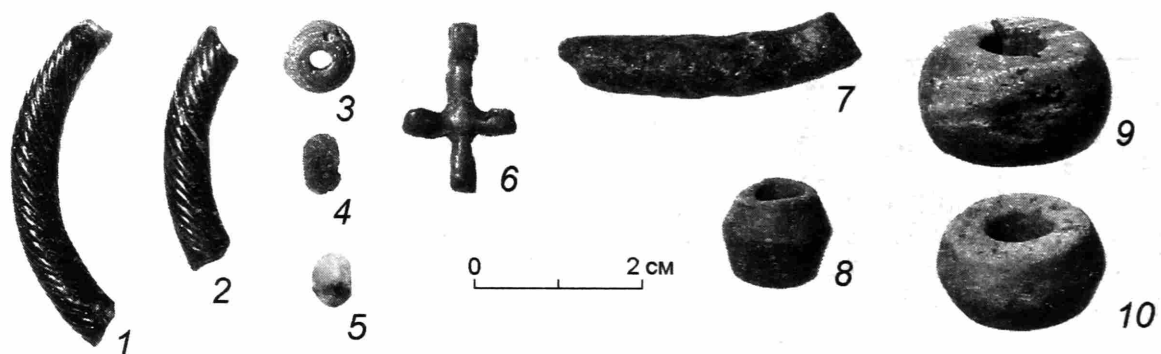

Рис. 61. Средневековые поселения в Киснеме.
 Вещевой материал из шурфов и сборов на поверхности.
 1–2 — Троицкое VI; 3–5, 8–10 — Троицкое II; 6–7 — Монастырская.
 1–5 — стекло; 6–7 — бронза; 8–10 — камень

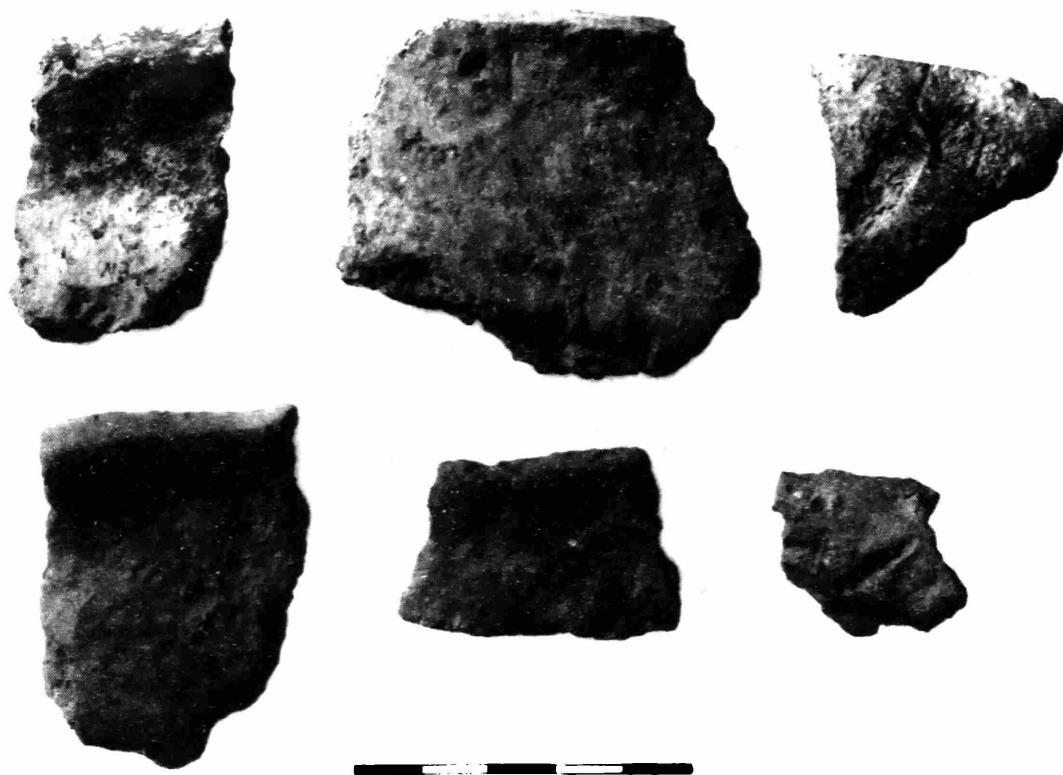

Рис. 62. Поселение Троицкое II–III. Лепная керамика

Рис. 63. Средневековые поселения в Киснеме. Круговая (№№ 3, 6, 13–16, 19, 21, 22) и лепная (№№ 1, 2, 4, 5, 7–12, 17, 18, 20) средневековая керамика.

1, 3, 5–11, 15 — Монастырская; 2, 4, 12–14, 16–18 — Троицкое II; 18, 20–22 — Троицкое VI

растается до максимальных размеров. Сильная нарушенность культурного слоя распашкой не позволяет проследить планировку поселений и определить, насколько плотно был застроен в этот период участок коренной террасы между д. Монастырской и д. Коптево, однако круговая керамика с характерной профилировкой XII–XIII вв. присутствует почти на всей его площади, за исключением некоторых участков, прилегающих к оврагам, и участка у Троицкой церкви. Материалы этого же периода встречены на одном из селищ в устье р. Киуй.

На всех киснемских селищах присутствует некоторое количество круговой керамики позднего средневековья и раннего нового времени. Наиболее выразительный комплекс поздней керамики и бытовых вещей собран на селище Рыбный двор, на берегу Белого озера к югу от Троицкой церкви. Часть этого материала относится к XIV–XV вв. Однако несомненно, что основной период жизни на киснемских селищах не выходит за рамки XIII в. Позднейший материал несравненно беднее и малочисленнее.

Киснемское гнездо поселений представляет собой необычный для Белозерья пример концентрации значительного количества поселений на очень небольшом участке. Примечательно, что прилегающие территории оставались практически не заселенными, — за исключением устья Киуя. Особенно симптоматично отсутствие средневековых селищ в устьях р. Водобы и р. Слободки, которые по характеру ландшафта были весьма удобны для заселения. Обитатели перенаселенной к XII в. киснемской агломерации не выселялись на эти участки и не допускали расселения здесь выходцев из других микрорегионов. В этой организации расселе-

ния, безусловно, скрыта некоторая стратегия, смысл которой скорее всего заключается в том, чтобы сохранить значительную территорию, окружающую основное гнездо поселений, в качестве промысловой зоны.

Волости Киснема (или «Кистема») и Киуй («Кивуй») впервые упоминаются в кирилловских грамотах времен игуменства Трифона (1435–1447 гг.) и Кассиана (1448–1470 гг.) (АСЭИ, 1958, т. II, №№ 84, 90, 104, 120, 147), контекст документов свидетельствует о существовании на территории обеих волостей ряда небольших, по всей вероятности, однодворных или малодворных деревень и пустошей (Михалевская Гаркавого, Петроковская, Старая, Назаровская, Гришинская, Выпятинская), часть которых не поддается точной локализации. Центры обеих волостей — Троицкий Киснемский погост и Покровский Кивуйский погост, судя по переписной книге кирилловских вотчин 1601 г. и Белозерской писцовой книге 1627 г., в начале XVII в. находились вблизи озера на расстоянии 100–150 м от древнерусских поселений, очевидно, это же положение занимали они и XV в., однако деревни обеих волостей были разбросаны по значительной территории, часть из них отстояла от озера на 4–5 км. Правая грамота белозерского и верейского князя Михаила Андреевича на деревню Михалевскую Гаркавого в Киснеме была выдана игумену Трифону в связи с земельным спором между Кирилловым монастырем и Львом и Дмитрием Ивановичами Всеволожими, называвшими Киснему своей отчиной. Земельный спор был решен в пользу монастыря. Однако земельные владения кирилловских старцев в Киснеме были небольшими (АСЭИ, 1958, т. II, № 316, с. 284, 288). Основная часть Кис-

немской волости вплоть до 1613 г. оставалась дворцовой вотчиной.

С. З. Чернов рассматривает права Всеволожей на суд и сбор дани в Киснеме как свидетельство особого экстерриториального положения этой волости, выделенной из Суторского удела (Чернов С. З., 1997, с. 9–22), что, при отсутствии надежных данных о территориально-административном устройстве Белозерского княжества в XV в., представляется мне спорным. Совершенно правомерно, однако, стремление исследователя выявить историческую подоснову белозерских преданий о местоположении в Киснеме древнейшего города Белоозера и о княжении здесь Синеуса, брата Рюрика. Напомним, что эти предания попали на страницы летописей еще в XVI в., наиболее ранняя, по оценке А. А. Шахматова, запись содержится в летописце из Кирилло-Белозерского монастыря: «Синеус сидел у нас на Киснеме» (Шахматов А. А., 1908, с. 312; Шахматов А. А., 1904, с. 35, 68). Известны и другие редакции этой записи, также относящиеся к XVI в. («Летописчик», ГПБ, LXVII, № 57, л. 222 об). Именно эти предания дали импульс для первых археологических работ в районе Белого озера, начатых в 1860 г. Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсенем именно в Киснеме (Лазаревский Я. М., А-1860).

Выявление огромной агломерации древнерусских поселений в Киснеме проясняет, на мой взгляд, истоки этих преданий. Хотя гнездо киснемских селищ не может претендовать на роль наиболее древнего административного центра Белозерского края, в XII–XIII вв. оно, безусловно, занимало исключительное положение по своим размерам и по необычайно высокой концентрации населения на компактной территории. Память об

этом гнезде поселений, запустевшем в XIII в. и трансформировавшемся в позднейшую Киснемскую волость, отражена в преданиях, оказавшихся в поле зрения Н. М. Карамзина и А. А. Шахматова.

Группа средневековых поселений, расположенных на территории современного г. Белозерска и в устье р. Маэкссы (рис. 12, 3; 64–67) занимает симметричное Киснеме положение на южном берегу Белого озера и близка Киснемскому кусту по своим размерам и структуре. Суммарная площадь 6-и поселений (№№ 305–308, 310, 311), тянущихся цепочкой вдоль берега озера на протяжении 5,5 км, составляет не менее 17,5 га, и таким образом, Маэксинско-Белозерский куст должен рассматриваться как наиболее крупный в регионе. 3 поселения вблизи устья р. Маэкссы (Маэкса I, II и III) расположены на небольшом (не более 400 м) расстоянии друг от друга и составляют одно гнездо, три других (Маэкса IV, Белозерский Порт и Белозерский Кремль) располагаются с большими (около 600 м) интервалами и могут рассматриваться как одиночные поселения. Два крупных селища в устье Маэкссы выделяются неплохой сохранностью, здесь собраны значительные коллекции подъемного материала и заложено большое количество шурфов, что позволило относительно точно определить их площадь — 4, 2 и 11 га. Площадки трех других поселений — Маэкса III, Маэкса IV и Белозерский Порт — сильно размыты озером, определить их границы в настоящее время затруднительно, о размерах поселения можно судить лишь по длине прибрежных участков с подъемным материалом. На селище Белозерский Порт средневековая керамика зафиксирована на протяжении 1400 м вдоль берега (хотя на неко-

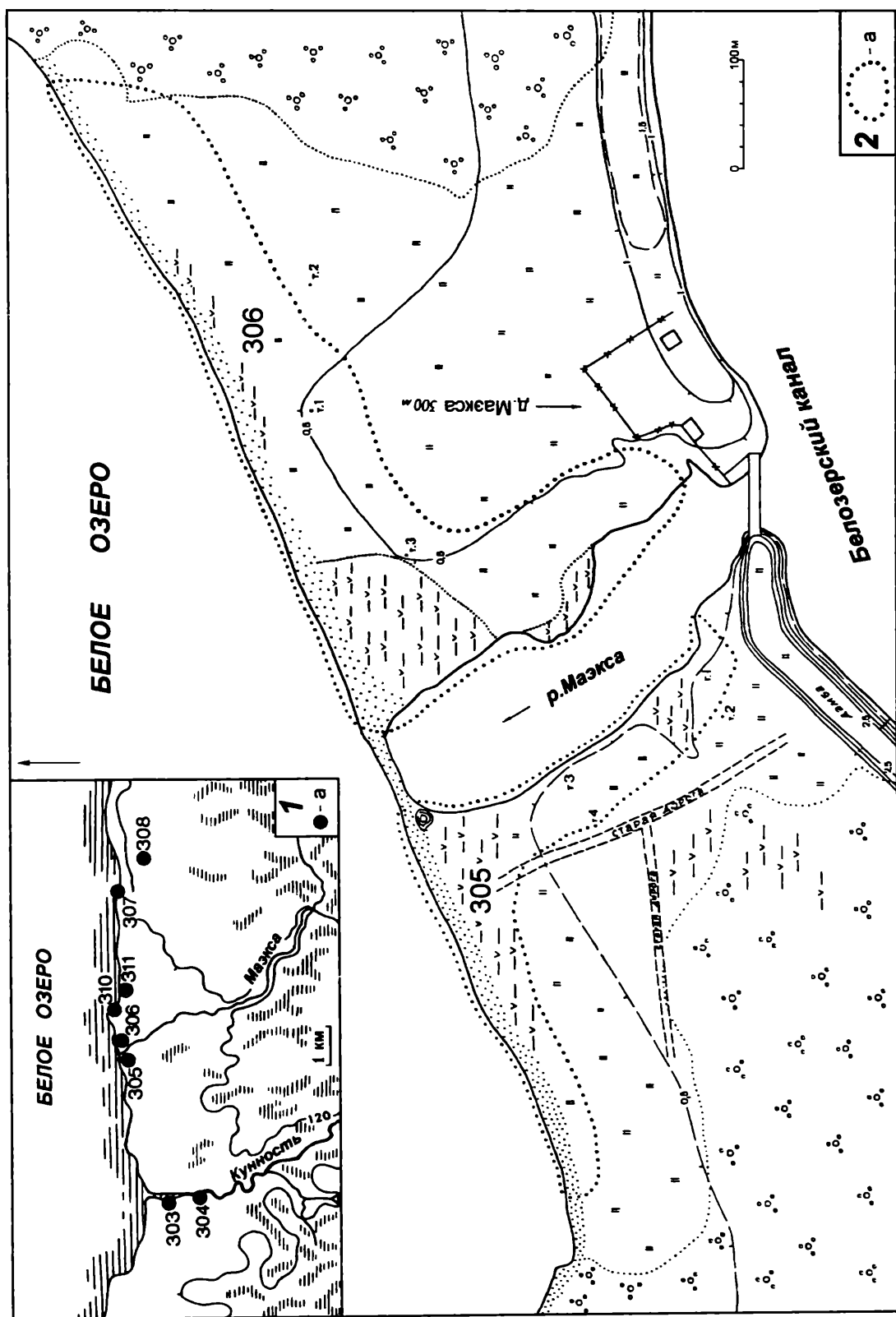

Рис. 64. Средневековые поселения на южном берегу Белого озера.

1 — южный берег Белого озера, а — поселения X–XIII вв.
2 — средневековые поселения Маякса I и Маякса II в устье р. Маяксы, а — границы поселений

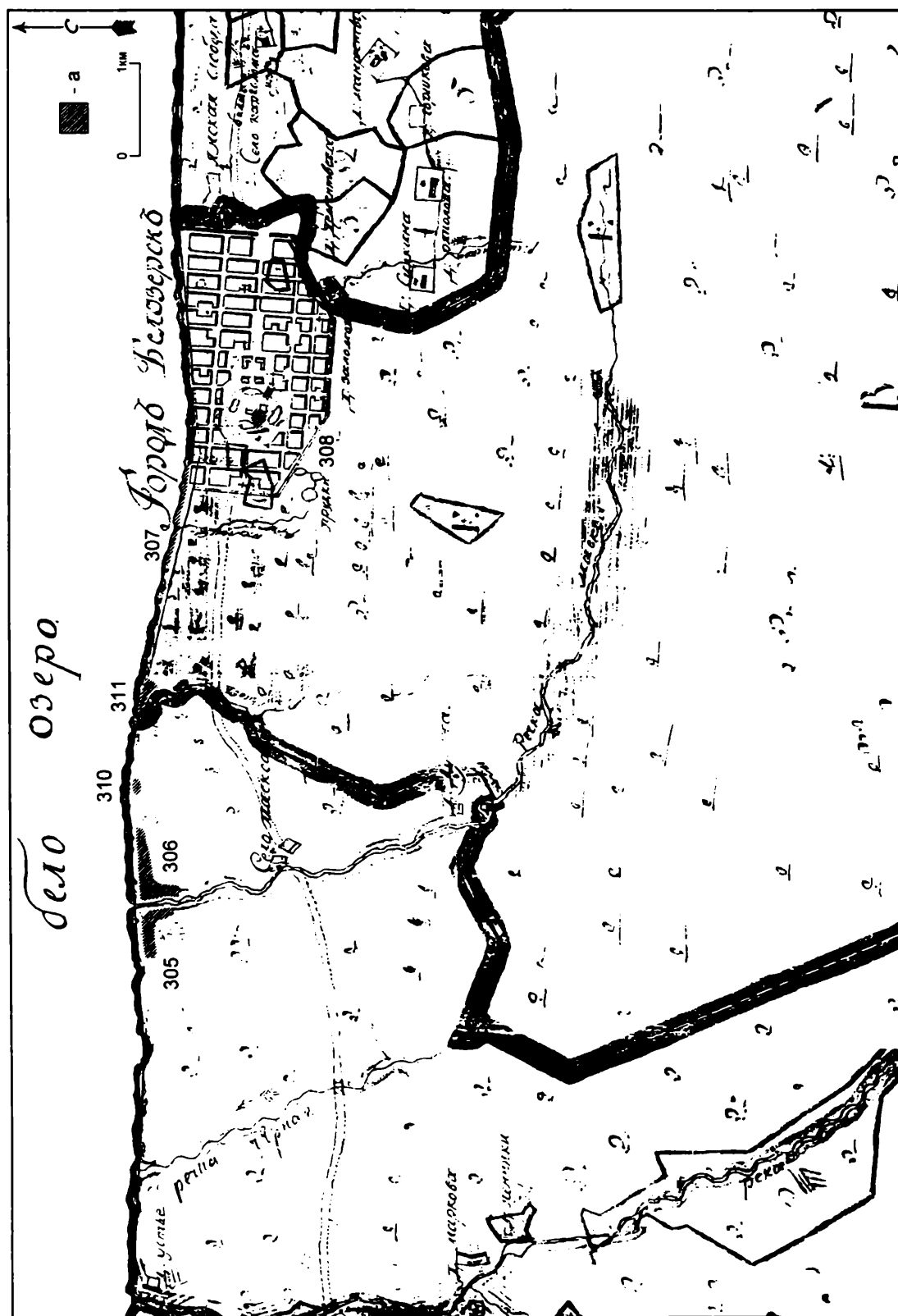

Рис. 65. Средневековые поселения на южном берегу Белозерского озера.

Фрагмент генерального уздного плана Белозерского уезда (РГАДА, ф. 1356, № 3а/2969) с обозначением на нем археологических памятников X–XIII вв. а — поселение. Номера на карте соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

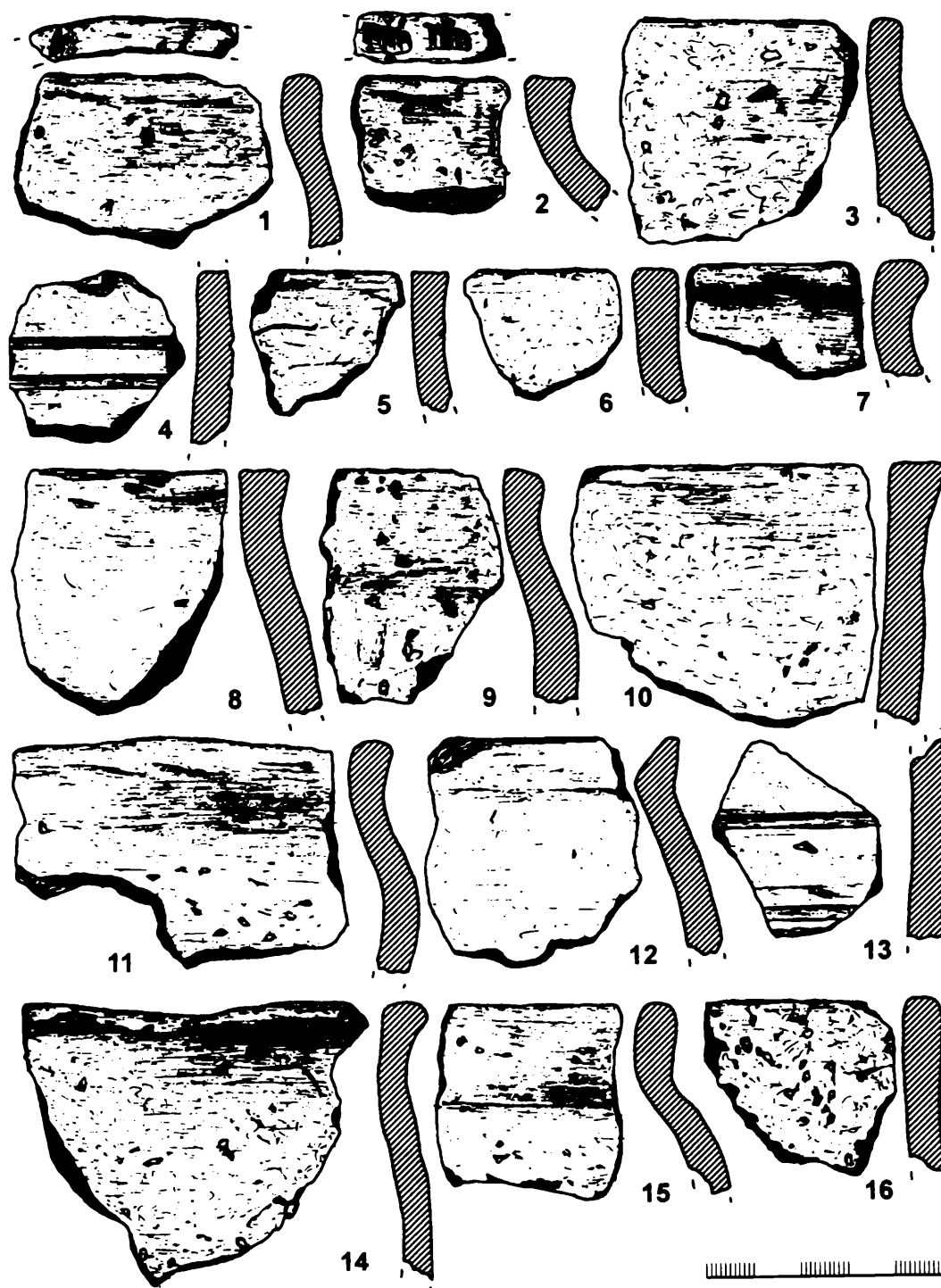

Рис. 66. Поселение Маэкса II. Лепная (№№ 1–3, 5–12, 14–16)
и круговая (№№ 4, 13) средневековая керамика

Рис. 67. Поселение Мазка II. Вещевой материал из сборов на поверхности.

1-12, 19 — серебро; 13 — стекло; 14-18, 20-24 — цветной металл;
25-31 — железо; 32-33 — камень

торых участках концентрация находок низкая), несомненно, это поселение имело крупные размеры. На поселении Белозерский Кремль влажный средневековый слой, сохраняющий остатки деревянных сооружений, перекрыт поздними напластованиями. По оценкам С. А. Шарова и Е. А. Хворостовой, открывших этот памятник и заложивших здесь разведочный раскоп и серию шурфов, домонгольский культурный слой прослеживается на площади 6500 кв. м (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 182–188).

Возникновение двух поселений Маэксинско-Белозерского куста должно быть отнесено ко времени не позднее второй половины X в. К этому времени относятся часть материалов из Маэкс II — прежде всего, 7 фрагментов дирхемов (рис. 67, 1–7). Находки собраны на сравнительно небольшом участке, однако точно определить размеры первоначального поселения не удалось из-за переотложенности культурного слоя. Второе поселение X в. располагалось примерно в 4 км к востоку от первого. На восточном краю обширного поселения Белозерский Порт, на компактном участке протяженностью около 150 м, отмечена высокая концентрация лепной средневековой керамики при незначительном количестве круговой. Не исключено, что часть материалов с других памятников или с других участков поселений Маэкса II и Белозерский Порт также относится к этому времени, однако точно датировать собранный здесь материал невозможно. Развитие гнезда средневековых поселений в устье р. Маэкса в XI в. документировано находкой 6 фрагментов денариев на поселении Маэкса II (рис. 67, 8–12) и присутствием круговой керамики с характерной профилировкой XI в. на обоих поселениях.

Дальнейший рост локальной группы поселений на этом участке происходит в XII в. Керамика этого времени встречена в большинстве шурфов на поселениях Маэкса I и Маэкса II, в сборах на берегу Белого озера на поселениях Маэкса II и Белозерский Порт. На поселении Маэкса II собраны выразительные находки этого времени — перстень, изготовленный из половинки браслета с растительным орнаментом (рис. 67, 20), каменный крестельник, подвеска-конек «смоленского типа» (рис. 67, 17), 2 ножа с широким плоским лезвием (рис. 67, 29). Стратифицированный культурный слой с постройками и вещевыми материалами этого времени прослежен на территории Белозерского Кремля. Спилы столбов из тына, относящегося к нижнему ярусу построек, дали порубочные даты 1166 г. и 1167 г., спил столба из конструкций в шурфе у восточной стены собора дал порубочную дату после 1145 г. (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 186–187). Таким образом, на южном берегу Белого озера, как и в Киснеме, XII в. характеризуется ростом числа поселений и, по-видимому, максимальным увеличением их площадей.

Топография поселения XII в. на территории Белозерского Кремля, занимающего склон высокого (около 30 м над уровнем озера) моренного гребня на расстоянии нескольких сот метров от Белого озера, отличается от топографии остальных поселений региона, хотя и имеет сходство с топографией некоторых киснемских селищ и памятников Лозско-Азатского озера. К сожалению, грандиозные земляные работы, связанные с сооружением крепости 1488 г., сильно изменили первоначальный рельеф, и мы лишены возможности детально восстановить топографические особенности поселения

XII в. С. А. Шаров и Е. А. Хворостова интерпретируют деревянные конструкции, обнаруженные у восточной стены Спасопреображенского собора, как остатки укреплений середины XII в., а само поселение как крепость, резиденцию независимых белозерских князей (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 188). Между тем, материалы раскопок не дают оснований для столь категоричных и безапелляционных заключений. Культурный слой середины XIII–XIV вв. — периода существования самостоятельного Белозерского княжества — на территории Кремля вовсе не выявлен, характер конструкций у апсид Спасопреображенского собора имеет мало общего с известными нам оборонительными сооружениями XII–XIII вв., находки из шурфов и раскопов не дают указаний на какой-либо особый статус или особые функции поселения XII в. на территории Белозерского Кремля. Вполне вероятно, что устройство поселения на склоне высокого моренного гребня на южной стороне озера, как и в Киснеме или на некоторых участках верхнего и среднего течения Шексны, связано с недостатком свободных прибрежных участков, обозначившимся в середине XII в., когда поселения в устье р. Маэксы и в районе Белозерского Порта сильно разрослись. Не исключено, что поселение на территории Белозерского Кремля стало в этот период местным административным центром Маэксинско-Белозерского куста поселений, но единственное основание для такого заключения — ситуация последующего исторического периода: возникновение на месте современного Белозерска «Нового городка», упомянутого в летописной статье 1397 г., и мощной земляной крепости 1488 г. Видимо, прояснить

ситуацию могут лишь дальнейшие раскопки.

С моей точки зрения, принципиальное значение имеет другой факт, надежно документированный при современном уровне исследованности Белозерского региона, — локализация на южном берегу озера, вблизи исторического Белозерска XIV–XV вв., крупнейшего куста древнерусских поселений XII–XIII вв. Участок побережья, лежащий к востоку от устья р. Маэксы, выделялся исключительно высокой концентрацией людских и материальных ресурсов, что делало его естественным конкурентом Старого Города у истока Шексны и агломерации в Киснеме. В этой связи перемещение на южный берег озера административного центра Белозерского края, точное время которого остается неизвестным, оказывается обусловленным как подвижками и инновациями в развитии систем расселения в XIII–XIV вв., так и устойчивостью основных узлов расселения древнерусского времени.

Подробная реконструкция истории развития гнезд средневековых поселений на Шексне затруднена из-за сильной нарушенности культурного слоя памятников. Тем не менее, мы имеем некоторые материалы для реконструкции **куста поселений**, располагавшегося **в районе пристани Волохово и д. Пружинино**, на 6-километровом участке течения Шексны по обоим ее берегам (рис. 17, 2, 28, 68–70). Эта группа поселений состояла из двух малых гнезд — Волоховского и Пружининского. В состав **Пружининского гнезда** входят два поселения (№№ 17, 20, рис. 15, 2; 17, 2; 28, 69–70), находящихся на расстоянии около полутора километров друг от друга, и грунтовый могильник (№ 19). Древнейший средневековый комплекс происходит из заполнения двух

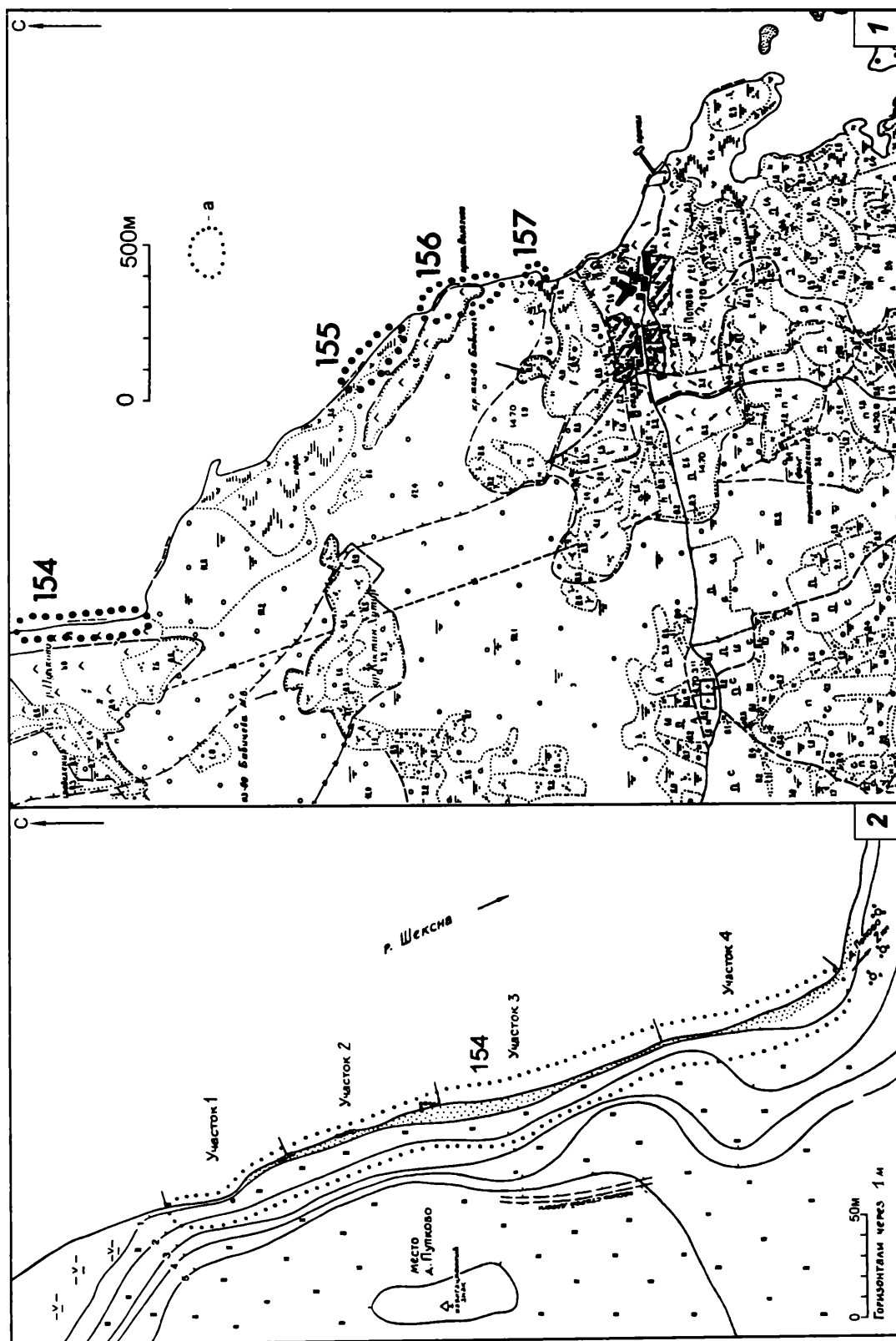

Рис. 68. Средневековые поселения Пужининско-Волоховской локальной группы.

1 — гнездо средневековых поселений вблизи пристани Волохово; 2 — селище Пулково

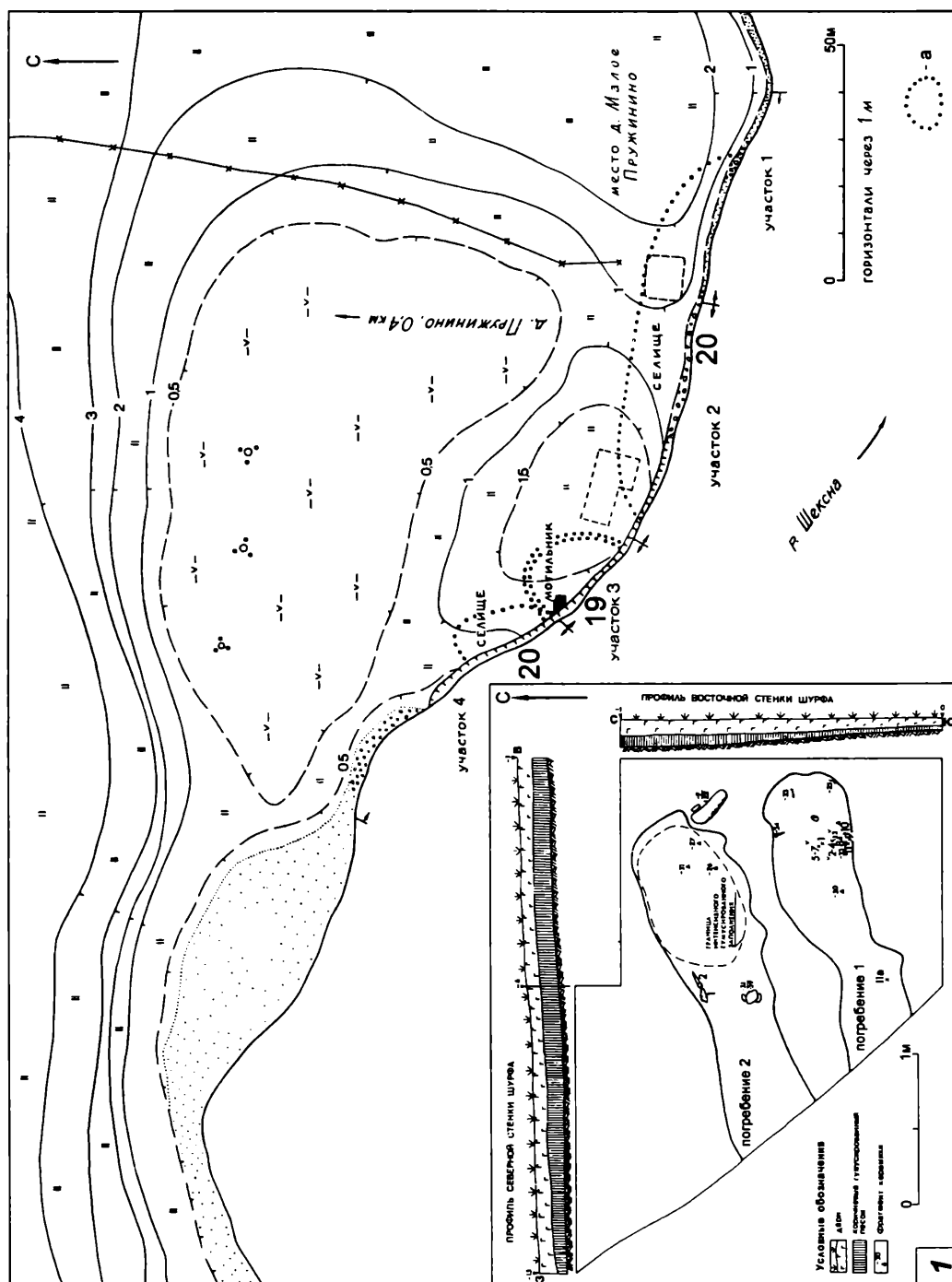

Рис. 69. Селище Пружинино I и могильник Пружинино IV в верхнем течении р. Шексны.

1 — план раскопа на могильнике. Погребение 1: 1 — бронзовая подвеска-лунница; 2-11 — стеклянные бусы; погребение 2: 1 — железное кресало; 2 — железный нож с обоймцей;

2 — план местности: а — границы распространения культурного слоя и подземного материала. Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

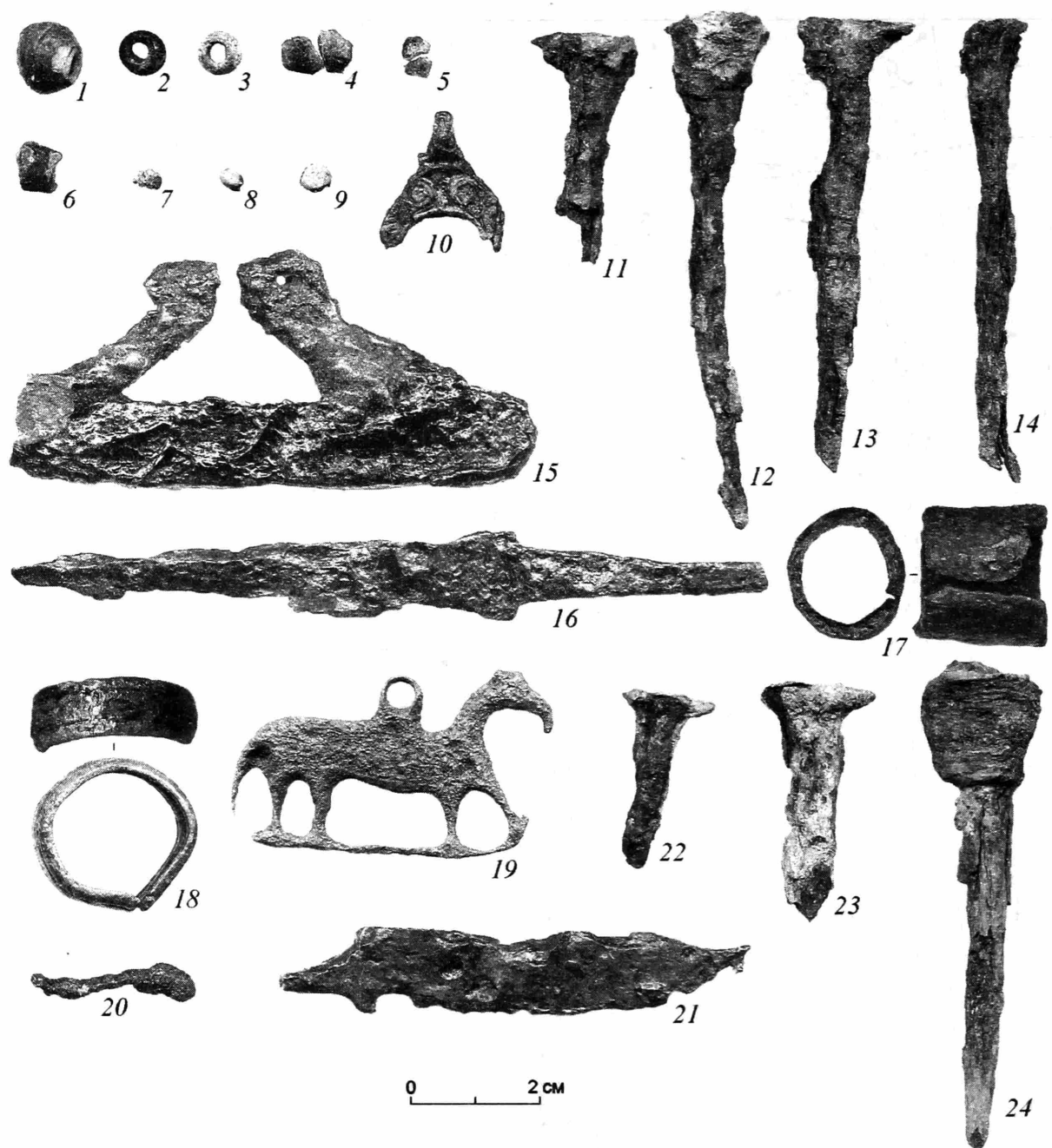

Рис. 70. Могильник Пружинино IV. Вещевой материал из погребений.

1-14 — погребение 1; 15-17 — погребение 2; 18-24 — погребение 3.
1-9 — стекло; 10, 18, 19 — цветной металл; 11-17, 21-24 — железо

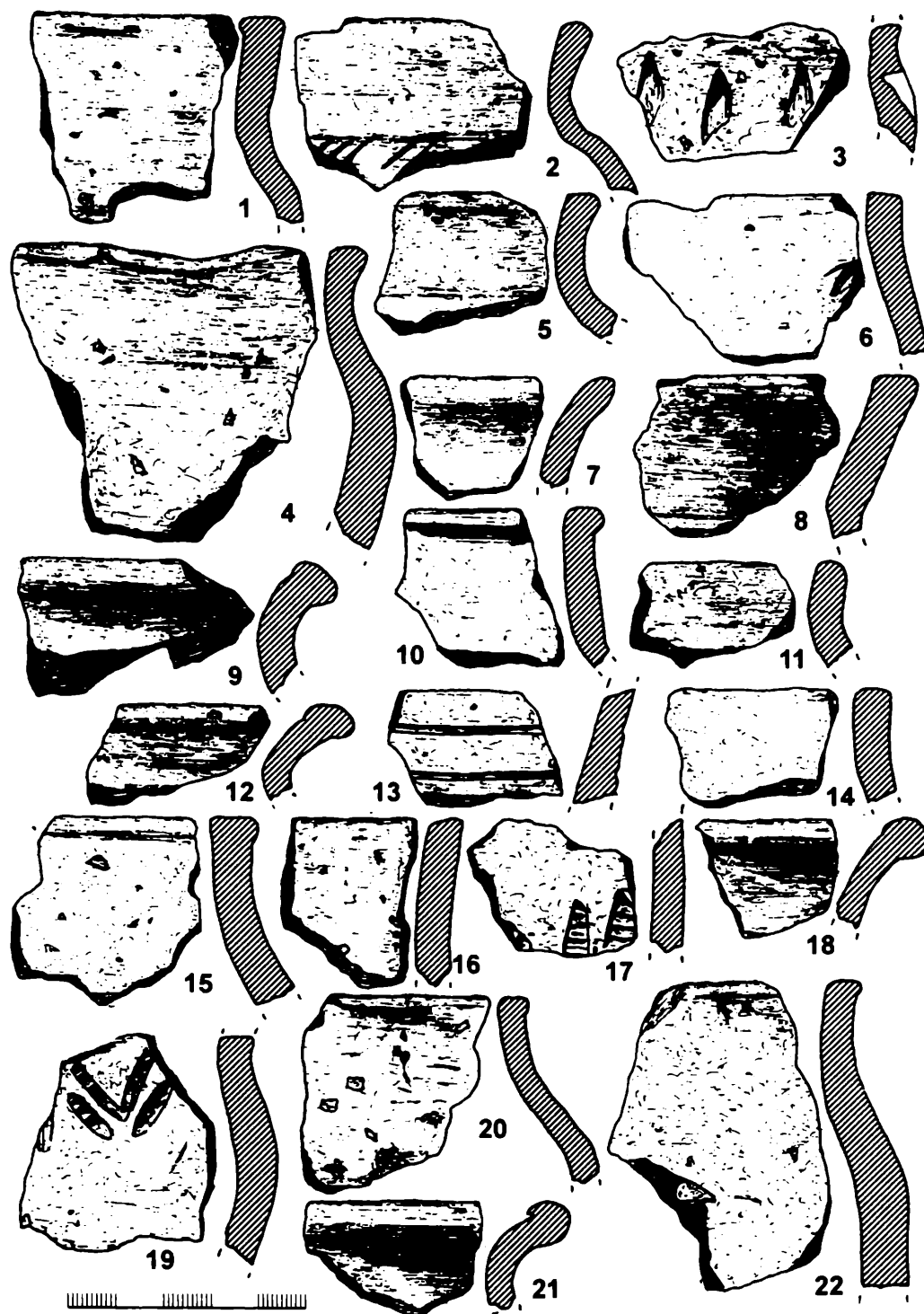

Рис. 71. Поселение Пружинино II. Лепная (№№ 1, 3-4, 6, 11, 14-17, 19-20, 22) и круговая (№№ 2, 5, 7-10, 12, 13, 18, 21) средневековая керамика

могильных ям, засыпанных культурным слоем с выразительным набором лепной керамики X в. Как показало обследование, могильник XII в. был размещен на площадке более раннего поселения, культурный слой которого был позднее полностью уничтожен распашкой и сохранился лишь в могильных ямах (рис. 17, 2; 69; 70). Материалы, достоверно датируемые XI в., на этом поселении не выявлены, однако они происходят с поселения Пружинино II, находящегося в полутора километрах выше по Шексне. Материалы XII–XIII вв. представлены как на селище Пружинино II на площади около 1 га, так и на небольшом селище Пружинино I, вплотную примыкающем к могильнику Пружинино IV. Одно из исследованных погребений содержало инвентарь XII в. (рис. 70), другое было безынвентарным. Второе малое гнездо — **Волоховское** — состоит из 4-х сильно разрушенных в настоящее время поселений (№№ 154–157, рис. 68), при двух (?) из которых находились могильники. Поселения располагаются на правом берегу Шексны на 2-километровом участке ее течения. Керамика, твердо датируемая XI в., собрана лишь на селище Волохово, хотя не исключено, что возникновение других поселений относится к этому же периоду. Керамика XII в. собрана на двух наиболее крупных поселениях этого гнезда — Волохово и Пупково на значительной площади. Еще два селища датируются в широких хронологических рамках XI–XIII вв. Суммарная площадь двух поселений, достоверно существовавших в XII — 1 половине XIII в., составляет 1,3 га. Примечательно, что к древнерусскому селищу Пупково вплотную примыкает огромное позднесредневековое поселение, занимающее склон более высокой террасы. Аналогич-

ная ситуация зафиксирована и в Пружинине, причем существование этого поселения в относительно раннее время подтверждается упоминанием его в одной из жалованных грамот князя Михаила Андреевича Кириллову монастырю, выданной в игуменство Трифона (1434–1447 гг.) (АСЭИ, 1058, т. II. №№ 74, 86). Позднесредневековая керамика, правда немногочисленная, зафиксирована и на площадке поселения Волохово. Сопоставление Пружининско-Волоховской группы поселений с позднейшими административными образованиями показывает, что они находятся в границах Ивачевской волости, центральный погост которой находился на левом берегу Шексны, примерно в 1,7 км от древнейшего поселения Пружининского гнезда (Писцовая книга езовых..., 1984, с. 100–110).

Горицко-Шуклинская группа поселений состоит из 12 селищ (№№ 27–35, 161–163, карта, лист 3, рис. 9, 28, 29, 72–74), одного одиночного и 11-и ассоциированных в гнезда. Поселения располагаются на двух берегах Шексны на участке протяженностью около 5,7 км, суммарная площадь всех поселений около 3 га. Все 8 селищ **Горицкого гнезда** (№№ 27–34; рис. 9, 28, 29), сконцентрированные на компактной территории около 1,4 км в поперечнике в районе Гориц, сильно повреждены при сооружении Волго-Балта. Подъемный материал на большинстве памятников датирован в широких хронологических границах XI–XIII вв., размеры поселений определяются приблизительно. На трех поселениях — Горицы II, Горицы IV и Горицы V собрана круговая древнерусская керамика с характерной профилировкой XII–XIII вв. Аналогичная керамика собрана примерно в 1 км ниже по течению Шексны на селище Бычок

Рис. 72. Южная часть Горицко-Шуклинской группы поселений.

Фрагмент генерального плана Кирилловского уезда 1785 г. (РГАДА, ф. 1356, № 71/3039)
с обозначением на нем археологических памятников X–XIII вв.

Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

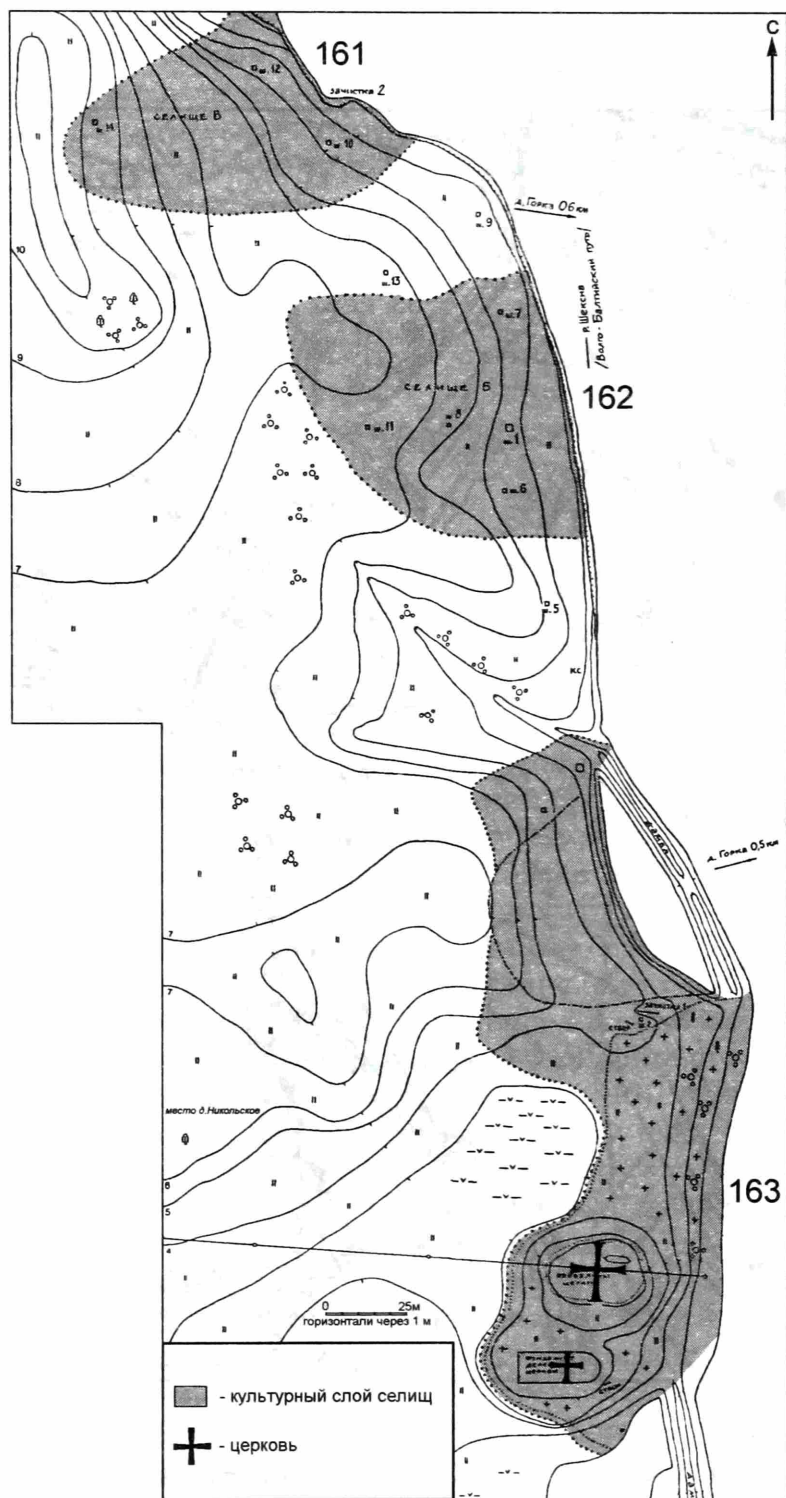

Рис. 73. Гнездо средневековых селищ у д. Шуклино.

Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

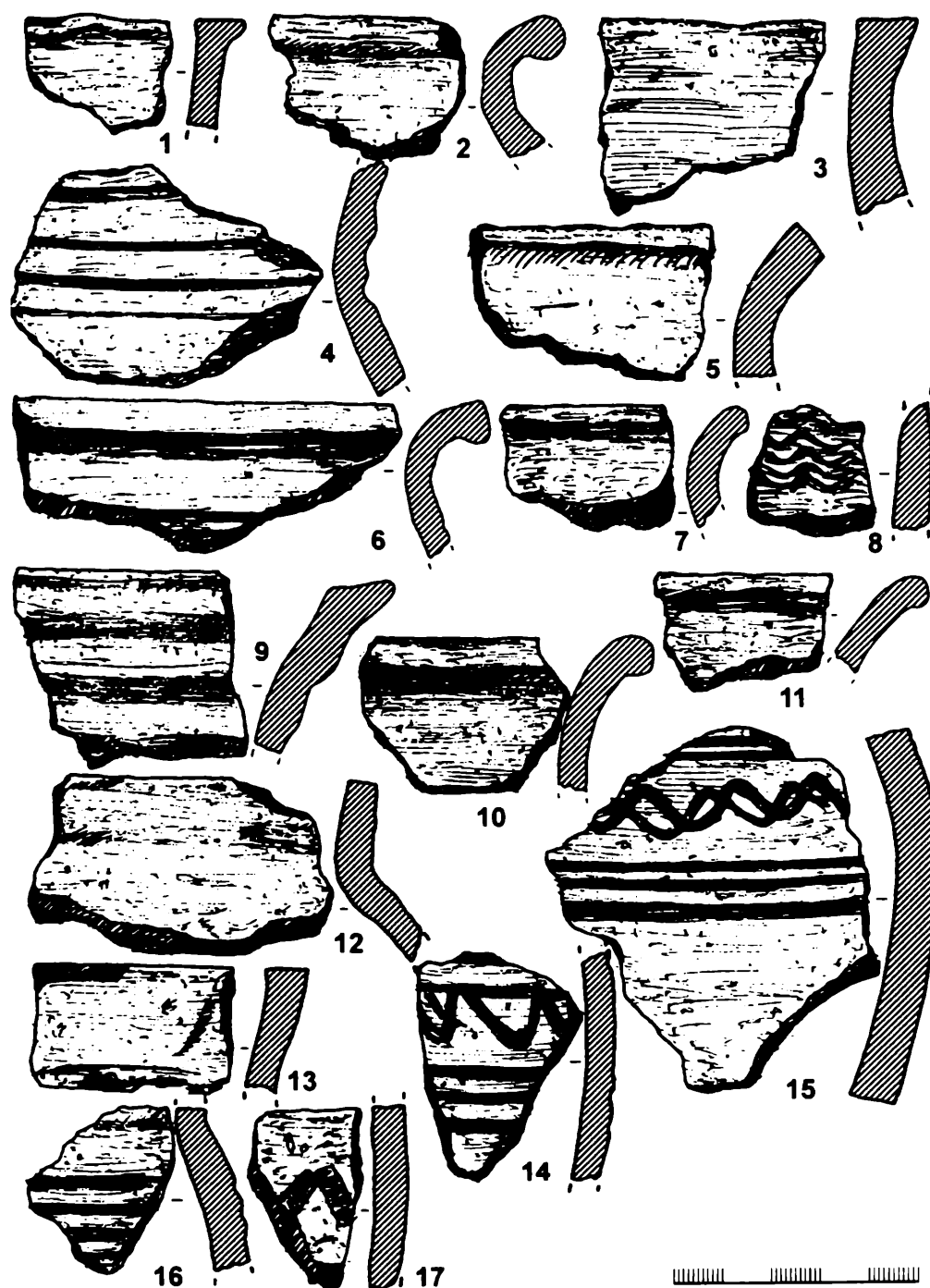

Рис. 74. Средневековые селища у д. Шуклино. Лепная и круговая средневековая керамика.

1 — селище Шуклино Б; 2 — 7, 15 — селище Шуклино А; 12–14, 16–17 — селище Шуклино В.
1, 3, 17 — лепная керамика; 2, 4–16 — круговая керамика

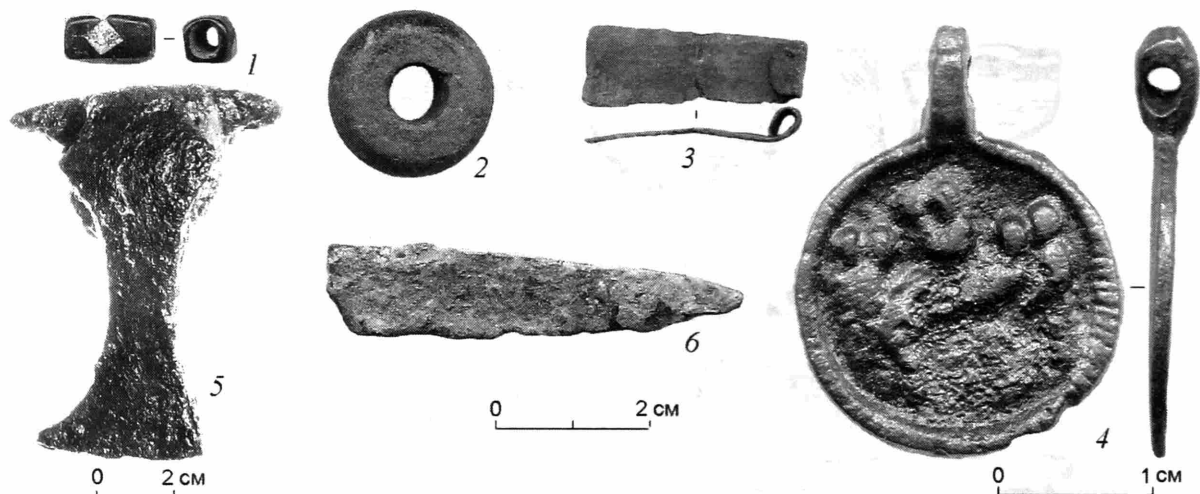

Рис. 75. Средневековые селища у д. Шуклино. Вещевой материал из шурфов и сборов на поверхности.

1–3, 5 — Шуклино А; 4 — Шуклино Б; 6 — Шуклино В.
1 — стекло; 2 — камень; 3–4 — бронза; 5–6 — железо.

(№ 35). Она присутствует и на трех селищах **Шуклинского гнезда** (№№ 161–163; рис. 17, 1; 18, 1, 2; 72–75), расположенных на правом берегу Шексны на участке длиной чуть менее 1 километра. Селища располагаются на наклонной береговой террасе с небольшими интервалами, общая площадь их чуть более 2 га. В шурфах и обнажениях помимо керамики собран обильный вещевой материал XI–XIII вв.: шиферные пряслица, обломок топора типа IV по А. Н. Кирпичникову, круглый образец с изображением Успения, ножи с широким плоским лезвием, фрагмент пластинчатого бронзового браслета, обломок желтой зонной бусины и призматическая синяя белоромбическая бусина (рис. 75). Часть находок датируется в широких хронологических границах, период бытования других ограничен XII–XIII вв. Единственный предмет, указывающий, возможно, на более раннюю дату одного из шуклинских селищ, — синяя белоромбическая бусина (рис. 75, 1), но керамика, надежно относимая к XI в., на поселении

не представлена. Таким образом, все имеющиеся материалы указывают на то, что Горицко-Шуклинский куст поселений сложился в XII в. без какой-либо более ранней подосновы. На площадках средневековых селищ нет четко выраженного культурного слоя позднего средневековья и раннего нового времени, однако в их ближайших окрестностях находятся исторические поселения XIV–XV вв., в частности, Введенский Горицкий погост (АСЭИ, 1958, т. II, № 290) и пустошь Шуклинская с церковью Николы в Ивицах, впервые упоминаемые в документах времен игуменства Кирилла (1397–1427 гг.) и Трифона (1435–1447 гг.) (АСЭИ, 1958, т. II, № 19, 80). Недавно заброшенная деревня Шуклино, идентифицируемая с пустошью и деревней Шуклинской, находилась примерно в 150 м к западу от древнерусского селища Шуклино В, на гребне высокой береговой террасы в некотором удалении от Шексны, деревня Никольский погост — в 130 м от селища Шуклино А на склоне моренного всхолмления (рис. 72, 73).

Коротко охарактеризуем исследованную А. В. Кудряшовым **Азатско-Родионовскую группу памятников**, в составе которой 11 средневековых поселений (№№ 377, 378, 384, 387–389, 391, 392, 394, 397, 399; рис. 30) и грунтовый могильник (№ 395). Поселения, суммарная площадь которых приближается к 3,7 га, сгруппированы в два неравных по размерам гнезда, одно из которых, насчитывающее 8 поселений, расположено на берегах Родионовского озера в районе деревень Нефедово и Попово на компактном участке с поперечником 1,6 км, а второе, состоящее из двух поселений, удалено от него на 2,5 км и расположено на южном берегу Азатского озера. В полутора километрах от Нефедовского гнезда, на южном берегу Родионовского озера располагается одиночное поселение — Назарово. На четырех селищах Нефедовского гнезда зафиксированы чистые комплексы средневековой лепной керамики. На селище Нефедово I, где раскопками вскрыта площадь около 500 кв. м, собран выразительный датирующий материал второй половины X — начала XI в., среди которого мозаичная бусина, изготовленная в технике миллифиори, желтая глазчатая бусина и лимонка, бочонковидная гирька, плоская подвеска-уточка с рельефным перехватом на хвосте, ножи с узким клиновидным лезвием. Таким образом, формирование гнезда поселений у д. Нефедово произошло не позднее конца X в. Суммарная площадь всех ранних селищ не превышает 0,5 га. Характер изменений, происходящих здесь в XI — начале XII в., не вполне ясен. На селище Нефедово I материалы этого времени отсутствуют, очевидно, на какое-то время это поселение запустело, что, однако, не свидетельствует об общем запустении микрореги-

она. Достоверные материалы середины XII — XIII в. представлены на 4-х поселениях на площади около 2,5 га, не исключено присутствие их еще на одном селище. Система расселения в этот период претерпевает некоторую перегруппировку — рядом с запустевшими селищами X–XI вв. возникают новые поселения. Возобновляется жизнь на поселении Нефедово I, где вещевой инвентарь XII–XIII вв. значительно более обилен, чем находки X — начала XI в. Рядом с этим поселением на восточном берегу озера функционирует грунтовый могильник. В этот же период на южном берегу Азатского озера формируется второе гнездо поселений Азатско-Родионовского куста. Мы наблюдаем, таким образом, уже знакомую картину перегруппировки и увеличения количества поселений, роста их площади и сложения более сложных структур. Позднейший волостной центр — Родионовский погост — формируется на западном берегу Родионовского озера, на расстоянии менее километра от основного сгустка ранних селищ и могильника XII–XIII вв., на месте наиболее крупного селища XII–XIII вв. Преемственность между расселенческими структурами X–XIII вв. и позднего средневековья прослеживается достаточно отчетливо.

Материалы для реконструкции истории **Андозерско-Новоезерского куста поселений**, обследованного А. В. Кудряшовым, довольно скудны, но тем не менее представляют определенный интерес для характеристики микрорегиональных структур. Эта группа поселений состоит из двух гнезд (карта, лист 12), в одном из которых, находящемся на западном и южном берегу Андозера, насчитывается 4 поселения (№№ 433–435, 441), а в другом, находящемся на Новозере, —

лишь 2 (№№ 425–426). Суммарная площадь селищ немногим превышает 2 га. Поскольку гнезда разделены расстоянием около 6 км, их можно было бы рассматривать как две изолированные структуры, однако, учитывая удаленность обоих гнезд от остальных поселений этого района, мне кажется правильнее интерпретировать их как части одного куста. В обоих гнездах зафиксированы поселения с лепной керамикой ранних типов. На Андозере подобная керамика представлена на двух небольших (1500–2000 кв. м) селищах Усть-Сярма и Селище II, на Новозере — на селище Шиднем II (4000 кв. м). Круговая керамика, достоверно датируемая XII–XIII вв., собрана на трех селищах — Устье III (5000 кв. м) и Селище I (3800 кв. м) на Андозере и Шиднем I (3600 кв. м) на Новозере. Картина перегруппировки поселений и роста их суммарной площади выглядит обычной на фоне общих изменений в расселении на территории к югу, северу и востоку от Белого озера. Специфической чертой расселения в Азатско-Андозерском районе можно, вероятно, считать раннее сложение гнезд поселений — материалы Андозерско-Новоезерских памятников, как и материалы рассмотренных выше памятников Азатского и Родионовского озера, показывают, что процесс формирования гнезд здесь начался не позднее конца X в.

Обратимся теперь к тем гнездам поселений, которые не были ассоциированы в более крупные территориальные структуры.

Лишь в самых общих чертах может быть восстановлена история **Муньгского гнезда поселений** (№№ 127–129, рис. 91, 2). Древнейшее из них — поселение Муньга III находится на левом берегу реки Муньги в 250 м выше устья. Со-

бранная здесь лепная керамика относится ко времени не позднее X в., материалы XI–XIII вв. на поселении отсутствуют. Они обнаружены на двух других поселениях, расположенных на том же левом берегу р. Муньги ближе к озеру и на берегу самого озера. Общая площадь этих двух поселений (6000 кв. м) в несколько раз превосходит размер участка с лепной керамикой на древнейшем поселении (1500 кв. м), однако из-за сильной нарушения первоначального ландшафта все подсчеты носят приблизительный характер. Керамика позднего средневековья и раннего нового времени в изобилии представлена как на левом, так и на правом берегу р. Муньги, а также на берегу озера, как на ранее не заселенных участках, так и на территории селищ. Поселения в устье р. Муньги на обоих ее берегах хорошо известны по кирилловским актам 1450–1470-х гг. (АСЭИ, т. II, 1958, №№ 168). Представляется однако, что хотя позднесредневековые поселения распространились на территорию более ранних древнерусских селищ, их центральная часть находилась в глубине террасы, за пределами ранних поселков.

Группа средневековых памятников у д. Погостище на р. Модлоне состоит из двух селищ (№№ 96–97) общей площадью 3400 кв. м, находящихся непосредственно на берегу реки на расстоянии около 160 м друг от друга, и могильника Погостище V с погребениями начала XI и XII–XIII вв., находящегося примерно в 200 м севернее, на краю террасы коренного берега (карта, лист 5). Комплекс вещей из древнейшего погребения показывает, что начало средневековой колонизации этого микрорегиона относится ко времени не позднее 1-й четверти XI в., однако поселения, синхронного этому по-

гребальному комплексу, выявить не удалось, несмотря на самые тщательные поиски. Возможно, оно полностью перекрыто мощным культурным слоем позднего средневековья — нового времени, отложившимся на территории деревни Погостище. Обильный вещевой материал, собранный при обследовании обоих селищ — в том числе ножи с широким плоским лезвием (рис. 26, 7, 15–17), керамический крест-тельник (рис. 26, 11), привески-лапки, зонные бусы и навятая бусина с белым пластическим петлевидным орнаментом (рис. 26, 1–3, 12) — целиком относится ко второй половине XII — XIII в. Один из поздних погребальных комплексов могильника относится к последней четверти XII — XIII в., два других датируются в широких хронологических рамках XII в. (Макаров Н. А., 1990, с. 95–110). Отсутствие достоверных материалов XI — начала XII в. как на селище, так и на могильнике объясняется, возможно, тем, что культурные напластования и могилы этого времени разрушены позднейшей деревней, возможно, реальным разрывом в заселении микрорегиона, падающим на этот период. Тем не менее, определенная преемственность между колонизацией начала XI в. и процессом формирования гнезда поселений на р. Модлоне очевидна. Позднейшим преемником этого гнезда стала деревня Погостище, на территории которой отложились культурные напластования XVI–XVII вв.

Группа средневековых селищ на Покровском озере у д. Карботка в пригородах Кириллова состоит из 4 поселений (№№ 48, 49, 51, 52, рис. 5, 1) с суммарной площадью более 1,1 га. Точно оценить размеры памятников затруднительно, так как на всех четырех культурный слой перекрыт мощным выбросом из Северо-

Двинского канала, однако это же обстоятельство способствовало сохранению стратиграфии культурных напластований и отдельных комплексов. Все 4 поселения сконцентрированы на компактном участке террасы, длина которого не превышает 0,7 м, на двух берегах современного канала. Очевидно, в средневековье местность представляла собой устье небольшой речки, впадавшей в Покровское озеро, или протоку между озерами, русло которой было углублено и расширено при строительстве канала. Керамика, собранная на поселении Карботка II, датируется в широких хронологических границах XI–XII вв., на всех остальных поселениях присутствует выразительный керамический комплекс XII–XIII вв. с лепной и круговой керамикой. На селищах собраны также отдельные бытовые вещи и украшения, характерные для этого периода: ножи и желтая зонная бусина (Карботка I), нож и колоколовидная привеска (Карботка III), витое звено от цепочки из свинцово-оловянистого сплава (Карботка V). На поселении Карботка III прослежен котлован подпечной ямы с лепной и круговой керамикой XII в. Очевидно, все три поселения возникли в XII в., нижняя дата селища Карботка V, где доля лепной керамики ниже, чем на других памятниках, вероятно, должна быть определена в рамках конца XII в. Появление на небольшом участке четырех отдельных поселений, возможно, обусловлено рельефом — отсутствием вблизи устья реки единой плоской площадки высотой 1–3 м и нежеланием застраивать более высокую и удаленную от озера часть всхолмления, на краях которого находились селища. На селище Карботка V, помимо домонгольской керамики, собрано большое количество круговой керамики XIV–

XV вв. По-видимому, это поселение возникло несколько позднее трех других и единственное среди них продолжало функционировать в позднем средневековье.

Попытка исследования динамики развития локальных групп поселений на Белоозере и оценки взаимосвязи их размеров и группировки поселений с особенностями ландшафта показывает, насколько сомнительно прямолинейное отождествление фиксируемых археологами поселений, гнезд и кустов с некими социальными структурами средневековья. Во-первых, гнездо селищ не может рассматриваться как фотографический снимок реальной картины расселения на определенном хронологическом срезе. Во многих случаях оно отражает локальные подвижки и перегруппировки поселений, возникновение новых поселков рядом с запустевшими, причем имеющийся материал далеко не всегда позволяет в деталях восстановить эти процессы. Во-вторых, кажется спорным представление о том, что формы расселения буквально соответствуют формам социальной организации. Образование крупных монолитных поселений и гнезд небольших поселков было обусловлено не только характером социальных структур, но и конкретными природными условиями, заметно различавшимися в различных районах Белозерья, — скажем, в долине Кемы с ее плоскими невысокими слаборасчлененными террасами и на Волоке Славенском с характерным для него рельефом волнистой озерно-ледниковой равнины. На плоских береговых террасах в устье Маэксы или на коренном берегу Белого озера в районе Киснемы имелись подходящие площадки для устройства крупных многогектарных поселений. На Кеме подобные площадки были

не везде и имели меньшие размеры. На Волоке Славенском, на Шексне подобных площадок не было — волнистая равнина с многочисленными складками не давала возможности разместить поселение единым массивом. В основе формирования гнезд из 2–3-х деревень на расстоянии 0,2–1 км зачастую лежит стремление к компактному расселению и невозможность обеспечить его на одном поселении при пересеченном рельефе.

Если рассматривать локальные группы поселений в контексте социальной истории, то кусты (а возможно, и некоторые отдельно стоящие гнезда, не ассоциированные в кусты поселений), могут быть сопоставлены с позднейшими белозерскими волостями или погостами, существование которых на Белоозере документировано летописной статьей 1071 г. Эти образования — назовем их протоволостями — формируются в XII–XIII вв., хотя начало процесса восходит к концу X в., когда складываются первые гнезда селищ на Кеме и в Киснеме. В качестве предшественников позднесредневековых волостей могут рассматриваться Никольский куст на Кеме, Киснемский куст на Белом озере, Пружининско-Волоховский куст на Шексне, а также не менее 11 гнезд (Покровско-Никольское, Межторско-Великосельское, Киуйское, Липиноборское, Муньгское, Ухтомское, Мегринское, Куностьское, Вогнемское, Волокославенское, Николоторжское). Хотя конкретные пути формирования протоволостей были различны — часть из них кристаллизовалась на основе более ранних поселений, возникших на начальном этапе колонизации, а другие сложились в XII в. на собственной основе, главной линией исторического развития в этот период стало сложение новых локальных образований,

принципиально новых структур, генетически не связанных с системами расселения предыдущего периода. В отличие от исследованных археологами гнезд поселений западных районов Руси или гнезд поселений XV–XVI вв. на Русском Севере, фиксируемых по материалам писцовых книг и актов, белозерские кусты поселений в массе своей не могут рассматриваться как вырастающие из родоначальных поселений или возникающие в результате их сегментации. Большинство из них формируется в течение сравнительно короткого периода в результате расселения новых групп пришлого населения на уже освоенных или ранее не занятых участках.

Мы располагаем скудным материалом для реконструкции внутренней структуры протоволоостей. Симптоматично, что в этих группах поселений, связанных пространственной близостью, практически не прослеживаются центральные элементы — поселения, выполняющие административные функции, городища-убежища, культовые центры, общие для всего микрорегиона погребальные памятники. Тем не менее, пространственное размещение поселений, в частности высокая концентрация их на ограниченных участках и отказ от заселения периферийной зоны даже в тех случаях, когда ландшафтные условия здесь были благоприятны для устройства стационарных поселений, свидетельствует, что протоволоости были способны регламентировать использование земли и ресурсов на своей территории.

Очевидно, отдельные поселения и малые гнезда поселений представляли собой достаточно консолидированные социальные образования, построенные не на родственных, а на соседских отноше-

ях. Однако у нас нет данных для уточнения характера этих образований и отождествления их с определенным типом общины.

Если рассматривать локальные группы поселений в контексте истории хозяйства и использования ресурсных территорий, то подобная организация расселения отражает устойчивый выбор для заселения неких оптимальных географических точек, обеспечивавших наиболее удобный доступ к ресурсам речных долин, озерных побережий и «внутренних» районов. Ниже мы показали, что традиция освоения многих из этих точек во многих случаях имела тысячелетние корни. Расчистка территорий для большинства средневековых гнезд была начата еще в неолите.

Наличие некоторых стандартов в размерах селищ, примерно соответствующих площадям 700–2500 кв. м и 3000–5000 кв. м и сохранявшихся на протяжении всего периода X–XIII вв., отражает, по-видимому, некие оптимальные для данного региона и системы хозяйства размеры групп населения. Все крупные поселения с площадью более 1 га и гнезда поселений — относительно поздние образования, сложившиеся не ранее XII в. С моей точки зрения, возникновение крупных монолитных поселений и гнезд можно рассматривать как выражение одного процесса — роста населения и формирования более крупных расселенческих структур.

Принципиальное отличие гнездовой и кустовой системы расселения древнерусского времени от более ранних и более поздних расселенческих структур на Белом озере заключается в необычайно высокой для Севера концентрации поселений на небольших участках. Никогда, ни ранее — в эпоху неолита и раннего

Рис. 76. Развитие систем расселения и культурного ландшафта на Белом озере в XII–XIV вв. Общая схема.

а, б — ситуация XII — первой половины XIII в.; в, г — ситуация XIV в.

Рисунок Н. Н. Макарова

металла, ни позднее — в эпоху позднего средневековья вплоть до раннего нового времени — в районе Белого озера не было поселенческих образований (монолитных или разделенных небольшими промежутками), занимавших площадь более 10 га, — подобных Маэксе, Киснеме, редки были и поселения с площадью 2–3 га. Неудобство такой организации расселения было очевидно — она вынуждала выносить поля и другие хозяйственный угодья на большие расстояния, поскольку разместить их вблизи поселка было невозможно, особенно если учесть характер ландшафта, в котором далеко не все участки можно было использовать под пашни и сенокосы. Формирующаяся в XIV в. система малодворных деревень, расположенных с интервалами 0,5–1 км на довольно обширных участках при наличии вокруг каждой деревни собственных угодий также определяется обычно как гнездовая, но имеет существенные отличия от древнерусских кустов (рис. 76). Нетрудно понять, что эта система более экономична, поскольку она избавляет обитателей сельских поселков от ежедневных многокилометровых передвижений к местам полевых работ. Но, по-видимому, и предшествующая система расселения имела свои достоинства, коль скоро она сохра-

нялась неизменной на протяжении двух столетий¹.

Стратегия «кучного» (в масштабах локальных районов, хотя и «разреженного» в масштабах крупных областей) расселения могла быть связана с более товарным характером хозяйства X–XIII вв. Если предположить, что обитатели Белозерья занимались промыслом пушнины далеко за пределами своих микрорегионов и практиковали в значительных объемах вывоз мехов или продуктов каких-то иных промыслов (мед, ценные сорта рыбы), размещение поселений компактными группами могло иметь некоторые преимущества — оно давало части мужского населения большую свободу для длительного пребывания вне поселка на промысловых участках и позволяло концентрировать продукты промысла в немногочисленных точках, что облегчало их вывоз и ставило всех промысловиков в равные условия. Сокращение промысла, увеличение удельного веса сельского хозяйства и натурализация экономики радикально меняли требования к пространственной организации расселения и лишали старую систему рациональной основы, что, в конечном счете, и предопределило формирование сети малодворных деревень на месте крупных кустов древнерусских поселений.

¹ Отмечу, что несмотря на развитие системы малодворных деревень в Белозерском крае в XIV–XV вв., на побережье Белого озера в этот период, по-видимому, формируется ряд крупных сел, упоминаемых в документах конца XV — XVI в., таких как Ковжа, Мегра, Кустово, Муньга, Ухтома, Вашки, Крохино. Точное количество дворов на этих поселениях не установлено, но судя по тому, что по Писцовой книге езовых волостей 1585 г., в Ковже насчитывалось 30 рыбных ловцов, плативших оброк, в Ухтоме — 9 ловцов, в Крохине — 9 ловцов, в Мегре — 8 ловцов (Писцовая книга..., 1984, с. 156–160), поселения были довольно крупными. Очевидно, на побережье Белого озера традиция устройства крупных поселений в какой-то степени сохранилась в XV–XVI вв., несмотря на общее господство дисперсного расселения в Белозерском крае в этот период.

6. БЕЛООЗЕРО И БЕЛОЗЕРСК ¹

Вторая половина XIII — XIV в. стали временем существенных изменений в Белозерском крае. В этот период происходит постепенное угасание сложившейся в древнерусское время сети поселений, одной из характерных особенностей топографического расположения которых была непосредственная близость к воде. Начинается перемещение значительной части населения с побережий крупнейших озер и рек на более возвышенные участки, завершающееся формированием новой системы расселения, основные черты которой сохранились до нашего времени. Значимость и глубина происшедших перемен отразились не только в кардинальной перестройке системы сельского расселения. Лежащие в основе этой трансформации процессы, обусловленные, очевидно, радикальными преобразованиями в системе хозяйства, привели к угасанию в начале XIV в. главного поселения Белозерья — города Белоозеро.

В исторической литературе это явление обычно именуется «переносом» и связывается с эпидемией моровой язвы, дважды прокатившейся по территории Руси во второй половине XIV в. Считается, что в результате моровых поветрий Старый

город запустел, а часть оставшегося в живых населения переселилась на южный берег Белого озера, где в это время возник новый город — Белозерск (Копанев А. И., с. 14; Сахаров А. М., с. 79–81; Голубева Л. А., 1973, с. 58; Кучкин В. А., 1990, с. 77). Однако анализ накопленных к настоящему времени археологических материалов, дополненный исследованием письменных источников, позволяет говорить о том, что этот процесс был более сложен и многогранен. Возникновением же общепринятой версии событий, как показывает изучение историографии вопроса, мы обязаны, вероятно, перу подполковника М. О. Корниловича — одного из авторов издававшегося в 30-е годы XIX в. «Энциклопедического Лексикона». В написанной именно им и опубликованной в седьмом томе «Лексикона» статье по истории Белозерска впервые появляется утверждение о связи переноса города с эпидемией чумы 1352 г., не встречавшееся до этого ни в одном из источников (Энциклопедический лексикон, с. 551). Необходимо отметить, что даже С. П. Шевырев, посетивший Белозерск в 1847 г. и проявивший живой интерес к местным преданиям об истории

¹ Несмотря на то, что город Белозерск до XVIII в. именовался «Белоозеро», это название, во избежание путаницы, будет относиться только к древнему городу.

города, не приводит подобных сведений, относя перенос Белоозера ко времени княжения Василия Иоанновича (Шевырев С., ч. II, с. 71).

Вместе с тем, сам факт утасания Белоозера, являвшегося одним из крупных городских центров Северо-Восточной Руси, представляет значительный интерес. Особенно в свете новых данных о хронологии этого процесса. И если ослабление многих городов во второй половине XIII в. традиционно рассматривается как следствие монголо-татарского нашествия, то для Белоозера, оказавшегося далеко в стороне от основных путей захватчиков, такое объяснение неприемлемо. Более того, вероятный отток населения из центральных районов Ростово-Суздальской земли на ее окраины должен был способствовать дальнейшему развитию города. Возможность такого перемещения подтверждается сообщением ряда летописей, согласно которым во время татарского нашествия ростовский епископ Кирилл скрывался на Белоозере (ПСРЛ, т. 10, с. 111; т. 25, с. 129). Тем не менее, уже в конце XIII в. начинается постепенное ослабление Старого Белоозера, проходившее, по-видимому, одновременно со становлением нового центра края. Для понимания сути происходивших перемен необходимо рассмотреть не только динамику соотношения этих двух городов, но и процессы, протекавшие в их ближайшей округе.

Фонд археологических источников по этой проблеме, имеющих в нашем распоряжении, достаточно объемён. Масштабные раскопки Белоозера экспедицией по руководством Л. А. Голубевой и начатые на городище в последнее десятилетие широкие сборы подъемного материала позволяют считать его одним из наи-

более полно исследованных археологических памятников региона. Планомерные многолетние обследования ближайшей округи Белоозера и Белозерска приблизили степень выявленности средневековых поселений в этом районе к 100%. Большое значение имеют и проведенные в 1989–93 гг. архитектурно-археологические исследования города Белозерска, в ходе которых на территории кремля были обнаружены напластования домонгольского времени (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996).

На основании анализа результатов раскопок Л. А. Голубевой, вскрывшей на Белоозере около 5 500 кв. м, и многочисленной коллекции подъемного материала, включающей в себя уже более 13 000 индивидуальных находок, удалось достаточно подробно очертить территорию города в разные периоды существования и составить представление о динамике его развития.

Поселение на истоке Шексны из Белого озера возникает в середине X в., а к концу этого столетия занимает уже около 1,4 га (рис. 77 на вклейке). Оно располагалось на наиболее возвышенном участке правого берега реки в 40–50 м от уреза воды. Культурный слой раннего времени прослежен в виде двух пятен, разделенных неширокой полосой. Места первоначального заселения связаны с берегами двух небольших речек — Васильевки и безымянного ручья, впадавших в Шексну практически под прямым углом и ограничивавших самую высокую часть берега с запада и востока. Именно здесь удалось выявить древнейшие напластования (Голубева Л. А., 1973, с. 65). Вероятно, в X в. началось освоение и наиболее возвышенных участков берега к востоку от Васильевки, где была собрана весьма представи-

тельная коллекция вещей, датирующихся X — началом XI в. Общие размеры Белоозера X в., при сравнении с другими древнерусскими городами, выглядят достаточно скромно. Но даже в это время, практически с момента своего возникновения, Белоозеро являлось крупнейшим поселением региона. Оно существенно превосходило по размерам остальные белоозерские памятники X в., занимая в 2,5 раза большую площадь, чем наиболее значительные из них — городища Васютино и Крутик.

Вместе с тем, вопрос о статусе раннего Белоозера достаточно сложен. Выше уже говорилось о близости культурного облика этого поселения культуре ранних городов и открытых торгово-ремесленных поселений на севере Руси. Важно упомянуть и зафиксированную Л. А. Голубевой для начала XI в. регулярную уличную застройку, наличие деревянных мостовых, появление огороженных усадеб (Голубева Л. А., 1973, с. 81). С другой стороны, на памятнике отсутствует один из наиболее зримых признаков городского статуса поселения — оборонительные сооружения. Но отсутствие укреплений на Белоозере характерно не только для периода его становления. Ни в одном из многочисленных раскопов, охвативших и самые перспективные для создания оборонительных сооружений участки, ни каких следов валов или рвов не зафиксировано. Прекрасная сохранность культурного слоя городища, благодаря которой до подтопления 1964 г. на поверхности прослеживались небольшие всхолмления от развалов печей последних городских построек, полностью исключает любую возможность их уничтожения в позднее время. Можно предполагать, что город был укреплен деревянной оградой типа

частокола или наклонного тына, поставленного на небольшом земляном валу. Подобные сооружения обнаружены при исследовании Неревского конца в Новгороде (Хорошев А. С., 1982, с. 250–260). Но предпринятые Л. А. Голубевой поиски остатков такой ограды успеха не имели (Голубева Л. А., 1973, с. 61). Очевидно, отсутствие по крайней мере значительных фортификационных сооружений являлось своеобразной особенностью города Белоозера на всем протяжении его существования.

В дальнейшем развитии Белоозера выделяются два периода быстрого роста территории и интенсификации жизни в городе. Первый из них относится к XI в. За это столетие общая площадь города увеличилась в 5 раз, достигнув к концу века 7 га (рис. 77). Одновременно с расширением площади застройки вокруг древнейшего ядра города началось интенсивное освоение новой территории. В первую очередь, как и в предыдущий период, осваивались наиболее высокие участки берега. Западная окраина города в это время достигла речки Никольской, существенно увеличилась заселенная площадь и на восточной окраине — к востоку от Васильевки. Важно отметить, что уже в первой половине XI в. городская территория распространилась на левый берег Шексны, где возникают несколько быстро разраставшихся пятен застройки. В конце XI в. город вытянулся узкой полосой, охватывая наиболее возвышенные части на обоих берегах реки. При этом длина правобережного поселения составляла около 1 км, а левобережного — не менее 700 м. И именно в это время, несмотря на отмеченное отсутствие оборонительных сооружений, статус Белоозера как города зафиксирован в летописи.

В известной статье о выступлении волхов Ян Вышатич, пытаясь организовать их поимку, «вшед в *град* к белозерчем, и рече им: “Аще не имете волхву сею, не иду от вас за лето”» (НПЛ, с. 193).

Второй этап значительного увеличения городской территории приходится на вторую половину XII — начало XIII в. и совпадает с периодом наивысшего расцвета Белоозера. Во второй половине XII в. начинается заселение пустовавших ранее береговых склонов Шексны. Судя по материалам заложенных здесь раскопов, первая линия построек возникает в 5–6 м от речной кромки. Непосредственно к воде выходили и открытые раскопками уличные мостовые (Голубева Л. А., 1973, с. 88). Об интенсивной хозяйственной деятельности в это время говорят и дендрохронологические материалы. Анализ спиллов из прибрежных раскопов позволил Н. Б. Черных выделить четыре периода массовой заготовки леса: 70-е и начало 90-х годов XII в., первая половина 20-х и конец 30-х — начало 40-х годов XIII в. Самым мощным из них был период первой половины 20-х годов XIII в. (Черных Н. Б., 1972, с. 108; Колчин Б. А., Черных Н. Б., с. 113).

Городская территория увеличивалась не только за счет освоения прибрежных участков. Город расширялся и в противоположную — напольную — сторону. Ширина застроенной полосы на правом берегу Шексны к началу XIII в. возросла до 200–300 м. Затопление значительной части памятника при создании Волго-Балта в 1964 г. не позволяет определить точную площадь Белоозера на данный период. Вместе с тем, материалы этого времени обнаружены не только практически во всех раскопах, но и на всех обследованных при сборе подъемного ма-

териала участках города. Отсутствуют они лишь на самой восточной окраине правобережного поселения, наиболее сильно пострадавшей от затопления. Общая площадь распространения культурного слоя городища достаточно надежно определяется в 54 гектара. Исходя из этого, можно с большой степенью уверенности говорить о том, что Белоозеро в этот период занимало более 50 га (рис. 78 на вклейке).

Со второй половины XIII в. начинается постепенное сокращение занятой городом территории. Любопытно отметить, что в первую очередь забрасываются древнейшие, наиболее возвышенные участки в центральной части правобережного поселения. Во всех расположенных здесь раскопах, за исключением одного, напластования второй половины XIII в. отсутствуют. Они хорошо представлены в раскопах, вскрывших прибрежные кварталы Белоозера. Многочисленный и разнообразный вещевой материал, обнаруженный при раскопках, свидетельствует о достаточно высокой интенсивности жизни в прибрежных, находящихся непосредственно у реки, районах города. Однако и здесь в конце XIII в. отчетливо прослеживается уменьшение общего количества построек.

Материалы XIV в. отмечены уже только на площади трех раскопов. При этом в раскопе, заложенном на склоне берега в центральной части правобережного поселения, они малочисленны. Существование построек этого времени надежно фиксируется в двух раскопах на самой восточной окраине Белоозера. В XIV в. заселенной остается лишь самый восточный край некогда огромного города. Такая ситуация, выявленная при повторном рассмотрении и картографировании результатов раскопок, подтверждается новы-

ми данными, основанными на изучении многотысячной коллекции подъемного материала. Несмотря на некоторые трудности в выделении поздних вещей, связанные со слабой разработанностью хронологической шкалы этого периода, удалось выявить набор предметов, время появления которых относится к концу XIII — XIV в. (см.: Колчин Б. А., 1982, с. 162–176; Лесман Ю. М., 1984, табл. 1; Он же, 1990, с. 53–84). Из обнаруженных на Белоозере находок в эту группу включены: замки и ключи типов «Д», «Е» и «Ж», спицы от прялок, ножи с накладными рукоятками, височные кольца в виде «?»», булавки «туп йеппи», пластинчатые браслеты с гравированным орнаментом в виде львиных морд, перстни овальнощитковые с заостренными щитками, дисковидные грузики, два типа бронзовых нагельных крестов, янтарные крестики с квадратным средокрестием, три типа стеклянных перстней, прямоугольные плоские гребни и фрагменты кашинных полихромных золотоордынских сосудов с подглазурной росписью. Хронологический анализ всей собранной за последнее десятилетие коллекции показал, что доля поздних вещей в общей массе находок составляет около 1%. Изучение распределения этих находок по территории города обнаруживает, даже при малом их количестве, четкую закономерность в размещении — поздние материалы концентрируются на восточной окраине правобережного поселения. Небольшое скопление отмечено и на правом берегу р. Никольской. Прослеженная закономерность, с одной стороны, подчеркивает обоснованность сделанного на материалах раскопок заключения о локализации поселения в последний период жизни города. С другой — подтверждает надеж-

ность выводов о запустении к середине XIV в. большей части Белоозера, поскольку подъемный материал, происходящий практически со всей территории памятника, отражает общую ситуацию более точно и детально, чем материалы раскопок.

К сожалению, определить площадь Белоозера в этот период можно лишь приблизительно, так как восточная окраина правобережного поселения сильно пострадала от затопления, а ее самая восточная часть полностью скрыта водой. Суммарный размер участков, на которых достоверно присутствуют поздние материалы, составляет около 0,7 га. Если предположить, что вся затопленная часть восточной окраины была в это время заселена, то максимально возможная площадь Белоозера в начале — середине XIV в. составляла не более 7 га (рис. 78). То есть размеры Белоозера XIV в. не превышали, а скорее всего, были значительно меньше той площади, которую город занимал в XI в.

Сделанный на основании археологических материалов вывод не согласуется с общепринятой датировкой последних этапов существования Старого Белоозера, базирующейся главным образом на ряде летописных известий. Поэтому возникает необходимость тщательно проанализировать статьи летописей и письменные документы, содержащие информацию о городе XIV в.

Как уже отмечалось, перенос города на новое место исследователи обычно соотносят с эпидемиями 1352 и 1363–1364 гг. Эти сообщения имеются во многих летописях. Приведем их текст по Никоновской летописи.

1352 г. «Того же лета бысть мор силен зело в Смоленске, и в Киеве, и в Черниго-

ве и в Суждале, и во всей земле Русстей смерть люта, и напрасна и скоро, и бысть страх и трепет велии на всех человецех. В Глухове же тогда ни один человек не остался, вси изомроша, сице же и на Белеозере» (ПСРЛ, т. 10, с. 224).

1364 г. «Бысть мор велик в Новгороде и Нижнем и ... по всем странам и по волостям... А на Белеозере тогда ни один жив обретется» (ПСРЛ, т. 11, с. 3). Как видим, приведенные сведения не позволяют напрямую связывать эпидемии и перенос города. Формулировка обозначения места событий с использованием предлога «на» могла означать не только «в городе», но и «по всей области». Именно в таком, расширительном, значении фраза «на Белоозере» употребляется во всех приводимых ниже летописных статьях.

О существовании двух городов на Белом озере упоминают три летописные сообщения конца XIV в. Первое из них связано с завещанием Дмитрия Донского. Сам текст духовной содержит лишь слова о передаче третьему сыну Дмитрия Андрею «Белоозера... со всеми волостми» (Духовные и договорные грамоты..., с. 34). В летописных сводах 1493 и 1495 гг. в статьях под 1389 г. появляется новая информация: «Третьему сыну своему князю Андрею дать город Можаяск, а на Белеозере два города со всеми пошлинами, а неколи бысть Белозерское княжение великое» (ПСРЛ, т. 27, с. 256–257, 335). По мнению В. А. Кучкина, это сообщение заслуживает доверия, поскольку автор записи «в частности, знал, что в конце XIV в. существовали два Белозерских городка, а не один» (Кучкин В. А., 1984, с. 308). Предлагаемая Устюжской летописью расшифровка названий этих городов — «Каргалом да Каргополь» (ПСРЛ, т. 37, с. 37, 79) вызывает сомнения, так как

в других источниках упоминаний о существовании Каргополя в это время нет. Нет данных и о вхождении этого района в состав Белозерского княжества.

Еще два сообщения содержатся в Новгородской первой летописи. В «Списке русских городов, дальних и ближних» в числе других называются «на Беле озере два городка» (НПЛ, с. 447). О месте и инициаторе создания «Списка...» существуют различные мнения (Тихомиров М. Н., 1956, с. 218, 252; Наумов Е. П., с. 157–163; Подосинов А. В., 1978, с. 48), но практически все историки сходятся в определении времени его написания, относя это событие к 80–90-м годам XIV в. Естественно, «Список...» не был создан единовременно, сведения для него собирались в течение определенного периода. По наблюдениям В. А. Кучкина, в него вносились города, существовавшие в разное время. Например, Клещин ко времени появления «Списка...» уже не существовал, а Тмутаракань была утрачена русскими князьями в конце XI в. (Кучкин В. А., 1990, с. 78).

Другое сообщение новгородской летописи зафиксировано под 1398 г.: «И поидоша на князя великаго волости на Белоозеро, и взяша белозерские волости на щит, повоевав и пожгоша и старый городок Белозерский пожгоша, а из нового городка вышедши князи белозерские и воеводы князя великаго, и добиша челом воеводам новгородским и всем воем, и взяша у них окупа 60 рублей, а полона поимаша бесчисла, и животов поимаша бесчисла...» (НПЛ, с. 392). Анализируя это сообщение, необходимо отметить, что слова об огромной добыче вряд ли следует воспринимать буквально. Это скорее традиционная формула описания удачного похода. Обращает на себя

внимание то обстоятельство, что захватывается старый городок, а не новый, который, несомненно, был более богат и значим, поскольку именно там находились белозерские князья и представители великого князя. Очевидно, сил у новгородцев для этого не хватало. Захват же старого городка не требовал значительных усилий. Это позволяет предполагать, что под именем «старого городка» скрывалось весьма незначительное поселение.

Подтверждение высказанному предположению находим в одном весьма любопытном документе. Имеется в виду правая грамота по судебному разбирательству о принадлежности деревни Крохинской между Ферапонтовым монастырем и городом Белозерском. Она датирована 1490–1492 гг. (АСЭИ, т. II, № 332, с. 311–314). В состав грамоты входят еще три документа, подтверждающие владельческие права монастыря на эту деревню. В ходе судебного разбирательства вызываются свидетели из «старожильцев», которым задается вопрос о принадлежности д. Крохинской «из старины». Ввиду важности этих сведений, приведем ответ старцев целиком. «И Гридя Лимонов так рек: Мне, господине, девяносто лет, А Иев так рек: А мне, господине, семьдесят лет. Был, господине, некто сын боярский Гаврило Лаптев, а жил, господине, в селе Великом, а то, господине, село его вотчина; а та деревня Крохинская на сей стороне Шоксны, да и на другой стороне Шоксны Середний погост, по речку по Турбай до Белоозера, до устья до Белозерского и до Шехонского, то было, господине, все Гавриловское Лаптева; а и монастырь, господине, Троецкий поставлен на Гаврилове земле. А Гаврило, господине, Лаптев исшол без отрода; и князь Андрей, господине, Дмитриевич взял за себя Великое

село Гавриловское Лаптева, а Крохинскую, господине, деревню дал к Троецкы на Устье. И Троицкой, господине, монастырь оскудел, игумена не стало. А в ту пору, господине, пришел на Белоозеро князь Иван Андреевич, да ту, господине, деревню Крохинскую дал в Ферапонтов монастырь по матери своей по княгине по Огрофене; а та, господине, деревня была пуста». Факт передачи д. Крохинской Ферапонтову монастырю подтверждается жалованной грамотой Ивана Андреевича, датированной 1434/1435 гг. (АСЭИ, т. II, № 317, с. 300).

К сожалению, точная датировка событий, перечисленных в грамоте, затруднена. По годам княжения Андрея Дмитриевича они должны относиться ко времени между 1389 и 1432 гг., но, исходя из последовательности событий, можно несколько сократить этот период. После смерти Лаптева деревня Крохинская переходит к Троицкому монастырю. Проходит некоторое время, и монастырь оскудевает, пустеет и деревня. Несомненно, эти процессы протекали в течение достаточно длительного периода. К моменту передачи деревни в 1434–1435 гг. Ферапонтову монастырю она полностью заброшена. Установить время упадка Троицкого монастыря невозможно. У П. Строева, собравшего сведения об игуменах этого монастыря, к XV в. отнесены два игумена — Гурий и Михаил (Строев П., с. 85). Последний упоминается в документе, имеющем широкую дату — 1448–1470 гг. (АСЭИ, т. II, № 148, с. 186). Сведений о Гурии найти не удалось. Представляется заманчивым в причинах оскудения монастыря и деревни видеть последствия набега новгородцев в 1398 г., но достаточных оснований для этого утверждения нет. Однако в любом случае

смерть «боярского сына» Лаптева должна относиться ко времени не позднее первых двух десятилетий XV в. Косвенным подтверждением этого может служить возраст старцев. Следовательно, данные о его землевладении с полным правом можно относить к концу XIV — началу XV в., то есть ко времени упоминания в письменных источниках двух городов на Белом озере.

Гаврило Лаптев владел землями как на левом, так и на правом берегах р. Шексны. При этом самым крупным поселением здесь было, вероятно, село Великое. Об этом говорит не только его название, но и то обстоятельство, что именно в нем жил владелец окружающих земель, и именно его оставляет за собой, вступая в права наследства, Андрей Дмитриевич. Левобережные владения Лаптева восстанавливаются достаточно просто, поскольку с. Крохино и с. Великоселье обозначены на плане Генерального межевания (рис. 79). Сложнее определить размеры владений на правом берегу Шексны, то есть территорию Среднего погоста. Его западная граница находилась в районе истока Шексны из Белого озера. Восточную границу, проходившую, судя по описанию, по р. Турбай, локализовать нельзя, поскольку это название нигде больше не встречается. Но вряд ли можно сомневаться в том, что территория Старого города либо входила в землевладения Лаптева, либо располагалась в непосредственной близости. В связи с этим весьма примечательным является полное отсутствие в документе каких-либо сведений о Старом городе, топонимов, говорящих о его существовании. Люди, жившие в XV в. в непосредственной близости от Старого Белоозера, уже не помнят о нем, указывая лишь на два поселения, находящиеся на

правом берегу Шексны, — Средний погост и Троицкий Усть-Шехонский монастырь. По-видимому, наиболее правдоподобным объяснением этому является отождествление Среднего погоста, принадлежавшего «боярскому сыну» Лаптеву, и «старого городка», сожженного новгородцами в 1398 г. Таким образом, анализ письменных и археологических материалов позволяет установить, что упоминаемый в летописях в конце XIV в. «старый городок Белоозера» был очень незначительным поселением, принадлежавшим живущему неподалеку от него боярину. Имя города сохранялось за ним, вероятно, лишь по существовавшей некоторое время традиции, согласно которой на Белом озере располагались два городка.

Прослеженная эволюция центрального поселения Белозерья хорошо согласуется с общей динамикой развития края. В то же время для более полного понимания особенностей формирования города необходимо оценить изменения, происходившие в X–XIII вв. в его ближайшей округе. Как уже отмечалось, Белоозеро возникает в неосвоенном районе, вне связи с аграрными поселениями. Действительно, в результате многолетних обследований в ближайшей округе города — в пределах десятикилометрового радиуса от него — зафиксированы всего пять средневековых селищ и два местонахождения (рис. 80). Ни на одном из поселений материалов X в. не выявлено. Более того, хотя четыре селища (Чайка I и II, Косино I и Крохинские Пески III) датированы XI–XIII вв., широта такого определения обусловлена в первую очередь незначительным количеством вещевых находок, обнаруженных при шурфовке и сборах на этих памятниках. На всех селищах, судя по керамическим материалам, наиболее

достоверно и ярко представлен период второй половины XII — XIII в. К этому же времени относится и селище Вогнема I.

Самое близкое из селищ (Крохинские Пески III) располагалось в 0,6 км от города и, в отличие от остальных, было привязано не к берегу Шексны, а к верховьям небольшой р. Никольской, впадавшей в Шексну на территории города. Два следующих по удаленности поселения находились уже в 4–5 км от города. Точное определение площади селищ затруднено, поскольку все они в значительной мере пострадали от затопления или распашки. Максимальная выявленная площадь распространения культурного слоя колеблется от 1500 кв. м (Вогнема I) до 8700 кв. м (Чайка II), составляя в среднем около 4500 кв. м. Можно достаточно уверенно говорить о том, что приведенные цифры отражают состояние этих поселений именно в период второй половины XII — XIII в., который, как было показано при анализе общего развития сельских поселений, является временем наивысшего расцвета региона. На этом фоне размеры пригородных селищ, суммарная площадь которых не превышала 2,2 га, выглядят более чем скромно.

Следовательно, отсутствие сельскохозяйственной округи было характерно для Белоозера не только на стадии его формирования. Ближайшие окрестности города не заселялись, вероятно, и в течение всего XI в. Сеть сельских поселений вокруг города пребывала в зачаточном состоянии даже во второй половине XII — XIII в. — в эпоху наиболее интенсивного развития как самого Белоозера, так и всего Белозерского края. Об этом красноречиво свидетельствует соотношение площади Белоозера и расположенных вокруг него селищ, в котором на долю

города приходится 96% территории и, вероятно, населения этого микрорегиона (рис. 80, 2). Столь явную диспропорцию в темпах роста города и его ближайшей округи вряд ли можно считать результатом естественного хода событий. Очевидно, горожане были крайне заинтересованы в наличии значительной по площади собственной зоны промысловых и сельскохозяйственных угодий, особенно на начальных этапах развития Белоозера. Существование такой необходимости стало, вероятно, основной причиной, сдерживавшей формирование сети сельских поселений в ближайшей округе города.

Совершенно иную картину мы наблюдаем при изучении района возникновения города Белозерска (рис. 65; рис. 80). Шесть расположенных здесь древнерусских селищ образуют Мазсинско-Белозерский куст — наиболее крупный по площади из всех, зафиксированных в регионе. Помимо этих поселений, в десятикилометровую зону с центром на месте будущего Белозерска входят еще два небольших памятника, расположенные в устье соседней с Мазксой речки Куность. Одно из них — поселение Куность V — по керамическому материалу датируется XI–XII вв., хотя нельзя исключать наличия здесь материалов X в. Селище Куность IV, где получена более многочисленная керамическая коллекция, существовало в XII–XIII вв.

Развернутая характеристика входящих в куст поселений дана в главе о микрорегиональном расселении. Поэтому отметим только те обстоятельства, которые являются существенными для рассматриваемой темы. Первые поселения в этом районе возникают в тот же период, что и город Белоозеро. Материалы X в. надежно фиксируются на двух селищах — Бе-

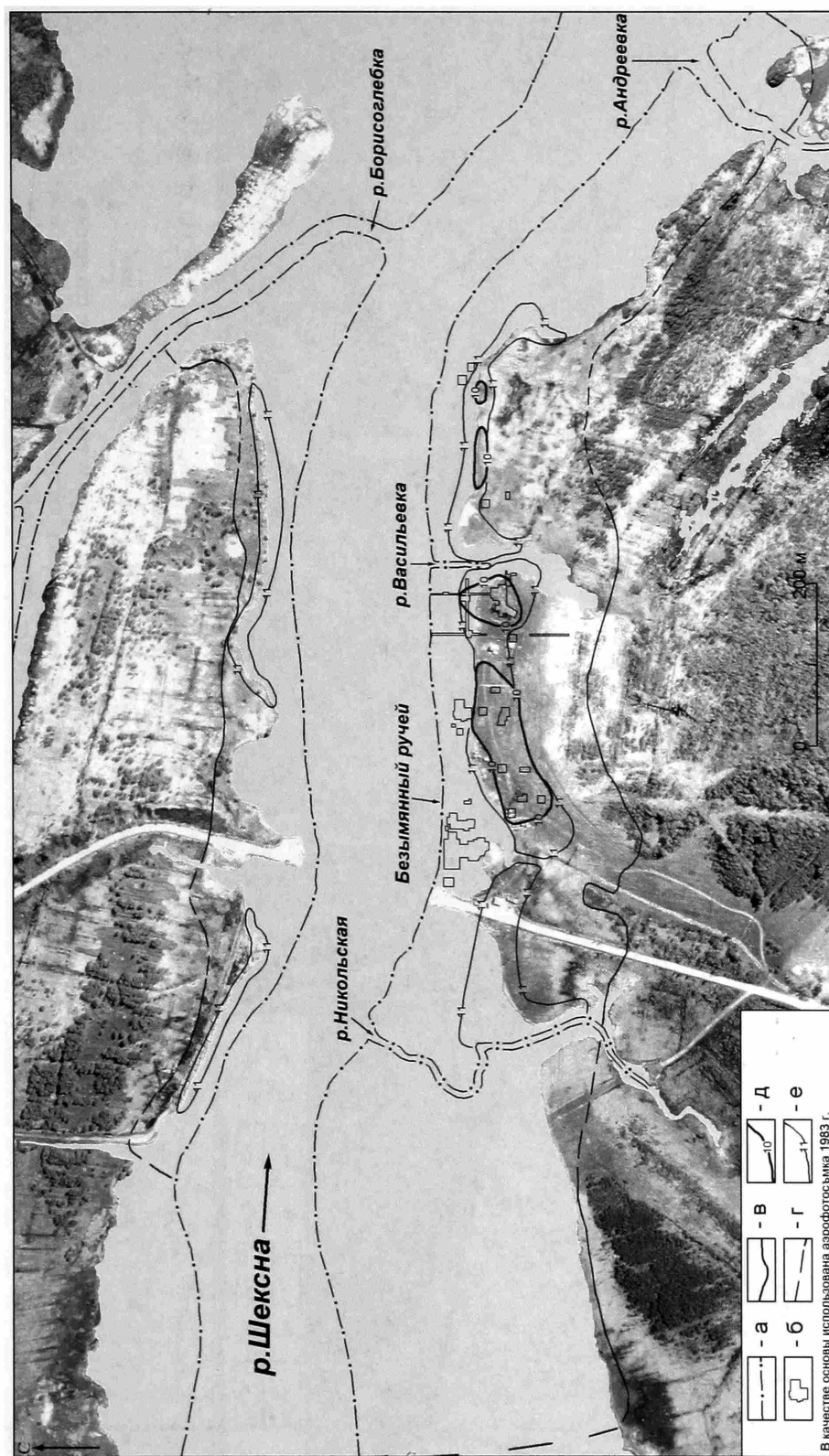

Рис. 77. Территория Белоозера в X и XI вв.

а — берега рек до затопления; б — раскопы Л. А. Голубевой; в — точно установленные границы распространения культурного слоя; г — предполагаемые границы распространения культурного слоя; д — территория города в X в.; е — территория города в XI в.

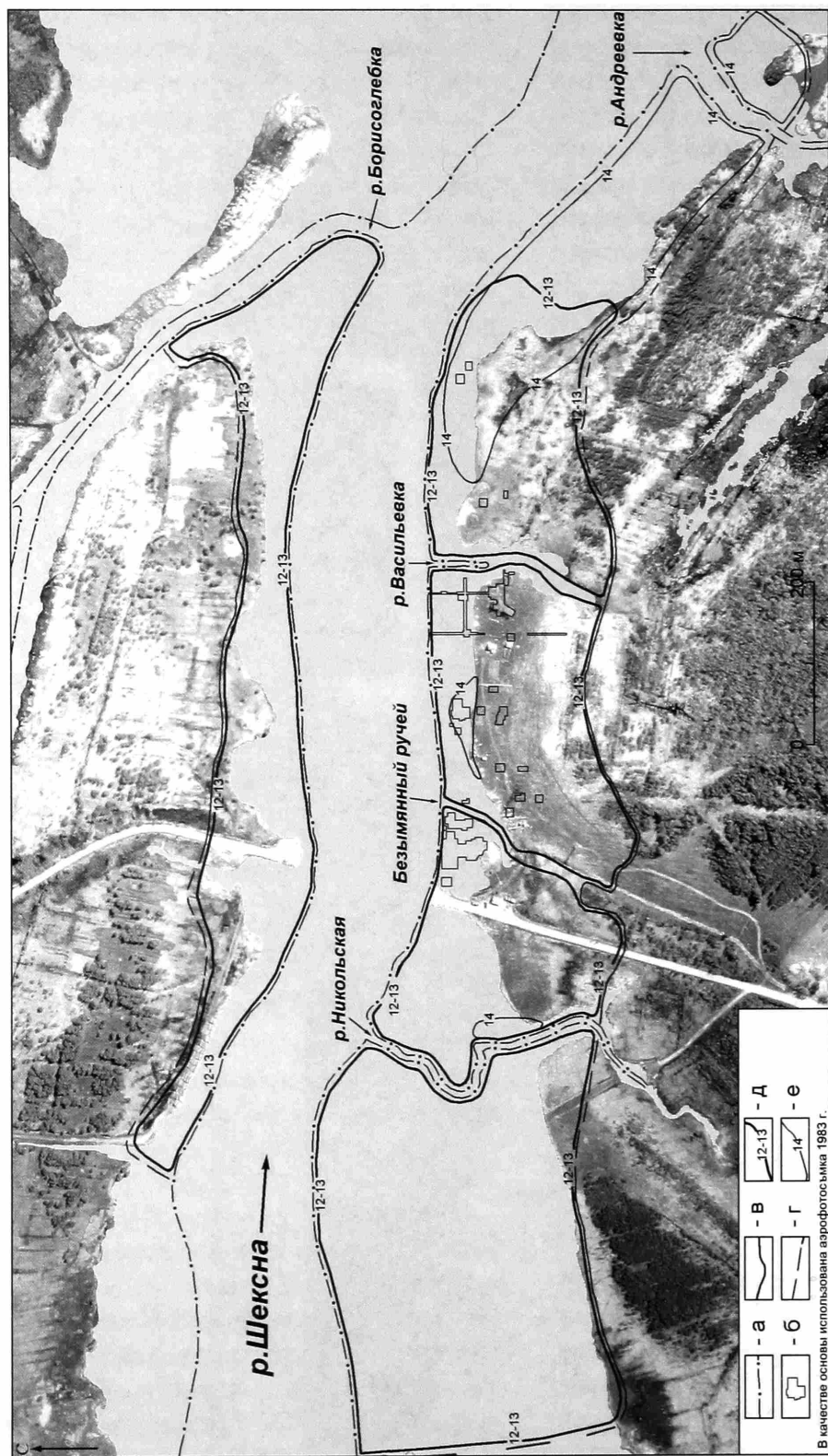
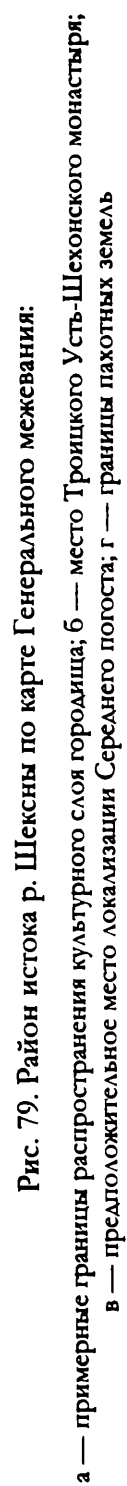

Рис. 78. Территория Белоозера во второй половине XII — начале XIII и XIV вв.:

а — берега рек до затопления; б — раскопы Л. А. Голубевой; в — точно установленные границы распространения культурного слоя; г — предполагаемые границы распространения культурного слоя; д — территория города в XII — начале XIII в.; е — территория города в XIV в.

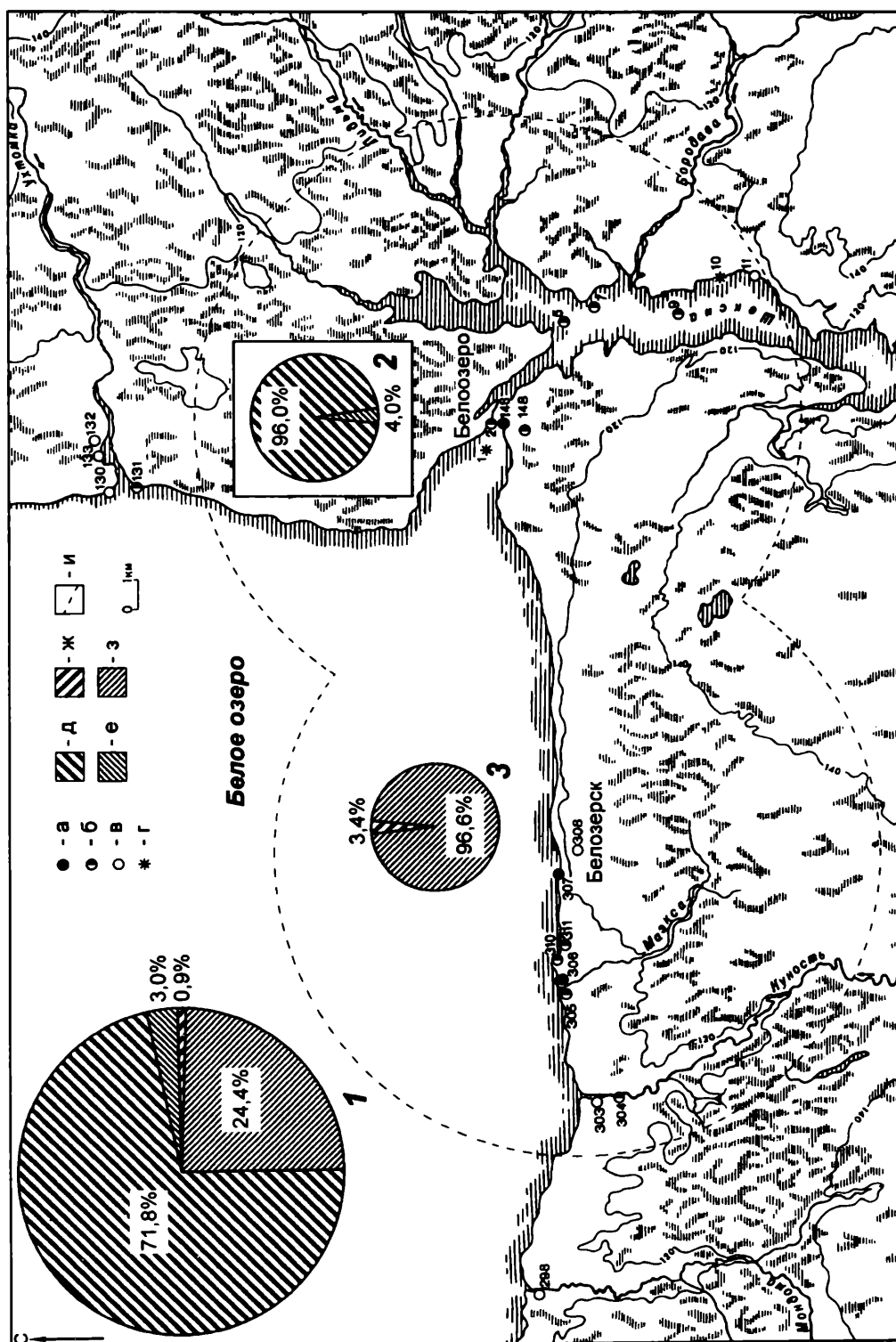

Рис. 80. Археологические памятники в ближайших окрестностях Белоозера и Белозерска.

1-3 — диаграммы распределения площадей памятников XII-XIII вв. в ближайшей окрестности Белоозера и Белозерска:

1 — общая; 2 — Белоозеро и окрестности; 3 — поселение в Белозерском кремле и окружающие селения;

а — поселения X-XIII вв.; б — поселения XI-XIII вв.; в — поселения XII-XIII вв.; г — местонахождения;

д — Белоозеро; е — селения в ближайшей окрестности Белоозера; ж — поселение в Белозерском кремле;

з — селения вблизи поселения в Белозерском кремле; и — границы зон с 10-километровыми радиусами

лозерский порт и Маэкса II. К сожалению, плохая сохранность культурного слоя не позволяет определить размеры ранних поселений, но о значении одного из них — селища, располагавшегося в устье р. Маэксы, — можно судить по составу вещевой коллекции. Здесь найдено не менее 7 фрагментов дирхемов. Арабские монеты довольно редко встречаются на белозерских поселениях. Сопоставимые по размерам серии обнаружены лишь в двух пунктах — на самом Белоозере (9 находок) и городище Крутик (13 монет).

Находки XI в. достоверно присутствуют на трех селищах, еще на трех — этот период выражен менее отчетливо. Заметный рост данной группы поселений начинается в XII в. Вещевой материал XII–XIII вв. представлен на всех памятниках. Три поселения — Белоозерский порт, Маэкса I и Маэкса II — существенно выделяются по своим размерам. Последнее из них, занимавшее около 11 га, является крупнейшим селищем региона. И именно в это время, в середине XII в., на одном из отрогов моренного гребня на высоте около 30 м над уровнем озера и 700 м от его берега возникает еще одно поселение.

Площадь поселения XII–XIII вв. в Белоозерском кремле, по определению авторов раскопок, вскрывших здесь около 100 кв. м, составляла примерно 0,65 га. (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 187). Вероятно, данная цифра отражает его полные размеры, поскольку шурфами была охвачена практически вся территория кремля. Не удалось выявить ранние материалы и в разведочной траншее, заложенной Л. А. Голубевой в северо-восточной части кремля (Голубева Л. А., 1973, с. 59). Вещевая коллекция, полученная при работах 1989–92 гг., помимо не-

скольких железных ножей и сапожных подковок, включает в себя шиферные пряслица, единичные стеклянные бусы, обломки костяных гребней, фрагмент удил, светец (Хворостова Е. А., А-1989, 1990, 1991, 1992).

В средневековом культурном слое поселения благодаря избыточной влажности сохраняются остатки деревянных сооружений. В разведочной траншее, располагавшейся у восточной стены Спасо-преображенского собора, были прослежены практически на материке три линии бревен, сохранившиеся на 1–2 венца. Они лежали поперек траншеи и уходили за ее пределы. С двух сторон от одного из бревен выявлены остатки бревенчатых настилов. Кроме того, у каждой линии было расчищено по одному столбу, не перевязанному с бревнами. Спил с одного из таких столбов дал дату порубки непосредственно после 1145 г. (отсутствуют внешние кольца). С. А. Шаров и Е. А. Хворостова интерпретировали эти конструкции как внутривальные, а само поселение как крепость, являвшуюся политическим центром края, местом расположения княжеской администрации независимого Белоозера (Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 186–188). К сожалению, малая ширина траншеи (2 м) и значительная поврежденность культурного слоя поздними перекопами заставляют рассматривать предложенную авторами раскопок интерпретацию лишь как один из возможных, но весьма гипотетичный и слабо обоснованный вариант реконструкции. Сами сооружения более всего напоминают остатки постройки (или построек) с бревенчатым полом. Традиция устройства бревенчатых полов неоднократно фиксировалась при раскопках Белоозера. Такие полы встречены как в се-

нях жилых домов, так и в хозяйственных сооружениях, в том числе близких по времени строительства к рассматриваемым конструкциям (Голубева Л. А., 1973, с. 89, рис. 25, постр. 16, 10; с. 103, рис. 35, постр. 18). Можно видеть в них и остатки постройки с замощенным двором. В любом случае, недостаток информации исключает возможность однозначного определения характера выявленных сооружений. Поэтому вопрос о существовании крепости на территории Белозерского кремля в XII–XIII вв. остается открытым. Решить его могут лишь дальнейшие археологические раскопки. Не подтверждает особый статус поселения и состав находок, который даже на фоне материалов из селища Маэкса II выглядит чрезвычайно скромно.

Едва ли такое поселение может претендовать на роль политического центра края в XII–XIII вв. Особенно если учесть, что вторая половина XII — начало XIII в. — время наивысшего расцвета города у истока Шексны. Здесь обнаружены практически все категории находок, встреченные при раскопках других древнерусских городов. Вещевая коллекция демонстрирует яркий, несомненно городской характер материальной культуры Белоозера. Бесспорным доказательством наличия в городе административных институтов является значительная по объему серия сфрагистических материалов. Определенное представление о соотношении масштабов этих поселений дает подсчет общей площади памятников XII–XIII вв. на южном берегу Белого озера и в истоке Шексны (рис. 80, 1). Белоозеро в этот период концентрировало почти 3/4 территории и, очевидно, людских ресурсов района, в то время как доля поселения в Белозерском кремле составляла менее 1%. Таким об-

разом, по имеющимся на сегодняшний день данным, это поселение достоверно отличалось от окружающих его селищ XII–XIII вв. лишь особенностями своего топографического расположения.

В то же время существование раннего поселения на месте Белозерского кремля в свете дальнейшего развития региона выглядит весьма примечательным. Преобразования, происходившие в крае во второй половине XIII — XIV в., фиксируются не только при анализе системы сельского расселения. Это период стал временем зарождения нового центра края, формирующегося именно здесь — на южном берегу Белого озера. К сожалению, археологические материалы, полученные при исследованиях в г. Белозерске, пока не позволяют детально охарактеризовать этапы становления города. Напластования второй половины XIII — XIV в. не выявлены не только в кремле, но и на остальной территории Белозерска. Наличие застройки XIV–XV вв. достоверно зафиксировано лишь за пределами крепости 1488 г. — вдоль берега озера, на первой прибрежной террасе (Шаров С. А., Хворостова Е. Л., 1996, с. 183). Но размеры поселения, мощность и характер отложений XIV в. остаются неясными.

Отмеченные лакуны в истории Белозерска не дают возможности четко определить время перемещения административного центра Белозерского края. Вместе с тем, анализ письменных источников, с учетом результатов, полученных при изучении динамики развития Белоозера, позволяет наметить вероятные хронологические рамки этого процесса. Дата его полного завершения устанавливается достаточно точно. Уже цитированное сообщение Новгородской первой летописи 1398 г. однозначно свидетельствует о том,

что в конце XIV в. местом расположения княжеской администрации был «новый городок» — Белозерск. Менее конкретные сведения можно извлечь из письменных источников при попытке выяснить время начала такой трансформации. Определенным рубежом в организации административного управления края мог стать период формирования независимого Белозерского княжества. Первый и наиболее известный белозерский князь Глеб Василькович, многократно упомянутый в летописях, являлся крупной политической фигурой XIII в. Получив свой удел в малолетнем возрасте, князь вступил в полноправное владение им, вероятно, в 1251 г., когда по сообщениям летописей «Глеб Василькович... иде на Белоозеро в свою отчину» (ПСРА, т. 10, с. 138). И все же летописные записи, повествующие о деятельности князя, несмотря на всю их многочисленность, не содержат указаний на точное местоположение стольного города вотчины Глеба.

Но Глеб Василькович оставил заметный след не только на страницах общерусских летописей. С ним связан ряд исторических сказаний, имевших широкое хождение в Белозерском крае. Народные предания в числе других деяний приписывают Глебу основание двух монастырей в Белозерье — Спасо-Каменного на Кубенском озере и Троицкого Усть-Шехонского, располагавшегося в ближайших окрестностях Старого города (рис. 79). Сказание об этом монастыре, содержащее ряд сведений о жизни Глеба Васильковича и истории Старого Белоозера, стало недавно предметом специального рассмотрения (Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А.,

1999). Проведенные авторами изыскания показали, что первая дошедшая до нас краткая редакция Сказания, входившая в состав «Указа о кормах» Усть-Шехонского монастыря, была записана в конце XVI в. Во второй, более пространной редакции, созданной в 1620 г., местом княжения Глеба называется «град Белоозеро... на усть Шексны реки», а местом его погребения — соборная церковь Василия Кесарийского в этом городе². Один из списков второй редакции, обнаруженный Н. А. Охотиной-Линд в РГБ³ и датированный второй четвертью — серединой XVII в., дополнен рисунком, сделанным, скорее всего, рукой самого писца (рис. 81). Рисунок схематически передает соотношение Старого Белоозера и Белозерска. На левом рисунке (л. 183 об.) изображена территория Старого города: «речка Васильевка», «река Шексна» и «часовня где почивает благоверный князь Глеб Василькович Белоозерский / гроб князя Глеба». В верхней части листа — последняя строчка Сказания: «князь Глеб Василькович державец града сего». На правом (л. 184) — изображение крепости города Белозерска с двуглавой церковью в центре и линия, показывающая, вероятно, берег Белого озера.

Текст ранней части Сказания, относящийся ко времени княжения Глеба Васильковича, содержит значительное количество несоответствий, заставляющих признать его хронологически недостоверным. Предание о погребении Глеба на Белоозере носит легендарный характер, поскольку, согласно летописям, он был похоронен в Ростове (ПСРА, т. 10, с. 156). Возможно, источником этой легенды ста-

² В краткой редакции местоположение церкви Василия не уточняется.

³ РГБ, ф.178, № 3445.

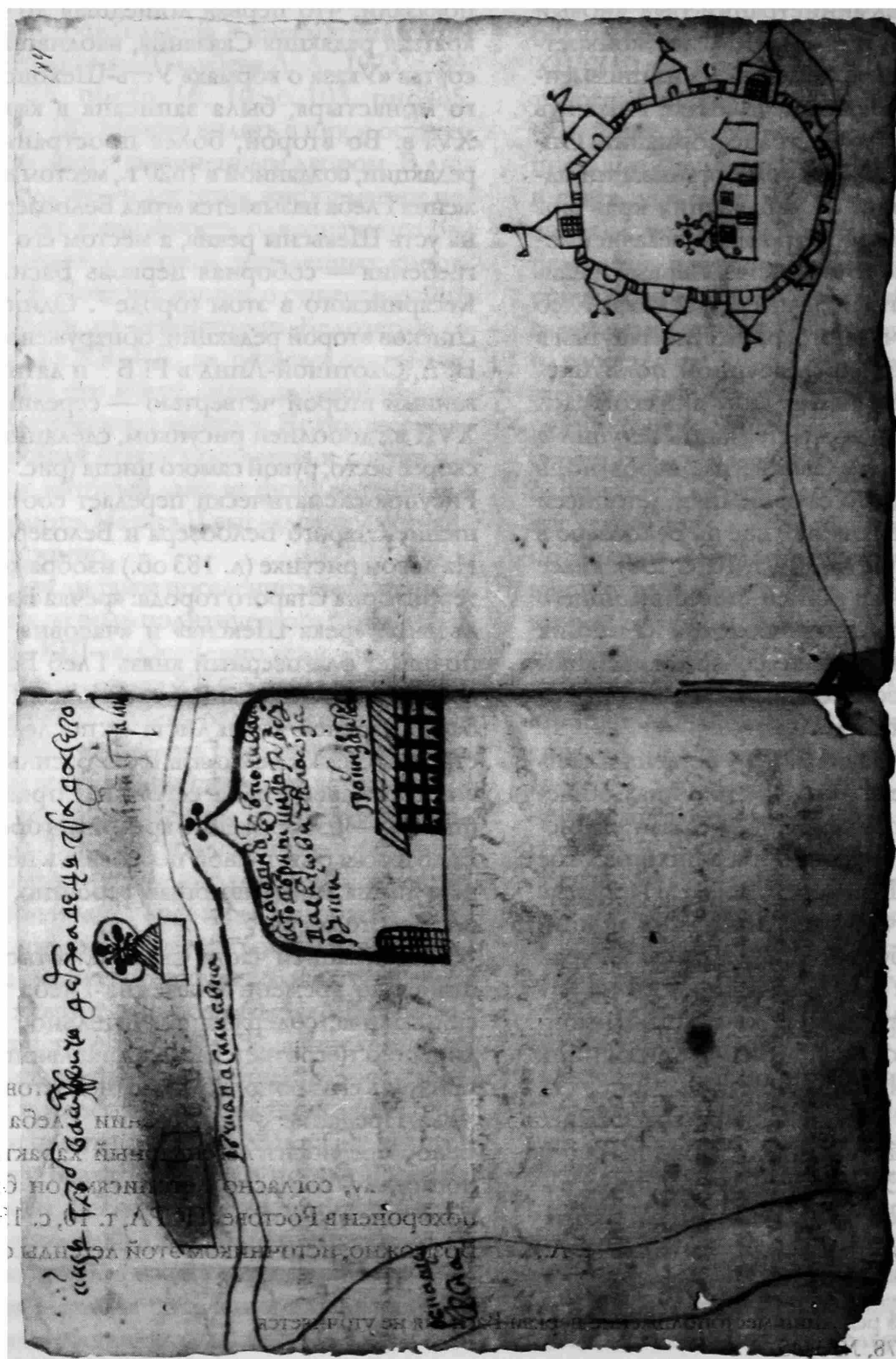

Рис. 81. Рисунок, сопровождающий список «Сказания о Троицком Усть-Шехонском монастыре».

Рукописный сборник, РГБ, фонд 178, № 3445, л. 183 об.-184

ли малопонятные действия ростовского епископа Игнатия, повелевшего через девять недель после смерти Глеба «изринути» тело князя «поругана и бесчестна из церкви... и... просто закопати его... в монастыре святого Спаса» (Там же). Вместе с тем, включение произведения в состав «Указа о кормах» Усть-Шехонского монастыря и сам характер текста краткой редакции позволили авторам публикации высказать предположение о том, что в его основе лежали реально существовавшие поминальные записи о Глебе Васильковиче и его наследниках — ктиторах этого монастыря. По-видимому, монастырь действительно был основан белозерскими князьями, что повышает доверие к общей канве описанных в Сказании событий. Изложенная гипотеза до некоторой степени подтверждается находками на территории монастыря, ныне размытой водами Волго-Балта, керамики с характерной для XIII–XIV вв. профилировкой (поселение Крагулино; Приложение II, №174). Не настаивая на безусловной достоверности этой гипотезы, можно уверенно констатировать другой факт. По крайней мере в начале XVII в. для жителей Белозерска и его окрестностей, где Сказание, судя по количеству редакций и списков, было весьма популярно, имя Глеба Васильковича прочно связывалось именно с Белоозером — центром его вотчины. Поэтому с известной долей осторожности можно полагать, что перемещение административного центра края происходило уже после смерти Глеба, при его приемниках.

Такое предположение полностью соответствует хронологии последних этапов существования Старого города, установленной при анализе археологических материалов. Явная деградация Белоозера по

этим данным приходится на первую половину XIV в., когда резко сокращается площадь застройки и падает интенсивность жизни в городе. Очевидно, именно в это время — в первой половине XIV в. — центром Белозерского княжества становится новый белозерский «городок» — Белозерск.

Радикальные изменения, происходившие в Белозерье во второй половине XIII — XIV в. и отчетливо прослеженные при изучении сельского расселения, нашли свое, вероятно, самое яркое отражение в судьбе центрального поселения края. Возникнув в незаселенном районе и не имея развитой аграрной окрестности, Белоозеро было прочно вписано в ту систему экономики, которая в X–XIII вв. позволяла динамично развиваться как городу, так и всему региону. В ее основе лежал комплексный характер хозяйства, значительная товарность которого обеспечивалась в первую очередь не земледелием, а высокой продуктивностью разнообразных промыслов. Особая эффективность такого хозяйственного уклада способствовала формированию определенной системы расселения, которая в Белозерье достигла своего расцвета в XII–XIII вв. Последовавший за этим кризис, обусловленный, вероятно, ощутимым истощением промысловых ресурсов окружающих территорий и уменьшением их продуктивности, потребовал изменения сложившейся структуры хозяйства. И если в сельских районах этот кризис выразился в кардинальной перестройке системы расселения, направленной на увеличение в экономике удельного веса аграрного сектора, то для города смена хозяйственного уклада оказалась губительной. Не имея возможности для

развития в новых условиях, Белоозеро угасает.

Следствием упадка Старого города стало формирование нового центра края, возникающего всего в 15 км к западу от него, но расположенного в совершенно иных топографических и ландшафтных условиях. Как отмечалось выше, южный берег Белого озера уже в XII–XIII вв. был плотно заселен и освоен, существенно выделяясь по этим показателям даже на региональном уровне. И хотя упадок второй половины XIII — XIV в. фиксируется здесь так же отчетливо, как и на остальной территории Белозерья, исключительно высокая концентрация людских и материальных ресурсов предшествующего периода, стала, вероятно, основой для активного развития района в новых исторических условиях. На этом фоне сам факт создания поселения на месте Белозерского кремля, топография расположения которого, резко отличаясь от топографии окружающих селищ XII–XIII вв., полностью отвечает новым требованиям, представляется весьма знаменательным. Моренно-холмистые ландшафты в окрестностях Белозерска, способные удовлетворить возникшую потребность в значительном расширении сельскохозяйственных угодий, являлись районом интенсивного заселения в XIV–XV вв. Эти обстоятельства позволяют говорить, что процесс становления Белозерска во многом соответствует известному представлению о возникновении городов в густонаселенных сельскохозяйственных районах в связи с внутренними потребностями их развития.

Формирование новой системы расселения детально прослежено А. И. Копаневым, создавшим капитальный труд по истории землевладения в Белозерском крае в XV–XVI вв. (Копанев А. И., 1951).

Составленные им карты, основанные на данных писцовых книг, разнообразных актов, духовных и договорных грамот, раскрывают процесс активного освоения новых территорий, которые в предшествующую эпоху не были заселены. По данным А. И. Копанева, в интересующем нас районе бурный рост количества деревень в XV–XVII вв. происходит главным образом в окрестностях Белозерска, в то время как в районе истока Шексны их число остается практически неизменным (рис. 82). Наиболее наглядно такое положение отражено на карте середины XIX в., составленной Ф. Ф. Шубертом (рис. 83), где новая система расселения зафиксирована в полностью сложившемся и устоявшемся виде. Густая сеть деревень, тянувшихся широкой полосой по возвышенным участкам Белозерской гряды, резко контрастирует с малой численностью поселений, расположенных в долине Шексны в ее верхнем течении. Об ограниченных возможностях для занятия земледелием в ближайших окрестностях Белоозера, помимо картографических материалов, свидетельствуют данные первой половины XIX в. По сведениям Н. Богословского, в расположенном рядом с территорией Старого города Крохинском посаде в это время проживало 1334 человека. Доля пахотной земли, охватившей практически все пригодные для земледелия участки, составляла в общем объеме принадлежавших посаду земель около 21% (рис. 79). При этом собственным хлебом удовлетворялась лишь 1/3 потребности, 2/3 хлеба приходилось покупать (Новгородский сборник, с. 41, 42, 46, 53). Расцвет посада Крохино в XVIII — первой половине XIX в., когда его жителям были дарованы городские права, связан со значительным возрастанием в это вре-

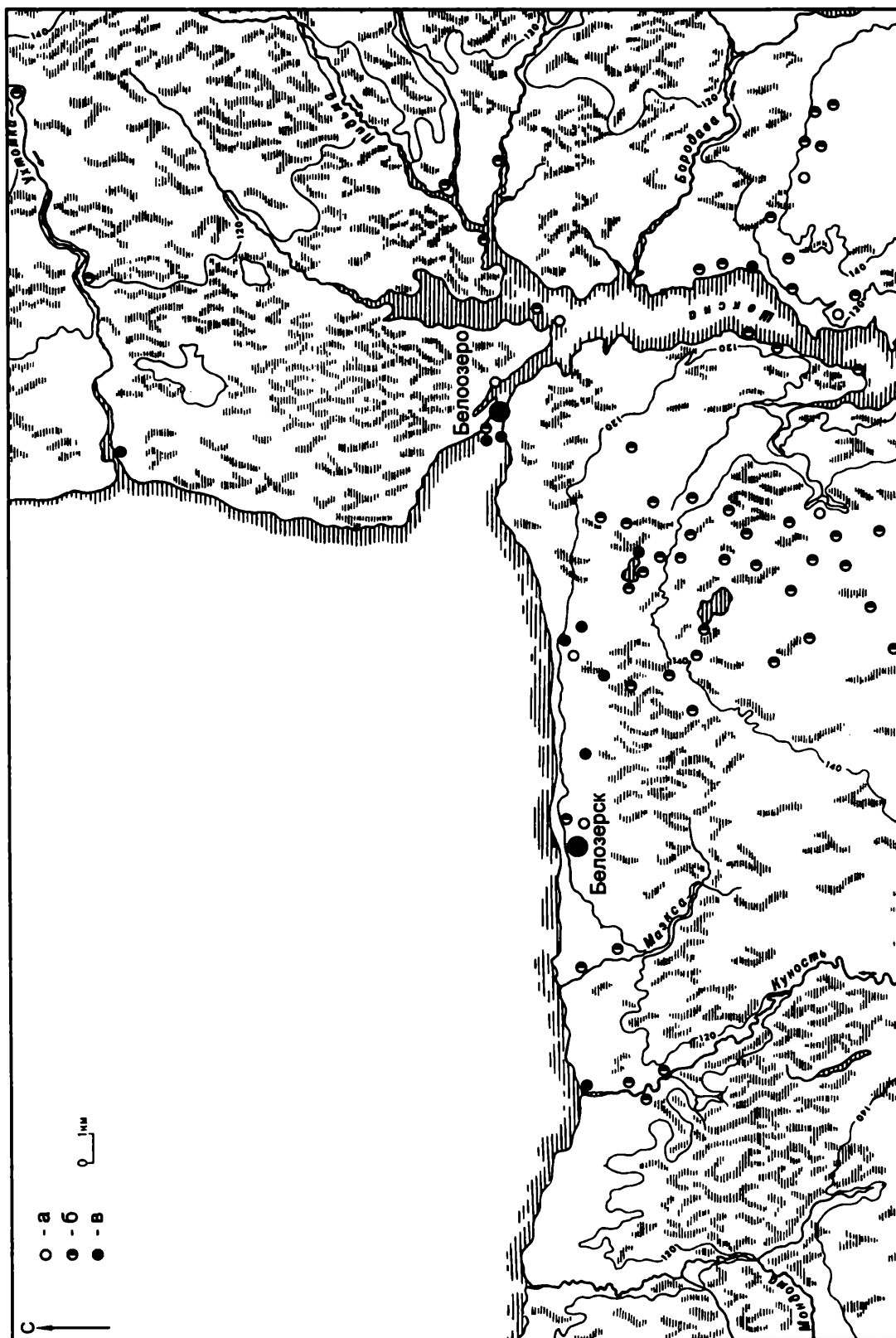

Рис. 82. Поселения XV–XVII вв. в окрестностях Белоозера и Белозерска по А. И. Копаневу:

а — поселения XV–XVI вв.; б — поселения XVI–XVII вв.; в — поселения XV–XVII вв.

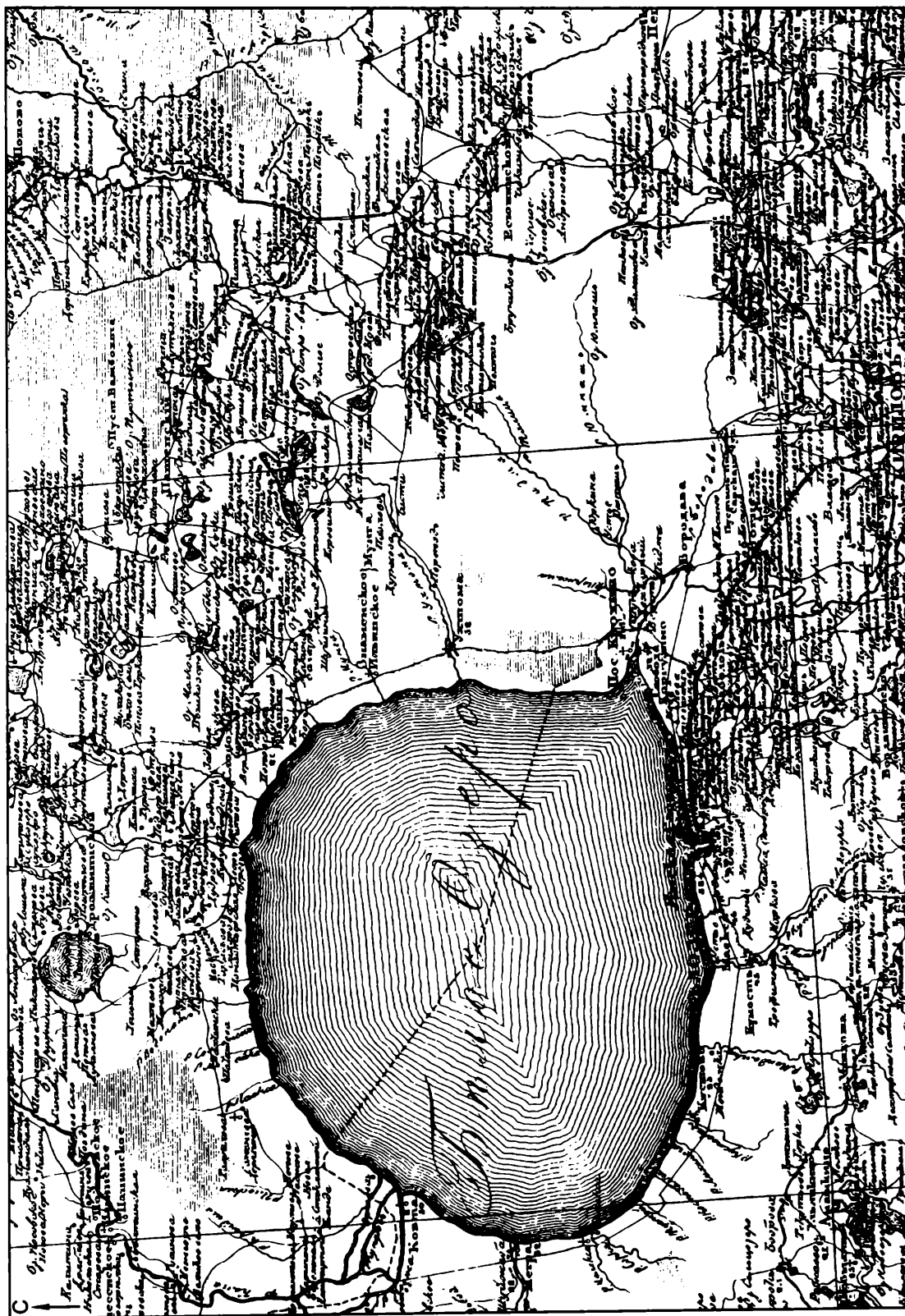

Рис. 83. Поселения вокруг Белого озера в первой половине XIX в. Фрагмент «Топографической специальной карты западной части Российской империи», составленной Ф. Ф. Шубертом, по изданию 1859 г.

мя объемов торговли, идущей по водным путям. В Крохино располагалась удобная пристань, где отстаивались корабли в ожидании благоприятных условий для прохождения Белого озера, судоходство по которому было сопряжено со значительными трудностями. Строительство в 1846 г. обводного канала, проходившего через Белозерск, благодаря которому суда

могли избежать выхода в озеро, стало причиной быстрого упадка посада. С. А. Шевырев, побывавший в Крохино на следующий год после завершения строительства, писал: «Крохин посад, со времени устройства канала, потерял все свое торговое значение, какое имел прежде. Белозерск совершенно победил его» (Шевырев С., ч. II, с. 88).

7. ВЕСЬ И СЛАВЯНЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ

Вопрос о расселении финно-угорских племен, перечисленных в Повести временных лет, и о соотношении этих ареалов и районов древнейшей славянской колонизации на северо-западе и северо-востоке традиционно рассматривается как одна из важнейших тем начальной русской истории. Составление подробных археологических карт ряда территорий в центре и на севере Европейской России и выявление в ряде районов пласта памятников, непосредственно относящегося к эпохе становления Древнерусского государства — IX–X вв. — позволяет с новых позиций подойти к изучению этой проблемы и в ряде случаев существенно скорректировать сложившиеся представления о географии и плотности финно-угорского расселения (Леонтьев А. Е., 1996).

Пожалуй, никто из историков не ставил под сомнение достоверность летописного сообщения «А на Беле озере седять весь» и возможность его «буквального» толкования. Полевые исследования 1940 — первой половины 1980-х гг. в районе Белого озера открыли для археологии значительный пласт финно-угорских древностей, хорошо соотносимый с летописными известиями о веси, обитающей на Белом озере. Начав раскопки Старого города — Белоозера — исторического

центра Белозерского края, Л. А. Голубева собрала в нижнем его горизонте выразительные финно-угорские материалы: лепную керамику неславянских форм со штампованным орнаментом, несвойственным для славянской посуды, ряд украшений и бытовых вещей финно-угорского облика. Исследовательница связала эти материалы, датированные ею второй половиной X в., с поселком веси, предшественником древнерусского города Белоозера (Голубева Л. А., 1973, с. 57–88). Во второй половине 1970-х гг. в верхнем течении Шексны, примерно в 25 км к юго-востоку от Белоозера, было раскопано поселение Крутик с необычайно ярким и выразительным комплексом финно-угорских древностей второй половины IX–X вв., практически не затронутых славянским влиянием (Голубева Л. А., Кочуркина С. И., 1991). Несколькими годами позже вокруг Белого озера, в устьях впадающих в него малых рек и речек и на малых озерах, была открыта целая серия неукрепленных поселений с лепной керамикой, близкой керамике Крутика и Белоозера (Макаров Н. А., 1988). Одновременно начались раскопки грунтовых могильников XI–XIII вв., культура которых характеризуется смешением финно-угорских и славянских элементов с постепенной трансформацией ее в

один из локальных вариантов древнерусской культуры (Макаров Н. А., 1990). Таким образом, археологический материал подводил исследователей к созданию археологической версии этнокультурной истории Белоозера, в точности соотносимой с летописной: во второй половине — конце I тыс. н. э. на Белом озере формируется одна из племенных группировок веси, племенным центром которой было древнейшее поселение на месте города Белоозера (или поселение Крутик), с конца X — XI в. племенная территория веси попадает в зону славянской колонизации, следствием которой стала ассимиляция части веси, оставшейся на Шексне и Белом озере, и уход на запад (на Суду и Оять) другой ее части, сохранившей здесь свою этническую идентичность. На самом Белом озере в XI в. формируется один из форпостов славянской колонизации северных окраин. Эта версия казалась особенно убедительной с учетом материалов другого озерного района — района озера Неро, где, как показали археологические исследования последних лет, на компактной территории площадью размером 20 x 20 км в VII–IX вв. была сосредоточена большая группа финно-угорских поселений, соотносимая с ростовской мерей, а позднее вырос древнерусский город Ростов — важнейший политический центр Северо-Восточной Руси (Леонтьев А. Е., 1988).

Казалось бы, для полного утверждения этой картины предстояло лишь немного пополнить археологические материалы: составить более подробное представление о «весских» памятниках Белого озера, относящихся к периоду IX–X вв., предшествовавшему широкой славянской колонизации. Однако именно эта задача оказалась трудновыполнимой, и взявшись

за ее решение, я вынужден пересмотреть традиционное представление о Белом озере как о центре весского ареала. Другой, не менее важной отправной точкой для подобного пересмотра можно считать археологические материалы, полученные во второй половине 1980-х — первой половине 1990-х гг. А. Н. Башенькиным в бассейне Суды и Мологи.

После многолетних разведок на территориях вокруг Белого озера и в верхнем течении р. Шексны можно сделать вывод, что на этой территории в IX–X вв. существовало сравнительно небольшое число финских поселений. Подробное обследование селищ с лепной керамикой, украшенной штампованным орнаментом, показало, что на большинстве поселений она найдена вместе с круговой древнерусской керамикой XI–XIII вв. и датирующими вещами этого периода — ножами с широким плоским лезвием, шиферными пряслицами, зонными бусами, крестами-тельниками. Чистые комплексы лепной керамики IX–X вв. представлены лишь на 20 поселениях, на 12 поселениях представлены комплексы, датируемые в более широких хронологических рамках X–XI вв. Еще 9 поселений с керамическими комплексами того же времени и 6 поселений, датируемых в более широком хронологическом диапазоне X–XI вв., выявлены А. В. Кудряшовым несколько южнее — на Азатском озере и Андозере. (рис. 32). В трех могильниках зафиксированы погребения по обряду кремации, относящиеся к X в., можно предположить, что этим же временем датируются и 3 одиночные сопки на р. Кеме. Очевидно, в ходе разведок удалось обнаружить далеко не все могильники с кремациями, что же касается поселений IX–X вв., то большинство из них, безусловно, выявле-

но, и предполагать, что их число значительно увеличится, не приходится.

Среди поселений X в. на Белом озере и Верхней Шексне лишь 3 крупных памятника с площадью 6–10 тыс. кв. м (Крутик, Васютино, Белоозеро), площадь большинства остальных не превышает 2–3 тыс. кв. м. Численность населения, оставившего эту хронологическую группу памятников, не могла быть значительной.

Отметим, наконец, что у нас нет конкретных доказательств весской этнической принадлежности всех памятников X в. на Белом озере. Атрибуция их как весских основывается на ярких материалах нескольких наиболее исследованных памятников (Крутик, Усть-Ситское VI) и на общей оценке этнокультурной ситуации на Белом озере в этот период. В действительности вполне вероятно, что ряд памятников, например, сопки у д. Новое Село и городище Никольское I на р. Кеме или погребальное сооружение Крохинские Пески II вблизи летописного города Белоозера, оставлены иными этническими группами или смешанным населением.

Таким образом, современные археологические данные о финских памятниках IX–X вв. на Белом озере не дают основания считать, что здесь находилось основное ядро племенной территории веси. Эта небольшая группа памятников едва ли соответствует летописным характеристикам веси как одного из главных участников событий, связанных со становлением Северной Руси.

Иная картина зафиксирована в бассейне Суды, Чагодоши и Средней Мологи, где в 1980–1990-х гг. А. Н. Башенькиным выявлено около 120 памятников I тыс. н. э. и раскопана выразительная серия финно-

угорских могильников этого времени. К сожалению, основная часть этого материала еще не систематизирована и не введена в научный оборот, но и имеющихся публикаций достаточно, чтобы убедиться, что культурная ситуация в этом регионе существенно отличалась от ситуации на Белом озере и Шексне. Одним из наиболее характерных типов памятников в этом регионе можно считать грунтовые могильники с кремациями и наземные погребальные сооружения, получившие название «домики мертвых» (рис. 84, 85). На Суде и Мологе открыто в настоящее время около полутора десятка подобных сооружений, относящихся ко времени с конца I тыс. до н. э. до X — начала XI вв. (Башенькин А. Н., 1985; Башенькин А. Н., 1989; Башенькин А. Н., 1995). Домики мертвых различаются по своим размерам и конструкциям, некоторые из них представляют собой остатки срубов, внутри которых ссыпались кальцинированные кости и вещи, в других случаях остатки кремации зафиксированы в ровиках с внешней стороны срубов, что указывает, возможно, на первоначальное размещение их на вершине этих сооружений (рис. 85). Некоторые домики мертвых использовались в течение короткого времени и содержали останки лишь нескольких погребенных, другие, как например могильник Путино в низовьях Суды, функционировали в течение нескольких столетий. Наиболее ранние домики мертвых зафиксированы на Мологе, Кабоже и Чагодоше (Куреваниха XVII, Куреваниха XX, Усть-Белая, Чагода I), однако в бассейне Мологи развитие этой культуры прекращается в V в. с появлением памятников культуры длинных курганов, а позднее сопки. По-иному складывается ситуация на Суде, где домики мертвых до-

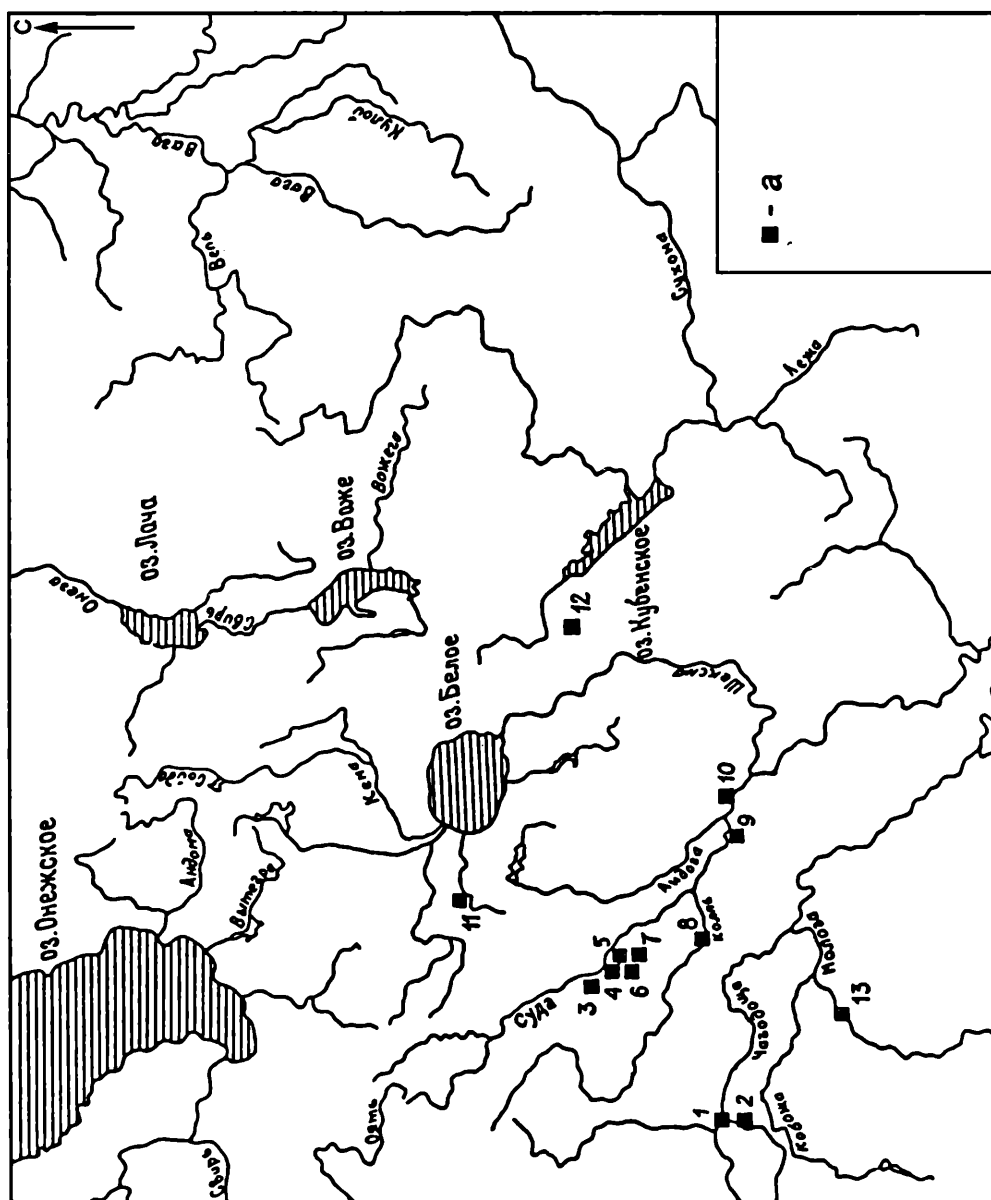

Рис. 84. Погребальные памятники типа «домиков мертвых» и грунтовые могильники с кремациями I тыс. н. э. в районе Белого озера и Моложско-Шекснинского междуречья.

а — погребальные памятники типа «домиков мертвых» и грунтовые могильники с кремациями I тыс. н. э.
1 — Чагода I; 2 — Чагода II; 3 — Никольское IV; 4 — Никольское VI; 5 — Никольское XIII; 6 — Никольское XVII; 7 — Никольское XVI; 8 — Володино; 9 — Заозерье; 10 — Путино; 11 — Устье; 12 — Усть-Ситское VI; 13 — Куреваниха XVII, XX

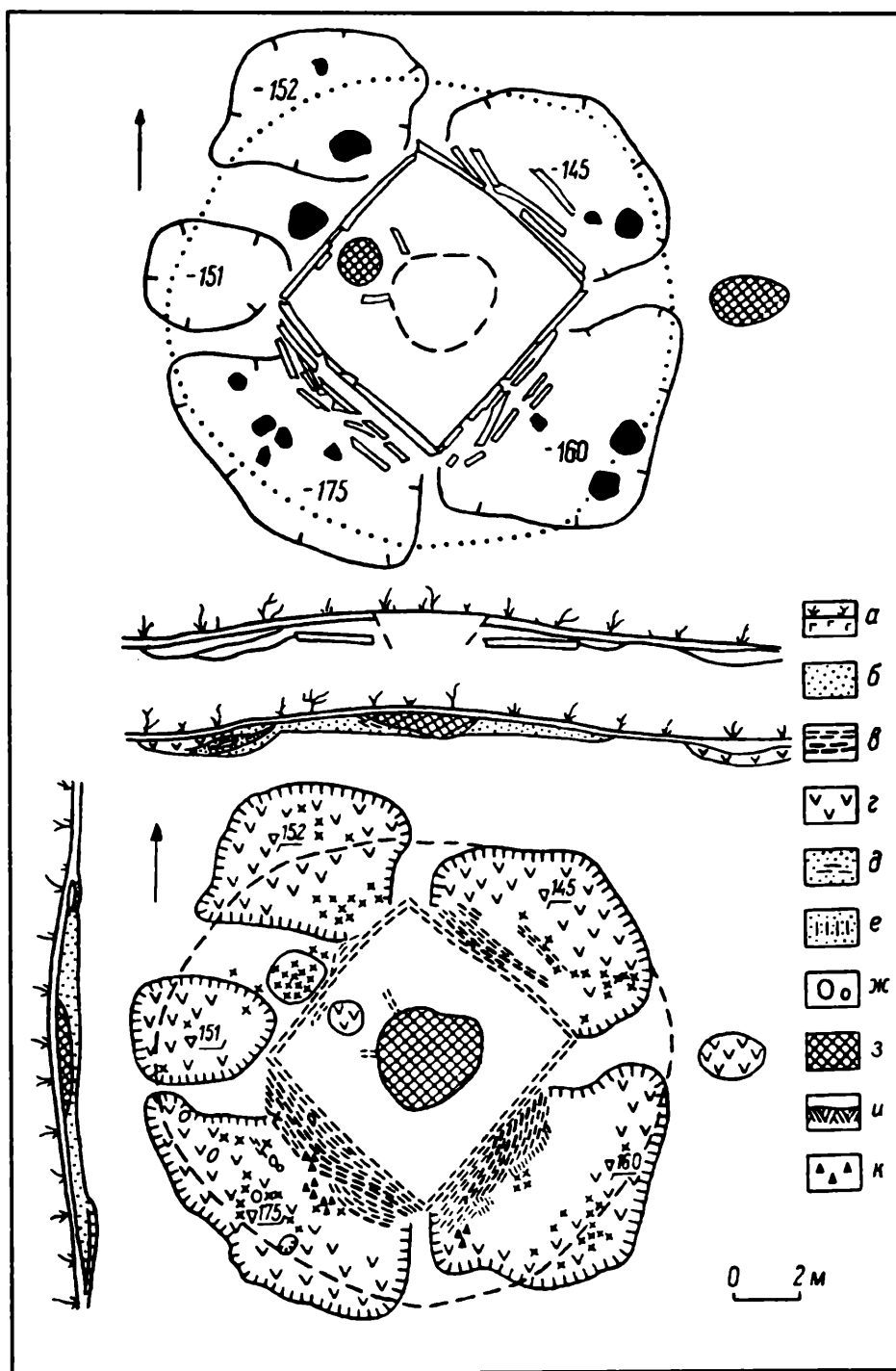

Рис. 85. Погребальное сооружение Никольское V на р. Суде (по А. Н. Башенькину).
План и профили.

а — дерн; б — песок; в — глина; г — уголь; д — лиственный песок; е — погребенный дерн;
ж — камни; аз — смешанный слой; и — материк; к — керамика

живают до начала XI в. (Башенькин А. Н., 1995, с. 19–20). Материалы IX — начала XI в. представлены по меньшей мере на 5 погребальных памятниках этого типа (Никольское IV, Никольское VI, Никольское XIII, Никольское XVI, Путино), точные хронологические позиции еще нескольких (Никольское XVII, Заозерье, Володино) остаются неясными. Существенно, что население, использовавшее для захоронения домики мертвых, возводило и другие типы погребальных сооружений: в бассейне Мологи — полусферические и сопковидные насыпи, на Суде — сопковидные насыпи (Башенькин А. Н., 1992; Башенькин А. Н., 1995).

К востоку от Суды могильники с домиками мертвых единичны (рис. 84). На крайнем востоке Белозерья, на Волоке Славенском, в могильнике Усть-Ситское VI исследовано перекрытое небольшой курганной насыпью кострище со следами четырехугольной деревянной конструкции, окруженной глубокими ямами, в которых находились остатки кремаций. Часть кальцинированных костей находилась и на самом кострище. Вещевой материал из погребений относится к X — началу XI в., близкую дату (920 ± 150 , калиб. 1σ 890 (1004, 1008, 1019) 1210 дает радиоуглеродное датирование. Вторая курганная насыпь в Усть-Ситском VI осталась нераскопанной. Возможно, в такое же погребальное сооружение были помещены остатки кремации в могильнике Устье, открытом на Ивановском озере, у истока реки Мегры. Некоторые черты общности домиков мертвых угадываются в могильнике Крохинские Пески II — некрополе города Белоозера, — где обнаружены остатки кремаций X в., помещенные в курганный ровик. Однако общий характер погребального сооружения здесь

имеет мало общего с домиками мертвых — это круглая в плане полусферическая насыпь, без каких-либо деревянных конструкций в основании.

Открытие первых финно-угорских памятников второй половины I тыс. н. э. на Суде в 1980-х гг. сформировало у авторов раскопок представление о бассейне Суды как о важном районе расселения веси, с самобытной культурой, непрерывное развитие которой прослеживается на протяжении почти тысячелетия. Атрибутируя судские древности как весские, А. Н. Башенькин в числе прочих аргументов сослался на цитированное выше сообщение Повести временных лет о расселении веси на Белом озере, указав, что Суда, правый приток Шексны, может рассматриваться как часть Белозерья, летописного «Бела озера» (Башенькин А. Н., 1989, с. 8). Сделав заключение о низкой концентрации весских памятников непосредственно на берегах Белого озера и Шексны, мы встаем перед необходимостью еще раз обратиться к этому сообщению.

Предположение, что основной массив весских памятников второй половины — конца I тыс. н. э. должен быть локализован не на самом Белом озере, а на расстоянии примерно 70–100 км к юго-западу от него, на Суде, может рассматриваться как чрезмерно вольная трактовка свидетельства летописи. В действительности предлагаемая локализация не противоречит летописным сведениям. Чтобы убедиться в этом, рассмотрим более подробно значение географического термина «Белоозеро» в источниках XIV–XVII вв.

Как уже отмечалось выше, Белозерский уезд XVI–XVII вв. состоял из трех станов: Заозерского, включавшего терри-

тории к северу и северо-востоку от Белого озера, Надпорожского, включавшего территории к югу от Белого озера и в верхнем течении р. Шексны, и Судского, охватывавшего бассейн левого притока Шексны р. Суды и среднее течение самой Шексны. Очевидно, эти административные границы во многом восходят к границам Белозерского княжества XIII–XV вв., подробно рассмотренным в исследованиях А. И. Копанева (Копанев А. И., 1951) и В. А. Кучкина (Кучкин В. А., 1984). В. А. Кучкин убедительно показал, что Белозерское княжество XIV в. простиралось на юге до р. Согожи и р. Ухры — левых притоков Шексны в среднем ее течении, где находился центр владений одного из сыновей Василия Романовича Белозерского — Юрия Белосельского (рис. 86; Кучкин В. А., 1984, с. 310). Труднее проследить западные рубежи Белозерского княжества. На северо-западе оно охватывало земли по правому притоку р. Суды — Колошме (белозерская волость Колошма упомянута в духовной грамоте Дмитрия Ивановича 1389 г.). На западе В. А. Кучкин провел границу по водоразделу Суды и ее правого притока — Колпи (Кучкин В. А., 1984, с. 313, рис. 12), однако на карте А. И. Копанева она проведена несколько западнее и охватывает почти все течение Колпи (Копанев А. И., 1951, карта 1). Актовые материалы XV–XVI вв. не содержат каких-либо данных, которые могли бы быть использованы для уточнения этой границы, однако из писцовой книги Белозерского уезда 1626–1627 гг. следует, что большинство волостей на Колпи и ее левых притоках (Чужболенская, Сухоцкая, Васкаловская) относилось к Судскому стану Белозерского уезда (РГАДА, ф. 1209, № 592).

Заслуживают внимания достаточно распространенные случаи употребления термина «Белоозеро» в документах, свидетельствующие о расширительном понимании его границ (рис. 86). В духовной великого князя Дмитрия Ивановича 1389 г. перечислены волости, полученные им от княгини Федосьи: «а что ми дала княгини Федосья Суду на Белеозере, да Колошну и Слободку и что благословила княгиню мою Городком да Волочком...», а также другие белозерские волости, отходящие к княгине: «из Белеозера Вольское с Шаготью и Милолюбьский ез» (ДДГ, 1950, с. 34–35). В этих перечнях белозерских волостей нет ни одной, находящейся на побережье самого Белого озера: Федосьин Городок и Милолюбьский ез находятся на Шексне в 25 и 40 км от озера, Волочек (Волок Славенский) и Слободка (Рукина Слободка) — на р. Порозовице в 50–60 км от озера, Вольское и Шаготь — на левых притоках Шексны Воле и Ухре примерно в 200 км. Особенно интересно включение в число волостей на «Белеозере» Суды и Колошны. Волость Суда, судя по данным писцовой книги 1626–1627 гг., должна быть локализована в верхнем течении одноименной реки, где находились Георгиевский и Воскресенский погосты (РГАДА, ф. 1209, № 592). Колошма — одна из рек, от слияния которых берет начало Суда. Эти территории удалены от озера на 80–100 км, причем Колошма явно не принадлежит к числу территорий, легко доступных со стороны озера и естественно связанных с ним (рис. 86). В кирилловских и ферапонтовских актах XV вв. в числе населенных пунктов, земельных участков и волостей, находящихся «на Белеозере», упоминаются уже знакомые нам Федосьин Городок и Рукина Слободка (АСЭИ, т. II, 1958,

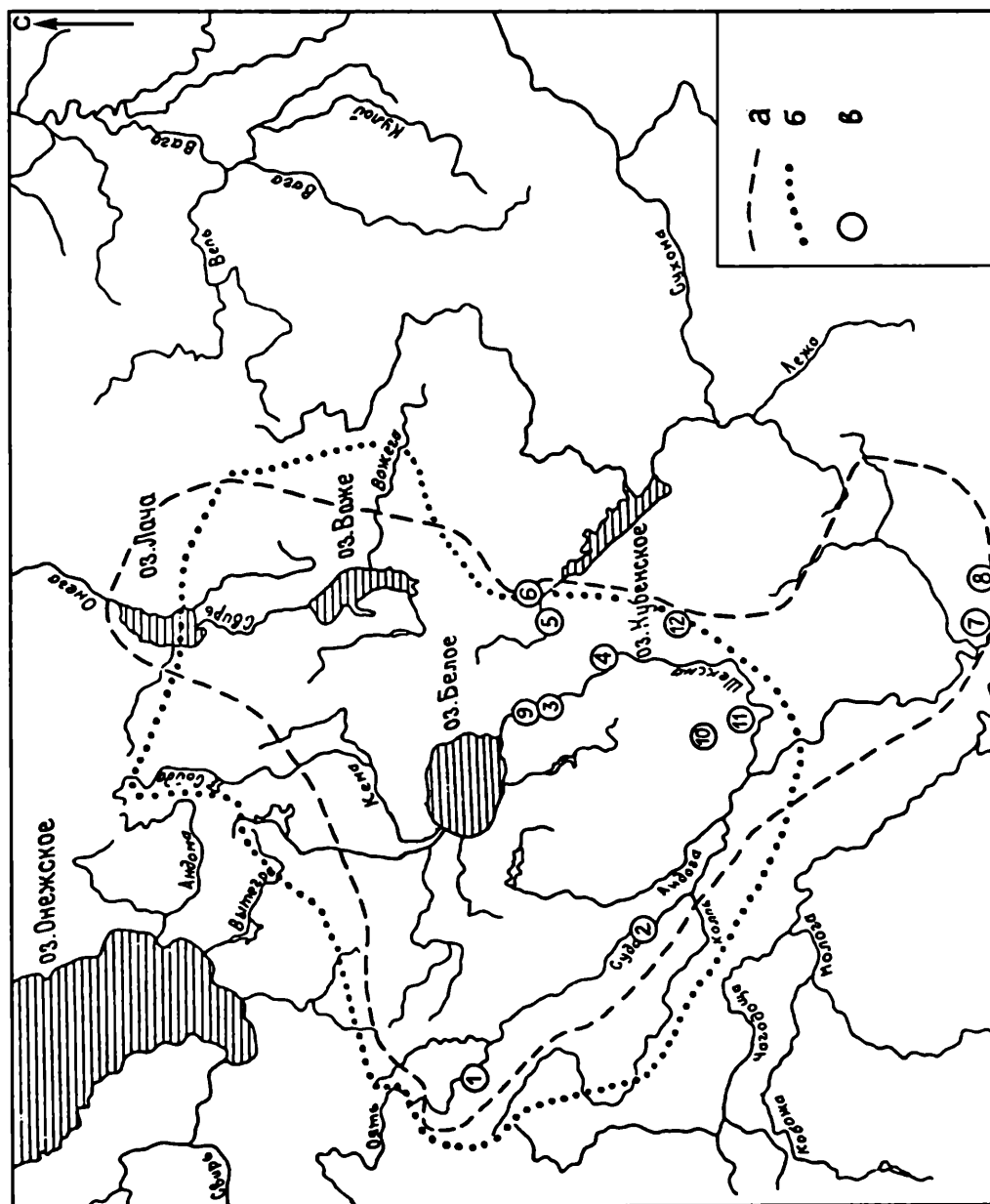

Рис. 86. Волости, населенные пункты и земельные владения, упомянутые в актах XIV–XV вв. как находящиеся «на Белоозере».

а — границы Белозерского княжества XIV в. по В. А. Кучкину; б — границы Белозерского уезда XVII в. по А. И. Копаневу; в — волости, населенные пункты и земельные владения, упомянутые в актах XIV–XV вв. как находящиеся «на Белоозере»

1 — Колошма; 2 — Суа; 3 — Федосийн Городок; 4 — Милолюбский ез; 5 — Волочек; 6 — Слобода; 7 — Вольское; 8 — Шаготь; 9 — Выкса; 10 — Романова Слобода; 11 — Остафьевская Слобода; 12 — Товские пустоши

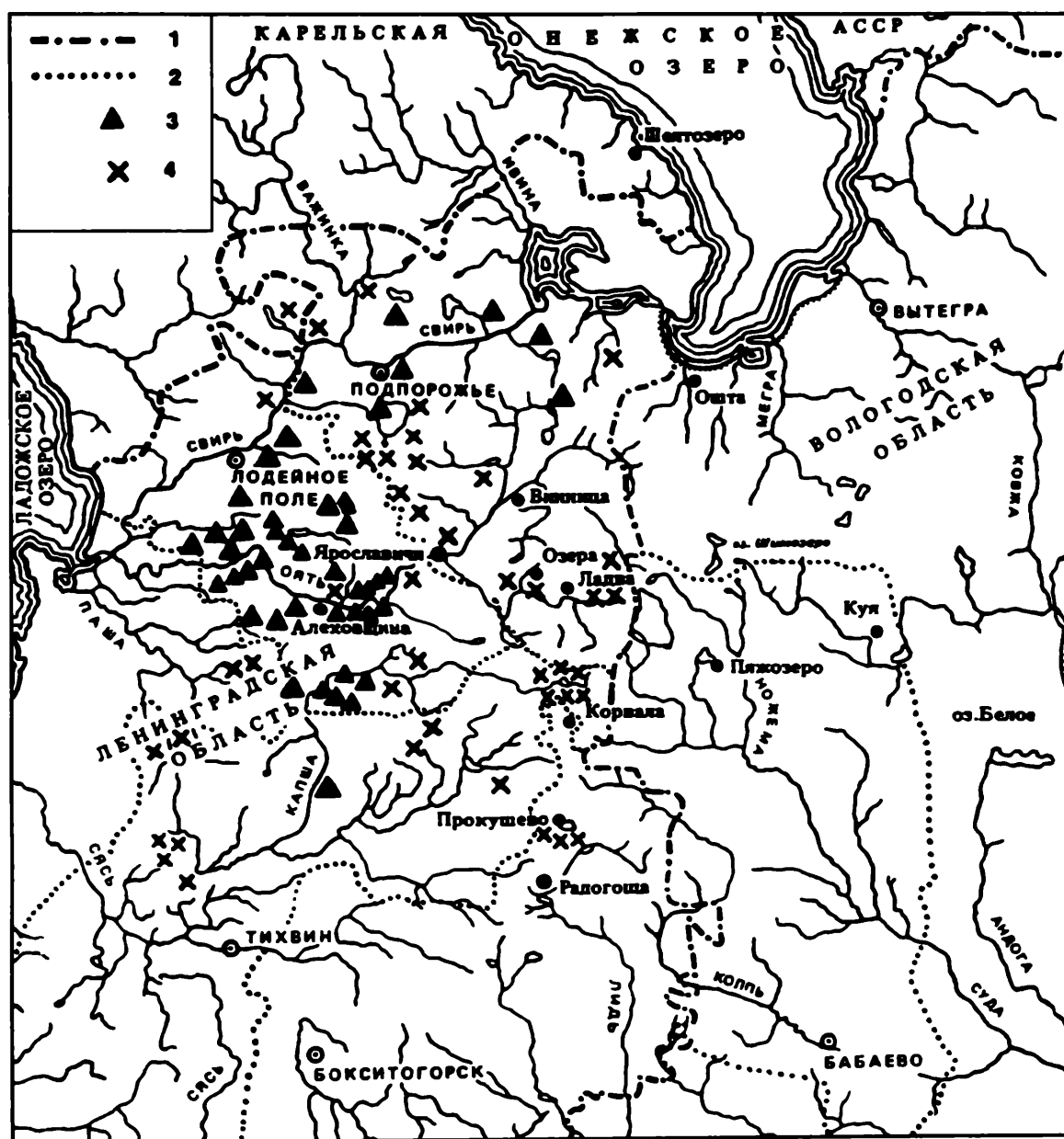

Рис. 87. Топоформанты -/ и -ичи в ойконимии Межозерья по И. И. Муллонен.

1 — административные границы областей; 2 — административные границы районов;
3 — формант -ичи; 4 — формант -/

№ 76, 240), Выкса (АСЭИ, 1958, т. II, № 79) — земли на реке Выксе, левом притоке Шексны, впадающем в нее примерно в 20 км от озера, Романова Слободка в верховьях р. Кономы, правого притока Шексны, примерно в 60 км от озера (АСЭИ, 1958, т. II, № 240) и находящиеся примерно в том же районе, в низовьях Кономы, деревни в Остафьевской Слободке (АСЭИ, 1958, т. II, № 390, 391, 416), Товские пустоши на Ирме, находящиеся на левобережье Шексны в 70–80 км от озера (АСЭИ, 1958, т. II, № 153). Таким образом, широко используемая в актах формулировка «на Белозерье» вовсе не означает локализацию географического объекта непосредственно на побережье Белого озера, а указывает скорее на принадлежность его к обширному блоку земель, границы которого на западе и юго-западе охватывали правые притоки Суды.

Рассматривая вопрос о локализации основного ядра племенной территории белозерской веси, нельзя оставить без внимания материалы топонимики, неизменно занимавшие центральное место в разработках по этногенезу и этнокультурной истории веси (Пименов В. В., 1965; Голубева Л. А., 1973; Кочкуркина С. И., Линевский А. М., 1985). Среди историков прочно утвердилось представление о Белозерье как о районе высокой концентрации топонимов, этимологизирующихся из вепсского языка, основывающееся на исследованиях Н. И. Богданова (Богданов Н. И., 1951), А. К. Матвеева (Матвеев А. К., 1969) и в особенности А. И. Попова (Попов А. И., 1947). Между тем более детальный и системный анализ топонимики Межозерья — территории между Ладожским, Онежским и Белым озером, — предпринятый в 1980-х гг. и

базирующийся на материале 15 тысяч топонимических карточек ИЯЛИ Карельского научного центра, раскрывает значительно более сложную ситуацию (Муллонен И. И., 1991; Муллонен И. И., 1994). Исследование И. И. Муллонен показало, что интенсивность вепсского топонимического пласта в Межозерье значительно ослабевает с запада на восток. Одним из наглядных примеров этого можно считать распределение *l*-овой ойконимической модели — названий поселений с формантом *l* (*Karhil, Kokoil, Vingl*, в русском языке эти названия передаются через модель с формантом *ичи/ици* — *Каргиничи, Кокловичи, Винницы*). Высокая концентрация *l*-овой ойконимии зафиксирована на Ояти (рис. 87). На ее притоках и к востоку от них она заметно падает, а на территории Прионежья и Белозерья совершенно затухает (Муллонен И. И., 1994, с. 122–123). В Белозерье (даже в западных его районах, на Суде и Колошме) вепсская топонимика явно уступает более мощному довепсскому топонимическому субстрату, имеющему прасаамское (или прибалтийско-финско-саамское, возможно, с верхневолжскими истоками) происхождение. Эти же закономерности прослеживаются и в лексике Белозерья.

И. И. Муллонен приходит к неожиданному для традиционного финно-угроведения выводу о том, что «Белозерье — своеобразная окраина вепсского ареала, где вепсское влияние не было столь мощным, чтобы перекрыть предшествующий субстрат» (Муллонен И. И., 1994, с. 132). К сожалению, топонимика района Чагоды — Средней Мологи, места наиболее высокой концентрации финно-угорских древностей I тыс. на Белозерье, осталась за рамками работы И. И. Муллонен, и мы лишены возможности судить о языковой

ситуации на этой территории в сравнении с районом Ояти, Суды или побережья Белого озера. Однако общая оценка Белоозерья, прежде всего, района самого Белого озера, как периферии зоны вепсского расселения, достаточно точно соответствует той картине, которая воссоздается в настоящее время по материалам археологии.

Сравнительный анализ размещения археологических памятников веси и более поздних древнерусских памятников на Белом озере далеко не исчерпывает всей проблематики этнокультурной истории веси и славяно-весского взаимодействия. Однако он раскрывает один из важных моментов этого взаимодействия: выясняется, что основное ядро древнерусских поселений на Белом озере не вырастает из сгустка весских поселений, а скорее складывается на самостоятельной основе. Сеть древнерусских поселений на Белом озере и Шексне, центром которой с X в. был город Белоозеро у истока Шексны, сформировалась в ближайшем соседстве с основным массивом весских поселений конца I тыс. н. э., но за пределами этого массива. Хотя часть древнерусских поселений на Белом озере и Шексне развилась из более ранних весских поселений, а в материальной культуре большинства древнерусских памятников XI–XII вв. отчетливо выражены финно-угорские элементы, древнерусская сеть расселения на Белом озере никак не может рассматриваться как результат непосредственного развития территориально-поселенческих

структур веси, имевших иной центр тяготения, расположенный к юго-западу от Шексны и Белого озера. Вопрос о весской или славяно-весской атрибуции древнейшего культурного комплекса Старого города — Белоозера (в пользу последней высказывается А. Н. Башенькин: Башенькин А. Н., 1989, с. 7) — тема отдельного исследования, однако вне зависимости от его решения у нас нет никаких оснований считать, что поселение у истока Шексны, оторванное от основного массива весских памятников, было центром формирования культуры веси.

Таким образом, современная археология раскрывает многообразные варианты соотношения между формирующимися древнерусскими городскими центрами и более ранними поселенческими структурами финно-угорских племен на территории Северо-Восточной Руси, которые невозможно свести к единой схеме. Ростов Великий, Клепчин, Муром возникают на территории локальных районов с наиболее высокой для Северо-Востока концентрацией финно-угорских памятников второй половины I тыс. (Леонтьев А. Е., 1996, с. 271–291), Суздаль — на территории, слабо освоенной финно-угорскими насельниками (Седова М. В., 1992, с. 42–49). Как некий промежуточный вариант — вариант формирования древнерусского центра на периферии основного района более раннего финно-угорского расселения — можно рассматривать развитие Белоозера.

8. СЕЛЬСКИЕ ПРИХОДЫ XV–XVII ВВ. И СИСТЕМЫ РАССЕЛЕНИЯ ДОМОНГОЛЬСКОГО ВРЕМЕНИ: ПРОБЛЕМА ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Сельские приходы и приходские церкви — важнейшие системообразующие элементы в культурном ландшафте России и в традиционной социальной организации населения. Хотя сохранившиеся церковные постройки чаще всего не древнее XVIII–XIX вв., историкам хорошо известно, что большинство из них стоит на местах более ранних храмов, фиксируя, таким образом, местоположение местных центров христианского культа и общественной жизни эпохи средневековья и раннего нового времени. Письменная история сельских приходов прослеживается, как правило, не далее XVI–XVII вв. (Папков А. А., 1898; Богословский М. М., 1909; Юшков С. В., 1913; Камкин А. В., 1992; Камкин А. В., 1994), лишь на отдельных территориях Северо-Западной и Северо-Восточной Руси она может быть углублена до второй половины XV в. В последние годы исследователи интенсивно ищут возможности исследовать раннюю историю сельских приходов и местных центров народного культа, в частности, начальную фазу их формирования, используя для этого новые методы и источники. Благодаря усилиям археологов удалось составить некоторое представление о топографических закономерностях в размещении сельских приходских храмов и связанных с ними

некрополей XIV–XVI вв. на северо-востоке Подмосковья (Чернов С. З., 1991а; Чернов С. З., 1998). Механизмы и закономерности формирования местных культовых центров на Севере: в Важском крае и на Средней Двине — реконструированы по этнографическим материалам с использованием памятников иконописания из северных храмов (Щепанская Т. Б., 1995; Бернштам Т. А., 1995). Более внимательное обследование «местных деревенских святынь» (почитаемых камней, деревьев, родников, колодцев) и фиксация связанных с ними верований (Селин А. А., 1992; Левкиевская Е. Е., 1996; Шевелев В. В., 1996; Панченко А. А., 1998) во многом прояснили значение и функции этих объектов народного культа, что весьма существенно для исследования сакральных локусов более ранних исторических эпох в восточнославянском ареале.

Одним из продуктивных приемов исследования начальной истории сельских приходов может стать сопоставление их карт с картами древнерусских (X–XIII вв.) и позднесредневековых (XIV–XV вв.) археологических памятников, позволяющее оценить положение церковных погостов в реальных системах средневекового расселения. Попытка такого анализа была предпринята А. А. Селиным при исследо-

вании истории строительства сельских храмов в северо-западных районах Новгородской земли (Селин А. А., 1994). Белозерье открывает исключительно интересную перспективу для подобного сопоставления благодаря двум обстоятельствам: во-первых, наличие полного перечня приходских церквей XVI–XVII вв., надежно локализуемых на местности, во-вторых, достаточно полной обследованности территории и каталогизации археологических памятников всех исторических эпох от мезолита до древнерусского времени с точной фиксацией их на карте. К сожалению, сельские поселения XIV–XVII вв. на Белозерье пока не были предметом специального выявления и фиксации, поэтому мы лишены возможности рассмотреть положение упоминаемых в документах XIV–XVII вв. приходских церквей на фоне синхронных им археологических памятников. Мы можем сравнить географию и топографию исторических приходов лишь с географией и топографией более ранних поселений, функционировавших в X–XIII вв. Поскольку значительная часть Белозерья, охваченная системой сельских приходов в XIV–XVII вв., в предшествующий период оставалась незаселенной, наш анализ целесообразно ограничить староосвоенными территориями, рассматривая в качестве них не только участки, непосредственно прилегающие к средневековым поселениям, но и более широкую полосу земель в долине Шексны, Кемы и в прибрежье Белого озера, которая по своим ландшафтным особенностям была пригодна для освоения в древности и средневековье.

На заселенной в XI–XIII вв. части Белозерья находится 35 погостов с приходскими церквами, упоминаемыми в различных документах XV–XVII вв. (рис. 88)¹. Наиболее полное отражение система сельских приходов получила в писцовой книге Белозерского уезда 1626–1627 гг. (РГАДА, ф. 1209, № 592) и в писцовой книге езовых дворцовых волостей Белозерского уезда 1585 г. (Писцовая книга езовых..., 1984). Судя по этим источникам, в конце XVI — начале XVII в. во всех волостях Надпорожского и Заозерского стана Белозерского уезда находились погосты с приходскими церквами, обычно двумя — летней и зимней, а в некоторых волостях существовало несколько погостов. Разумеется, организация приходов и строительство церквей в сельских волостях Белозерья начались значительно раньше. В кирилловских и ферапонтовских актах XV в. упоминается целый ряд приходских храмов на северном берегу Белого озера и на Шексне, о существовании в этот период других храмов свидетельствует топонимика актов (АСЭИ, т. II, 1958). Большая часть этих известий приходится на вторую половину XV в., некоторые относятся к первой половине этого столетия. О существовании приходских церквей в более ранний период известий в источниках нет. Тем не менее, накопленные за последние десятилетия археологические данные (многочисленные находки предметов христианского культа на сельских памятниках XII–XIII вв., изменения в погребальном обряде, приходящиеся на рубеж XII–XIII вв.) дают некоторое основание предполагать,

¹ Автор выражает глубокую признательность кандидату исторических наук З. В. Дмитриевой, познакомившей его с некоторыми неизданными архивными материалами, содержащими сведения о белозерских приходских церквях XVI–XVII вв.

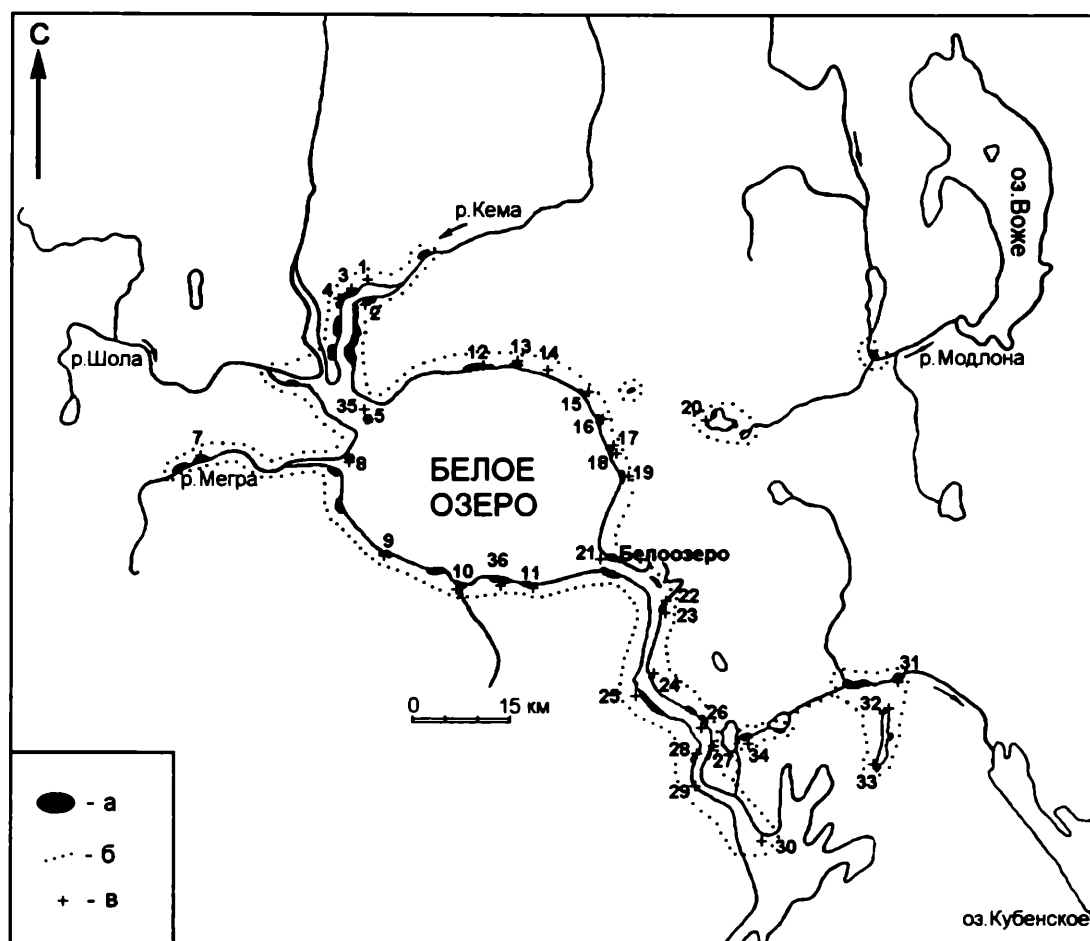

Рис. 88. Сельские приходы XV–XVII вв. в районе Белого озера и Верхней Шексны.

- 1 — ц. Покрова на Кеме; 2 — ц. Ильи Пророка на Кеме; 3 — Никольская ц. на Кеме;
 4 — ц. Вознесения на Кеме; 5 — ц. Николы на устье Ковжи; 7 — ц. Дмитрия Солунского на
 Городище; 8 — ц. Успения на устье Мегры; 9 — Кустовский погост; 10 — ц. Покрова в Куности;
 11 — ц. Благовещения в Карголоме; 12 — ц. Троицы в Кисеме; 13 — ц. Покрова в Кивуе;
 14 — ц. Преображения на Слободке; 15 — ц. Рождества Богородицы в Вашках; 16 — ц. Троицы
 в Липином Борке на Малой Выкшице; 17 — ц. Знамения в Мунье; 18 — ц. Ильи Пророка в Мунье;
 19 — Крестовоздвиженская ц. в Ухтоме; 20 — ц. Николы на Волоцком погосте; 21 — ц. Рождества
 Христова в Крохине; 22 — ц. Ризоположения на устье Бородавы; 23 — ц. Рождества Богородицы
 на устье Воплемки; 24 — ц. Ильи Пророка в Ивачеве; 25 — ц. Николы в селе Олоховском;
 26 — ц. Спаса Преображения на Федосьине Городке; 27 — ц. Введения у Горницкого монастыря;
 28 — ц. Николы на Взвозе (в Ивицах); 29 — ц. Петра и Павла в Ивановом Бору; 30 — ц. Николы
 в Милобудском погосте; 31 — ц. Благовещения на Словенском Волоку; 32 — ц. Николы
 на Словенском волоку; 33 — ц. Ильи Пророка на Словенском Волоку; 34 — ц. Покрова
 на Бабьем озере; 35 — ц. Леонтия Ростовского на Ковже.
- а — поселения X–XIII вв.; б — примерные границы территорий, освоенных в X–XIII вв.;
 в — сельские приходские церкви XV–XVII вв.

что организация первых сельских приходов на Белозерье началась в конце XII — XIII в.

30 белозерских погостов, упоминаемых в писцовых книгах и актах, точно локализованы на местности и обследованы Онежско-Сухонской экспедицией ИА РАН в ходе археологических разведок 1980–1990-х гг. (рис. 88). Места 5 погостов оказались недоступны для археологических обследований из-за затопления территории после создания Волго-Балта или разрушения ее современной жилой застройкой, или по иным причинам (рис. 88, № 21 — ц. Рождества Христова и Николы в Крохине, № 22 — ц. Ризоположения на устье Бородавы, № 24 — ц. Ильи и ц. Рождества в Ивачеве, № 29 — ц. Петра и Павла и Николы в Ивановом Бору, № 30 — ц. Николы и ц. Петра и Павла в Милобудском погосте).

Варианты топографического положения сельских приходских церквей достаточно разнообразны, но могут быть сведены к четырем основным типам. В семи случаях погосты располагаются на краю высоких (10–20 м над уровнем воды) береговых террас или на высоких останцах ледникового происхождения (тип 1; рис. 89). В шести случаях погосты занимают небольшие возвышенности (4–5 м, реже — 7–8 м над уровнем воды) в долине реки, в приозерной низменности или на плоской террасе, нередко на краю второй надпойменной террасы, имеющей незначительную вы-

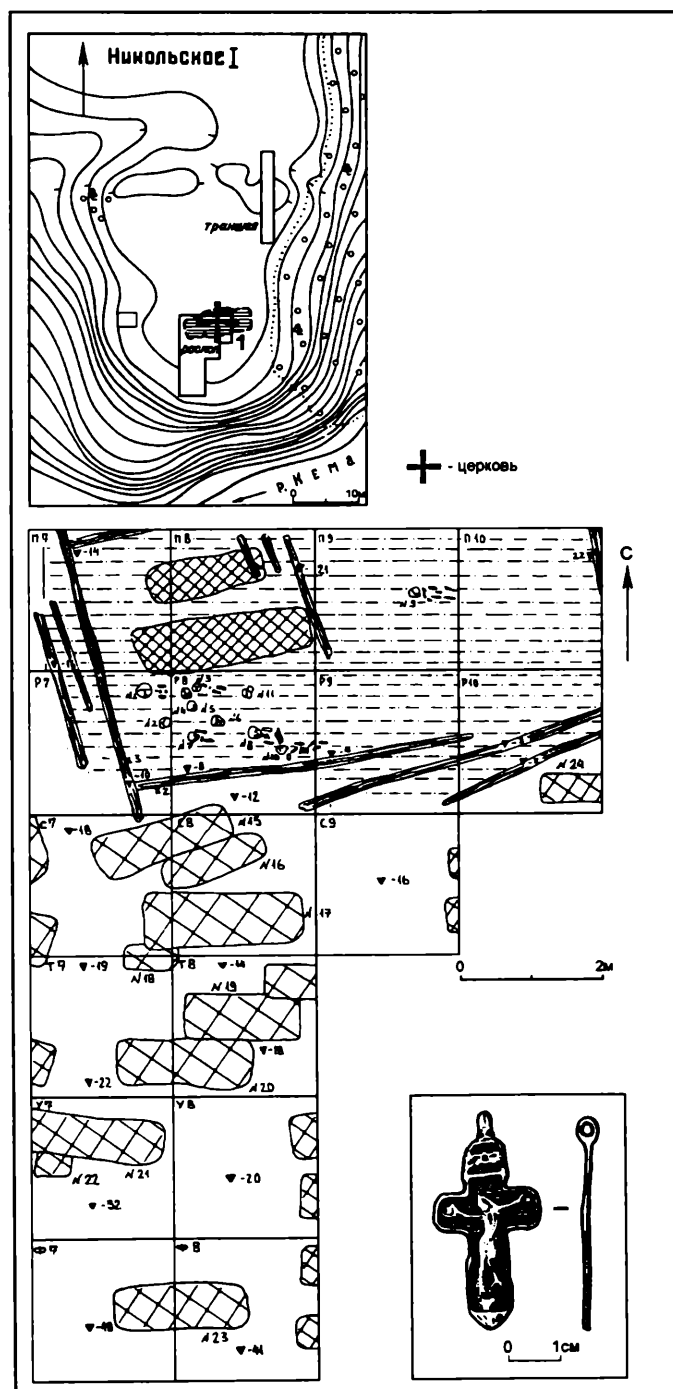

Рис. 89. Городище Никольское I на р. Кеме.

1 — план площадки городища с основанием деревянной церкви; 2 — план раскопа с основанием деревянной церкви; 3 — крест-тельник, найденный на площадке городища

Рис. 90. Городище Никольское I на р. Кеме.
Основание деревянной церкви на площадке городища

соту (тип 2, рис. 93). В семи случаях отмечено расположением погоста на краю небольшого возвышения непосредственно на берегу реки или озера — не более чем в 20–30 м от берега при высоте его от 2 до 5 м (тип 3; рис. 91, 92). Также в семи пунктах зафиксировано расположение церковных погостов на плоской, как правило, очень низкой (1–2 м над водой) равнине, на участках, имеющих очень небольшое повышение рельефа или совершенно ровных (тип 4). Между вторым, третьим и четвертым типом топографического положения много общего, их объединяет приуроченность погостов к относительно невысоким точкам рельефа. Эта особенность топографии погостов, четко проявляющаяся в прибрежье Белого озера, прослеживается и во многих других районах Севера, далеко за пределами

Белозерья. Ее можно объяснить как естественно-географическими условиями — равнинным характером местности, в которой зачастую нет заметных возвышенностей, так и некоторыми особенностями исторического расселения, которые будут рассмотрены ниже.

Разнообразные варианты топографического соотношения места церкви и домонгольских поселений могут быть сведены к четырем основным типам.

1. Церковь расположена непосредственно на месте средневекового селища — 5 случаев (рис. 88, №№ 3, 7, 18, 23, 28).

2. Церковь располагается в центре староосвоенного региона, в 50–150 м от домонгольского селища — 12 случаев (рис. 88, №№ 2, 4, 5, 8, 9, 12, 13, 15, 27, 31, 32, 33).

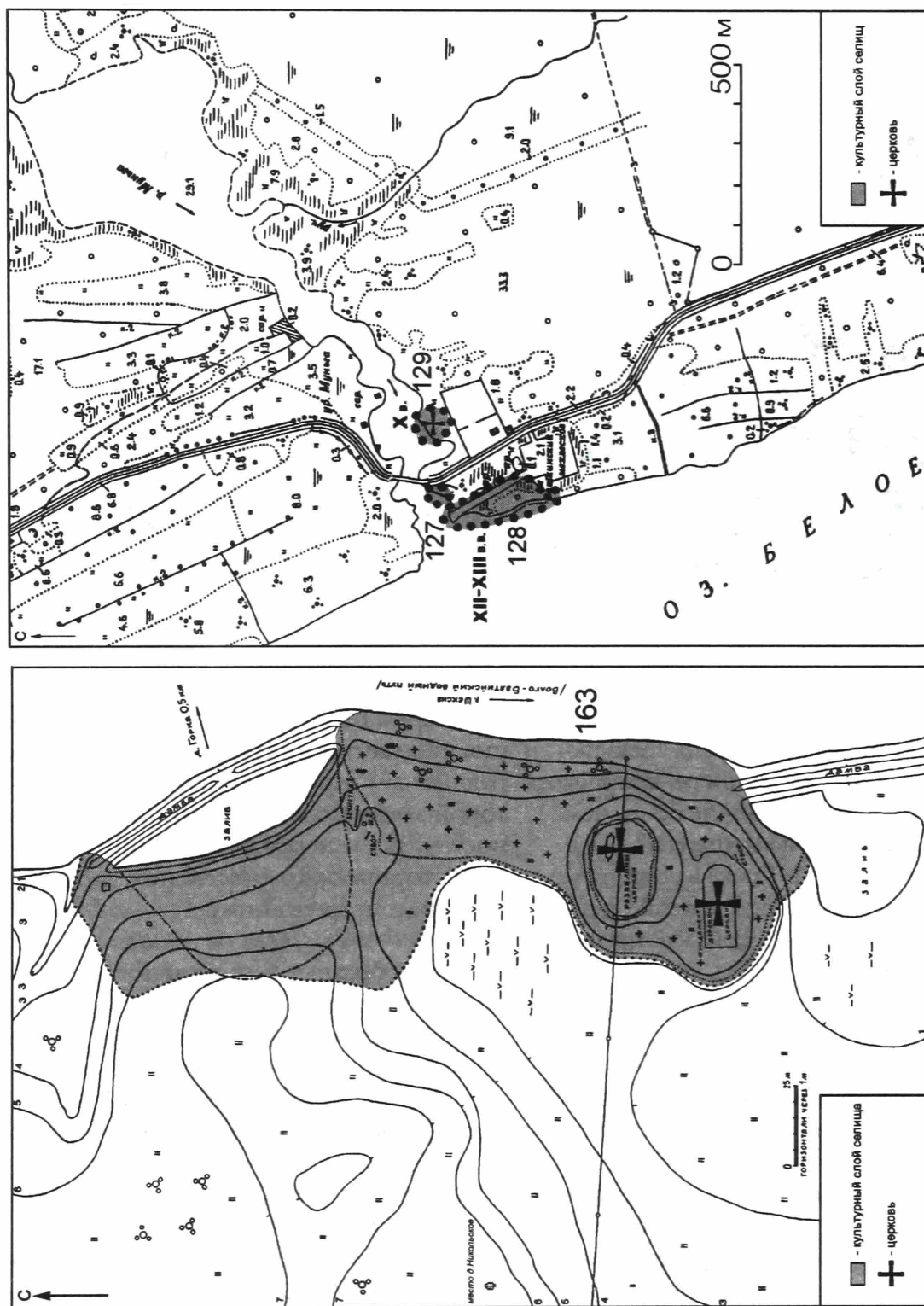

Рис. 91. Поселения X–XIII вв. и позднесредневековые приходские церкви на Белом озере и Шексне.

1 — селище Шуклино А и Никольский погост на Шексне; 2 — гнездо поселений в устье р. Муньги и Ильинский погост в Муньге.
Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

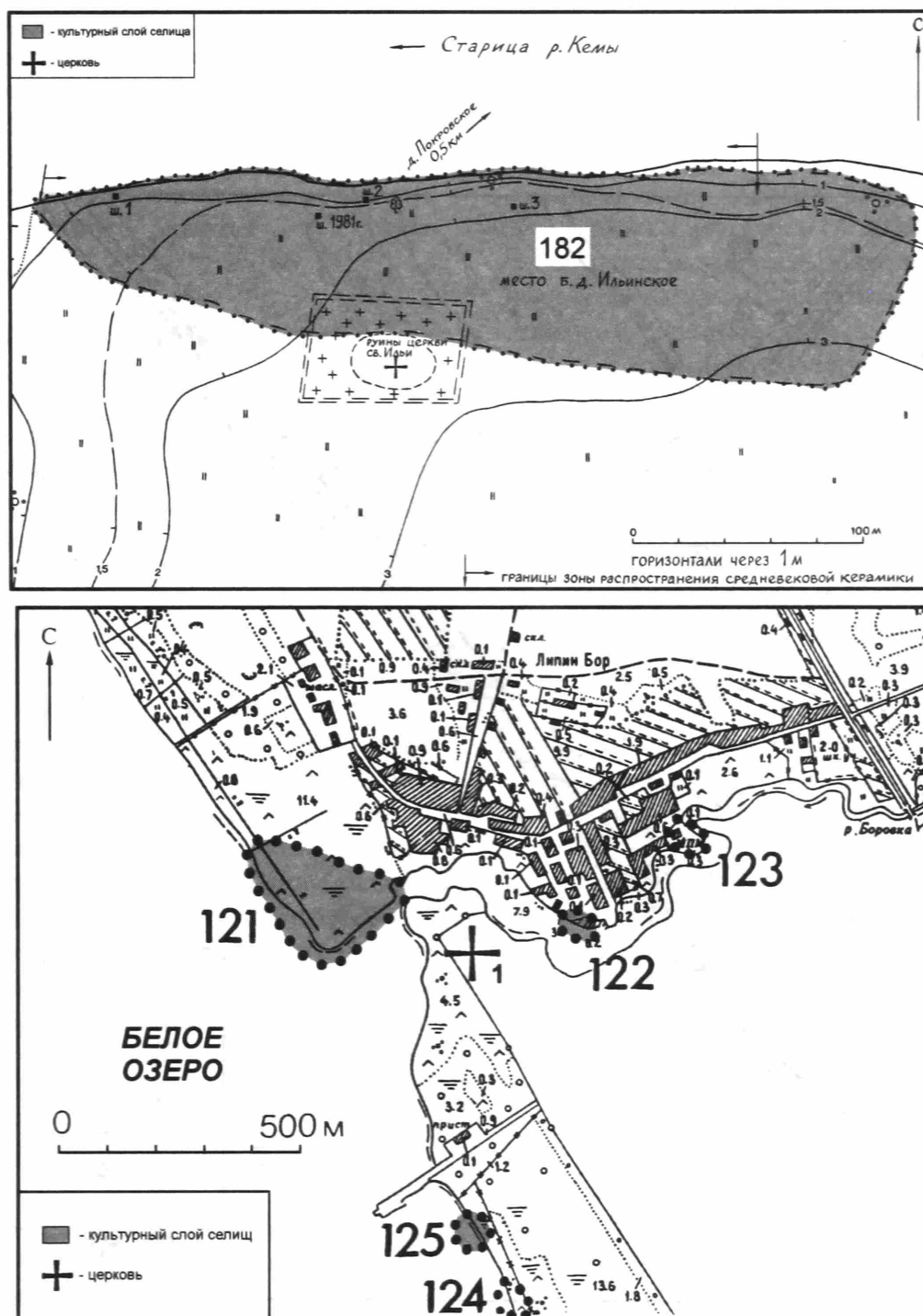

Рис. 92. Поселения X–XIII вв. и позднесредневековые приходские церкви на Белом озере.

1 — селище Покровское II и Ильинский погост на р. Кеме;
 2 — гнездо поселений в устье р. Боровки и Троицкий погост в Липином Борке.
 Номера на плане соответствуют номерам археологических памятников в каталоге

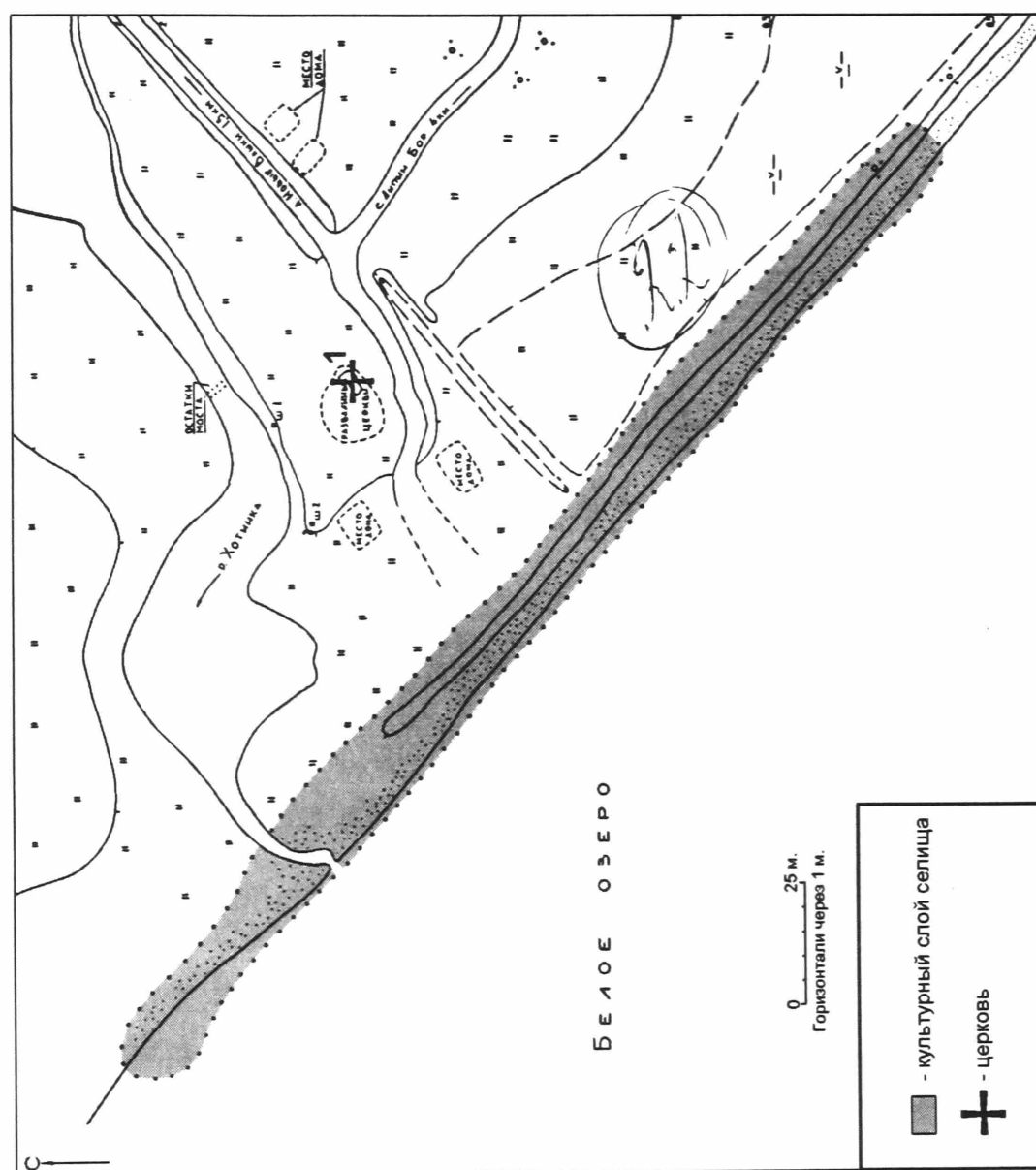

Рис. 93. Поселения X–XIII вв. и позанесяневековье приходские церкви на Белом озере. Селище Новые Вашки на месте б. деревни Старые Вашки и погост Рождества Богородицы в Вашках

3. Церковь расположена в староосвоенном регионе, но на некотором (200–300 м) удалении от домонгольских селищ — 6 случаев (рис. 88, №№ 1, 10, 16, 17, 19, 35).

4. Церковь расположена за пределами староосвоенного региона — 6 случаев (рис. 88, №№ 11, 14, 20, 25, 26, 34).

Тяготение приходских церквей XV–XVII вв. к гнездам поселений домонгольского времени отчетливо просматривается уже при первом приближенном сравнении двух карт — 75% храмов соседствует с древнерусскими памятниками. Отметим, что сходное наблюдение было сделано А. А. Селиным при анализе размещения приходских церквей в северо-западных районах Новгородской земли (Селин А. А., 1994). Отражает ли эта связь историческую преемственность между основными узлами древнерусского расселения на Белозерье и позднейшими погостами или она может быть объяснена ландшафтными особенностями этих участков, удобством их для размещения поселений и культовых центров, проявлявшимся во все исторические периоды? В какой-то мере прояснить этот вопрос может сопоставление карты сельских приходских церквей с картами поселений эпохи раннего железа и неолита. Если топографическая связь древнерусских поселений с погостами XV–XVII вв. носит случайный характер и обусловлена лишь естественно-географическими свойствами урочищ, в которых располагались те и другие объекты, можно ожидать, что их связь с поселениями более ранних исторических эпох будет столь же отчетливо выраженной.

Выясняется, однако, что лишь один храм — ц. Николы на устье Ковжи — был

возведен на площадке поселения с культурным слоем эпохи неолита — раннего железного века. В 8 случаях храмы находились на близком (50–200 м) расстоянии от поселений раннего железного века, в 6 случаях — на близком расстоянии от поселений с культурным слоем эпохи неолита. Доля церквей, соседствующих со стоянками эпохи камня — бронзы, составляет менее половины всех рассматриваемых храмов. Таким образом, связь между погостами XV–XVII вв. и первобытными поселениями выражена значительно слабее, чем с памятниками древнерусского времени.

Рассмотрим более подробно топографическое положение отдельных храмов относительно средневековых поселений.

На правом берегу р. Кемы примерно в 20 км от ее устья находится с. Никольское с единственным в районе Белого озера мысовым городищем (№ 180, рис. 89, 90) и остатками деревянной церкви св. Николая, разрушение которой местные жители относят к 1930 г. Треугольная площадка городища размером около 800 кв. м., отделенная от основной части коренного берега рвом и валом, возвышается над рекой на 16 м. Культурный слой городища, прорезанный многочисленными могильными ямами, содержит материалы двух хронологических периодов — второй половины конца I тыс. н. э. и XVI–XIX вв.

Основание деревянной церкви находилось в южной части городища и представляло собой плотно задернованное повышение правильных геометрических очертаний, ориентированное по линии З — В с небольшим (15 градусов) отклонением к югу (рис. 89, 1, 2; 90). Высота этой площадки над окружающей ее поверхностью составляла 0,1–0,5 м. Судя по конфигурации бугра, постройка была трехчастной,

длина ее достигала 10 м, ширина в средней части — 4 м. В результате раскопок установлено, что основание постройки представляло собой бревенчатые срубы, сохранившиеся на высоту одного венца, заполненные плотной коричневой глиной толщиной от 0,1–0,2 до 0,45 м. В границах западного и центрального сруба в слое глины расчищено 11 детских погребений с западной ориентировкой и прослежены две могильные ямы, уходящие в материк. Еще одно детское погребение расчищено в глине в средней части центрального сруба (рис. 89, 2). В постройке и в культурном слое рядом с ней найдены медные монеты 1731, 1762–1764 и 1912 гг. При зачистке материка на площадке городища зафиксированы контуры 24 могильных ям, ориентированных в направлении запад — восток и сгруппированных в несколько рядов. Расчищено 13 безы Inventарных могил с костяками, лежащими на спине головой на запад.

Основной культурный слой, отложившийся на городище, относится ко времени не позднее рубежа X–XI вв. Этот слой не содержит древнерусской круговой керамики. Сероглиняная круговая керамика, собранная в раскопе, относится, судя по профилировке, к XVI–XVIII вв. Бытовые остатки этого времени немногочисленны. Наиболее интересная находка, связанная с поздним периодом функционирования памятника, — крест-тельник (рис. 89, 3), который, судя по иконографии распятия, должен быть датирован XVI–XVII вв. Археологические материалы не дают возможности точно определить время появления церкви и кладбища на площадке городища. Судя по находкам монет, церковная постройка функционировала в XVIII — начале XX в., однако, весьма вероятно, что она была сооружена раньше

или наследовала более ранним строениям. Косвенные указания на это дает находка креста-тельника и керамики с профилировкой XVI–XVII вв.

Судя по письменным источникам, появление Никольского прихода на Кеме должно быть отнесено ко времени не позднее 1480-х гг. Как уже отмечалось выше, «Никольская сторона» — одна из двух половин Кемского удельного княжества («Другая пол-Кемы») — упомянута в деловой грамоте 1474–1486 гг. о разделе Кемы — вотчины Давыда Семеновича Кемского между его сыновьями (АСЭИ, т. II, 1958, № 227а, с. 148). Хотя остатки постройки XV в. на площадке городища археологически не выявлены, учитывая устойчивость местоположения церковных престолов, нет основания сомневаться в том, что первоначальный храм находился там же, где и исследованная нами церковная постройка. Небольшой деревянный храм XV в. мог не оставить никаких следов на площадке, подвергшейся нивелировке при сооружении позднейшей церковной постройки.

Хотя высокая мысовая площадка, на которой находилась Никольская церковь, по характеру рельефа была очень удобна для сооружения храма, устройство погоста на месте городища нельзя объяснить лишь эстетическими соображениями. Соседние мысы коренной террасы правого берега Кемы имеют примерно ту же высоту и представляют возможность для столь же выгодных композиционно-планировочных решений. Тем не менее, в силу каких-то обстоятельств для сооружения храма была избрана площадка древнейшего городища — поселения, сыгравшего исключительную (хотя и не вполне понятную пока) роль в освоении долины Кемы в конце I — начале II тыс. н. э.

Сходная, но не тождественная ситуация зафиксирована в селе Городище (Васютино) на р. Мегре, где на территории весского городища IX–X вв. (№ 286) находятся развалины двух церквей и остатки обширного кладбища. Церковь Дмитрия Солунского в селе Городище — вотчине Кирилло-Белозерского монастыря — упомянута в переписной книге 1601 г. (Вотчинные хозяйственные..., 1983, с. 399). Местность представляет собой высокий десятиметровый останец с крутыми склонами и почти горизонтальной, возможно, искусственно выровненной площадкой размером около 6000 кв. м. Остатки погоста занимают почти всю площадку (рис. 33). Расположение позднесредневекового погоста на месте древнего городища в данном случае может быть в большей мере обусловлено характером ландшафта, в котором этот участок наиболее выгоден для сооружения храма с точки зрения пространственной композиции, хотя весьма вероятно, что этот фактор был не единственным. Рядом с городищем находились два других почти столь же живописных останца, не заселенных в средневековье и не отмеченных остатками церковных построек.

В устье реки Муньги, впадающей в Белое озеро с востока, до создания Волго-Балтийской водной системы находилось большое село Муньга. Согласно актам XV в., Муньга в это время была поделена на две части «половину Муньги, Знаменскую сторону» и «половину Муньги, Ильинскую сторону». Это разделение, впервые зафиксированное в духовной грамоте Насона Захарьина 1455–75 гг. (АСЭИ, т. II, 1958, № 168, с. 103–105), прослеживается и по позднейшим документам и является косвенным указанием на существование двух церквей — Знаме-

ния и Ильи пророка — на двух берегах р. Муньги. Обе они обозначены на планах Генерального межевания Кирилловского уезда (рис. 8, 3; РГАДА, ф. 1356, № 71/3038). Местоположение Ильинской церкви определяется по выходам битого кирпича на левом берегу реки рядом с нефтебазой. Местность представляет собой повышение береговой террасы с горизонтальной площадкой размером 50 x 70 м, покрытой ямами и буграми, образовавшимися, вероятно, при сносе церкви и кладбища. В заложенных здесь шурфах зафиксированы кости из разрушенных погребений и контуры могильных ям, а также культурный слой с лепной средневековой керамикой, верхняя дата которой, очевидно, не выходит за рамки рубежа X–XI вв. (рис. 91, 2; № 129). Два других средневековых поселения (№№ 127, 128), открытые на том же левом берегу р. Муньги, судя по присутствию круговой древнерусской керамики, имеют более позднюю дату — XI–XIII вв. Таким образом, церковь Ильи пророка была возведена не позднее третьей четверти XV в. на месте древнейшего поселения муньгского гнезда (рис. 91, 2). Достоинством этого участка, безусловно, можно считать значительную — на фоне окружающей низменности — высоту террасы, недостатком — отсутствие выгодного обзора со стороны Белого озера, от которого церковь была удалена на 300–400 м.

В 4-х км ниже Горицкого монастыря, на правой стороне Шексны хорошо заметны следы построек деревни Шуклино, а прямо на берегу — основания двух разрушенных церквей и старое кладбище (рис. 72, 73, 91, 1). Первое упоминание об этом населенном пункте — «пустоши Шуклинской» — содержится в жалован-

ной грамоте белозерского князя Михаила Андреевича игумену Трифону (1435–1447 гг.), согласно которой пустошь передавалась в монастырь (АСЭИ, 1958, т. II, № 80). Имя Никольской церкви появляется в актах еще ранее — в купчей на пожню «у Николы святого на Шохсне», составленной в игуменство преподобного Кирилла (АСЭИ, 1958, т. II, № 19). Для локализации этого земельного участка важно упоминание в грамоте «речки Карасовы» и «Карасова озера», идентифицируемого с небольшим старичным озером, превратившимся ныне в залив Волго-Балта, на одном из берегов которого находятся руины Никольской церкви, а на другом до недавнего времени находилась д. Карасово. «Никола святой на Шохсне» грамоты № 19, упоминаемый также в грамоте 1435–1447 гг. как «святой Никола за Шохсною» (АСЭИ, 1958, т. II, № 82), в дозорной книге 1613 г. и писцовой книге 1626–27 гг. как погост «на реке на Шексне на Звозе...» («А на погосте церковь Никола Чудотворец, древяна, верх шатров, да другая церковь святого Леонтия Ростовского чудотворца с трапезою клецки...» (РИБ, ОР, СПб, ДА, АП/395) в актах 1455 и 1462 гг. как «Никола в Ывицах» (АСЭИ, т. II, №№ 161, 174) и в отводной грамоте 1556 г. («деревня Пробудово у церкви у Николы чудотворца»), безусловно, должен быть отождествлен с погостом у д. Шуклино. Эта же церковь упоминается в некоторых актах (АСЭИ, 1958, т. II, № 291) и в Писцовой книге 1585 г. как «Никола на Взвозе». Никола на Шексне — самый ранний сельский приходской храм Белозерья, упомянутый в источниках.

Древнерусские селища в Шуклине были открыты в 1992 г. А. В. Кудряшовым, а в 1993 г. подробно обследованы Онеж-

ско-Сухонской экспедицией ИА РАН совместно с экспедицией Череповецкого музея. Три селища (рис. 72; №№ 161–163), находящиеся на небольшом (30–60 м) расстоянии друг от друга, располагаются в достаточно обычных для памятников этого времени ландшафтных условиях — на краю береговой террасы, полого повышающейся к западу. От небольшого холма, на склонах которого находилась позднейшая деревня Шуклино, они удалены на 100–300 м. Общая площадь агломерации из трех селищ составляет около 21 тыс. кв. м. Как уже отмечалось выше, значительное преобладание крутовой керамики над лепной в распаханном культурном слое, присутствие профилированных форм керамики XII–XIII вв. и отдельных вещей, хронология которых ограничена примерно тем же периодом (в частности, круглой иконки с изображением Успения Богоматери — Кудряшов А. В., 1994) позволяют определить нижнюю дату Шуклинского гнезда поселений в пределах середины — второй половины XII в. Не позднее второй половины XIII в. поселение прекратило существование.

Никольский погост располагается на территории наиболее крупного — южного селища шуклинской агломерации, в южной его части, на мысу невысокой береговой террасы (рис. 91, 1). Культурный слой с керамикой XII–XIII вв. зафиксирован как с юга, так и с севера от храмовых построек, от которых сохранились развалины каменной церкви и фундамент деревянной. О наличии или отсутствии культурных напластований непосредственно под храмовыми постройками судить трудно. Высотные отметки оснований храмов (4 м над меженным уровнем воды) ниже отметок деревни Никольская (6–9 м). Местоположение церквей на низкой площад-

ке, не обладающей особыми достоинствами с точки зрения пространственной композиции при наличии вблизи более высоких точек рельефа — живописных и удобных для обзора холмов и возвышенностей — кажется труднообъяснимым без учета истории заселения микрорегиона. Топографическая связь погоста с одним из первоначальных древнерусских поселений (или, что кажется более вероятным, с некрополем этого поселения, погребенным под развалинами церкви) дает необходимое объяснение этому планировочному решению. Очевидно, первая церковь в Шуклине была воздвигнута в XII–XIII вв., когда холмы и возвышенности еще не были расчищены от леса, а основная зона хозяйственной активности насельников была ограничена долиной Шексны.

Не менее выразительно местоположение некоторых погостов, тесно соседствующих с древнерусскими поселениями, иногда вплотную примыкающих к площадкам селищ, но не занимающих их центральной части.

В нижнем течении Кемы, на левой ее стороне, напротив с. Никольское, в живописной излучине реки находилась д. Ильинская, снесенная в 1960-х гг. Местность, где ранее располагалась деревня, насчитывавшая несколько десятков дворов, представляет собой плоскую береговую террасу, возвышающуюся над современным уровнем воды в реке на 1–2 м и полого повышающуюся к югу. После сноса деревни основания жилых домов были счищены бульдозером, впоследствии это место распахивалось, сейчас вновь занято лугом. В 60 м от берега хорошо заметны остатки ц. св. Ильи пророка — поросший деревьями холм из битого кирпича,

окруженный заброшенным кладбищем. Участок, занятый кладбищем, имеет правильную прямоугольную форму, размеры его 50 x 70 м (рис. 92, 1).

О древности Ильинского погоста свидетельствует упоминание «пол-Кемы — Ильинской стороны» в уже цитированной деловой грамоте кемских князей о разделе отчины их отца, князя Давыда Семеновича Кемского, датируемой 1474–1486 гг. (АСЭИ, т. II, 1958, № 227а). Ильинская сторона упоминается и в двух других грамотах 1482–1490 гг. и 1495–1506 гг. (АСЭИ, т. II, 1958, №№ 264, 295). Несомненно, она получила свое название по Ильинскому погосту на левой стороне р. Кемы.

Ильинский погост находится на территории, плотно заселенной в X–XIII вв. На левой стороне Кемы вблизи него расположены 3 средневековых поселения (рис. 52, 1; №№ 181–183), два из которых возникли не позднее конца X в., а третье, наиболее крупное — Покровское II (№ 182) — несколько позднее. Церковь Ильи пророка находится на южной окраине этого селища (рис. 92, 1). Домонгольская керамика встречена у северо-западного и северо-восточного углов церковной ограды, к югу от церкви собраны лишь керамические материалы XV–XVII вв. Судя по распространению керамики XII–XIII вв., домонгольское поселение, площадь которого составляла примерно 25 000 кв. м, было вытянуто вдоль реки. Позднесредневековое поселение имело большие размеры и распространялось значительно далее на юг. Местоположение церкви на невысокой ровной террасе может получить удовлетворительное объяснение лишь с учетом ее топографической связи с древнерусским поселением, если мы предположим, что первая церковь здесь была сооружена еще в

домонгольское время. Отметим, что топографическое соотношение древнерусского селища и церкви соответствует характерной топографической модели XI–XIII вв., когда для могильников отводились невысокие возвышенности, почти вплотную примыкающие к площадкам поселения с противоположной от реки стороны.

На северном берегу Белого озера на мысу высокой коренной террасы, прорезанной оврагом, находится Троицкий погост в Киснеме (рис. 16, 1; 60). Погост впервые упомянут в писцовой книге 1626–27 гг., однако, очевидно, появление его относится к значительно более раннему времени. Выбор для строительства храма мысовой площадки высотой 10–11 м, хорошо видимой с озера и с различных точек береговой террасы, — чрезвычайно удачное планировочное решение, в полной мере использующее особенности ландшафта побережья Белого озера. Но не менее существенно и положение киснемского храма в системе раннесредневекового расселения. Погост занимает центральное место в наиболее крупном кусте домонгольских поселений на северном берегу Белого озера, с запада и с востока на расстоянии 70–100 м от него располагаются селища Троицкое VI (№ 224) и Троицкое II–III (№ 227), площадь которых достигает редких для Белозерья размеров — 3–8 га. Отсутствие культурного слоя на мысу, где стоит церковь Троицы, при очевидной ценности этого места с точки зрения средневекового освоения и плотной заселенности края коренной террасы северного берега может иметь одно логичное объяснение — еще в XII–XIII вв. при формировании куста средневековых поселений в Киснеме этот участок был отведен для устройства погоста.

Примерно в 13 км к востоку от Киснемы на том же северном берегу Белого озера при впадении в него речки Вашкицы (Хотинки) находилось село Вашки («Вашкий»), бывший районный центр Вологодской области, снесенное при создании Волго-Балтийской системы (рис. 93). Первые известия о Вашках мы находим в сотной 1544 г. на земли Кириллова монастыря в Белозерском уезде (Сотная из писцовых книг..., 1972, с. 199), хотя, вероятно, и этот населенный пункт возник гораздо ранее (упоминаемые в кирилловских актах XV в. угодья и населенные пункты «на усть-Вашкици» (АСЭИ, 1958, т. II, №№ 165, 167, 208, 251) не имеют к нему отношения, речь в них идет о другой, Малой Вашкице (Боровке), в устье которой стояла ц. Троицы). Местность, где до 1965 г. находилось село, представляет собой прорезанную небольшой рекой плоскую озерную террасу, возвышающуюся над водой на 1–1,5 м. На поверхности хорошо читаются основания построек, насыпи дорог, огородные гряды, на мысу левого берега р. Вашкицы-Хотинки в 50 м от Белого озера возвышаются руины церкви. Это погост Рождества Богородицы и Николы, упоминаемый в сотной 1544 г. и в переписной книге кирилловских вотчин 1601 г. (Вотчинные хозяйственные..., 1983, с. 394).

На берегу Белого озера, в 40 м к юго-западу от церкви нами зафиксированы остатки обширного древнерусского селища (рис. 93; № 236). Лепная и круговая керамика встречена в размывах берега на протяжении 170 м. Шурфовка террасы на расстоянии 20–30 м от берега не выявила средневекового культурного слоя, отсутствует он и в шурфах, заложенных на возвышенной площадке вблизи церкви. По-

гост Рождества Богородицы, таким образом, был помещен на участке, который в древнерусское время не был заселен, но, судя по своим естественно-географическим характеристикам, мог использоваться как место могильника.

Можно привести и другие случаи взаимного расположения приходских церквей и средневековых селищ, при которых церковь занимает ближайшую по отношению к поселению X–XIII вв. возвышенность, господствующую над средневековым поселением или находящуюся на одной высоте с ним. Примером подобного расположения является Вознесенский погост на Кеме, вплотную примыкающий к крупному селищу Никольское VI (№ 184); Никольская церковь в Усть-Ковже, находящаяся рядом со средневековым селищем Новокемский V (№ 210); Никольский погост на Волоке Славенском, расположенный на окраине селища XII–XIII вв. (№ 79); погост в Кустове, находящийся рядом со средневековым селищем на противоположном берегу р. Кустовки (№ 294); Покровский погост в Кивуе, вблизи которого находятся два средневековых селища (№№ 231, 232); Успенский погост в устье р. Мегры, отделенный рекой от средневекового поселения (№ 292); Рождественский погост в устье Вогнемки на Шексне, тесно соседствующий со средневековым поселением (№ 11). Примечательно, что во многих из этих случаев расположенные на небольших возвышенностях церкви доминируют над средневековыми селищами, но находятся на одних и тех же высотных отметках с историческими деревнями, возникшими в XIV–XV вв. и существующими в настоящее время или снесенными в недавнем прошлом. Некоторые случаи подобного расположения погостов с вы-

сокой долей вероятности могут быть объяснены привязкой их к могильникам или местам церковей домонгольского времени, находившимся вблизи поселений, однако при отсутствии более подробных сведений о планиграфии и хронологии этих поселений подобные реконструкции сохраняют оттенок гипотетичности.

Весьма выразительны случаи, когда церковь, соседствующая со средневековыми поселениями, располагается на низких (0,5–1,5 м над современным уровнем воды) приозерных террасах или на невысоких мысах при впадении реки в озеро. На Мегре и Кустовке погосты занимают береговые мысы в устьях рек, впадающих в Белое озеро, а средневековые поселения и исторические деревни находятся несколько выше по течению реки (рис. 8, 2). В Вашках церковь находилась на небольшом повышении берега р. Хотинки в 60 м от впадения ее в Белое озеро, средневековое поселение — в западу от нее на самом берегу озера, а основная часть исторической деревни — к северо-востоку от церкви, далее от озера. Столь же низкое расположение церквей отмечено на устье Ковжи (рис. 8, 1), в Крохине, в Ивановом Бору и в некоторых других пунктах. У жителей некоторых низменных приозерных районов практические возможности для устройства храмов на более возвышенных участках были ограничены, но в других районах — в Ивановом Бору, на устье Мегры, на устье Кустовки, в Вашках — эти возможности существовали — достаточно было поставить церковь чуть выше по течению реки или на край более высокой террасы. Подобный вариант расположения погоста, при котором церковь несколько отодвигалась от «жилой зоны», но выносилась на господствующую высоту, на более сухое место, по ка-

ким-то причинам был менее предпочтительным. Объяснение этого явления я вижу в том, что именно береговые мысы в устьях рек при впадении их в озера или у истока из озер на протяжении тысячелетий выступали как оптимальные точки для устройства поселений. Низкие береговые мысы были наиболее обжитыми и привычными для заселения урочищами в неолите, в эпоху раннего железа и в древнерусское время — вплоть до второй половины XIII — XIV в., когда системы расселения на Севере подверглись радикальной трансформации.

Расположение погостов на низких мысах и террасах соответствует, таким образом, очень архаичной и устойчивой топографической модели.

Остановлюсь теперь на тех случаях, когда церковь располагается на некотором удалении от домонгольских поселений, но в границах микрорегионов, освоенных в древнерусское время. Примером подобного положения является Троицкий Ивакинский погост в волости Липин Борок, находившейся по соседству с Вашками в 4 км юго-восточнее (рис. 92, 2). Троицкая церковь находится на мысу коренной террасы левого берега р. Вашкицы (Боровки), два средневековых селища (Липин Бор I и II, №№ 121, 122) — в 200–250 м к северо-востоку и северо-западу от нее на противоположном, правом берегу реки, средневековое местонахождение Липин Бор V (№ 125) — на берегу озера в 500 м к югу от церкви. Погост, занимающий господствующую высоту, оказывается своеобразным топографическим центром, вокруг которого сконцентрировано несколько средневековых селищ. Другим примером подобной топографической модели является погост в Ухтоме, вблизи

которого на расстоянии 250–700 м находятся 4 поселения с древнерусской керамикой (№№ 130–133). Погост, находящийся в центре современного села, занимает небольшую возвышенность, господствующую над селищами, приуроченными к краю берега реки.

Не рискуя предложить какое-либо определенное историческое объяснение этой топографической модели, отметим все же, что в этих случаях погосты, не обнаруживающие связи с конкретным средневековым поселением, маркируют весь староосвоенный микрорегион с кустом средневековых селищ.

Отметим наконец, что в староосвоенных районах Белозерья известны и погосты, находящиеся на значительном (1–3 км) удалении от крупных гнезд древнерусских селищ, память о существовании которых едва ли была совершенно утрачена в XV–XVII вв. В некоторых случаях вынесение погоста за пределы микрорегиона с древнерусскими памятниками было явно обусловлено стремлением к наиболее выгодному визуально-пространственному решению. Пример подобной ситуации — ц. Спаса Преображения на Федосьином городке, стоявшая на высоком останце коренного берега Шексны. Сооружение храма в этой точке, удаленной на 1–3 км от древнерусских селищ, обеспечило прекрасный обзор его как из долины Шексны, так и с обеих ее берегов. Менее объяснима ситуация на Покровском озере и Волоцком озере, где погосты находятся в 1,5 км от гнезд древнерусских селищ, но примерно в аналогичных топографических условиях.

Суммируя наши наблюдения, можно сделать несколько выводов. Во-первых,

есть веские основания считать, что часть приходских церквей Белозерья, сохранившихся до нашего времени или разрушенных при советской власти, стоит на местах первых церковных построек и христианских некрополей XII–XIII вв. Подобная ситуация с большой долей достоверности реконструируется для Ильинского погоста на р. Кеме, Вознесенского погоста на р. Кеме, Троицкого погоста в Киснеме, Покровского погоста в Кивуе, Рождественского погоста в Вашках, Никольского погоста в Шуклине, Никольского погоста на Волоке Славенском, топография которых, рассматриваемая в археологическом контексте, чрезвычайно выразительна. В ряде других случаев связь исторического погоста с предполагаемыми церковными постройками древнерусского времени восстанавливается более гипотетически.

Во-вторых, отчетливо прослеживается тенденция к возведению храмов на местах средневековых поселений или вблизи таких поселений, в границах освоенных в домонгольское время микрорегионов. Во многих случаях у нас нет оснований считать, что позднесредневековые погосты наследуют местным центрам христианского культа более раннего времени. Скорее эти ситуацию следует интерпретировать как осознанное помещение сакрального локуса в староосвоенную зону, нередко — на место древнейшего поселения. В этом плане весьма выразительна топография Никольской церкви на Кеме, Ильинской церкви в Муньге, Никольской церкви на устье Ковжи. Мы не совсем ясно представляем себе, как функционировали социокультурные механизмы, обеспечивавшие подобное размещение храмов, и какое обоснование эта традиция могла иметь в религиозных и идеологических

представлениях, но сама тенденция просматривается достаточно определенно. Можно предположить, что в основе традиции устройства погостов в староосвоенных микрорегионах, иногда — на местах древнейших поселений, заброшенных в ходе дальнейшей колонизации, лежат представления об особых сакральных свойствах этих участков, закрепленные в местных исторических преданиях.

В-третьих, выясняется, что топография значительной части белозерских погостов восходит к своеобразному «топографическому архетипу» размещения поселений на низких мысах и низких приустьевых террасах, сложившемуся на Европейском Севере России в эпоху неолита, и отражающему, по-видимому, древние представления об особой ценности этих участков для хозяйственной деятельности и устройства поселений. Поскольку естественно-географические свойства этих урочищ делали их не вполне удобными для сооружения храмов, можно предположить, что именно традиционные представления об организации культурного пространства обеспечили устойчивость данной топографической модели.

Этнографические и историко-географические исследования дают немало примеров сакрализации девственных нетронутых ландшафтов, помещения сакрального локуса вне жилой зоны. На Белозерье эта тенденция выразилась, в частности, в географии почитаемых монастырей — почти все они возникли в конце XIV — XV в. за пределами освоенных в предшествующий период — в X–XIII вв. — участков. Топография сельских приходов позволяет полагать, что в действительности представления о сакральном локусе были двойственны — в народном сознании существовала и про-

тивоположная тенденция сакрализации мест первоначального поселения, ключевых точек староосвоенных ландшафтов.

Разумеется, стремление привязать центры сельских приходов к местам первых средневековых поселений и староосвоенным микрорегионам в целом было далеко не единственным фактором, определявшим места возведения приходских

храмов. На выбор места влияли и другие, не менее весомые обстоятельства, от чисто практических особенностей землепользования до эстетических характеристик местности. Не абсолютизируя фактор «исторической преемственности», я, тем не менее, вынужден признать его существенную значимость, документированную археологическими материалами.

9. ДРЕВНЕРУССКОЕ БЕЛООЗЕРО И НЕКОТОРЫЕ ОБЩИЕ ВОПРОСЫ ИЗУЧЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО РАССЕЛЕНИЯ

Поскольку белозерские памятники занимают периферийное положение на карте древнерусской культурной провинции и в определенном смысле пограничное положение между западно-финскими и восточно-финскими древностями, может показаться правомерным оценивать ситуацию в этом регионе как некий частный случай, выпадающий из общедревнерусской панорамы и из общей картины культурного развития на Северо-Западе или Северо-Востоке. В действительности, как мне кажется, многие черты средневекового расселения в Белозерском крае отражают общие явления в культуре и расселении Древней Руси или отдельных крупных массивов древнерусской территории. Более того, они отражают некоторые характерные моменты в развитии расселения и культурного ландшафта во всей северной части Европейского континента. Остановимся более подробно на характеристике этих явлений.

1. Возникновение десятков новых поселений с новыми формами организации хозяйства и материальной культурой, образующих локальные и региональную систему в районе Белого озера, безусловно, должно рассматриваться и изучаться как часть общего процесса формирования нового социально-экономического и культурного феномена — средневековой

деревни. Этот процесс разворачивался в конце I — начале II тыс. практически повсеместно на огромных территориях от Ирландии до Волги и Северной Двины, хотя и протекал в разных формах и имел своим результатом возникновение разных типов поселений. Одним из важнейших итогов археологического изучения деревень и средневекового расселения в Западной Европе в 1970–80-х гг. стало осознание того факта, что сложение в этот период нового культурного ландшафта сельских областей и устойчивой сети сельских поселений, сохранявшейся, в той или иной степени, до начала индустриализации, не менее значимая историческая инновация, чем бурный рост городов и становление городской системы, столь существенной для экономического и культурного прогресса средневековой западноевропейской цивилизации. Возникновение средневековой деревни исследуется в западноевропейской археологии как особая проблема, с пристальным вниманием к различным типам материальных объектов, отражающих культурные изменения — поселениям, отдельным постройкам, системам полей, земельным владениям, границы которых отмечались каменными межами, приходским церквям, прудам, колодцам (Beresford M., Hurst J., 1971; Hook D., 1985; Broberg A., 1992;

Andersson H., 1993; Rural settlements..., 1997). В отечественной науке сельские поселения X–XIII вв. рассматриваются обычно как более статичная часть средневековой цивилизации, сохраняющая черты предшествующих исторических эпох. Подобное отношение отчасти объясняется самим характером памятников, сохранившихся в сельских областях. Отсутствие или недостаточная исследованность на Русской равнине многих объектов, отражающих средневековую жизнедеятельность в сельских районах, — таких, как деревни, сохраняющие средневековую планировку, жилые и хозяйственные постройки крестьян, земельные наделы с каменными оградками, погребенные пахотные горизонты — заметно сужает возможности для предметного изучения формирования нового культурного ландшафта. И все же мы имеем достаточно свидетельств, что инновации в организации расселения и землепользования на Руси в X–XII вв. были не менее значительны, чем в Западной Европе. Белозерские материалы представляют отчетливую картину этих инноваций.

2. Средневековое Белоозеро, как и многие другие древнерусские волости и земли на Северо-Западе и Северо-Востоке, развивалось на территории, где в течение тысячелетий плотность населения оставалась сравнительно низкой, сложившиеся системы жизнеобеспечения были консервативны, а технологические инновации внедрялись медленно. Не будет преувеличением сказать, что средневековые насельники Белоозерья получили от предшествующих тысячелетий сравнительно скромное цивилизационное наследие, как впрочем и их современники, расселявшиеся в Суздальском Ополе, вокруг Плещеева озера или в Приильме-

нье. Уместно напомнить, что на всех этих территориях в эпоху неолита не произошло становление производящего хозяйства, эпоха бронзы не сопровождалась широким распространением бронзовых орудий труда и оружия, широкое использование железных орудий началось не ранее конца I тыс. до н. э., а практика сооружения городищ в железном веке, в отличие от Верхнего Поднепровья, Верхнего Поволжья, Москворецкого бассейна не имела повсеместного характера, ограничиваясь отдельными локальными районами. Относительная бедность металлом в течение многих веков отличала эти территории от близких по своим физико-географическим особенностям Прикамья, Южной Финляндии, Верхнего Поднепровья и Верхней Волги. Развивавшиеся здесь в течение тысячелетий культуры эпохи неолита, бронзы и раннего железа характеризуются предельной простотой и бедностью культурных форм — они не оставили (за редкими исключениями) курганов, каменных надмогильных и внутримогильных конструкций, культовых сооружений и монументальных объектов, символизирующих в древних обществах освоение территории, закрепление ее в руках определенных этносоциальных групп и принадлежность к определенным цивилизационным провинциям. Мы можем интерпретировать это как стратегию более рационального использования прибавочного продукта или как свидетельство реальной бедности, недостатка средств для возведения даже относительно скромных знаков, маркирующих отношения власти и собственности.

Формирование центров древнерусского расселения на Северо-Западе и Северо-Востоке происходило в равнинных лесных ландшафтах, где в течение пред-

шествующих тысячелетий концентрация людских и материальных ресурсов была исключительно низкой. Бедность исторической подосновы, на которой развивалось формирование древнерусских расселенческих структур на Северо-Западе и Северо-Востоке, обычно упускается из виду историками и археологами. Между тем эта бедность, безусловно, должна рассматриваться как один из наиболее значимых факторов, определявших ход исторического развития на этих территориях в средневековье.

3. Универсальная черта средневекового расселения на Северо-Западе и Северо-Востоке — существование районов со сравнительно высокой концентрацией средневековых поселений на сравнительно небольших участках, разделенных значительными массивами слабозаселенных территорий. Еще М. К. Любавский, характеризуя влияние природных условий на географию расселения в Восточной Европе, отметил, что «славяне в силу... природных условий должны были селиться не сплошь, а группами, островами, оставляя между ними большие незаселенные пространства» (Любавский М. К., 1996, с. 117), акцентируя внимание на «физическом пространственном разобщении различных групп русского населения» (Любавский М. К., 1909, с. 85). Эта ситуация более отчетливо выявилась на новом этапе изучения средневекового расселения, после широких археологических разведок, проводившихся в различных областях Европейской России в 1970–1980-х гг., и еще в полной мере не осмыслена в историко-географических исследованиях. Неравномерная обследованность различных районов и отсутствие сводных археологических карт, фиксиру-

ющих памятники отдельных хронологических периодов, затрудняет определение точных границ освоенных в древнерусское время районов и оценку количества составлявших их поселений, но сам факт чередования слабозаселенных и плотнозаселенных территорий не вызывает сомнений. Как примеры последних могут рассматриваться окрестности многих северных древнерусских городов: Новгорода, Пскова, Изборска, Ростова Великого, Суздаля, Переяславля Залесского, Юрьева Польского, Великого Устюга. Впрочем, районы плотной концентрации сельских поселений (или соответствующих им могильников) не всегда непосредственно связаны с городами: из трех районов плотного заселения XII–XIII вв. в Костромском Поволжье, выделяемых на основании картирования курганных групп, два развиваются без соответствующих городских центров (Археология Костромского края, 1997, с. 138–249), основной район древнерусского расселения в Юго-Восточном Приладожье складывается на Сяси, Паше и Ояти в некотором удалении от Ладоги. Контрастность между районами с высокой концентрацией поселений и слабоосвоенными территориями характерна в большей мере для Северо-Востока, чем для Северо-Запада. Белоозеро формируется как один из районов высокой концентрации поселений в XI–XII вв. и, наряду с Костромским Поволжьем и Волго-Клязьменским междуречьем, может рассматриваться как территория, где эта контрастность выражена наиболее ярко. При этом восточная граница белозерского сгустка поселений прослеживается значительно более четко, чем западная, и оказывается одновременно восточной границей основного массива древнерусских поселений XI–XII вв., так же как и

восточные границы Владимиро-Суздальского сгустка поселений на Клязьме и Уводи и Костромских сгустков на левобережье Волги. Остается добавить, что именно расположение отдельных районов с высокой концентрацией населения на слабоосвоенных территориях в X–XII вв. сформировало общие географические контуры Новгородской и Ростово-Суздальской земли как особых политико-административных образований и их территориально-административное устройство.

3. Белоозеро — один из наиболее ярких примеров приуроченности севернорусских расселенческих структур и территориально-административных образований к водным системам крупных озер, имеющий близкое соответствие в географическом положении Новгорода, Пскова, Ростова Великого и Переяславля. Хотя историческая география традиционно подчеркивала значение рек как основных системообразующих элементов при формировании древнерусских земель и волостей, археологические разыскания последних десятилетий показывают, что многие крупнейшие и наиболее древние сгустки средневековых поселений на территории Северной Руси концентрируются именно вокруг озер, вблизи которых возникают и важнейшие городские центры. Замечание А. Е. Леонтьева о том, что «на великой реке Волге в домонгольское время не было крупных городов» (Леонтьев А. Е., 1996, с. 272), пожалуй, чересчур категорично, но в целом оно достаточно адекватно характеризует особенности исторической географии Северо-Восточной Руси. Есть все основания считать, что районы озер Неро («Ростовского») и Плещеева («Клещина») действительно высту-

пали как места наиболее высокой концентрации как мерянских поселений конца I тыс. н. э., так и древнерусских селищ X–XIII вв. Вблизи Ростовского озера локализуется более 20 мерянских поселений и около 30 древнерусских селищ, многие из них имеют крупные размеры. Ростов, находящийся на западном берегу озера Неро, располагается в центре этого сгустка поселений (Леонтьев А. Е., 1996, с. 29–45, 271–291). Второй по размерам сгусток средневековых поселений в центре Северо-Восточной Руси размещался на Плещеевом озере — здесь на компактном участке сосредоточено 12 мерянских и 14 древнерусских поселений. Площадь большинства из них достигает нескольких гектаров, вблизи поселений находились крупные курганные группы, в которых насчитывались сотни насыпей (Леонтьев А. Е., 1996, с. 46–51, 271–291; Комаров К. И., 1995, с. 137–172). Городище Клещин, древнейший городской центр в этом районе, располагался в центре скопления поселений на восточном берегу озера, Переяславль был основан в 1152 г. на юго-восточной периферии этой территории, на левом берегу р. Трубеж, близ впадения ее в Плещеево озеро. Роль Ильменского Поозерья как исторического центра Новгородской земли и славянского расселения на Северо-Западе Руси в целом подробно рассмотрена в ряде публикаций Е. Н. Носова, систематизировавшего данные о памятниках конца I тыс. н. э. в этом районе (Носов Е. Н., 1984; Носов Е. Н., 1990, с. 8, 172–184; Носов Е. Н., 1991). По подсчетам Е. Н. Носова, в Поозерье, на территории, охватывающей северное и северо-западное побережье озера Ильмень и верховья р. Волхов, протяженность которой с севера на юг составляет около 20 км, скон-

центрировано более 25 поселений конца I тыс. н. э., в 19 пунктах здесь выявлены сопки или следы сопочных насыпей. Площадь большинства селищ конца I тыс. превышает 1 га. Древнерусские поселения Ильменского Поозерья не были предметом специального выявления и картирования, однако Е. Н. Носов отмечает находки древнерусской керамики XI–XIII вв. практически на всех более ранних поселениях, полагая, что жизнь на них продолжалась и в древнерусский период. Южное и восточное побережье озера Ильмень, изобилующее болотистыми участками, было заселено значительно слабее. Новгородское Городище и Новгород, находящиеся в истоках Волхова, развивались в центре этого сгустка поселений. В районе Псковского и Чудского озера приуроченность систем расселения конца I — начала II тыс. н. э., составивших основное ядро Псковской земли, к озерной системе прослеживается, на первый взгляд, не так отчетливо, гнезда поселений этого времени размещаются здесь не только вблизи побережья озер, но и на существенном удалении от него, на р. Великой и ее притоках, Плюссе и ее притоках и менее крупных реках, впадающих в Псковское и Чудское озера с востока. Тем не менее, значительная часть поселений и могильников XI–XIII вв. локализуется вблизи Псковского и Чудского озера (Харлашов Б. Н., 1986; Харлашов Б. Н., 1991). Псков, находящийся в низовьях р. Великой, примерно в 10 км выше впадения ее в Псковское озеро, развивался первоначально между двумя микрорайонами плотного расселения второй половины — конца I тыс. н. э., один из которых локализуется непосредственно в устье р. Великой и на р. Каменке, впадающей в Великую вблизи устья. Дальнейшее

развитие Пскова происходит одновременно с развитием микрорайона в устье р. Великой, который постепенно срастается с городом (Лабутина И. К., Колосова И. О., Степанов С. В., Харлашов Б. Н., 1995, с. 29–32). Отметим, наконец, два приозерных района концентрации средневековых поселений на периферии Северной Руси. Речь идет о Галичском озере в Костромском Заволжье и об озере Лача, дающем начало р. Онеге. На северном берегу Галичского озера и в верховьях вытекающей из него р. Вексы на 20-километровом участке сосредоточено 5 средневековых селищ и городище. Большинство из этих поселений имеет крупные (свыше 1 га) размеры, на памятниках зафиксированы как напластования конца I тыс. н. э. с финно-угорским (мерянских) вещевым комплексом, так и культурные отложения древнерусского времени (Леонтьев А. Е., 1996, с. 246–247; Археология Костромского края, 1997, с. 120, 139; Макаров Н. А., А-1986). С этим кустом поселений тесно связан древнерусский Галич, основанный на южном берегу озера, очевидно, во второй половине XII в. (Археология Костромского края, 1997, с. 227–232). На озере Лача зафиксировано самое крупное в Прионежье скопление средневековых памятников, в составе которого 8 поселений и местонахождений и 4 могильника XI–XIII вв. (Макаров Н. А., 1990, с. 111–113). Памятники приурочены, в основном, к устьям рек, впадающих в озеро. На территории самого Каргополя культурный слой XI–XII вв. не выявлен, имеющиеся находки позволяют датировать древнейшие культурные напластования XIII–XIV вв. (Суворов А. В., 1996). Средневековый город, расположенный в верховьях Онеги, вблизи истока ее из озера, несомненно, связан с первоначальным

кустом средневековых приозерных поселений.

Хотя перечисленные расселенческие образования сильно различаются по размерам озер, с которыми они связаны (площадь Белого озера до создания Волго-Балта составляла 1125 кв. км, площадь Ильменя — 919 кв. км, площадь оз. Неро — лишь 51 кв. км), по характеру размещения сельских поселений относительно озер (на озерах Неро, Белое, Лача селища расположены более или менее равномерно по периметру приозерной территории, на озерах Ильмень, Псковское, Плещеево, Галичское в их размещении заметна асимметрия), наконец, по характеру размещения городских центров (Ростов и Галич расположены непосредственно на побережье озер, остальные города — вблизи устья или истока наиболее крупных рек, вытекающих или впадающих в озера), очевидно, что во всех случаях мы сталкиваемся с единым принципом организации территориальных структур. Причины устойчивости этой модели должны стать предметом специального анализа. Несомненно, они в первую очередь обусловлены тем, что именно в районах озер природные условия позволяли обеспечить существование значительной массы населения на компактных участках. Свое значение имели наличие богатых пойменных лугов, легких и плодородных аллювиальных почв, располагавшихся, частично, на открытых участках, значительных рыбных ресурсов. Другим фактором было, по-видимому, особое значение озер, являвшихся естественными соединениями сложных речных систем, для организации сообщения. Из этих районов открывалась возможность движения в разных направлениях, по разным маршрутам и соответственно — удобный доступ к territori-

ям, лежащим на удалении от основных заселенных участков.

4. Значительный рост числа сельских поселений на Белоозере в XI–XII вв., безусловно, должен рассматриваться как часть общего демографического и расселенческого подъема, фиксируемого в конце I — начале II тыс. на многих древнерусских территориях — от Среднего Поднепровья до Ижорского плато и Костромского Поволжья. На Севере Руси этот подъем разворачивается после довольно глубокого демографического спада середины — третьей четверти I тыс. н. э. Конкретная динамика его в разных районах различна, на многих территориях она восстанавливается лишь в самых общих чертах. В центральных районах Новгородской земли становление значительного количества новых поселений приходится, очевидно, на IX–X вв., на северо-востоке Руси аналогичные процессы начинаются в конце X — XI вв. Активизация этих процессов во второй половине XII в., отчетливо фиксируемая на Белоозере, прослеживается и в целом ряде других древнерусских областей. Бурное становление и развитие сети сельских поселений в этот период в таких районах как Ижорское плато, Московецкий бассейн, Костромское Поволжье, где исследовано значительное количество курганов XII в., — факт, уже давно известный в археологической науке. Об интенсивном формировании сети сельских поселений в этот период в Курском Посемье (Узянов А. А., 1993, с. 79–97), Черниговском Подесенье (Шекун А. В., 1990, с. 73–75), междуречье Десны и Судости (округа Стародуба; Шинаков Е. А., Ющенко Н. Е., 1993, с. 57–61), на правом берегу Верхнего Дона — в районе Куликова Поля (Куликово поле, 1990), в округе Великого

Устюга (низовья р. Юга и верховья Малой Северной Двины; Макаров Н. А., 1988) стало известно сравнительно недавно, после выявления здесь значительных серий поселений с материалами XII в. Таким образом, XII в., в особенности его вторая половина, — время мощной сельской колонизации, разворачивающейся на значительных пространствах Руси. Хотя в отдельных районах, например, на Ловати или в западной части Мстинско-Моложского междуречья исследователи фиксируют в этот период некоторую стагнацию или сокращение числа поселений (Конечный В. Я., 1992; Исланова И. В., 1995; Исланова И. В., 1997, с. 114–130), в целом бурный колонизационный процесс XII в. невозможно объяснить какими-либо перегруппировками населения или внутренними миграциями. Источник его можно видеть лишь в общей демографической и экономической ситуации, сложившейся в этот период на Русской равнине. Симптоматично, что рост числа сельских поселений в равной мере характерен как для северных, так и для южных областей, вследствие чего предположение о южной переселенческой волне как об основном факторе развития сельского расселения на Севере, прочно вошедшее в историографию, нуждается в серьезной корректировке.

5. Вместе с тем, наши наблюдения о пространственном несовпадении основных центров веского расселения второй половины I тыс. н. э. и древнерусского расселения в Шекснинско-Белозерском регионе, о слабой заселенности прибрежья Белого озера в середине — третьей четверти I тыс. н. э. и об интенсивном формировании сети поселений в XI–XII вв. как части общедревнерусской системы расселения на Севере не должны

быть истолкованы как свидетельства отсутствия преемственности в заселении и развитии культурного ландшафта. Преемственность в организации расселения, напротив, представляется мне исключительно важной чертой в культурной истории северных областей Европейской России, но подход к ее изучению не может сводиться к прояснению вопроса о непосредственных предшественниках средневековых насельников и об отсутствии или наличии следов заселения конца I тыс. н. э., подстилающих культурный слой древнерусских поселений. Он требует анализа более глубокой ретроспективы и более широкого сопоставления картины расселения на различных хронологических срезах.

В настоящее время накоплены надежные свидетельства того, что многие регионы и локальные территории, где концентрируются средневековые поселения, были местами концентрации населения уже в глубокой древности. Подобная связь хорошо прослеживается в котловинах озер — таких как Ильмень, Неро, Плещеево, Галичское, и в долинах рек, таких как Ока, Москва-река, Мста, Волга и Молога в их верхнем течении. Едва ли можно считать случайными, например, тесное соседство Коломцов — одного из крупнейших неолитических поселений района озера Ильмень — и Рюрикова городища или пространственное совмещение крупнейшего куста поселений эпохи неолита — раннего металла на Плещеевом озере с кустом средневековых селищ, составивших ядро Переяславской волости. Столь же симптоматично расположение многих славянских и финских поселений IX–XII вв. на Северо-Западе и Северо-Востоке, сыгравших заметную роль в становлении средневековых систем расселения, на

местах более ранних памятников эпохи камня, бронзы и раннего металла, хорошо документированное на таких известных памятниках, как Холопий городок в Верховьях Волхова (Носов Е. Н., Плохов А. В., 1989), городище Еськи на Верхней Мологе (Леонтьев А. Е., 1998), серия средневековых селищ в Заонежье и Прионежье (Кочкуркина С. И., Спиридонов А. М., 1988). Разумеется, в этих случаях речь должна идти не о прямой исторической связи между населением, обитавшим в этих микрорегионах в различные хронологические периоды, а о сохранении общей традиции устройства поселений и организации культурного ландшафта, сложившейся в эпоху неолита и раннего металла. Средневековые насельники, во-первых, использовали ландшафты, в какой-то мере окультуренные в древности и, вероятно, во многих районах так и не восстановившиеся, несмотря на поселенческий спад второй половины I тыс., во-вторых, использовали приемы освоения этих ландшафтов и ведения хозяйства, выработанные в древности, и сохранявшиеся в лесной полосе Восточной Европы, несмотря на смены культур и физического состава населения. Устойчивость основных традиций освоения ландшафта, сохранявшаяся вплоть до второй половины XIII в. при расселении новых групп колонистов в лесной полосе Европейской России — одна из существенных особенностей культурно-исторического процесса на этих территориях.

6. Топография сельских поселений, организация расселения и основные направления ее эволюции на всей территории Центра и Севера Древней Руси характеризуются значительным единством. Для всех этих территорий в X — первой половине XIII в. характерен приречный

тип заселения, расположение селищ на первых надпойменных террасах, группировка их в компактные гнезда, преобладание относительно крупных поселений. В конце XIII — XIV в. расселение распространяется на водоразделы, размеры поселений уменьшаются, на смену компактным гнездам поселений приходят локальные образования иного типа, занимающие большие участки, но с более слабой пространственной связью между поселениями. Эти закономерности, впервые выявленные В. В. Седовым на материалах центральных районов Смоленской земли (Седов В. В., 1960), подтвердились результатами детальных обследований таких территорий как Радонеж (Чернов С. З., 1989; Чернов С. З., 1991), Суздальское Ополье (Лапшин В. А., 1985), Верхнее Полужье (Платонова Н. И., 1988; Платонова Н. И., 1991), Жабенская волость на юге Новгородской земли (Буров В. А., 1995; Буров В. А., 1995 а), Мстинско-Моложское междуречье (Исланова И. В., 1995), Изборская округа (Харлашов Б. Н., 1986) и, теперь можно добавить, Белозерье. Разумеется, в разных районах развитие систем расселения имело свои особенности. Так, например, в некоторых районах Новгородской земли освоение водоразделов началось, вероятно, уже в XII в., тогда как в Устюжском крае приречный тип заселения с расположением селищ в долинах наиболее крупных рек оставался единственным вплоть до XV в. (Макаров Н. А., 1988 а). В одних районах, например, в Суздальском Ополье и округе Ростова Великого и Переяславля-Залеского, возникшие в X—XI вв. поселения развивались относительно стабильно и послужили основой для формирования локальных и региональных структур XII—XIII вв., в других, например, в бассейне

Ловати, XI–XII вв. стали временем перегруппировки поселений, сопровождавшейся запустением части локальных центров (Конецкий В. Я., 1992, с. 38–43). Наконец, внутренняя колонизация и широкое освоение водоразделов, начавшиеся в конце XIII в., в одних районах повлекли за собой упадок и запустение большинства старых гнезд, в других, в том числе на Белоозере, лишь локальные подвижки поселений в районах старой оседлости и упадок некоторых из них. И все же, учитывая огромные размеры территории Древней Руси и несходство природных условий в различных районах, общность основных черт в развитии сельского расселения представляется мне несравненно более значимым явлением, чем региональные различия.

Глубокие изменения систем расселения, произошедшие в конце XIII — XIV в., четко прослеживаются по археологическим материалам, но с трудом поддаются исторической интерпретации. Запустение старых гнезд поселений и формирование новой сети расселения, имеющей принципиально иной облик, С. З. Чернов связывает с изменением форм собственности на землю и формированием волостной общины (Чернов С. З., 1991). В. А. Буров, исследовавший системы расселения на юге Новгородской земли, также рассматривает их изменения как отражение изменения форм земельной собственности и организации общины: интенсивное освоение водоразделов в XIV–XV вв. он объясняет тем, что крестьяне в это время получают земельные участки на правах аллода (Буров В. А., 1995). Не отвергая эти объяснения, я отмечаю лишь, что они никак не увязаны с конкретными материалами, характеризующими хозяйство, потребление и культуру

сельских поселений XII–XIII и XIV–XV вв. Без подобных материалов, а следовательно, без раскопок средневековых селищ широкими площадями, любые объяснения изменения организации расселения в конце XIII — XIV в. будут оставаться гипотетичными.

Оставляя в будущем окончательное решение этой проблемы, я отмечу некоторые, существенные на мой взгляд, совпадения в развитии систем расселения и материальной культуры, хорошо документированные на Белоозерье, но заметные и в других районах Северо-Западной и Северо-Восточной Руси. Смена местоположения древнерусских поселений происходила здесь одновременно с глубокими изменениями в культуре и экономике, содержание которых ясно не во всех деталях. Археологические материалы XIII в. дают картину обеднения материальной культуры сельского населения (отражающего и более низкий уровень потребления), значительного сокращения импортов и товарообмена в целом, сокращения масштабов лесных промыслов, прежде всего пушной охоты (Макаров Н. А., 1997, с. 143–146, 157–160; Makarov N., Buzchilova A., 1997). Анализ микроэлементного состава костной ткани из могильников свидетельствует об увеличении доли растительной пищи в диете погребенных (Алексеева Т. И. и др., 1993, с. 55–64). Складывается впечатление, что XIII в. на Белоозерье был периодом перехода к более натуральному укладу хозяйства, в котором значительно увеличилась аграрная составляющая. Если эти наблюдения верны, переход к новым системам расселения должен был обеспечить более рациональную пространственную организацию в условиях изменившегося хозяйства. Очевидно, отказ от старых систем расселения был обусловлен не исто-

щением почв в районах старой оседлости и не отсутствием возможности для дальнейшего освоения речных долин или приозерных котловин, а скорее кризисом наиболее крупных кустов поселений — таких как Киснема, Маэкса, низовья Кемы, где высокая концентрация населения на ограниченных участках, сложившаяся в условиях комплексной промыслово-земледельческой экономики с высоким уровнем товарообмена, плохо сочеталась с более простым земледельческим хозяйством. Кризис наиболее крупных локальных центров, вероятно, вызывал цепную реакцию — перегруппировку поселений на большей части староосвоенной территории Белозерья. Однако ключ к более глубокому пониманию этих процессов могут дать только стационарные раскопки поселений.

7. Характеристика Белоозера как средневекового города, становление которого в очень малой степени связано с развитием локальной сети расселения и вызвано к жизни нуждами местной сельской округи, на первый взгляд, должна быть истолкована как местная особенность, обусловленная окраинным положением города и всей Белозерской земли на территории Древней Руси. Однако накопление новых материалов по археологии как самих древнерусских городов, так и окружающих их сельских поселений подводит к заключению, что возникновение городских центров за пределами плотно освоенных сельских территорий и опережающее развитие их по сравнению с сельской округой не являются аномалией на

Северо-Западе и Северо-Востоке Руси. Подобные идеи были впервые высказаны Е. Н. Носовым в связи с оценкой ситуации конца I тыс. н. э. в Приильменье и в низовьях Волхова (Носов Е. Н., 1993, с. 74). Весьма разреженная сеть расселения IX–X вв. зафиксирована и в Суздальском Ополе, территория которого была объектом сравнительно подробных обследований. На древнерусских селищах, составивших окрестности этого города, не выявлены культурные напластования первой половины — середины X в. более ранние, чем древнейший культурный слой самого Суздаля. Формирование крупных сельских поселений здесь происходит в конце X — XI в. — одновременно с ростом Суздаля и превращением его в один из крупнейших городских центров Северо-Восточной Руси (Лапшин В. А., 1985, с. 14–17; Седова М. В., 1997, с. 232–233). Малочисленные селища конца I тыс. н. э. в округе Изборска — одного из древнейших городских центров на северо-западе (Харлашов Б. Н., 1986). Степень освоенности округи многих севернорусских городов в начальный период их развития остается неясной, но приведенные примеры показывают, что возникновение крупных городских центров на слабоосвоенных территориях может рассматриваться как одна из продуктивных моделей градообразования. Перед археологией встает задача более внимательного изучения этого феномена, существенного для характеристики социальной организации древнерусского общества конца I — начала II тыс. н. э.

Часть II

**Биологическая
и социальная адаптация
средневекового населения
Русского Севера
(по антропологическим материалам
Белозерья и Поонежья)**

Одной из главных составляющих биологической истории человечества является изучение взаимодействия индивидуума и окружающей среды. Это динамическое состояние включает в себе комплекс взаимосвязей между отдельными особями и различными средовыми компонентами. Процесс адаптации становится особенно актуальным для пришлого мигрантного населения. В подобных условиях организм человека способен, как правило, проявлять незначительные морфологические и функциональные изменения, способствующие приспособлению к новым условиям жизни.

В. В. Бунак (1924) выделил четыре фактора, по отношению к которым может быть осуществлена адаптация мигрантов: метеорологический, эргологический, общебиологический и расовый. Первый фактор представляет из себя влияние климатических составляющих, что способствует образованию специфического комплекса физиологических реакций и обмена веществ у представителей различных климатических поясов (Алексеева Т. И., 1977; 1986). Очевидно, при попадании индивидуума в другой климатический пояс организм вынужден перестроить обменные процессы для полной адаптации к новым условиям среды. Второй, эргологический, фактор заключается в спо-

собности переселенцев к модификации уклада жизни в соответствии с новыми требованиями среды. Как правило, в таких условиях могут измениться диета, одежда, характер жилых построек, режим и вид трудовой деятельности. К третьему фактору относятся биологические условия среды, то есть окружающий растительный и животный мир, который, в частности, способствует появлению новых заболеваний у переселенцев из-за отсутствия иммунитета к специфическим паразитам. Это нередко приводит, вследствие жесткого отбора, к выживанию только приспособившихся. Последний, расовый, фактор связан с образованием биохимического и морфологического своеобразия рас, сформированного в процессе эволюции человечества. Переселенец, попадая в резко отличные условия среды, испытывает стрессовое воздействие от внутренних средовых факторов, являясь носителем специфического эндо- и экзопаразитического мира, обладателем специфической иммунной системы и обмена веществ, вступающих, как правило, в конфликтное взаимодействие при контакте с эндопаразитическим миром коренного жителя. При обсуждении влияния расового фактора следует учитывать не только биологическую сторону проблемы, но и социальную, этнопсихологическую, поскольку

ку последствия мирного или конфликтного взаимодействия пришлого и аборигенного населения влияют на дальнейшее экономическое и социальное развитие региона.

Таким образом, уже при поверхностном взгляде на проблему становится понятным значительное влияние средовых факторов на биологическое развитие и адаптацию к окружающей среде человека и человеческих сообществ в целом. Стараясь объяснить морфологическую изменчивость отдельных популяций и рас, В. В. Бунак (1924) предположил, что наследственное закрепление некоторых морфофизиологических особенностей может быть связано с процессом приспособления популяций и рас в целом к возбудителям различных заболеваний. Не останавливаясь на этой проблеме подробно, можем лишь подчеркнуть, что болезни человека и динамика их развития во многом определяются средой обитания. Зная основные причины возникновения заболеваний и отдельных патологий, можно реконструировать условия, при которых человек жил.

В данной главе мы попытались оценить последствия физиологической адаптации средневекового населения к природным и социальным факторам среды при освоении отдельных территорий Русского Севера. В качестве сравнительного материала использовались данные об уровне здоровья средневекового населения Новгородской земли. Степень адаптивности населения была проанализирована по отдельным демографическим параметрам и характеру распространения некоторых маркеров физиологического стресса (Бужилова А. П., 1998). Уровень изменчивости признаков оценивался на фоне средних значений, известных по ис-

следованиям средневекового населения Восточной Европы (Бужилова А. П., 1993; 1993а; 1995; Янкаускас Р. П., 1993; Гончарова Н. Н., 1997 и др.).

География физических особенностей населения севера Русской равнины

Т. И. Алексеева (1973) отмечает, что восточные славяне достаточно однородны по показателям изменчивости краниологических признаков. Тем не менее, исследователь подчеркивает, что существуют определенные, географически зависимые, направления изменчивости отдельных признаков на территории обитания древнерусского населения. Они связаны с миграционными и метисационными процессами, проходившими на этой территории на протяжении нескольких столетий.

Так, детальное изучение средневекового населения на северо-западе Восточно-Европейской равнины, по мнению многих исследователей, позволяет уловить смешение разноэтничных групп (Седов В. В., 1952; Алексеева Т. И., 1973; Санкина С. А., 1995). Методами многомерного анализа было продемонстрировано существование активного процесса метисации между европеоидным и финно-угорским населением (Алексеева Т. И., 1999).

Подробный краниологический анализ с учетом хронологии групп, проведенный С. А. Санкиной (1995), показал, что ранние средневековые группы словен новгородских характеризуются большей однородностью, чем поздние, где отмечается повышенная изменчивость краниологических признаков. По ее данным, население XI–XIII вв. в целом определяется большими размерами черепной коробки,

долихо- и мезокранией, высоким носом и широкими орбитами, большим углом выступления носа при, как правило, относительно невысоком переносье. Сходный краниологический вариант отмечается у балтских серий I тыс. н. э. Более поздние группы XIII–XVI вв. демонстрируют увеличение черепного указателя и уменьшение высоты черепа и лица, сопровождающееся ослаблением горизонтальной профилировки. Эти краниологические особенности имеют аналогии в местных финно-угорских группах XIII–XV вв.

Выводы, полученные автором, могут указывать на активное вовлечение финно-угорского субстрата при формировании населения северо-запада в XIII–XV вв. по сравнению с более ранними эпохами. С другой стороны, следует учесть процесс христианизации финно-угорского населения, который мог спровоцировать внедрение новых культурных явлений в жизнь автохтонных групп, проявившееся, в частности, и в погребальных традициях. Сегодня нам трудно оценить в полной мере степень влияния этого процесса на автохтонное население. Тем не менее, можно допустить, что полученные С. А. Санкиной данные по краниологическому своеобразию жителей северо-запада в XIII–XV вв. отражают степень вовлечения в новую культуру местного автохтонного населения, а не процесс метисации пришлого и местного субстратов. Иначе говоря, автором, возможно, были обследованы носители древнерусской культуры с физическим типом, характерным для финно-угорского населения. Так, по мнению Н. Н. Гончаровой (1995), интенсивность процесса метисации в новгородских группах преувеличивается, поскольку новгородские славяне обладают четко выраженными специфическими

чертами, сходными с балтийскими славянами.

Перечисленные выше основные результаты краниологии северо-запада Восточно-Европейской равнины позволяют предположить, что, возможно, наряду с метисационными процессами происходила конгломерация населения. Следует подчеркнуть, что отличительной особенностью популяций северо-запада является сходство с полянами с территории современной Польши, поморянами и ободритами (Алексеева Т. И., 1999).

Т. И. Алексеева (1973, 1990, 1999), исследуя последствия миграционных процессов посредством анализа антропологических особенностей восточных славян, предполагает три колонизационных потока на северо-запад Восточной Европы. Первый поток колонизации шел из Повисленья и связывается с псковскими кривичами, имеющими сходство с вислянами и лужичанами. Следует обратить внимание, что следы краниологического комплекса, свойственного им, обнаруживаются как в северо-западных популяциях, так и в одной из групп с территории Русского Севера, то есть на востоке равнины (Алексеева Т. И., 1999).

Второй поток — более поздний, с южного побережья Балтийского моря, впоследствии смешавшийся с местным приильменским финно-угорским населением, дает начало словенам новгородским. Третий — это движение германского населения, главным образом, норманнов Швеции, оставившее незначительный след в антропологическом облике восточных славян.

Сравнительный анализ краниологических серий западных и восточных территорий, проведенный Т. И. Алексеевой (1973), выявляет четкий географический

вектор запад–восток на Восточно-Европейской равнине. Показатели выступания носа (угол носа и симотический указатель) и высоты носа уменьшаются по направлению к востоку и северо-востоку равнины, к зоне контакта с финно-угорскими группами, характеризующимися слабым выступанием носовых костей. Относительное расширение носа, уменьшение скуловой ширины, высоты лица на северо-востоке Восточно-Европейской равнины также указывают на контакт с финно-угорским населением в этом ареале. В целом же, население восточных территорий, и в частности Русского Севера, по краниологическим и одонтологическим данным обладает некоторым сходством с дреговичами, радимичами, латгалами, жемайтами, весью и в слабой степени с южорой (Алексеева Т. И. и др., 1993, с. 20–27, 37).

Таким образом, данные краниологии позволяют предположить, что население севера Восточно-Европейской равнины формируется из носителей европеоидного антропологического комплекса, связанного с переселенцами южного побережья Балтики на западе и центральных земель на востоке. По отдельным данным прослеживается мигрантный поток, связывающий запад и восток рассматриваемой территории. Два географических полюса — запад и восток, при очевидной разнице краниологических характеристик, демонстрируют сходные тенденции смещения европеоидного населения с местным финно-угорским. Очевидно, на крайнем востоке рассматриваемой территории доля финно-угорского населения значительно превалирует.

Обратимся к данным неметрической краниологии. Анализ дискретно-варьирующих признаков отдельных остеологических серий восточных славян, приме-

няемый для построения генетических классификаций палеопопуляций, был проведен независимо несколькими исследователями.

В результате, работы А. А. Мовсесян (1990) и Г. Чесниса (1990) подчеркивают тесную генетическую близость сопоставляемых популяций. Тем не менее, кластерный анализ, проведенный Г. Чеснисом (1990), выделяет в две самостоятельные группы серии словен новгородских и черниговских полян на фоне остального массива, который, в свою очередь, делится на два кластера, первый, состоящий из северян и радимичей, и второй — из остальных групп. К последнему относятся несколько объединенных выборок: кривичей смоленских и полоцких; кривичей тверских, дреговичей и серий дреговичско-кривичского пограничья; вятичей и населения славяно-балтского пограничья. Как видим, все представленные группы объединяются, главным образом, по географическому принципу или отражают исторически фиксируемые межэтнические контакты населения, что не противоречит основным выводам классической краниологии.

Опираясь на эти результаты, мы позволили себе, добавив собственные наблюдения по группам с территории Русского Севера и данные А. А. Мовсесян (1990), разбить все антропологические серии на четыре большие выборки, отражающие различное их географическое положение: северо-запад (55–60° в. ш. и 20–40° в. д.), северо-восток (55–60° в. ш. и 40–60° в. д.), юго-запад (50–55° в. ш. и 20–40° в. д.) и юго-восток (50–55° в. ш. и 40–60° в. д.) Русской равнины.

Сравнительный анализ дискретно-варьирующих признаков, оцененный по географическому принципу, представлен в таблице № 1. В целом, частота встреча-

емости дискретно-варьирующих признаков не дает резко очерченных изменений. Тем не менее, группы, представляющие северо-восток равнины, отличаются большей частотой встречаемости метопического шва (признак № 1), большей частотой встречаемости разделения скуловой кости на две части (признак № 7) и wormиевых косточек в сагитальном шве (признак № 18) по сравнению с другими группами, где каждый из признаков демонстрирует примерно равновеликие величины.

В свое время А. Г. Козинцевым (1975) было проанализировано географическое распространение частоты встречаемости метопического шва у позднесредневекового и современного населения Европы. Автор отмечает высокие частоты на севере и на юге территории и сравнительно низкие показатели в промежуточных областях. Т. И. Алексеева и Э. А. Шауро (1970) в своем комплексном исследовании продемонстрировали прямо пропорциональное изменение частоты метопизма и отношения количества углеводов к количеству белков в пищевом рационе групп на территории б. СССР. По данным исследователей, в сельскохозяйственных районах метопизм встречается чаще. Однако при расширении числа групп, распространенных, главным образом, на западе Европы, выявленная закономерность не подтвердилась (Козинцев А. Г., 1975).

Многие исследователи, пытаясь объяснить природу того или иного неметрического признака, приводят ряд разнообразных причин, влияющих на появление и распространение их в популяциях. К этим причинам относят и влияние нарушения эндокринного статуса индивидуума, и патологических процессов в пренатальный период формирования плода, и воспалительных процессов у матери ин-

дивидуума в период беременности, родовых травм и многое другое (Barnes E., 1994). Таким образом, причина увеличения частоты встречаемости того или иного дискретного признака — повод для серьезного биологического исследования. Тем не менее, многими авторами отмечается географическая изменчивость признаков, и в частности метопизма, в средневековых популяциях (Brothwell D. R., 1958). Для нашего исследования важно отметить своеобразие изменчивости частоты встречаемости тех или иных дискретных признаков в популяциях северо-востока равнины, которое, возможно, связано с миграционными процессами.

Помимо увеличения некоторых показателей в сериях северо-восточных территорий, отмечается уменьшение частоты встречаемости wormиевых косточек в венечном шве (признак № 10), незамкнутого остистого отверстия (признак № 31) и прободения барабанного кольца (признак № 33) по сравнению с другими выборками (табл. 1).

Сходные величины показателей частоты встречаемости нескольких признаков разделяют сопоставляемые группы на две части — западную и восточную. Это признаки №№ 5, 6, 13, 16, 24, 32 и 37 — наличие блоковой ости в орбите, дополнительных подглазничных отверстий, wormиевых косточек в чешуйчатом шве, сквозных теменных отверстий, отсутствие отверстий в сосцевидном шве, наличие отверстий на больших крыльях основной кости и двусоставного мышцелка у затылочного отверстия. По двум признакам №№ 14, 21 можно разделить исследованные группы на северные и южные. Это наличие большей частоты встречаемости на севере равнины вставной косточки в области теменной вырезки и wormиевых косточек в лямбовидном шве (табл. 1).

Как видим, соотношение между группами неоднозначное. С одной стороны, сложность взаимосвязей и нерезко очерченные различия подтверждают более или менее гомогенную структуру древнерусского населения. С другой, — как и краниологические данные позволяют отличать запад и восток равнины, причем эти различия оказываются более многогранными, чем при сопоставлении северных и южных серий в целом.

Анализ геногеографических карт, построенных по данным о частоте 100 аллелей 36 генных локусов современного населения Восточной Европы, дает возможность оценить степень изменчивости генной структуры населения, вплоть до самых ранних эпох (Рычков Ю. Г. и др., 1999). Первая главная компонента, описывая изменчивость предложенных признаков, демонстрирует минимальные значения на западе и максимальные на востоке Восточно-Европейской равнины, причем интересующая нас область представляет усредненные варианты изменчивости. Однако при кажущейся однородности населения севера Русской равнины, описываемой первой главной компонентой, уже при анализе второй — выделяется ядро, охватывающее Ладого-Онежский ареал, восточное Прионежье и Мезень-Печерскую область (Рычков Ю. Г. и др., 1999).

Ю. Г. Рычков, указывая на особенность синтетических карт представлять все эпохальные срезы генетической памяти современного населения, предполагает, что обозначенный ареал определяет формирование генетических особенностей в наиболее ранние хронологические периоды, связанные с культурами эпох неолита и бронзы (Рычков Ю. Г. и др. 1999, с. 125). Этот ареал разделяет север Восточ-

но-Европейской равнины на два полюса — западный и восточный, который при значительном общем сходстве населения демонстрирует отчетливую географическую изменчивость.

Таким образом, обобщенный антропологический анализ средневековых групп и генетический анализ современного населения демонстрируют определенное однообразие популяций севера Восточно-Европейской равнины. Модификация масштаба варибельности признаков позволяет уловить градиент изменчивости физических особенностей населения с запада на восток, обусловленный, по данным антропологии, влиянием финно-угорского субстрата. Значительную область северо-восточной территории охватывают группы, демонстрирующие генетическое своеобразие, возможно, сформированное у популяций ранних эпох, что позволяет говорить о рано сложившемся адаптивном комплексе физиологических реакций, присущих автохтонному субстрату северо-востока Восточно-Европейской равнины.

Опираясь на результаты краниологических и генетических исследований, можно предположить, что колонизация и миграционные процессы на этой территории не носили массового характера, а определялись временной и географической константами, поскольку, вероятно, осуществлялись постепенно семьями и небольшими группами населения. Таким образом, следует ожидать, что древнерусские популяции, включая ту часть, которая является мигрантной на севере равнины, возможно, адаптированы к метеорологическим и общеприродным факторам среды. Тем не менее, остаются проблемы акклиматизации пришлого населения и приспособления к воздействию эргологического фак-

тора при новых условиях жизни, в частности на Русском Севере.

Модель формирования популяции в период ранней колонизации Русского Севера

Исторические и археологические данные позволяют говорить о части населения Русского Севера как о безусловных мигрантах, осваивающих новые территории (Макаров Н. А., 1990, 1997). Для оценки межгруппового и внутригруппового разнообразия было обследовано 15 остеологических серий с территории Русского Севера, датированных XI–XIII вв. (рис. 94). Представленность серий неодинакова из-за численности обследованных серий и сохранности антропологического материала. Они происходят, главным образом, из могильников Белозерья и Поонежья, причем наиболее представительными по численности и сохранности группы являются материалы Белозерья. Эти серии послужили основой для подробных биоархеологических реконструкций (табл. 2).

В качестве генетических маркеров были взяты некоторые дискретно-варьирующие признаки и эпигенетические аномалии, кроме того, анализировалась степень распространения отдельных зубных патологий (Мовсисян А. А. и др., 1975; Бужилова А. П., 1998). Как по этим признакам, так и по данным краниологии, отмечается своеобразие отдельных палеопопуляций с территории Русского Севера (Алексеева Т. И. и др., 1993, с. 27, 51). Очевидно, это может быть следствием процесса формирования населения при различной доле участия местного и пришлого компонентов, поскольку понятно, что в каждом конкретном случае форми-

рование физических особенностей какой-либо общины шло своеобразно. Более того, в отдельных случаях можно определенно говорить о так называемом эффекте основателя популяции (идея была впервые изложена в статье Алексеевой Т. И. и др., 1993, с. 28–29; с. 52).

В качестве модельной группы для реконструкции формирования физических особенностей популяции и оценки близкородственных связей внутри одного поселения была использована серия Нефедьево (Макаров Н. А., 1990; Макаров Н. А., 1997). К этой серии антропологи и археологи обращались неоднократно ввиду хорошей сохранности костного материала и полностью разработанной археологической основы (Алексеева Т. И. и др., 1993; Макаров Н. А., 1997).

В анализ были включены археологические индикаторы, отмечающие своеобразие погребального обряда, элементов костюма (Макаров Н. А., 1997). И для сопоставления — антропологические маркеры, связанные с некоторыми заболеваниями и аномалиями, передающимися по наследству.

В серии Нефедьево у нескольких индивидуумов (8 из 65 наблюдений) на внутренней стороне черепа были отмечены характерные пальцевидные вдавления в лобной и теменной областях, маркирующие предрасположенность к высокому внутричерепному давлению (рис. 95) (Рохлин Д. Г., 1965). Следует оговориться, что подобные находки единичны и в палеопопуляциях встречаются крайне редко (см., например, Дэрумс-В. Я., 1970, с. 64–67). Кроме того, в других исследованных группах с территории Белозерья и Поонежья из 196 наблюдений был отмечен только один случай, у мужчины в серии Никольское III. Это дало нам основание использовать признак в качестве

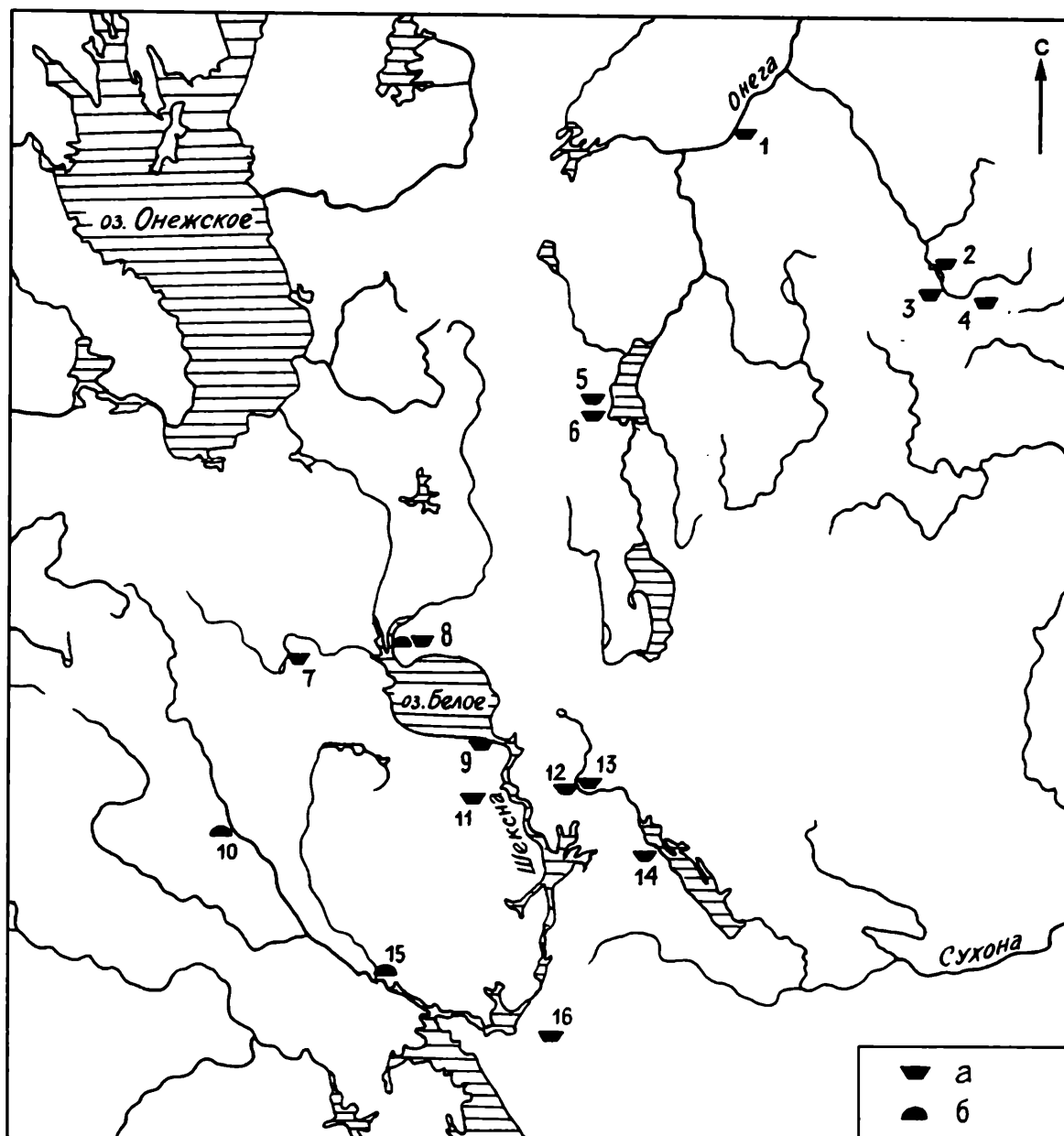

Рис. 94. Средневековые могильники Белозерья и Поонежья. На карте отмечены памятники, антропологические материалы которых были предметом исследования в настоящей работе.

а — грунтовые могильники; б — курганные могильники.

- 1 — Карельское; 2 — Мошинский Погост; 3 — Воезеро; 4 — Палкино; 5 — Горка;
 6 — Попадьино; 7 — Войлохта; 8 — Никольское III; 9 — Крохинские Пески;
 10 — Никольское XVIII; 11 — Нефедово; 12 — Шуйгино; 13 — Нефедьево;
 14 — Минино II на Кубенском озере; 15 — Кривец II; 16 — Минино на р. Юг

Рис. 95. Могильник Нефедьево, погребение 66.
Череп с признаками повышенного внутричерепного давления.
Стрелкой указаны пальцевидные вдавления на эндокране в лобной области

маркера близкородственных связей внутри группы.

Анализ аномалии по хронологическим подгруппам показал, что признак встречается преимущественно в выборке XI в., поскольку в ней было отмечено более половины наблюдений из общего числа. Несколько наблюдений зафиксировано в выборке XII–XIII вв., и одно — у мужчины из погребения № 66, не поддающегося хронологическому определению (Макаров Н. А., 1997).

Демографическая модель показывает возможность формирования населения Нефедьево из небольшой группы в 8–14 человек (Макаров Н. А., 1997, с. 140). Археологическими маркерами удалось датировать 26 погребений XI веком, из них у 5 погребенных, то есть у 19% исследованных, встречается искомый биологический маркер (погребения №№ 22, 27, 29, 31, 44). Такая насыщенность признака в подгруппе позволяет говорить о близком родстве обозначенных колонистов.

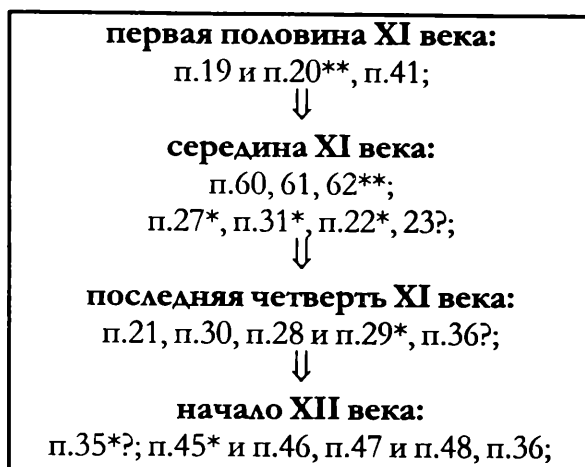

Рис. 96. Могильник Нефедьево.
Реконструкция родственных связей среди
«первопоселенцев» по археологическим
и биологическим маркерам:

- ? — отсутствующее или сомнительное
хронологическое определение;
* — наличие маркера, определяющего
повышенное внутричерепное давление;
** — наличие незаращения лобного шва

Оценивая хронологические позиции погребений, планиграфическую ситуацию и биологические маркеры, можно выделить несколько поколений в роду первопоселенцев на протяжении XI в. (рис. 96). Возможно, основоположниками рода были лица из погребений 19 и 20. Они были похоронены в парной могиле на вершине холма в центральной части площадки, где впоследствии не производили других погребений. К этому же поколению относится погребение № 41 (Макаров Н. А., 1997).

На основании идентификации археологических маркеров ко второму поколению можно отнести несколько групп (Макаров Н. А., 1997). К первой относятся индивидуумы из погребений №№ 60, 61 и 62, причем у мужчины из погребения 61 отмечается незаращение лобного шва (*Sutura metopica*), что в данном контексте можно рассматривать как маркер родственных свя-

зей с погребенной из могилы № 20, у которой также отмечен этот признак. Ко второй группе относятся индивидуумы из погребений №№ 27, 31, 22 и, возможно, № 23 (детское). У всех взрослых погребенных отмечается биологический маркер предрасположенности к высокому внутричерепному давлению (рис. 96, 97).

При картографическом анализе обращает на себя внимание погребение № 66, не поддающееся корректному датированию из-за плохой сохранности, но расположенное поблизости от погребений первого поколения колонистов (рис. 97). У этого погребенного отмечается маркер предрасположенности к высокому внутричерепному давлению. Возможно, он также принадлежал к числу первых поколений колонистов.

Погребения №№ 21, 30 и парная могила №№ 28–29, возможно, № 36 (детское) принадлежат третьему поколению первопоселенцев. В это время (конец XI в. — начало XII в.) происходят какие-то важные преобразования, отразившиеся в изменении первоначальной ориентировки погребений и общей планировочной структуры могильника, приобретающей рядовой характер с тесным размещением погребений (Макаров Н. А., 1997). Однако генеалогическая связь с предыдущими поколениями не прерывается, свидетельством чего является, с одной стороны, повторение традиционных черт обряда и костюма, и с другой, — наличие искомого биологического маркера (№ 29) в погребениях третьего поколения (рис. 96).

Парные погребения №№ 47–48, относящиеся к рубежу XI–XII — первой четверти XII в. и несколько более поздние, также парные, №№ 45–46 (у мужчины из № 45 отмечен искомый биологический маркер), принадлежат, вероятно, четвертому поколению рода первопоселенцев. Воз-

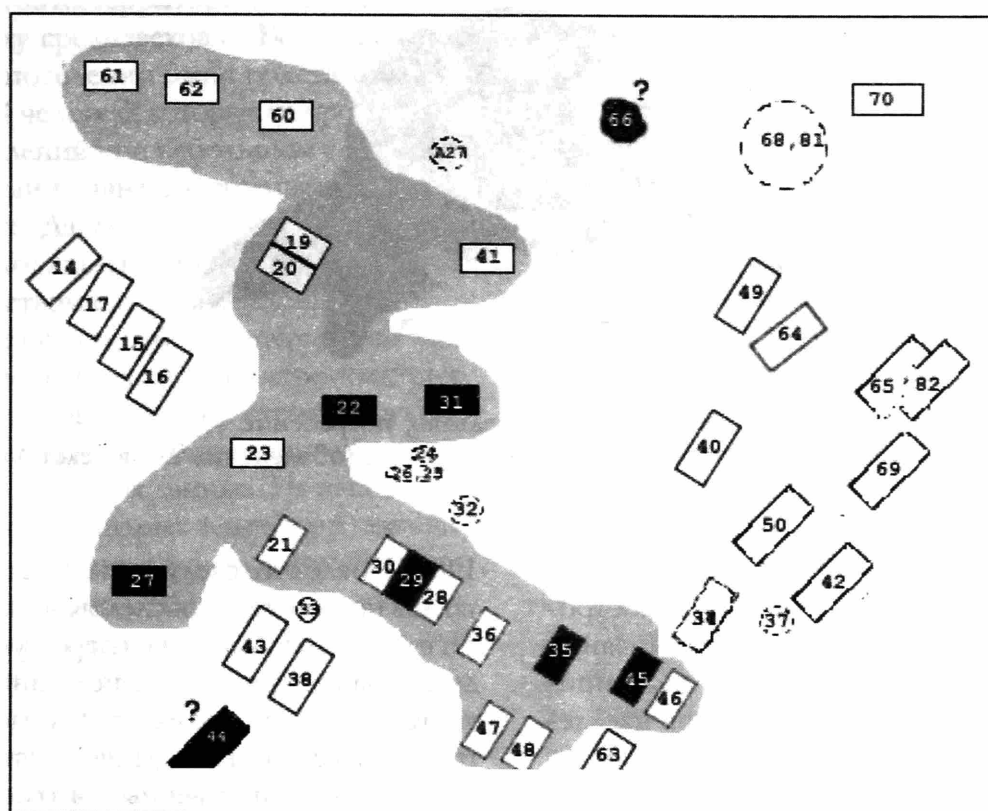

Рис. 97. Могильник Нефедьево. Пространственная оценка близкородственных связей внутри группы с учетом биологических маркеров. Погребения, отмеченные черным цветом, объединяются наличием искомого биологического маркера. Выделенная область связывает погребения родственников, выявленные по данным археологии

можно, мужчина из погребения № 35 (соседнее с № 45), у которого также отмечен биологический маркер, относится к этому или последующему поколениям (рис. 97).

По данным археологии, к середине XII в. обрядовые традиции этой семьи нивелируются, что делает невозможными дальнейшие генеалогические реконструкции. С другой стороны, и биологический маркер повышенного внутричерепного давления не встречается у погребенных из более поздних поколений. Вероятно, наступает время, когда популяция Нефедьево увеличивается за счет пополнения

пришлым населением и эффект основателя рода нивелируется, биологический маркер не проявляется. Интересно наблюдение В. Н. Федосовой, отмечающей резкое изменение пропорций посткраниального скелета в XII в. (Алексеева Т. И. и др., 1993, с. 52). В группе появляются мужчины с удлиненными нижними конечностями и укороченными костями предплечья по сравнению с исходной мужской выборкой первопоселенцев. В женской серии фиксируется понижение размеров длинных костей от XI к XIII вв. (Алексеева Т. И. и др., 1993, с. 53, рис. 21).

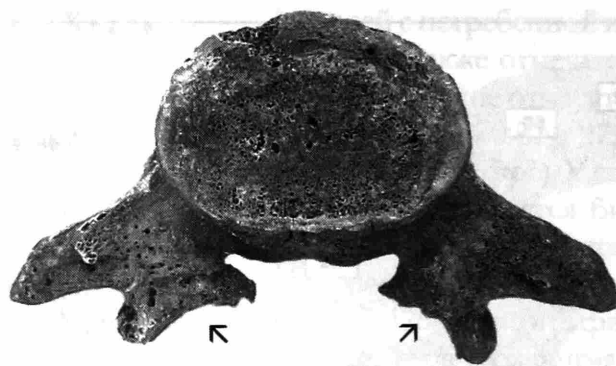

Рис. 98. Могильник Нефедьево, погребение 43.
Спондилолиз, четвертый поясничный позвонок (объяснения см. в тексте)

Подробный демографический анализ населения Нефедьево позволил построить несколько моделей формирования группы. Наиболее вероятной следует признать ту, где учитывается приток населения извне (Алексеева Т. И., Федосова В. Н., 1992; Макаров Н. А., 1997, с. 140). Антропологические данные не противоречат представленной гипотезе. Кроме того, археологический и антропологический анализы погребений посторонних лиц позволяют судить об «открытости» поселения. Всего было отмечено три погребения (№№ 40, 43, 44), в которых необычные, резко выделяющиеся наборы вещей и особенности погребального обряда дают достаточное основание для идентификации «чужеродности» погребенных (Макаров Н. А., 1997).

У погребенного № 43 был отмечен дефект в области дужек четвертого поясничного позвонка, так называемый спондилолиз, когда в межсуставной части дужек позвонка образуются двусторонние щели (рис. 98). Эта аномалия, как правило, передается по наследству, в некоторых же случаях появляется при функциональной перегрузке позвоночника (Михайлов А. Н.,

1989). Последнее следует сразу исключить, так как позвоночник обследованного не несет следов специфических перегрузок. Следовательно, перед нами еще один вариант эпигенетической аномалии. Следует отметить, что в серии Нефедьево случай спондилолиза — единственный, что позволяет нам подтвердить предположение археологов о «чужеродности» погребенного.

У другого индивидуума (погребение № 44), был отмечен маркер предрасположенности к высокому внутричерепному давлению. Мужчина был погребен с единственным в серии боевым топором типа IV и витым браслетом, надетым на правый локоть. Обычай носить браслеты, гривны и перстни практиковался в XI–XII вв. в среде дружинников (Макаров Н. А., 1997). Возможно, погребенный был родственником кого-то из семьи основателей поселения. С другой стороны, — это может быть случайная фиксация признака (пусть и редко встречающегося), когда маркер при прочих обстоятельствах не позволяет судить о родственных отношениях обследованного.

Таким образом, на примере палеогруппы Нефедьево можно продемонстрировать механизм формирования популяции

колонистов на территории Русского Севера в эпоху средневековья. Вероятно, первыми на поселении были родственные семьи (8–14 человек), которые на протяжении 3–4 поколений при небольшом случайном пополнении извне обустраивались на новом месте. Далее уже на обжитое поселение приходят семьи, не связанные очевидным родством с первопоселенцами.

Представленный сравнительный анализ археологического и антропологического исследований демонстрирует редкую возможность контролирования объективности полученных данных. На наш взгляд, совпадение основных тенденций позволяет более уверенно строить реконструкцию образа жизни нефедьевской палеопопуляции. В заключение следует подчеркнуть, что помимо археологических и антропологических источников, для окончательного формирования модели развития физических особенностей средневековых популяций, в частности с территорий Русского Севера, необходимо использовать результаты молекулярно-генетического анализа древней ДНК. Первоначальный опыт использования этого метода в палеоантропологии уже накоплен, методические приемы разработаны, а предварительные результаты, полученные в этой области, дают надежду на весомый вклад палеогенетики в археологические исследования (Ovtchinnikova O. I. et al., 1995; Ovchinnikov I. V. et al., 1998; Овчинников И. В. и др., 1997).

Реконструкция негативных факторов среды или адаптационные возможности средневекового населения севера Русской равнины

Известно, что показатель среднего возраста умерших дает существенную кор-

рекцию при построении биоархеологической реконструкции для локальных палеогрупп, так как динамика этого признака зависит от многих причин — климатических, социо-экономических, биологических — и косвенным образом отражает разного рода изменения, происходящие в жизни древних сообществ.

Как указывалось ранее, показатель среднего возраста умерших на территории древней Руси характеризуется интервалом от 32,3 до 43,8 лет (Алексеева Т. И., 1973; Бужилова А. П., 1995). При обобщенном демографическом анализе наименьшие показатели фиксируются на севере Русской равнины в двух областях: на территории обитания новгородских словен и кривичей ярославских (Гончарова Н. Н., 1997; Бужилова А. П., 1997). Завышенные показатели среднего возраста умерших (в среднем 42,5 года), за исключением серии Кривец-II, демонстрирует население северо-восточных территорий, в частности Белозерья и Поонежья (табл. 3). Складывается впечатление, что на северо-западе равнины в целом средний возраст умерших находится в диапазоне меньших величин, чем на северо-востоке территории. Вероятно, ряд социальных и биологических факторов неблагоприятно воздействовал на население Новгородской земли. Попробуем реконструировать возможные причины этого неблагоприятия, что в свою очередь поможет оценить причины успешной адаптации пришлого населения с территорий Русского Севера.

В таблицах № 4 и № 5 представлены средние показатели изменчивости некоторых маркеров физиологического стресса в обследованных средневековых новгородских популяциях и группах Русского Севера. Указанные маркеры характеризуют несколько вероятных негативных фак-

торов в жизни популяций, связанных в первую очередь с пищевым стрессом (недоеданием, низкокалорийной пищей, недостатком витаминов и микроэлементов в диете и прочее), с присутствием бактериальных и паразитических инфекций, с особенностями профессиональной занятости и военной активностью групп.

Если говорить о пищевом факторе, то население Русского Севера выгодно отличается от групп Новгородской земли низкими показателями кариеса (рис. 99). Появление кариеса и повальное его распространение связано со многими причинами. Одной из основных можно считать низкокалорийную или углеводную диету. Однако, при оценке диеты в целом, по остальным маркерам пищевого стресса, древнерусское население севера равнины демонстрирует сходные показатели,

что может означать приблизительно одинаковый тип питания в популяциях (табл. 4, 5).

Следовательно, остается вероятность существования периодов голодания или хронического недоедания в новгородских популяциях. Для оценки существования пищевого стресса, связанного с недоеданием, привлечем сравнительные данные остеометрии, так как известно, что характер питания и длина тела взаимосвязаны (Алексеева Т. И., 1998). В качестве контроля для получения более или менее объективной информации сравним городские и сельские выборки и оценим гендерные тенденции на интересующей нас территории.

По мнению В. П. Алексеева (1990, с. 73) «любой, даже незначительный город в процессе сосредоточения торговли создает условия для проявления разнооб-

Распространение некоторых маркеров стресса на севере Русской равнины, %

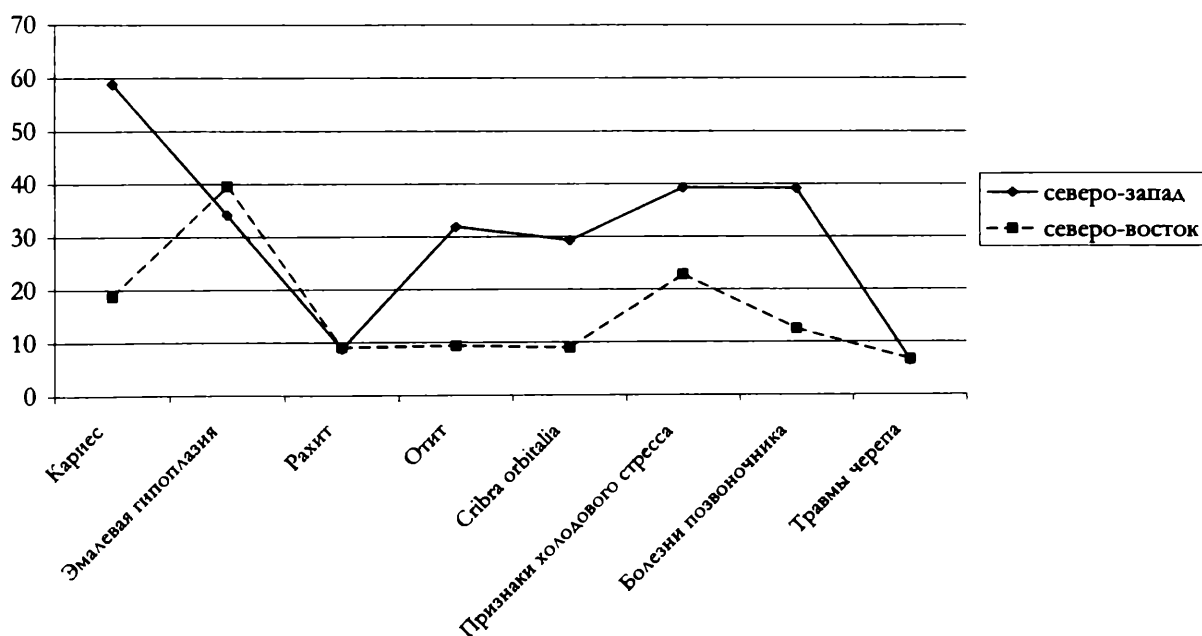

Рис. 99. Сравнительный анализ распространения маркеров стресса на севере Русской равнины

разных, в том числе и не типичных для местности, пищевых товаров, то есть способствует разнообразию, гетерогенизации рациона. В какой-то степени эта гетерогенизация захватывает все слои населения, даже бедняков». М. Г. Рабинович (1988) указывает, что в питании древнерусских горожан преобладали разного рода мучные и крупяные продукты. Однако, в целом, в диете горожан и крестьян было много общего при некоторых известных различиях.

Таким образом, при прочих равных условиях разнообразное питание, возможно более витаминизированное в городах, должно было бы вызвать более интенсивный рост и матуризацию костяка в городских группах (Алексеев В. П., 1990). Длина тела в исследованных древнерусских группах реконструировалась двумя способами: по Мануври и Троттер-Глезер. Сравнение показывает, что резких различий между городскими и сельскими группами не наблюдается (рис. 100). По-видимому, это можно расценивать как косвенное доказательство сходной диеты у древнерусского населения. Тем не менее, гендерный анализ указывает, что наибольшие значения у мужчин отмечены в подгруппе московских вятичей и Смоленска, а наименьшие — у населения словен новгородских (Хрепле) и Новгорода (рис. 100). К сожалению, у нас нет возможности напрямую сопоставить показатели длины тела в популяциях Новгородской земли и Белозерья из-за отсутствия некоторых данных. Тем не менее, по мнению В. Н. Федосовой, можно заключить, что мужское население восточных территорий представляло из себя по крайней мере два варианта морфологической изменчивости костяка. С одной стороны, это повышенные абсолютные размеры

продольных размеров длинных костей, как в Никольском-III, с другой, — наблюдается некоторая миниатюризация длинных костей, как в сериях Нефедьево и Шуйгино, что возможно, отражает присутствие финно-угорского субстрата (Алексеева - Т. И. и др., 1993, с. 48).

Таким образом, мужское население Новгородской земли оказывается более низкорослым, чем остальное древнерусское, что может быть следствием низкокалорийного и недостаточного питания, с одной стороны, и нехватки или нерегулярного потребления, с другой. Не следует упускать из виду возможное локальное морфологическое своеобразие населения (Алексеева Т. И., 1998). В этом случае сходные тенденции должны отмечаться как в мужских, так и в женских выборках, то есть женское население Новгородской земли должно оказаться так же, как и мужское, низкорослым. Длина тела в женских подгруппах изученных популяций варьирует очень мало, и показатели примерно одинаковы в городских и сельских сериях, но наибольшие значения отмечаются у женщин Новгорода, а наименьшие — у представительниц словен новгородских (Хрепле).

Очевидно, отмеченная разновекторная тенденция изменения показателя длины тела между мужским и женским, городским и сельским населением Новгородской земли объясняется несколькими причинами. Во-первых, вероятно, жители Новгорода питались более калорийно и разнообразно, чем сельские общины, что привело к началу процесса акселерации в городских условиях и выразилось в увеличении длины тела женской части населения. Во-вторых, при допущении отсутствия локального морфологического своеобразия новгородских популяций, на

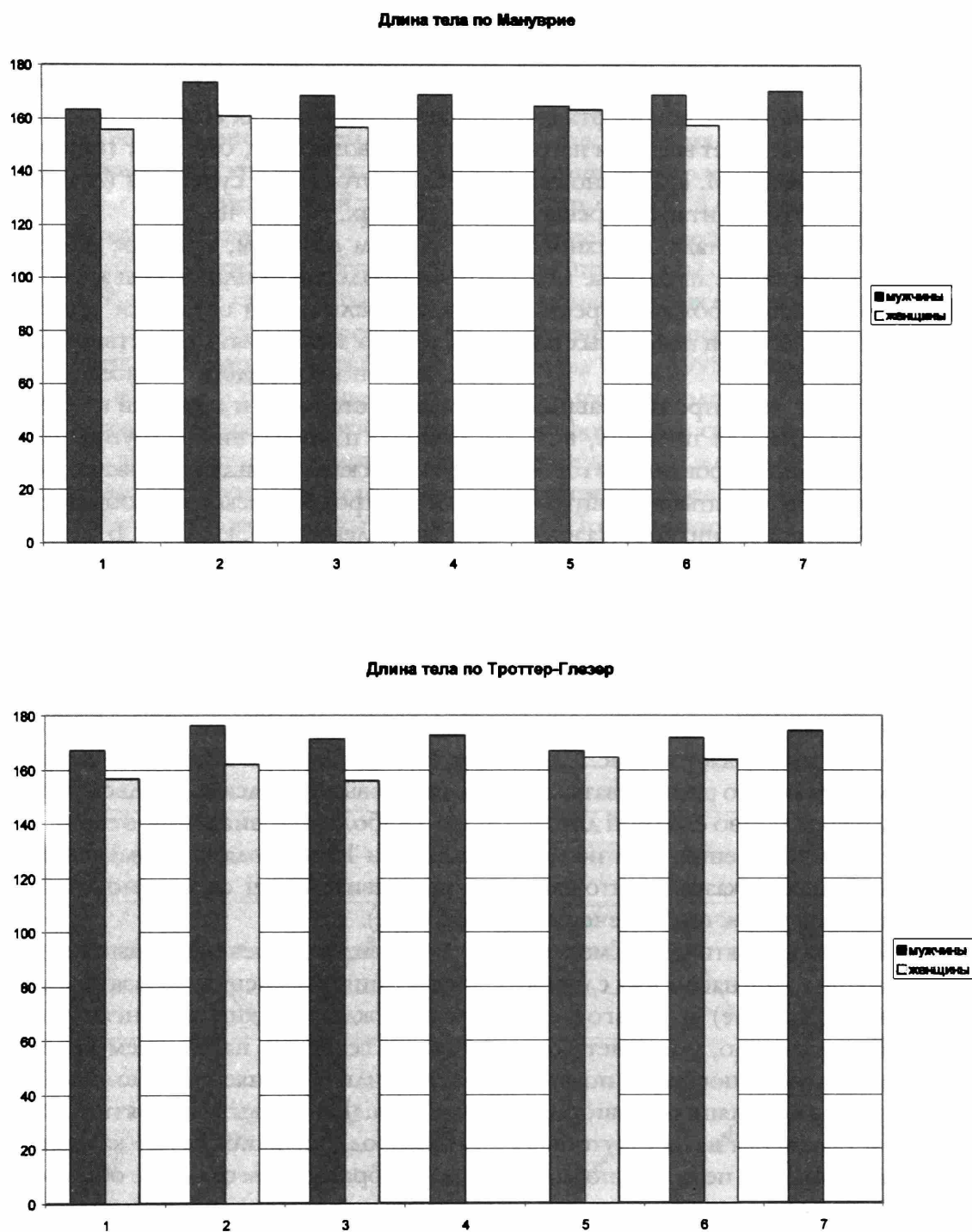

Рис. 100. Длина тела в различных древнерусских популяциях.

1 — словене новгородские (Хрепле), 2 — вятичи московские, 3 — Любеч,
4 — Витичев, 5 — Новгород, 6 — Старая Рязань, 7 — Смоленск

фоне населения черноземных и нечерноземных областей, новгородцы, возможно, все же испытывали некоторый пищевой стресс, что и сказалось на снижении длины тела.

Помимо пищевого стресса возможной причиной увеличения числа зубных болезней у словен новгородских можно считать наследственную, а не приобретенную склонность (Гашимова У. Ф., 1976). Следует учитывать, что природные факторы среды, например, мягкая вода с пониженным содержанием солей, также способствуют развитию кариеса у населения.

Таким образом, широкое распространение кариеса среди населения Новгородской земли можно объяснить как присутствием некоторого пищевого стресса, так и последствиями негативного воздействия природных факторов среды. Не исключена вероятность закрепления предрасположенности к кариесу на генетическом уровне.

Помимо высокого уровня кариеса, новгородские популяции демонстрируют завышение показателей присутствия бактериальных и паразитарных инфекций в группе (табл. 4, 5, рис. 99). Во-первых, наличие воспалительных процессов в среднем ухе (отиты). Причин появления этой патологии несколько. С одной стороны, они могут быть связаны с плохим состоянием зубов, с другой, — распространяться вследствие холодового стресса на фоне ослабленной иммунной системы (частое переохлаждение, простуды). На рисунке № 101 представлены интервалы встречаемости отита в различных географических зонах Русской равнины в эпоху средневековья. Как видим, отличие северо-западных территорий по этому признаку существенно, и в некоторых группах показатели указывают на патоло-

гическое состояние обменных и иммунных процессов у населения. Поскольку уровень кариеса в Новгородской земле высок, представленный результат вполне объясним. С другой стороны, специальные индикаторы холодового стресса, фиксирующиеся на лицевых и плоских костях черепа, также на этой территории завышены (рис. 99). Они варьируют в пределах 0–78,5%, в то время как на северо-востоке Русской равнины — 0–45,8%. Следует подчеркнуть, что для населения северных территорий этот признак обычно дает завышенные показатели, так как для южных территорий разброс индикатора колеблется в интервале — 0–12,5%. Но в данном случае на фоне увеличения зубных болезней и проявления неспецифических инфекций население Новгородской земли демонстрирует типичное активное состояние в процессе адаптации к специфическим социальным и биологическим факторам среды, что вызывает в некоторых группах завышение маркеров холодового стресса.

Следует подчеркнуть, что проявление активности адаптивного процесса в различных новгородских группах неодинаково. Это дает основание говорить о различном воздействии негативных факторов в каждой конкретной популяции и связано скорее всего с социальным, а не природным фоном (табл. 4, 5).

Другой показатель паразитарных инфекций, *Cribra orbitalia* (рис. 102), отмечающийся как у детей, так и у взрослых, демонстрирует определенный уровень инфекций, перенесенных в детском возрасте (Бужилова А. П., 1998, с. 122–125). На территории Новгородской земли этот показатель варьирует в пределах 5,5–53,1%, на территории Белозерья и Поонежья — 0–18%. Следует отметить, что на

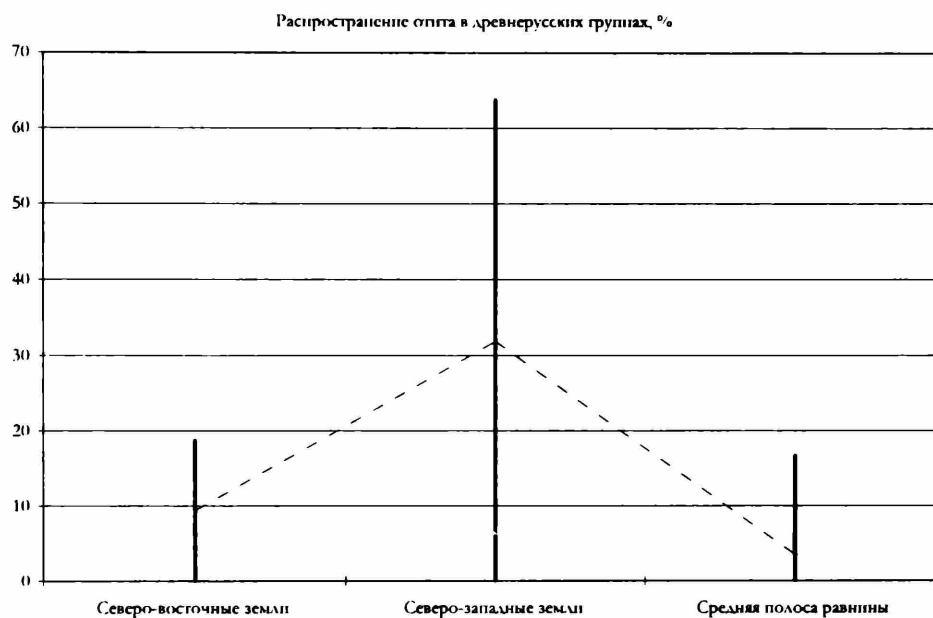

Рис. 101. Интервалы изменчивости показателей отита в различных древнерусских популяциях. Средние значения объединены пунктирной линией

Рис. 102. Могилиник Нефедьево, погребение 32.
Крибровые изменения в области орбит (Cribra orbitalia)

Русской равнине частота встречаемости *Cribra orbitalia* меняется в зависимости от географической широты, чем ближе к южным широтам, тем показатель выше (Бужилова А. П., 1999). Впервые широтная зависимость *Cribra orbitalia* была обнаружена Hengen O. P. (1971), когда он представил результаты исследования 5698 черепов, датированных XIX–XX вв., из различных географических регионов мира (табл. 6). При сопоставлении данных, указанных в таблицах №№ 4, 5 и 6, становится ясным, что величина распространения анемий на территории Новгородской земли в некоторых популяциях значительно превышает известные пределы. Этот результат, так же как и представленные выше, дают нам основание говорить о присутствии негативных факторов в жизни отдельных новгородских популяций.

Последний из рассматриваемых показателей, наличие болезней позвоночника, позволяет опосредованно говорить о профессиональной занятости населения (Бужилова А. П., 1995; 1998). На территории Новгородской земли показатель варьирует в пределах 22,8–55,6%, а на северо-востоке равнины — 0–25%. Вероятно, в целом социальная занятость населения этих территорий была различной. Для более конкретной интерпретации возможной профессиональной деятельности необходимо привлечение других антропологических и археологических данных.

Таким образом, анализ изменчивости некоторых маркеров физиологического стресса на северо-западе и северо-востоке равнины дает основание говорить о вероятном присутствии некоторого пищевого стресса, бактериальных и паразитарных инфекций у населения Новгородской земли, кроме того, занятого иным физическим трудом, чем в областях Русского Севера.

Опыт проведения биоархеологических реконструкций позволяет предположить ряд факторов, вызывающих представленную комбинацию индикаторов стресса. Скорее всего, перед нами сельское население с низким уровнем жизни, проводящее значительное время на открытом воздухе и занимающееся тяжелым физическим трудом, связанным с земледелием и подсобным хозяйством. Возможно, время от времени отдельные новгородские популяции испытывали недостаток пищевых ресурсов вследствие различных негативных ситуаций. Зафиксированные особенности распространения маркеров стресса у новгородского населения позволяют предположить ведущий ряд негативных факторов среды, лежащий, скорее всего, в социоэкономической плоскости, так как климатические колебания сравниваемых территорий примерно одинаковы. Косвенным подтверждением этому следует считать появления признаков акцелерации в городской среде Новгорода, где пища была более разнообразной и калорийной по сравнению с едой сельских общин, не практикующих потребление привозных пищевых товаров.

Оценка адаптации пришлого населения Белозерья

Приведенные выше результаты сравнительного исследования показали, что средневековое население северо-востока Русской равнины демонстрирует более благополучные показатели физиологического стресса по сравнению с популяциями северо-западных территорий. Поскольку отдельные группы на этой территории являются несомненно мигрантными, интересно проследить процесс адаптации пришлого населения к новым условиям среды и оценить причины успеха.

В качестве эталонной серии была использована группа Нефедьево. Анализ патологий проводился на фоне изменчивости показателей у других групп с территорий Русского Севера (табл. 2).

Вначале попробуем оценить негативные факторы среды, влиявшие на детскую часть населения, наиболее чувствительную к стрессам. Известно, что резкое стрессовое воздействие, например, острое непродолжительное голодание, различные лихорадочные состояния, острые инфекции и другие заболевания, испытанные ребенком, приводят, как правило, к задержке ростовых процессов, так как строительные белки затрачиваются в первую очередь на преодоление стресса. Прерывание ростовых процессов в детском возрасте отражается на костной и зубной системах в виде специфических «следов», которые сохраняются в дальнейшем и могут быть прослежены на останках взрослых людей. К таким маркерам относят дефект зубной эмали — эмалевую гипоплазию (рис. 103) — и поперечно ориентированные линии, фиксируемые рентгенологически на трубчатых костях, — линии Гарриса (рис. 104).

В серии Нефедьево эмалевая гипоплазия достигает величины 56,4%, приближаясь к максимальным значениям, известным для других серий с территории Русского Севера (табл. 5). В древнерусских сельских группах средней полосы показатель эмалевой гипоплазии варьирует в пределах 0–66,7%. Как видим, мигрантное население Нефедьево показывает значение признака, близкое к неблагоприятным.

Рассмотрим распространение этого признака по хронологическим этапам развития поселения. В подгруппе, относящейся к XI в., признак отмечается практически у каждого второго (табл. 7). На

Рис. 103. Могильник Нефедьево, погребение 20. Нарушение формирования зубной эмали — эмалевая гипоплазия

Рис. 104. Могильник Нефедьево, погребение 63. Линии Гарриса — временные задержки ростовых процессов в детском возрасте; рентгенограмма большеберцовой кости

втором хронологическом этапе эмалевая гипоплазия отмечается гораздо чаще, причем разница показателей в мужской и женской выборках снижается (табл. 7). Перед нами тенденция увеличения показателя, с незначительным снижением полового диморфизма на поздних хронологических этапах.

Распространение другого маркера — линий Гарриса, наблюдается в популяциях Белозерья с большой частотой. Мы отметили задержки роста практически у всех обследованных (табл. 8, 9). Наиболее близкими по среднему числу линий Гарриса являются серии Нефедьево и Шуйгино. Причем у женщин отмечается большее среднее число линий Гарриса, чем у мужчин (табл. 8, 9). У николецев линии Гарриса значительно преобладают в мужской выборке по сравнению с женской (табл. 9).

Среднее число линий Гарриса, отмеченное в сериях Нефедьево и Шуйгино, не выходит за рамки известных значений, зафиксированных в других средневековых группах. Возможно, в этих популяциях стрессы носили нерегулярный характер, поскольку случаи множественных линий Гарриса фиксируются всего по одному разу в каждой из мужской и женской подгрупп. Тогда как в мужской выборке из Никольского множественные линии Гарриса отмечаются в большинстве представленных случаев. Это дает основание говорить о явлении декомпенсации, нарушении функций организма, связанного с регулярными негативными стрессами в детском возрасте у населения Никольского.

На примере серии Нефедьево можно проанализировать хронологическое изменение признака. У мужчин и женщин из подгруппы, относящейся к XI веку, линии Гарриса отмечаются практически в 100% случаев. В подгруппе XII–XIII вв.

показатель заметно снижается у мужчин и практически не изменяется у женщин (табл. 8). Среднее число линий Гарриса также уменьшается в мужской выборке XII–XIII вв. по сравнению с XI в., в то время как в женской имеет тенденцию к увеличению (табл. 8). Для группы в целом число линий Гарриса не меняется с течением времени, хотя число случаев задержек роста уменьшается.

Сравнительный анализ двух индикаторов эпизодического стресса эмалевой гипоплазии и линий Гарриса показывает, что в серии Нефедьево показатель задержек ростовых процессов на длинных костях выше по сравнению с показателем эмалевой гипоплазии. Считается, что линии Гарриса маркируют менее значительные по силе стрессы, чем эмалевая гипоплазия (Бужилова А. П., 1998). Вероятно, перед нами наиболее полная картина возможных для детского возраста стрессов, отражающих как частное, так и общее негативное воздействие среды.

Анализ хронологической динамики двух маркеров показал разновекторную тенденцию в серии Нефедьево. Показатель эмалевой гипоплазии увеличивается со временем, в то время как частота встречаемости линий Гарриса уменьшается (табл. 8, 9). Это происходит за счет снижения случаев задержки ростовых процессов на длинных костях в мужской части выборки. Причина явления для нас не вполне ясна. Понятно, что представленные результаты отражают сложный процесс адаптации населения как к биологическим, так и к социальным факторам среды, и гендерные различия только подчеркивают это. С одной стороны, мужчины демонстрируют результат успешной адаптации к новым для мигрантов условиям жизни, благополучно преодолевая

или не встречая определенных стрессов детского возраста. С другой, — женщины (и мужчины по данным эмалевой гипоплазии) показывают устойчивый процесс ретардации ростовых процессов, который иногда наблюдается при адаптации к холодному климату, то есть перед нами другая сторона благополучной адаптации населения к новым условиям среды. Так, М. Б. Медниковой (1995) была продемонстрирована устойчивая эпохальная изменчивость продольных размеров костяка в зависимости от колебания климата.

Таким образом, анализ маркеров ростовых задержек дает основание предположить процесс активной адаптации пришлого населения к новым условиям жизни. Для населения Нефедьево этот процесс был более или менее успешным, но для жителей Никольского, вероятно, — нет.

Следующим немаловажным фактором адаптации пришлого населения является достаток пищевых ресурсов и качество диеты. Проанализируем распространение

пищевого стресса в группе. В серии Нефедьево частота встречаемости кариеса не превышает 20,5%, в других популяциях Белозерья и Поонежья она колеблется в интервале 0–37,5% (рис. 105). В сельских древнерусских сериях средней полосы показатель демонстрирует более высокие значения, на территории Новгородской земли — максимально известные (рис. 106). Таким образом, население Русского Севера и, в частности, Нефедьево оказывается в наиболее благоприятной ситуации по сравнению с другими древнерусскими группами.

Хронологический анализ изменчивости кариеса позволяет проследить изменение или формирование определенной диеты в группе с течением времени. На изменение диеты реагируют в первую очередь дети, у которых должны появляться зубные патологии. И действительно, в выборке Нефедьево XII–XIII вв., помимо взрослых, кариес фиксируется и у детей, в то время как в выборке XI в. кариес у детей не отмечается (табл. 10). Следует

Рис. 105. Могильник Никольское III, погребение 5 из раскопок М. Е. Арсаковой.
(Череповецкий музей, колл. № 652)

Признаки хронического абсцесса из-за кариеса

Рис. 106. Интервалы изменчивости показателей кариеса в различных древнерусских популяциях. Средние значения объединены пунктирной линией

обратить внимание, что у мужского населения частота встречаемости кариеса со временем практически не меняется, а у женского — уменьшается, то есть качество потребляемой пищи не ухудшилось.

Показатель увеличения функциональной (не связанной с возрастом) стертости жевательной поверхности зубов также может рассматриваться как один из индикаторов диеты в группе. Поскольку средний возраст умерших в выборках XI в. и XII–XIII вв. одинаков, сопоставление будет вполне корректным. На протяжении времени величина этого маркера увеличивается, что косвенным образом указывает на изменение качества пищи (табл. 11). Этот показатель свидетельству-

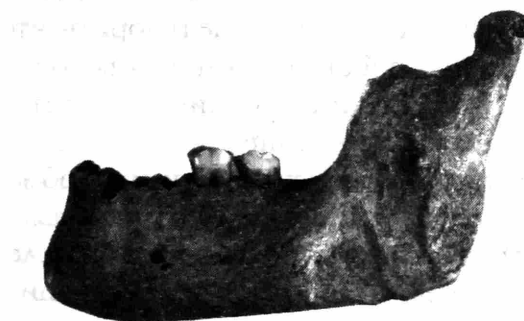

Рис. 107. Могильник Нефедьево, погребение 63. Рельеф в области прикрепления жевательной мышцы на нижней челюсти

ет о присутствии в еде поселенцев грубо-волокнутой пищи, и возможно, твердого мяса. Дополнительным индикатором твердой пищи в диете является развитие жевательной мышцы, неоднократно отмеченное нами в популяции Нефедьево (рис. 107).

Коэффициент белково-углеводного баланса, рассчитанный по данным микроэлементного состава костной ткани нефедьевцев, также позволяет уловить хронологическое изменение диеты от смешанной белково-углеводной до углеводной¹. На начальных этапах в серии величина индекса Sr/Ca (0,62) свидетельствует о смешанной белково-углеводной диете, близкой к типу питания, реконструированному в серии Никольское-III (0,58) и некоторых литовских средневековых популяциях (0,48–0,51). На втором хронологическом этапе величина индекса Sr/Ca увеличивается до 0,78, что ассоциируется с типом питания земледельческого населения. Таким образом, в поселении Нефедьево диета поселенцев меняется от смешанной белково-углеводной к углеводной.

Анализ пищевого стресса в группе Нефедьево дает основание говорить, что экономический статус группы был достаточно высоким и население не испытывало недостатка в пище.

Некоторые болезни нарушения обмена веществ также могут дать представление об уровне жизни мигрантного населения. Так, недостаток витамина Д в организме, особенно в детском возрасте, приводит к формированию рахита. Нами регистрировалось наличие искривлений на длинных костях нижних конечностей половоз-

релых индивидов, маркирующих перенесенный в детстве рахит. Искривление только нижних конечностей без каких-либо других признаков рахита может означать, что ребенок в период болезни был в активном двигательном состоянии, а не лежал в постели. Такая форма рахита характерна при наличии достаточного питания в группе, а болезнь протекает на фоне скудной инсоляции, так как 90% витамина Д вырабатывается под воздействием ультрафиолета. Конечно, следует учитывать и возможное отсутствие или пониженное содержание витамина Д в пище. Кроме того, наличие деформаций может означать, что ребенок болел рахитом в возрасте старше года — полутора лет, когда уже умел самостоятельно передвигаться на ногах. Частота встречаемости этого показателя в популяциях Белозерья и Поонежья варьирует в пределах 0–18,2%, в Нефедьево этот признак приближается к средним значениям интервала (табл. 5). Очевидно, проблем с недостатком витамина Д в мигрантной группе Нефедьево не было.

Признак анемии в виде локального варианта во внутренней области орбит — *Cribra orbitalis*, вызванный паразитарными инфекциями в детстве, был зафиксирован в Нефедьеве в 18%. В других группах с территории Русского Севера он колеблется в интервале более низких значений, в новгородских популяциях — более высоких. В древнерусских группах средней полосы этот показатель находится в интервале изменчивости средних значений (рис. 108).

Таким образом, несмотря на то, что население Нефедьево демонстрирует высокие для Русского Севера показатели анемии, в целом эти значения характери-

¹ Расчеты индекса Sr/Ca для серий Нефедьево и Никольское-III проводились по данным М. В. Козловской, опубликованным в статье Алексеевой Т. И. и др., 1993.

Распространение анемии у древнерусского населения, %

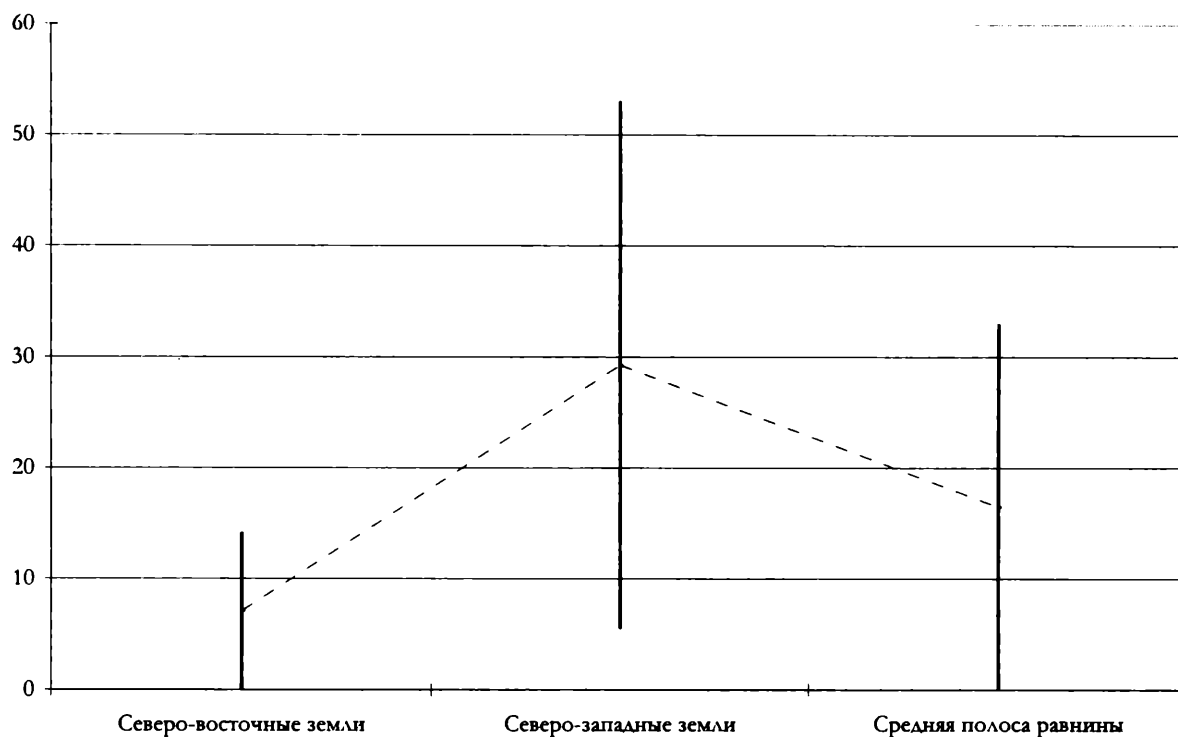

Рис. 108. Интервалы изменчивости показателя анемии *Criba orbitalis* в различных древнерусских популяциях. Средние значения объединены пунктирной линией

зуются минимальным уровнем, — редкое для средневековья явление.

Аналогичная тенденция отмечается и при анализе признаков неспецифических инфекций. Для населения Белозерья и Поонежья маркер определяется в интервале изменчивости 0–18,8%, для Нефедьево — 2,4%. В то время как для новгородского населения встречаемость этого признака характерна для каждого 2–3 индивидуума (табл. 4, 5). Хронологический анализ признака, проведенный по материалам Нефедьево, указывает на практическое исчезновение маркера в более поздние периоды (табл. 12). Очевидно, уровень жизни в популяции был достаточно высок, что способствовало не толь-

ко успешной адаптации пришлого населения, но и развитию некоего оптимума физиологических реакций на среду.

Как указывалось ранее, средний возраст умерших в серии Нефедьево, как и во многих других популяциях Белозерья и Поонежья на пятилетний интервал, превышает показатель, зафиксированный у древнерусского населения. На фоне этих данных представленные тенденции можно рассматривать как свидетельство успешной адаптации пришлого населения к новым условиям жизни. Следует отметить и некоторое своеобразие показателей при адаптации. Так, замедление темпов роста, отмеченное по данным об эмалевой гипоплазии и линиях Гарриса, может расцени-

ваться в первую очередь как признак адаптации к холодному климату. Изменение некоторых маркеров зубных патологий, хронологическая оценка биохимического состава костной ткани позволяют реконструировать изменение диеты пришлого населения. На наш взгляд, все представленные особенности характеризуются последствиями биологической и социальной адаптации к географическим условиям среды.

Следует еще раз обозначить, что практически все индикаторы физиологического стресса, отмеченные у населения Белозерья и Поонежья, демонстрируют заниженные показатели, что свидетельствует о высоком уровне здоровья населения северо-восточных территорий. Надо подчеркнуть, что даже мигрантное население, проанализированное на примере группы Нефедьево, показывает быстрое появление успешной адаптации к местным факторам среды.

Рассмотрим более подробно возможные причины столь успешной адаптации прилового населения. Как указывалось выше, при моделировании механизма формирования поселения Белозерья стратегией расширения числа жителей на более поздних этапах развития общины было смешение прилового населения.

Как указывалось выше, современное население этих территорий демонстрирует генетическое своеобразие, которое, возможно, было сформировано в более далекие от современности эпохи (Рычков Ю. Г. и др., 1999). Возможно, основной местный конгломерат населения, несмотря на очевидную колонизацию прилым, остался незатронутым. Очевидно, высокий удельный вес здоровых людей на северо-востоке Русской равнины обеспечивается за счет местного субстрата.

Интересно наблюдение группы русских генетиков, изучавших географическое распространение различных заболеваний у современного сельского населения Русской равнины и связи его с генофондом (Жукова О. В. и др., 1999). Они отмечают, что низкий уровень заболеваемости свойственен населению северных областей Восточной Европы, причем связывают это с генетической адаптацией населения, начало процесса которой определяется 10 000-летним периодом (Жукова О. В. и др., с. 231).

В заключение необходимо отметить, что археологические источники позволяют выдвинуть гипотезу о более высоком экономическом уровне популяций с территорий Русского Севера по сравнению с другими (Макаров Н. А., 1997). Этот социальный фактор на фоне благополучной биологической адаптации населения мог сыграть важную роль для создания оптимума, выразившегося, в частности, в увеличении средней продолжительности жизни популяций северо-востока Русской равнины.

Эпидемии и их последствия

По данным Н. А. Богоявленского (1960), подавляющее большинство эпидемий в эпоху средневековья географически локализовалось на северо-западе с центром в Новгороде и Пскове, с дальнейшим распространением на соседние города: Старую Руссу, Торжок, Тверь.

Анализируя масштабы массовых эпидемий, Н. А. Богоявленский (1960) приводит колоссальные цифры, почерпнутые из различных летописей. И даже если им верить не до конца, то описание выкопанных «скудельниц» — общих могил — красноречиво свидетельствует об огром-

ных потерях людей при эпидемиях. Вероятно, большая часть эпидемий возникала в летнее время и затухала в периоды холодов. Так, по замечаниям в Псковской летописи можно точно определить время и сроки протекания одной из эпидемий. «Бысть мор велик в Пскове..., начат мерети по Семене дни летопроводца, и бысть сам напор и много падоша христиан в рождественское говение», то есть люди стали умирать в последние дни лета, а своего пика эпидемия достигла в предрождественский пост (ПСРЛ, т. III, Псковская 2-я летопись, 1466 г., цит. по: Богоявленский Н. А., 1960, с. 108).

Анализируя наблюдения из Новгородской летописи (ПСРЛ, т. III, Новгородская 1-я летопись, 1341): «Мор бысть в людех мног..., такожде и скот помре рогатый», в 1309 г. «был мор на людех и кони и на всякий скот», в 1321 г. — «мор на люди и на кони», — можно предположить широкое распространение различных типов эпизоотий, болезней, поражающих как домашних животных, так и человека. Анализируя другие псковские и новгородские летописи, Н. А. Богоявленский (1960) выявляет конкретные массовые эпидемии. Например, по летописным данным псковско-новгородского происхождения он реконструирует эпидемию легочной и даже бубонной чумы. В других случаях, по его реконструкциям, причинами эпидемий могут быть цинга, различные виды тифов (Богоявленский Н. А., 1960, с. 111).

Нами была предпринята попытка оценки распространения цинги на территории Белозерья и Поонежья. Сегодня это заболевание особенно отчетливо может быть определено по костным останкам у детей (Ortner D. J., Puthar W. G., 1985; Janssens P. A., Marcsik A. et al., 1993; Ortner D. J., Ericksen M. F., 1997). Поэтому оценка рас-

пространения цинги в палеопопуляциях оценивалась у детского населения, что дает неполную картину развития болезни. Тем не менее, косвенным образом указывает на присутствие болезни в древних группах.

Известно, что цинга обусловлена недостаточным поступлением с пищей витамина С или нарушением его всасывания. У детей это заболевание обозначают как болезнь Мюллера-Барлоу. Цинга известна с глубокой древности. Во время осад, голода, войн и продолжительных плаваний эта болезнь была одним из стихийных бедствий. Во всех странах и во все эпохи появление цинги связывали всегда с одними и теми же обстоятельствами — снижением иммунитета вследствие физического и психического стресса, с одной стороны, и условий, не позволяющих употребления свежих пищевых продуктов (зелени, фруктов, мяса, молока), — с другой. Особая связь между цингой и характером питания была установлена давно. Наблюдали, что обычно болезненные явления наступали вследствие длительного употребления преимущественно консервированной пищи.

Таким образом, регистрация цинги у детей свидетельствует о трудных моментах в жизни, связанных в первую очередь с обеспечением питания, особенно в зимний период. Всего было обследовано 53 костных останков детей из 12 палеопопуляций Белозерья и Поонежья. Из них у 10 индивидуумов болезнь фиксируется по всем таксономически ценным признакам, а у 12 — признаки не дают полного представления о диагнозе из-за плохой сохранности костной ткани. Таким образом, частота встречаемости признака колеблется в пределах 18,9–41,5% (10–22 индивидуума).

В серии Нефедьево, Шуйгино и Воезеро у детей была зафиксирована болезнь

Мюллера-Барлоу, причем в серии Воезеро у детей в возрасте до 1–1,5 лет в 88,9–100% случаев (табл. 13, рис. 109). Обсудим подробнее представленные результаты.

Две группы — Никольское и Воезеро — демонстрируют диаметрально противоположные результаты: от полного отсутствия заболевания в группе до практически повального распространения его. В сериях Нефедьево и Шуйгино показатель встречаемости цинги не различается и отражает среднее значение интервала (табл. 13).

Рассмотрим хронологическую динамику показателя на примере группы Нефедьево. В выборке XI в. цинга фиксируется у детей переселенцев в пределах 0–20%, а позднее в XII–XIII вв. частота встречаемости этого заболевания колеблется в пределах 22,2–44,4%. Таким образом, цинга становится характерной болезнью в более поздние периоды жизни нефедьевцев, примерно тогда, когда в диете доля углеводной пищи увеличивается. По мнению Ш. Робертс (Roberts Ch. A., Man-

chester K., 1995) цинга должна быть характерной болезнью земледельческого населения, а не охотников-собирателей или скотоводов. Долгие зимы и неурожай являются стимулирующим фактором для развития болезни в земледельческих обществах. Эти данные лишней раз подтверждают избирательность представленного маркера, несущего социальную и экологическую нагрузки.

Высокий показатель частоты встречаемости цинги в серии Воезеро, на наш взгляд, не случаен. При археологическом и демографическом анализе неоднократно обращалось внимание на преобладающее число детей в серии (Алексеева Т. И. и др., 1993; Макаров Н. А., 1997). Значительное превышение детского населения в серии Воезеро нельзя объяснить просто особенностями лучшей сохранности костной ткани в погребальной почве. При эпидемии цинги наиболее вероятной группой риска следует считать новорожденных детей. Таким образом, высокий процент

Рис. 109. Могильник Воезеро, погребение 22. Признаки цинги на черепе

смертности детей Воезеро в возрасте до 1–1,5 лет с признаками цинги дает основание предположить эпидемию в группе. Кроме того, эти данные указывают на недостаточное питание кормящих женщин, вследствие чего они не смогли обеспечить грудных детей необходимым количеством витаминов и микроэлементов.

Вероятно, перед нами следы трагедии, связанной с голодной зимой и (или) неурожаем в регионе, приведшей к эпидемии цинги в Воезеро. Фактические данные, почерпнутые из анализа остеологического материала, находят аналогии в письменных источниках, упомянутых выше (Богоявленский Н. А., 1960, с. 111).

Таким образом, письменные источники и результаты остеологических исследований подтверждают существование различных видов эпидемий на территории севера Русской равнины. Массовая гибель людей приводила к вымиранию отдельных поселений, что способствовало изменению генофонда. Тем не менее, инфекционные заболевания затрагивали экономически развитые ареалы и не влияли на изменение генофонда периферийных областей. Тогда как цинга, зависящая от качества питания сельской общины, могла быть существенным фактором, влиявшим на продолжительность существования общины и поселения в целом. Следует обратить внимание, что массовая гибель людей при свирепых неурожаях и эпидемиях прямым образом влияла на формирование экономического развития региона.

Реконструкция особенностей экономики и своеобразия хозяйственного уклада региона

Из исторических и археологических источников известно, что хозяйство древ-

нерусского крестьянина было комплексным. Ему были доступны земледелие и скотоводство, охота и рыболовство (Цалкин В. И., 1956, Рыбаков Б. А., 1982). Кроме того, в деревне развивались некоторые виды ремесла и промыслов (Рыбаков Б. А., 1948). Очевидно, для каждого региона, вследствие особенностей природных и социальных факторов, были характерны определенные профессиональные занятия.

Патологический маркер, определяющий холодовой стресс, связанный с регулярным пребыванием человека на открытом воздухе во время прохладной ветреной погоды или холодной погоды с повышенной влажностью, может быть использован в качестве одного из индикаторов оценки профессиональной занятости населения. Регулярное воздействие холодного воздуха на открытые части лица предполагает увеличение кровотока в эти области, что приводит к появлению специфических изменений надкостницы, напоминающих рисунок апельсиновой корки (рис. 110). В новгородской серии Хрепле этот показатель встречается у каждого третьего мужчины и отмечается у некоторых женщин, у каждого четвертого мужчины из популяций кривичей тверских и вятичей московских. В сельских и городских группах средней полосы показатель холодового стресса демонстрирует низкие значения в диапазоне 0–12,5%.

У населения Белозерья этот признак встречается почти у каждого третьего (30,2%). Следует отметить, что он более характерен для мужского населения, чем для женского (табл. 14). Наибольшие значения признака отмечаются в регионе Волока Славенского у населения Нефедьево, Шуйгино (42,9%), наименьшие значения — в регионе поселений Никольское III, Войлохта XXIV, Нефедово

Рис. 110. Могильник Нефедьево, погребение 62. Признаки холодового стресса на черепе

(21,2%). Средние показатели отмечаются у населения Поонежья Мошинского погоста, Воезеро и Палкино, в регионе поселений Каргополя у жителей Горка и Попадьино, в регионе среднего течения Шексны и Суды у населения поселений Кривец и Минино. Представленные результаты позволяют говорить о населении Белозерья и Поонежья как о жителях сельской местности, образ жизни которых требовал пребывания на открытом воздухе даже в непогожие дни. Трудно объяснить завышение показателя холодового стресса у жителей Нефедьево по сравнению с остальным населением. Возможно, это могло быть связано с особенностями более активного использования охоты в этой группе по сравнению с остальными. Обратимся к другим индикаторам.

Как неоднократно указывалось, для древнерусского населения характерно распространение болезней суставов и позвоночника. В Белозерье показатель болезней суставов и позвоночника колеб-

лется в пределах 0–25%. Хронологическая динамика изменения показателя в серии Нефедьево показывает увеличение частоты встречаемости признака с течением времени, причем у женщин эта тенденция более отчетлива (табл. 15).

При сравнении с показателями новгородских групп популяции северо-восточных территорий демонстрируют более низкие значения (рис. 99). Известно, что завышенные показатели заболеваний суставов и позвоночника наблюдаются, как правило, в земледельческих группах. Поскольку мы располагаем выразительным археологическим и остеологическим материалом, раскрывающим исключительное значение промыслов, в том числе пушной охоты, в хозяйстве региона, то можно предположить, что население Белозерья и Поонежья на разных этапах своего развития занималось активным освоением окружающей среды, связанным как с охотой, так и с элементами земледелия (Макаров Н. А., 1997). Невзирая на погод-

ные условия, мужчины проводили много времени на открытом воздухе, и это было связано, скорее всего, с промыслами.

Помимо патологий опорно-двигательной системы, для реконструкции физической активности используют индикаторы возрастных и функциональных изменений суставных поверхностей некоторых крупных суставов и развития костного рельефа, ассоциируемого с состоянием мышечной массы (Бужилова А. П., 1995, 1998). По результатам этого исследования у словен новгородских (Хрепле) отмечаются высокие показатели поражения коленных суставов и развитие костного рельефа на плечах, предплечьях и нижних конечностях. У жителей Новгорода отмечаются сходные тенденции, за исключением ведущей правосторонней асимметрии у мужчин (плечевой, локтевой и коленный суставы) и значительного поражения суставных поверхностей крупных суставов у женщин. Сравнительный анализ с населением средней полосы позволяет найти аналогии в распределении физических нагрузок с серией вятичей московских и группой из Старой Рязани (Бужилова А. П., 1995, с. 92–93). Подобный характер поражения суставов — преимущественно плечевых, локтевых и коленных, был отмечен в охотничьих и земледельческих группах древних индейцев (Bridges P. S., 1991). По данным С. S. Larsen (1981), в земледельческих группах из Georgia Coast отмечено преимущественное поражение коленных суставов; локтевые суставы поражались так же часто или несколько реже. Такие же результаты получены и R. Jurmain (1990) при обследовании калифорнийских групп.

Как указывалось выше, интенсивный физический труд должен приводить к увеличению мышечной массы, что кос-

венным образом определяется по наличию резко развитого костного рельефа (Медникова М. Б., 1998). У мужчин из группы словен новгородских (Хрепле) и вятичей московских развитие рельефа отмечается на верхних и нижних конечностях и характеризуется правосторонней асимметрией. Кроме того, у них отмечается повышенное число болезней позвоночника и хрящевых грыж — ущемления желтого тела в междисковом пространстве, что также свидетельствует о тяжелых физических нагрузках.

В женских сельских выборках отмечается развитие костного рельефа преимущественно на костях верхнего пояса конечностей и то, главным образом, у женщин словен новгородских (Хрепле) и вятичей московских.

В городских группах Новгорода и Старой Рязани женское население характеризуется множественным поражением суставов как верхнего пояса конечностей, так и нижнего. Такую особенность можно объяснить с двух позиций. Во-первых, увеличение частоты встречаемости бактериальных инфекций у городских женщин может приводить к поражению инфекцией суставных сумок и преждевременной деформации суставных поверхностей. Во-вторых, специфические периодические интенсивные механические перегрузки могут характеризоваться появлением микротравм, вызывающих преждевременные деформации суставных поверхностей (Клионер И. А., 1962, Рохлин Д. Г., 1965).

Для населения Белозерья распределение физических нагрузок было проанализировано, главным образом, на примере групп Нефедьево, Шуйтино и Никольское III и других (табл. 2). В серии Нефедьево (более 60 посткраниальных скелетов) были проанализированы индикаторы физиче-

ских нагрузок и некоторые патологии, позволяющие реконструировать профессиональную занятость населения. В целом, в мужской выборке уровень физических нагрузок распределяется достаточно равномерно на пояс верхних и нижних конечностей. В качестве особенностей следует выделить значительное развитие икроножной мышцы на нижних конечностях и двуглавой и трехглавой мышц на верхних, что свидетельствует об активной физической деятельности обследованных.

В женской выборке трудно выделить устойчивую закономерность в распределении воздействия механического стресса. В одном случае реконструируются варианты распределения нагрузок на оба предплечья и нижнюю треть позвоночника, в другом — только на верхний пояс конечностей, в третьем — как и в мужской выборке, нагрузки распределяются более или менее равномерно, свидетельствуя об их высоком уровне.

Анализ индикаторов механического стресса в зависимости от хронологических этапов позволил отметить, что наименее дифференцированные типы физической активности регистрируются у мужчин и женщин в выборке, относящейся к XI в., то есть к начальным этапам освоения местности. Существует отчетливая хронологическая зависимость увеличения числа вариантов с усиленными нагрузками на нижние конечности у населения Нефедьево в выборке XII–XIII вв. (рис. 111, 112). В этом случае наблюдается также поражение коленных и локтевых суставов, подобно тому, что мы отмечаем у населения словен новгородских (Хрепле) и вятичей московских. По-видимому, позднее население характеризуется признаками, отмечаемыми чаще всего у земледельцев

(Larsen C. S., 1981; Jurmain R., 1990; Bridges P. S., 1991). Возможно, появление этого варианта на поздних этапах развития Нефедьево связано с увеличением доли земледельческого труда, о чем мы неоднократно указывали выше.

Анализ физических нагрузок в остальных сериях (примерно 100 наблюдений) не выявил каких-либо закономерностей в сериях Шуйгино, Нефедово, Минино, Палкино.

Помимо оценки общих физических нагрузок на опорно-двигательную систему, была проведена фиксация индикаторов механического стресса, связанного с нагрузками на скелет при верховой езде (Бужилова А. П., 1998а). Всего было изучено 365 индивидуумов из различных сельских и городских групп, причем население Белозерья и Поонежья составило примерно половину от числа обследованных (184).

Обычно, фиксация патологических проявлений, связанных с профессиональной деятельностью, опирается на определенный круг заболеваний (травмы, болезни суставов и позвоночника). Для оценки двигательной активности всадников использовались все категории маркеров, связанные с оценкой суставных изменений, мускульного развития, энтесопатий, патологий суставов и позвоночника, травм (Бужилова А. П., 1998а, с. 169–173). Как и в других реконструкциях двигательной активности, проводилась дифференциальная диагностика с определенными системными заболеваниями. Поэтому на завершающих этапах анализа были представлены случаи, не вызывающие сомнения по таксономически ценным категориям.

Как видно из таблицы № 16, всадничество фиксируется в некоторых древне-

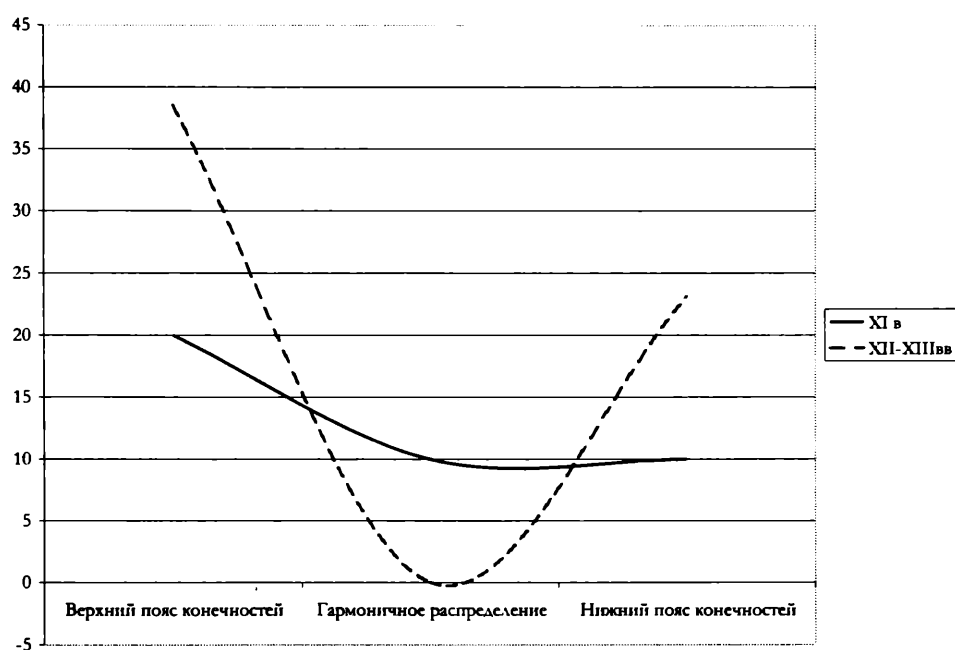

Рис. 111. Хронологическая изменчивость различных вариантов физических нагрузок в мужской группе Нефедьево.

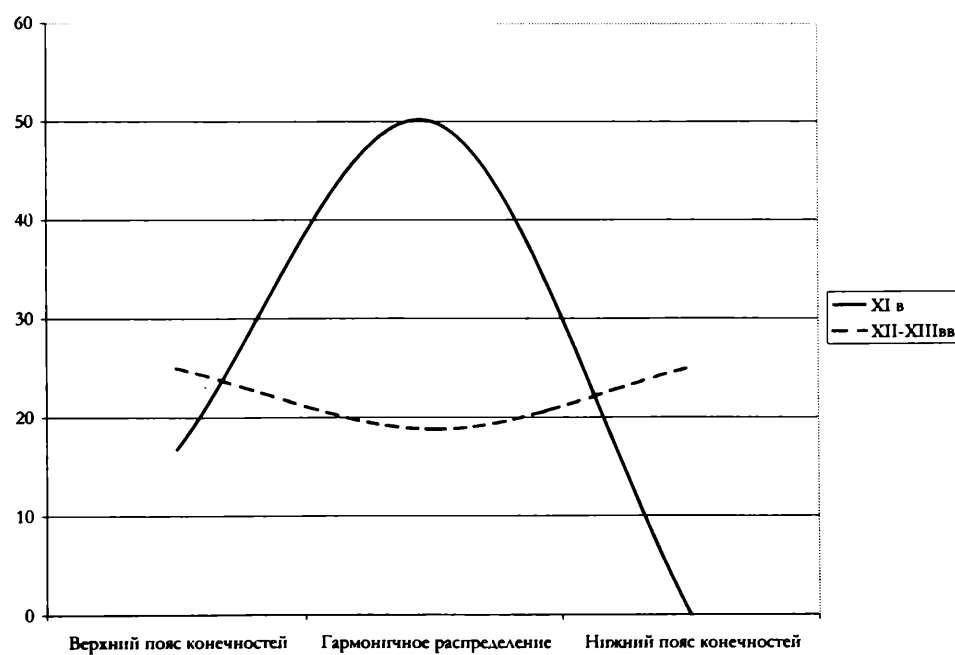

Рис. 112. Хронологическая изменчивость различных вариантов физических нагрузок в женской группе Нефедьево.

русских выборках, но главным образом, у городского и, вероятно, дружинного населения. В связи с последним следует выделить серию Никольское-III, где при плохой сохранности посткраниального скелета (серия представлена полными костями примерно на 10% и неполными — на 30%) 5 отмеченных случаев относятся к одному хронологическому периоду.

Следует оговориться, что верховая езда — явление реальное, но не распространенное на северо-востоке Русской равнины. Тем не менее, представленные результаты важны как свидетельства распространения всадничества на Русском Севере, традиционно рассматриваемом как территория, на которой водно-волоковые пути были в X–XIII вв. едва ли не единственной системой общения. Находки удила и шпора исключительно редки в комплексах X–XIII вв. в Белозерско-Кубенском регионе, в могильниках с ингумациями эти категории вещей вовсе не представлены (Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 1999). В этой ситуации представляют интерес реконструированные методами палеоантропологии профессиональные всадники из комплексов первой половины — середины XI в. (Никольское III, Нефедьево, п. 19, п. 43, Минино II, п. 9), периода, когда ландшафт Белозерья был еще сильно залесен и передвижение на лошади, казалось бы, было затруднено. Часть этих — и более поздних — комплексов сопровождалась боевым оружием (Никольское III, 11/1 — боевым топором, Нефедьево, п. 75 — с кистенем), монетами (все четыре не потревоженные погребения из Никольского) и престижными деталями костюма (Минино II, п. 9 — поясом с декоративными накладками, Нефедьево, п. 43 — фибулой, скан-

ной бусиной) и вероятно, принадлежала профессиональным воинам или мужчинам, выделявшимся по своему статусу в местной среде. Инвентарь других погребений беден и не позволяет выделить эти комплексы из остальной массы (Макаров Н. А., 1997; Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 1999).

Таким образом, всадничество на Русском Севере не было чертой образа жизни, характерной для определенной социальной или профессиональной группы населения, и практиковалось как в XI, так и в XII–XIII вв.

В качестве еще одного маркера физической и социальной активности населения можно рассмотреть распространение травматизма. Наиболее иллюстративными в этом случае считаются травмы черепа, так как они дают представление о военной активности населения.

Для населения Новгородской земли этот показатель колеблется в интервале 0–15,5%, у кривичей тверских — от 0 до 9%, у мужчин Смоленска достигает 14%. В мужской выборке вятичей московских значения показателя располагаются в интервале 4–7%, а в женской выборке этот показатель равен 15%. Следует отметить высокий уровень черепных травм у мужчин Витичева (23,5%), тогда как у кривичей ярославских черепные травмы не отмечаются вовсе. В целом, у древнерусского населения травмы отмечаются преимущественно у мужчин, и частота встречаемости их неравнозначна. Наиболее часто этот показатель фиксируется в городских и пограничных выборках (Бужилова А. П., 1995).

Для населения Белозерья и Поонежья показатель травм колеблется в пределах 0–11,1%, что соответствует средним значениям этого маркера для древнерусского сельского населения севера Русской

равнины. Травмы для мужчин более типичны, чем для женщин. В серии Нефедьево травмы черепа не превышают величины 2,8%, посткраниального скелета — 8,8%. Величина показателей и характер травм позволяют говорить о населении Нефедьево как об ординарной сельской группе. Сходные тенденции отмечены в группах Шуйгино, Минино на Юге, Никольское XVIII. Хронологическая динамика характера травм, исследованная по материалам Нефедьево, позволяет уловить тенденцию уменьшения числа травм посткраниального скелета, с одной стороны, и появления черепных травм, с другой, на более поздних этапах жизни общины (рис. 113). В связи с этим следует отметить черепную травму у мужчины из серии Горка, характер которой позволяет оценить ее как военную из-за использования оружия с острым режущим краем (рис. 114). Тем не менее, исходя из уровня и характера черепных травм, отмеченных в популяциях Белозерья и Поонежья, военные травмы — редкое явление на Русском Севере. Возможно, периферийное положение территорий обуславливало незначительное число военных конфликтов по сравнению с новгородскими и порубежными землями. С другой стороны, политическое и военное соперничество за северные земли, возможно, проходило не в столь агрессивном ключе, как это можно было бы представить по историческим источникам.

Заключение

На примере популяций с территорий Белозерья и Поонежья и Новгородской земли мы попытались оценить особенности миграционных процессов и последствия физиологической адаптации сред-

невекового населения к природным и социальным факторам среды.

Опираясь на результаты краниологических и генетических исследований, можно предположить, что колонизация и миграционные процессы на северо-востоке Русской равнины не носили массового характера, а определялись временной и географической константами, поскольку, вероятно, осуществлялись постепенно семьями и небольшими группами населения. Можно допустить, что древнерусские популяции, включая ту часть, которая является мигрантной, были адаптированы к метеорологическим и общепатологическим факторам среды. Следовательно, спектр негативных стрессов, реконструированных палеопатологическим анализом, относится скорее к социальным, чем природным факторам.

На примере палеогруппы Нефедьево удалось продемонстрировать механизм формирования популяции колонистов в эпоху средневековья. Вероятно, первыми на поселении были родственные семьи (8–14 человек), которые на протяжении 3–4 поколений при небольшом случайном пополнении извне обустраивались на новом месте.

Прежде чем обратиться к реконструкции негативных факторов мигрантных популяций Белозерья, мы попытались оценить в качестве контрольной ситуацию на северо-западе Русской равнины. Эта реконструкция позволила выстроить несколько предположений. Во-первых, на территории Новгородской земли воздействие негативных факторов было намного значительнее, чем на северо-востоке равнины, так как демографические показатели среднего возраста умерших демонстрируют максимальные значения на северо-западе равнины и минимальные на

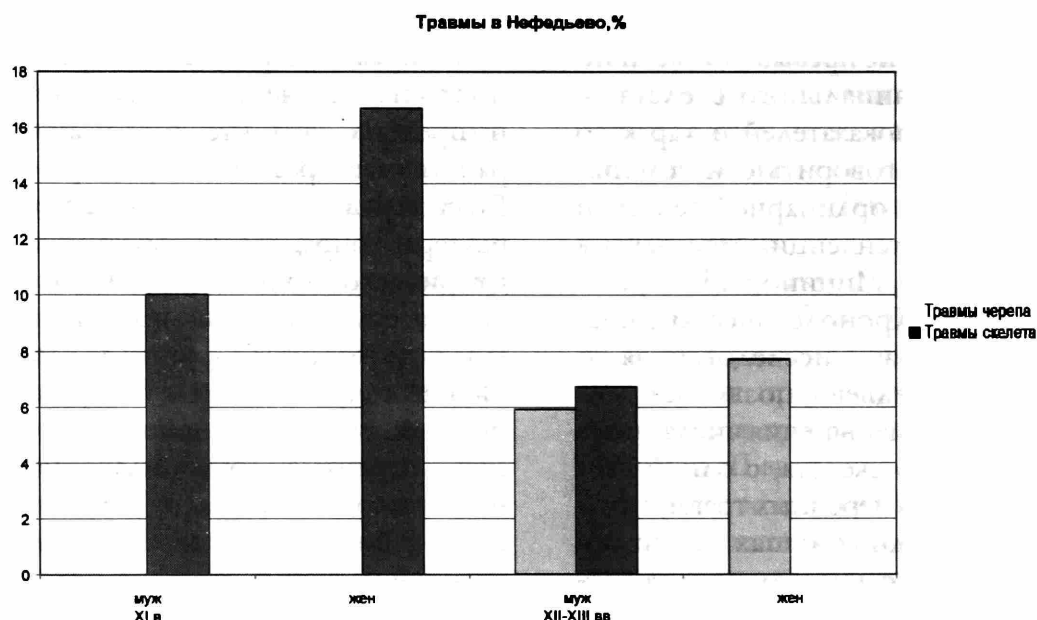

Рис. 113. Изменение характера травм с течением времени в популяции Нефедьево

северо-востоке. Воздействие значительных негативных факторов проявилось также и в крайней неравномерности и завышении некоторых показателей маркеров физиологического стресса в новгородских популяциях. С другой стороны, эти результаты можно оценить и как устойчивую адаптацию к биосоциальным факторам среды, которая выражается в появлении специфической комбинации признаков, отмечаемой только на этой территории — высокий процент кариеса, неспецифических инфекций, болезней позвоночника и снижение средней продолжительности жизни. Во-вторых, комплекс некоторых маркеров физиологического стресса продемонстрировал существование определенного пищевого стресса на территории Новгородской земли, связанного скорее всего с недостатком пищевых ресурсов в сельских популяциях. В-третьих, высокая степень некоторых показателей стресса, связанных с рас-

пространением паразитарных инфекций у детской части населения, позволила предположить низкий уровень жизни многих новгородских популяций. Очевидно, тяжелый физический труд на фоне некалорийного питания и низкого уровня жизни некоторых новгородских популяций

Рис. 114. Могильник Горка, погребение 1. Черепная травма

способствовал снижению средней продолжительности жизни населения.

В противовес северо-западным территориям, у населения северо-востока практически все индикаторы физиологического стресса демонстрируют заниженные показатели, что свидетельствует о высоком уровне здоровья, и, возможно, менее напряженном воздействии негативных социальных факторов. Надо подчеркнуть, что даже мигрантное население, проанализированное на примере группы Нефедьево, показывает быстрое появление успешной адаптации к местным факторам среды.

В качестве одного из основных позитивных социальных факторов, влиявших на адаптацию пришлого населения, следует отметить более высокий экономический уровень популяций Русского Севера по сравнению с другими территориями (Макаров Н. А., 1997). Этот социальный фактор на фоне благополучной биологической адаптации населения мог сыграть важную роль для создания оптимума, выразившегося, в частности, увеличением средней продолжительности жизни населения Русского Севера. Периферийное положение территорий Русского Севера обуславливало спокойное без военных конфликтов течение жизни, которое способствовало также увеличению естественной плотности населения.

Письменные источники и результаты остеологических исследований подтверждают существование различных видов

эпидемий на территории севера Русской равнины. Массовая гибель людей приводила к вымиранию отдельных поселений, что способствовало изменению генофонда. Тем не менее, инфекционные заболевания затрагивали экономически развитые ареалы и не влияли на изменение генофонда периферийных областей. Тогда как цинга, зависящая от качества питания сельской общины, могла быть существенным фактором, влиявшим на продолжительность существования общины и поселения в целом. Следует обратить внимание, что массовая гибель людей при свирепых неурожаях и эпидемиях прямым образом влияла на формирование экономического развития региона.

Анализ различных маркеров механического стресса приводит нас к весьма тривиальным выводам о распространении комплексного типа хозяйствования на Русском Севере, который, помимо земледелия и огородничества, включал пушной промысел и охоту, рыболовство и добычу бобра. Об этом же свидетельствуют данные истории, археологии и палеозоологии (Макаров Н. А., 1997). На примере группы Нефедьево удастся проследить некоторую тенденцию увеличения доли земледелия на более поздних этапах.

Очевидно, избранная населением стратегия выживания в суровых климатических условиях нечерноземья оказалась наиболее адекватной комплексу средовых факторов.

Таблица 1. Распределение дискретно-варьирующих признаков по географическим координатам

Группа Признак	Северо-западная 60–55° ш. 20–40° л.		Юго-западная 55–50° ш. 20–40° л.		Северо-восточная 60–55° ш. 40–60° л.		Юго-восточная 55–50° ш. 40–60° л.	
	min-max	х, %	min-max	х, %	min-max	х, %	min-max	х, %
1	0–15,3	7,7	0–15,9	7,95	6–19,2	12,6	2,9–8,6	5,8
2	23,1–42,4	32,8	14,3–41,2	27,8	25,3–34,8	30,1	35,3–42,9	39,1
3	1,7–9,8	5,8	0–8,8	4,4	4,8–6,5	5,7	0–2,9	1,5
4	3,8–16,1	9,95	5,7–15,7	10,7	6,5–10,8	8,7	8,8–14,7	11,8
5	9,1–19,2	14,2	2,9–18,1	10,5	19,3–21,7	20,5	14,7–20,6	17,7
6	3,7–21,4	12,6	2,9–17,7	10,3	6,3–10,7	8,5	3,2–13	8,1
7	0–10,8	5,4	0–6,7	3,4	8,3–12	10,2	0–6,9	3,5
8	2–20,7	11,4	4,2–7,9	6,1	0–13,9	6,95	0–17,2	8,6
9	0–3,8	1,9	0	0	0	0	0–2,9	1,5
10	2,9–7,7	5,3	1,6–9,1	5,4	2,2–2,4	2,3	0–8,8	4,4
11	0–9,1	4,6	0–9,4	4,7	3,7–4,4	4,1	0–5,9	2,95
12	10–33,3	21,7	13,8–26,5	20,2	10,9–22,2	16,6	25–38,2	31,6
13	0–1,6	0,8	0	0	1,2–2,2	1,7	0–2,9	1,5
14	7,7–18,6	13,2	2,9–11,8	7,4	15,2–18,3	16,8	2,9–11,8	7,4
15	2,9–10,7	6,8	0–17,7	8,9	6,5–12,2	9,4	2,9–8,6	5,8
16	23,1–49,2	36,2	20,3–44,8	32,6	19,6–25,3	22,5	25,7–32,4	29,1
17	0–15,4	7,7	0–1,7	0,9	1,2–2,2	1,7	2,9	2,9
18	0–3,4	1,7	0–3,6	1,8	2,4–6,5	4,5	0–2,9	1,5
19	2,9–12,7	7,8	3,1–8,8	5,95	4,4–9,9	7,2	2,9	2,9
20	0–6,3	3,2	0–3,6	1,8	2,2–2,5	2,4	0–5,9	2,95
21	28,1–57,7	42,9	20,6–47,3	33,95	39,1	39,1	26,5–34,3	30,4
22	0–2,9	1,5	0–5,9	2,95	0–4,4	2,2	0–2,9	1,5
23	1,8–19,2	10,5	1,3–5,9	3,6	6,5–8,5	7,5	0–11,4	5,7

Группа	Северо-западная 60–55° ш. 20–40° А.		Юго-западная 55–50° ш. 20–40° А.		Северо-восточная 60–55° ш. 40–60° А.		Юго-восточная 55–50° ш. 40–60° А.	
	min-мах	х, %	min-мах	х, %	min-мах	х, %	min-мах	х, %
24	17,1–42,4	29,8	18–42,9	30,5	30,1–36,96	33,5	26,5–42,9	34,7
25	3,5–15,2	9,4	2,4–14,7	8,6	3,6–10,9	7,3	0–8,6	4,3
26	12,96–41,4	27,2	9,8–33,3	21,6	20–34–4	27,2	20–30,3	25,2
27	0–24,1	12,1	9,1–18,5	13,8	8,6–14,1	11,4	9,7–12	10,9
28	31,5–50	40,8	18,5–41,9	30,2	31,4–26,6	29	15,2–32	23,6
29	7,8–22,6	15,2	6,5–10,3	8,4	6,2–19,1	12,7	8–13,3	10,7
30	0–12,1	6,1	0–9,4	4,7	4,5–5,1	4,8	0–3,1	1,6
31	5,7–30,4	18,1	16,95–27,1	22	6,8–19,2	13	17,1–21,9	19,5
32	0–3,6	1,8	0–3,4	1,7	2,3–5,1	3,7	3,1–5,7	4,4
33	0–8,5	4,3	3,1–13,3	8,2	0–2,3	1,2	6,3–22,9	14,6
34	0,7–10	5,4	0–1,96	0,98	0–5,5	2,8	0–6,7	3,4
35	46–85,7	65,9	42,4–70,97	56,7	52,1–65,8	58,95	60–62,96	61,5
36	10–30,2	20,1	22,6–40,6	31,6	20,6–31,6	26,1	14,8–36,7	51,5
37	0–7,4	3,7	0–3,1	1,6	0–1,4	0,7	0	0

Примечание: номера признаков обозначены по методике А. А. Мовсесян (Мовсесян, Мамонова, Рычков, 1975). 1 — Sutura metopica; 2 — Foramen supraorbitale; 3 — Foramen frontale; 4 — Cibra orbitalis; 5 — Spina trochlearis; 6 — Foramen infraorbitale accessorium; 7 — Os zygomaticum bipartitum; 8 — Processus ossis zygomatici; 9 — Os bregmale; 10 — Ossa Wormiana sut. coronalis; 11 — Proc. frontalis sq. temporalis; 12 — Os epiptericum; 13 — Ossa Wormiana sut. squamosae; 14 — Os apicis lambdae; 15 — Os asteriale; 16 — Foramen parietale; 17 — Os sagittale; 18 — Ossa Wormiana sut. sagittale; 19 — Os apicis lambdae; 20 — Os triquetrum; 21 — Ossa Wormiana sut. Lambdoideae; 22 — Os Incae; 23 — Sutura mendosa; 24 — Foramen mastoideum exsuturale; 25 — Ossa Wormiana sut. occipitomastoideum; 26 — Torus palatinus; 27 — Sutura palatina transversa; 28 — For. palatinum minus accessor.; 29 — Foramen pterygospinosum; 30 — Foramen ovale incompletum; 31 — Foramen spinosum incompletum; 32 — Foramen pterygo-alare; 33 — Foramen timpanicum; 34 — Tuberculum praecondylare; 35 — Canalis condylaris; Canalis hypoglossis duplex; 37 — Facies art. condylaris duplex

Таблица 2. Антропологические материалы с территории Русского Севера, использованные в настоящей работе

Серия	Автор раскопок	Численность (инд.)
Воезеро, Поонежье	Макаров Н. А.	23
Войлохта, Белозерье	Башенькин А. Н.	3
Горка, Каргополье	Макаров Н. А.	12
Кривец-II, Белозерье	Кудряшов А. В.	8
Крохинские пески, Белозерье	Макаров Н. А.	2
Минино на р. Юг	Кудряшов А. В.	11
Минино-II на о. Кубенском	Макаров Н. А.	15
Мошинский погост, Поонежье	Макаров Н. А.	4
Нефедово, Белозерье	Кудряшов А. В.	7
Нефедьево, Белозерье	Макаров Н. А.	87
Никольское III на р. Кема	Макаров Н. А.	37
Никольское XVIII на р. Суда	Башенькин А. Н.	16
Палкино, Поонежье	Макаров Н. А.	7
Попадьино, Поонежье	Макаров Н. А.	2
Шуйгино, Белозерье	Макаров Н. А.	15
Разрозненные находки*	Макаров Н. А.	5
Всего		254

* Указаны находки из поселения Пустынька, погребений близ озера Кубенское, около деревни Карельское.

Таблица 3. Средний возраст умерших в средневековых популяциях Русской равнины

Группа	Средний возраст умерших/численность
Большой Сабск, северо-запад Ижорского плато	32.9/38**
Витичев	37.3/32
Всезеро, Поонежье	40.0/4
Войносоолово, северо-запад Ижорского плато	35.9/35**
Горка, Каргополье	39.5/12
Киев	34.8/57*
Кривец-II, юго-западное Белозерье	29.6/7
Курганы верхнего течения р. Москвы и ее притока Истры	32.4/27
Курганы Верхней Лути	34.6/21**
Курганы Вышневолоцкого и Весьегонского уездов	34.6/27**
Курганы Гомельской и Могилевской губерний	37.0/39*

Группа	Средний возраст умерших/численность
Курганы Двино-Припятского бассейна	37.1/47*
Курганы Ижорского плато	33.7/118**
Курганы Костромского Поволжья	39.0/96*
Курганы Курской и Черниговской губерний	37.0/54*
Курганы междуречья рек Москвы и Клязьмы	32.2/26
Курганы нижнего течения р. Москвы и бассейн р. Пахры	33.3/13
Курганы Переяславского уезда	39.8/65*
Курганы Смоленской земли	39.8/85*
Курганы среднего течения р. Москвы	35.8/32
Курганы Тверской губернии	35.9/147*
Курганы Черниговской губернии	34.0/44*
Курганы юго-восточного Приладожья	36.1/27**
Курганы Ярославской губернии	32.7/85*
Любеч	38.1/33
Минино, среднее течение р. Шексны	38.8/8
Мошинский погост, Поонежье	35.7/3
Нефедово, Белозерье	35.0/7
Нефедьево, Белозерье	42.2/87
Никольское XVIII, юго-западное Белозерье	38.6/14
Никольское-III, Белозерье	41.7/49
Новгород	32.9/30
Попадьино, Каргополье	42.0/5
Раглицы, Новгородская земля	30.1/33**
Ростов Великий, кладбище у ц. Бориса и Глеба	32.4/46
Ростов Великий, кремлевский некрополь	32.9/76
Смоленск	39.1/17
Старая Рязань	36.9/59
Хрепле, Новгородская земля	32.3/50
Чернигов	36.3/83*
Шуйтино, Белозерье	42.1/15

* Вычислено по данным Т. И. Алексеевой, 1973.

** Вычислено по данным Н. Н. Гончаровой, 1997.

Таблица 4. Частота встречаемости некоторых маркеров стресса в палеопопуляциях Северо-Западной Руси (%)

Памятник	Войносово, северо-запад Ижорского пята	Большой Сабск, северо-запад Ижорского пята	Курганы Ижорского пята	Хрепче, Новгородская земля	Радичи, Новгородская земля	Новгород	Курганы Верхней Лути	Красная Заря, юго-восточное Приладожье	Курганы юго-восточного Приладожья	Курганы Вышневолоцкого и Весьегонского уездов
Эпоха	XII-XV	XV-XVI	XI-XIII	XI-XIII	XIV-XV	XII-XVI	X-XIV	XI-XIII	XI-XIII	XII-XIII
Автор исследования	Гончарова, 1997	Гончарова, 1997	Гончарова, 1997	Бужилова, 1993	Гончарова, 1997	Бужилова, 1993а	Гончарова, 1997	Рохлина, 1965	Гончарова, 1997	Гончарова, 1997
Численность	N=35	N=38	N=118	N=38	N=33	N=30	N=20	N=27	N=27	N=27
<i>Болезни, ассоциируемые с пищевым стрессом:</i>										
Кариес	21,6	25	22,9	96,2	64	34,4	45,6	—	36,7	25,8
Одонтогенный остеомиелит	28,3	35,3	32,2	50,1	39,6	7,2	30,8	—	29,2	41,5
Прижизненное выпадение зубов	38,2	30,2	32,7	71,5	63,6	63,9	48,4	—	50	22,9
Эмалевая гипоплазия	31,6	26,1	25,6	28,1	73	13,3	55	—	25	48,6
Послествия рахита	—	—	—	2,8	—	—	—	14,8	—	—
<i>Неспецифические инфекции:</i>										
Поражения на рг. mastoidea (отит)	22,4	18,6	15,1	26,1	15,3	0	18,7	—	63,8	48,4
Sintra orbitalia	46,3	34,5	30,6	5,5	25,2	6,7	11	—	53,1	25,6
<i>Признаки холодового стресса:</i>										
I-III балл развития признака	42,8	40,9	35,4	17,8	78,5	0	48,9	—	75,7	73,6
<i>Другие болезни:</i>										
Травмы на черепе	12,9	2,4	4,1	7,5	15,5	0	5	0	7,2	7,2
Болезни позвоночника	—	—	—	22,8	—	—	—	55,6	—	—

Таблица 5. Частота встречаемости некоторых маркеров стресса в палеопопуляциях Белозерья и Поонежья (%)

Памятник	Воезеро	Войнахта	Горка	Кривец-II	Минино на р. Юг	Минино-II	Нефедово	Нефедьево	Никольское III	Никольское XVIII	Шуйтино
Численность	N=23	N=3	N=12	N=8	N=11	N=15	N=7	N=87	N=37	N=16	N=15
<i>Болезни, ассоциируемые с пищевым стрессом:</i>											
Карис	—	—	9,1	37,5	0,0	—	28,6	20,5	24,2	5,9	18,2
Эмалевая гипоплазия	—	66,7	27,3	12,5	33,3	28,6	14,2	56,4	18,4	29,4	25,0
Цинга у детей	62,5	—	—	—	—	33,3	—	35,0	40,0	—	40,0
Последствия рахита	—	—	—	0,0	0,0	6,78	—	7,1	12,5	0,0	18,2
<i>Неспецифические инфекции:</i>											
Поражения на рг. mastoidea (отит)	4,8	—	—	0,0	0,0	—	0,0	2,4	2,7	0,0	18,8
Striba orbitalia	9,5	—	—	0,0	11,1	6,7	14,2	18,0	13,5	11,8	0,0
<i>Признаки холодового стресса:</i>											
I-III балл развития признака	—	—	16,7	0,0	0,0	—	—	45,8	21,2	0,0	27,3
<i>Другие болезни:</i>											
Травмы на черепе	—	—	9,1	0,0	11,1	13,3	—	9,2	3,0	7,1	0,0
Болезни позвоночника	20	—	9,1	25,0	11,1	20,0	14,2	21,6	17,2	0,0	9,1

Таблица 6. Частота встречаемости показателя *Cibra orbitalia* у древнерусского населения

Географическая широта	Частота встречаемости показателя у древнерусского населения, %		Частота встречаемости у современного населения (по Hengen, 1971)
градусы	min-max	среднее x	среднее x
60-55	0-18	9	3,2
55-50	5,4-18,8	12,1	3,6
50-45	7,3-25	16,2	4,1

Таблица 7. Эмалевая гипоплазия в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII-XIII вв.		Общая выборка	
	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Дети	40	2(5)	50	4(8)	36,8	7(19)
Мужчины	60	6(10)	70,6	12(17)	61,8	21(34)
Женщины	50	4(8)	66,7	10(15)	64	16(25)
Всего	52,2	12(23)	65	26(40)	56,4	44(78)

Таблица 8. Частота встречаемости линий Гарриса в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII-XIII вв.		Общая выборка	
число индивидуумов	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Мужчины	100	5(5)	60	6(10)	77,8	14(18)
Женщины	100	5(5)	91,6	11(12)	94,4	17(18)
Всего	100	10(10)	77,3	17(22)	86,1	31(36)
среднее число линий на кости (n)	правая	левая	правая	левая	правая	левая
Мужчины	7	7,5	4,3	4	4,4	4,4
Женщины	3,3	4,5	5,9	6,8	5,3	6,2
Всего	5,2	6	5,1	5,4	4,9	5,3

Таблица 9. Частота встречаемости линий Гарриса в сериях Шуйгино и Никольское III

Группы	Шуйгино		Никольское III	
число индивидуумов	%	n(N)	%	n(N)
Мужчины	100	3(3)	100	8(8)
Женщины	100	5(5)	80	4(5)
Всего	100	8(8)	92,3	12(13)
среднее число линий на кости (n)	правая	левая	правая	левая
Мужчины	4	2	9,5	13,7
Женщины	5,3	5,6	4	2,5
Всего	4,7	4,3	6,8	8,1

Таблица 10. Кариес в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII–XIII вв.		Общая выборка	
	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Дети	0	0(5)	12,5	1(8)	5,3	1(19)
Мужчины	20	2(10)	23,5	4(17)	23,5	8(34)
Женщины	37,5	3(8)	26,7	4(15)	28	7(25)
Всего	21,7	5(23)	22,5	9(40)	20,5	16(78)

Таблица 11. Распространение значительной стертости жевательных поверхностей коренных зубов в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII–XIII вв.		Общая выборка	
	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Мужчины	10	1(10)	35,3	6(17)	20,6	7(34)
Женщины	0	0(8)	20	3(15)	12	3(25)
Всего	5,6	1(18)	28,1	9(32)	17	10(59)

Таблица 12. Частота встречаемости неспецифических инфекций в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII–XIII вв.		Общая выборка	
	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Дети	0	0(5)	0	0(9)	0	0(20)
Мужчины	9,1	1(11)	0	0(18)	2,8	1(36)
Женщины	11,1	1(9)	0	0(18)	3,5	1(29)
Всего	8	2(25)	0	0(45)	2,4	2(85)

Таблица 13. Цинга на Русском Севере *

Группа	Число больных детей	%
Воезеро	5-8-10	25-40-50
Нефедьево	3-5-7	15-25-35
Шуйгино	1-2	20-40
Никольское III	0	0

* Указано число детей в зависимости от степени представленности таксономически ценных признаков, то есть минимум и максимум больных.

Таблица 14. Признаки холодового стресса в популяциях Белозерья

	Нефедьево		Шуйгино		Никольское III	
	n(N)	%	n(N)	%	n(N)	%
Мужчины	21(34)	61,8	2(4)	50	6(19)	31,6
Женщины	6(25)	24	1(7)	14,3	1(14)	7,1
Всего	27(59)	45,8	3(11)	27,3	7(33)	21,2

Таблица 15. Распространение болезней суставов и позвоночника в серии Нефедьево

Подгруппы	XI в.		XII–XIII вв.		Общая выборка	
	%	n(N)	%	n(N)	%	n(N)
Мужчины	10	1(10)	15,4	2(13)	21,4	6(28)
Женщины	0	0(6)	31,3	5(16)	21,7	5(23)
Всего	6,3	1(16)	24,1	7(29)	21,6	11(51)

Таблица 16. Число всадников, определенных по биологическим маркерам в некоторых древнерусских группах

Серия	Число всадников	Номера погребений
Новгород	4	№ 8825 (п. 48); № 8830 (п. 53); № 8831 (п. 54); № 10313 (п. ?)* ¹
Хрепле	2	№ 8329; № 8335* ²
Старая Рязань	4	КО355/11; 355/23; 355/39; КО355/43* ³
Любеч	4	КО1/10 (п. 9); 1/14 (п. 14); 1/17 (п. 20); 1/45 (п. 16)* ⁴
Вятичи московские	3	№ 7387, 7429, 8658* ⁵
Никольское-III	5	НИК-РС: пп. 4/1, 27/1, 11/1, 41, 29/1**
Нефедьево	6	НЕФ-РС: XI в. — пп. 19 и 43; XII в. — пп. 7 и 75; XIII в. — пп. 63 и 78**
Шуйтино	1	Ш-РС: п. 6**
Воезеро	1	В-РС: п. 30**
Минино-II	3	М2-РС: п. 4, п. 7, п. 9**

* Нумерация хранения Музея и Института антропологии МГУ, в скобках номера погребений, указанные в приложенных этикетках. 1 — раскопки А. В. Арциховского, 1962, 1963 и 1966 гг.; 2 — раскопки А. В. Арциховского, 1930, 1936 гг.; 3 — раскопки В. П. Даркевича, 1977, 1978; 4 — раскопки Б. А. Рыбакова, Т. И. Макаровой, 1958, 1960 гг.; 5 — раскопки М. В. Воеводского, 1940 г.

** Нумерация хранения Института Археологии РАН, цифрами указаны номера погребений. Раскопки Н. А. Макарова

Приложения

I. МОГИЛЬНИК КРОХИНСКИЕ ПЕСКИ — НЕКРОПОЛЬ БЕЛООЗЕРА X–XIII ВВ.

Некрополь летописного города Белоозера плохо сохранился и мало исследовался. Некрополь был обнаружен в 1969 г., спустя четыре года после завершения основных раскопок Старого города — Белоозера, в ходе производившихся С. В. Ошибкиной поисков неолитического могильника.

Поводом для разведочных работ С. В. Ошибкиной послужила находка янтарных пуговиц и подвесок при разработке карьера в местности Крохинские Пески. Эта урочище представляет собой поросшую соснами песчаную грядку длиной около 700 м, возвышающуюся над окружающей местностью на 1–2 м (рис. 115). Первоначальный облик урочища сильно нарушен разработкой карьера, но и сейчас заметно, что он отличается от обычных для побережья Белого озера ландшафтов — плоских, часто подболоченных низменностей, поросших смешанным лесом. На разрушенном карьером участке гряды между деревней Крохинские Пески и переправой через Шексну С. В. Ошибкиной были расчищены 4 плохо сохранившиеся костяка, в ногах одного из которых находились украшения и бытовые вещи второй половины XII — XIII в. (Ошибкина С. В., 1971, с. 65–69). Локализовать место этих раскопок сейчас можно лишь приблизительно. Близость мо-

гильника к Старому городу (Ошибкина оценила расстояние между ними в 0,5–0,7 км) делала очевидной связь между этими памятниками. В 1983 г. Онежско-Сухонская экспедиция продолжила раскопки в Крохинских Песках, заложив траншею на северной части той же дюны — единственной ее части, уцелевшей после разработки карьера в 0,4 км от Шексны. В небольшом раскопе было исследовано 14 ингумаций с западной ориентировкой. Часть этих погребений была безынвентарной, другие сопровождались украшениями и бытовыми вещами XI–XII вв. Древнейший комплекс был датирован рубежом XI–XII вв. (Макаров Н. А., 1990, с. 108). Раскопки показали, что могильник в Крохинских Песках имел сравнительно крупные размеры, был бескурганым, с тесным расположением могильных ям (обычным для городских некрополей) и функционировал в течение продолжительного периода — не менее полутора столетий. Однако вопрос о локализации ранних погребений, соответствующих поселению X в., оставался открытым.

В 1993–1994 гг. мы предприняли попытку найти древнейшую часть могильника, заложив раскоп в 11 м к северу от траншеи 1983 г., на крайней северной оконечности дюны, между двумя глубокими выемками, оставшимися после раз-

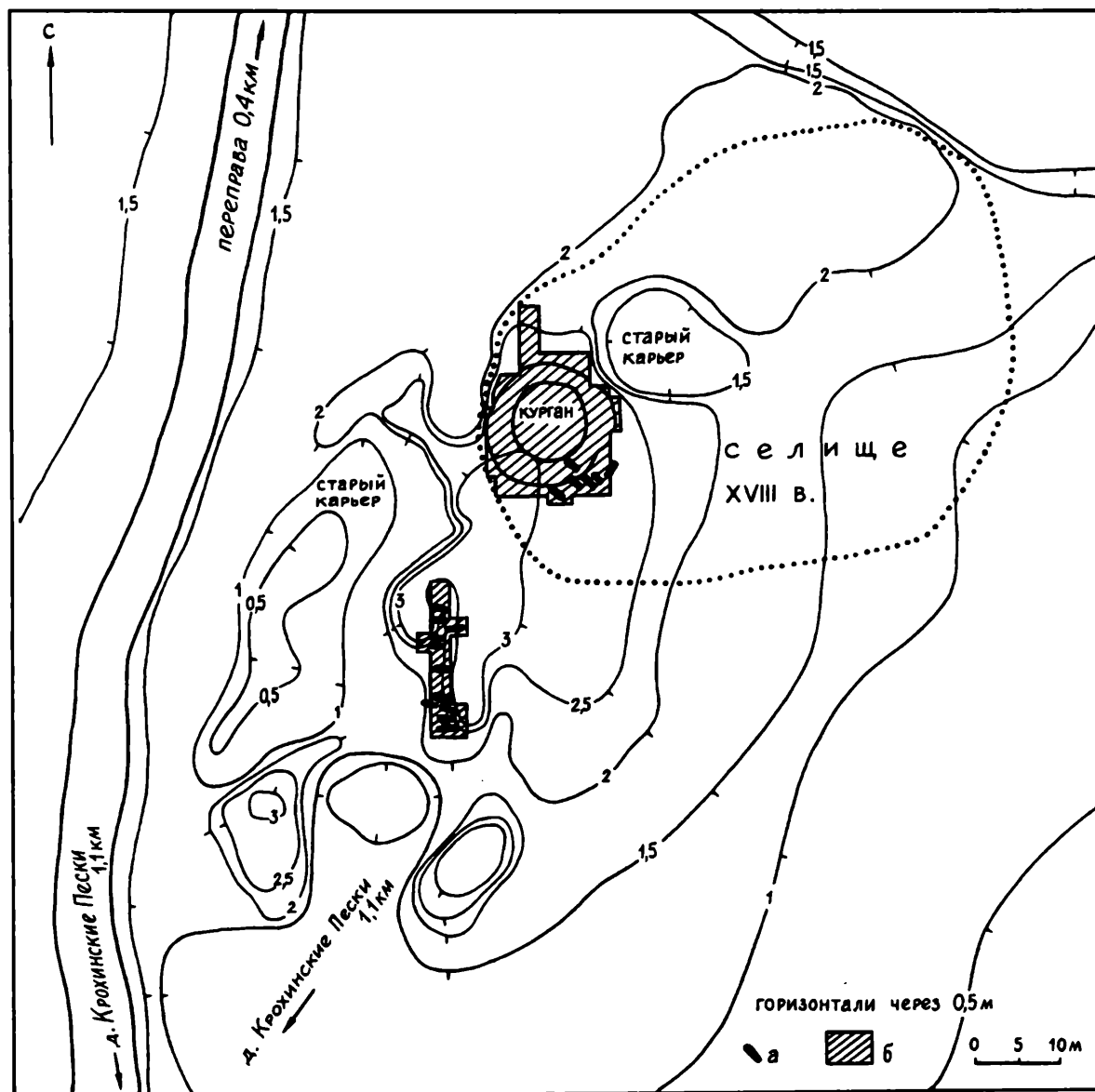

Рис. 115. Могильник Крохинские Пески. План местности с обозначением вскрытых раскопками кургана и грунтовых погребений по обряду ингумации.

а — ингумации в грунтовых ямах; б — участки, вскрытые раскопками

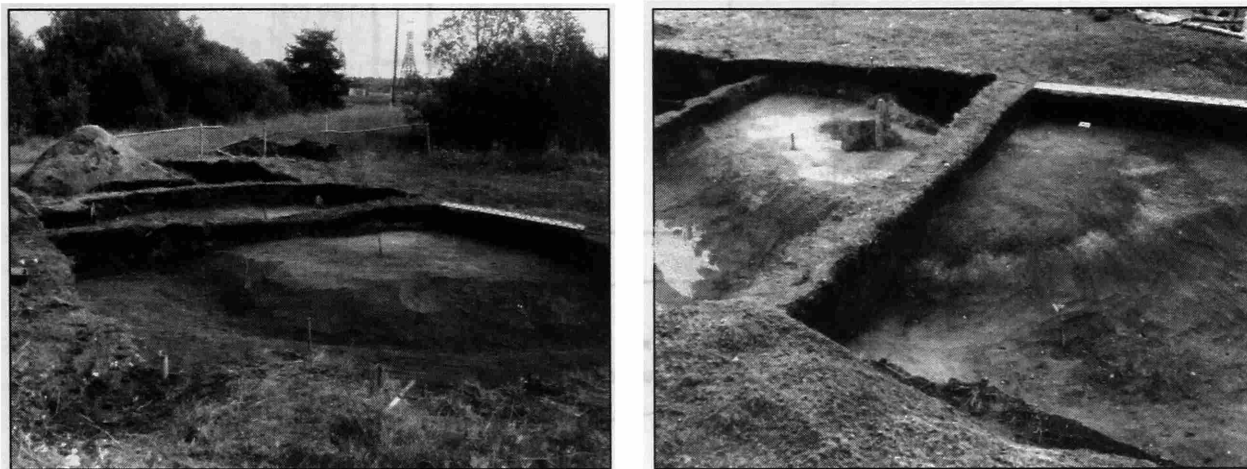

Рис. 116. Могильник Крохинские Пески. Общий вид курганный насыпи после разборки перекрывающего ее слоя селища XVII–XVIII вв.

работки карьера (рис. 115). Общая площадь раскопа составила 238 кв. м. Полевые работы принесли желаемый результат — под культурным слоем поздней деревни были зафиксированы остатки разрушенной курганный насыпи с концентрическим ровиком и остатками кремаций (рис. 116).

Общая характеристика культурных отложений

Описание и анализ средневекового погребального комплекса невозможны без характеристики общей стратиграфической и планиграфической ситуации в раскопе (рис. 116–118).

Под дерном по всей его площади залегал темно-коричневый гумусированный слой с поздней круговой керамикой, печной обмазкой и битым кирпичом общей толщиной от 8 до 45 см. Этот слой достигал наибольшей мощности в северной

части раскопа, где были вскрыты остатки наземной срубной постройки и мощный завал печи из глины, дикого камня и кирпича, и в восточной его части, где расчищены два аналогичных завала. Помимо многочисленных фрагментов керамики и костей животных, в этом слое найдены бытовые вещи и орудия труда: фрагменты замков и ключей, гвозди, пробой, слюда от оконниц, подковы, обломки кос, ножи, оселки, а также стеклянная вставка перстня, 2 пуговицы (рис. 119, 2, 3) и бронзовый крест-тельник (рис. 119, 1). Значительная часть находок (лодейные скобы, керамические грузила от сетей, железные рыболовные крючки) связана с рыболовством и использованием водного транспорта. Для датировки этого слоя важны находки монет: серебряного рубля Елизаветы Петровны 1752 г. (обнаружен в восточной части раскопа, рис. 119, 4) и четырех медных «денег»: 1753 г., 1756 г. и двух с неясной датой чекана (обнаруже-

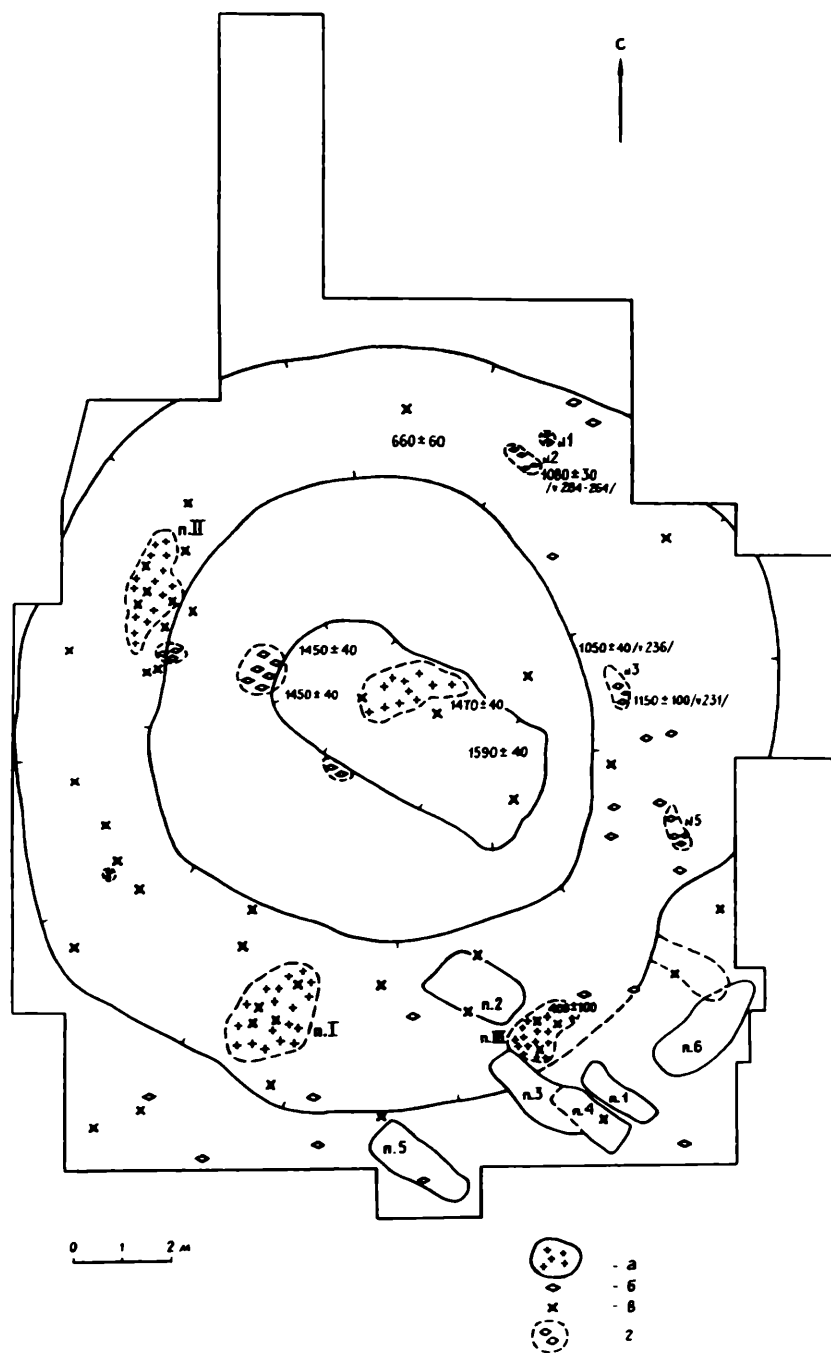

Рис. 117. Могильник Крохинские Пески. План кургана.

а — скопления кальцинированных костей; б — средневековая керамика;
в — находки из средневекового горизонта; г — развалы средневековых сосудов.
На плане отмечены также места отбора проб для радиоуглеродного датирования с обозначением некалиброванных дат образцов

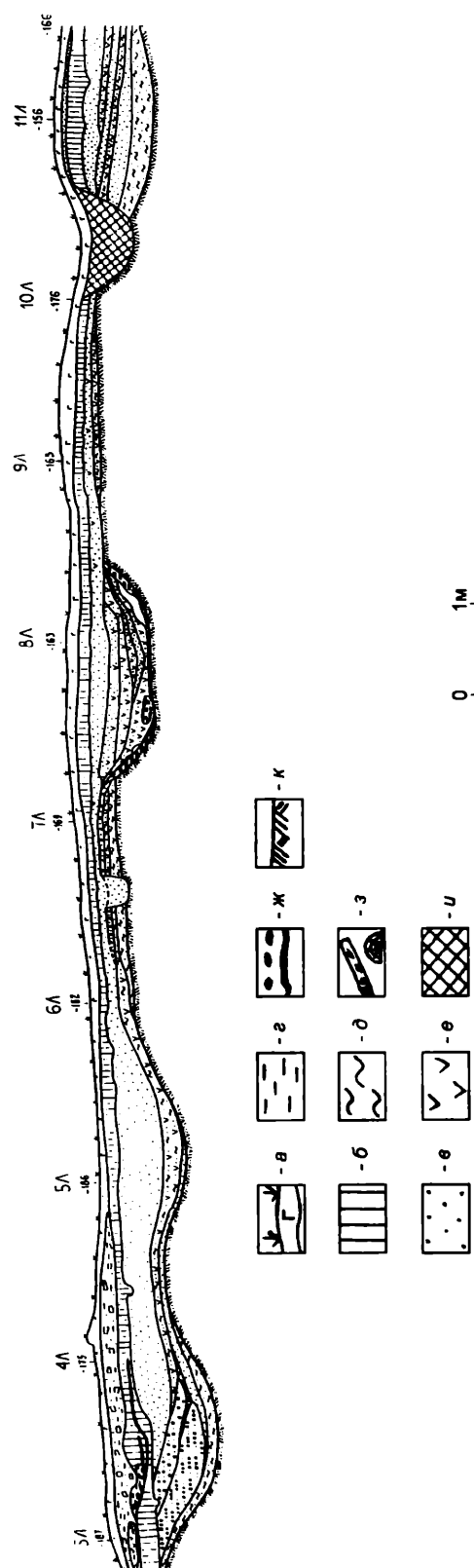

Рис. 118. Моги́льник Крохи́нские Пески. Профи́ли курга́на и ро́вика.

а — дерн; б — темно-коричневый гумусированный слой; в — слабогумусированный песок; г — глина; д — зола; е — уголь; ж — угольный слой; з — дерево; и — перемешанный грунт в поздних перекопах; к — материковый песок

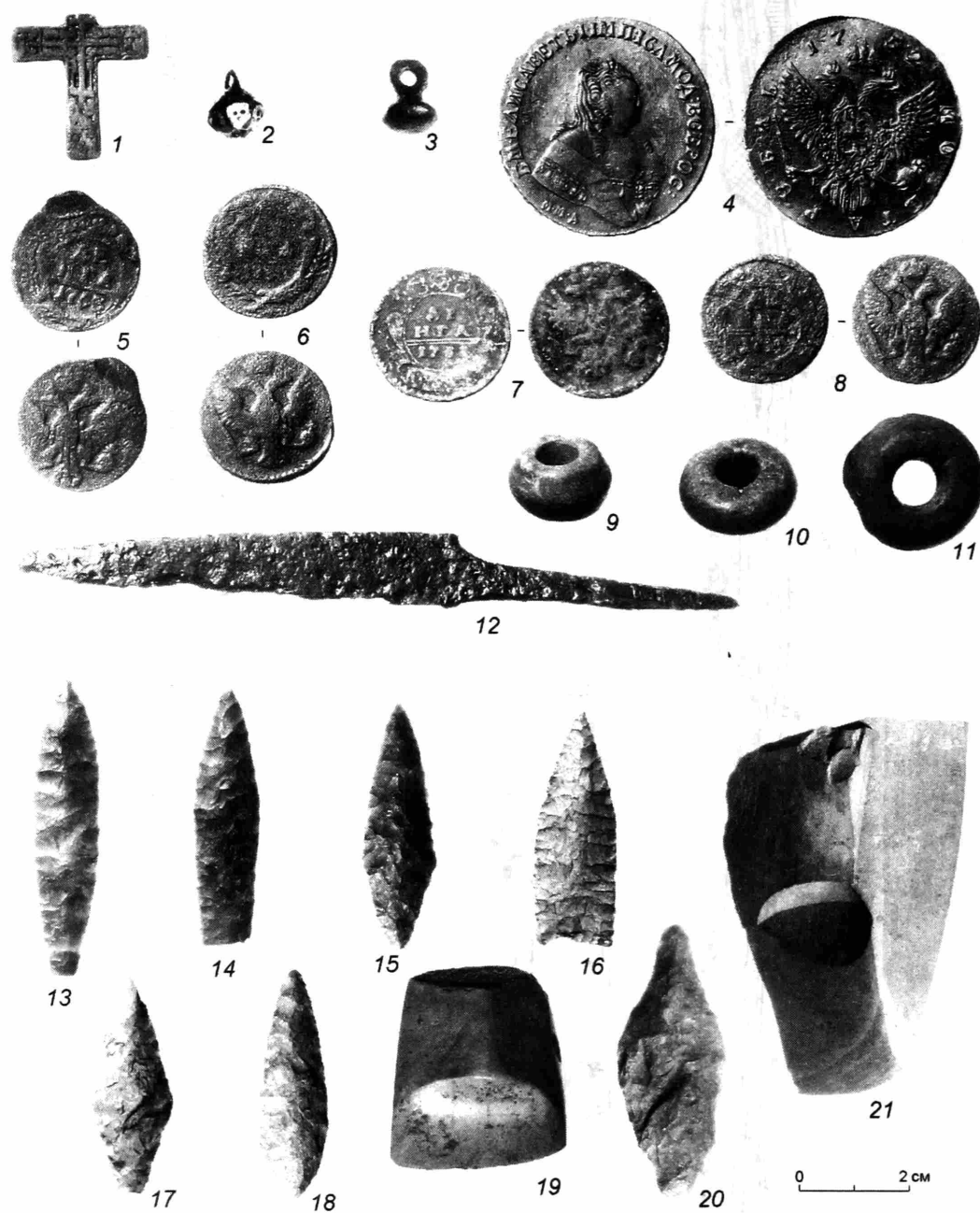

Рис. 119. Крохинские Пески. Находки из горизонта средневековья и нового времени и переотложенных комплексов эпохи камня — раннего металла.

1-3, 5-8 — бронза; 4 — серебро; 9-11, 13-21 — камень; 12 — железо

ны в северной и южной частях раскопа, рис. 119, 5–8). Поселение, функционировавшее в середине XVIII в., идентифицируется с деревней Веретьево, отмеченной на планах Генерального межевания.

Под «деревенским» слоем залегал слой гумусированного песка с золой, угольками, кремневыми отщепами и сколами, мелкими кальцинированными костями и фрагментами лепной керамики толщиной от 10 до 90 см. Этот слой, сформировавшийся частично из переотложенных культурных напластований эпохи камня — раннего металла, представляет собой остатки с нивелированной насыпи кургана и заполнение его ровика. На разных участках раскопа и разных глубинах этот слой имеет различную плотность и окраску, его верхняя половина более рыхлая и светлая, нижняя — более темная и плотная. На некоторых участках раскопа в этом слое фиксируются две прослойки погребенного дерна. Слой содержит многочисленные фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, гладкостенной керамики эпохи бронзы, сетчатой и штрихованной керамики эпохи железа и лепной средневековой. В нем залегают кальцинированные кости погребений по обряду кремации, с ним же связаны и 6 погребений по обряду ингумации в юго-восточной части раскопа, непосредственно залегающие в слое гумусированного песка или впущенные в материк из этого слоя. Из верхней его части происходят отдельные фрагменты сероглиняной круговой керамики и индивидуальные находки позднего периода.

В центральной части раскопа под слоем гумусированного песка в основании курганной насыпи зафиксирована прослойка погребенного дерна, соответствующая горизонту сооружения кургана —

зольно-углистый слой мощностью 6–15 см, местами со следами слабого прокала. Из этого слоя происходит несколько кремневых артефактов. Под восточной полкой насыпи зафиксирована частично разрушенная курганным ровиком овальная в плане яма с охристым заполнением. В яме обнаружена янтарная пуговица, рядом с ней — еще две подобных пуговицы. Очевидно, это остатки разрушенного погребения энеолитического времени. Из этого или из других, полностью разрушенных энеолитических погребений, могут происходить 5 кремневых наконечников стрел с двусторонней обработкой, найденные в различных точках юго-восточной части раскопа (рис. 119, 13–16, 18). Кремневый инвентарь мезолитического облика залегал *in situ* в неокрашенной предматериковой части культурного слоя в северной части раскопа. К эпохе неолита — раннего металла относятся, возможно, три ямы в южной части раскопа с находками в заполнении кремневых отщепов, мелких кальцинированных косточек и ямочно-гребенчатой керамики.

На многих участках раскопа культурные напластования были прорезаны глубокими картофельными ямами или ямами, впущенными из «деревенского» слоя.

Необычным объектом является подпрямоугольная яма с корытообразным дном и наклонными стенками, размером 340 x 220 см и глубиной 30–35 см от материка, прорезающая центральную часть погребальной площадки. Заполнение ее представляло собой коричневый слабо гумусированный песок, с большим количеством углей и головнями, лежащими в два яруса в верхней части заполнения и на дне ямы, а также вдоль наклонных стенок. На дне ямы прослежена прослойка золы, стенки сильно прокалены. Стратификация

графическое соотношение ямы со слоем гумусированного песка, составлявшим курганный насыпь, осталось неясным. Присутствие в заполнении небольшого количества кальцинированных костей, фрагментов лепной средневековой керамики и оплавленного бронзового наколенника ремня давало первоначально некоторые основания для интерпретации этого сооружения как кремационной ямы. Однако впоследствии от подобной интерпретации пришлось отказаться.

Четыре образца углей, взятых из заполнения ямы с разных глубин и из разных ее частей, датированы радиоуглеродным методом.

Календарная дата трех образцов — середина XV — начало XVI в., четвертый образец моложе остальных примерно на 150 лет. Серийность трех первых дат делает маловероятным предположение о лабораторной ошибке. Яма, таким образом, должна быть отнесена к периоду, не оставившему в культурном слое каких-либо датирующих вещей. Общий облик этого сооружения позволяет интерпретировать его как яму для выжигания угля, прорезавшую центр

курганной насыпи с находившимся в ней погребением. Отметим, что при раскопках 1983 г. в 20 м от ямы с углями был частично вскрыт завал пережженных камней с железными шлаками и крицами — возможно, остатки домницы для выплавки железа (Макаров Н. А., А-1983, с. 23–25). Средневековые железоплавильные комплексы, состоящие из домниц, углежогных ям и скоплений сырой руды хорошо исследованы в Швеции (Magnusson G., 1995). Широкий размах выплавки сыродутного железа в Белозерском крае в XVI в. засвидетельствован письменными источниками. В Писцовой книге 1585 г. в черных волостях Белозерского уезда указано 273 горна, с которых выплачивался оборок (Писцовая книга езовых дворовых волостей, 1984, с. 177–179). Их археологические следы пока почти неизвестны.

Таким образом, в Крохинских Песках присутствуют культурные остатки всех исторических периодов — от мезолита до нового времени. Расчленив разновременные материалы можно, частично опираясь на стратиграфию, частично — используя типологический метод и радиоуглеродные даты. Стратиграфическая

Место отбора проб	Лабораторный номер	Возраст по C-14	Условная календарная дата	Калиброванная дата, 16	Калиброванная дата, 26
кв. 7Л, яма	ГИН 7771	500±40	1459±40	1406 (1422) 1437	1326 (1422) 1449
кв. 7Л, дно ямы, придонная часть	ГИН 7772	500±40	1450±40	1406 (1422) 1437	1326 (1422) 1449
кв. 7И, яма	ГИН 7774	480±40	1470±40	1413 (1431) 1443	1400 (1431) 1463
кв. 8Н, дно ямы, придонная часть	ГИН 7773	360±40	1590±40	1459 (1486) 1630	1441 (1486) 1643

позиция и хронологическая принадлежность части материалов остается неопределенной (неясно, например, к какому времени относится часть кальцинированных и сырых костей из слоя гумусированного песка).

Плотная заселенность территории у истока Шексны из Белого озера в различные исторические периоды приводила к «хронологической диффузии» вещей. В культурном слое деревни нового времени найдены три шиферные пряслица (рис. 119, 9–11) и широколезвийный нож формы, характерной для XII–XIII вв. (рис. 119, 12), — предметы, попавшие сюда из культурного слоя Белоозера и явно находившиеся во вторичном использовании. Тем не менее, общая история заселения и использования этого участка восстанавливается достаточно четко.

Первое поселение здесь возникло в эпоху мезолита. Судя по немногочисленности ямочно-гребенчатой керамики, в эпоху неолита этот участок представлял собой периферию поселенческой зоны. В энеолитическое время здесь функционировал могильник, с которым связаны не только янтарные украшения из раскопа 1994 г., но и значительная серия янтарных подвесок и пуговиц (всего более 160 предметов), собранных в 1940–60-х гг. при разработке карьера и переданных в различные музеи (Ошибкина С. В., 1978, с. 129–132). Существование поселения эпохи бронзы документировано достаточно обильными находками керамики (отметим, что при разработке карьера в Крохинских Песках обнаружены 2 наконечника копья сейминского типа XVI–XV вв. до н. э. — уникальная находка для Белоозерского региона (Ошибкина С. В., 1984, с. 23–30), существование поселения эпохи раннего железа (I тыс. до н. э. — пер-

вая половина I тыс. н. э.) отражено сравнительно небольшим керамическим материалом. В средневековье (X–XIII вв.) в Крохинских Песках вновь размещался могильник, а позднее, после запустения Белоозера, во второй половине XV — XVI в. — железоделательный комплекс. В XVII–XVIII вв. на этом месте существовала деревня Веретьево (участки с культурным слоем XVII в. не вошли в пределы раскопа), а затем территория стала использоваться как сельскохозяйственная зона. Весьма вероятно, что в качестве сельскохозяйственных угодий этот участок использовался и ранее, в промежутках между функционированием могильника, железоделательного комплекса и деревни.

Погребальный комплекс с кремациями

Погребальный комплекс представлял собой округлую в плане площадку с остатками курганный насыпи, окруженной концентрическим ровиком (рис. 116–118). Диаметр площадки 8,6–9,1 м, на поверхности ее прослежен погребенный дерн — зольно-углистый слой мощностью 6–15 см со следами слабого прокала. Площадка перекрыта слоем легкого коричневого гумусированного песка, толщина которого колеблется от 10 до 25 см, этот же слой прослеживается и в ровиках, где он имеет большую толщину. Очевидно, это оплывшая и частично переотложенная распашкой насыпь кургана.

Северо-западная, северо-восточная и южная части площадки нарушены несколькими поздними ямами, часть которых связана с «деревенским» слоем. В центре площадки прослежена большая подпрямоугольная яма для выжигания углей, заполненная песком и углями с неболь-

шим количеством кальцинированных костей, залегающих в переотложенном состоянии, преимущественно в средней части ямы у северной стенки. Кости принадлежат взрослому человеку старше 40 лет (сохранились зуб, фрагменты челюсти, бедра и большой берцовой кости) и животному. Здесь же обнаружен оплавленный бронзовый наконечник пояса (1993, № 27, здесь и далее указан год раскопок и номер находки по описи; рис. 121, 2) и два железных предмета (1993, №№ 26, 29), а также фрагменты трех тонкостенных лепных сосудов (рис. 124). На поверхности площадки и в слое насыпи в западной ее части собраны фрагменты нескольких лепных сосудов, часть фрагментов происходит от одного горшка с коротким венчиком и высокими округлыми плечиками. Отдельные кальцинированные кости, рассеянные по погребальной площадке, принадлежали взрослому человеку старше 40 лет (отличному от погребенного в ровике), сохранились ребра, фрагменты черепа и челюсти, неопределимые фрагменты длинных костей.

Курганный ровик опоясывал погребальную площадку по всему периметру с севера, востока, юга и запада без каких-либо перемычек. Его ширина варьировала от 2,1–2,4 м в северном и юго-восточном секторе до 3,3–4,0 м с южной и северо-восточной стороны насыпи. Глубина ровика колебалась от 0,5–0,6 м на западе и юго-западе до 0,8–0,9 м на востоке, юге и юго-востоке. Заполнение ровика представляло собой коричневый гумусированный песок с включениями угля и зольно-углистыми прослойками. В профилях ровика в северной и западной его части четко прослеживаются две золисто-углистые прослойки погребенного дерна,

верхняя отделяет древнее заполнение ровика от рыхлого слабогумусированного песка — остатков распаханной насыпи, нижняя связана с ранним этапом функционирования памятника. В средней и нижней части заполнения встречены отдельные фрагменты средневековой керамики (в основном, лепной) и кальцинированные кости. На трех участках кальцинированные кости образуют скопления, представляющие собой отдельные погребения по обряду кремации.

Погребение I расчищено в южной части ровика. Кальцинированные кости залегают рассеяно на площади 180 x 260 см, вместе с костями обнаружено несколько фрагментов лепной керамики. Грунт на этом участке более темный, местами он окрашен гумусом и углями. Кости принадлежат взрослой женщине. Сохранились 3 зуба, фрагменты черепа, бедренной кости, плечевой, малой берцовой, неопределимые фрагменты длинных костей. Среди костей в ровике — обломок скандинавской овальной двускорлупной фибулы типа 52 по Я. Петерсену (1993, № 12; рис. 121, 1; 122, 4) и два обломка (один сильно оплавлен) и игла от подковообразной фибулы с гранчатыми головками (1993, №№ 8, 13; рис. 122, 1–3), а также бронзовая пластинка с отверстием (1993, № 6; рис. 122, 10) и бесцветная полупрозрачная стеклянная вставка сферической формы (1993, № 14, рис. 122, 19).

Погребение II расчищено в северо-западной части ровика. Кальцинированные кости рассеяны на площади 160 x 260 см, грунт в местах большей концентрации костей имеет темную окраску. Кости принадлежат женщине 30–40 лет (не исключено, что той же, что и в погребении I).

Сохранились фрагменты черепа, бедренной кости, локтевой, позвонков, фаланги кисти, 9 зубов, ребра, неопределимые фрагменты длинных костей. Здесь же найдены бронзовая подвеска из трех спаянных волют с шумящими бубенчиками на цепочках (1993, №№ 17, 19, рис. 121, 12–13), фрагмент бронзового проволочного височного кольца или гривны (1993, № 21; рис. 122, 5), оплавленные стеклянные бусы, среди которых 1 лимонка золотостеклянная, 1 лимонка желтая, 13 лимонок фиолетовых полупрозрачных, 12 лимонок бесцветных прозрачных и, возможно, 1 стеклянная бесцветная прозрачная вставка в трех кусках (1993, №№ 18, 20, 22, 23, 24, 25; рис. 122, 20–29).

Погребение III расчищено в юго-восточной части ровика. Скопление кальцинированных костей, к которому тяготеи и некоторые вещевые находки, залегало на площади 135 x 120 см в линзе золистого песка толщиной до 90 см. Всего здесь собрано 940 г костей. Кости принадлежали человеку 30–40-летнего возраста, скорее всего, женщине. Сохранились фрагменты черепа, верхней и нижней челюстей, зубов, позвонки, фрагменты длинных костей, запястных суставов, фаланги кисти. В нижней части скопления и поблизости от него в кв. О10 обнаружены также крупные кости животного, в том числе клык кабана и фрагмент лопатки неопределимого животного. Среди костей обнаружены: оплавленная желтая стеклянная бусина, бронзовая накладка с двумя заклепками и рельефным орнаментом на внешней плоскости (1994, № 33; рис. 121, 3), точильный камень (рис. 122, 17) и 7 фрагментов односторонней костяной расчески (рис. 121, 7–11).

Кальцинированные кости встречены в ровике кургана и вне скоплений, большая их часть неопределима, часть определяется как принадлежащие животным, часть достоверно атрибутируется как останки человека. Более точному определению поддаются лишь фрагменты черепа и длинных костей из юго-западной части ровика (кв. К8, И8, И9), принадлежащие взрослому человеку 30–40 лет.

Помимо погребений, в ровике зафиксированы и другие комплексы эпохи средневековья, относящиеся к эпохе возведения кургана или первоначального периода его существования.

В западной части ровика (кв. К7) к югу от погребения II расчищено скопление фрагментов, происходящих от одного лепного сосуда (рис. 124), залегающее на участке 0,6 x 0,7 м.

В северной части ровика (кв. М5) на дне его расчищено углистое пятно с челюстями животного. В 2,5 м восточнее в кв. О5 в верхней части заполнения зафиксирована линза угля и золы размером 1,6 x 0,2–0,3 м толщиной до 35 см с развалом кругового сосуда (сосуд 1; рис. 123, 125), рассредоточенным по площади 1,0 x 0,4 м. Рядом, в 0,2 м к северо-востоку, на внешнем склоне ровика обнаружены фрагменты лепного слабопрофилированного сосуда (сосуд 2; рис. 123, 125).

В восточной части ровика (кв. О7) на дне его расчищена линза углистого песка размером 0,7 x 0,12–0,20 м и толщиной до 9 см, а рядом с ней, на внутреннем склоне ровика, в кв. О7, О8, П8 развалы двух сосудов (рис. 123, 125) — лепного с правленной на круте верхней частью (сосуд 3) и кругового (сосуд 4), лежащие на площади 1,00 x 0,56 м.

Примерно в двух метрах южнее в кв. П9 в верхней части ровика, на площа-

ди 0,9 x 0,65 м расчищен развал еще одного лепного сосуда (сосуд 5) и несколько крупных фрагментов кругового (рис. 123).

Фрагменты еще нескольких средневековых сосудов (как минимум, трех лепных и одного кругового) были рассеяны по заполнению ровика в северо-восточной и восточной его части.

К комплексу погребального сооружения относится также ряд предметов, найденных в заполнении ровика или в слое песка от разрушенной курганной насыпи, залегающем вокруг ее основания: бронзовая бляшка с растительным орнаментом (рис. 121, 5), поясная пряжка с косоцветной (рис. 122, 6), фрагмент бронзового украшения (рис. 121, 6), желтая зонная стеклянная бусина, две оплавленные стеклянные бусины, костяная копоушка (рис. 122, 18), два железных наконечника стрел (рис. 122, 11, 13) — ромбический и с боковыми шипами, железное шило, железная пластина с бронзовой заклепкой (рис. 122, 42), два оселка призматической формы (рис. 122, 16), три железных гвоздя, пять неопределимых железных предметов (рис. 122, 33, 36–39).

Таким образом, комплекс может быть реконструирован как курган, содержащий останки кремаций, совершенных на стороне. Сильная фрагментированность костных остатков и принадлежность их индивидам примерно одного возраста (30–40 лет или старше 40 лет) затрудняет точное определение числа погребенных, ясно лишь, что их было не менее трех, возможно, четверо. Кремированные кости одного из погребенных были помещены в насыпь или на поверхности площадки в основании кургана. По костным остаткам пол погребенного не определим, по вещам погребение атрибутируется как

мужское. Вероятно, к этому же погребению принадлежат кальцинированные кости и отдельные находки («мужской» инвентарь — поясная пряжка, бляшки, наконечники стрел, оселки), найденные в переотложенном грунте насыпи на различных участках раскопа. Погребения в ровике были совершены, по-видимому, спустя небольшой период после сооружения кургана. Залегание костей на достаточно большой площади с большим перепадом высот связано, на наш взгляд, с тем, что насыпь еще не была задернована, и полы ее осыпались в ровик. Археологически четко выделяются три скопления костей, однако антропологические определения не исключают того, что кости из погребений I и II принадлежат одному индивиду, возможно также присутствие в ровике и костей еще одного погребенного. Кости из первых двух скоплений определены антропологами как женские, что полностью соответствует характеру сопровождающего инвентаря. Половая принадлежность погребения III остается неясной: антропологами оно предположительно определено как женское, комплекс находок включает как «нейтральные», так и мужские вещи (обломок оселка, фрагмент поясной бляшки).

Примечательно размещение «поминальных» комплексов в восточной и северо-восточной части ровика, не использовавшейся для размещения кремированных костей. Это обстоятельство указывает, вероятно, что поминальные комплексы и погребения в ровике были элементами одной системы и начало совершения поминальных обрядов в ровике хронологически близко совершению захоронений, что, естественно, не исключает возможности более поздней датировки части поминальных комплексов.

Ингумации в южной части раскопа

В южной части раскопа выявлено 6 могил с ингумациями (рис. 120).

Погребение 1 (кв. О11-12, П11-12) расчищено с внешней стороны курганного ровика, находилось в яме овальной формы, ориентированной по линии СЗ-ЮВ, размером 1,40 x 0,45 м и глубиной до 0,07 м. Стенки ямы отвесные, в центральной части она сужается за счет неровности северо-восточной стенки. В северо-западной части ямы расчищен детский череп. Кости скелета не сохранились. Судя по положению головы, умерший был ориентирован головой на северо-запад. Вещей нет.

Погребение 2 (кв. Н10-11). Расчищено в ровике кургана, прорезало его дно и было перекрыто слоем мешаного песка, заполнявшего его верхнюю часть. Моги́льная яма, ориентированная в направлении СЗЗ-ЮВВ, имела подпрямоугольную форму, стенки ее отвесные. Размеры ее 1,68 x 0,65–0,98 м при глубине 0,14–0,20 м. В заполнении несколько кальцинированных костей, очевидно, из погребения III. На дне моги́льной ямы расчищен костяк, лежавший на спине вытянуто головой на запад с незначительным отклонением к северу. Руки сложены на животе. Костяк принадлежал женщине 25–30 лет. В районе шеи найдено 16 золотостеклянных бус плохой сохранности (1994, №№ 1–6, 9–13, 16–19, 21), одна восьмигранная янтарная бусина (1994, № 22; рис. 122, 43), вставка в перстень из хрусталя (1994, № 14), фрагмент серебряной пластины (часть монетовидной подвески — ?) (1994, № 15), а также фрагмент бронзового украшения, рассыпавшегося по извлечении из погребения (1994, № 20).

На пальце правой руки находился бронзовый перстень (1994, № 7; рис. 122, 45), а возле левой ноги на уровне колена — железный нож (1994, № 8; рис. 122, 46).

Погребение 3 (кв. О11-12). Расположено в кв. О11-12 с внешней стороны курганного ровика, частично прорезает его край. Моги́льная яма имела прямоугольную форму и была ориентирована с СЗ на ЮВ. Юго-восточная стенка пологая, остальные отвесные. Размеры ямы 1,65 x 0,60 м, глубина 0,27 м. В заполнении ямы встречены несколько кальцинированных костей и два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики. У юго-восточной стенки прослежен древесный тлен от гроба, в северо-западной части найдено 5 железных гвоздей, в центральной части — 1 гвоздь, в юго-восточной — 7 гвоздей (1994, №№ 2–14). В северо-западном углу расчищен череп и отдельные зубы ребенка 5–6 лет. Остальные кости отсутствуют. В области пояса погребенного найден нож (1994, № 1; рис. 122, 47).

Погребение 4 (кв. Н11, О11-12). Расчищено с внешней стороны ровика, частично прорезает его край. Яма перекрыта слабогумусированным песком, составляющим основное заполнение ровика, юго-восточная часть ямы нарушена погребением 3. Яма имела овальную в плане форму, отвесные стенки и была ориентирована с СЗ на ЮВ. Размеры ямы 2,30 x 0,85 м, глубина 0,64 м. В заполнении встречены отдельные кальцинированные кости. На дне ямы около северо-восточной стенки найден железный гвоздь. Костяк, от которого сохранились кости черепа и ног и тлен от таза и позвоночника, лежал в вытянутом положении на спине, головой на северо-запад. Он принадлежит женщине 30 лет. Вещей нет.

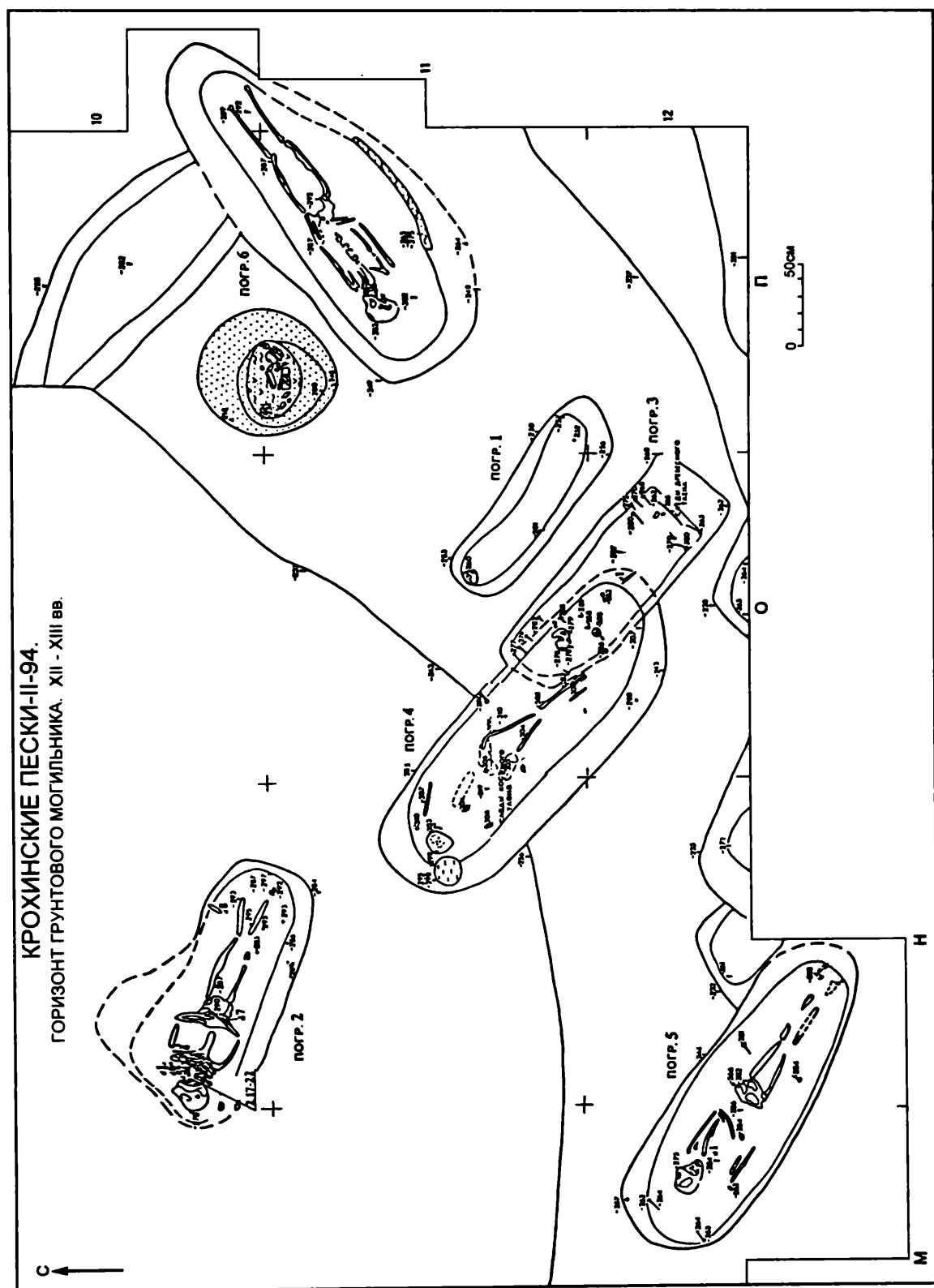

Рис. 120. Могильник Крохинские Пески. Ингумации в юго-восточной части раскопа

Погребение 5 (кв. М–Н12). Расчищено с внешней стороны ровика у южного его края. Перекрыто слоем мешаного песка от разрушенной курганной насыпи. Могильная яма имела овальную в плане форму и отвесные стенки и была вытянута с СЗ на ЮВ. Размеры ямы 2,36 x 0,86 м, глубина 0,42 м. Заполнение — гумусированный песок с угольками. Костяк удовлетворительной сохранности лежал на спине вытянуто головой на северо-запад. Левая рука — в области живота, лучевая кость правой руки не сохранилась. На дне ямы расчищены гвозди от гроба: 4 возле головы, 2 у груди, 2 у таза (1994, №№ 2–9). Костяк принадлежит женщине (?) 20–22 лет. В области верхних шейных позвонков найдена бронзовая пуговица (1994, № 1).

Погребение 6 (кв. П10–11). Расчищено с внешней стороны ровика на расстоянии около 1 м от его юго-восточного края. Могильная яма частично перекрыта линзой слабогумусированного песка от разрушенной курганной насыпи. Могильная яма имела подпрямоугольную форму и была вытянута с ЮЗ на СВ. Стенки могилы отвесные, за исключением юго-восточной, более пологой, северо-западная граница нарушена ямой в кв. П10. Размеры могильной ямы 2,44 x 1,00 м, глубина 0,54 м. В заполнении на глубине 20–30 см от края зафиксирована полоска органического тлена длиной 0,85, шириной 0,05 м, несколько кальцинированных костей и венчик древнерусского кругового сосуда. На дне ямы находился костяк хорошей сохранности, лежавший на спине вытянуто, головой на юго-запад. Руки сложены на животе. Костяк принадлежит мужчине 30–40 лет. Вещей нет.

Помимо описанных погребений, в юго-восточном секторе раскопа с внеш-

ней стороны ровика расчищены еще три ямы, две из которых вошли в границы раскопа лишь частично. Глубина их 0,27–0,36 м, заполнение — слабогумусированный песок. Назначение этих ям остается неясным, возможно, это могильные ямы средневекового кладбища с несохранившимися костями.

Вещевой материал кургана с кремациями

К комплексу кургана относятся около 50 средневековых вещей, не считая керамики. В эту группу мы включили как находки из самих погребений с кремациями, так и предметы, найденные *in situ* или в переотложенном состоянии в насыпи, под насыпью, в ровике или в перекрывающем его слое слабогумусированного песка.

Металлические украшения и детали одежды

Две половинки дужки и обломок иглы бронзовой подковообразной фибулы с гранеными концами (рис. 122, 1–3). Диаметр фибулы — 4,5 см, сечение дужки трапециевидное, ее верхняя часть украшена мелким зубчатым орнаментом, одна половинка дужки сильно оплавлена (1993, № 43, 47). Подобные фибулы сравнительно широко распространены на территории Северной Руси (Седова М. В., 1981, с. 86–87; Носов Е. Н., 1990, с. 123; Ярославское Поволжье, 1963, с. 79, 83–85; Леонтьев А. Е., 1996, с. 170–172), в Скандинавии, Прибалтике и Финляндии (Salmo H., 1956, p. 35; Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982, p. 102). Фрагмент ажурной скорлупки бронзовой овальной фибулы (1993, 46). Несмотря на частичную деформацию украшения под воздействием высокой

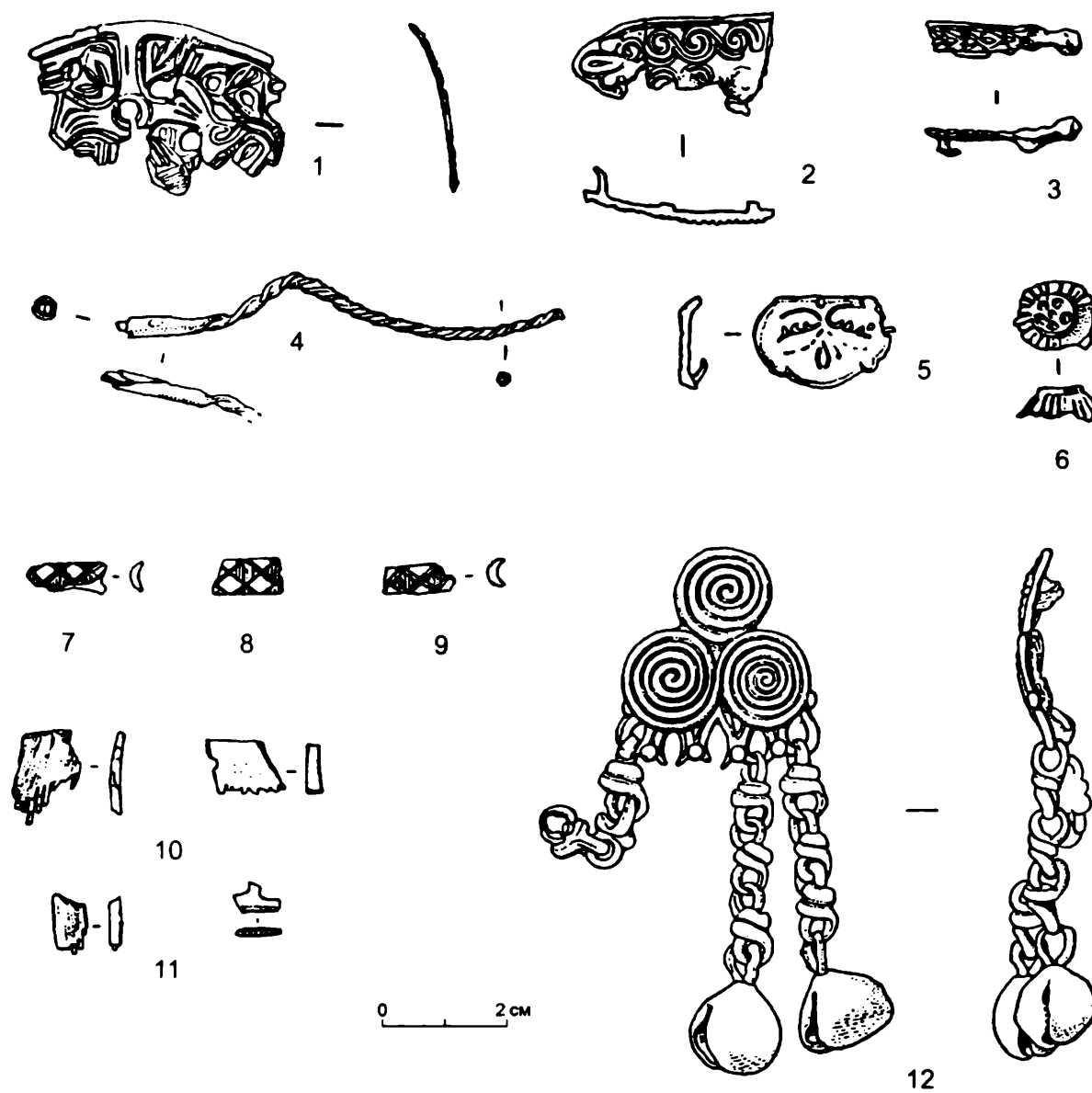

Рис. 121. Могильник Крохинские Пески.
 Вещевой материал погребального комплекса с кремациями.
 1-6, 12 — бронза; 7-11 — рог, погребение I; 4, 12 — погребение II;
 3, 7-11 — погребение III; 5, 6 — заполнение ровика и переотложенный слой

Рис. 122. Моги́льник Крохи́нские Пески. Вещевой материал погребального комплекса с кремациями и ингумаций в юго-восточной части раскопа.

- 1–10, 15, 34, 45 — бронза; 11–13, 32, 35–42, 46, 47 — железо;
 16, 17, 43 — камень; 14, 18 — рог; 19–31, 44 — стекло.
 1–4, 10, 19 — погребение I; 5, 9, 20–29 — погребение II; 14, 15, 17 — погребение III;
 6–8, 11–13, 16, 18, 32–42, 44 — заполнение ровика и переотложенный слой;
 43, 45, 46 — погребение II; 47 — погребение III

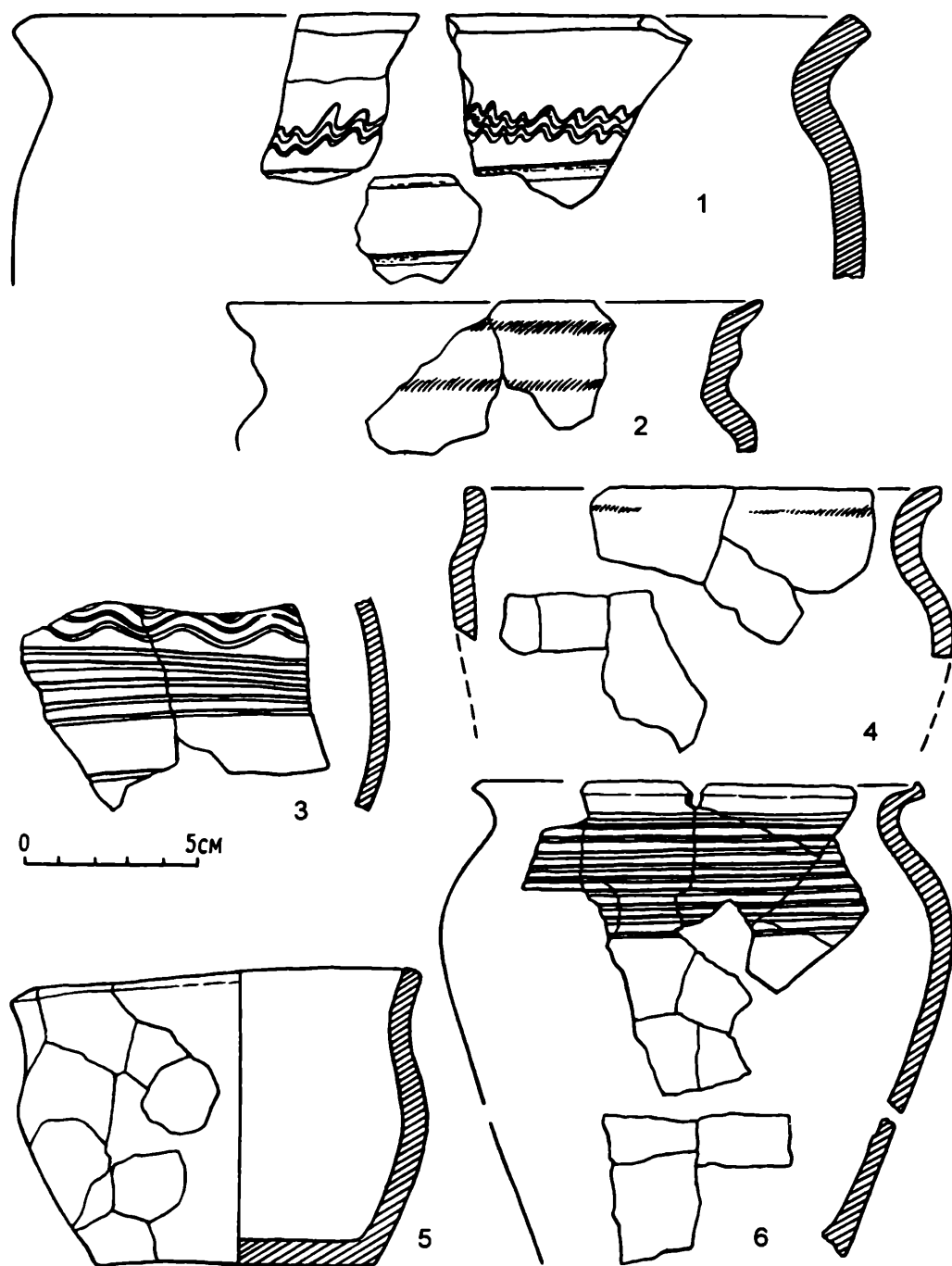

Рис. 123. Могильник Крохинские Пески.
Керамика из заполнения восточного сектора ровика кургана.

1 — развал сосуда 4, кв. П8; 2 — кв. П12; 3 — кв. П9;
4 — развал сосуда 3, кв. О7; 5 — развал сосуда 5, кв. П9; 6 — развал сосуда 2, кв. О5

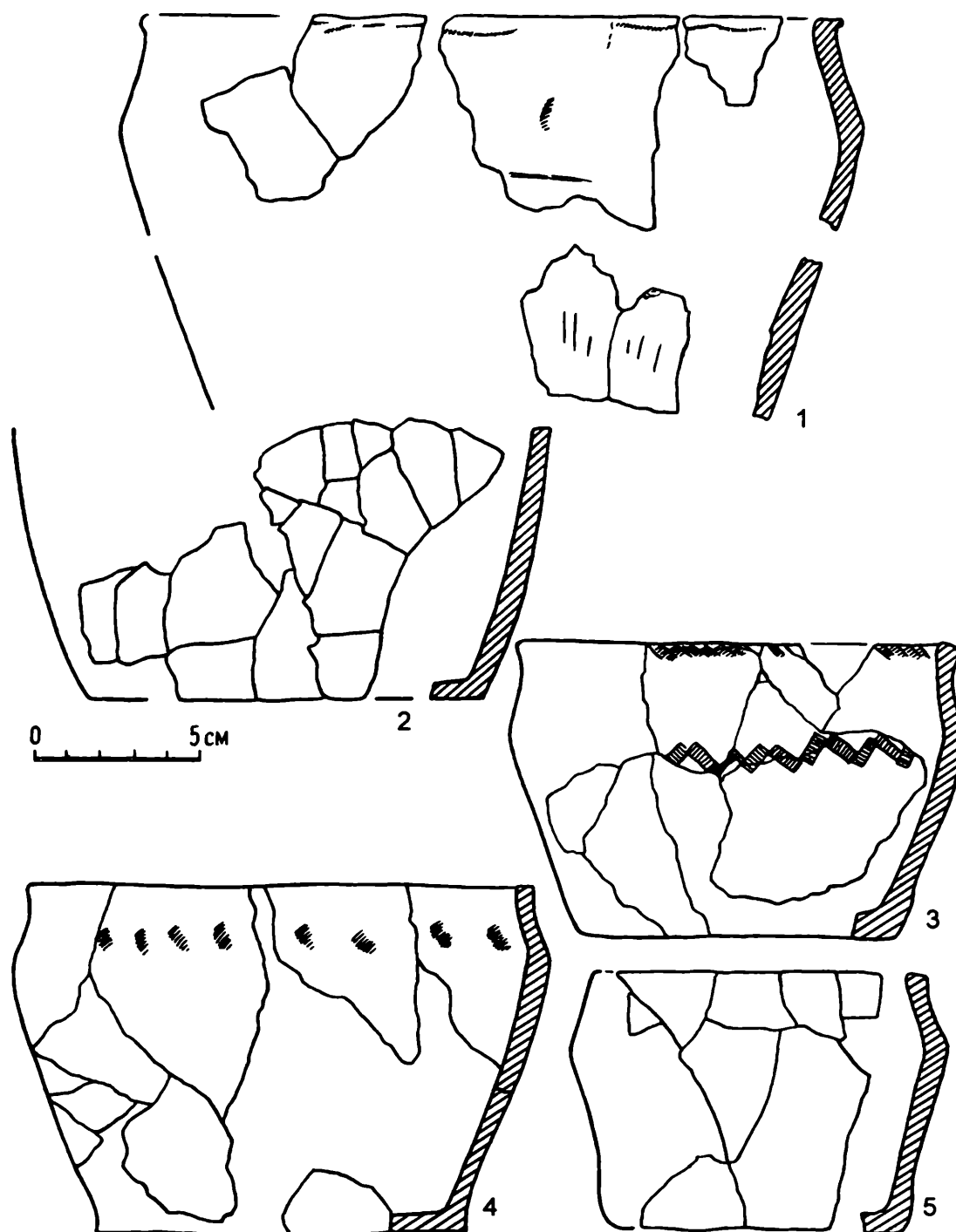

Рис. 124. Могильник Крохинские Пески. Керамика из насыпи и заполнения ровика кургана.

1 — развал сосуда 6, кв. Н4, Н7; 2 — развал сосуда 7, северо-западный сектор ровика; 3 — кв. 7А, 8М, яма в центре площадки; 4 — кв. 5А, 7А, яма в центре площадки; 5 — развал сосуда 1, кв. О5

Рис. 125. Могильник Крохинские Пески. Керамика из насыпи и заполнения ровика кургана

температуры, удается установить принадлежность его к типу Р 52/55, одному из наиболее распространенных типов скандинавских овальных фибул, известному по находкам от Исландии и Шотландии на западе до Поднепровья и Поволжья на востоке (Jansson I., 1985, p. 83–91).

Фрагмент перекрученной бронзовой проволоки длиной около 8 см, один конец раскован и образует втулку, внутри которой находится другой фрагмент проволоки (1993, 55; рис. 121, 4, 122, 5). Предмет частично оплавлен и деформирован. Находка может быть атрибутирована как часть шейной гривны из тонкого дрота или проволочного втульчатого височного кольца большого диаметра. Височные кольца мерянского типа встречаются на широкой территории от Москворечья до Белозерья, однако основная масса находок сосредоточена на Сарском городище под Ростовом (Леонтьев А. Е., 1996, с. 159–164). Все изданные А. Е. Леонтьевым височные кольца большого диаметра гладкие, однако на Белозерье известны и экземпляры с перекрученной проволокой (Макаров Н. А., 1997, с. 240, табл. 28, 6).

Бронзовая шумящая подвеска со щитком из трех спаянных волют с пятью ушками и двумя грушевидными бубенчиками с прямой прорезью на цепочках (1993, №№ 51, 53; рис. 121, 12–13, 122, 9). На одной из цепочек сохранились остатки веревочки, с помощью которой были связаны костыльки. Подвески со щитками из спаянных волют обычны для финно-угорских древностей Поволжья и Прикамья конца I — начала II тыс. н. э., известны они и на других территориях. Близкие по пропорциям щитка и размерам экземпляры найдены в оятских курганах (Кочкуркина С. И., Линевский А. М., 1985, с. 57,

рис. 23, 6), несколько отличается по деталям оформления подвеска со щитком из трех волют из погребального сооружения Никольское 5 на р. Суде (Башенькин А. Н., 1985, с. 79, рис. 2, 25).

Бронзовая пряжка с овальной рамой из четырех спаянных жгутов — двух гладких и двух перевитых (1994, № 93; рис. 122, 6). Пряжки с овальными рамами из бронзовых жгутов, различающиеся по формам, размерам и деталям оформления, известны по находкам на Чепце (Иванова М. Г., 1982, с. 52–69, рис. 5, 6), в Прикамье (Спицын А. А., 1902, табл. XVI, 5; табл. XXXIII, 16) в муромском Поочье (Спицын А. А., 1901, табл. XXVI, 15) во владимирских курганах (Спицын А. А., 1905, с. 137, рис. 117) и в Гнездове (Сизов В. И., 1902, табл. II, 23). Ни одна из этих находок не является, однако, точной аналогией пряжки из Крохинских Песков.

Бронзовый наконечник ремня (1993, № 61; рис. 121, 2). На лицевой стороне орнамент из двух рядов волют, на оборотной стороне — три штифта для крепления к ремню. Предмет сильно оплавлен. В. В. Мурашева полагает, что наконечники с подобной формой и орнаментацией (класс VII) связаны со скандинавским кругом древностей, и датирует их концом X — 1 пол. XI в. (Мурашова В. В., 1997). Близкие аналогии наконечнику из Крохинских Песков известны на Готланде (Thunmark-Nylen L., 1995, abb. 227, 7) и в Люцинском могильнике.

Бронзовая ременная бляшка с растительным орнаментом и двумя штифтами для крепления к ремню на оборотной стороне (1994, № 92; рис. 122, 7). Группа 1г класса VII по В. В. Мурашовой. Происхождение бляшек подобной формы, бытовавших во второй половине X в., связано, вероятно, с Волжской Булгарией.

Многочисленные аналогии бляшке из Крохинских Песков известны в Гнездове, в Болгаре, в Танкеевском могильнике, в Лядинском могильнике, в Саркеле (Мурашова В. В., 1997).

Фрагмент бронзового изделия — пластина шириной 0,5 см с оплавленными концами (1994, № 113; рис. 121, 3, 122, 15). На лицевой стороне рельефный орнамент, на обороте — штифт для крепления. Возможно, предмет представляет собой фрагмент поясной бляшки или наконечника ремня.

Бронзовое украшение — круглая бляшка или центральная часть разделителя ремня диаметром 1 см (1994, № 116; рис. 121, 6). Средняя часть выпуклая, на лицевой стороне геометрический орнамент, тыльная сторона гладкая. Точно такой же предмет найден в 1995 г. на левобережной части Старого Города в составе подъемного материала (БО 2761).

Бронзовый язычок пряжки (1994, № 21; рис. 122, 34). (Точная принадлежность предмета к средневековому или позднему комплексу не установлена.)

Железный язычок пряжки (1994, № 85; рис. 122, 35).

Железный язычок пряжки (1994, № 117).

Бронзовый предмет — круглая выпуклая пластина диаметром 1,8 см с отверстием в центре (1993, № 41; рис. 122, 10).

Капля расплавленной бронзы (1993, № 42).

Украшения из стекла

Бусы стеклянные — 25 экз. (рис. 122, 20–31), в том числе:

бусина-лимонка золотостеклянная одинарная (1993, № 56);

бусина-лимонка желтая одинарная (1993, № 57);

бусина-лимонка двухчастная продольно-полосатая (1994, № 57);

бусина-лимонка белая тройная оплавленная (1993, № 52);

бусина стеклянная пастовая желтая зонная (1994, № 81);

бусины-лимонки стеклянные фиолетовые двойные — 2 (1993, № 58);

бусина-лимонка стеклянная фиолетовая одинарная (1993, № 59);

бусины-лимонки стеклянные белые прозрачные одинарные оплавленные — 10 (1993, № 59);

бусины стеклянные спекшиеся (1993, № 54);

бусины стеклянные белые и фиолетовые, сильно оплавленные, спекшиеся с бронзовой спиралькой (1993, № 59);

бусина стеклянная оплавленная (1994, № 83);

бусина стеклянная желтая оплавленная (1994, № 86);

бусина стеклянная оплавленная (1994, № 125);

вставка перстня стеклянная круглая прозрачная (1993, № 48; рис. 122, 19).

Бытовые вещи

Фрагменты костяной односторонней расчески с геометрическим орнаментом (семь фрагментов, 1994, № 129; рис. 121, 7–11).

Костяной предмет (копоушка — ?) (1994, № 94; рис. 122, 18).

Железное шило (1993, № 50).

Каменные оселки правильной призматической формы — 3 экз. (1994, № 53; 1994, № 87; 1994, № 114, рис. 122, 16–17). Все экземпляры фрагментированы. Ширина их около 1 см, длина сохранившихся частей 3,8–4,5 см. Один экземпляр имеет отверстие для привешивания. Оселки подобной формы хорошо известны по

находкам в курганных могильниках X–XI вв. (в мужских погребениях) и поселениях того же времени на Северо-Западе и Северо-Востоке Руси. А. Е. Леонтьев, подробно рассмотревший серию таких оселков с Сарского городища, связал их появление с распространением в этот период трехслойных ножей со стальным лезвием. Отсутствие их в финно-угорских могильниках Поволжья он объясняет тем, что население, оставившее эти памятники, использовало железные ножи, не требовавшие обязательной правки (Леонтьев А. Е., 1996, с. 134, 135, 138).

Гвозди железные — 3 экз. (1993, № 40; 1993, № 44; 1993, № 49).

Плоский железный стержень, возможно, черенок от ножа или клин для топора (1994, № 112; рис. 122, 32).

Оружие

Железный наконечник стрелы, черешковый плоский без упора, длина около 6 см, форма пера не определена (1994, № 55; рис. 122, 12).

Железный наконечник стрелы, черешковый плоский без упора, с коротким прямо срезанным пером, длина 4,3 см (1994, № 72). Близок типу 58-1 по А. Ф. Медведеву.

Железный наконечник стрелы, черешковый плоский без упора, с пером ромбовидных очертаний, так называемого «новгородского типа». Длина 9,3 см. Тип 46 по А. Ф. Медведеву (1994, № 88; рис. 122, 11). Этот тип наконечников стрел — один из наиболее распространенных в лесной полосе Восточной Европы в конце I — начале II тыс. В Белоозере наконечники стрел этого типа преобладают (Захаров С. Д., 1996, с. 207).

Железный наконечник стрелы с небольшим ромбическим пером и череш-

ком с раздвоенными концами, разведенными в разные стороны. Верхняя часть черешка тордирована, длина 6,5 см (1994, № 104; рис. 122, 13). Наконечники стрел этого типа редки: 6 экземпляров найдены на Белоозере, 1 — на поселении Луковец в среднем течении Шексны, 2 — в вымских могильниках. С. Д. Захаров высказал предположение, что этот необычный тип наконечников с вынесенными в сторону от древка «рогами» черешка, увеличивавшими площадь поражения, использовался при охоте на стайную водоплавающую птицу (Захаров С. Д., 1996, с. 212–213).

Вещи неясного назначения

Пластина железная с бронзовыми заклепками (1994, № 84; рис. 122, 42).

Пластины железные — 2 экз. (1994, № 101, 128; рис. 122, 39, 41).

Стержни железные — 5 экз. (1993, №№ 45, 60, 63; 1994, №№ 76, 103; рис. 122, 33, 36, 37, 38, 40).

Предметы железные — 2 экз. (1993, №№ 36, 39). (Точная принадлежность к средневековому или позднему комплексу не установлена.)

Керамика

Развал лепного неорнаментированного сосуда стройных пропорций, диаметр по краю венчика 21,5 см, тип III по общей классификационной схеме белозерской керамики (1994, № 179, рис. 124, 1).

Лепной неорнаментированный сосуд баночной формы, диаметр по краю венчика 12 см, высота 9 см, тип IV по общей классификационной схеме белозерской керамики (1994, № 178; рис. 123, 5).

Лепной сосуд баночной формы, орнаментированный мелкозубчатым штампом по плечу и по краю венчика, диаметр

по краю венчика 13 см, высота 9 см, тип IV по общей классификационной схеме белозерской керамики (рис. 124, 3).

Фрагменты лепного неорнаментированного сосуда, верхняя часть подправлена на круге, диаметр по краю венчика 14 см, тип IV или VI по общей классификационной схеме белозерской керамики (1994, № 176; рис. 123, 4).

Развал лепного сосуда, приземистой формы, орнаментированный плоскими вдавлениями по плечу и по краю венчика, диаметр по краю венчика 10–11 см, высота 6,5 см, тип IV или VI по общей классификационной схеме белозерской керамики (1993, № 460; рис. 124, 5).

Развал лепного сосуда, приземистой формы, неорнаментированного, диаметр по краю венчика 14,5 см, высота 10,5 см, тип VI по общей классификационной схеме белозерской керамики (1993, №№ 253, 478–480; рис. 124, 4).

Развал лепного сосуда, приземистой формы, неорнаментированного, диаметр по краю венчика 10 см, высота 7,5 см, тип VI по общей классификационной схеме белозерской керамики (1994, № 174).

Развал нижней части неорнаментированного лепного сосуда баночной формы, диаметр дна 11,5 см (1994, № 180; рис. 124, 2).

Днище лепного сосуда диаметром 9,5 см.

Остатки еще двух лепных сосудов, найденных в развалах (1993, № 535; 1994, № 784), не поддаются реконструкции.

Развал кругового сосуда с эсвидным профилем и немного оттянутым вверх краем венчика, верхняя треть украшена линейным орнаментом, диаметр по краю венчика 13 см, высота около 14 см (1994, № 175, рис. 123, 6).

Развал кругового сосуда с эсвидным профилем, верхняя часть украшена ли-

нейно-волнистым орнаментом, диаметр по краю венчика 25 см (1994, № 177; рис. 123, 1).

Фрагмент верхней части кругового сосуда с высокой цилиндрической шейкой с валиком и немного оттянутым венчиком, диаметр по краю венчика 16 см (1994, № 468; рис. 123, 2).

Фрагменты средней части кругового сосуда с линейно-волнистым орнаментом (1994, № 178; рис. 123, 3).

Кроме перечисленного керамического материала, в раскопе собрано несколько десятков отдельных небольших фрагментов лепной и круговой средневековой керамики. Вероятно, по крайней мере часть этих находок связана с курганом.

Таким образом, из насыпи и ровика кургана происходят остатки как минимум 15 сосудов — 11 лепных и 4-х круговых, не считая фрагментов, принадлежность которых к определенным сосудам не установлена. Характерно, что в этой серии практически нет полных развалов: фрагменты составляют от одной четверти до половины сосуда и лишь один горшок (1994, № 178) собирается почти полностью.

Все лепные сосуды принадлежат к типам, обычным для Белозерских поселений и могильников X–XII вв. Баночные сосуды типа IV — наиболее распространенная на Белоозере форма лепной керамики, значительной серией представлены здесь и приземистые сосуды типа VI. На общем фоне белозерской лепной керамики коллекция из Крохинских Песков выделяется лишь относительно малой долей орнаментированных сосудов (около 15% вместо обычных для Белозерья 50%).

Круговые сосуды с эсвидным профилем и линейно-волнистой орнаментацией — наиболее распространенный тип древнерусской керамики. Подобные сосу-

ды представлены на многих памятниках второй половины X — первой половины XI в. — в том числе в Гнездове (Каменецкая Е. В., 1991, с. 152–155, рис. 13, 14), в Псковском некрополе (Колосова И. О., Милютина Н. Н., 1996, с. 59, рис. 27, 30; Плоткин К. М., 1996, с. 167), в Новгороде, на Рюриковом городище (Горюнова В. М., 1982; Горюнова В. М., 1997), в курганах Юго-Восточного Приладожья (Спиридонов А. М., 1989, с. 308–315), в Суздале (Лапшин В. А., 1992, с. 96, рис. 1, 1А) и Ростове Великом (Кадиева Е. К., 1996).

Вещевой материал погребений по обряду ингумации

Фрагмент тонкой серебряной пластины с орнаментом (часть монетовидной подвески или монеты (погр. 2, 1994, № 144)).

Бронзовый круглодротовый замкнутый перстень (погр. 2, 1994, № 136; рис. 122, 45). От обычных для древнерусских городов и курганов замкнутых перстней этот экземпляр отличается отсутствием утолщения в средней части, что придает ему сходство с поясным кольцом, однако украшение найдено на фаланге пальца.

Пуговица стеклянная с бронзовым ушком (погр. 5, 1994, № 165).

Бусы боченкообразные ложнозолотостеклянные с каймой — 16 экз. (1994, №№ 130–135, 138–142, 145–148, 150, п. 2).

Бусина янтарная бипирамидальная уплощенная — 1 экз. (1994, № 151, п. 2; рис. 122, 43).

Вставка хрустальная — 1 экз. (1994, № 143, п. 2).

Нож железный (1994, № 137, п. 2; рис. 122, 46).

Нож железный (1994, № 152, п. 3; рис. 122, 47).

Гвозди железные (1994, №№ 153–164а, п. 3; 1994, №№ 166–173, п. 5).

Датировка

Вещевой комплекс, связанный с курганом, в целом характерен для X — первой половины XI в. Остановимся на некоторых находках, позволяющих сузить эти хронологические рамки. Для уточнения даты существенна находка фрагмента скорлупообразной фибулы типа Р 52. И. Янссон относит эти фибулы к позднему периоду Бирки, охватывающему время со второй половины IX до последней четверти X в. Бытование этих фибул в последней четверти X в. засвидетельствовано находками их в хорошо датированных слоях Треллеборга (Jansson I., 1985, р. 176–186). Высказав предположение, что овальные фибулы типов Р 51 В1, Р 51 С Р52/55 отражают три последовательно сменяющие друг друга фазы позднего периода Бирки (Jansson I., 1985, р. 135), И. Янссон тем не менее не предложил для последнего типа «узкой» даты. Находки фибул с гранеными концами на территории Древней Руси датируют обычно концом IX — первой половиной XI в. (Мальм В. А., Носов Е. Н., 1990, с. 123; Леонтьев А. Е., 1996, с. 172), в Новгороде одна из фибул этого типа найдена в слоях середины XII в. (Седова М. В., 1981, с. 86). Обращение к материалам Финляндии и Скандинавии позволяет, однако, полагать, что основной период использования этих фибул не выходил за рамки рубежа X–XI вв. Серия комплексов с подобными фибулами из могильника Луистари отнесена П.-А. Лехтосало-Хиландер к IX–X вв., исследовательница выразила сомнение, что находки фибул с гранеными концами в Финляндии захо-

дят в XI в. (Lehtosalo-Hilander P.-L., 1982, р. 102). Отметим, что фибулы с гранеными головками ни разу не встречены в погребениях первой половины — середины XI в. в белозерских могильниках.

Характерно для X в. и преобладание многочастных лимонок в наборе бус. В этом наборе представлена продольно-полосатая лимонка — тип, верхний рубеж бытования которого ограничен серединой XI в. (Лесман Ю. М., 1984, с. 139, 140).

Для датировки погребального комплекса существенно присутствие в ровике развалов трех круговых сосудов с линейно-волнистым орнаментом. Появление раннегончарной «переходной» керамики с эсвидным профилем на Северо-Западе Руси, судя по дендродатам Рюрикова Городища, должно быть отнесено к рубежу IX–X — началу X в. (Горюнова В. М., 1997), на Северо-Востоке древнейшие находки ее относят ко второй половине X в. (Кадиева Е. К., 1996). Л. А. Голубева полагала, что в Белоозере круговая древнерусская керамика вошла в обиход не ранее второй половины X в. (Голубева Л. А., 1973, с. 82, 164). Следует иметь в виду, что в Крохинских Песках эта керамика найдена в верхней части заполнения ровика и представляет собой остатки поминальных комплексов, которые могут быть несинхронны погребениям. Поминальные обряды у подножия насыпи могли совершаться как непосредственно после ее возведения, так и спустя некоторое время — учитывая наличие рядом с курганом более поздних ингумаций.

Отбор образцов для радиоуглеродного анализа в раскопе был затруднен из-за сильной нарушенности насыпи кургана и отсутствия закрытых комплексов с органикой. Для датирования взято 5 образцов угля из ровика. В одном случае угли были

собраны в нижней части заполнения рядом с костями погребения III, в другом — в северном секторе ровика в средней части заполнения, в трех остальных — в восточном секторе в верхней части заполнения ровика рядом с развалами сосудов в восточном секторе.

Уголь из северной и южной части ровика датирован, с учетом калибровки, VII–VIII вв. и V–VII вв. Эти даты безусловно не согласуются с датировками вещей из кургана. Пытаясь понять причины расхождения, напомним, что курган был сооружен на месте более раннего поселения эпохи камня — раннего металла и в состав наших образцов могли попасть органические остатки более раннего времени. Керамика эпохи бронзы — раннего железа наиболее обильна именно в юго-восточном секторе раскопа, откуда происходит образец, дата которого V–VII вв.

Образцы из восточного сектора кургана дали достаточно компактную серию дат, с учетом калибровки, — в пределах середины XI — начала XIII в. или середины XII — второй половины XIII в. Эти даты моложе «археологической» даты комплекса как минимум на 30–130 лет. Более молодой возраст органики кажется естественным, если учесть, что взятый для датирования уголь связан с горизонтами дернования ровика и насыпи после сооружения кургана, с совершением поминальных обрядов, а возможно — и с функционированием вблизи кургана грунтового могильника.

Датировка погребений с ингумациями

Лишь три погребения сопровождались инвентарем. В погребении 5 найдена стек-

Место отбора проб	Лабораторный номер	Возраст по C-14	Условная календарная дата	Калиброванная дата, 1σ	Калиброванная дата, 2σ
кв. М5	ГИН 8173	1290±60	660±60	660 (686-754-757) 883	640 (686-754-757) 883
кв. О10–О11, погребение III	ГИН 8175	1550±100	400±100	410 (482-488-534) 636	256 (482-488-534) 660
кв. О7, край площадки	ГИН 8176	900±40	1050±40	1035 (1133-1136-1156) 1206	1021 (1133-1136-1156) 1223
кв. О7, ровик	ГИН 8174	800±100	1150±100	1132 (1230-1243-1256) 1280	1003 (1230-1243-1256) 1390
кв. О5, ровик	ГИН 8177	870±30	1080±30	1072 (1163-1174-1188) 1214	1035 (1163-1174-1188) 1256

лянная бусина с бронзовой петлей, относящаяся, вероятно, к XII–XIII вв. Ножи из погребения 3 и перстень из погребения 2 маловыразительны в хронологическом отношении и могут быть датированы в широких хронологических рамках XI–XIII вв. Для датировки погребения 2 существенны находки ложнозолотостеклянных бус с каймой, появившихся в Новгороде во второй половине XI в. и получивших широкое распространение в XII в. (Лесман Ю. М., 1984, с. 139), и бипирамидальной янтарной бусины. По наблюдениям М. Д. Полубояриновой, в Новгороде основная масса подобных бус происходит из слоев второй половины XII — XIII в., хотя отдельные находки датируются как более ранним (начиная со второй половины XI в.), так и более поздним (до второй половины XIV в.) временем. Нож из погребения 2 имеет узкое лезвие и толстый обушок, но отличается по форме от классических ножей с узким клиновидным лезвием, распространенных в X–XI вв. Исходя из этого можно полагать, что погребения 2 и 5 и расположенные рядом с ними и имеющие ту же северо-западную ориентировку погребения 1, 3 и 4 относятся к XII в. или несколько более позднему времени.

То обстоятельство, что погребения 2 и 3 прорезали ровик кургана и нарушили находящееся здесь погребение по обряду кремации, безусловно свидетельствует, что хронологический разрыв между сооружением кургана и совершением ингумаций был довольно значительным.

Невозможно уточнить датировку погребения 6, имевшего юго-западную ориентировку, резко различавшуюся с ориентировкой остальных ингумаций. Судя по положению костяка и сохранности костей, оно также должно быть отнесено к домонгольскому времени.

Проблемы этнокультурной атрибуции и историко-культурной интерпретации памятника

Курган с кремациями в Крохинских Песках — один из немногих погребальных памятников X в., известных в настоящее время в районе Белого озера. Перечень синхронных ему объектов ограничивается двумя погребальными комплексами

типа домиков мертвых на Волоке Славенском (Усть-Ситское VI, раскопано одно сооружение), небольшим могильником с кремациями (грунтовыми, подкурганными или помещенными в «домик мертвых») на Ивановском озере у д. Устье и тремя одинокими сопками на р. Кеме. Отсутствие сравнительного материала на близлежащей территории существенно осложняет этнокультурную атрибуцию памятника.

Вещевой инвентарь могильника включает предметы, распространенные в конце I — начале II тыс. на широкой территории лесной полосы Восточной Европы и за ее пределами (бусы, поясные бляшки, ромбический наконечник стрелы, костяная односторонняя расческа, призматические оселки), и вещи «финно-угорского» облика, связанные как с балтийским (подкововобразная фибула с гранеными головками), так и с поволжско-мерянским ареалом (шумящая подвеска, обломок височного кольца, поясная пряжка с наборной рамой). Большинство этих предметов хорошо известно по находкам на других белозерских памятниках, где представлены материалы X в.: на поселении Крутик, на селищах и могильниках у д. Никольское на р. Суде, в могильнике Усть-Ситское VI, на поселениях в среднем течении р. Шексны (Шексна, Октябрьский Мост, Луковец), наконец, в нижнем слое самого Белоозера. Для культурной атрибуции существенно присутствие среди находок керамики характерных для Белозерья форм со штампованной орнаментацией и наконечника стрелы с двурогим черешком, а также древнерусской круговой керамики. Из общего набора вещей выпадает фрагмент овальной фибулы. Эта единственная находка фибул скандинавского типа в районе Белого озера (если не считать фраг-

мента ободка подобной фибулы, находившегося во вторичном использовании в качестве обоймицы для ремня и найденного в Нефедьеве в комплексе конца X—XII вв.).

Если набор вещей из кургана, несмотря на присутствие редких скандинавских украшений, достаточно обычен для Белозерья, то сам тип погребального сооружения и характер погребального обряда не имеют прямых соответствий среди памятников Северо-Запада и Северо-Востока Руси. Определенные параллели ему можно увидеть, с одной стороны, в финно-угорской погребальной обрядности «домиков мертвых», с другой стороны, — в славянской курганной обрядности.

Термин «домики мертвых» используется для обозначения могильников с наземными или подкурганными срубными конструкциями, внутри которых или вблизи которых помещались остатки кремаций. Наиболее обстоятельно эти памятники изучены на юго-западе Белозерья, в бассейне Суды и Мологи, однако известны они и далеко за пределами Белозерья: в Юго-Восточном Приладожье (Горка, Ялгино (Nazarenko V. A., 1990, p. 137–140; Богуславский О. И., 1995, с. 22)), в Восточном Причудье (Khvoschinskaya N. V., 1990, p. 107–111).

Сходство между погребальным обрядом белозерских «домиков мертвых» и обрядом кургана в Крохинских Песках мы видим, прежде всего, в помещении остатков совершенной на стороне кремации в ровики, окружавшие погребальное сооружение. Три погребальных сооружения с подобным положением кальцинированных костей исследованы А. Н. Башенькиным в могильниках Никольское V, Никольское XVI и Никольское XVI–XVII на р. Суде (Башенькин А. Н., 1985, с. 77–81; Башенькин А. Н., 1989), еще одно раскопано ав-

торами в могильнике Усть-Ситское VI на Волоке Славенском (Макаров Н. А., 1997, с. 64). А. Н. Башенькин полагает, что в могильнике Никольское V остатки кремации первоначально были помещены внутри погребального сооружения и сползли в ровик после его разрушения; в Усть-Ситском VI, судя по нашим наблюдениям, основная часть кальцинированных костей изначально была помещена в ямы, образующие ровик. Погребальные комплексы на р. Суде А. Н. Башенькин датирует второй половиной IX — X в., «домик мертвых» в Усть-Ситском VI, судя по радиоуглеродной дате, должен быть отнесен к концу X — рубежу X–XI вв. Отметим, что среди инвентаря, сопровождавшего остатки кремаций в ровиках «домиков мертвых», присутствует ряд вещей тех же типов, что и в Крохинских Песках: фрагменты проволочных втульчатых височных колец, шумящие подвески с бубенчиками, переженные бусы, ременные бляшки, фрагменты костяных односторонних расчесок.

Отличие кургана в Крохинских Песках от «домиков мертвых» заключается, прежде всего, в отсутствии их главного элемента — четырехугольной срубной конструкции. Кроме того, ровики судских и волокославенского «домиков мертвых», содержавшие остатки кремаций, состоят из отдельных ям, оконтуривающих основание срубной конструкции, тогда как в Крохинских Песках ровик имеет отчетливую кольцевую форму. Отметим также относительно скромный набор инвентаря, сопровождавший кремации в Крохинских Песках, контрастирующий с богатыми наборами из «домиков мертвых» на р. Суде.

Возможно ли найти другие параллели погребальному обряду с помещением кремированных костей в ровик кургана? В качестве одной из таких параллелей сле-

дует, вероятно, рассматривать погребальный обряд волховских сопкок с помещением остатков кремации в полы или под полы насыпей с внешней стороны обкладки, зафиксированный В. А. Петренко в семи сопках. Судя по изданным В. А. Петренко чертежам, в некоторых случаях остатки кремации помещались у основания погребальной площадки, ниже уровня древнего дерна. Исследователь рассматривал эти погребения как важные компоненты «сопочных ансамблей» и связывал с ними позднейшую традицию совершения грунтовых погребений по обряду трупоположения рядом с сопками (Петренко В. А., 1994, с. 53–59).

Обращаясь к еще более удаленным от Белоозерья погребальным памятникам, отметим своеобразные погребальные сооружения, исследованные в Верхневисленском крае и в верховьях Одера, — курганы с поверхностным размещением остатков кремации (Седов В. В., 1995, с. 345). Остатки трупосождений в этих курганах были обнаружены не внутри насыпей, а на склонах, у основания курганов и в ровиках, вместе с лепной керамикой. По мнению Х. Цолль-Адамиковой, специально изучавшей этот тип погребальных памятников, остатки кремаций первоначально помещались в глиняных урнах на вершинах курганов. Этот своеобразный обряд, хорошо документированный материалами курганный группы в Корнатке, зафиксирован на территории Польши и Германии в 15 могильниках VII–X вв., раскопанных по современной методике во второй половине 1960–1980-х гг. Х. Цолль-Адамикова считает, что он имел широкое распространение как у западных, так и у восточных славян, но редко фиксировался в прошлом из-за несовершенной методики раскопок курганов (Zoll-Adamikova H., 1975).

Разумеется, мы далеки от мысли о прямой связи обрядности Крохинских Песков с обрядностью волховских сопков или курганов Малопольши. Мы лишь хотим показать, что истоки зафиксированного в Крохинских Песках обычая помещать остатки трупосожжения в ровике кургана можно искать как в местных финно-угорских культурах, так и в славянской или славяно-скандинавской традиции. С последней, безусловно, связан и такой элемент погребального обряда как сооружение полусферическая курганной насыпи, не имеющий на Белом озере местных корней.

Обсуждение вопроса о культурной атрибуции кургана с кремациями в Крохинских Песках оказывается невозможным свести к попыткам доказательства его финской (весской), скандинавской или славянской принадлежности. Финская версия кажется более убедительной, но и она не объясняет своеобразия памятника, существенно отличающегося по своему характеру от синхронных ему «домиков мертвых» на Суде и Волоке Славенском. Очевидно, мы можем интерпретировать этот комплекс лишь как памятник, отражающий культурную метисацию, скрещение финских, славянских и скандинавских культурных элементов на Белом озере. Присутствие последних особенно интересно, поскольку в целом скандинавское влияние на Белоозере документировано пока сравнительно небольшим материалом. Это скрещение весьма характерно для многих регионов Северо-Восточной и Северо-Западной Руси, но при этом формы его достаточно многообразны и вариативны.

Раскопки 1993–1994 гг. в Крохинских Песках окончательно убедили в том, что находящийся здесь могильник — основной некрополь летописного Белоозера. К сожалению, после разработки карьера

невозможно восстановить первоначальные размеры памятника. Находки кальцинированных и сырых костей человека, лепного сосуда и зонной бусины густого синего цвета в обнажениях карьера примерно в 100 м к юго-востоку от кургана свидетельствуют, что как ингумации, так и кремации располагались на значительной площади. Некрополь функционировал в течение продолжительного времени по крайней мере со второй половины X в. до рубежа XII–XIII вв., вполне вероятно, что часть погребений относится и к более позднему времени.

Для реконструкции некоторых общих культурных и религиозных норм, характеризующих эпоху становления христианства на Руси, существенным кажется тот факт, что языческий могильник не был заброшен после принятия христианства и продолжал функционировать как христианское кладбище. В Крохинских Песках представлены основные типы погребальной обрядности X–XIII вв., отражающие переход от язычества к христианству: подкурганные кремации (X в.), ингумации со сравнительно обильным инвентарем (рубеж XI–XII вв.) и малоинвентарные или безынвентарные ингумации (XII–XIII вв.). Принятие христианства жителями Белоозера не повлекло за собой переноса места основного некрополя, хотя в XII–XIII вв. одновременно с могильником в Крохинских Песках функционировали, вероятно, и другие городские кладбища, находившиеся непосредственно на территории Старого города.

Сопоставляя эту ситуацию с ситуацией в других древнерусских городах, напомним, что в настоящее время хорошо изучены случаи прекращения функционирования старых кладбищ и фактического сноса их в связи с расширением городской

застройки и распространением ее на новые участки. Я имею в виду, прежде всего, городские некрополи Пскова (Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф., 1976; Милютина Н. А., 1994) и Старой Рязани (Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995), ликвидация которых была обусловлена чисто практическими обстоятельствами — стремлением использовать для заселения удобные участки вблизи древнего ядра города, первоначально отведенные под кладбища. С другой стороны, в качестве некоторой аналогии ситуации в Белоозере можно рассматривать ситуацию в Суздале, городской некрополь которого — моги́льник на Михайловой стороне — функционировал на одном месте с рубежа X–XI вв. до середины XII в. Создается впечатление, что население древнерусских городов достаточно индифферентно относилось к судьбе старых языческих или полуязыческих кладбищ и не рассматривало их как участки с особым сакральным статусом. Именно поэтому в одних случаях мы сталкиваемся с продолжением использования старых кладбищ для совершения христианских захоронений, в других случаях — с перепланировкой этих участков и размещением жилых кварталов на местах сравнительно недавних могил. При обустройстве городских и пригородных территорий прагматические соображения о назначении тех или иных участков оказывались более весомым фактором, чем сакральные нормы и религиозные представления.

С другой стороны, если рассматривать моги́льник в Крохинских Песках в более узких географических рамках Белоозерского региона и в ретроспективе — на фоне местных памятников более ранних эпох, нельзя не заметить совпадения мес-

тоположения трех разновременных моги́льников: энеолитического, волосовского, из которого происходит богатая коллекция янтарных украшений, сейменского, эпохи бронзы, с единственной в регионе находкой бронзовых наконечников копий (Ошибкина С. В., 1984) и древнерусского, с необычным для Белоозера курганным обрядом. Учитывая неординарный характер всех трех памятников, совпадение трудно объяснить ссылками на общие черты в топографии и ландшафтной приуроченности древних и средневековых поселений на Севере и на стабильность основных очагов расселения в эпохи неолита, раннего металла и средневековья.

Совмещение в одной местности столь редких для Белоозерья находок как волосовский янтарь, сейменские бронзы и скандинавская фибула не может рассматриваться как случайность или заурядный факт, подобный совместной находке ямочно-гребенчатой, сетчатой и лепной средневековой керамики. Одним из объяснений этого феномена могут быть представления о Крохинских Песках как о местности с особыми сакральными свойствами, связанные с необычным для Белоозерья характером местного ландшафта и сохранявшиеся в древности и средневековье среди различных в культурном отношении групп. Другое, более правдоподобное объяснение, может быть связано об особым географическим положением и природными условиями территории у истока Шексны, исключительно удобной для хозяйственного использования и контроля над водными коммуникациями. Особый статус групп, занимавших этот участок, мог обозначиться задолго до возникновения древнерусского города Белоозера.

2. КАТАЛОГ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ПАМЯТНИКОВ БАССЕЙНА БЕЛОГО ОЗЕРА И ВЕРХНЕЙ ШЕКСНЫ

1. **Крохино**, местонахождение. Средневековье. Левый берег р. Шексны, на месте ныне затопленного с. Крохино. При случайных обстоятельствах найдены шиферные пряслица и керамика X–XIII вв.

Макаров Н. А., 1988, с. 76.

2. **Белоозеро**, левобережное поселение. Неолит — средневековье. Левый берег р. Шексны, 2,5 км от ее истока из Белого озера. Первые работы на поселении проведены в 1964 г. Л. А. Голубевой, заложившей здесь несколько шурфов и траншею. В 1984 г. поселение обследовано Н. А. Макаровым, установившим, что оно является составной частью средневекового Белоозера. С 1990 г. систематические исследования левобережного поселения ведутся С. Д. Захаровым. Культурный слой прослежен на протяжении 1000 м. Его мощность в центральной части достигает 0,8 м. Площадь поселения до затопления составляла не менее 13 га. Собрана огромная коллекция подъемного материала, дающего представление о всех сторонах жизни города в XI–XIII вв.

Захаров С. Д., 1993, с. 52–58.

3. **Устье Борисоглебки**, поселение. Неолит — ранний железный век. Левый берег р. Шексны, 0,9 км к востоку от Крохинской переправы. Поселение вытянуто вдоль берега на 200 м, его площадь составляет около 5000 кв. м. Поселение подтоплено и заболочено. Культурный слой — гумусированная темно-серая супесь с пере-

жеженными очажными камнями мощностью до 0,4 м. При обследованиях С. Д. Захарова в 1992 г. на поселении собраны кремневый инвентарь, ямочно-гребенчатая неолитическая керамика, лепная гладкостенная, штрихованная и сетчатая керамика эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 35–36.

4. **Чайка IV**, местонахождение. Неолит — ранний железный век. Левый берег р. Шексны, 2,2 км к С от д. Чайка. На библиотечнике С. Д. Захаровым в 1994 г. собраны фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической и гладкостенной лепной керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

5. **Чайка I (Пидьма)**, поселение. Эпоха камня — ранний железный век — средневековье. 2,5 км к СВ от д. Чайка, на месте бывшей д. Пидьма. Поселение расположено в устье р. Пидьма, на ее правом берегу. Местность представляет собой поросшую кустарником луговину высотой 0,5–1 м над уровнем воды. Культурный слой зафиксирован на двух участках на общей площади около 1,4 га. Мощность его на северо-восточном участке составляет 0,4–0,6 м, на юго-западном 0,3–0,5 м, слой представляет собой темно-серую или темно-коричневую гумусированную супесь. При обследовании памятника Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым в 1994 г. заложена серия шурфов. На

юго-западном участке в шурфах найдена позднесредневековая керамика и кремневые орудия на пластинах и отщепы, относящиеся, вероятно, к эпохе мезолита, на северо-восточном — ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, гладкостенная лепная керамика эпохи железа, позднесредневековая круговая керамика и немногочисленные фрагменты лепной и круговой древнерусской.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

6. **Чайка V**, местонахождение. Неолит — энеолит. 0,9 км к СВ от д. Чайка, южная оконечность северного острова в разливах р. Шексны. В 1992 г. С. Д. Захаровым при обследовании острова обнаружен фрагмент пористой керамики, относящейся к эпохе неолита или энеолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

7. **Чайка II**, поселение. Неолит — средневековье. 0,8 км к СВ от д. Чайка, южный остров в разливах р. Шексны. Поселение открыто Н. А. Макаровым в 1984 г. Поросший кустарником берег возвышается над водой до 0,5 м. Поселение вытянуто вдоль берега на 290 м, его площадь около 8700 кв. м. При обследованиях Н. А. Макарова и С. Д. Захарова в 1984, 1992 и 1994 гг. на поселении собрана неолитическая ямочно-гребенчатая керамика и кремневый скребок, лепная и круговая древнерусская керамика и шиферное пряслице.

Макаров Н. А., 1988, с. 81; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 36; А-1994.

8. **Бородава**, поселение. Позднее средневековье. 0,4 км к Ю от устья р. Бородавы, на месте бывшей д. Бородава. При обследованиях Н. А. Макарова в 1992 г. установлено, что известное по письменным источникам с XV–XVI вв. с. Бородава, где стояла знаменитая деревянная церковь 1486 г., перевезенная ныне в Кирилло-Белозерский монастырь, находилось в 400 м южнее устья р. Бородава, на некотором удалении как

от Шексны, так и от р. Бородавы. Место деревни осталось незатопленным, но в настоящее время исследовать его шурфовой затруднительно из-за мощного слоя опилок и щепы от лесосклада. Зафиксированы лишь отдельные выходы темного гумусированного культурного слоя и находки круговой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 37.

9. **Косино I**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. Остров в разливах р. Шексны в 2 км к СЗ от д. Косино. Полностью или частично намытый земснарядом остров возвышается над водой на 0,5–1 м. На западном берегу острова на участке протяженностью 170 м Н. А. Макаровым в 1992 г. собрана ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, гладкостенная керамика эпохи железа и древнерусская круговая керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 37–38.

10. **Косино II**, местонахождение. Средневековье. 0,2 км к С от места бывшей д. Большое Косино. В размывах берега р. Шексны Н. А. Макаровым в 1992 г. найден фрагмент древнерусской круговой керамики. В распашке, рядом с местом находки, зафиксирован темный гумусированный слой с печными камнями, но без керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 38.

11. **Вогнема**, селище. Средневековье. Западная окраина д. Вогнема. Занимает участок берега р. Шексны высотой 1–2 м над уровнем воды. Вытянуто вдоль берега на 60 м, площадь — 1500 кв. м. При обследовании Н. А. Макаровым в 1983 г. зафиксирован культурный слой с лепной и круговой древнерусской керамикой толщиной 0,2 м. Осмотр, проведенный в 1992 г., показал, что культурный слой подрезан бульдозером и засыпан шлаком.

Макаров Н. А., 1988, с. 78; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 38–39.

12. Новодевичье I, поселение. Ранний железный век. 0,4 км к ЮЗ от д. Новодевичье. Открыто А. В. Кудряшовым в 1992 г. Занимает частично поросший лесом и кустарником склон берега р. Шексны высотой до 10 м над уровнем воды. Вытянуто вдоль реки на 300 м, площадь — около 16 000 кв. м. Наиболее возвышенная часть поселения уничтожена карьером. При обследованиях А. В. Кудряшова в 1992 г. и С. Д. Захарова в 1994 г. в зачистках обнажений зафиксирован интенсивно гумусированный черный культурный слой мощностью 0,4–1,2 м, содержащий гладкостенную, сетчатую и штрихованную керамику эпохи железа.

Кудряшов А. В., А-1992; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

13. Новодевичье II, стоянка. Мезолит. 3,2 км к ЮЮЗ от д. Новодевичье. Стоянка занимает поросшую кустарником северную часть узкого мыса высотой 0,5–2 м над уровнем воды и островок в урочище под названием «Городнична Дача». Площадь стоянки около 5000 кв. м. При обследованиях С. Д. Захарова в 1994 г. собран пластинчатый кремневый инвентарь эпохи мезолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

14. Попово II, стоянка. Мезолит. 1 км к В от д. Попово. Стоянка занимает участок берега высотой до 1 м над уровнем воды. При обследованиях А. В. Кудряшова в 1992 г. и С. Д. Захарова в 1994 г. был собран кремневый материал на участке 80 х 25 м.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 93; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

15. Попово III (Старое Ивачево), поселение. Ранний железный век — позднее средневековье. Левый берег р. Шексны, 1,0 км к В от д. Попово. Поселение занимает частично поросший кустарником и лесом берег высотой от 1 до 3 м над уровнем

воды. Вытянуто вдоль берега на 150 м. При обследованиях С. Д. Захарова в 1994 г. на поселении собраны кремневые отщепы, лепная сильно окатанная керамика эпохи железа и позднесредневековая крутовая керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

16. Пружинино III, поселение. Ранний железный век. 1,6 км к ЗСЗ от д. Пружинино. Поселение располагается в устье небольшого ручья на высоте до 13 м над уровнем воды. Вытянуто вдоль реки на 130 м. При обследованиях А. В. Кудряшова в 1992 г. и С. Д. Захарова в 1994 г. на поселении собрана сетчатая, штрихованная и гладкостенная лепная керамика эпохи железа. В обрывах берега выявлен культурный слой — интенсивно гумусированная темно-серая супесь с большим количеством пережеванных камней — мощностью до 0,4 м.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 93.

17. Пружинино II, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. 1,25 км к западу от д. Пружинино. Открыто А. В. Кудряшовым в 1992 г. Поселение вытянуто вдоль берега Шексны на 270 м, его площадь — около 10 500 кв. м. Высота берега над водой — 1–2,5 м, поверхность занята лугом. При обследованиях А. В. Кудряшова в 1992 г. и С. Д. Захарова в 1994 г. собрана ямочно-гребенчатая керамика и кремневый отщеп эпохи неолита, большое количество лепной и крутовой древнерусской керамики и железный нож, а также позднесредневековая крутовая керамика и бронзовый перстень с печатью. В шурфе зафиксирован культурный слой — интенсивно гумусированный суглинок — мощностью до 0,5 м.

Кудряшов А. В., А-1992; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

18. Пружинино V, стоянка. Неолит. 1 км к ЗЮЗ от д. Пружинино. Расположена на берегу Шексны высотой до 2 м над уровнем

нем воды, поверхность занята лугом. Вытянута вдоль берега на 140 м, площадь около 1700 кв. м. При обследованиях С. Д. Захарова в 1994 г. собрана ямочно-гребенчатая керамика и кремневые отщепы эпохи неолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

19. Пружинино IV, могильник. Средневековье. 0,4 км к Ю от д. Пружинино, на месте бывшей д. Малое Пружинино. Могильник занимает край небольшого всхолмления высотой до 1,5 м над уровнем воды в Шексне, между двумя пятнами культурного слоя селища Пружинино I. При обследованиях Н. А. Макарова в 1994 г. обнаружены вещи, происходящие, очевидно, из разрушенного рекой погребения. Еще 2 погребения с инвентарем XII в. вскрыты в раскопе площадью 12 кв. м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

20. Пружинино I, селище. Средневековье. 0,4 км к Ю от д. Пружинино, на месте бывшей д. Малое Пружинино. Открыто А. В. Кудряшовым в 1992 г. Располагается на берегу р. Шексны высотой до 2 м над уровнем воды. Поверхность занята лугом. При обследованиях Н. А. Макарова в 1994 г. выявлены 2 вытянутых вдоль берега пятна культурного слоя селища, между которыми расположен могильник Пружинино IV. Общая площадь селища — около 1000 кв. м. Культурный слой — серая гумусированная супесь толщиной до 0,2 м, перекрытая пахотным слоем такой же мощности. При обследовании Н. А. Макарова в 1994 г. на размытых участках берега собрана лепная и круговая древнерусская керамика. Перетолженный культурный слой, составляющий заполнение могильных ям, содержит исключительно лепную керамику.

Кудряшов А. В., А-1992; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

21. Саутино I, селище. Позднее средневековье. Территория д. Саутино. При обследо-

ваниях А. В. Кудряшова в 1992 г. на южной окраине д. Саутино на огородах выявлено пятно культурного слоя размерами 110 x 50 м. Среди находок позднесредневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 94.

22. Саутино II, поселение. Ранний железный век — позднее средневековье. 0,5 км к ЮВ от д. Саутино. Поселение занимает южный берег поросшего лесом острова в разливах р. Шексны высотой до 1 м над уровнем воды. Его площадь около 3000 кв. м. При осмотрах С. Д. Захарова в 1994 г. на поселении собраны кремневые пластины и отщепы и большое количество позднесредневековой керамики. В обнажениях берега выявлен культурный слой — светлый серо-коричневый суглинок толщиной до 0,25 м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

23. Попово, местонахождение. Ранний железный век — позднее средневековье. 2 км к северо-западу от пос. Горицы, 0,2 км к северо-востоку от урочища Попово, где ранее находилась деревня с таким же названием. При обследованиях Н. А. Макарова в 1994 г. на мысу левого берега Шексны, вдающемся в Горицкий разлив с северо-запада, в размывах берега собрано несколько фрагментов лепной керамики эпохи железа (?) и круговой позднесредневековой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

24. Федосьин Городок III, местонахождение. Ранний железный век. 2,2 км к ЮЗ от пристани Горицы. Западная оконечность острова Федосьин Городок. В 1993 г. Н. А. Макаровым в 200 м к западу от поселения Федосьин Городок II в обрыве берега обнаружен фрагмент сетчатой керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 47.

25. Федосьин Городок II, поселение. Неолит — энеолит — эпоха бронзы —

ранний железный век — позднее средневековье. 2 км к ЮЗ от пристани Горицы. Юго-западная часть острова Федосьин Городок в разливах р. Шексны. Поселение занимает отмель, возвышающуюся над водой на 0,2–0,7 м, в 50 м к западу от поселения Федосьин Городок I. Вытянуто вдоль берега на 190 м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1993 и 1994 гг. на поселении собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика, пористая, близкая волосовской, эпохи бронзы, близкая поздняяковской, сетчатая, гладкостенная и штрихованная керамика эпохи раннего железа и крутовая позднесредневековая.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 46.

26. **Федосьин Городок I**, селище. Позднее средневековье. Поселение занимает южную и частично восточную стороны острова Федосьин Городок в разливах р. Шексны высотой 17–23 м над уровнем воды. В 1939 г. разведки здесь проводил П. А. Сухов, в 1950 г. — М. В. Фехнер, заложившие на площадке серию шурфов. В 1968 г. А. В. Никитин заложил здесь 9 разведочных раскопов площадью от 16 до 28 кв. м в северной и центральной части острова. В большинстве раскопов зафиксирован бедный находками культурный слой мощностью до 20–30 см, в трех раскопах (IV, V и VII) он достигал 40–70 см и сохранял остатки наземных срубных построек. Наиболее яркий вещевой материал — крест-энколпион, костяной гребень, обломок косы-горбуши — собран в раскопе V. Основная часть вещевого материала датируется XVI–XVII вв., среди находок серебряная копейка Алексея Михайловича. При обследованиях Н. А. Макарова в 1993 г. наиболее интенсивно гумусированный темный культурный слой толщиной до 0,6 м, содержащий большое количество крутовой сероглиняной позднесредневековой керамики, зафиксирован на южном, обращенном к фарватеру, краю острова.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 45–46; Фехнер М. В., 1953, с. 132–135; Никитин А. В., А-1968, Р-1, № 4061.

27. **Никитский Остров**, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на острове в разливах Шексны в 1,3 км к северо-западу от пристани Горицы. До создания Волго-Балтийской водной системы местность представляла собой возвышенный участок правого берега р. Шексны, на котором стояла церковь св. Никиты. Очевидно, здесь находился Никитский монастырь — «Никита святой на Шоксне», упоминаемый в ряде грамот XV в. В 1968 г. А. В. Никитин заложил в северной, западной и южной частях острова 4 раскопа площадью от 24 до 132 кв. м, а в центральной части в пределах церковной ограды — 2 шурфа. Во всех шурфах и раскопах, кроме раскопа IV в южной части холма, зафиксированы позднесредневековые погребения. Мощностъ культурного слоя достигает 70–80 см, слой был насыщен углями и шлаками и содержал остатки срубных построек, прорезанные погребениями. Среди находок книжная застёжка, фрагмент керамического сосуда с надписью, часть пружинного замка, многочисленная крутовая керамика XVI–XVII вв. При обследованиях Н. А. Макарова в 1993 г. выходы культурного слоя — слабогумусированной светло-серой супеси незначительной мощности — зафиксированы на протяжении 130 м вдоль обрыва северного берега острова. На отмели на южном берегу острова рядом со средневековым поселением собраны единичные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита и лепной средневековой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 47–48; Никитин А. В., А-1968, Р-1, № 4061.

28. **Горицы IV**, поселение. Ранний железный век — средневековье. 1,3 км к З от пристани Горицы. Поселение расположе-

но на восточном берегу Никитского острова в разливах р. Шексны. Высота берега над водой до 2 м. Поверхность занята пляжем, частично поросшим кустарником. Площадь поселения — около 4300 кв. м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1994 г. на поселении собрана сетчатая и гладкостенная керамика эпохи железа и круговая древнерусская керамика. В шурфе выявлены остатки культурного слоя, большая часть которого затоплена — слабогумусированная супесь толщиной до 0,3 м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

29. **Горицы VI**, местонахождение. Средневековье. 0,8 км к З от пос. Горицы, северо-западный берег острова в разливе Шексны, ранее являвшийся частью правого берега реки. При обследованиях Н. А. Макарова в 1994 г. найден фрагмент лепной средневековой керамики и кремневый отщеп. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

30. **Горицы V**, селище. Средневековье. Юго-западная окраина пос. Горицы, 0,1 км к ЮЗ от здания школы. Селище вытянуто вдоль Шексны на 70 м, его площадь — около 1400 кв. м. Высота площадки над уровнем воды до 4 м, поверхность занята лугом. В северной части площадку селища прорезает глубокая канава. Культурный слой — гумусированный темно-коричневый суглинок с печными камнями толщиной до 0,4 м. При обследованиях С. Д. Захарова в 1994 г. собрано значительное количество лепной и круговой древнерусской керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

31. **Горицы II**, селище. Средневековье. Южная окраина пос. Горицы, 0,23 км к ЮЮВ от здания школы. Селище занимает участок берега р. Шексны высотой до 3 м над уровнем воды. Вытянуто вдоль берега на 90 м, его площадь — около 1700 кв. м. Культурный слой — коричневый суглинок толщиной до 0,55 м. При осмотрах С. Д. Захарова

в 1994 г. собрано большое количество лепной и круговой древнерусской керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

32. **Горицы III**, поселение. Ранний железный век — средневековье. Южная часть острова в разливах р. Шексны, 0,3 км к ЮЗ от пристани Горицы. Поселение занимает частично поросший кустарником пляж высотой 0,5 м над уровнем воды. Его площадь — около 800 кв. м. Культурный слой размыт и переотложен. При осмотрах Н. А. Макарова в 1994 г. на поселении собраны кремневые отщепы, сетчатая керамика эпохи железа, лепная и круговая древнерусская керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

33. **Горицы I**, селище. Ранний железный век — средневековье. Южная окраина пос. Горицы, 0,15 км к ВЮВ от причала Горицы. Левый берег Шексны возвышается над меженным уровнем воды на 0,5–1 м. Культурный слой — темно-серая гумусированная супесь — прослеживается в обнажениях берега на протяжении 130 м. При первом осмотре памятника Н. А. Макаровым в 1981 г. собрана круговая керамика XV–XVII вв. При осмотре берега С. Д. Захаровым в 1994 г. собраны сильно окатанные фрагменты керамики эпохи железа и круговой древнерусской.

Макаров Н. А., А-1981; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

34. **Горицы VII**, местонахождение. Средневековье. Южная окраина пос. Горицы, 0,27 км к ЮВ от причала Горицы. При обследованиях С. Д. Захарова в 1994 г. на берегу залива р. Шексны под северо-западной стеной Воскресенского Горицкого монастыря собрана лепная и круговая древнерусская керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

35. **Бычок**, селище. Неолит — средневековье. 1 км к ЮВ от пос. Горицы, левый

берег Шексны. Поселение занимает часть берегового склона, повышающегося к востоку и достигающего высоты 6 м. Местность занята лугом. Памятник открыт в 1992 г. А. В. Кудряшовым и повторно обследован в 1993 и 1998 гг. Н. А. Макаровым. Подъемный материал — лепная и крутовая древнерусская керамика, зафиксирована в размывах берега на протяжении 400 м, наиболее высокая концентрация ее отмечена на северо-западном краю поселения вблизи русла небольшого ручья. Не исключено, что памятник представляет собой гнездо из нескольких небольших близко расположенных поселений. При обследовании в 1998 г. обнаружены единичные фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики. Толщина культурного слоя достигает 0,4 м, слой представляет собой серую гумусированную супесь.

Кудряшов А. В., А-1992.

36. **Звоз II**, стоянка. Неолит. Левый берег р. Шексны, 0,5 км к СЗ от д. Звоз. Стоянка располагается в устье небольшого ручья. Высота берега до 4 м над уровнем воды. Вытянута вдоль берега на 80 м, площадь — около 2000 кв. м. При обследованиях А. В. Кудряшова в 1992 г. на стоянке собраны кремневые отщепы и фрагмент ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 94.

37. **Звоз III**, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век(?). Левый берег Шексны, 0,2 км к З от д. Звоз. Поселение располагается на низкой (0,5–1 м) береговой террасе, ограниченной с юга руслом небольшого ручья. При обследовании местности Н. А. Макаровым в 1994 г. на участке протяженностью около 70 м собрано несколько фрагментов лепной керамики эпохи бронзы или железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

38. **Звоз I**, поселение. Неолит — позднее средневековье. Поселение сильно раз-

мыто Шексной и частично затоплено, большая часть керамики залегает в воде у берега. Концентрация позднесредневековой (XVI–XVIII вв.) керамики очень высока, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики единичны. Памятник обследовался А. В. Кудряшовым в 1992 г. и Н. А. Макаровым в 1993 г.

Кудряшов А. В., А-1992.

39. **Еремеево**, стоянка. Эпоха камня. 0,15 км к ЮВ от д. Еремеево, северо-восточный берег Иткольского озера. Располагается на береговой террасе высотой 1,5 м, площадь около 1500 кв. м. Культурный слой — гумусированный суглинок толщиной до 0,3 м с кремневыми отщепами. Обследована Н. А. Макаровым в 1993 г.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

40. **Мыс Ямный**, местонахождение. Эпоха камня. Восточный конец мыса Ямного на Иткольском озере, 0,5 км к З от развалин церкви Иткольского погоста. В обрыве берега Н. А. Макаровым в 1993 г. собраны кремневые отщепы.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

41. **Мыс (исток реки Бородавы)**, поселение. Неолит — ранний железный век. 0,15 км к СВ от д. Мыс, северный берег Бородаевского озера у истока из него р. Бородавы. Местность представляет собой луг высотой 1–1,5 м над уровнем воды в озере. Культурный слой мощностью до 30 см. содержит ямочно-гребенчатую, сетчатую и гладкостенную лепную керамику и кремневые отщепы. Площадь около 700 кв. м. Открыто Н. А. Макаровым в 1993 г.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

42. **Ферапонтов монастырь**, культурный слой на территории монастыря и кладбище. Позднее средневековье. При строительных и реставрационных работах культурный слой мощностью до 1,5 м выявлен в границах ограды монастыря. Небольшие раскопки проводились

П. М. Алешковским, Л. А. Беляевым и Е. Немировской.

Алешковский П. М., А-1982; Беляев Л. А., А-1985.

43. Кирилло-Белозерский монастырь, культурный слой на территории монастыря и кладбище. Неолит — ранний железный век — позднее средневековье. Культурный слой — темная гумусированная супесь со строительным мусором и фундаментами построек XVI–XIX вв. — прослеживается на всей территории монастыря в границах крепостной стены. Некрополь располагается вокруг Успенского собора и на Ивановском холме. Архитектурно-археологические раскопки велись И. И. Хлопиным, П. М. Алешковским, Е. Л. Хворостовой и Н. В. Сапожниковым, А. В. Суворовым. При раскопках А. В. Суворова на территории Ивановского монастыря на левом берегу р. Свияги выявлен переотложенный слой с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой и единичные фрагменты гладкостенной лепной керамики эпохи железа.

Хлопин И. И., А-1972; Хворостова Е. Л., А-1977; Алешковский П. М., А-1980; Алешковский П. М., А-1981; Алешковский П. М., А-1981; Сапожников Н. В., А-1989.

44. Кириллов (слобода), местонахождение. Неолит. Восточный берег Сиверского озера, южный берег залива, к которому выходит канал, соединяющий Сиверское и Лунское озера. При обследовании С. Д. Захаровым в 1992 г. найден кремневый отщеп и фрагмент ямочно-гребенчатой керамики. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

45. Лукинки, местонахождение. Эпоха камня. Западный берег Сиверского озера, мыс между д. Лукинки и Тиханово. При обследовании С. Д. Захаровым в 1992 г. найден нуклеидный кремневый желвак со сколами. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

46. Красново, поселение. Неолит — позднее средневековье. Восточный берег Сиверского озера, центральная часть д. Красново. На участке длиной 130 м вдоль берега С. Д. Захаровым в 1992 г. зафиксирован размытый культурный слой с ямочно-гребенчатой неолитической и круговой позднесредневековой керамикой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

47. Шияковский понтон, местонахождение. Эпоха камня. Юго-западный берег Сиверского озера, 0,5 км к СЗ от Шияковского понтона. При обследовании Н. А. Макаровым найден кремневый желвак со сколами. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

48. Карботка V, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. 0,2 км к З от д. Карботка, северный берег канала, соединяющего Сиверское и Покровское озера. Вытянуто вдоль канала на 250 м, площадь около 5000 кв. м, поверхность занята лугом. Культурный слой — гумусированная супесь толщиной до 0,3 м, перекрытая выбросом из канала. При обследованиях С. Д. Захарова в 1992 г. собраны ямочно-гребенчатая неолитическая керамика, лепная штрихованная и гладкостенная керамика эпохи железа, древнерусская круговая и позднесредневековая керамика и бронзовый костылек цепочки.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

49. Карботка III, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. 0,1 км к С от д. Карботка, северный берег канала при выходе его в Покровское озеро. Вытянуто вдоль канала на 170 м, площадь около 3500 кв. м. Культурный слой имеет мощность до 0,8 м, в обнажениях берега зафиксированы остатки постройки и подпечная яма XII в. Культурный слой перекрыт выбросом со дна канала. При обследованиях Н. А. Макарова в 1987, 1992 и 1993 гг. собрана ямочно-гребенчатая кера-

мика эпохи неолита, сетчатая и гладкостенная лепная керамика эпохи раннего железа и лепная и круговая средневековая, железные ножи, колоколовидная подвеска.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

50. Карботка IV, поселение. Неолит — энеолит — ранний железный век. 0,2 км к З от д. Карботка, южный берег канала, соединяющего Сиверское и Покровское озера. Площадка поселения повреждена при строительстве канала, в настоящее время она возвышается над его уровнем на 0,5–2,5 м. Площадь поселения достигает 1,3 га. Культурный слой представляет собой интенсивно гумусированный темно-коричневый суглинок с очажными камнями толщиной до 0,7 м. При обследовании Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым собрано большое количество неолитической ямочно-гребенчатой керамики, пористой керамики волосовской культуры, сетчатой и лепной гладкостенной керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

51. Карботка II, поселение. Неолит — средневековье. Северо-западная окраина д. Карботка, южный берег канала, соединяющего Сиверское и Покровское озера. Занимает участок берега высотой около 3 м над уровнем воды, вытянуто вдоль берега на 150 м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1985 и 1992 гг. зафиксирован культурный слой — гумусированная супесь толщиной до 0,4 м — и собрана ямочно-гребенчатая неолитическая, лепная и круговая древнерусская и позднесредневековая керамика; найдены обломки кузнечных сопел.

Макаров Н. А., 1988, с. 82; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

52. Карботка I, поселение. Неолит — энеолит — ранний железный век (?) — средневековье. Северная окраина д. Карботка, южный берег канала, соединяющего Сиверское и Покровское озера. Высота бе-

рега над водой 1–2 м, поверхность занята лутом. Поселение вытянуто вдоль канала на 135 м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1985, 1986 и 1992 гг. зафиксирован культурный слой мощностью до 60 см, содержащий ямочно-гребенчатую неолитическую керамику, пористую керамику, близкую волосовской, гладкостенную керамику эпохи раннего железа (?), лепную и круговую древнерусскую керамику, найдены железный нож и стеклянная бусина.

Макаров Н. А., 1988, с. 82; Макаров Н. А., А-1986.

53. Пески II, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век. 0,5 км к З от д. Пески, мыс при входе Северодвинского канала в Покровское озеро, западный берег канала. Заросшая кустарником площадка поселения на 1,5 м возвышается над уровнем воды в канале, площадь памятника около 1300 кв. м. В размывах берега С. Д. Захаровым в 1992 г. собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой керамики эпохи бронзы, близкой поздняковской культуре, и сетчатой и гладкостенной керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

54. Пески I, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век. 0,4 км к З от д. Пески, восточный берег Северодвинского канала при входе его в Покровское озеро. Площадка поселения представляет собой задернованную луговину, возвышающуюся над водой на 1,5 м, площадь памятника около 5000 кв. м, культурный слой — гумусированная серая супесь с пережженными очажными камнями толщиной до 0,5 м. При обследовании С. Д. Захаровым в 1992 г. собраны кремневые отщепы, кремневый наконечник стрелы, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой керамики эпохи бронзы и гладкостенной лепной керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992.

55. **Поздышка II**, местонахождение. Средневековье. 0,55 км к ЮЗ от д. Поздышка, северный берег Северодвинского канала. При обследовании берега С. Д. Захаровым в 1994 г. найден железный наконечник стрелы — срезень (тип 58-2 по А. Ф. Медведеву).

56. **Поздышка I**, поселение. Неолит — ранний железный век. 0,2 км к СЗ от д. Поздышка, северный берег Северодвинского канала. Вытянуто вдоль канала на 190 м. Местность представляет собой луг, возвышающийся над уровнем воды на 1 м. Открыто С. Д. Захаровым в 1994 г., при обследовании собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика и сетчатая и гладкостенная керамика эпохи железа. В обнажениях берега выявлен культурный слой — серо-коричневая супесь с печными камнями мощностью до 0,4 м, — перекрытый насыпью канала.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

57. **Суховерхово**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. 0,2 км к С от д. Суховерхово, южный берег Зауломского озера. Площадка поселения возвышается над меженным уровнем воды в озере на 0,5 м, северная часть ее размывается озером, южная поросла лесом. Поселение вытянуто вдоль берега на 80 м, площадь его около 1500 кв. м. Открыто С. Д. Захаровым в 1994 г., при обследовании собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика, сетчатая керамика эпохи железа и круговая древнерусская. В шурфе зафиксирован распаханый и перекрытый наносным песком культурный слой — темно-серая супесь толщиной до 0,2 м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

58. **Перхино**, поселение. Ранний железный век. Северо-западная окраина д. Перхино, юго-восточный берег Зауломского озера. Местность обследовалась в 1939 г. П. А. Суховым и в 1992 г. С. Д. Захаровым. Поселение располагается на краю резко

понижающейся к озеру береговой террасы на высоте 10–12 м над меженным уровнем воды. Площадь поселения около 2500 кв. м. В обнажениях и шурфах зафиксирован культурный слой толщиной до 0,6 м, собрана сетчатая и лепная гладкостенная керамика эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

59. **Перхино**, могильник. Позднее средневековье. Северо-западная окраина д. Перхино, юго-восточный берег Зауломского озера. Местность обследовалась в 1939 г. П. А. Суховым и в 1993 г. С. Д. Захаровым. В шурфе, заложенном С. Д. Захаровым, обнаружены кости двух переотложенных погребений, разрушенных при рытье картофельных ям, и фрагменты круговой керамики XVI–XVII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

60. **Большое Зауломское**, местонахождение. Мезолит — позднее средневековье. Южная оконечность острова на Зауломском озере, 0,7 км к ЮЮВ от д. Большое Зауломское. На береговой отмели С. Д. Захаровым в 1993 г. собраны кремневые пластины, отщепы и обломок орудия, а также позднесредневековая керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

61. **Маура**, камень-следовик. Позднее средневековье. 1,3 км к СВ от пос. Горицы, вершина горы Мауры. Местность представляет собой поляну в лесу. На юго-западном краю поляны рядом с пешеходной тропой находится валун неправильной четырехугольной формы размером СЮ — 2,1 м, ЗВ — 2,2 м. На сильно выщербленной верхней поверхности овальное углубление длиной 0,26 м, известное в местных преданиях как «след» Кирилла Белозерского. «След» имеет естественное происхождение. Культурный слой около камня отсутствует.

Шевырев С. П., 1856, с. 57; Макаров Н. А., Чернецов А. В., 1988, с. 82–83; Макаров Н. А., А-1980.

62. **Васняково**, поселение. Мезолит — неолит — ранний железный век — средневековье. Северо-восточная окраина д. Васняково, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Занимает участок берега высотой 2–4 м над меженным уровнем воды, отделено от реки насыпной дамбой. Вытянуто вдоль реки на 140 м, поверхность занята лугом и огородами. При обследованиях Н. А. Макарова в 1985 г. собраны кремневые пластины и отщепы, фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики, лепной гладкостенной и лепной и круговой древнерусской.

Макаров Н. А., А-1985.

63. **Шульгино II**, поселение. Неолит — средневековье. 0,03 км к ЮЗ от д. Шульгино, правый берег р. Козы, притока р. Итклы (Порозовицы). Распологается на краю береговой террасы на высоте 1–3 м над меженным уровнем воды, площадь около 2500 кв. м, толщина культурного слоя до 0,55 м, слой представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь. При обследованиях и шурфовке Н. А. Макарова в 1984 и 1985 гг. собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика и лепная и круговая керамика эпохи средневековья.

Макаров Н. А., 1990, с. 172; Макаров Н. А., А-1984.

64. **Шульгино**, поселение и могильник. Эпоха бронзы — средневековье. Западная окраина д. Шульгино, правый берег р. Итклы (Порозовицы) при впадении в нее р. Козы. Распологается на мысу береговой террасы высотой 3–4 м, часть памятника уничтожена карьером. Оставшаяся часть полностью исследована Н. А. Макаровым в 1984 г. В раскопе площадью 400 кв. м расчищено 27 погребений с инвентарем второй половины XII–XIII вв. и очаг с керамикой эпохи бронзы.

Макаров Н. А., 1990, с. 172–177; Макаров Н. А., А-1984.

65. **Шульгино I**, поселение. Эпоха бронзы — средневековье. Северо-западная окраина д. Шульгино, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Распологается на краю береговой террасы высотой 2,5–4 м над уровнем воды, площадь около 1200 кв. м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1984 и 1985 гг. в распахке и шурфах собраны круговая керамика XII–XIII вв. и отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы.

Макаров Н. А., 1990, с. 172–173.

66. **Нефедьево III**, поселение. Ранний железный век — средневековье. Южная окраина д. Нефедьево, левый берег р. Итклы (Порозовицы). Площадка возвышается над водой на 3–4 м, она сильно распахана, в настоящее время занята огородами и частично застроена домами и хозяйственными постройками деревни. Вытянуто вдоль реки на 270 м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1981–89 гг. собраны фрагменты лепной гладкостенной и сетчатой керамики эпохи железа и лепной и круговой древнерусской керамики.

Макаров Н. А., 1990, с. 166; Макаров Н. А., А-1982.

67. **Нефедьево I**, могильник и поселение. Мезолит — неолит — энеолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. 0,2 км к востоку от д. Нефедьево, левый берег р. Итклы (Порозовицы). Основная часть памятника располагается на всхолмлении высотой 1,5–3,5 м над уровнем воды в реке, восточная часть представляет собой низкий болотистый луг, частично уходящий под воду (эта часть памятника получила обозначение Нефедьево IV). Средневековый могильник со 113 погребениями XI — начала XIII вв. исследован раскопками Н. А. Макарова в 1983–1989 гг. В раскопе площадью 2400 кв. м вскрыты также 6 погребений эпохи неолита и исследованы остатки поселения с вещами и отдельными комплексами эпохи мезолита, неолита (культура ямочно-гребенчатой керамики),

энеолита (волосовская культура), эпохи бронзы, раннего железного века (сетчатая, штрихованная и лепная гладкостенная керамика). Наиболее многочисленными являются неолитические и энеолитические материалы, культурный слой этого времени частично скрыт водой (Нефедьево IV).

Макаров Н. А., 1990, с. 166–172; Макаров Н. А., 1993а, с. 445–457.

68. Нефедьево II, поселение. Неолит — энеолит — средневековье. 0,4 км к СВ от д. Нефедьево, левый берег р. Итклы (Порозовицы). Распологается на склоне береговой террасы высотой 1,5–3,0 м над уровнем воды, поверхность занята лугом. Обследовалось Н. А. Макаровым в 1982 и 1989 гг., заложена серия шурфов. Поселение вытянуто вдоль реки на 120 м, площадь его около 3000 кв. м. Мощность культурного слоя достигает 1,3 м, слой с ямочно-гребенчатой и волосовской керамикой перекрыт слоем с лепной и круговой древнерусской керамикой и мощным слоем напаша. Среди находок нож, шиферное пряслице, бусина.

Макаров Н. А., А-1989, с. 34–37.

69. Нефедьево V, поселение. Неолит — средневековье. 0,2 км к СВ от д. Нефедьево, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Распологается на береговой террасе высотой 3 м над уровнем воды, поверхность занята лугом, площадь около 500 кв. м. Обследовалось Н. А. Макаровым в 1983, 1985 и 1989 гг. В шурфах зафиксирован культурный слой мощностью до 40 см. Собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика и лепная и круговая средневековая.

Макаров Н. А., 1990, с. 166.

70. Гора, поселение. Неолит — средневековье. 0,2 км к ЮВ от д. Гора на левом берегу р. Итклы (Порозовицы). Распологается на береговой террасе высотой 1–3,5 м над уровнем воды, поверхность занята лугом. Вытянуто вдоль реки на 100 м, площадь

около 2000 кв. м, мощность культурного слоя до 0,8 м. Обследовалось и шурфовалось Н. А. Макаровым в 1982 и 1989 гг. и С. Д. Захаровым в 1994 г. В шурфе и в обнажениях собрана ямочно-гребенчатая неолитическая и лепная и круговая древнерусская керамика, найдено железное прямоугольное кресало и фрагмент лезвия топора.

Макаров Н. А., А-1989.

71. Лукинское I, селище. Средневековье. Северная окраина д. Лукинская, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Занимает край береговой террасы высотой 4 м над уровнем воды, вытянуто вдоль реки на 50 м. Обследовано Н. А. Макаровым в 1983, 1986 и 1989 гг. В шурфах зафиксирован культурный слой — гумусированная серая супесь мощностью до 50 см, найдены круговая керамика XII–XIII вв. и железный нож.

Макаров Н. А., А-1986.

72. Лукинское II, поселение. Неолит — средневековье. 0,2 км к СВ от д. Лукинское, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Занимает участок луга, возвышающегося над меженным уровнем воды на 1–3 м. В обнажениях берега при обследовании Н. А. Макарова в 1989 г. зафиксирован культурный слой мощностью до 40 см, собрана ямочно-гребенчатая неолитическая и круговая средневековая керамика, найден железный нож.

Макаров Н. А., А-1989.

73. Филимоново I, поселение. Неолит — энеолит — ранний железный век — средневековье. 0,2 км к ЮЗ от д. Филимоново, левый берег р. Итклы (Порозовицы). Занимает возвышенный участок берега высотой 1,5–2,5 м над меженным уровнем воды, поверхность занята лугом. Культурный слой прослежен в обрыве берега на протяжении 150 м, мощность его — до 0,8 м, состав слоя — серая гумусированная супесь. Поселение обследовалось Н. А. Макаровым в 1982 и 1988 гг., заложена серия шурфов, собрана ямочно-гребенчатая нео-

литическая керамика, пористая керамика, близкая волосовской, сетчатая и гладкостенная лепная керамика эпохи железа, лепная и круговая древнерусская.

Макаров Н. А., А-1982.

74. **Филимоново II**, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. 0,5 км к ЮЗ от д. Филимоново, правый берег р. Итклы (Порозовицы). Располагается на береговой террасе высотой от 2,5 до 4,5 м над уровнем воды в реке. Вытянуто вдоль реки на 130 м, культурный слой — темно-серая гумусированная супесь толщиной до 25 см, во многих местах перекрытая насыпным слоем — выбросом со дна реки, поднятым при расчистке русла. При обследованиях Н. А. Макарова в 1990 г. заложена серия шурфов и собрана ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, сетчатая и лепная гладкостенная эпохи бронзы, лепная грубая эпохи средневековья.

Макаров Н. А., А-1990.

75. **Благовещение**, могильник. Средневековье. Западная окраина д. Благовещение, высокий участок правого берега р. Порозовицы. В 1920-х гг. при земляных работах здесь были обнаружены погребения и найден железный топор. В 1939 г. местность обследовалась П. А. Суховым, в 1982 и 1994 гг. — Н. А. Макаровым. Очевидно, основная часть памятника уничтожена старым карьером, однако часть его могла сохраниться под полотном дороги и рядом с нею.

Макаров Н. А., 1990, с. 177.

76. **Благовещение**, местонахождение. Средневековье. Северная окраина д. Благовещение, высокий участок правого берега р. Порозовицы в 0,05 км к СВ от церкви. В обнажениях берега Н. А. Макаровым в 1990 г. собрана круговая древнерусская керамика.

Макаров Н. А., А-1990.

77. **Кудрино**, селище. Средневековье. Северная окраина д. Кудрино, правый берег р. Порозовицы. Местность представляет собой луг, возвышающийся над меженным уровнем воды в реке на 2–4 м, культурный слой прослеживается вдоль реки на протяжении 370 м, площадь памятника около 4200 кв. м. Культурный слой — темно-серая гумусированная супесь мощностью до 0,5 м, сохранились развалы очагов и подпечные ямы. При раскопках Н. А. Макарова в 1983 и 1986 гг. вскрыта площадь около 50 кв. м, исследованы остатки построек. Кроме древнерусской круговой керамики найдены ножи, шиферные пряслица, бронзовые височные кольца, крест-тельник, очажная цепь. Большинство находок датируется второй половиной XII–XIII вв.

Макаров Н. А., А-1983; Макаров Н. А., А-1986.

78. **Сопитино**, селище. Средневековье. 0,4 км к ЮВ от д. Сопитино, левый берег р. Порозовицы высотой от 2 до 4 м над меженным уровнем воды. Вытянуто вдоль реки на 60 м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1982, 1983 и 1986 гг. собрана круговая древнерусская керамика XII–XIII вв.

Макаров Н. А., А-1982.

79. **Никольский Торжок I**, поселение. Ранний железный век — средневековье. Южная и центральная часть поселка Никольский Торжок, северный берег Никольского озера и правый берег впадающей в него р. Федоровки. Поселение занимает часть территории позднесредневекового погоста и территорию, примыкающую к нему с востока. Поверхность частично занята жилыми и хозяйственными постройками и разделена надвое оградой погоста. Площадь поселения около 4800 кв. м, мощность культурного слоя достигает 1 м, но большую часть его составляют перемешанные поздние отложения. Поселение обследовалось Н. А. Макаровым в 1983, 1989 и 1990 гг. и С. Д. Захаровым в 1993 г. Среди

подъемных материалов кремневые отщепы, штрихованная и лепная гладкостенная керамика эпохи железа, лепная и круговая древнерусская керамика, обломок стеклянного браслета, а также монеты и керамика XVIII–XIX вв.

Макаров Н. А., А-1990.

80. Никольский Торжок II, поселение. Неолит (?) — средневековье. Юго-восточная часть поселка Никольский Торжок, левый берег р. Федоровки. Площадка поселения возвышается над меженным уровнем воды на 0,5–0,75 м, южная часть ее занята лугом, северная — усадьбами и огородами. Площадь поселения около 2500 кв. м. В 1990 г. Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым заложены серия шурфов и раскоп площадью 26 кв. м. Мощность культурного слоя до 0,3 м, в ямах до 1 м, прослежены развалы очагов. Среди находок круговая древнерусская и поздняя керамика, кремневые отщепы, каменное тесло, железный нож, монета XIX в. Основные культурные отложения относятся к концу XII–XIII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

81. Щаниково, селище. Средневековье. Юго-западная окраина д. Щаниково, восточный берег Никольского озера. Располагается на мысу, вдающемся в озеро, на высоте 1–2,5 м над уровнем воды. Поверхность занята лугом и огородами деревни. Селище вытянуто вдоль озера на 70 м. При обследовании Н. А. Макарова в 1990 г. в шурфе зафиксирован перемешанный культурный слой мощностью до 0,8 м с лепной и круговой средневековой керамикой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

82. Щаниково, могильник. Средневековье. Юго-западная окраина д. Щаниково, восточный берег Никольского озера. Располагается на западном конце мыса, вдающегося в озеро. В 1990 г. Н. А. Макаровым в раскопе площадью 44 кв. м исследовано женское погребение, ориентированное головой на восток, сопровождавшееся украшениями (бусы, височные кольца, поясные подвески). Набор украшений относится к середине — второй половине XII в.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

83. Усть-Ситское VI, могильник и поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. 0,2 км к СЗ от д. Усть-Ситское, территория турбазы завода «Ремсельмаш», восточный берег Никольского озера. Местность представляет собой возвышенный участок коренного берега озера, поросший сосновым лесом. На поверхности заметны два курганообразных возвышения размером: 4 x 2,5 м при высоте 0,15 м и 12 x 7 м при высоте 0,35 м. Первое из них исследовано в 1990 г. раскопками Н. А. Макарова и Г. Л. Новиковой. Под курганом обнаружено кострище с остатками деревянной конструкции (?), вокруг него — ямы, содержавшие остатки погребений по обряду кремации с украшениями и бытовыми вещами X в. Исследовано 7 погребений. Рядом с курганом обнаружены остатки поселения эпохи бронзы — железа — ямы с культурным слоем, содержащие сетчатую и гладкостенную керамику и грузики «дьякова типа».

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

84. Усть-Ситское III, поселение. Неолит — эпоха бронзы — средневековье. 0,15 км к СЗ от д. Усть-Ситское, правый берег р. Ситки вблизи места впадения ее в Никольское озеро. Располагается на мысу коренной террасы Никольского озера, прорезанной долиной р. Ситки, поверхность поселения занята лугом. Площадь около 1800 кв. м, толщина культурного слоя достигает 1 м. Поселение обследовалось Н. А. Макаровым в 1989 и 1994 гг., в 1990 г. проведены раскопки на площади 64 кв. м. В раскопе собран выразительный материал X в.: лепная керамика, железные ножи, стек-

лянные бусы, бронзовые украшения. В южной части поселения, наряду со средневековыми находками, присутствует ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, керамика эпохи бронзы, близкая фатьяновской, и сетчатая.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

85. Усть-Ситское IV, местонахождение. Средневековье. 0,35 км к С от д. Усть-Ситское, 0,12 км к СВ от турбазы завода «Ремсельмаш», карьер для добычи песка. При обследовании Н. А. Макаровым у края карьера обнаружены фрагменты лепной и круговой древнерусской керамики и кремневый отщеп.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

86. Усть-Ситское I, могильник. Позднее средневековье. 0,1 км к З от д. Усть-Ситское, восточный берег Никольского озера. Могильник располагается на мысу коренного берега озера, прорезанного долиной р. Ситки, впадающей в озеро с востока. Местность занята лугом, повреждена карьером и старыми картофельными ямами. При раскопках Н. А. Макарова в 1983 г. вскрыта площадь 20 кв. м с пятью погребениями с западной ориентировкой. Вещи при погребенных отсутствовали.

Макаров Н. А., А-1983.

87. Усть-Ситское I, поселение. Неолит — энеолит — ранний железный век. 0,1 км к З от д. Усть-Ситское, восточный берег Никольского озера. Располагается на мысу при впадении р. Ситки в озеро, частично на участке высокой поймы, частично на коренной террасе. Местность занята лугом, культурный слой на коренной террасе поврежден старыми картофельными ямами и позднесредневековым могильником. При обследованиях Н. А. Макарова в 1982, 1983, 1990 и 1994 гг. зафиксирован культурный слой — серая гумусированная супесь мощностью до 50 см; собрана ямочно-гребенчатая неолитическая керамика и

лепная гладкостенная и штрихованная керамика I тыс. н. э.

Макаров Н. А., А-1983.

88. Усть-Ситское II, поселение. Неолит — ранний железный век. 0,4 км к ЮЗ от д. Усть-Ситское, восточный берег Никольского озера. Располагается на мысу на возвышенном участке берега, высота площадки над меженным уровнем воды в озере от 0,5 до 2,5 м. Площадь поселения около 6500 кв. м, поверхность занята лугом. Мощность культурного слоя достигает 0,7 м. Поселение обследовалось Н. А. Макаровым в 1983, 1990 и 1994 гг., заложен шурф. Собрана ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита и сетчатая и лепная гладкостенная керамика эпохи железа, найдены также кремневые орудия.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

89. Дуравино, местонахождение. Средневековье. Северо-западная часть д. Дуравино, восточный берег Никольского озера. При обследовании Н. А. Макарова в 1990 г. в распашке найдено несколько фрагментов круговой древнерусской керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

90. Савинское, стоянка. Неолит. 2,5 км к Ю от д. Савинское, восточный берег Никольского озера. Располагается на возвышенном участке берега (1–1,5 м над водой) на небольшом мысу. Подъемный материал распространяется на протяжении 20 м вдоль берега озера. При обследовании Н. А. Макарова в 1990 г. собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

91. Славянка, поселение. Неолит — энеолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. Северная часть д. Славянка, правый берег р. Славянки при истоке ее из Никольского озера. Культурный слой локализуется на участке длиной около 45 м вдоль берега, площадь поселе-

ния около 900 кв. м. При обследованиях Н. А. Макарова в 1983 и 1990 гг. здесь заложено 6 шурфов. Мощность культурного слоя колеблется от 0,5 до 1 м, в шурфах собрана ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, пористая керамика, близкая воловской, сетчатая и лепная гладкостенная керамика эпохи бронзы и раннего железа, лепная и круговая средневековая керамика и сероглиняная позднесредневековая. Основные культурные отложения относятся к неолиту, эпохе железа и позднему средневековью, керамика XI–XII вв. немногочисленна.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990.

92. Погостище VII, поселение. Ранний железный век. Левый берег р. Модлоны, 700 м к западу от д. Погостище. Местность представляет собой береговой мыс в излучине р. Модлоны, делающей в этом месте крутой поворот на восток. Поселение располагается на западном краю мыса, на краю берега, возвышающемся над уровнем воды на 1,0–1,2 м, вытянуто вдоль берега на 160 м. Памятник впервые выявлен в 1995 г. Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым. Поверхность поселения занята лугом. В обнажениях берега зафиксированы выходы культурного слоя — серого гумусированного суглинка толщиной 15–20 см, залегающего под слоем пахоты — серо-коричневого суглинка толщиной до 20 см и покоящегося на глинистом материке. Собран подъемный материал — кремневые отщепы и фрагменты лепной гладкостенной и сетчатой керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

93. Погостище I, поселение. Мезолит — неолит — ранний железный век. Левый берег р. Модлоны, д. Погостище, южная часть территории деревни и луговина, примыкающая к ней с юга. Открыта в 1938 г. А. Я. Брюсовым, раскопками А. Я. Брюсова в 1938–39 гг. вскрыта площадь 60 кв. м, небольшие раскопки продолжены А. Я. Брюсовым в 1959 г. В 1995 г. памятник обследован

Н. А. Макаровым, произведена шурфовка, снят инструментальный план. Стоянка располагается у основания террасы, на которой находится деревня, и частично на краю самой террасы на высоте 1–3 м над меженным уровнем воды в реке. Площадь стоянки около 10 000 кв. м. С юго-востока стоянка вплотную примыкает к стоянке Погостище IV, находящейся на юго-восточной окраине д. Погостище, граница между обоими памятниками может быть намечена лишь условно. Мощность культурного слоя колеблется от 0,3 м в северной части до 1 м в южной части стоянки. Культурный слой представляет собой темно-серую супесь, заторфованную в средней части. С. В. Ошибкина рассматривала Погостище I как чистый мезолитический памятник, однако шурфовка 1995 г. выявила присутствие в верхнем слое ямочно-гребенчатой неолитической керамики и гладкостенной керамики эпохи железа.

Брюсов А. Я., 1951, с. 46–47; Ошибкина С. В., 1983, с. 169–170; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

94. Погостище IV, стоянка. Неолит. Левый берег р. Модлоны, юго-восточная окраина д. Погостище, край надпойменной террасы и примыкающая к ней низина. Открыта в 1959 г. А. Я. Брюсовым, в 1995 г. обследована Н. А. Макаровым. Стоянка находится на высоте 1–2 м над меженным уровнем воды в реке, площадь ее около 6000 кв. м. Культурный слой представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь, в низине он перекрыт торфянистой почвой, мощность слоя 0,3–0,5 м. В обнажениях собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и кремневые орудия.

Брюсов А. Я., А-1959; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

95. Погостище V, стоянка и могильник. Мезолит — средневековье. Левый берег р. Модлоны, северная окраина д. Погостище. Располагается на краю террасы коренного берега высотой 2–4 м над меженным

уровнем воды в 150–200 м от реки Модлоны. Могильник обнаружен в 1959 г. А. Я. Брюсовым, в 1960 г. раскопки здесь проводила Н. В. Тухтина, в 1978 г. — Н. А. Макаров, выявивший, помимо средневековых погребений, культурный слой эпохи мезолита. Ориентировочная площадь памятника около 5000 кв. м, площадка сильно испорчена постройками деревни. Погребения XI–XIII вв., сопровождающиеся богатым набором вещей (всего исследовано 5 погребений), залегают под слоем позднесредневековой деревни на глубине 40–70 см от современной поверхности и прорезают культурный слой эпохи мезолита — коричневую супесь толщиной 20–40 см.

Брюсов А. Я., 1969, с. 81–83; Тухтина Н. В., 1966, с. 134–135; Макаров Н. А., 1990, с. 145–146.

96. Погостище III (А), поселение. Ранний железный век — средневековье. Левый берег р. Модлоны, против устья р. Ухтомы, 130 м к югу от д. Погостище. Расположается на краю берега на высоте 1,0–1,4 м над меженным уровнем воды, вытянуто вдоль реки на 120 м, площадь поселения около 2500 кв. м. Памятник сильно испорчен при выпасе скота, нарушившем дерновый покров и повредившем культурный слой почти на всей площади. Поселение открыто в 1968 г. С. В. Ошибкиной, в 1975 г. обследовалось С. В. Ошибкиной, в 1995 г. — Н. А. Макаровым. В 1995 г. произведена шурфовка памятника, собран подъемный материал и снят топографический план местности. Мощность культурного слоя составляет 0,2–0,3 м, состав слоя — серый гумусированный суглинок с печными камнями. С. В. Ошибкина собрала на поселении керамику позднекаргопольской культуры эпохи железа. При обследовании 1995 г. здесь собраны, в основном, средневековые материалы: около 80 фрагментов крутовой древнерусской керамики, 1 фрагмент лепной керамики, 2 обломка железных ножей,

глиняное грузило, бронзовый костылек от подвески, бронзовый и каменный кресты-тельники, биллоновое колечко, 4 стеклянные бусины, 3 железных ножа, фрагмент обуха топора, обломок привески-лапки. Материалы, относящиеся к эпохе железа (кремневые отщепы, 2 скребка, наконечник стрелы), немногочисленны, очевидно, культурный слой этого времени в основном разрушен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

97. Погостище VI (Б), поселение. Ранний железный век — средневековье. Левый берег р. Модлоны, 0,2 км к юго-востоку от д. Погостище. Поселение располагается на узкой длинной прирусловой гряде высотой около 1,5 м над меженным уровнем воды в Модлоне. Поверхность поселения занята лугом. Берег в этом месте подмывается рекой. В его обнажениях прослеживаются три компактных скопления печных камней — остатки очагов, попавшие в полосу разрушения береговой линии. В зачистке берега, расположенной в центральной части поселения между двумя очагами, зафиксирована следующая стратиграфия: под дерном до глубины 15 см располагается коричневый суглинок — пахотный слой, под ним прослежен темно-коричневый гумусированный суглинок с большим количеством угля и отдельными печными камнями мощностью до 20 см. Материк — серо-коричневая глина — выявлен на глубине 34–38 см. В зачистке обнаружен фрагмент крутовой древнерусской керамики, фрагмент неопределимой керамики и печная обмазка. При обследовании поселения С. Д. Захаровым в 1995 г. собраны: навитая темно-коричневая бусина с белым пластическим петлевидным орнаментом, обломок серебряного ложноплетеного перстня, 4 обломка железных ножей, обломок овального кресала, дужка навесного цилиндрического замка, ледоходный шип, 2 фрагмента лепной и 15 фрагментов крутовой средневековой керамики. Кроме того, найден кремневый от-

щеп и фрагмент керамики раннего железного века. По совокупности подъемного материала культурные напластования средневековья могут быть датированы XII–XIII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

98. Погостище II, поселение. Неолит — ранний железный век. Правый берег р. Модлоны, 0,3 км к юго-западу от д. Погостище. Поселение располагается на первом повороте Модлоны выше устья р. Ухтомицы. Оно занимает возвышенный участок берега высотой 1,5–2 м над меженным уровнем воды в реке. Площадка поселения представляет собой луговину с отдельными кустами, на ней прослеживаются остатки трех построек д. Погостище. Поселение вытянуто вдоль реки не менее чем на 80 м. Первые находки на поселении были сделаны К. В. Марковым в 1918 г. Проверившему его сведения А. Я. Брюсову обнаружить поселение не удалось. Очевидно, на основании сведений К. В. Маркова поселение было включено в сводку М. Е. Фосс под № 268. Раскопки поселения были произведены С. В. Ошибкиной, заложившей здесь шурф площадью 6 кв. м. В шурфе прослежены три культурных слоя. Самый нижний слой мощностью 20–25 см расположен на глубине 65 см от современной поверхности. В нем обнаружены ямочно-гребенчатая керамика, кремневый наконечник стрелы и подвеска из красного камня. Этот слой, а также найденные в осыпи у реки скребки, отщепы и крупное рубящее орудие относятся, по мнению С. В. Ошибкиной, к каргопольской культуре. Лежащий выше слой мощностью 15 см С. В. Ошибкина сопоставила со стоянками типа Модлоны. В нем найдены керамика красновато-оранжевого цвета с пылевидной структурой теста плохой сохранности и большое количество отщепов из белого кремня. В слое обнаружены следы деревянных кольев, которые служили, возможно, основой стены жилища. Верхний слой мощностью 40 см, в котором найдена керамика с сетчатой поверх-

ностью, отнесен исследовательницей к позднекаргопольской культуре. При обследовании поселения в 1995 г. С. Д. Захаровым в 80 м ниже по течению от шурфа и 50 м выше устья р. Ухтомицы на участке берега длиной около 50 м собраны 5 фрагментов лепной гладкостенной и 1 фрагмент штрихованной керамики раннего железного века и 4 кремневых отщепа.

Брюсов А. Я., 1951, с. 48; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995; Ошибкина С. В., 1978, с. 52–54; Фосс М. Е., 1952, с. 260.

99. Погостище VIII (Г), поселение. Неолит — ранний железный век. Правый берег р. Модлоны, 1,6 км к востоку от д. Погостище. Поселение вытянуто вдоль берега на 140 м. Его площадь составляет около 2800 кв. м. Поверхность памятника поросла березово-еловым лесом. Высота берега — 1–1,5 м над меженным уровнем воды в р. Модлоне. В обнажениях берега выявлен культурный слой — коричневый суглинок толщиной до 0,3 м. Материк — серосиняя глина. При обследовании поселения С. Д. Захаровым в 1995 г. собраны: 3 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, 4 фрагмента гладкостенной лепной керамики эпохи железа и 6 кремневых отщепов. Кроме того, в размывах берега встречались отдельные печные камни.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

100. Погостище IX (Д), поселение. Неолит — ранний железный век. Левый берег р. Модлоны, 2,7 км к востоку от д. Погостище. Поселение расположено на слабо выделяющейся прирусловой гряде высотой до 1,75 м над меженным уровнем воды в р. Модлоне. Вытянуто вдоль берега реки на 100 м. Его площадь составляет около 1500 кв. м. Поверхность поселения представляет собой сырую луговину, частично поросшую кустарником. В обнажениях берега прослежен культурный слой — гумусированный коричневый и серо-коричневый суглинок мощностью до 0,3 м. Мате-

рик — серо-синяя глина. В размывах берега присутствуют отдельные печные камни. При обследовании поселения С. Д. Захаровым в 1995 г. собраны: фрагмент ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, фрагмент штрихованной и фрагмент сетчатой керамики эпохи бронзы или раннего железа и 9 кремневых отщепов.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

101. **Погостище X (Е)**, поселение. Неолит — ранний железный век. Правый берег р. Модлоны, 3,0 км к востоку от д. Погостище. Располагается на прирусловой гряде шириной 10–15 м и высотой до 1,75 м над меженным уровнем воды в реке. Поселение вытянуто вдоль реки на 50 м, его примерная площадь составляет около 800 кв. м. Площадка поселения частично поросла кустарником. При обследовании в 1995 г. С. Д. Захаровым на поселении в размывах берега собраны: фрагмент ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, 4 фрагмента сетчатой и штрихованной керамики эпохи раннего железного века, 2 кремневых скребка и один отщеп.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

102. **Погостище XI (Ж)**, стоянка. Неолит. Левый берег р. Модлоны, 2,9 км к востоку от д. Погостище. Стоянка расположена в 70 м выше по течению от устья небольшого безымянного ручья — левого притока р. Модлоны, практически напротив поселения Погостище X. Занимает поросший кустарником и ольхой берег реки высотой до 1 м над меженным уровнем воды. Вытянута вдоль реки на 40 м. В размывах берега прослежен культурный слой — серо-коричневый суглинок толщиной до 0,2 м. Материк — желто-серый суглинок. При обследовании стоянки в 1995 г. С. Д. Захаровым собраны 2 фрагмента неолитической ямочно-гребенчатой керамики и 8 кремневых отщепов.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

103. **Погостище XII (И)**, стоянка. Неолит. Правый берег р. Модлоны, 3,2 км к во-

стоку от д. Погостище. Стоянка располагается на небольшой прирусловой гряде высотой до 1,5 м над меженным уровнем воды в реке. Вытянута вдоль берега реки на 110 м, примерная площадь стоянки — около 2200 кв. м. Поверхность памятника поросла кустарником и лесом. Культурный слой — серо-коричневый суглинок толщиной до 0,3 м — выявлен в размывах берега. При обследовании в 1995 г. С. Д. Захаровым на стоянке обнаружено довольно большое количество кремневых изделий и фрагментов керамики, среди которых 10 фрагментов пористой неолитической керамики типа Модлоны, 1 фрагмент неопределимой керамики, 2 обломка кремневых наконечников и 34 отщепа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

104. **Модлона**, поселение. Энеолит — эпоха бронзы — ранний железный век. Мыс при впадении р. Перечной в р. Модлону. Открыто в 1918 г. К. В. Марковым, в 1938–40 гг. и 1945–56 гг. раскапывалось А. Я. Брюсовым, в 1970 и 1975 гг. раскопки и сбор подъемного материала на поселении вела С. В. Ошибкина, в 1995 г. памятник обследован С. Д. Захаровым. Местность представляет собой низкий заболоченный луг, заросший кустарником, возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,5–1,5 м. Площадь памятника, по оценкам А. Я. Брюсова, около 1400 кв. м, более половины ее вскрыто раскопками, часть стоянки уходит под воду. Общая мощность культурных напластований и перекрывающих их отложений торфа достигает 1,7 м. Влажный культурный слой хорошо сохраняет изделия из органических материалов и остатки деревянных построек. В культурных напластованиях стоянки выделяются 2 слоя, нижний слой авторы раскопок связывают со свайным поселением (Модлона I), верхний — с более поздней стоянкой эпохи раннего металла (Модлона II). При раскопках А. Я. Брюсова открыты остатки нескольких свайных построек и собрана огромная кол-

лекция вещей, в том числе уникальные изделия из дерева, кости, рога и янтаря, отсутствующие на большинстве других памятников этого времени.

При обследовании 1995 г. установлено, что подъемный материал распространяется на протяжении 90 м от стрелки мыса, однако высокая концентрация его отмечена лишь на участке протяженностью 50–60 см. На поверхности мысовой части поселения четко видны 5 ям от раскопов А. Я. Брюсова и С. В. Ошибкиной. Среди подъемного материала, собранного в 1995 г., преобладает сетчатая и гладкостенная керамика эпохи бронзы — раннего железа и кремневые отщепы, фрагменты более ранней пористой керамики единичны. Очевидно, нижний культурный слой с пористой керамикой мало размывается рекой. Под водой у края берега Модлоны видны вертикальные сваи — остатки древних построек.

Модлона — один из наиболее известных памятников эпохи первобытности на Европейском Севере.

Брюсов А. Я., 1947; Брюсов А. Я., 1947а; Брюсов А. Я., 1948; Брюсов А. Я., 1951, с. 7–46; Ошибкина С. В., 1978, с. 111–133; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

105. Устье Еломы I (Гостинный Берег), местонахождение. Неолит — I тысячелетие н. э. — позднее средневековье. Левый берег р. Модлоны при впадении в нее р. Еломы, справа от устья последней. Открыто в 1957 г. А. Я. Брюсовым, заложившим здесь в 1957 и 1959 гг. серию шурфов, в 1995 г. обследовано Н. А. Макаровым. Местность, носящая название «Гостинный берег», представляет собой заболоченный луг, частично заросший кустарником, край берега возвышается над меженным уровнем воды на 1,5 м, в наиболее возвышенной точке стоит рыбацкая избушка. В шурфах, заложенных здесь А. Я. Брюсовым, обнаружены обломки деревянных весел, фрагменты гладкостенной лепной и штрихованной керамики се-

редины I тыс. н. э., кремневые сколы и кремневый наконечник. Культурный слой не выявлен. В 1995 г. при обследовании береговой отмели обнаружен фрагмент ямочно-гребенчатой керамики и обломок кремневого наконечника стрелы, выходы культурного слоя не зафиксированы.

Брюсов А. Я., А-1959; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995; ГИМ, инвентарный № 86471, опись 1047, № 458.

106. Впивая Тоня (Против Гостинного Берега), стоянка. Неолит. Находится на правом берегу р. Модлоны, в 4,2 км к востоку от д. Погостище, в 70 м выше по течению от истока р. Еломы. Располагается на повороте р. Модлоны, которая выше по течению образует широкий залив. Занимает участок заросшего осокой и кустарником берега, возвышающегося над меженным уровнем воды на 0,5–2 м. Стоянка вытянута вдоль реки на 90 м, в напольную сторону культурный слой распространяется на 40–50 м. Часть стоянки затоплена. Первые исследования стоянки провел в 1947 г. А. Я. Брюсов, заложивший на памятнике 4 шурфа, в 1969–71 и 1975 гг. раскопки стоянки производились С. В. Ошибкиной, вскрывшей площадь более 180 кв. м., в 1995 г. стоянка была обследована С. Д. Захаровым. В ходе раскопок зафиксирован культурный слой толщиной до 1 м и собрана большая коллекция керамики, каменных орудий, предметов искусства и украшений, позволяющая рассматривать стоянку как эталонный памятники каргопольской неолитической культуры. Древнейшие культурные напластования, залегающие в низменной части площадки, С. В. Ошибкина отнесла к раннему этапу каргопольской культуры и датировала первой половиной III тыс. до н. э., напластования, залегающие в возвышенной части, датированы второй половиной III тыс. до н. э. При осмотре стоянки в 1995 г. на кромке берега и в воде выявлена значительная концентрация ямочно-гребенчатой керамики, собраны

кремневые орудия, в том числе наконечник дротика.

Брюсов А. Я., 1947, с. 61; Фосс М. Е., 1952, с. 260; Ошибкина С. В., 1978, с. 54, 138; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

107. **Устье Еломы II**, поселение. Неолит — позднее средневековье. Правый берег р. Модлоны, 400 м к востоку от устья р. Еломы. Памятник открыт в 1995 г. Н. А. Макаровым. Местность представляет собой заторфованный, поросший небольшим лесом берег Модлоны, возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,5–0,7 м. На участке протяженностью около 200 м в размывах берега встречены отдельные фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической и крутовой поздне-средневековой керамики и многочисленные кремневые отщепы и сколы. Находки происходят из слоя песка, залегающего под торфом.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

108. **Устье Еломы III**, поселение. Неолит — энеолит — ранний железный век. Левый берег р. Модлоны, 1,2 км к северо-востоку от устья Еломы. Открыто в 1918 г. К. В. Марковым, в 1995 г. обследовано Н. А. Макаровым. Местность представляет собой заболоченный луг, местами поросший кустарником, край берега возвышается над меженным уровнем воды на 1,5 м, отдельные участки берега размываются. Выходы культурного слоя и подъемный материал зафиксированы на участке берега протяженностью около 110 м. В обнажениях собраны многочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, пористой керамики «типа Модлоны», сетчатой и гладкостенной лепной керамики, кремневые ножи, скребки, наконечники стрел, отщепы, каменный топор и кости человека.

Фосс М. Е., 1952, с. 260; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

109. **Устье Еломы IV**, стоянка. Неолит. Левый берег р. Модлоны, 4,4 км к востоку — северо-востоку от д. Погостище, 0,1 км ниже

по течению от истока р. Еломы. Стоянка занимает поросший осокой зачехленный берег высотой 1,5–2 м над меженным уровнем воды в реке. Вытянута вдоль берега на 90 м, примерная площадь памятника — около 1800 кв. м. В размывах берега выявлен культурный слой — темно-серый суглинок мощностью не менее 0,3 м. Материк — серо-коричневая глина. При обследовании стоянки С. Д. Захаровым в 1995 г. обнаружено довольно большое количество кремневых изделий и фрагментов керамики, среди которых 2 кремневых скребка, 2 отщепа, сланцевое тесло, 8 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики. Кроме того, в размывах берега присутствуют печные камни, не образующие заметных скоплений.

Макаров Н. А., Захаров С. Д. А-1995.

110. **Селище**, поселение. Неолит — ранний железный век. Левый берег р. Модлоны, 14,1 км к северо-востоку от д. Погостище, 0,4 км вверх по течению от устья р. Моля. Поселение располагается на возвышенном участке берега высотой 1,5–1,75 м над меженным уровнем воды в р. Модлоне. Отделено от берега реки заболоченной заросшей осокой низменностью шириной около 100 м. У восточной границы поселения в Модлону впадает небольшой безымянный ручей. Поверхность поселения представляет собой зачехленный луг, окруженный заболоченным березово-сосновым лесом. Поселение было открыто А. Я. Брюсовым в 1939 г. Отмечено в сводке М. Е. Фосса под № 276. А. Я. Брюсовым были произведены небольшие раскопки. Траншеи и шурфы закладывались в 1939, 1945 и 1955 гг. Общая вскрытая площадь около 20 кв. м. Культурный слой относится к двум разновременным поселениям. Деление прослеживается не только по материалу, но и стратиграфически. В нижнем культурном слое обнаружены керамика с ямочным орнаментом ранней стадии каргопольской неолитической культуры, кремневые пластины и орудия на них, наконеч-

ники стрел, 2 каменных топора, кирка, 2 тесла и долото. С. В. Ошибкина датирует этот слой началом III, а возможно, концом IV тыс. до н. э. Верхний культурный слой, в котором найдена сетчатая и гладкостенная керамика позднекаргопольской культуры, относится к началу I тыс. до н. э. Осмотр памятника в 1995 г. показал, что площадка поселения плотно задернована, обнажения культурного слоя отсутствуют.

Брюсов А. Я., 1947, с. 61; Брюсов А. Я., 1951, с. 54–55; Брюсов А. Я., 1961, с. 81; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995; Ошибкина С. В., 1978, с. 55; Фосс М. Е., с. 260.

111. Устье Мо́лы, местонахождение. Эпоха камня. Правый берег р. Модлоны, 14,2 км к северо-востоку от д. Погостище, напротив устья р. Мо́лы. При обследовании в 1995 г. С. Д. Захаровым на берегу, представляющем собой поросший осокой закорючанный торфяник высотой до 0,5 м над меженным уровнем воды в реке, обнаружен кремневый скребок. Другие находки отсутствуют, культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

112. Олютинская I, поселение. Эпоха раннего железного века. Правый берег р. Ухтомицы, 3,0 км к северо-востоку от д. Олютинская, 1 км от места впадения Ухтомицы в р. Модло́ну. Поселение располагается на самой стрелке мыса, образованного берегом реки и безымянным ручьем — правым притоком р. Ухтомицы. Высота частично поросшей кустарником площадки поселения составляет около 1 м над меженным уровнем воды в реке. Подъемный материал прослеживается на протяжении около 30 м вдоль берега р. Ухтомицы. В размывах берега выявлен культурный слой — серо-коричневый суглинок толщиной 0,2–0,3 м. Материк — коричневая глина. При обследовании поселения С. Д. Захаровым в 1995 г. собраны фрагменты керамики эпохи раннего железного века.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

113. Олютинская II, местонахождение. Эпоха бронзы (?) — эпоха раннего железного века. Правый берег р. Ухтомицы, 3,9 км к северо-востоку от д. Олютинская, 150 м от впадения Ухтомицы в р. Модло́ну. При обследовании в 1995 г. С. Д. Захаровым в размыве поросшего кустарником берега высотой до 1,5 м над меженным уровнем воды в реке обнаружен фрагмент венчика лепного гладкостенного сосуда с ямочным орнаментом эпохи бронзы или раннего железного века. Другие находки отсутствуют, культурный слой не прослеживается, однако в размывах берега на протяжении около 30 м встречаются отдельные печные камни.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

114. Ивашково, поселение. Мезолит (?) — неолит — эпоха раннего железа — позднее средневековье. Правый берег р. Содошки в 1,2 км от д. Ивашково. Открыто в 1995 г. Н. А. Макаровым. Местность, носящая название «Горская пристань», представляет собой возвышенный участок берега, высота которого над меженным уровнем воды в реке 0,5–1,2 м. Поселение вытянуто вдоль берега реки на 40 м, площадь его около 500 кв. м. Площадка поселения поросла лесом, но имеет следы старой распашки, она прорезана двумя ямами — старыми карьерами для добычи песка (?). Северный край поселения размывается рекой. При обследовании в 1995 г. снят инструментальный план и произведена зачистка культурного слоя у края карьера. Установлено, что под 12-сантиметровым дерном залегает 30-сантиметровый культурный слой, верхняя часть которого нарушена распашкой. В обнажениях берега собраны кремневые пластины и отщепы, глиняное грузило, ямочно-гребенчатая керамика, гладкостенная и штрихованная керамика эпохи железа и поздне-средневековая круговая керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

115. Сокольниково, поселение. Неолит — эпоха железа (?) — позднее средневе-

ковье. Восточный берег оз. Перешного, 4 км к СЗ от д. Сокольниково. Поселение располагается на вытянутом в направлении север — юг мысу Карагач, который далеко вдаётся в озеро и возвышается на 0,5–1 м над меженным уровнем воды. Поселение занимает наиболее возвышенную часть мыса. Здесь при обследованиях Н. А. Макарова в 1984 г. на песчаных отмелях собран подъемный материал — позднесредневековая керамика и грузила от сетей. Поселение вытянуто вдоль берега озера на 50 м, в наполную сторону культурный слой распространяется на 25 м. Заложены 3 шурфа, в двух из них выявлен культурный слой — гумусированная темно-серая супесь толщиной 15–30 см, местами перекрытая переотложенным слоем толщиной 15 см. В шурфах найдены 5 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, 8 фрагментов грубой лепной неорнаментированной керамики, относящейся, вероятно, к эпохе железа, 4 фрагмента круговой керамики, среди которых стенка с линейным орнаментом, и фрагмент глиняного грузила. При обследовании в 1995 г. на поселении собраны 11 кремневых отщепов, фрагмент круговой керамики, возможно, относящийся к эпохе средневековья, и 2 глиняных грузила. Кроме того, на южной оконечности мыса, в 100 м к югу от поселения, обнаружен подъемный материал. Зона его распространения разбита на 2 участка. На участке 1 (южном) найдено глиняное грузило, 8 фрагментов позднесредневековой круговой керамики и фрагмент лепной неопределимой керамики. На участке 2 собрано 10 кремневых отщепов. Возможно, поселение имело большие размеры, распространяясь и на южную оконечность мыса. Однако в настоящее время культурный слой здесь, очевидно, полностью размыт и переотложен.

Макаров Н. А., А-1984; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

116. **Звоз IV**, местонахождение. Эпоха камня. Левый берег р. Шексны, 0,2 км к юго-

западу от д. Звоз. При обследовании в 1995 г. С. Д. Захаровым на мысу, образованном левым берегом Шексны и западным берегом Звозского залива, на берегу залива в 30 м от стрелки на галечниковом пляже обнаружен кремневый нуклеус. Другие находки отсутствуют, культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

117. **Коврижново**, культовые камни. Позднее средневековье. Центральная часть д. Коврижново, 100 м к востоку от берега р. Шексны. Открыты в 1992 г. А. В. Кудряшовым, в 1995 г. обследованы Н. А. Макаровым. Камни представляют собой две плоские гранитные плиты, лежащие горизонтально на нескольких округлых валунах, размеры их 150 x 120 и 150 x 130 см. На одном из камней помещено изображение креста с головой Адама в основании и буквы «ЦРЬ ОК» буквы плохо читаются, возможно, это часть надписи «ЦАРЬ СЛАВЫ», «НИКА». Местное название камней «святые плошки», по словам местных жителей, камни пользовались особым почитанием в деревне, в 1920-х гг. летом здесь служили молебны. Судя по иконографии креста, изображение относится к XVII в.

Кудряшов А. В., А-1992, л. 96; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

118. **Коврижново**, селище. Позднее средневековье. Центральная и западная часть д. Коврижново, 30 м к востоку от берега р. Шексны. Поселение открыто в 1992 г. А. В. Кудряшовым, в 1995 г. обследовано Н. А. Макаровым. Местность представляет собой склон береговой террасы высотой от 5 до 12 м над меженным уровнем воды в реке. Пятно культурного слоя имеет овальную в плане форму, площадь его около 10 000 кв. м, мощность культурного слоя 0,3–0,4 м, на восточном краю селища находятся культовые камни. В шурфе, заложенном около камней, собрана круговая позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1992, л. 96; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

119. **Славянка II**, селище. Позднее средневековье. Северный берег Сизьминского разлива, левая сторона р. Шексны, 10 км к юго-западу от д. Славянки, правый берег р. Славянки. Открыто в 1995 г. Н. А. Макаровым. Местность представляет собой болотистый мыс среди разливов вблизи впадения в р. Славянку ее правого притока — р. Шоши. До подъема воды в Шексне здесь находилась д. Болванцы. Выходы культурного слоя и подъемный материал зафиксированы на 30-метровом участке берега, площадь поселения около 1000 кв. м. Большая часть памятника затоплена при создании Волго-Балта. В размывах берега собрана круговая керамика XVI–XVII вв. и более поздняя.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

120. **Кириллов**, поселение. Неолит — эпоха раннего железа. Безымянный остров в Сиверском озере, 750 м к юго-западу от Белозерской башни Кириллова монастыря. Известно с 1930-х гг., в 1995 г. обследовано Н. А. Макаровым. Занимает всю площадь овального в плане острова размером около 1200 кв. м. Остров возвышается над меженим уровнем воды в озере на 0,2–0,3 м и обнажается из-под воды лишь в сухие годы, большая часть его не задернована, центральная часть поросла редкой травой. В обнажениях собрана ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, сетчатая и гладкостенная керамика эпохи раннего железа, кремневые отщепы и отдельные фрагменты поздней круговой керамики. Культурный слой не выявлен, очевидно, он полностью размыт.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

121. **Липин Бор I**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на мысу при впадении реки Боровки в Белое озеро, в 0,1 км к юго-западу от поселка Липин Бор.

Местность представляет собой ровный луг, возвышающийся над уровнем воды в озере на 0,5 м и прорезанный в центральной части траншеей, вырытой для сооружения причала. Первые сборы на памятнике были произведены в 1942 г. В. В. Гарновским, собранные материалы переданы в Череповецкий краеведческий музей. В 1992 г. поселение обследовано Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым, повторные обследования проводились в 1995 и 1996 гг.

Основная часть подъемного материала и печные камни концентрируются на участке, вытянутом вдоль р. Боровки на 150 м на площади около 15000 кв. м, однако отдельные фрагменты керамики и печные камни встречаются и на берегу озера на протяжении 280 м. Среди подъемного материала кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, лепная гладкостенная керамика эпохи бронзы — раннего железа, лепная и круговая средневековая керамика, позднесредневековая круговая керамика, а также дужка железного замка, железный нож, фрагменты серпа или косы.

Фосс М. Е., 1952, с. 260; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 26–27.

122. **Липин Бор II**, поселение. Неолит — средневековье. Находится на правом берегу р. Боровки в северной части поселка Липин Бор. Располагается на краю береговой террасы высотой 1–3 м над меженим уровнем воды. Поверхность поселения частично занята лугом, частично застроена лодочными сараями. Памятник открыт в 1992 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования проводились в 1995 и 1996 гг. Поселение вытянуто вдоль реки на 100 м, площадь его около 3000 кв. м. Культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь толщиной до 40 см. В составе подъемного материала лепная средневековая керамика и один фрагмент ямочно-гребенчатой неолитической керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 26–27.

123. Липин Бор III, местонахождение. Ранний железный век. Находится на северной окраине поселка Липин Бор на правом берегу р. Боровки в 300 м к северо-востоку от селища Липин Бор II. При обследованиях Н. А. Макарова в 1992 г. в обнажениях высокого обрывистого берега обнаружены два фрагмента штрихованной керамики эпохи раннего железа. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 28.

124. Липин Бор IV, местонахождение. Неолит — эпоха бронзы. Находится на берегу Белого озера в 300 м к юго-востоку от причала в поселке Липин Бор. В 1996 г. Н. А. Макаровым на береговой отмели высотой 0,3–0,5 м обнаружен кремневый отщеп с ретушью. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

125. Липин Бор V, местонахождение. Ранний железный век — средневековье (?). Находится на берегу Белого озера в 150 м к юго-востоку от причала в поселке Липин Бор. В 1996 г. Н. А. Макаровым на береговой отмели высотой 0,3–0,5 м обнаружен фрагмент грубой лепной керамики эпохи железа — раннего средневековья. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

126. Липин Бор VI, местонахождение. Неолит. Находится на берегу Белого озера в 2 км к югу от причала в поселке Липин Бор. В 1996 г. Н. А. Макаровым на береговой отмели собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита. Поросший кустарником берег возвышается над меженным уровнем воды на 0,4–0,6 м и интенсивно размывается озером. Подъемный материал сконцентрирован на участке протяженностью 10 м. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

127. Муньга I, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Муньги в 50 м выше старой пристани, в 150 м к юго-западу от поселка Муньга. Памятник открыт в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992, 1995 и 1996 гг. Местность представляет собой болотистый лут, возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,2–0,5 м. Поселение вытянуто вдоль реки на 60 м, площадь его около 1000 кв. м. Культурный слой насыщен печными камнями, хорошо заметными в размывах. При обследованиях обнаружены фрагменты лепной и круговой древнерусской керамики и сероглиняной круговой керамики эпохи позднего средневековья.

Макаров Н. А., А-1982, с. 3–4; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 28; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

128. Муньга II, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на берегу Белого озера вблизи устья р. Муньги к югу от него, в 200 м к юго-западу от пос. Муньга. Местность представляет собой низкий болотистый лут, частично заросший кустарником и возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,5–1 м. Памятник открыт в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992, 1995 и 1996 гг. Поселение вытянуто вдоль берега озера на 260 м, площадь его около 5000 кв. м. В размывах берега собраны многочисленные фрагменты круговой сероглиняной керамики эпохи позднего средневековья, лепная и круговая керамика эпохи средневековья и несколько сильно окатанных фрагментов лепной керамики эпохи бронзы или раннего железа.

Макаров Н. А., А-1982, с. 3–4; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 28; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

129. Муньга III, селище и могильник. Средневековье — позднее средневековье.

Находится на левом берегу р. Муньги в 150 м к югу от поселка Муньга, с севера вплотную примыкает к нефтебазе Муньга. Местность представляет собой повышение береговой террасы, возвышающееся над водой на 2–3 м. Ранее на этом участке находились приходская церковь и кладбище. Селище открыто в 1996 г. Н. А. Макаровым, на территории его заложено 5 шурфов. Площадь памятника около 5000 кв. м, культурный слой — гумусированная супесь толщиной до 50 см, прорезанная могильными ямами, уходящими в материк. Культурный слой содержит фрагменты лепной керамики эпохи средневековья, фрагменты позднесредневековой круговой сероглиняной керамики и разрозненные кости от разрушенных погребений.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

130. **Ухтома IV**, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Ухтомы при впадении ее в Белое озеро в 0,7 км к западу от с. Ухтома. Местность представляет собой луг, местами поросший кустарником, возвышающийся над меженным уровнем воды в реке на 0,5 м. Памятник обнаружен в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование производилось в 1992 и 1996 гг. Сильно окатанная керамика собрана на участке протяженностью около 200 м вдоль берега реки. Среди подъемного материала ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, лепная и круговая керамика эпохи средневековья и позднесредневековая круговая керамика. Находки происходят из слоя переотложенного желтого песка, образующего береговой вал.

Макаров Н. А., А-1982, с. 4–5; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 29; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

131. **Ухтома III**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится в устье р. Ухтомки на левом ее берегу. Местность

представляет собой низкий луг, возвышающийся над меженным уровнем воды в озере на 0,2–0,4 м. На стрелке реки залегает старый отвал грунта, поднятого со дна р. Ухтомы при расчистке русла. Поселение открыто в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым в 1992, 1995 и 1996 гг. Подъемный материал встречается в размывах берега на протяжении 300 м, но большая часть керамики собрана на 180-метровом участке вблизи стрелки реки. Среди подъемного материала отдельные фрагменты сетчатой и ямочно-гребенчатой керамики, кремневый наконечник стрелы с двусторонней ретушью, фрагменты круговой сероглиняной керамики эпохи позднего средневековья, многочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой керамики и 2 стеклянные бусины эпохи средневековья.

Макаров Н. А., А-1982, с. 4–5; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 29; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

132. **Ухтома I**, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Ухтомы на северо-восточной окраине с. Ухтома. Вплотную примыкает к краю берега реки, высота которого над меженным уровнем воды около 2 м. Поверхность селища частично занята огородами. Памятник обнаружен в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992 и 1996 гг. Сильно распаханый гумусированный культурный слой прослеживается на протяжении 180 м вдоль берега реки. Среди подъемного материала фрагменты лепной и круговой средневековой керамики и многочисленные обломки сероглиняных круговых сосудов эпохи позднего средневековья.

Макаров Н. А., А-1982, с. 4; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 30; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

133. **Ухтома II**, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на

левом берегу р. Ухтомы на северо-западной окраине с. Ухтома в 300 м к западу от селища Ухтома I. Занимает край береговой террасы высотой около 2 м над меженным уровнем воды в реке, поверхность памятника частично занята огородами. Памятник обнаружен в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992 и 1996 гг. Селище сильно повреждено распашкой. Культурный слой представляет собой темно-серую перемешанную гумусированную супесь толщиной до 40 см. Селище вытянуто вдоль реки на 150 м. В составе подъемного материала лепная и круговая керамика эпохи средневековья и более многочисленные фрагменты позднесредневековой керамики.

Макаров Н. А., А-1982, с. 4; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 30; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

134. Пиньшино I, поселение и могильник. Неолит — позднее средневековье. Находится на северном берегу Волоцкого озера в 0,6 км к северо-востоку от д. Пиньшино. Памятник открыт в 1983 г. Н. А. Макаровым, при обследовании заложена разведочная траншея, повторные обследования проведены в 1991 и 1996 гг. Местность представляет собой береговой мыс, возвышающийся над меженным уровнем воды на 1,5–2 м, поверхность его занята лугом. Площадь памятника около 2000 кв. м. В разведочной траншее зафиксирован перемешанный распашкой культурный слой — темно-коричневый гумусированный суглинок толщиной до 0,3 м и расчищены 4 безынвентарных погребения с западной и юго-западной ориентировкой. В траншее и в обнажениях берега собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

135. Пиньшино II, поселение. Эпоха камня — средневековье. Находится на северо-западном берегу Волоцкого озера на

восточной окраине д. Пиньшино. Памятник открыт в 1991 г. Н. А. Макаровым, в том же году произведена его шурфовка, повторные обследования проводились в 1992 и 1996 гг. Поселение располагается на краю береговой террасы высотой 1–1,5 м над меженным уровнем воды, поверхность его занята лугом, часть территории застраивается хозяйственными постройками. Поселение вытянуто вдоль озера на 90 м, площадь его около 1600 кв. м. В шурфах выявлен гумусированный культурный слой мощностью до 60 см, в значительной степени перемешанный распашкой. В шурфах и в обнажениях берега собраны фрагменты лепной и круговой керамики эпохи средневековья, фрагменты позднесредневековой сероглиняной круговой керамики и несколько кремневых отщепов.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991, с. 20–21; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 31; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

136. Пиньшино III, поселение. Эпоха камня — средневековье. Находится на северо-западном берегу Волоцкого озера в 250 м к юго-западу от д. Пиньшино. Обнаружено в 1991 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1996 г., заложено 3 шурфа. Местность представляет собой береговой мыс, поверхность которого занята лугом с редкими деревьями, высота местности над меженным уровнем воды составляет 1,5–2 м. Поселение вытянуто вдоль берега на 45 м, площадь его около 700 кв. м. В шурфах зафиксирован серо-коричневый слабогумусированный паханный слой толщиной 20–30 см и найдены кремневые отщепы и несколько фрагментов средневековой лепной и круговой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

137. Пиньшино IV, местонахождение. Неолит. Находится на восточном берегу Волоцкого озера в 0,7 км к востоку от

д. Пиньшино. Местность представляет собой мыс береговой террасы Волоцкого озера, поросший густым смешанным лесом, высота берега около 3 м над меженным уровнем воды. При обследовании Н. А. Макарова в 1996 г. на отмели найден фрагмент ямочно-гребенчатой керамики. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

138. **Пиньшино V**, местонахождение. Неолит — эпоха бронзы. Находится на восточном берегу Волоцкого озера в 0,8 км к юго-востоку от д. Пиньшино. Местность представляет собой поросший лесом мыс, глубоко вдающийся в озеро, высота береговой террасы достигает 4 м. Местонахождение обнаружено в 1996 г. Н. А. Макаровым. Под обрывом берега и в шурфе, заложенном на краю террасы, найдены несколько кремневых отщепов и скребок. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

139. **Пиньшино VI**, местонахождение. Неолит — эпоха бронзы. Находится на восточном берегу Волоцкого озера в 2 км к югу от д. Пиньшино, в 0,2 км от южного мыса, наиболее глубоко вдающегося в Волоцкое озеро с востока. При обследовании берега Н. А. Макаровым под берегом обнаружен кремневый отщеп.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

140. **Пиньшино VII**, местонахождение. Неолит — эпоха бронзы. Находится на восточном берегу Волоцкого озера в 2,2 км к югу от д. Пиньшино, на мысу, глубоко вдающемся в озеро с востока. Высота береговой террасы составляет 1,5 м. При обследовании Н. А. Макарова в шурфе в слабо-гумусированном пахотном слое найдены кремневый концевой скребок и 4 отщепа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

141. **Максимовская**, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Волоцкого

озера в 2,2 км к юго-востоку от д. Мыс в 0,3 км от бывшей д. Максимовская. Местность представляет собой участок береговой террасы озера высотой от 0,5 до 2,5 м, полого повышающийся к западу, поверхность памятника частично находится под лугом, частично распаивается. Стоянка открыта в 1991 г. С. Д. Захаровым, повторное обследование произведено в 1996 г. Культурный слой распространен вдоль берега озера на 50 м, площадь памятника около 2000 кв. м. Культурный слой представляет собой темно-серый гумусированный суглинок толщиной до 0,5 м. В обнажениях берега собраны фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики и кремневые отщепы.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

142. **Речаково**, селище. Позднее средневековье. Находится в 1 км к юго-востоку от бывшей д. Речаково. Располагается на склоне моренного всхолмления в 130 м от берега р. Ухтомы. Поселение открыто в 1983 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование проведено в 1996 г. На распаханной поверхности хорошо читается темное пятно гумусированного культурного слоя размером 35 x 70 см. Мощность культурного слоя достигает 30–40 см, слой представляет собой гумусированный суглинок. При обследовании 1982 г. на поверхности селища были хорошо заметны скопления валунов от печек. В составе подъемного материала круговая позднесредневековая керамика.

Макаров Н. А., А-1983.

143. **Волок А**, селище. Средневековье. Находится на северо-восточном берегу Волоцкого озера на южной окраине заброшенной д. Волок, в 90 м к юго-востоку от крайних изб деревни. Памятник открыт в 1983 г. Н. А. Макаровым, при первом обследовании заложено 4 шурфа, в 1991 г. на селище произведены более широкая шурфовка и раскопки (вскрыта площадь 44 кв. м.), повторные обследования проводились в

1992 и 1996 гг. Селище располагается на краю береговой террасы Волоцкого озера на высоте 3–4 м над меженным уровнем воды, местность представляет собой луг со следами старой распашки. Культурный слой прослежен на протяжении 100 м вдоль края террасы, площадь селища около 2000 кв. м. Мощность культурного слоя колеблется от 20 до 66 см, достигая максимума у края террасы, слой представляет собой гумусированный суглинок серого или черно-коричневого цвета. В раскопе найдена лепная и круговая керамика XII–XIII вв., ножи, гарпун, наконечник стрелы, шиферное пряслице, бронзовый перстень. В отмытках культурного слоя встречены зерна культурных злаков. Селище представляет собой часть комплекса средневековых памятников, связанных с Ухтомским волоком. Здесь начиналась волоковая дорога, соединявшая Волоцкое и Долгое озеро. Рядом с ним берет начало современная дорога, ведущая к Долгому озеру.

Макаров Н. А., 1996, с. 260–270; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991, с. 25–38; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 31.

144. Волок В, селище. Средневековье. Находится на северо-восточном берегу Волоцкого озера на южной окраине д. Волок в 30 м к северу от селища Волок А. Памятник обнаружен в 1991 г. Н. А. Макаровым, на площадке его заложены 2 шурфа и раскоп площадью 16 кв. м. Селище вытянуто вдоль края озерной террасы на 40 м, площадь его около 400 кв. м. Местность представляет собой пологий край береговой террасы, занятый в настоящее время лугом, высота площадки над уровнем воды в озере 2–3,5 м. В раскопе зафиксирован интенсивно гумусированный культурный слой толщиной до 90 см. Нижняя часть слоя не затронута распашкой: здесь расчищены скопления пережженных печных камней и развалы лепных сосудов. В культурном слое найдены точильные камни, наконечник стрелы и лепная керамика с характерной

профилировкой IX–X вв. Селище представляет собой часть комплекса средневековых памятников, связанных с Ухтомским волоком.

Макаров Н. А., 1996, с. 260–270; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991, с. 28–38.

145. Долгое Озеро, селище. Средневековье. Находится на западном берегу Долгого озера в южной его части в 6 км к востоку от д. Пиньшино и в 1,5 км к востоку от заброшенной д. Волок. Памятник обнаружен в 1991 г. Н. А. Макаровым, повторные исследования производились в 1992 и 1996 гг. На поселении заложено 4 шурфа. Местность представляет собой пологий склон берега, повышающийся к западу высотой от 0,5 до 4 м. Центральная часть селища — поляна, заросшая кустарником, остальная часть заросла молодым лесом. Селище вытянуто вдоль озера на 50 м, площадь его около 1500 кв. м. Культурный слой представляет собой серую гумусированную супесь толщиной до 25 см. В шурфах и в обнажениях берега собраны фрагменты круговой средневековой керамики и железный нож. Селище представляет собой часть комплекса средневековых памятников, связанных с Ухтомским волоком. Здесь заканчивалась волоковая дорога, соединявшая Волоцкое и Долгое озеро. По трассе ее проходит современная дорога, выходящее непосредственно на селище.

Макаров Н. А., 1996, с. 260–270; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991, с. 23–24; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 32.

146. Белоозеро, древнерусский город, правобережная часть. Средневековье, X–XIV вв. Правый берег Шексны, 2,5 км от ее истока из Белого озера, урочище «Старый город». Белоозеро — один из крупнейших городов на северо-востоке Руси, впервые упомянутый в летописи под 862 г. До затопления культурный слой правобережной части Белоозера был распространен с запада на восток (вдоль реки) не менее чем на

1900 м, с севера на юг (в напольную сторону) на 150–280 м. Общая площадь этой части города составляла примерно 41 га. Толщина культурного слоя составляла 0,4–1,8 м. В настоящее время около 2/3 памятника затоплено в результате создания Волго-Балтийского водного пути. Высота сохранившейся части составляет 0,5–2 м над меженным уровнем воды.

Первые археологические работы на территории городища были проведены в 1860 г. Я. М. Лазаревским и Ю. Б. Иверсеном. В 1929 г. Г. П. Гроздилов и В. И. Равдоникас заложили на Старом городе разведывательные раскопы. С 1949 по 1965 гг. раскопки города вела Белозерская археологическая экспедиция под руководством Л. А. Голубевой. Было заложено 40 раскопов, в основном в центральной части правобережного поселения, общей площадью около 5,5 тыс. кв. м. В результате этих работ установлено, что первоначальное поселение возникло в наиболее возвышенной части правого берега. Здесь исследованы напластования X–XI вв. В XII в. была заселена и приречная часть. В прибрежных раскопах вскрыты богатые городские кварталы, выявлена усадебная застройка, обнаружены улицы с деревянными мостовыми. Многотысячная коллекция находок, полученная в ходе раскопок, хранится в музеях различных городов — в Вологде, Череповце, Кириллове, Белозерске, Москве (ГИМ).

С 1990 г. ежегодные исследования древнего Белоозера ведутся Белозерским отрядом Онежско-Сухонской археологической экспедиции ИА РАН. Подъем уровня воды, сделавший невозможным дальнейшее изучения Белоозера традиционными археологическими методами, и продолжающееся до сих пор разрушение культурного слоя памятника предопределили необходимость выработки новых методических приемов, позволяющих на должном уровне вести исследования средневековых памятников с размываемым культурным слоем. При этом большое значение имеют охранные аспек-

ты проводимых работ. За 7 лет удалось значительно уточнить границы распространения культурного слоя, площадь памятника, динамику его развития в разные хронологические периоды. Полученная коллекция индивидуальных находок включает в себя более 10 тыс. предметов, дающих представление о всех сторонах жизни средневекового города.

Голубева Л. А., 1973; Макаров Н. А., Захаров С. Д., 1994; Захаров С. Д., 1994; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990–1996.

147. Крохинские Пески I–II, поселение и могильник. Мезолит — неолит — энеолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Памятник находится на правом берегу Шексны в 1 км к северо-востоку от д. Крохинские Пески (Каргулино) и в 0,4 км к югу от Крохинской переправы на песчаной дюне, тянущейся в направлении северо-восток — юго-запад вдоль дороги Белозерск — Крохинская переправа. Памятник был открыт в 1969 г. С. В. Ошибкиной, обнаружившей в разведочном шурфе 4 средневековых погребения, в 1983, 1993 и 1994 гг. раскопки производились Онежско-Сухонской экспедицией. Значительная часть памятника скрыта карьером при прокладке дороги. В настоящее время часть могильника занята огородом, другая часть находится под лугом, постепенно зарастает молодым лесом.

Раскопками на памятнике вскрыта площадь около 300 кв. м. В раскопе исследовано погребальное сооружение X в. — санифицированный курган с тремя погребениями по обряду кремации, 24 погребения по обряду ингумации с инвентарем конца XI–XIII вв., разрушенные погребения эпохи энеолита (волосовская культура?), участок с культурным слоем эпохи мезолита, производственный комплекс XV в. и культурный слой деревни XVIII в. с остатками жилых построек. Часть находок относится к эпохе неолита, бронзы и раннего железа и связа-

на, вероятно, с переотложенными культурными горизонтами этих эпох. Средневековый могильник представляет собой некрополь летописного города Белоозера. Вещевой материал из могильника включает ряд редких находок, в том числе фрагмент овальной двускорлупной фибулы скандинавского происхождения.

Макаров Н. А., 1990, с. 163–165; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 15–33; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994, с. 23–46.

148. Крохинские Пески III, поселение. Эпоха камня (?) — эпоха бронзы — ранний железный век (?) — средневековье. Находится в 0,8 км к северо-востоку от д. Крохинские Пески и в 0,65 км от Крохинской переправы на песчаной дюне, возвышающейся над меженным уровнем воды в реке на 2–4 м. Памятник открыт в 1993 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1996 г. Значительная часть поселения скрыта карьером, южный участок занят современным кладбищем, остальная часть находится под лугом и частично поросла соснами. В обнажениях собраны кальцинированные кости, кремневые отщепы, фрагменты лепной керамики эпохи бронзы — раннего железа и крутовой древнерусской. По-видимому, из этого пункта происходят два уникальных бронзовых наконечника копья сейминского типа (эпоха бронзы, XVI–XV вв. до н. э.) — случайная находка, переданная в Белозерский краеведческий музей.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 44; Ошибкина С. В., 1984, с. 23–28.

149. Чайка III, поселение. Эпоха железа — позднее средневековье. Правый берег Шексны, 1,8 км к северо-северо-западу от д. Чайка. Находится у северо-западного края большого разлива Шексны, образовавшегося в результате затопления небольшой речки, впадавшей в Шексну, в том месте, где к современному берегу Шексны подходит старая дорога, ведущая из д. Каргулино к Вогнемской переправе. Местность пред-

ставляет собой низкий заболоченный и поросший кустарником берег р. Шексны высотой до 0,5 м над меженным уровнем воды в реке. Поселение вытянуто вдоль реки на 235 м, площадь его около 5800 кв. м. Памятник выявлен в 1994 г. С. Д. Захаровым, повторное обследование проведено в 1996 г. При обследовании собрано большое количество сетчатой, штрихованной и гладкостенной керамики эпохи железа и круговой позднесредневековой керамики с профилировкой XV–XVII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994, с. 70–71; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

150. Чайка VI, местонахождение. Эпоха камня. Правая сторона Шексны, небольшой остров в разливах Волго-Балта, 0,5 км от пос. Чайка. При обследовании Н. А. Макарова в 1994 г. на отмели под обрывом берега найдена кремневая пластина с ретушью. Культурный слой на берегу не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994, с. 71.

151. Чайка VII, местонахождение. Ранний железный век. Правый берег р. Шексны, восточная окраина пос. Чайка. При обследованиях С. Д. Захаровым в 1995 г. в месте выхода обводного Белозерского канала в Шексну, на островке, образованном старым и новым руслами канала, на песчаном пляже возле памятника в честь прокладки канала среди многочисленных обломков керамики XVIII–XIX вв. обнаружен фрагмент венчика сосуда эпохи раннего железного века. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

152. Десятковская, местонахождение. Ранний железный век. Разлив Шексны вблизи устья р. Черноморки, южный берег безымянного острова в 3 км к югу от д. Десятковской. Местность представляет собой низкую (0,1–0,2 м над уровнем воды) пес-

чаную отмель, местами поросшую травой. Местонахождение обнаружено в 1995 г. Н. А. Макаровым. В размывах берега собрано несколько фрагментов штрихованной и гладкостенной керамики эпохи железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

153. Пупково II, стоянка. Мезолит — ранний железный век (?). Находится на правом берегу р. Шексны, в 2,5 км к западу от д. Попово в урочище «Пупково». Занимает часть пойменного берега высотой до 3 м над уровнем воды в русле пересохшего ручья. Памятник открыт А. В. Кудряшовым в 1992 г., повторное обследование произведено в 1996 г. Размеры поселения 140 x 15 м. На песчаной отмели собран кремневый инвентарь: скребок на мощном отщепе, пластинки, кремневые отщепы, а также окатанные фрагменты лепной керамики эпохи железа (?). Культурный слой не выявлен.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 92, рис. 231–233.

154. Пупково I, поселение и могильник. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, в 2 км к северо-западу от д. Попово на месте бывшей д. Пупково. Местность представляет собой луг, возвышающийся над меженным уровнем воды в реке на 1–5 м, поверхность его полого повышается к западу. Поселение открыто в 1980 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1996 г. Поселение вытянуто вдоль Шексны на 350 м, площадь его около 10000 кв. м. Керамика эпохи средневековья зафиксирована на участке берега длиной около 290 м. Культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь, перекрытую серым пахотным слоем, общая мощность культурного слоя в некоторых местах достигает 150 см. В размывах берега собрана лепная и круговая керамика эпохи средневековья, сероглиняная круговая керамика XV–XVIII вв. и отдельные фрагменты неолитической ямочно-гребен-

чатой керамики и кремневые отщепы. При случайных земляных работах на территории бывшей д. Пупково в 1920–1950-х гг. на небольшой глубине было обнаружено погребение.

Макаров Н. А., А-1980, с. 11–12; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

155. Попово III (Волохово II), местонахождение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится в 1,3 км к северу от д. Попово, в 250 м к северо-западу от старой пристани Волохово. Местность представляет собой болотистый берег Шексны высотой 0,3–0,6 м над меженным уровнем воды. При обследовании Н. А. Макарова в 1996 г. в переотложенном песке перемытого берегового вала на протяжении 250 м вдоль Шексны зафиксированы пережеженные печные камни, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой и гладкостенной керамики эпохи бронзы и раннего железа, лепной и круговой средневековой керамики и сероглиняной круговой керамики эпохи позднего средневековья, а также кремневые отщепы. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

156. Волохово I, поселение и могильник. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, 0,5 км к северо-северо-западу от д. Попово, у старой пристани Волохово. Местность представляет собой край береговой террасы, возвышающийся над современным меженным уровнем воды в Шексне на 1–1,5 м. Поселение открыто в 1980 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования и шурфовка производились в 1981 и 1996 гг. Поселение вытянуто вдоль Шексны на 250 м, площадь его около 7000 кв. м, значительная часть площадки размыта Волго-Балтом. Культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь толщиной до 40 см,

слой сильно перемешан распашкой. В шурфах и в размывах берега собраны фрагменты сетчатой и лепной гладкостенной керамики эпохи железа, грубой лепной и круговой керамики эпохи средневековья и позднесредневековой сероглиняной керамики, а также кремневые орудия. На южном краю поселения, по сообщению местных жителей, из обрыва неоднократно вымывало человеческие кости, в 1981 г. Н. А. Макаровым в размывах берега обнаружены два черепа со следами бронзовых окислов на височных костях.

Макаров Н. А., А-1980, с. 12; Макаров Н. А., А-1981, с. 19; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

157. Попово IV (Волохово III), местонахождение. Средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, в 300 м к северу от д. Попово, в 250 м к югу от пристани Волохово. Местность представляет собой край низкой (до 0,5 м) береговой террасы, поросшей кустарником. При обследовании 1996 г. в размывах берега Н. А. Макаровым выявлены пережженные печные камни и несколько фрагментов лепной и круговой древнерусской керамики. Находки сосредоточены на участке протяженностью 50 м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

158. Попово I, стоянка. Мезолит. Находится на правом берегу р. Шексны, в 0,4 км от д. Попово, на месте современного причала теплоходов «Волохово». Памятник открыт в 1992 г. А. В. Кудряшовым, повторное обследование произведено в 1996 г. С. Д. Захаровым. Стоянка занимает часть склона береговой террасы высотой до 4 м над меженным уровнем воды, она вытянута вдоль берега на 200 м, площадь ее около 4000 кв. м. Стоянка подмыта водохранилищем. В зачистке берега зафиксирован культурный слой — желтый песок с угольками толщиной 12–14 см, перекрытый 50-сантиметровым пахотным слоем. Среди находок

карандашевидные нуклеусы, многочисленные кремневые пластины, скребок.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 92–93, рис. 234–236.

159. Каргач, поселение. Средневековье — ранний железный век (?). Находится на правом берегу р. Шексны в 0,5 км к северо-западу от д. Каргач. Оно занимает край плавно опускающейся террасы, высота площадки поселения составляет 0,5–1 м над меженным уровнем воды. Поселение вытянуто вдоль берега на 150 м, его примерная площадь 5000 кв. м. Большая часть поселения поросла смешанным лесом и кустарником, восточная окраина занята луговиной. В зачистке берега обнаружен потревоженный распашкой культурный слой — темно-коричневый суглинок толщиной до 0,45 м. На поселении в размывах берега собраны лепная средневековая керамика, гладкостенная лепная керамика, относящаяся к эпохе средневековья или раннему железному веку, кремневые скребок и отщеп и круговая позднесредневековая керамика. Наибольшая концентрация материала прослежена на центральном участке поселения.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

160. Крутик, поселение. Средневековье, IX–X вв. Находится на правой стороне Шексны в 0,3 км к югу от д. Городище. Поселение располагается на отдельно стоящей вытянутой с северо-запада на восток гряде размером 360 x 30 м, возвышающейся над окружающей ее с юга, востока и севера болотистой низиной на 6–14 м. Южная и юго-западная подошвы гряды спускаются в заболоченную долину р. Конки, впадавшей в р. Каргач, правый приток Шексны. Средневековое поселение занимало восточную часть гряды площадью около 6000 кв. м.

Поселение Крутик было открыто в 1939 г. ленинградским археологом П. А. Суховым, производившим здесь небольшие рас-

копки. В 1974–1981 гг. широкие исследования памятника были проведены Белозерской экспедицией Института археологии РАН под руководством Л. А. Голубевой. Раскопками вскрыта площадь около 1600 кв. м. преимущественно на восточном и северном краю гряды, где стояли средневековые постройки. В результате раскопок исследована планировка поселения, конструкции жилищ и отопительных сооружений, получена огромная коллекция вещей, переданная в Череповецкий краеведческий музей и частично в Кирилловский музей-заповедник.

Крутик — один из наиболее полно исследованных памятников средневековой веси, уникальный археологический объект, выделяющийся среди остальных средневековых поселений Белозерья обилием и разнообразием вещевого материала IX–X вв. Ценность памятника определяется также тем, что культурный слой IX–X вв. имеет хорошую сохранность и не перемешан с более ранними и поздними отложениями, благодаря этому собранную здесь коллекцию можно считать своеобразным эталоном материальной культуры веси IX–X вв. На поселении найдено 13 куфических монет, около 430 стеклянных бус, десятки металлических украшений, бытовых вещей и орудий труда. Большую ценность представляет собранная в ходе раскопок остеологическая коллекция, позволяющая судить о характере скотоводства и охоты у средневековой веси.

Повторные обследования памятника в 1993 и 1995 гг. сопровождались расчисткой стенок старых раскопов и отбором проб для карпологического анализа. Анализ проб в лаборатории выявил наличие в культурном слое зерен культурных злаков — ячменя, ржи и пшеницы, таким образом получены надежные данные о существовании земледелия на поселении. За 15 лет, прошедших после завершения раскопок, состояние памятника мало изменилось, засыпанная землей и рекультивированная поверхность ста-

рых раскопов заросла травой, местность используется для выпаса скота.

Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Кирьянова Н. А., 1996.

161. **Шуклино В**, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, в 0,6 км к западу от д. Горка, вблизи бывшей д. Шуклино. Селище Шуклино В представляет собой северную часть агломерации из трех средневековых поселений вблизи бывшей д. Шуклино. Оно располагается на возвышенном наклонном участке берега, понижающемся к востоку, на высоте от 1 до 10 м над меженным уровнем воды в реке. Поверхность его занята лугом. От расположенного южнее селища Шуклино Б оно отделено ложиной, представляющей собой затянувшееся русло ручья, впадавшего в Шексну.

Поселение открыто в 1992 г. А. В. Кудряшовым, в 1993 г. оно обследовано Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым, повторное обследование проведено в 1996 г. В ходе обследования на поселении заложено 4 шурфа. Установлено, что поселение вытянуто вдоль реки на 70 м, площадь его достигает 4000 кв. м. Мощность культурного слоя на отдельных участках достигает 100 см. Слой представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь с пережженными камнями, на большей части селища слой перемешан распахкой. В шурфах и обнажениях собрана лепная и крутовая керамика XII–XIII вв.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 95, рис. 263–268; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 50–53.

162. **Шуклино Б**, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, в 0,6 км к западу от д. Горка, вблизи бывшей д. Шуклино. Представляет собой центральную часть агломерации из трех селищ. Располагается на склоне береговой террасы р. Шексны на высоте от 2 до 7 м

над меженным уровнем воды. Выходы культурного слоя прослеживаются на протяжении 85 м вдоль края берега, площадь памятника около 5000 кв. м. Поверхность селища находится под лутом, с юга селище ограничено подболоченной лощиной, по дну которой во время дождей протекает ручей.

Поселение открыто в 1992 г. А. В. Кудряшовым, заложившим на нем шурф, шурфовка продолжена в 1993 г. в ходе обследований Н. А. Макарова и С. Д. Захарова, повторное обследование произведено в 1996 г. Всего на селище заложено 7 шурфов. В шурфах выявлен культурный слой — темно-серая гумусированная супесь, частично перемешанная распахкой. Мощность слоя достигает 40 см. Среди находок лепная и круговая керамика XII–XIII вв., несколько железных предметов и круглая иконка с изображением Успения Богоматери.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 95, рис. 263–268; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 50–53.

163. Шуклино А, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Шексны, в 0,6 км к западу от д. Горка, в 80–100 м к востоку от бывшей д. Шуклино. Представляет собой южную часть агломерации из трех селищ у бывшей д. Шуклино. С юга поселение ограничено болотом и заливом Волго-Балта, ранее представлявшим собой, вероятно, старицу Шексны, с севера — руслом ручья и лощиной, отделяющей его от селища Шуклино Б. Южная часть селища А занята кладбищем, на южном конце которого находятся фундамент деревянной церкви и развалины каменной. Севернее кладбища культурный слой почти полностью срезан бульдозером. Селище вытянуто вдоль Шексны на 230 м, площадь его первоначально составляла около 12000 кв. м.

Как и остальные селища у д. Шуклино, памятник открыт в 1992 г. А. В. Кудряшовым. В 1993 г. обследование его было проведено Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым,

при обследовании зачищен культурный слой в обрыве и заложены 3 шурфа, повторное обследование проведено в 1996 г. Мощность культурного слоя достигает 50 см, верхняя часть его потревожена распахкой. Нижняя часть культурного слоя представляет собой интенсивно-гумусированную черную супесь с углями и печными камнями. В шурфах и в зачистке собраны фрагменты лепной и круговой средневековой керамики, обломок железного ножа, обломок топора типа IV, бронзовая обоймица, стеклянная призматическая беломрамбовидная бусина и 2 шиферных пряслица.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 95, рис. 263–268; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 55–57.

164. Родино (Карасово), селище. Позднее средневековье. Находится в 0,7 км к западу от д. Родино, на возвышенном участке правого берега р. Шексны, на месте бывшей д. Карасово. Местность представляет собой всхолмление высотой 2–3 м над современным меженным уровнем воды в реке со следами старых построек, поверхность памятника занята лутом. Памятник обнаружен в 1993 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1996 г. Селище вытянуто вдоль реки на 200 м, площадь его около 8000 кв. м. Мощность культурного слоя достигает 0,3 м, слой представляет собой темно-коричневую гумусированную супесь. В обнажения берега, преимущественно на двух пониженных участках, собран обильный подъемный материал, в составе которого преобладает сероглиняная круговая керамика, часть которой, судя по профилировке, относится к XV–XVI вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993, с. 49–50.

165. Ратибор, поселение. Эпоха бронзы (?) — ранний железный век. Находится на правом берегу р. Шексны в 1,3 км к северо-востоку от д. Ратибор. Поселение от-

крыто в 1992 г. А. В. Кудряшовым, повторное обследование произведено в 1996 г. Н. А. Макаровым. Поселение располагается на мысу между Шексной и глубоким заливом на обрывистом берегу высотой около 4 м над меженным уровнем воды. В обрыве берега зафиксирован гумусированный культурный слой мощностью до 0,5 м, насыщенный колотыми очажными камнями с редкими находками кремневых отщепов и лепной гладкостенной керамики. Определенные фрагменты относятся к эпохе железа. Памятник интенсивно размывается Шексной. А. В. Кудряшов зафиксировал культурный слой на участке протяженностью 120 м вдоль реки, в 1996 г. выходы культурного слоя удалось проследить на участке не более 40 м.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 95, рис. 269–271.

166. **Кирсново III**, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век. Находится на правом берегу р. Шексны на южной окраине д. Кирсново, ниже устья речки Киченовы. Поселение обнаружено в 1992 г. А. В. Кудряшовым. Оно занимает участок обрывистого берега, возвышающегося над меженным уровнем воды в Шексне на 4 м. Среди подъемного материала, собранного на отмели перед обрывом, обломки кремня и лепная гладкостенная керамика.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 95, рис. 271–274.

167. **Кирсново II**, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век. Находится на правом берегу р. Шексны в 0,5 км от д. Кирсново, чуть выше устья ручья, впадающего в р. Шексну. Высота местности над меженным уровнем воды составляет 3 м. Поселение открыто в 1992 г. А. В. Кудряшовым, повторное обследование проведено в 1996 г. Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым. Культурный слой представляет собой гумусированную супесь темно-серого цвета мощностью до 0,2 м. В обнажениях берега

и в зачистке культурного слоя собраны кремневые отщепы и фрагменты гладкостенной лепной керамики.

Кудряшов А. В., А-1992, с. 96, рис. 279–281.

168. **Кирсново I**, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век. Правый берег Шексны, 2 км к югу от д. Кирсново. Располагается на пологом берегу высотой 0,5–1 м над меженным уровнем воды в реке, местность представляет собой лут, поросший кустарником. Памятник выявлен в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование проведено в 1996 г. Поселение вытянуто вдоль берега на 140 м. Культурный слой представляет собой переотложенную распашкой темно-серую гумусированную супесь толщиной до 0,2 м. В размывах берега собрана сетчатая и штрихованная керамика эпохи бронзы — раннего железа.

Макаров Н. А., А-1981, с. 20–21.

169. **Кирсново I**, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век. Правый берег Шексны, 2 км к югу от д. Кирсново. Располагается на пологом берегу высотой 0,5–1 м над меженным уровнем воды в реке, местность представляет собой лут, поросший кустарником. Памятник выявлен в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование проведено в 1996 г. Поселение вытянуто вдоль берега на 200 м. Культурный слой представляет собой переотложенную распашкой темно-серую гумусированную супесь толщиной до 0,2 м. В размывах берега собраны ямочно-гребенчатая керамика, кремневые ножи, скребки, нуклеус, многочисленные отщепы, сетчатая и штрихованная керамика эпохи бронзы — раннего железа.

Макаров Н. А., А-1981, с. 20–21; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

170. **Кирсново IV**, местонахождение. Эпоха бронзы — ранний железный век. Правый берег р. Шексны, 2,5 км к югу от д. Кирсново. При обследованиях 1996 г.

С. Д. Захаровым в размывах берега обнаружены кремневые скребок и пластина и фрагмент керамики с веревочным орнаментом эпохи бронзы — раннего железного века. Другие находки отсутствовали, культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

171. **Иванов Бор III**, поселение. Неолит — ранний железный век (?). Правый берег р. Шексны, северная окраина пос. Иванов Бор, 0,65 км выше по течению от паромной переправы. Поселение располагается на краю полого поднимающегося берега. Высота площадки поселения составляет 0,5–1 м над меженным уровнем воды в Шексне. Вытянуто вдоль берега на 100 м. В южной части памятника располагаются различные хоз. сооружения, в том числе дом службы навигационной обстановки, северная — засажена березами. При обследовании поселения в 1996 г. С. Д. Захаровым в размывах берега собраны кремневые пластины, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и фрагмент лепной керамики эпохи средневековья или раннего железного века. Наибольшая концентрация материала прослежена в северной части поселения.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

172. **Иванов Бор II**, местонахождение. Эпоха камня. Правый берег р. Шексны, северная окраина пос. Иванов Бор, 0,57 км выше по течению от паромной переправы. В 1996 г. при обследовании берега С. Д. Захаровым найдено сечение кремневой пластины. Культурный слой и другие находки отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

173. **Иванов Бор I**, стоянка. Неолит. Правый берег р. Шексны, южная окраина пос. Иванов Бор, чуть выше устья р. Гремихи. Стоянка располагается на краю круто поднимающейся террасы. Высота площадки памятника составляет 0,5–1 м над

меженным уровнем воды. Вытянута вдоль берега Шексны на 70 м. Поверхность памятника занята огородами и хоз. постройками, береговая кромка завалена мусором. При обследовании стоянки в 1996 г. С. Д. Захаровым в размывах берега собраны кремневые скребки, пластины, отщепы и фрагмент ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996.

174. **Каргулино**, селище. Позднее средневековье. Находится на острове в разливах Шексны у истока ее из Белого озера, вблизи правого берега, в 1,2 км к западу от Крохинской переправы и в 0,3 км к югу от церкви затопленного с. Крохина. Селище открыто в 1992 г. Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым, повторные обследования производились в 1993–1995 гг. Местность представляет собой треугольный в плане остров площадью около 7500 кв. м, возвышающийся над водой на 0,3–0,7 м. До сооружения Волго-Балтийской системы здесь находилось село Каргулино. Остров завален битым кирпичом, очажными камнями, поздней керамикой и деревенским мусором, на поверхности заметны камни фундамента приходской церкви с. Каргулино (ранее — на этом месте находился собор Троицкого Усть-Шехонского монастыря). На северо-западном краю острова на участке размером 1200 кв. м собрана круговая керамика с характерной профилировкой XIII–XIV вв. Среди подъемного материала, собранного здесь Г. И. Алексеевым, каменная иконка с изображением святого Николая, переданная в Кирилло-Белозерский музей-заповедник. Исследование культурного слоя шурфами невозможно из-за высокого уровня воды.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, с. 34–35.

175. **Новое Село I**, сопка. Средневековье. Находится в 300 м к северо-западу от д. Новое Село на краю высокого (20 м) правого берега р. Кемы. Диаметр насыпи 28 м,

высота около 2 м. Северная треть сопки срезана бульдозером, южная треть осыпалась в р. Кему, на вершине — яма от старых грабительских раскопок. Первые сведения о памятнике приведены в сводке И. С. Романцева, в 1980, 1981, 1992 и 1995 гг. памятник обследовался Онежско-Сухонской экспедицией. При зачистке обнажений насыпи в 1981 г. под основанием ее на прокаленном материке прослежено кострище с обугленными плахами.

Романцев И. С., 1911, с. 41; Макаров Н. А., А-1980, л. 80; Макаров Н. А., А-1981, л. 2; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 9.

176. Новое Село V, сопка. Средневековье. Находится в 1 км к западу от д. Новое Село и примерно в 240 м к северу от сопки Новое Село II на краю высокого обрывистого правого берега р. Кемы. Насыпь размером 9 x 6 м имеет в плане овальную форму, высота ее достигает 1 м, вокруг насыпи просматривается заплывший ровик. С севера к кургану примыкает площадка высотой 0,5 м размером 25 x 20 м, возможно, также имеющая искусственный характер. Курган порос сосновым лесом. Памятник выявлен в 1989 г. А. М. Иванищевым, повторное обследование производилось Н. А. Макаровым в 1992 г.

Иванищев А. М., А-1989, л. 13; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 9.

177. Новое Село II, сопка. Средневековье. Находится в 1 км к юго-западу от д. Новое Село, в 0,6 км ниже по течению от сопки Новое Село I на краю высокого (19 м) правого берега р. Кемы. Насыпь обнаружена в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992 и 1995 гг. Высота сопки 2-3 м, диаметр 25-27 м, вершина плоская.

Макаров Н. А., А-1981, л. 2; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 9.

178. Новое Село III, селище. Средневековье (?) — позднее средневековье. Нахо-

дится на левом берегу р. Кемы в северной части д. Новое Село. Открыто Н. А. Макаровым в 1981 г., повторное обследование произведено в 1995 г. Культурный слой мощностью до 0,4 м зафиксирован на участке берега протяженностью около 120 м, площадь памятника около 6000 кв. м. В шурфе 1981 г., наряду с поздней керамикой, найден фрагмент лепной средневековой (?) и железный нож, в 6 шурфах, заложенных в 1995 г., собрана лишь позднесредневековая керамика.

Макаров Н. А., А-1981, л. 3.

179. Новое Село IV, селище. Средневековье (?) — позднее средневековье. Находится в 0,3 км к юго-западу от д. Новое Село и в 0,2 км к Ю-В от берега р. Кемы на краю надпойменной террасы высотой около 2 м, прорезанной двумя старыми прудами. Обнаружено Н. А. Макаровым в 1981 г., повторное обследование 1995 г. В шурфе найдены фрагменты лепной (?) и круговой позднесредневековой керамики.

Макаров Н. А., А-1981, л. 3.

180. Никольское I, городище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Кемы в юго-восточной части д. Никольское, занимает участок мыса, образованного рекой и глубоким оврагом. Площадка городища возвышается над уровнем воды в р. Кеме на 17 м, она имеет треугольную форму, с северной (напольной) стороны площадка защищена валом высотой 0,5 м и рвом. Общая площадь городища 800 кв. м. В центре площадки сохранилось основание деревянной церкви св. Николая, первые упоминания о которой в письменных источниках относятся к 1470-1480 гг. (АСЭИ, 1958, т. II, № 227а). Памятник открыт Н. А. Макаровым в 1980 г., в ходе раскопок 1981-82 гг. вскрыта площадь около 100 кв. м. и прорезан вал. Повторные обследования производились в 1992 и 1995 гг.

На площадке городища зафиксирован гумусированный культурный слой толщи-

ной до 0,4 м, прорезанный многочисленными могильными ямами. Слой содержит лепную средневековую (94%) и позднюю круговую (6%) керамику. В северной части раскопа вскрыты нижние венцы двух бревенчатых срубов, забутованных глиной, — основание деревянной церкви. В слое глины и в материковых ямах расчищено 26 безы Inventарных погребений с западной ориентировкой. В постройке и в культурном слое рядом с ней найдены медные монеты 1731, 1762–64 и 1912 гг. и крест-тельник XVI–XVII вв. Из средневекового горизонта происходят синяя многочастная бусина-лимонка, железный наконечник стрелы, детали котлов. В разрезе вала выявлены остатки деревянных конструкций и найдены 2 наконечника стрелы.

Макаров Н. А., А-1980, л. 8–9; Макаров Н. А., А-1981, л. 20–28; Макаров Н. А., А-1982, л. 68–69; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 10.

181. Покровское I, селище. Средневековые — позднее средневековые. Находится в 0,4 км к югу от д. Покровское на левом берегу р. Кемы. Занимает участок береговой террасы высотой 2–3 м над современным меженным уровнем воды, вытянуто вдоль края террасы на 60 м, площадь памятника около 1000 кв. м. Поселение открыто в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторные исследования проводились в 1984 и 1995 гг. На площадке заложено 2 шурфа.

Культурный слой представляет собой серую гумусированную супесь толщиной до 0,4 м. В шурфах и в распашке найдены фрагменты лепной средневековой, круговой древнерусской и поздней круговой керамики, а также желтая бусина-лимонка, 2 шиферных пряслица, бронзовая поясная бляшка, 2 бронзовые накладки от сосудов, калачевидное кресало с язычком, 2 глиняных грузила.

Макаров Н. А., А-1981, л. 3–4; Макаров Н. А., А-1984, л. 2.

182. Покровское II (Ильинское), селище. Средневековые — позднее средневековые. Находится на левом берегу р. Кемы, в 0,5 км к юго-западу от д. Покровское. До подъема воды в Кеме здесь стояла д. Ильинская — некогда центр Кемского удельного княжества, упоминаемая в письменных источниках с 1470–1480-х гг. (АСЭИ, 1958, т. II, № 227а). Местность представляет собой плоскую береговую террасу, вытянутую вдоль старицы р. Кемы и возвышающуюся над меженным уровнем воды на 1–2 м, поверхность селища занята лугом. Место снесенной деревни маркируют лишь руины церкви св. Ильи и старое кладбище. Культурный слой зафиксирован на протяжении 370 м вдоль края берега. Домонгольская керамика встречена к северу от церкви, а также у северо-западного и северо-восточного углов церковной ограды. Общая площадь поселения с культурным слоем XI–XIII вв. около 25 000 кв. м, границы распространения этого слоя отмечены на плане. Позднесредневековое поселение имело большие размеры и распространялось далее на югу, на участок к югу от церкви.

Селище было открыто Н. А. Макаровым в 1981 г. и повторно обследовалось в 1984 и 1995 гг., в приречной части заложено 5 шурфов. Культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь мощностью от 20 до 70 см, на большей части памятника он перемешан распашкой. Помимо лепной и круговой средневековой и круговой позднесредневековой керамики, в шурфах обнаружены бронзовые пластины от котлов и железные предметы. В одном из шурфов расчищен развал очага с керамикой XII–XIII вв. и зернами культурных злаков — ржи и ячменя.

Макаров Н. А., А-1984, л. 2–3; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 42–46.

183. Никольское VIII, селище. Средневековые — позднее средневековые. Нахо-

дится на левом берегу р. Кемы в 0,5 км к югу от д. Никольское на береговой террасе, возвышающейся над меженным уровнем воды на 1-1,5 м. Вытянуто вдоль берега на 115 м, площадь памятника около 2800 кв. м. Селище открыто в 1984 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1995 г. В шурфе на краю террасы зафиксирован распаханый культурный слой мощностью до 1 м. Слой содержит средневековую лепную керамику, отдельные фрагменты круговой средневековой и позднесредневековую керамику. В распашке найден средневековый клинок ножа и позднесредневековый крест-тельник.

Макаров Н. А., А-1984, л. 3-4.

184. **Никольское VI**, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Кемы в 1,5 км к юго-западу от д. Никольское. Местность представляет собой плоскую занятую лугом террасу высотой 1,5-2 м, полого повышающуюся к северо-востоку, на некоторых участках заметны следы построек д. Вознесенская, снесенной в 1964 г. Культурный слой и подъемный материал зафиксированы на протяжении 300 м вдоль берега, площадь селища около 20 000 кв. м. Селище открыто Н. А. Макаровым в 1981 г., при повторном обследовании памятника в 1995 г. произведен зонированный сбор подъемного материала и заложены 2 шурфа.

В обнажениях берега собраны многочисленные фрагменты позднесредневековой круговой керамики и средневековой лепной керамики и уступающие им по численности фрагменты круговой древнерусской, а также кремневое орудие. В шурфах зафиксирован серый гумусированный культурный слой мощностью от 20 до 79 см с многочисленными фрагментами позднесредневековой керамики и отдельными фрагментами лепной и круговой средневековой. Культурный слой перемешан распашкой практически на всю глубину, лишь на уровне предматерика зафиксированы мало на-

рушенные отложения с пережеванными печными камнями.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 39-41.

185. **Никольское XIV**, местонахождение. Средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 1,8 км к ЮЗ от д. Никольское между поселениями Никольское V и Никольское VI, расположенными на противоположном берегу реки. Местность представляет собой наклонную береговую террасу, возвышающуюся над водой на 1-4 м. В 1995 г. на береговой отмели найден фрагмент грубой лепной керамики эпохи средневековья. Какие-либо другие находки и выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 42.

186. **Никольское V**, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Кемы в 2,6 км к ЮЗ от д. Никольское, занимает участок береговой террасы высотой 1,5-2 м над уровнем воды, вплотную примыкающий к реке (ранее находившийся на краю старицы). Селище вытянуто вдоль реки на 75 м, площадь его 1500 кв. м. Поверхность памятника занята лугом.

Селище открыто в 1981 г. Н. А. Макаровым, в 1982 г. произведены шурфовка и раскопки на площади около 120 кв. м, повторные обследования производились в 1992 и 1995 гг. и сопровождалась промывкой культурного слоя для отбора зерен культурных злаков. Мощность культурного слоя колеблется от 0,25 до 1 м, состав слоя — темно-серая гумусированная супесь, насыщенная углями и пережеванными очажными камнями. В раскопе расчищены остатки 5 очагов, принадлежавших наземным жилищам подквадратной формы. Свыше 90% всей керамики составляют фрагменты лепных сосудов, встречена также древнерусская раннегончарная керамика и отдельные фрагменты красноглиняной булгарской. Среди находок 9 желез-

ных ножей, 2 железных шила, 2 железные иглы, железное калачевидное кресало, железный топор, железное ботало, железный рыболовный крючок, обломок железной косы, фрагмент односторонней костяной расчески, 2 шиферных пряслица, 6 оселков, 3 глиняных диска от вертикального ткацкого станка. Сравнительно многочисленны стеклянные бусы (25 экз.): одинарные и многочастные желтые и синие лимонки, глазчатые, рубленый бисер. В культурном слое найдены также: бронзовый стержень (заготовка браслета — ?), бронзовая пластина от котла (?), бронзовая привеска-лапка, фрагмент плетеного бронзового браслета, серебряный амулет в виде кольца с надетыми на него стерженьками и железный молоточек Тора. В промывках обнаружены зерна ржи, ячменя, пшеницы, овса, гороха, льна.

Макаров Н. А., 1988, с. 71–72; Макаров Н. А., А-1982, л. 70–86; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 38.

187. Никольское VII, селище. Средневековые. Находится на правом берегу р. Кемы в 2,8 км к ЮЗ от д. Никольское, на мысу при впадении безымянного ручья в старицу реки, удалено от селища Никольское V на 40 м к западу. Располагается на небольшом повышении береговой террасы на расстоянии 15 м от берега ручья и 20 м — от разлива р. Кемы. Площадь селища около 600 м. Памятник открыт в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторные обследования производились в 1992 и 1995 гг. В 1980-х гг. поверхность селища распаивалась, в настоящее время площадка его находится под лугом.

Среди подъемного материала, собранного в распахке, железный нож, 3 неопределимых железных предмета, бронзовая оковка сосуда, многочисленные фрагменты круговой древнерусской керамики и отдельные фрагменты лепной.

Макаров Н. А., А-1982, л. 86; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 10.

188. Никольское XII (Болтинская), поселение. Ранний железный век — средневековые — позднее средневековые. Находится в 3 км к ЮЮЗ от д. Никольское, располагается на ровном участке берега, частично занятом лугом, частично поросшем кустарником и возвышающемся над меженным уровнем воды в р. Кеме на 0,5–1,5 м. До подъема уровня воды в р. Кеме здесь стояла д. Болтинская. Площадка поселения ограничена с севера каналом («жопанью»), вырытой для спрямления русла Кемы, с юга — болотистой низиной. Памятник открыт Н. А. Макаровым в 1984 г., повторное обследование произведено в 1995 г. На площадке поселения заложен 1 шурф, произведен зонированный сбор подъемного материала.

Судя по распространению подъемного материала, поселение вытянуто вдоль канала и Кемы на 170 м, площадь памятника около 3600 кв. м. Основная масса средневековых находок происходит с относительно компактной центральной части поселения протяженностью около 40 м. В шурфе в прибрежной части поселения зафиксирован перемешанный культурный слой мощностью до 0,25 м. Среди подъемного материала кремневый отщеп, несколько фрагментов лепной гладкостенной керамики эпохи раннего железа, многочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой и круговой позднесредневековой керамики, синяя стеклянная бусина-лимонка.

Н. А. Макаров, А-1984; Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А-1995, л. 36–38.

189. Никольское XIII, селище. Средневековые. Поселение находится в 4 км к ЮЮЗ от д. Никольское на левом берегу реки Кемы и располагается на мысу, ограниченном с севера и с юга разливами реки. Берег возвышается над меженным уровнем воды в реке на 0,5–1 м. Селище открыто в 1995 г. С. Д. Захаровым.

Основная часть памятника поросла лесом и кустарником, свободна от деревьев

лишь северо-восточная часть, где находится небольшая поляна. В плане поселение имеет форму овала, оно вытянуто вдоль реки на 40 м, площадь его около 1000 кв. м. В размывах берега и в воде у основания террасы собраны 80 фрагментов лепной средневековой керамики, 28 фрагментов круговой древнерусской и желтая двойная бусина-лимонка. В обнажениях берега зафиксированы выходы культурного слоя — серой гумусированной супеси.

Н. А. Макаров, С. Д. Захаров, А-1995, л. 35–36.

190. Никольское XI (Матвеевская), селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Кемы, в 4,5 км к юго-западу от д. Никольское, на месте снесенной д. Матвеевская. Местность представляет собой береговую террасу, возвышающуюся над меженным уровнем воды в реке на 1–2 м. Селище открыто в 1984 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1995 г. Культурный слой прослеживается вдоль берега на протяжении 180 м.

В трех шурфах, заложенных на площадке селища, зафиксирован перемешанный культурный слой мощностью до 0,4 м с круговой позднесредневековой керамикой и немногочисленными фрагментами лепной средневековой.

Н. А. Макаров, А-1984, л. 8–9.

191. Никольское III (Болтинская), курганный и грунтовый могильник и поселение. Мезолит — эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 5 км к ЮЗ от д. Никольское. Местность представляет собой поросшую соснами мысовую площадку высотой 2–2,5 м над уровнем воды при впадении в р. Кему небольшой речки Выдробы, превратившейся ныне в залив Кемы. Первое упоминание о памятнике содержится в сводке И. С. Романцева. В 1920-х гг. несколько погребений было разрушено карь-

ером, после чего в 1927 г. М. Е. Арсакова исследовала здесь пять насыпей. При обследовании Н. А. Макарова в 1981 г. зафиксированы 43 целые и разрушенные насыпи. В 1981–1985 гг. Онежско-Сухонской экспедицией раскопано 37 курганов с 50-ю погребениями, рядом с насыпями вскрыта площадь 900 кв. м с 23 грунтовыми могилами.

Большинство захоронений имело западную ориентировку, погребенные были помещены в прямоугольные дощатые гробы, от которых сохранились железные гвозди. Мужские погребения сопровождалось ножами, боевыми и рабочими топорами, керамическими сосудами, поясными пряжками, в одной из могил найден меч. Женские погребения сопровождалось бусами, височными кольцами, привесками к ожерелью, перстнями, браслетами, ножами, керамическими сосудами. Как в тех, так и в других найдены западноевропейские денарии — всего 80 монет. Погребения датируются XI в. В частично переотложенном грунте под насыпями и в ровиках курганов найдены кремневый инвентарь эпохи мезолита — раннего металла, фрагменты сетчатой и гладкостенной и штрихованной лепной керамики эпохи бронзы — раннего железа. Кроме того, под насыпью и в насыпи кургана 28 найдены бронзовый нож и нож-пилка сейминского времени (происходящие, возможно, из разрушенного погребения), а под насыпью курганов 14 и 15 — очажок с лепной гладкостенно-штрихованной керамикой I тыс. до н. э. и 2 погребения по обряду кремации с железными ножами. При обследовании местности в 1995 г. в воде у края современного берега Кемы собраны кальцинированные кости, происходящие из культурного слоя первобытной стоянки или из средневекового могильника.

Голубева А. А., 1969; Ошибкина С. В., 1984, с. 25; Макаров Н. А., 1986, с. 29–30; Макаров Н. А., 1990, с. 146–162.

192. Никольское IV, стоянка. Мезолит. Находится на левом берегу р. Кемы в 5 км к

юго-западу от д. Никольское. Располагается на береговой террасе высотой 1–1,5 м, вплотную примыкает к курганному могильнику Никольское III с юга, часть стоянки уничтожена старым карьером и средневековым могильником. Памятник обнаружен в 1981 г. Н. А. Макаровым, на площадке заложен разведочный шурф.

Культурный слой — светло-серая гумусированная супесь толщиной до 0,35 м — содержит кремневые отщепы и пластины.

Макаров Н. А., А-1981, л. 4.

193. Никольское IX, поселение. Эпоха камня — средневековые. Находится на левом берегу р. Кемы в 5 км к юго-западу от д. Никольское и в 0,2 км к юго-западу от могильника Никольское III. Занимает ровный горизонтальный участок берега, возвышающийся над водой на 0,5–1 м. Поверхность селища поросла кустарником. Площадь поселения около 6000 кв. м. В размывах берега хорошо прослеживаются остатки средневековых построек — два плотных скопления пережженных печных камней. При первом обследовании памятника Онежско-Сухонской экспедицией в 1984 г. на площадке было заложено 6 шурфов, в двух пунктах зачищен культурный слой в обрыве берега. При повторном обследовании в 1995 г. произведен зонированный сбор подъемного материала в размывах берега и сделана еще одна зачистка культурного слоя.

В шурфах и в зачистке зафиксирован серый гумусированный культурный слой с печными камнями толщиной от 10 до 60 см. В одной из зачисток зафиксирован развал очага. В шурфах, помимо лепной и крутовой средневековой керамики, найдены обломок железного ножа и желтая зонная стеклянная бусина.

Среди подъемного материала фрагменты лепной и крутовой средневековой керамики, кремневый скребок, кремневая ножевидная пластина, 9 стеклянных бус (фрагмент мозаичной, желтая рифленая лимонка, об-

ломок желтой одночастной лимонки, желтая двучастная лимонка, черная глазчатая бусина с белыми петлями и обломок подобной бусины, синяя битрапециодная бусина, 2 зонные навитые бусины — желтая и светло-зеленая), фрагмент бронзовой проволоки, обломок бронзового височного кольца, половинка бронзовой пуговицы, дирхем серебряный (Аббасиды, ал-Муттаки, 941–942 гг. н. э., Муххамадия, определение А. А. Молчанова), бронзовая поясная накладка со стилизованным изображением зверя в стиле Борре, крестик из свинцово-оловянистого сплава с клиновидными концами, бронзовый пластинчатый перстень с сомкнутыми концами, бронзовый пластинчатый широкосрединный перстень с рифленным орнаментом, обломок бронзового пластинчатого браслета с растительным орнаментом, бронзовый круглодротовый браслет с заостренными концами (сборы В. К. Митрофанова 1980-х гг.), ушко из свинцово-оловянистого сплава, бронзовая игла (от фибулы — ?), 5 бронзовых пластин (части сосудов ?), 2 обломка роговых гребней, железная острога, железный нож с узким клиновидным лезвием, 3 обломка ножей, 10 неопределимых железных предметов и фрагмент оселка. Основная часть этих находок собрана в развале печных камней на 14-метровом участке берега.

В промывке культурного слоя из зачистки берега найдено несколько зерен ржи и ячменя. Среди остеологических материалов, происходящих из развала очага, кости крупного рогатого скота, мелкого рогатого скота и свиньи.

Макаров Н. А., А-1984, л. 5–8; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 30–33.

194. Никольское X, селище. Средневековые. Находится на правом берегу р. Кемы в 5 км к ЮЮЗ от д. Никольское и в 300 м к западу от поселения Никольское IX на возвышенном участке береговой террасы, где ранее стояла д. Самсоновская, снесенная в 1964 г. Высота берега составляет 0,3–1 м,

поверхность поселения занята лугом. Поселение вытянуто вдоль реки на 250 м, площадь его около 5000 кв. м. Селище открыто в 1984 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование проведено в 1995 г. На памятнике заложены 4 шурфа, зачищен культурный слой в обрыве берега, произведен зонированный сбор подъемного материала.

Мощность культурного слоя — интенсивно-черной гумусированной супеси — составляет 0,2–0,5 см. Наибольшая концентрация подъемного материала отмечена в центральной части селища, где под обрывом берега залегает россыпь печных камней. На поселении найдена лепная и круговая древнерусская керамика, бронзовое височное кольцо, обломок бронзового браслета, литой рубчатый перстень (сборы В. К. Митрофанова 1980-х гг.) железный ключ-лопаточка, 3 железных ножа, 2 неопределимых железных предмета, каменный оселок, кремневый отщеп, многочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой керамики. В промывке культурного слоя из зачистки собраны зерна ржи, пшеницы, ячменя и овса.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 29–30.

195. Новокемский XV, местонахождение. Эпоха камня — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 1 км выше урочища Межгоры, в 3,7 км к северу от пос. Новокемский на месте б. д. Русево. Местность представляет собой плоскую террасу, возвышающуюся над водой на 0,2–0,5 м, поверхность ее занята лугом. До подъема уровня воды в Ковже и Кеме здесь стояла небольшая деревня Русево. В 1995 г. Н. А. Макаровым в размывах берега собраны фрагменты поздней (XVII–XIX вв.) круговой керамики и два кремневых отщепа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 30.

196. Новокемский IX, поселение. Мезолит — раннее железо — позднее средне-

вековье. Находится в 3 км к ССВ от пос. Новокемский в урочище Межгоры. Местность представляет собой три высоких (7–8 м над уровнем воды) и крутых холма (местное название «горы»), первоначально стоявших на левом берегу р. Кемы на невысокой волнистой береговой террасе, позднее отрезанных от берега копанью, прорытой для спрямления русла реки, возможно, по старичье р. Кемы. Первые находки древней керамики здесь были зафиксированы Онежско-Сухонской экспедицией в 1984 г. В 1995 г. был снят инструментальный план памятника и заложены 5 шурфов и разведочная траншея, произведен зонированный сбор подъемного материала на береговой линии.

Поселение занимает почти всю территорию острова между копанью и руслом Кемы, имеющего в плане форму неправильного треугольника. Оно состоит из двух частей, каждая из которых располагается вокруг отдельного холма. Поселение вытянуто с юго-запада на северо-восток почти на 300 м, площадь северной его части 9000 кв. м, площадь южной части — 14000 кв. м, общая площадь превышает 2 га. На вершинах холмов и на их склонах в верхней части культурный слой и керамика практически отсутствуют. Они залегают у их оснований и на пологих площадках береговых террас. В шурфах и обнажениях берега найдены многочисленные фрагменты лепной гладкостенной, сетчатой и штрихованной керамики эпохи железа и не столь обильные фрагменты круговой позднесредневековой керамики, концентрирующиеся, в основном, в северо-западной части поселения, а также кремневые отщепы и пластины и кальцинированные кости.

Мощность культурного слоя колеблется от 15 до 90 см, на некоторых участках слой интенсивно гумусирован и имеет густую темно-серую окраску, однако почти на всей территории поселения культурный слой перемешан распашкой на всю глуби-

ну. Остается неясным, где располагалась центральная часть поселения. Наиболее насыщенный находками культурный слой залегает на северо-восточном склоне южного холма, но этот слой в значительной степени переотложен, не исключено, что значительная его часть сползла с вершины южного холма, где в настоящее время культурные напластования отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 24–29.

197. Новокемский X (Межгоры II), поселение. Раннее железо — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 3 км к ССВ от пос. Новокемский в местности Межгоры у подножья холма «Боярская Горка». Выходы культурного слоя зафиксированы в нижней части обрывистого северного склона холма, который интенсивно размывается рекой, делающей здесь крутой поворот на запад. Памятник открыт в 1995 г. С. Д. Захаровым.

Поселение в значительной степени размывто и подтоплено в результате подъема уровня воды. Подъемный материал и печные камни встречались вдоль всего северного склона холма на протяжении 100–120 м, но концентрация его невелика. На поселении собраны фрагменты позднесредневековой круговой керамики и штрихованной и гладкостенной лепной керамики эпохи железа. Основная часть керамики эпохи железа обнаружена у центральной и восточной частей северного склона.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

198. Новокемский XI, поселение. Эпоха камня (?) — средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы, в 2,5 км к северу от пос. Новокемский. Располагается на возвышенном (0,3–0,5 м над уровнем воды) участке берега, ограниченном с запада руслом р. Кемы, а с севера — разливом реки, образовавшимся на месте Межгорского озера. Памятник впервые обследован в 1995 г. Онежско-Су-

хонской экспедицией, на площадке заложены 2 шурфа.

Поверхность селища занята лугом, в некоторых местах она поросла кустарником. Судя по распространению подъемного материала в обнажениях берега и культурного слоя в зондажах, поселение вытянуто вдоль реки на 80 м, в напольную сторону культурный слой распространяется на 40 м, площадь поселения около 3000 кв. м. Наиболее высокая концентрация пережженных печных камней отмечена на восточной оконечности берега на участке длиной 35 м. Мощность культурного слоя — гумусированного суглинка, перемешанного распахивкой, — достигает 30 см. В шурфе и в размывах берега собраны фрагменты лепной средневековой керамики, круговой древнерусской керамики, круговой позднесредневековой керамики и кремневый отщеп.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 22–34.

199. Новокемский XII, поселение. Ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Кемы в 3,5 км к северо-востоку от поселка Новокемский на узком мысу при впадении в Кему небольшого ручья, превратившегося после подъема уровня воды в залив реки. Местность представляет собой плоскую ровную луговину, возвышающуюся над современным уровнем воды в Кеме на 0,3–0,5 м. Поселение впервые выявлено в ходе разведок Онежско-Сухонской экспедиции в 1995 г., произведен зонированный сбор подъемного материала.

Поселение вытянуто с юго-запада на северо-восток вдоль Кемы на 180 м, площадь его около 3600 кв. м. В размывах берега зафиксированы выходы культурного слоя — серого гумусированного суглинка — и собран подъемный материал — фрагменты лепной гладкостенной и штрихованной керамики эпохи железа, лепной и круговой древнерусской керамики, сероглиняной и белоглиняной круговой позднесредневеко-

вой керамики, кремневый наконечник стрелы, кремневые скребки и отщепы, железное кольцо.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 21–22.

200. Новокемский XVII, местонахождение. Ранний железный век — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 2,5 км к северо-востоку от пос. Новокемский. Впервые зафиксировано Онежско-Сухонской экспедицией в 1995 г. Местность представляет собой низкую луговину, переходящую в болото. В воде у края берега на участке длиной 5–7 м собраны несколько фрагментов сильно окатанной лепной керамики эпохи раннего железа и более многочисленные фрагменты круговой позднесредневековой. Очевидно, материал происходит из культурного слоя подтопленного поселения.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 22.

201. Новокемский VII (Великое Село), селище. Позднее средневековье. Селище находится на левом берегу р. Кемы в 2 км к ССВ от пос. Новокемский на месте бывшей д. Великое Село. Памятник открыт Н. А. Макаровым в 1985 г., повторное обследование произведено в 1995 г.

Селище занимает наиболее возвышенный участок левого берега Кемы со следами старых построек к северу от залива р. Кемы, разделяющего на две части место бывшей деревни, и часть небольшого острова, отрезанного от основного берега копанью. Подъемный материал зафиксирован в размывах берега на протяжении 110 м. На отмелях и в воде у края береговой террасы залегает обильный подъемный материал XIX — начала XX в. (битый кирпич, пережженные печные камни, обломки фаянсовой посуды и красноглиняной поливной керамики) и немногочисленные фрагменты керамики с профилировкой XV–XVI вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 20–21.

202. Новокемский XIII (Великое Село II), поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. Находится в 2,5 км к северо-востоку от поселка Новокемский на левом берегу р. Кемы. Располагается на плоской береговой террасе с небольшим (0,5–1 м над уровнем воды) возвышением. Памятник впервые обследован в 1995 г. Онежско-Сухонской экспедицией, произведен зонированный сбор подъемного материала, заложен шурф.

До подъема уровня воды здесь находилась южная часть деревни Великое Село, в настоящее время местность представляет собой луг. С севера местность ограничена заливом Кемы (до затопления, очевидно, представлявшим собой впадавший в нее ручей), с запада и юга — одним из протоков Кемы (до затопления представлявшим собой копань, прорытую, очевидно, по старице). Край берега довольно интенсивно размывается. Выходы культурного слоя, пережженные печные камни и подъемный материал зафиксированы в размывах на протяжении 140 м, наиболее высокая их концентрация отмечена на участке длиной 20 м; площадь поселения около 2000 кв. м.

Мощность слабогумусированного перемешанного распашкой культурного слоя достигает 40 см. Среди подъемного материала фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, волосовской керамики с органической примесью, кремневые отщепы, пластины и скребки, фрагменты лепной гладкостенной керамики, лепной средневековой керамики, круговой древнерусской и круговой позднесредневековой. Кроме того, здесь найдены фрагмент бронзового браслета, 2 целых железных ножа и два обломка ножей, калачевидное кресало и 2 креста-тельника.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 19–20.

203. **Новокемский I**, поселение и могильник. Эпоха камня (?) — ранний железный век (?) — позднее средневековье. Находится на территории пос. Новокемский в северо-западной его части, в районе улиц Набережной, Чумакова и Паршина. Местность представляет собой край коренного берега р. Кемы, возвышающийся над уровнем поймы реки на 4–5 м. По словам местных жителей, до 1964 г. местность была покрыта сосновым лесом. Памятник впервые зафиксирован Н. А. Макаровым в 1981 г., повторное обследование произведено в 1995 и 1997 гг.

При земляных работах, производившихся на этом участке в 1960–80-х гг., обнаружены безынвентарные инвентарии. При осмотре обнажений в 1997 г. собраны кости человека, кремневый скребок и 2 отщепы. Возможно, с этим же памятником связана еще одна случайная находка из поселка Новокемский — средневековый лепной сосуд.

Макаров Н. А., А-1981, л. 5–6; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

204. **Новокемский II**, селище. Средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 1,5 км к юго-западу от пос. Новокемский. Занимает участок небольшого возвышения, на котором располагаются складские помещения и нефтебаза Кемского сплавного рейда. Первоначальный облик местности сильно искажен: при сооружении нефтебазы углублено русло реки, грунт из отвалов земснаряда использован для подсыпки площадки под нефтебазой, берег укреплен конструкциями из бревен. Площадь селища около 2000 кв. м. Памятник открыт в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1995 г.

В размывах берега зафиксированы выходы культурного слоя — темно-серой гумусированной супеси с пережеванными печными камнями. Среди подъемного материала лепная и круговая средневековая керамика, железные ножи, 2 железных на-

конечника стрел, железный стержень с отверстием для кольца, бронзовая монетовидная подвеска.

Макаров Н. А., А-1981, л. 6; Макаров Н. А., 1988, с. 72; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

205. **Новокемский IV**, стоянка. Неолит. Находится на правом берегу р. Кемы в 3 км к юго-западу от пос. Новокемский, в 0,4 км к западу от пассажирской пристани поселка Новокемский. Занимает участок берега, возвышающийся над современным уровнем воды в р. Кеме на 0,5–1 м, известный как место старого пильного завода. Поросшая лесом площадка, вытянутая с севера на юг на 75 м, ограничена с севера — руслом безымянного ручья, с юга — заболоченной низиной. Памятник открыт в 1981 г. Н. А. Макаровым.

В размывах берега собран подъемный материал — ямочно-гребенчатая керамика и кремневые орудия.

Макаров Н. А., А-1981, л. 6.

206. **Новокемский XVIII**, поселение. Эпоха железа (?) — средневековье. Находится на левом берегу Кемы в 2,5 км к юго-западу от пос. Новокемский под пассажирской пристанью. Местность представляет собой участок берега, возвышающийся над современным уровнем воды на 0,1–0,3 м, засыпанный отвалом земснаряда мощностью до 1 м. С востока этот участок ограничен заболоченными разливами р. Кемы, с юга — заливом реки (до сооружения Волго-Балта — небольшой речкой, впадавшей в Кему слева). Под пристанью берег целиком перекрыт подсыпкой из шлака. Памятник открыт в 1997 г. Н. А. Макаровым, произведен зонированный сбор подъемного материала.

В размывах берега на уровне воды и ниже его на протяжении 130 м зафиксированы выходы культурного слоя — темно-серого гумусированного суглинка с пережеванными печными камнями, костями животных и керамикой. Наиболее высокая концентрация печных

каменной отмечена в южной части поселения в 10 м от места впадения речки. Среди подъемного материала многочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой керамики, стеклянная желтая зонная бусина, фрагмент гладкостенной керамики эпохи железа (?) и кремневый отщеп, переженные камни и фрагменты средневековой круговой керамики собраны в 150 м к северу от причала, однако культурный слой здесь не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

207. Новокемский III (Конево), селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кемы в 4 км к югу от пос. Новокемский на месте снесенной д. Конево. Местность представляет собой небольшую (до 0,5 м над уровнем воды) возвышенность, окруженную заболоченной низиной и разливами реки. Селище открыто Н. А. Макаровым в 1981 г., повторные обследования в 1986 и 1995 гг. провести не удалось из-за высокого уровня воды.

Подъемный материал зафиксирован на береговой отмели на протяжении 75 м. Среди находок древнерусская круговая керамика и сероглиняная круговая керамика XIV–XVII вв., пряслице из серого шифера, двусторонний роговой гребень и биллоновый шитковый перстень.

Макаров Н. А., А-1981, л. 6.

208. Новокемский VI, поселение. Неолит — ранний железный век — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Ковжи в 12 км к югу от пос. Новокемский и в полутора километрах к западу от Ковжской Никольской церкви. Очевидно, поселение располагалось первоначально на правом берегу небольшой речки, правого притока Ковжи, после затопления превратившейся в залив. Местность представляет собой ровный луг, возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,3–0,5 м, вдоль края берега растет кустарник, в 50–70 м к западу от берега начинается болото. Край

берега довольно сильно изрезан и размывается Волго-Балтом. Поселение открыто в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1995 г. Судя по распространению подъемного материала, поселение вытянуто вдоль края берега на 250 м, площадь его около 7500 кв. м.

В размывах берега прослежены выходы культурного слоя — серого гумусированного суглинка — и собран подъемный материал — ямочно-гребенчатая керамика эпохи неолита, сетчатая, лепная гладкостенная и штрихованная керамика раннего железного века, позднесредневековая круговая керамика и кремневый инвентарь — отщепы, наконечник стрелы, комбинированное орудие.

Макаров Н. А., А-1981, л. 7–8; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995.

209. Новокемский XIV, местонахождение. Неолит — ранний железный век. Находится на противоположном, восточном, берегу того же залива в 200 м к востоку от поселения Новокемский VI и в 12 км к югу от пос. Новокемский. Открыто в 1995 г. С. Д. Захаровым. На берегу среди песчаных наносов найдены 8 фрагментов позднесредневековой круговой керамики, 3 кремневых отщепа и 3 фрагмента гладкостенной лепной керамики. Выходы культурного слоя в размывах берега не выявлены.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 18.

210. Новокемский V (Устье Ковжи), поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на острове при впадении р. Ковжи в Белое озеро, в 10 км к ЮЮВ от пос. Новокемский. До сооружения Волго-Балта местность представляла собой возвышенный участок правого берега р. Ковжи, на котором стояла одноименная деревня с приходской церковью. В настоящее время местность представляет собой кочковатый болотистый луг, заросший высокой травой и возвышающийся над водой на 0,1–0,7 м.

Лишь на участке к западу от церкви длиной около 100 м берег возвышается над водой на 1,0–1,5 м, здесь залегает отвал земснаряда, поднявшего грунт со дна Ковжи при углублении ее русла.

Поселение впервые выявлено в 1981 г., повторное обследование, произведенное в 1995 г., сопровождалось зонированным сбором подъемного материала. Подъемный материал зафиксирован на северо-западном, северном и северо-восточном берегу острова на протяжении примерно километра. Береговая линия сильно изрезана. Пережженные очажные камни и керамика залегают на отмелях и на мелководье у края берега. При этом на западной половине поселения (к западу от церкви) почти вся поверхность берега покрыта печными камнями, битым кирпичом и фрагментами позднесредневековой сероглиняной крутовой и красноглиняной поливной керамики, на восточной половине поселения концентрация печных камней и поздней керамики значительно ниже, здесь многочисленны кремневые отщепы и орудия, неолитическая ямочно-гребенчатая керамика (собрано свыше 330 фр.), сетчатая (60 фрагментов), штрихованная (65 фрагментов) и гладкостенная (110 фрагментов) керамика эпохи железа. Немногочисленные средневековые материалы: фрагменты лепной и крутовой керамики, фрагмент крученого стеклянного браслета, фрагмент бронзового височного кольца (?) — концентрируются на северо-восточной оконечности острова на участке протяженностью около 150 м.

Макаров Н. А., 1988, с. 73; Макаров Н. А., А-1981, л. 7; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 14–17.

211. Новокемский XVI, местонахождение. Неолит — позднее средневековье. Находится в 10,5 км к ЮЮВ от пос. Новокемский на юго-западном берегу острова Ковжа. Впервые зафиксировано в 1995 г. Н. А. Макаровым. Местность представляет

собой поросшую высокой травой и кустами низину высотой 0,1–0,3 м над меженным уровнем воды, с широкой песчаной отмелью на берегу. Очевидно, до затопления эта часть острова представляла собой часть берега озера. На отмели собраны 2 фрагмента позднесредневековой крутовой керамики, 1 фрагмент ямочно-гребенчатой и 1 кремневый отщеп.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995, л. 17.

212. Орлово, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находилось на северо-западном берегу Белого озера в 4 км к юго-востоку от д. Берег, на месте д. Орлово, снесенной при сооружении Волго-Балта. В настоящее время памятник затоплен. В 1949 г. местность была обследована Л. А. Голубевой, зафиксированной лишь позднесредневековые напластования с остатками деревянных сооружений. В 1953 г. в ходе разведок В. В. Гарновского здесь найдено сланцевое долото и кремневый скребок. В 1961–62 гг. череповецким краеведом А. А. Алексеевой в размывах берега собрана коллекция из 80 предметов: фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической и позднесредневековой крутовой керамики, фрагмент лепной керамики эпохи железа или средневековья, несколько железных предметов, два роговых гребня и шиферное пряслице. Коллекция хранится в ЧКМ (ЧКМ, колл. №№ 3823, 3947).

Гарновский В. В., А-1953, л. 5; Ошибкина С. В., 1978, с. 49.

213. Берег, селище. Позднее средневековье. Находится на восточной окраине д. Берег на краю коренной террасы Белого озера, возвышающейся над уровнем пойменного луга на 2,5 м. Поверхность селища занята огородами. Селище выявлено в 1981 г. Н. А. Макаровым. При осмотре распаханной поверхности на площади около 2500 кв. м. зафиксированы выходы серой гу-

мусированной супеси и собраны немногочисленные фрагменты круговой поздне-средневековой керамики.

Макаров Н. А., А-1981, л. 7–8.

214. Усть-Водоба I, стоянка. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век. Расположена на левом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,17 км ниже значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. На протяжении около 150 метров ниже по течению от указанной точки и на удалении до 20 метров от берега собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Памятник обнаружен и обследован А. В. Суворовым в 1997 г.

Стоянка занимает площадку высотой 1,5–1,7 м, имеющую уклон как к реке, так и в сторону озера, поросшую кустарником и порослью лиственного леса, частью занятую лугом с кочкарником. Часть территории некогда распахивалась. В обнажениях культурного слоя и кротовинах собран подъемный материал — фрагменты ямочно-гребенчатой, гребенчатой, ромбоямочной керамики эпохи неолита, сетчатой и сетчато-штрихованной керамики эпохи бронзы и раннего железного века, кремневые сколы и осколки, зубы животных.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

215. Усть-Водоба II, стоянка. Ранний железный век. Расположена на левом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,45 км выше по течению значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Открыта А. В. Суворовым в 1997 г., при обследовании заложен шурф.

Памятник занимает площадку высотой 1,5–1,6 м, имеющую уклон к реке, занятую лугом с кочкарником, ограниченную с севера глубокой ложбиной. Территория памятника некогда распахивалась, на ней находится охотничья изба. На протяжении около 40 м вдоль берега реки и на удале-

нии до 20 м от него собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Культурный слой в виде сухой светлой серо-коричневой супеси имеет мощность до 0,25 м. Инвентарь включает в себя кремневые сколы и фрагменты штрихованной и гладкой керамики раннего железного века, орнаментированной отпечатками зубчатого и гладкого штампов, ямочными вдавлениями неправильных форм.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

216. Усть-Водоба III, стоянка. Неолит — ранний железный век. Расположена на левом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,13 км выше по течению значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Открыта А. В. Суворовым в 1997 г., при обследовании заложен шурф.

Памятник занимает площадку высотой до 1,6 м, занятую лугом с кочкарником. На протяжении около 15 м вдоль берега реки и на удалении до 5 м от него собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Культурный слой в виде влажного насыщенного органикой серо-коричневого суглинка имеет мощность до 0,25 м, верхние 0,15 м являются отложениями на месте избы XIX–XX вв. Инвентарь включает в себя кремневые скребок, сколы и фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики и штрихованной керамики раннего железного века.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

217. Усть-Водоба IV, стоянка. Неолит — ранний железный век. Расположена на правом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, против значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Обследована А. В. Суворовым в 1997 г. Вероятно, на этой стоянке (стоянка «Водоба») в 1927 г. вела раскопки М. Е. Арсакова, но утверждать это с уверенностью невозможно.

Памятник занимает площадку высотой 1,5–1,7 м, несколько понижающуюся в сторону озера, ограниченную с севера ложбиной. Северная часть памятника занята разделенными канавами тремя полями, заросшими кочкарником и ивой, а южная — смешанным лесом. На протяжении около 210 м вдоль берега реки и на удалении до 20 м от него собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Выявленный в обнажениях культурный слой в виде темно-серой супеси с отдельными угольками имеет мощность до 0,32 м, верхние 0,15–0,2 м распаханы на большей части памятника. Собранный на памятнике подъемный материал включает в себя кремневые скребки и сколы, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики и сетчато-штрихованной керамики раннего железного века, мелкие фрагменты неопределимой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

218. Усть-Водоба V, стоянка. Неолит — ранний железный век. Расположена на правом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,2 км ниже значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Обследована А. В. Суворовым в 1997 г.

Памятник занимает площадку высотой до 1,6 м, покрытую кочкарником, высоко-травной растительностью и порослью ивы. На протяжении около 55 м вдоль берега реки и на удалении до 30 м от него в кротовинах собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Выявленный в обнажениях культурный слой в виде влажной темно-серой супеси с отдельными угольками имеет мощность до 0,3 м, верхние 0,15 м которого распаханы (?) на большей части памятника. Подъемный материал включает в себя кремневый скол и фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики (в т. ч. ромбоямочной), сетчато-штрихованной керамики раннего железно-

го века, мелкие фрагменты неопределимой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

219. Усть-Водоба VI, стоянка. Неолит — ранний железный век — раннее средневековье (?) — позднее средневековье. Расположена на правом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,4 км ниже значительного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Обследована А. В. Суворовым в 1997 г. Вероятно, на этом памятнике в 1955 г. вела раскопки И. К. Цветкова («стоянка Водоба II»), но утверждать это с уверенностью невозможно.

Памятник занимает площадку высотой до 1,5 м, удаленную от современного берега Водобы на 10 м. Площадка представляет собой покрытое кочкарником окаменевшее небольшое поле, поросшее по краю березой и ивой. На протяжении около 50 м вдоль берега реки и на удалении до 20 м от него в кротовинах собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Выявленный в обнажениях культурный слой в виде влажной темно-серой супеси с отдельными угольками имеет мощность до 0,33 м, верхние 0,2 м которого распаханы. Подъемный материал включает кремневые сверло и сколы, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой и штрихованной керамики раннего железного века, мелкие фрагменты неопределимой керамики, а также позднесредневековую крутовую керамику и очажные камни. Очевидно, с этого поселения происходит литая бронзовая зооморфная фигурка — возможно, часть бляхи прикамского типа второй половины I тыс. н. э.

Цветкова И. К., 1961; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

220. Усть-Водоба VII, стоянка. Неолит. Расположена на правом берегу р. Водоба в ее приустьевой части, в 0,6 км ниже значи-

тельного залива левого берега Водобы, в месте впадения ручья. Обследована А. В. Суворовым в 1997 г.

Памятник занимает сильно увлажненную площадку высотой до 1,2 м, покрытую кочкарником, высокотравной растительностью, порослью ивы и лиственного леса. На протяжении около 15 м вдоль берега реки на удалении около 10 м от него в кротовинах собран подъемный материал и встречены выходы культурного слоя. Выявленный в обнажениях культурный слой в виде сырой темно-серой супеси с отдельными угольками имеет незначительную мощность и залегает на глубине до 0,4 м. Культурный слой поврежден распашкой и перекрыт гумусированными отложениями, быстро накапливающимися после подтопления площадки. Подъемный материал включает кремневые сколы и фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, мелкие фрагменты неопределимой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

221. Тарасьевская, поселение. Неолит — средневековье. Находится на северном берегу Белого озера в 1 км к югу от д. Тарасьевская. Памятник открыт В. В. Гарновским, обнаружившим здесь полированное каменное орудие, упомянут в каталоге М. Е. Фосс по материалам обследований В. В. Гарновского, в 1977 г. обследован С. В. Ошибкиной. Местность представляет собой участок низкого (высотой до 1 м) берега Белого озера в устье небольшого ручья. В обнажениях берега собрана неолитическая ямочно-гребенчатая керамика. Очевидно, из этого же пункта происходят 2 шиферных пряслища из сборов А. А. Алексеевой, хранящиеся в Череповецком музее.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, № 256; Ошибкина С. В., паспорт на памятник археологии стоянка Тарасьевская, Архив Сектора археологических сводов и карт ИА РАН; ЧКМ, колл. № 2370/211–218, 4354/19.

222. Монастырское, поселение. Неолит (?) — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Киснемки в восточной части современной д. Монастырская. Располагается на краю высокого (11 м) берегового вала, полого понижающегося к югу от отметки 2 м над уровнем воды в озере. Вытянуто вдоль Киснемки с севера на юг на 250 м, площадь селища около 24000 кв. м. Наиболее мощный и насыщенный древними культурными остатками слой зафиксирован в восточной части селища ближе к р. Киснемке. Селище открыто Н. А. Макаровым в 1982 г., повторное обследование 1992 г. сопровождалось закладкой трех шурфов и зонированным сбором подъемного материала.

В составе подъемного материала обломки крученой бронзовой гривны, многочисленные фрагменты лепной и крутовой средневековой керамики, отдельные фрагменты крутовой белоглиняной и чернолощенной. В шурфах зафиксирован гумусированный слой мощностью до 50 см, в верхней части распаханный, в нижней — насыщенный пережеванными камнями. Помимо древнерусской лепной и крутовой керамики и костей, в одном из шурфов найден фрагмент ямочно-гребенчатой керамики, в другом — бронзовый крест-тельник.

Макаров Н. А., А-1982, л. 2; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 11–13.

223. Троицкое VIII, поселение. Неолит — средневековье. Находится на северном берегу Белого озера, в 150 м к югу от с. Троицкое, в устье р. Киснемки. Местность представляет собой край береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды на 0,5–1 м, к северу он переходит в подболоченную пойму. При обследовании местности в 1992 г. С. Д. Захаровым собрано 8 фрагментов лепной средневековой керамики. Материал найден в размывах берега на протяжении 60 м. Культурный слой не выявлен. Вероятно, из этого же пункта происходит валикообразный топор (на-

ходка у д. Сидоровская), упомянутый в сводке М. Е. Фосс.

Фосс М. Е., 1952, с. 260; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 22.

224. Троицкое VI (Киснема), селище. Средневековье. Находится на левой стороне р. Киснемки, на территории с. Троицкое, в южной его части. Располагается на береговой террасе Белого озера, занимает гребень террасы и часть склона, спускающегося к югу, на высоте от 6 до 13 м над уровнем воды в озере. Вытянуто вдоль берега с запада на восток на 500 м, площадь селища около 80 000 кв. м. На поселении располагаются современные жилые постройки с. Троицкое, значительная часть селища занята огородами. Памятник открыт С. З. Черновым, повторное обследование производилось в 1992 и 1997 гг. Онежско-Сухонской экспедицией. На поселении дважды производился зонированный сбор подъемного материала и заложено 8 шурфов.

Среди подъемного материала представлены многочисленные фрагменты лепной средневековой керамики, фрагменты круговой сероглиняной древнерусской керамики и отдельные обломки круговой белоглиняной. Наибольшая концентрация материала отмечена на западном участке поселения вблизи р. Киснемки и на центральном участке. Культурный слой представляет собой темно-серую гумусированную супесь с печными камнями мощностью от 20 до 50 см. Помимо лепной и круговой древнерусской керамики, в шурфах найдены 2 обломка стеклянного браслета, бронзовая пластина от котла, неопределимый железный предмет и 2 железных ножа. В обнажениях дороги в западной части селища и в двух шурфах зафиксированы развалы очагов. В промывке культурного слоя из очага в шурфе 6 обнаружены зерна ржи и ячменя.

Чернов С. З., А-1983, л. 1–10; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 14–19.

225. Троицкое VII (Рыбный Двор), селище. Позднее средневековье. Находится на северном берегу Белого озера к югу от д. Троицкое, в 100 м к югу от Троицкой церкви. Местность представляет собой участок низкой береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды в озере на 1 м. Край террасы размывается озером. Селище открыто в 1983 г. С. З. Черновым, повторные обследования производились в 1992 г. С. Д. Захаровым и в 1997 г. Н. А. Макаровым.

В обнажениях берега собраны фрагменты позднесредневековой круговой керамики, а также каменная пуля, бронзовое кольцо, железная пряжка и несколько неопределимых бронзовых и железных предметов. Подъемный материал зафиксирован на протяжении 260 м вдоль берега озера. Культурный слой не выявлен, очевидно, он полностью размыт.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 22.

226. Троицкое I, могильник. Средневековье. Находится в северной части с. Троицкое на моренном всхолмлении, вытянутом в направлении запад — восток и составлявшем наиболее возвышенный участок на коренной террасе берега Белого озера. В настоящее время почти вся возвышенность скрыта карьером и сnivelирована при строительстве жилых домов. Первое погребение в карьере зафиксировано в 1947 г. череповецким краеведом А. А. Алексеевой. Раскопки могильника велись в 1949 г. Л. А. Голубевой, в 1955 г. — И. К. Цветковой, в 1959 г. — Н. В. Тухтиной, исследовано в общей сложности 10 погребений по обряду ингумации с инвентарем с украшениями и бытовыми вещами XI–XIII вв.

Голубева Л. А., 1961, с. 201–215; Макаров Н. А., 1990, с. 162–163.

227. Троицкое II–III, поселение. Нео-лит (?) — средневековье — позднее средне-

вековье. Находится на северном берегу Белого озера в 90 м к востоку от с. Троицкое. Располагается на гребне и на склоне береговой террасы на высоте от 4 до 12 м над меженным уровнем воды в Белом озере. Поверхность поселения частично занята огородами, частично находится под лугом, в 1980-х гг. вся она интенсивно распахивалась. Поселение вытянуто с запада на восток на 300 м, площадь его около 30 000 кв. м. Памятник открыт Н. А. Макаровым в 1982 г., повторное обследование в 1992 г. сопровождалось закладкой 4-х шурфов и зонированным сбором подъемного материала.

Среди подъемного материала лепная и круговая средневековая керамика, каменное рыболовное грузило, 4 шиферных пряслица, железный нож, стеклянная зонная бусина. В шурфах зафиксирован гумусированный культурный слой мощностью от 15–20 см (на гребне террасы) до 110 см (у основания террасы). Слой практически полностью переотложен в результате распахки. В шурфах, помимо многочисленных фрагментов лепной и круговой средневековой керамики, найдены фрагменты сероглиняной позднесредневековой керамики, отдельные фрагменты круговой белоглиняной, фрагмент ямочно-гребенчатой керамики и кремневый отщеп.

Макаров Н. А., А-1982, л. 2–3; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 19–22.

228. Троицкое IV, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на северном берегу Белого озера в 0,3 км к востоку от д. Троицкое, в 150 м к востоку от поселения Троицкое II–III. Располагается на коренной террасе озера на высоте 11–13 м над меженным уровнем воды, с востока площадка селища ограничена глубоким оврагом. Поверхность селища занята частично лугом, частично огородами. Площадь памятника около 10 500 кв. м. Селище открыто в 1983 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование 1997 г. сопровождалось зониро-

ванным сбором подъемного материала и закладкой двух шурфов.

Культурный слой мощностью до 40 см представляет собой темно-серую интенсивно гумусированную супесь с пережеженными печными камнями, наибольшая интенсивность его зафиксирована в северной части площадки, имеющей небольшой уклон к северу. На большей части поселения слой сильно разрушен распахкой. В шурфе, заложенным у основания террасы, зафиксирован сползший вниз переотложенный слабогумусированный слой мощностью до 90 см. В распахке и в шурфах собраны многочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой керамики (в том числе венчики с характерной профилировкой XII–XIII вв.), отдельные фрагменты позднесредневековой керамики и шиферное пряслице.

Макаров Н. А., А-1983, л. 12; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

229. Троицкое V — Коптево II, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на северном берегу Белого озера в 0,5 км к востоку от д. Троицкое и в 0,3 км к западу от д. Коптево. От селища Троицкое IV селище Троицкое V — Коптево II удалено на 110 м к востоку. Располагается на участке коренной террасы высотой 11–13 м, ограниченном с запада и с востока двумя оврагами. Поверхность террасы занята в настоящее время лугом, но имеет следы недавней распахки. Площадь памятника 15500 кв. м. Селище открыто в 1983 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование 1997 г. сопровождалось закладкой 3-х шурфов.

Культурный слой представляет собой распаханную серую гумусированную супесь толщиной до 40 см, в одном из шурфов выявлен край материковой ямы с очагом из пережеженных камней. Наибольшая насыщенность слоя керамикой и печными камнями отмечена в северной части селища, в

глубине террасы, на южном склоне слой почти полностью выпахан. В шурфах и немногочисленных обнажениях собраны фрагменты лепной и круговой древнерусской керамики (в том числе с профилировкой XII–XIII вв.) и отдельные фрагменты поздней круговой.

Макаров Н. А., А-1983, л. 12–13; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

230. Коптево I, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на северном берегу Белого озера в 0,2 км к западу от д. Коптево и в 70 м к востоку от селища Троицкое V — Коптево II. Располагается на коренной террасе озера, прорезанной глубоким оврагом, на высоте 10–11 м над меженным уровнем воды. Имеет в плане овальную форму, вытянуто вдоль оврага, площадь селища около 4000 кв. м. Поверхность занята лугом, но имеет следы недавней распашки. Селище открыто в 1983 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование 1997 г. сопровождалось закладкой 2-х шурфов.

Культурный слой представляет собой распаханную серую гумусированную супесь толщиной до 40 см. Наибольшая насыщенность слоя керамикой и печными камнями отмечена на мысу между оврагом и обращенным к югу краем террасы. В шурфах найдены фрагменты лепной средневековой керамики и более многочисленные фрагменты круговой древнерусской и позднесредневековой керамики. Некоторые фрагменты имеют характерную профилировку XII–XIII вв.

Макаров Н. А., А-1983, л. 12–13; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

231. Киуй I, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Киуй в 0,3 км к юго-западу от д. Киуй. Местность представляет собой ровную луговину со следами старой распашки на высоте 0,5–1 м над современным уровнем воды в реке. Сели-

ще открыто в 1983 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование 1992 г. сопровождалось шурфовкой.

Культурный слой представляет собой переотложенную распашкой гумусированную супесь толщиной 0,15 см, перекрывающую погребенный подзолистый слой со следами подтоплений. Культурный слой прослежен вдоль берега на протяжении 40 м, площадь селища около 800 кв. м. В обнажениях берега и в шурфе встречены немногочисленные фрагменты лепной и круговой средневековой керамики.

Макаров Н. А., А-1983, л. 13; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 23–24.

232. Киуй II, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Киуй, в 75 м к юго-западу от развалин церкви Покрова Богоматери в с. Киуй, вплотную примыкает к д. Киуй с юга. Располагается на береговой террасе, возвышающейся над современным уровнем воды в реке на 1–2 м. Занятая лугом площадка селища с севера ограничена руслом безымянного ручья, впадающего в р. Киуй. Селище открыто в 1992 г. Н. А. Макаровым.

Культурный слой селища, выявленный в обрыве берега, — серая гумусированная супесь толщиной до 40 см, в верхней части потревоженная распашкой. Селище вытянуто вдоль реки на 50 м, площадь его около 1000 кв. м. В размывах берега собраны фрагменты лепной и круговой средневековой керамики, часть которых имеет характерную профилировку XII–XIII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 23–24.

233. Слободка III, местонахождение. Средневековье (?) — позднее средневековье. Правый берег реки Слободки при впадении в Белое озеро. Местность представляет из себя луг, частично поросший кустарником и возвышающийся над уровнем воды на 0,5–1 м. Впервые зафиксировано в 1997 г. Н. А. Макаровым.

Подъемный материал зафиксирован в размывах берега на протяжении 50 м. На отмелях и в воде залегает обильный подъемный материал XIX — начала XX вв. (битый кирпич, пережженные печные камни, обломки фаянсовой посуды и красноглиняной поливной керамики) и немногочисленные окатанные фрагменты крутовой керамики более раннего времени.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

234. Слободка I, поселение. Ранний железный век. Левый берег реки Слободки в 250 м от впадения реки в Белое озеро. В 1940-х гг. обследовалась В. В. Гарновским, упомянуто в сводке М. Е. Фосс. Повторные обследования в 1992 и 1997 гг. производились Онежско-Сухонской экспедицией.

Местность представляет из себя заболоченную низину, поросшую кустарником, возвышающуюся над уровнем воды на 0,3–0,5 м. Подъемный материал концентрируется на участке берега протяженностью около 30 м. Культурный слой отсутствует.

В 1992 г. в размывах берега найден кремневый отщеп, в 1997 г. — кремневые отщепы, скребок, тесло и отдельные фрагменты окатанной гладкостенной керамики раннего железного века.

Фосс М. Е., 1952, с. 253; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

235. Слободка II, местонахождение. Неолит — эпоха раннего металла. Находится в 500 м к востоку от устья реки Слободки на берегу Белого озера. Впервые зафиксировано в 1997 г. И. И. Минаевым. На песчаной отмели найден кремневый скребок. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

236. Новые Вашки (Старые Вашки), поселение. Неолит — ранний железный век — средневековые — позднее средневековые. Находится на северо-восточном бе-

регу Белого озера в 2,5 км к юго-западу от д. Новые Вашки в устье р. Хотинки, на месте д. Старые Вашки, снесенной при создании Волго-Балтийской водной системы. Местность представляет береговую террасу высотой 0,5–1 м, частично занятую лугом, частично перекрытую песком, отложившимся под воздействием прибоа. Первые сборы подъемного материала в этом месте были произведены в 1947 г. А. А. Алексеевой, в 1982 г. памятник был обследован Н. А. Макаровым, повторные обследования 1992 и 1997 гг. сопровождались шурфовкой и зонированным сбором подъемного материала.

Ямочно-гребенчатая неолитическая, сетчатая и гладкостенная лепная керамика эпохи железа, лепная и крутовая средневековая керамика, позднесредневековая сероглиняная керамика и кремневые отщепы встречаются на размытых участках берега и в переложном песке на протяжении 250 м вдоль берега. Часть фрагментов крутовой керамики имеет характерную профилировку XII–XIII вв. Керамика из сборов 1940 — начала 1980-х гг. имеет хорошую сохранность, фрагменты, собранные в 1990-х гг., сильно окатаны. В шурфах, заложенных в 35–50 м от берега, зафиксированы лишь позднесредневековые отложения с сероглиняной крутовой керамикой.

ЧКМ, колл. № 5502/1-11; Фосс М. Е., 1952, с. 260; Макаров Н. А., А-1982, л. 3; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 24–26.

237. Пиксимова (Катрас), стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Дружинского озера в устье р. Деминки, на левом ее берегу. Местность представляет собой мыс коренной террасы, возвышающийся над водой на 1 м. Поверхность мыса поросла лесом, здесь располагается лодочный сарай рыбаков. Поселение открыто в 1997 г. Н. А. Макаровым, при обследовании заложен шурф.

Площадь стоянки составляет около 1000 кв. м. Культурный слой представляет

собой перемытую серую слабогумусированную супесь толщиной до 20 см, в шурфе найден 1 фрагмент ямочно-гребенчатой керамики, 2 фрагмента неопределимой керамики и 2 кремневых отщепа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

238. Устье Егорьевки, поселение. Эпоха железа — позднее средневековье. Находится в устье р. Егорьевки, впадающей в Дружинское озеро с востока, на правом ее берегу, напротив кладбища, в 0,5 км к северо-востоку от д. Новец. Местность представляет собой береговую террасу высотой 3 м, занятую лугом. Поселение обнаружено в 1980 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1984 г. Площадь поселения около 1000 кв. м. В шурфе выявлен культурный слой — перемешанная распашкой темно-серая супесь толщиной до 0,4 м. В шурфе и в обнажениях собраны фрагменты сетчатой, гладкостенной и штрихованной керамики эпохи железа и позднесредневековой круговой белоглиняной и сероглиняной керамики.

Макаров Н. А., А-1980, л. 10; Макаров Н. А., А-1984, л. 11.

239. Новец, селище. Находится на восточном берегу Дружинского озера в 150 м к югу от д. Новец, на вершине моренного холма высотой 14 м. Открыто в 1980 г. Н. А. Макаровым. В 1980-х гг. поверхность селища распаивалась, в настоящее время она занята лугом. В распашке на площади около 1500 кв. м собраны фрагменты круговой позднесредневековой керамики и выявлены выходы культурного слоя — темно-коричневой гумусированной супеси.

Макаров Н. А., А-1980, л. 11.

240. Первомайский 1, стоянка. Неолит — энеолит — бронза. Памятник расположен на склоне северо-западного берега Унженского озера (максимальная высота берега над уровнем воды — 2,7 м), в 3,8 км

к северо-востоку от пос. Первомайский (Андреевский с/с), в 350 м от устья р. Пушторки. Открыт И. В. Папиным в 1997 г. Культурный слой мощностью до 70 см выявлен в шурфе и зачистках на участке берега протяженностью 185 м. Площадь памятника около 5500 кв. м. Слой содержит керамику: ямочно-гребенчатую, пористую эпохи раннего металла, сетчатую (?); кремневые изделия: орудия на пластинчатых сколах и осколках — скребки, нож, комбинированное орудие; многочисленные отходы кремнеобработки: пластинчатые сколы, корковые сколы, сколы, чешуйки, осколки, нуклеидные осколки. В зачистке обнаружено также сланцевое долотце.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

241. Первомайский 2, стоянка. Неолит (?). Памятник расположен на северо-западном берегу Унженского озера, в 300 м к юго-западу от южного края стоянки Первомайский 1, в 3,5 км к северо-востоку от пос. Первомайский. Открыт И. В. Папиным в 1997 г. Стоянка располагается на песчаном намывом вале высотой около 1 м над уровнем воды и шириной до 10 м. Культурный слой выявлен в размыве берега на протяжении 80 м. Собран подъемный материал: сланцевое долото, фрагмент лезвия топорика; кремневые изделия: нож обоюдоострый листовидной формы, три скребка на сколах, заготовка орудия, осколок нуклеуса; отходы кремнеобработки. В размыве выявлены также остатки очага — очажные камни, углистая прослойка.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

242. Первомайский 3, стоянка. Неолит. Памятник расположен на северо-западном берегу Унженского озера, в 2,8 км к северо-востоку от пос. Первомайский. Открыт И. В. Папиным в 1997 г. Стоянка располагается на низком (высота над уровнем воды — до 0,7 м) береговом вале. Культур-

ный слой выявлен в размывах берега на протяжении 60–65 м. Собран подъемный материал: ямочно-гребенчатая керамика, кремневый наконечник стрелы с усеченным основанием, фрагмент кремневого ножа листовидной формы, отходы кремнеобработки.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

243. Первомайский 4, местонахождение. Неолит. Располагается на большом мысу северо-западного берега Унженского озера (напротив острова в устье р. Шубачихи), в 2,4 км к северо-востоку от пос. Первомайский. Открыто И. В. Папиным в 1997 г. Находится на низком (высотой до 0,9 м над уровнем воды) заболоченном берегу. В размыве берега на протяжении 20 м собран подъемный материал: фрагмент ямочно-гребенчатой керамики, кремневый концевой скребок на сколе, отходы кремнеобработки.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

244. Первомайский 5, местонахождение. Неолит. Располагается на большом мысу северо-западного берега Унженского озера (напротив острова в устье р. Шубачихи), в 2,3 км к северо-востоку от пос. Первомайский. Открыто И. В. Папиным в 1997 г. В размыве берега на протяжении 15 м собран подъемный материал: четыре фрагмента ямочно-гребенчатой керамики (в том числе один венчик), отходы кремнеобработки: нуклеидный осколок, корковый скол, три скола.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

245. Первомайский 6, местонахождение. Неолит — позднее средневековье. Располагается на большом мысу северо-западного берега Унженского озера (напротив острова в устье р. Шубачихи), в 2,1 км к северо-востоку от пос. Первомайский. Откры-

то И. В. Папиным в 1997 г. В размыве берега на протяжении 20 м собран подъемный материал: ямочно-гребенчатая керамика, позднесредневековая круговая керамика; пластинчатый скол с ретушью, отходы кремнеобработки: нуклеидный осколок, корковый скол, чешуйки, сколы. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

246. Первомайский 7, местонахождение. Неолит. Находится на острове, расположенном в устье р. Унжи около северо-западного берега Унженского озера и представляющем собой фрагмент песчаного берегового вала озера высотой до 1 м над уровнем воды. Памятник расположен в 1,4 км к востоку от пос. Первомайский. Открыт И. В. Папиным в 1997 г. В размыве восточного («внешнего») берега острова найдены два обоюдоострых кремневых ножа листовидной формы. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

247. Аншефская 1, местонахождение. Эпоха камня — раннего металла. Находится на восточном берегу Унженского озера, в 2 км к северу от деревни Аншефская. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой берег высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом.

На песчаном мысу протяженностью около 30 м собран подъемный материал: 2 кремневых скребка и крупный кремневый корковый скол.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

248. Аншефская 2, местонахождение. Неолит. Находится на восточном берегу Унженского озера, в 1,8 км к северу от деревни Аншефская. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет

собой берег высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом.

На песчаной отмели протяженностью около 40 м собраны 3 фрагмента ямочно-гребенной керамики, а также отходы кремнеобработки: нуклеидный осколок и 4 скола. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

249. Аншефская 3, местонахождение. Эпоха камня — раннего металла. Находится на восточном берегу Унженского озера, в 1,3 км к северу от деревни Аншефская. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой берег высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом.

На песчаной отмели обнаружена заготовка кремневого орудия. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

250. Аншефская 4, местонахождение. Эпоха камня — раннего металла. Находится на восточном берегу Унженского озера, в 0,7 км к северу от деревни Аншефская. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой берег высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом.

На песчаной отмели протяженностью около 25 м собран кремневый материал — 2 скребка — концевой на корковом сколе и на осколке — и крупный корковый скол. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

251. Аншефская 5, местонахождение. Неолит. Находится на восточном берегу Унженского озера, в 0,4 км к северо-западу от деревни Аншефская. Сведения о находках кремневых орудий и неолитической керамики в этой местности были известны В. В. Гарновскому в 1940-х гг. (стоянка «Ка-

менный мыс»), в 1997 г. местонахождение обследовано И. И. Минаевым.

Местность представляет собой берег высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом. Среди подъемного материала пластинчатый скол со следами использования, 4 кремневых скола и 2 осколка. Культурный слой не обнаружен.

Фосс М. Е., 1952, с. 260; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

252. Аншефская 6, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла. Находится на западном берегу острова в заболоченном устье реки Шубахи при впадении ее в Унженское озеро, в 0,8 км к западу от деревни Аншефская. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой болотистый берег высотой 0,2–0,5 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом с преобладанием березы и осины.

На песчаной отмели протяженностью около 30 м найдены 2 мелких кремневых скола.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

253. Аншефская 7, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла. Находится на южном берегу Унженского озера, в 2 км к западу от деревни Аншефская. Выявлено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой болотистый берег высотой 0,2–0,5 м над уровнем воды, поросший смешанным лесом.

На песчаной отмели протяженностью около 20 метров найдены около 30 кремневых отщепов и кремневый наконечник копья. Выходов культурного слоя не обнаружено.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

254. Аншефская 8, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла. Находится на острове в южной части Унженского озера недалеко от устья р. Шуба-

чихи, в 1 км к западу от деревни Аншефская. Выявлено в 1997 г. И. И. Минаевым. Остров представляет собой песчаную отмель высотой 0,1–0,5 м над уровнем воды, поросшую в центральной части кустарником. Остров вытянут по линии СЗ–ЮВ, его размеры: 50 х 5 м.

По берегам острова был собран подъемный материал: 5 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, 2 кремневых ножа, 2 кремневых скребка и около 30 кремневых сколов и осколков. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

255. Нестерово, поселение. Неолит — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Пушторки, недалеко от истока ее из Пушторского озера на северной окраине д. Нестерово. Вплотную примыкает с севера к приходской церкви Пушторского погоста. Местность представляет собой край береговой террасы, возвышающийся над меженным уровнем воды в реке на 2 м. На поверхности террасы, занятой в настоящее время лугом, хорошо заметны бугры от старого кладбища. Поселение открыто в 1997 г. Н. А. Макаровым, при обследовании заложены два шурфа.

Поселение вытянуто с запада на восток на 85 м, площадь его составляет около 1500 кв. м. В шурфах, заложенных на краю террасы, зафиксирован слой гумусированной серой супеси, в основном, переотложенной, мощностью до 70 см. Слой содержит немногочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремневые отщепы, кальцинированные кости и фрагменты позднесредневековой круговой керамики, обломки костей человека.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

256. Филиппово, поселение. Позднее средневековье. Расположено при устье р. Филипповской на восточном берегу озера, в 1,3 км к юго-западу от д. Филиппово

(Пушторский с/с). Открыто И. В. Папиным в 1997 г. Памятник находится на береговой террасе озера на правой стрелке реки, его протяженность вдоль берега озера — около 50 м. Высота террасы над уровнем воды — 1,2 м. В шурфе и размывах берега найдены фрагменты круговой позднесредневековой керамики и выявлен гумусированный культурный слой мощностью до 0,1 м.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

257. Вьюпинская, стоянка. Неолит — эпоха бронзы. Расположена на правом берегу р. Роксомки, на восточной окраине д. Вьюшино, в 20 м выше моста. Площадка памятника высотой около 1,5 м ограничена с востока заторфованным древним заливом реки. Поверхность площадки распахивалась, в настоящее время занята лугом и огородами. Открыта В. В. Гарновским в 1941 г., сбор материала проводился им неоднократно. Исследования раскопками проводили И. К. Цветкова в 1956–57 гг., С. В. Ошибкина в 1971 г. В 1997 году обследована Н. А. Макаровым и А. В. Суворовым. На протяжении около 30 м вдоль берега и на расстоянии до 40 м от него в кротовинах и разрушениях выявлен культурный слой в виде влажной темной серо-коричневой супеси мощностью до 0,35 м, поврежденной пахотой. Собраны фрагменты ямочно-гребенчатой и гребенчатой неолитической керамики, мелкие фрагменты неопределимой лепной керамики, кремневые скребки и сколы.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, № 262; сборы В. В. Гарновского 1943 г.: ЧКМ колл. 1626/33, колл. 1773; Цветкова И. К., 1961, с. 59–63; Ошибкина С. В., 1978, с. 48–49; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

258. Мыс 1, стоянка, могильник. Неолит — позднее средневековье (?). Памятник расположен на берегу Роксомского озера в урочище Роцца, находящемся у крайней западной точки мыса, на котором располо-

жена д. Мыс. С запада территорию памятника ограничивает впадающий в озеро залив Большая Лыва, полностью заторфованный в настоящее время. Памятник открыт в 1955 г. И. К. Цветковой, в 1997 г. обследован А. В. Суворовым.

Подъемный материал неолитического времени собран в размывах берега озера и в воде на протяжении 55 м. Среди находок — фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, кремневые скребки и сколы. При осмотре имеющихся береговых обнажений культурный слой не выявлен.

Фрагменты человеческих костей, относящиеся к позднесредневековому (?) могильнику, обнаружены на удалении 45 м от берега озера на пахоте в месте повреждения распашкой западного края террасы высотой около 4 м. Одно погребение могильника было обнаружено в 1960-е гг. жителем деревни Мыс во время пахоты. Находки человеческих останков в урочище Роща местное население объясняет в связи с преданием о самопогребении жителей деревни в годы «литовского разорения».

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

259. Мыс 2, стоянка. Неолит. Памятник выявлен на берегу Роксомского озера на северо-восточной оконечности мыса, на котором расположена д. Мыс, к северо-востоку от урочища Печищи. С востока территорию памятника ограничивает древний заболоченный и поросший кустарником залив озера. Очевидно, это часть стоянки, открытой и обследованной в 1941 г. В. В. Гарновским и вошедшей в сводку М. Е. Фосс под названием «Роксомской». В 1997 г. памятник был обследован А. В. Суворовым.

Подъемный материал собран в размывах берега озера и в воде на протяжении 80 м — практически на всем свободном от зарослей тростника пространстве берега. Собранный инвентарь включает фрагмен-

ты неолитической ямочно-гребенчатой керамики и кремневые скребки, три нуклеидных осколка, отходы кремнеобработки. При осмотре береговых обнажений культурный слой не выявлен.

Архив ЧКМ, д. 24, л. 110; ЧКМ, колл. 16226/32; Фосс М. Е., 1952, № 263, с. 260; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

260. Мыс 3, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла (?). Расположено в 0,4 км к ЮЮЗ от д. Мыс на правом берегу полностью заболоченного старого русла р. Роксомки в месте ее выхода к заторфованному заливу Роксомского озера Большая Лыва. Открыто А. В. Суворовым в 1997 г. Подъемный материал (сланцевое шлифованное тесло и кремневый скол) был обнаружен в разрушениях почвы в 10 м к востоку от дороги к д. Мыс, в 40 м к северо-востоку от моста через р. Роксомку. Инвентарь, вероятно, связан со стоянкой, существовавшей на берегу полностью заросшего залива Роксомского озера Большая Лыва, по восточному берегу которого проложена дорога к деревне Мыс. В зачистке обнажений выявлен пахотный слой мощностью 0,24–0,26 м в виде светло-коричневой супеси с отдельными угольками и подстилающая его тонкая прослойка светло-серой подзолистой супеси толщиной до 0,01 м. Из слоя пахоты был извлечен кремневый скол. Площадь памятника занята лугом на пахоте, а по краю заросших водоемов — порослью ивы и лиственного леса.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

261. Якунино, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла. Находится на северном берегу Роксомского озера в 200 м к югу от д. Якунино. Местность представляет собой береговую террасу высотой 0,5–1 м, полого повышающуюся к северу. Поверхность террасы частично занята лугом, частично поросла кустарником,

край берега размыт. В 1997 г. Н. А. Макаровым здесь собраны сечение кремневой пластины, 2 скребка и 2 кремневых скола. Культурный слой не выявлен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

262. Семеновская, местонахождение. Эпоха камня — эпоха раннего металла. Находится на северном берегу Роксомского озера в 100 м к югу от д. Семеновская. Местность представляет собой занятую лугом береговую террасу высотой 0,5–1 м, полого повышающуюся к северу. Край берега размыт. В 1997 г. Н. А. Макаровым здесь найдены 2 кремневых отщепы, один из них — с ретушью. Культурный слой не обнаружен.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

263. Парфеново, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла (?). Расположена на восточном берегу Роксомского озера, на северо-западной окраине д. Парфеново, в 30 м к югу от устья р. Гороховки. Открыта в 1997 г. Н. А. Макаровым. Подъемный материал собран на береговой отмели на протяжении 60 м. В зачистке берегового обнажения зафиксирован культурный слой в виде серой золистей супеси мощностью 0,01–0,1 м, поврежденный пахотой и перекрытый поздними напластованиями деревни мощностью до 0,4 м. Площадка памятника имеет значительный уклон к озеру, у берегового обрыва ее высота составляет 1,5 м, на удалении 20 м от него — около 4 м. Подъемный материал представлен кремневыми карандашевидным нуклеусом, ножом на корковом сколе, двумя скребками на сколах, обломком пластины, сколами.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

264. Ильинское, селище. Позднее средневековье. Находится на западном берегу Роксомского озера на восточной окраине д. Ильинское. Располагается на береговой

террасе высотой 1–3 м над меженным уровнем воды в озере, полого повышающейся к западу. Поверхность террасы занята лугом, на отдельных участках дерн снят при расчистке кустов. Селище открыто в 1982 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1997 г.

Культурный слой — темно-серая гумусированная супесь с пережеванными печными камнями — зафиксирован на площади около 2500 кв. м. Шурфовка показала, что мощность культурного слоя достигает 35 см, слой содержит сероглиняную крутовую керамику XV–XVII вв.

Макаров Н. А., А-1982, л. 5; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

265. Вашкозеро I, поселение. Неолит — средневековье. Находится на северном берегу Вашкозера на мысу, глубоко вдающемся в озеро, в 0,3 км к ЮЮЗ от д. Вашкозеро. Местность представляет собой мысовую террасу, возвышающуюся над уровнем воды в озере на 1,5–2 м. Поверхность мыса занята лугом с редкими соснами. Поселение открыто в 1997 г. Н. А. Макаровым, при обследовании на площадке заложены 2 шурфа.

Поселение вытянуто вдоль озера на 50 м, площадь его около 1200 кв. м. В шурфах и обнажениях собраны кремневые отщепы, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой, лепной и круговой (?) средневековой керамики.

Культурный слой представляет собой серую слабогумусированную супесь толщиной до 50 см.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

266. Вашкозеро II, местонахождение. Мезолит. Находится в верховьях р. Боровки на левом ее берегу, в 200 м от истока ее из Вашкозера, в 1,2 км к ЮЗ от д. Вашкозеро. Информация о находках в этой местности кремневых орудий была известна в

1940-х гг. В. В. Гарновскому и помещена в сводку М. Е. Фосс (стоянка Кукоринская). В 1997 г. при осмотре береговой террасы высотой 2–3 м в обнажениях найдены кремневые пластины и отщеп. Поверхность террасы поросла смешанным лесом, но имеет следы старой распашки. В обнажении берега зафиксирован 20-сантиметровый слой слабогумусированного суглинка со следами распашки.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, № 250; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

267. Васюково 1, стоянка. Неолит — энеолит. Находится на северном берегу Булдаковского (Шубачского) озера на оконечности мыса к востоку от истока р. Шубачиха, в урочище Ягодное (Ягодный остров). Открыта В. В. Гарновским в 1940 г. (стоянка Шубачкая; очевидно, этот же объект — и стоянка Ягодный остров). Обследована А. В. Суворовым в 1997 г.

Протяженность стоянки вдоль берега озера — 120 м, ширина — до 20 м. Высота площадки — 1,5–1,7 м, покрыта смешанным лесом. В западной части площадки заметны следы распашки (?). Со стороны озера стоянка размывается водами озера. В 1997 г. произведен зонированный сбор подъёмного материала, зачищены береговые обнажения. Выявлен распаханый (?) сверху культурный слой в виде серой подзолистой супеси, ожелезнённой в нижней части, мощностью 0,26–0,28 м. Собранный на памятнике многочисленный подъёмный материал представлен фрагментами ямочно-гребенчатой керамики (в т. ч. и ромбоямочной), пористой керамики, сланцевыми орудиями, кремневыми орудиями, отходами кремнеобработки.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, №№ 264, 266; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

268. Васюково 2, местонахождение. Эпоха камня. Находится на западном бере-

гу Булдаковского озера в 1,5 км к юго-востоку от деревни Васюково. Обнаружено в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой береговую террасу высотой 1,5–2,5 м над уровнем воды, поросшую смешанным лесом.

В обнажениях берега найден кремневый скол со следами использования. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

269. Конево 1, местонахождение. Эпоха камня. Находится на восточном берегу Булдаковского озера в 1,4 км к юго-западу от деревни Конево. Открыто в 1997 г. И. И. Минаевым. Местность представляет собой площадку высотой 0,5–1,5 м над уровнем воды, поросшую преимущественно хвойным лесом.

На песчаной отмели протяженностью 20 м собран подъёмный материал — 2 кремневых скребка и корковый скол. Выходы культурного слоя отсутствуют.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

270. Муравьево 1, стоянка. Неолит. Находится на западной стороне мыса северного берега озера Мелкого (Осташевского). Открыта в 1997 г. А. В. Суворовым. Площадка памятника имеет высоту 1,5–2 м над уровнем воды, покрыта лиственным лесом. На протяжении 65 м вдоль берега и на удалении до 10 м от него собран подъёмный материал, зачищено береговое обнажение. Выявлен культурный слой в виде сухой серо-коричневой супеси с включениями отдельных угольков мощностью до 0,2 м. Инвентарь включает в себя фрагменты керамики — неолитической ямочно-гребенчатой и орнаментированной близко поставленными оттисками гребенчатого штампа, кремневые скребок, нож, сколы.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

271. **Муравьево 2**, стоянка. Неолит. Находится на мысе юго-западного берега озера Мелкого, в 0,75 км к востоку от деревни Муравьево. Вероятно, эта стоянка фигурирует в материалах В. В. Гарновского и в сводке М. Е. Фосс под именем «Матрешкин остров». В 1997 г. памятник обследован И. И. Минаевым.

Местность представляет собой площадку высотой 0,5–1 м над уровнем воды, поросшую смешанным лесом. Протяженность стоянки вдоль берега около 60 м.

У берега в воде собран подъемный материал: 59 фрагментов ямочно-гребенчатой и гребенчато-ямочной керамики, сечение кремневой пластины, 3 кремневых скола и 1 осколок.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, № 265; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

272. **Колосово**, селище. Позднее средневековье. Селище находится на левом берегу р. Роксомки недалеко от ее устья, в 0,3 км к северо-востоку от д. Колосово. Оно занимает возвышенный участок береговой террасы, полого спускающийся к реке. Памятник открыт в 1982 г. Н. А. Макаровым.

При обследовании террасы после распашки в 1982 г. на поверхности зафиксировано пять пятен культурного слоя подквадратных очертаний площадью от 200 до 400 кв. м. В центре каждого пятна зафиксированы скопления пережоженных очажных камней с сероглиняной крутовой керамикой XVI–XVII вв.

Макаров Н. А., А-1982, л. 5.

273. **Роксомская**, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу Роксомского озера у северо-западной окраины д. Никольская, в месте выхода к берегу озера выступа коренной террасы высотой 4–7 м. Открыта В. В. Гарновским в 1941 г (стоянка Роксома против д. Никольской), в 1955 г. обследована И. К. Цветковой, в 1997 г. — А. В. Суворовым. Площадка памятника покрыта

луговой растительностью, а вдоль озера — порослью ивы. Вдоль склона террасы проходит заросший канал, прорытый для сплава леса от устья р. Илексы до истока р. Роксомки; по отвалу из русла канала проходит тропа к д. Мыс. При осмотре береговых обнажений культурный слой не выявлен. Подъемный материал собран в размывах берега на протяжении 70 м. В числе инвентаря — фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремневые сколы.

Фосс М. Е., 1952, № 263, с. 260, ЧКМ, колл. 1626/32; Цветкова И. К., А-1955, л. 18; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1997.

274. **Унженская**, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу Унженского озера между устьями рек Унжи и Шубахи, в 300 м к западу от устья Шубахи. Информация о находках здесь ямочно-гребенчатой керамики и кремневых орудий собрана в 1940-х гг. В. В. Гарновским, в 1955 г. памятник обследован И. К. Цветковой, собравшей на размытой отмели несколько фрагментов ямочно-гребенчатой керамики. При обследовании Онежско-Сухонской экспедиции в 1997 г. подъемный материал не выявлен.

Фосс М. Е., 1952, № 258, 260, с. 260; Цветкова И. К., А-1955, л. 17.

275. **Кайгово**, могильник. Позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Пушторки, на южной окраине заброшенной в настоящее время д. Кайгово, в 0,3 км к северо-западу от д. Борисово. Местность представляет собой мыс береговой террасы, возвышающийся на 4–5 м над уровнем пойменного луга. На поверхности мыса хорошо заметны следы старых картофельных ям. Поверхность поросла кустарником, на краю мыса растет несколько сосен. Могильник открыт в 1961 г. Н. В. Тухтиной, раскопки производились в 1981 г. Н. А. Макаровым, повторное обследование произведено в 1997 г.

На площадке могильника вскрыта площадь около 16 кв. м и исследовано 7 безынвентарных погребений с западной, юго-западной и южной ориентировкой и руками, лежащими в области таза. Судя по сильной сжатости костяков, они были помещены в колоды. Погребения находились под каменными вымостками, на уровне которых между камнями найдено более 200 фрагментов позднесредневековой круговой и лепной керамики. Фрагменты позднесредневековой лепной керамики найдены также в заполнении могильных ям.

Тухтина Н. В., А-1961, л. 4-6; Макаров Н. А., А-1981, л. 11-16.

276. Кительская, стоянка. Неолит — эпоха бронзы. Находится в устье р. Китлы при впадении ее в р. Ковжу. До подъема воды в р. Ковже местность представляла собой узкий мыс на левом берегу р. Китлы длиной около 100 м, шириной до 30 м и высотой около 1 м над уровнем воды. Памятник открыт в 1952 г. К. К. Морозовым, в 1953 г. обследован В. В. Гарновским, заложившим здесь несколько шурфов, в 1956 г. сборы подъемного материала на стоянке производила А. А. Алексеева. Мощность культурного слоя на стоянке достигала 30 см. Среди подъемного материала фрагменты ямочно-ребенчатой керамики, сетчатой керамики и керамики с ребенчатым орнаментом эпохи бронзы.

Гарновский В. В., А-1953, л. 5-6; ЧКМ колл. № 2463, колл. 2967; Ошибкина С. В., 1978, с. 49.

277. Яглоба I (Сосновый Бор IV), поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — позднее средневековье. Находится в устье р. Яглобы при впадении ее в р. Шолу на правом ее берегу, в 1 км к северу от д. Сосновый Бор. Местность представляет собой песчаную возвышенность высотой 7-8 м над современным уровнем воды, до сооружения Волго-Балтийской системы она была отделена от р. Шолы участком

пойменного луга шириной до 0,7 км. Поселение было открыто в 1948 г. В. В. Гарновским, обследовалось им же в 1949, 1953 и 1954 гг., в 1963 г. обследовалось Р. В. Козыревой, в 1976 г. — Н. В. Тухтиной, в 1989 г. — Н. В. Левиной. В 1965 г. Р. В. Козыревой проведены раскопки на площади 45 кв. м. Центральная часть поселения уничтожена карьером, ныне заброшенным. Раскопками Р. В. Козыревой выявлены стратифицированные культурные напластования мощностью до 90 см с сетчатой и гладкостенной керамикой эпохи бронзы и раннего железного века и кремневым инвентарем. Н. В. Левиной найден фрагмент позднесредневековой круговой керамики.

Гарновский В. В., А-1953, л. 7-12; Козырева Р. В., 1965, с. 72-74; Левина Н. В., А-1989, л. 10-11.

278. Конево (Базегская), поселение. Неолит — энеолит — средневековье. Находится на правом берегу ручья Череменинец, впадающего в р. Базегу, левый приток р. Шолы, в 2,5 км к югу от д. Конево и в 0,5 км к востоку от устья р. Базеги. Расположено на мысу коренного берега, приуроченного к древнему истоку ручья Череменинец из безымянного озера, ныне заболоченного. Занимает юго-восточную часть мыса, обращенную к озеру. Высота площадки от 0,5 до 1,5 м над современным уровнем воды. Поселение открыто в 1952 г. К. К. Морозовым, обследовано в 1953, 1954 гг. В. В. Гарновским, в 1967 и 1976 гг. А. А. Алексеевой, в 1989 г. — Н. В. Левиной. В 1953 г. В. В. Гарновским проведены раскопки на площади 12 кв. м.

Поверхность памятника задернована, поросла смешанным лесом, частично нарушена ямами для добычи песка и грунтовой дорогой д. Конево — д. Тимофеевское. Площадь поселения около 7000 кв. м. Мощность культурного слоя достигает 40 см, слой представляет собой гумусированный рыжий песок. Среди находок из раскопок и сборов представлены многочисленные

фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, кремневые орудия и отщепы, фрагменты пористой волосовской керамики и 1 фрагмент лепной средневековой.

Гарновский В. В., А-1953, л. 13–16; Гарновский В. В., А-1954, л. 3–4; Левина Н. В., А-1989, л. 2–3; ЧКМ, колл. № 2584, колл. № 2465.

279. Zubovo V, местонахождение. Эпоха камня. Находится на правой стороне р. Шолы в 1 км к югу от пос. Zubovo, при впадении в р. Шолу небольшого безымянного ручья. Обнаружено в 1994 г. Н. А. Макаровым. В осыпи берега и в воде у основания берега здесь обнаружены несколько кремневых отщепов и кальцинированная кость. Культурный слой отсутствует.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

280. Zubovo I, поселение. Неолит — ранний железный век. Находится на левой стороне р. Шолы в 4 км к юго-востоку от пос. Zubovo. Располагается на мысу при впадении в Шолу безымянного ручья, превратившегося в настоящее время в разлив реки. Обнаружено в 1994 г. Н. А. Макаровым, обследование сопровождалось закладкой трех шурфов. Местность представляет собой плоскую плотно задернованную луговину со следами старой распашки, возвышающуюся над водой на 0,5 м. Границы памятника определены по распространению подъемного материала в кротовинах на лугу, а также путем шурфовки и закладки зондажей. Поселение вытянуто вдоль р. Шолы на 80 м, площадь его около 2500 кв. м.

В шурфах зафиксирован культурный слой — темно-серая гумусированная супесь со следами старой распашки толщиной до 40 см — и найдены многочисленные фрагменты сетчатой, штрихованной и лепной гладкостенной керамики. В обнажениях найдены единичные фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

281. Zubovo II, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Шолы в 4,1 км к юго-востоку от пос. Zubovo. Площадка селища возвышается на 0,5–1 м над меженным уровнем воды в реке, часть ее затоплена Волго-Балтом. Ее восточная часть занята лугом, западная — поросла кустарником. Селище вытянуто вдоль берега на 75 м, его площадь составляет около 1300 кв. м. С запада селище ограничено небольшой поросшей кустарником ложиной, отделяющей его от поселения Zubovo III. Селище обнаружено в 1994 г. Н. А. Макаровым, при обследовании произведена зачистка культурного слоя в обрыве берега. В зачистке под дерном толщиной 4–8 см зафиксирован слой темно-коричневой супеси с пережженными камнями мощностью до 30 см, подстилаемый 10-сантиметровым слоем белого подзола — погребенной почвы. В зачистке обнаружены 2 фрагмента средневековой лепной керамики. В обнажениях берега собраны 69 фрагментов грубой лепной керамики эпохи средневековья, 2 фрагмента средневековой керамики, которые, возможно, изготовлены с применением круга. Кроме того, обнаружено несколько фрагментов позднесредневековой лепной керамики, использовавшейся при производстве дегтя.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

282. Zubovo III, поселение. Эпоха бронзы — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Шолы в 4 км к юго-востоку от пос. Zubovo и 50 м к западу от селища Zubovo II. Частично поросшая кустарником и лесом площадка поселения возвышается на 1 м над меженным уровнем воды в реке. Поселение вытянуто вдоль берега на 40 м, его площадь составляет около 500 кв. м. С запада поселение ограничено заболоченной низиной. Поселение открыто в 1994 г. С. Д. Захаровым, при обследовании в центральной части его заложен шурф 1 x 1 м. В шурфе под дерном толщиной до 10 см залегал слой се-

рой супеси мощностью до 28 см. Ниже выявлена прослойка серой супеси с многочисленными угольками и прослойками интенсивно гумусированного песка толщиной до 6 см. Ее подстилал подзол белого цвета толщиной до 6 см — погребенная почва. В шурфе найдены 8 фрагментов лепной керамики эпохи бронзы и 11 кремневых отщепов. В обнажениях берега собраны 7 фрагментов неопределимой лепной керамики, кремневый отщеп и многочисленные фрагменты позднесредневековой лепной керамики, использовавшейся при взгонке дегтя.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

283. Zubovo IV (Звоз), поселение. Неолит — энеолит — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Шолы, в 7,5 км к востоку-юго-востоку от пос. Zubovo в местности «Звоз». Открыто В. В. Гарновским, в 1965 г. обследовалось Р. В. Козыревой, в 1994 г. — Н. А. Макаровым. Местность представляет собой возвышенный ровный участок берега, занятый сырым лугом, высота местности над меженным уровнем воды в Шоле около 0,5 м. Несколько десятилетий назад здесь находился кордон лесничества и стояла изба, бревна и валуны от фундамента хорошо заметны в размывах берега.

Поселение вытянуто вдоль берега на 45 м, площадь его около 700 кв. м. В шурфе, заложенном в центральной его части в 10 м к югу от берега, зафиксирован гумусированный пахотный слой мощностью 20–25 см. В обнажениях берега собраны 15 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, 5 фрагментов пористой керамики с гребенчатым орнаментом, близкой волоховской, 2 кремневых отщепов и несколько кальцинированных костей. Большинство находок сконцентрировано в центре поселения, вблизи камней от фундамента лесничества. В фондах ЧКМ хранятся собранные здесь ранее кремневые наконечники стрел, скребки и ножи.

Козырева Р. В., А-1965; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

284. Устье Шолы, местонахождение. Неолит — эпоха раннего металла — средневековье (?). Находится на правом берегу р. Шолы при впадении ее в р. Ковжу. Местность представляет собой участок низкого берега, большую часть времени скрытый под водой. Памятник обнаружен студентом кафедры археологии ВГПУ Митрофановым, передавшим в археологическую лабораторию ВГПУ около 30 кремневых и несколько костяных наконечников стрел и фрагмент миниатюрного сосуда или льячки.

285. Устье, поселение и могильник. Неолит — ранний железный век — средневековье. Находится на северо-западном берегу Ивановского озера, в 0,1 км к западу от истока р. Мегры из озера и в 1 км к юго-западу от д. Устье. Располагается на южной оконечности высокого полого понижающегося к озеру холма, поросшего сосновым лесом. Высота местности над меженным уровнем воды в озере 4–9 м. Местное название урочища «Песочная гора». Площадь памятника 1400 кв. м. Памятник открыт в 1992 г. Н. А. Макаровым, обследование сопровождалось шурфовкой и зачисткой обрыва берега.

В северо-западной части памятника в обрыве берега зафиксировано погребение по обряду кремации — кальцинированные кости человека, льячка и фрагменты грубой лепной керамики, перекрытые слоем слабогумусированного песка. В центральной и восточной части зафиксирован аморфный культурный слой толщиной до 60 см, содержащий ямочно-гребенчатую, сетчатую и штрихованную и гладкостенную лепную керамику, кремневые отщепы, кремневый наконечник стрелы и кальцинированные кости животных. Ямочно-гребенчатая керамика собрана в воде у края берега.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 32–34.

286. **Васютино**, городище. Средневековье. Находится на левом берегу Мегры, на северо-западной окраине д. Васютино. Местность представляет собой высокий холм-останец, вытянутый в направлении запад-восток, возвышающийся над уровнем воды на 21 м. В настоящее время длина холма составляет 130 м, восточная часть его (примерно 70 м) уничтожена карьером. На вершине холма сохранились руины разрушенной церкви и обширное старое кладбище, занимающее всю площадку.

Местность была впервые обследована в 1954 г. В. В. Гарновским, не обнаружившим здесь культурного слоя. В Череповецком краеведческом музее хранится ручка льячки, найденная здесь при случайных земляных работах. В 1981 г. при обследовании Н. А. Макарова на вершине останца выявлен культурный слой со средневековой лепной керамикой. В 1981, 1983 и 1992 гг. на поселении произведена зачистка культурного слоя и заложены 2 шурфа, площадь одного из которых достигала 12 кв. м. Установлено, что культурный слой, испорченный поздним кладбищем, распространен в основном вдоль северного края останца, толщина его колеблется от 0,2 до 0,5 м. Поселение не имело искусственных оборонительных сооружений, но было устроено таким образом, чтобы максимально использовать защитные свойства местности — крутые склоны холма, подступы к которому с юга преграждала река, а с севера — старица. Первоначальная площадь памятника составляла, очевидно, около 6000 кв. м. Культурный слой имеет густую темную окраску и содержит пережеженные печные камни и многочисленные фрагменты грубой лепной и гладкой лепной керамики, а также отдельные фрагменты позднесредневековой круговой керамики. В шурфах и в зачистке найдены также фрагмент тигля и трапециевидная бронзовая привеска.

Гарновский В. В., А-1954, л. 5–6; Макаров Н. А., А-1981; Макаров Н. А., А-1983,

л. 7–9; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992, л. 32.

287. **Мегринский VI**, поселение. Эпоха железа — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Мегры в 0,8 км к востоку-юго-востоку от пос. Мегринский, на мысу при впадении в Мегру безымянного ручья. Поселение открыто в 1994 г. С. Д. Захаровым. Значительная часть поселения затоплена при подъеме воды в р. Мегре. Частично поросшая кустарником площадка поселения возвышается на 0,5–1 м над меженным уровнем воды в реке, плавно понижаясь в сторону устья ручья. Поселение вытянуто вдоль берега на 55 м, его площадь составляет около 500 кв. м. При зачистке обнажения берега в центральной части поселения выявлен культурный слой — слабогумусированный суглинок толщиной до 0,2 м, вероятно, потревоженный распашкой. В обнажениях берега р. Мегры обнаружено довольно большое количество фрагментов лепной керамики, относящейся к эпохе железа: 4 фрагмента сетчатой, 4 — штрихованной, 6 — лепной гладкостенной и 13 неорнаментированных фрагментов стенок с окатанной поверхностью. Кроме того, обнаружена бронзовая копоушка и 3 фрагмента позднесредневековой круговой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

288. **Мегринский VII**, местонахождение. Неолит — эпоха бронзы (?). Находится на правом берегу р. Мегры между поселком Мегринский и Нижним складом, в 1 км к юго-востоку от поселка на мысу при впадении в р. Мегру безымянного ручья, на правом его берегу. Открыто в 1994 г. Н. А. Макаровым. В воде под берегом здесь найдены 2 кремневых отщепа и фрагмент лепной керамики с гребенчатым орнаментом эпохи бронзы или неолита. В обрыве берега зафиксирован 20-сантиметровый серый пахотный слой, не содержащий каких-либо культурных остатков.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

289. Мегринский I, поселение. Неолит — эпоха бронзы — средневековье — позднее средневековье. Находится в 3 км к северо-востоку от поселка Мегринский, в 1,8 км к востоку от Белозерского канала на правом берегу р. Мегры. Располагается на береговой террасе, возвышающейся над меженным уровнем воды в Мегре на 0,4–0,7 м, с востока поселение ограничено впадающим в Мегру безымянным ручьем, с запада — Спасским ручьем. Памятник открыт в 1994 г. Н. А. Макаровым. Местность представляет собой сырой луг с одиноким деревом, до подъема воды в Мегре здесь стояли постройки деревни Шунжебой. На поверхности слабо просматриваются основания построек. В обрыве берега хорошо заметны мощные настилы из бревен неясного назначения.

Поселение, имеющее в плане форму неправильного овала, вытянуто вдоль берега Мегры на 115 м, площадь его около 3500 кв. м. Культурный слой в обнажениях берега представляет собой темно-серую гумусированную супесь с пережженными печными камнями толщиной 0,5–0,6 м. На размытых участках берега залегает сплошной слой печных камней, битого кирпича и позднесредневековой сероглиняной круговой керамики, более ранняя керамика немногочисленна. При обследовании собрано 29 венчиков позднесредневековой круговой керамики, 3 венчика с профилировкой XIII–XIV вв., один из них — белоглиняный, 3 венчика лепной средневековой керамики, 2 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики, 1 фрагмент лепной керамики эпохи бронзы с гребенчатым штампом и 3 фрагмента лепной неопределимой, а также 4 кремневых отщепов.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

290. Мегринский II, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу Мегры, в

3,2 км к востоку от поселка Мегринский, напротив поселения Мегринский I, на месте снесенной в 1964 г. деревни Мегра. Памятник открыт в 1994 г. С. Д. Захаровым, на площадке заложен шурф. Местность представляет собой луг, возвышающийся над меженным уровнем воды в реке на 0,2–0,5 м. Площадка поселения ограничена с запада руслом ручья (местное название — «Попин ручей»), с востока — глубокой канавой, залитой водой. К северу от поселения хорошо заметны следы старой дороги. Поселение вытянуто вдоль реки на 60 м, площадь его около 600 кв. м. В воде под берегом прослеживается сплошная россыпь пережженных печных камней с кусками битого кирпича и многочисленными фрагментами круговой поздней керамики. Собрано 15 венчиков позднесредневековой сероглиняной керамики, 1 фрагмент белоглиняной круговой керамики, 3 фрагмента ямочно-гребенчатой неолитической керамики, 2 кремневых отщепов и 6 фрагментов окатанной грубой керамики, напоминающей лепную средневековую (?).

В шурфе зафиксирован 75-сантиметровый слой серо-коричневого гумусированного суглинка с перегнившей древесиной с многочисленными фрагментами позднесредневековой сероглиняной круговой и чернолощеной керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

291. Мегринский III, поселение. Неолит — позднее средневековье. Находится в 4,6 км к востоку от пос. Мегринский на острове, омываемом с запада — Белозерским обводным каналом, с юга — р. Мегрой, с востока и севера — разливами р. Мегры. До строительства канала и подъема воды при создании Волго-Балтийского водного пути местность представляла собой возвышенный участок левого берега р. Мегры в 0,8 км от устья. В настоящее время высота поверхности острова над меженным уровнем воды составляет 0,3–1 м, часть острова занята лугом,

часть поросла кустарником, в центре — развалины кирпичной постройки XIX в. В плане поселение имеет форму, близкую к треугольнику, площадь его около 150 кв. м. В размывах берега зафиксированы выходы культурного слоя — серой гумусированной супеси. Среди подъемного материала фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики, фрагменты лепной керамики с неопределимой хронологической принадлежностью, фрагмент белоглиняной позднесредневековой керамики и несколько фрагментов круговой сероглиняной.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

292. Мегринский IV, поселение. Неолит — энеолит — средневековье — позднее средневековье. Находится в 5,6 км к востоку от пос. Мегринский, на острове, возвышающемся над современным меженным уровнем воды на 0,2–0,6 м. Остров омывается с юга р. Мегрой, а с востока, севера и запада — разливами Белого озера и Мегры. Западная часть острова представляет собой каменистую отмель, восточная часть задернована и поросла кустарником. Позднесредневековая керамика и печные камни прослеживаются по всей площади острова, таким образом, поселение вытянуто вдоль реки не менее чем на 80 м, площадь его около 1200 м. В размывах хорошо заметны выходы культурного слоя — темно-серой супеси, однако из-за высокого уровня воды шурфовка здесь невозможна. В размывах собран обильный подъемный материал: медная денга 1745 г., стеклянная вставка от перстня, фрагмент костяного гребня, белая фаянсовая бусина, каменный оселок, железный замок, 30 фрагментов круговой сероглиняной позднесредневековой керамики, 1 фрагмент белоглиняной керамики с линейным орнаментом, 7 фрагментов круговой древнерусской керамики, 10 фрагментов лепной средневековой, 1 фрагмент лепной с органической примесью, близкой волосовской, 1 фрагмент

ямочно-гребенчатой неолитической и 4 кремневых отщепа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

293. Мегринский V, местонахождение. Неолит. Находится на восточном берегу Белозерского канала между Мегрой и Чалексой, в 2 км к югу от устья Мегры и в 6 км к юго-востоку от пос. Мегринский. В размывах берега канала собраны 3 фрагмента ямочно-гребенчатой керамики и кремневый отщеп. В обнажении берега канала прослеживается мощный слой торфа, перекрывающий серую материковую глину, однако никаких культурных остатков в этом слое не обнаружено. На берегу Белого озера вблизи этого места подъемный материал отсутствует. Возможно, находка связана с небольшим неолитическим поселением, находившимся на берегу озера и перекрытым отвалом из канала.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

294. Устье Чалексы, местонахождение. Средневековье — позднее средневековье. При обследовании устья р. Чалексы череповецким краеведом А. А. Алексеевой в 1948 г. собран фрагмент опиленного рога, а в 1958 г. — позднесредневековые бронзовые пуговицы, стеклянные бусы и фрагмент круговой древнерусской керамики. При обследовании этого пункта Онежско-Сухонской экспедицией в 1994 г. культурный слой и древние находки не выявлены.

ЧКМ, колл. № 3363.

294а. Устье Чалексы — Костобалка, местонахождение. Неолит — ранний железный век — средневековье. При обследовании берега Белого озера между устьем Чалексы и Костобалкой в устье ручья череповецким краеведом А. А. Алексеевой в 1958 и 1959 гг. собраны 2 скребка, несколько фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, 1 фрагмент сетчатой и 1 фрагмент круговой древнерусской с линейно-волнистым орнаментом. Точно локализовать ме-

сто находки по итогам обследования берега Белого озера в 1994 г. не удалось.

ЧКМ, колл. №№ 3329, 3409.

295. Артюшино I (Кустово I), поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — позднее средневековье. Находится в 7,5 км к северу от д. Артюшино, к западу от ныне замытого устья р. Кустовки и 150 м к северо-западу от церкви заброшенного села Кустова. Располагается на береговом валу, возвышающемся над меженным уровнем воды в озере на 0,5–0,7 м. Памятник выявлен и обследован в 1993 г. С. Д. Захаровым. Большая часть поселения размыта, дерновый покров отсутствует, культурный слой частично переотложен. Поселение вытянуто вдоль берега озера на 460 м, его примерная площадь — 11000 кв. м. На поселении собраны 10 кремневых отщепов, 2 из них с ретушью, 3 пластины, 3 скребка, 2 комбинированных орудия, скобель, обломок наконечника копья. Керамический материал измельчен и сильно окатан прибоем, что затрудняет его определение. Преобладает позднесредневековая сероглиняная круговая керамика, кроме того, найдены 3 фрагмента сильно окатанной керамики, относящейся, вероятно, к эпохе бронзы — раннего железного века.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

296. Артюшино II (Кустово II), поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — позднее средневековье. Находится на правом берегу ныне замытого устья р. Кустовки, в 7,5 км к северо-востоку от д. Артюшино и в 85 м к северо-северо-востоку от церкви бывшего с. Кустова. Занимает береговой вал, возвышающийся на 0,5–0,7 м над меженным уровнем воды в озере. Памятник открыт и обследован в 1993 г. С. Д. Захаровым. Большая часть поселения размыта, дерновый покров здесь отсутствует, лишь его южная часть находится под лугом. Культурный слой частично переотложен. Границы определены по распространению подъемного материала. Поселение вытяну-

то вдоль берега озера на 115 м, его площадь составляет около 2300 кв. м. На поселении собраны 3 кремневые пластины и 2 отщепа. Керамический материал сильно окатан, большую часть его составляют фрагменты позднесредневековой сероглиняной керамики. 3 фрагмента относятся, вероятно, к эпохе бронзы — раннего железного века.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

297. Артюшино III (Кустово III), поселение. Каменный век — эпоха бронзы — средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Кустовки в 7,3 км к северо-северо-востоку от д. Артюшино, 0,2 км к югу от берега Белого озера и 0,15 км к юго-западу от церкви бывшего с. Кустова. Памятник открыт в 1993 г. С. Д. Захаровым, при обследовании заложен шурф. Поселение располагается на возвышенном участке береговой террасы высотой 0,5–1 м над меженным уровнем воды в реке. Поверхность памятника занята лугом. Поселение частично подтоплено разливом р. Кустовки, культурный слой поврежден распашкой, а в наиболее возвышенной части перекрыт отложениями с. Кустова. Селище вытянуто вдоль речки на 85 м, его примерная площадь составляет 6000 кв. м В шурфе зафиксирована темно-коричневая супесь с пережеванными камнями и угольками мощностью до 20 см, представляющая собой перепаханный культурный слой. Найдены 2 фрагмента позднесредневековой сероглиняной круговой керамики, 4 фрагмента стенок, один из которых орнаментирован зубчатым колесиком, 2 фрагмента венчиков средневековой круговой сероглиняной керамики и кремневый отщеп. Отдельные фрагменты средневековой круговой керамики собраны также в кротовинах. Основная часть материала может быть предварительно датирована в пределах XII–XIII вв.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

298. Нижняя Мондома I, селище. Средневековье — позднее средневековье. Нахо-

дится на левом берегу реки Мондомы в 0,3 км от места впадения ее в Белое озеро и в 0,3 км севернее места пересечения ее Белозерским обводным каналом, в 0,5 км севернее поселка Нижняя Мондома. Распологается на ровном участке береговой террасы, возвышающемся над меженным уровнем воды на 0,5–1 м. Памятник выявлен и обследован в 1993 г. Н. А. Макаровым. Поверхность селища занята лугом, некоторые участки возделываются под огороды. Селище вытянуто вдоль реки на 60 м, площадь его 1500 кв. м. Наибольшая концентрация подъемного материала и печных камней отмечена в северной части памятника на участке около 100 кв. м. Здесь встречено несколько фрагментов крутовой древнерусской керамики с характерной профилировкой XII–XIII вв. На остальной площади собрана лишь позднесредневековая крутая и неопределимая керамика.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

299. **Нижняя Мондома II**, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век. Находится на правом берегу р. Мондомы, в месте впадения ее в Белое озеро, в 1,1 км к северо-востоку от поселка Нижняя Мондома. Обнаружено и обследовано в 1993 г. С. Д. Захаровым. Поселение занимает низкую лишенную дерна песчаную прибрежную полосу высотой до 0,5 м над меженным уровнем воды в озере. На его западной части находятся вытянутые вдоль берега реки отвалы грунта, образовавшиеся при расчистке русла реки. Памятник вытянут вдоль берега озера на 130 м, площадь его составляет примерно 4500 кв. м. На поселении собраны несколько кремневых отщепов, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита и лепной гладкостенной и сетчатой керамики эпохи бронзы — раннего железного века. В 110 м к югу от памятника в небольшом заливе правого берега р. Мондомы собрано несколько фрагментов сетчатой керамики, относящейся к эпохе раннего железа.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

300. **Куность I**, поселение. Неолит — эпоха бронзы — ранний железный век — позднее средневековье. Находится на мысу, образованном правым берегом р. Куности и берегом Белого озера, в 0,5 км к северу от д. Куность. Памятник открыт и обследован в 1993 г. С. Д. Захаровым. Местность представляет собой лишенную дерна песчаную прибрежную полосу высотой до 0,5 м над меженным уровнем воды в озере. В центральной части поселения располагается насыпь высотой до 2,5 м, представляющая собой отвал землеройного снаряда, углублявшего русло реки. В насыпи зафиксированы остатки переотложенного культурного слоя темно-коричневого цвета. Судя по распространению подъемного материала, поселение вытянуто вдоль реки и берега озера на 200 м, примерная площадь его 4000 кв. м. На поселении собраны кремневые отщепы, фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой, штрихованной и лепной гладкостенной керамики эпохи бронзы — раннего железа, а также крутовой позднесредневековой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

301. **Куность II**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье (??) — позднее средневековье. Находится на левом берегу Куности при впадении ее в Белое озеро, в 0,5 км к северу от д. Куность. Располагается на мысу, возвышающемся над меженным уровнем воды на 0,3–0,7 м. Памятник открыт в 1993 г. Н. А. Макаровым. Большая часть поселения размыта, дерновый покров отсутствует, более удаленная от озера южная часть находится под лугом. Подъемный материал встречен на берегу озера на протяжении 100 м, на берегу р. Куности на протяжении 40 м, площадь поселения составляет около 2500 кв. м. В обнажениях собраны 2 кремневых отщепа, 10 фрагментов ямочно-гребенчатой керамики, 3 фрагмента сетчатой керамики,

1 фрагмент гладкостенной керамики эпохи железа, 1 фрагмент круговой древнерусской с линейным орнаментом (?), 4 фрагмента лепной грубой керамики эпохи железа или средневековья, 18 фрагментов круговой поздней и 19 фрагментов неопределимой керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

302. Куность III, поселение. Эпоха раннего железа — позднее средневековье. Находится в 0,2 км к западу от устья р. Куности на южном берегу Белого озера, на расстоянии 0,6 км к северо-западу от д. Куность. Памятник открыт и обследован в 1993 г. С. Д. Захаровым. Располагается на береговом валу, возвышающемся над меженным уровнем воды в озере на 0,3–0,6 м. Большая часть поселения размыта, дерновый покров отсутствует, более удаленная от озера южная часть находится под лугом. Поселение вытянуто вдоль озера на 180 м, площадь его около 3500 кв. м. На береговых отмелях собраны 16 кремневых отщепов, 3 фрагмента сетчатой керамики, 3 фрагмента лепной штрихованной эпохи железа, 16 фрагментов поздней круговой и 6 неопределимых фрагментов.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

303. Куность IV, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Куности, в 0,05 км севернее места пересечения ее Белозерским каналом, в 0,3 км к северу от д. Куность. Памятник обнаружен и обследован в 1993 г. Н. А. Макаровым, заложен шурф. Располагается на возвышенном участке береговой террасы, высотой 0,5–1,0 м над меженным уровнем воды. Поверхность селища занята лугом, на котором заметны следы старой распахки и ямы от каких-то производственных построек. Поселение вытянуто вдоль реки на 90 м, площадь его около 1800 кв. м. В шурфе зафиксирован переотложенный культурный слой — серая гумусированная супесь с пережженными камнями толщиной до 25 см,

более темная в нижней части, перекрывающая прослойку погребенного дерна — серой золистой супесью толщиной до 8 см. В северо-западном углу шурфа зафиксирована яма глубиной 30 см, заполненная гумусированной супесью с пережженными печными камнями. В шурфе найдены 7 фрагментов поздней круговой керамики, 11 фрагментов древнерусской круговой керамики и 3 фрагмента лепной. Несколько фрагментов древнерусской круговой керамики собрано в обнажениях на поверхности селища.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

304. Куность V, поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век — средневековье. Находится на левом берегу р. Куности, в 0,8 км к югу от места впадения ее в Белое озеро и в 0,2 км к северо-востоку от д. Куность. Памятник обнаружен в 1993 г. Н. А. Макаровым. Поселение располагается на возвышенном участке берега, ограниченном с юга руслом безымянного ручья, впадающего в р. Куность. Местность возвышается над меженным уровнем воды в реке на 1–1,5 м, поверхность поселения занята лугом. Площадь памятника, судя по распространению подъемного материала, около 1500 кв. м. Культурный слой — серая гумусированная супесь — залегает под слоем насыпного грунта мощностью 0,5–1,2 м. Наиболее крупные фрагменты керамики — 2 фрагмента лепной гладкостенной эпохи бронзы — раннего железа и 2 фрагмента лепной керамики эпохи средневековья с характерным для Белоозера гребенчатым орнаментом — подняты со дна реки возле берега.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993.

305. Мазкса I, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Мазксы при впадении ее в Белое озеро, в 0,3 км к северу от пос. Мазкса. Памятник открыт в 1993 г. Н. А. Макаровым,

при обследовании 1994 г. на площадке заложено 8 шурфов. Местность представляет собой низкий заболоченный луг, на берегу Белого озера — открытая песчаная отмель. Высота местности над меженным уровнем воды в озере 0,5–0,8 м. Поселение вытянуто вдоль берега Белого озера к западу от затянутого песком устья Мазксы на 400 м, а вдоль берега реки — от озера до основания дамбы Белозерского обводного канала — на 360 м. Общая площадь его около 42000 кв. м. Среди подъемного материала фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики и кремневые отщепы, фрагменты сетчатой керамики эпохи раннего железа, фрагменты лепной и круговой средневековой керамики, фрагменты позднесредневековой круговой керамики. Средневековая керамика преобладает. В шурфах, 7 из которых были заложены на восточном и юго-восточном участках поселения, прилегающих к реке, выявлен серый или коричневый гумусированный культурный слой с печными камнями толщиной 30–40 см, на отдельных участках до 50 см. Практически во всех шурфах слой перемешан старой распашкой. В шурфах собрано значительное количество круговой древнерусской и позднесредневековой круговой керамики, найдены также фрагменты лепной гладкостенной керамики эпохи раннего железа, лепной средневековой керамики, ямочно-гребенчатой неолитической керамики и кремневые отщепы.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993;
Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

306. **Мазкса II**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу реки Мазксы при впадении ее в Белое озеро, в 0,3 км к северу от пос. Мазкса. Поселение открыто в 1993 г. С. Д. Захаровым, обследование 1994 г. сопровождалось закладкой 8 шурфов размером 1 x 1 м. Местность представляет собой низкий, частично заболоченный луг, возвышающийся

над меженным уровнем воды на 0,5–0,8 м. На самом берегу дерновый покров отсутствует, береговой вал сформирован из переложенного песка. Вдоль берега Белого озера подъемный материал распространяется на 680 м, вдоль берега реки — от озера до домика смотрителя Белозерского канала — на 360 м, площадь поселения около 110 000 кв. м. На размытом берегу озера собраны фрагменты лепной и круговой керамики X–XIII вв., ямочно-гребенчатой керамики и кремневые отщепы. В размывах берега реки Мазксы собрано 13 фрагментов круговой древнерусской керамики и 1 фрагмент лепной, наибольшая концентрация материала отмечена у моста рядом с домиком смотрителя канала. Мощность культурного слоя в обрыве берега у дома смотрителя канала — 20–40 см, слой представляет собой темно-серую супесь с пережженными очажными камнями.

При сборе подъемного материала в 1994 г. берег озера был разбит на 4 участка длиной по 170 м, нумерация участков — с запада на восток. На участке 1 собраны 2 фрагмента лепной средневековой керамики и 1 фрагмент круговой поздней. На участке 2 собраны: 1 фрагмент средневековой лепной керамики, 1 фрагмент круговой поздней, шиферное пряслище, бронзовый крест-тельник, 2 серебряные (?) монеты-чешуйки, медная монета 1899 г. и бронзовый крест-тельник. На участке 3 собраны: 2 фрагмента круговой древнерусской керамики, 2 фрагмента лепной средневековой керамики, крест-тельник, 2 бронзовых перстня, неопределимая медная монета и фрагмент металлической оправы с ушком. На участке 4 найдены 2 фрагмента лепной средневековой керамики, 1 фрагмент круговой средневековой и 1 фрагмент поздней круговой сероглиняной. На одном из отрезков берега на участке 4 на отмели зафиксированы выходы серого гумусированного песка и бревна от размытых срубов. Этот пункт обозначен как строение 1. Здесь найдены 2 железных ножа, обломок железной вил-

ки, железная лодочная скоба, обломок железной шпору (?), железный предмет, 2 медные дверные петли и 3 неопределимых бронзовых предмета. Высокая концентрация находок отмечена рядом с бревнами и валунами от основания постройки и в другом пункте (строение 2). Здесь собраны: обломок железного серпа, железный ключ, 3 железных ножа, личина замка, крест-тельник, монета 1799 г.

На поселении заложено 8 шурфов — 2 в центральной части и 6 в западной и юго-западной частях, прилегающих к реке, все они, кроме шурфа 6, имели размеры 1 х 1 м. В шурфах зафиксирован серый и коричневый гумусированный слой с печными камнями толщиной от 30–40 до 60 см. Слой содержит многочисленные фрагменты позднесредневековой круговой керамики и лепной и круговой средневековой керамики, а также фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, штрихованной и гладкостенной лепной керамики эпохи железа, кремневые отщепы, кальцинированные и сырые кости. Кроме того, в шурфе 3 найдены железный нож и каменное тесло, а в шурфе 6 — железный светец, железный пробой и бронзовая пуговица. Почти во всех шурфах слой перемешан распашкой, борозды от распашки прослеживаются на материке. Участки с ненарушенным интенсивно гумусированным культурным слоем зафиксированы в шурфах 3, 4 и 5.

На размытых участках поселения в западной его части белозерскими коллекционерами Г. Алексеевым и М. Столяровым собраны 6 обломков и обрезанных частей дирхемов, 4 обломка и обрезанных частей денариев, каменный крест-тельник, 2 бронзовых бубенчика, перстень, сделанный из половинки пластинчатого браслета с растительным орнаментом, 3 шиферных пряслица, поясная накладка с личиной, 2 железных ножа, 2 наконечника стрел и фрагмент железной остроги. В составе сборов Онежско-Сухонской экспедиции 1997 г. железный наконечник стрелы, железная пласти-

на, бронзовая подвеска-конек смоленского типа, 17 мелких обломков предметов из свинцово-оловянистых сплавов, 20 бронзовых пластин, мелкое бронзовое колечко, 8 мелких обломков серебряных украшений или монет, 2 обломка дирхемов, обломок денария, рязанская деньга Василия III 1505–1533 гг., медное тверское пуло конца XV–XVI вв., деньга Ивана IV 1533–1584 гг. и копейка Михаила Федоровича 1613–1645 гг., фрагмент черной зонной бусины с белым петлевидным инкрустированным орнаментом.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993; Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994; Макаров Н. А., Захаров С. Д., Зайцева И. Е., А-1998.

307. Белозерский Порт, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековые — позднее средневековые. Находится на северо-западной окраине г. Белозерска, на территории порта и на участке между обводным каналом и озером к западу от порта. Поселение открыто в 1970-х гг. белозерскими краеведами, передавшими в БИКМ значительное количество фрагментов сетчатой и гладкостенной лепной керамики и кремневых орудий, а также несколько фрагментов лепной средневековой керамики. В 1998 г. памятник был обследован Н. А. Макаровым и С. Д. Захаровым. Установлено, что подъемный материал, среди которого фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, сетчатой керамики эпохи бронзы (?), сетчатой, штрихованной и гладкостенной лепной керамики эпохи раннего железа, лепной и круговой древнерусской и круговой позднесредневековой керамики и кремневые отщепы, залегает на протяжении примерно 1300 м вдоль берега озера. Местность представляет собой край береговой террасы высотой от 0,5 до 1 м над уровнем воды, сложенный из переотложенного песка, в восточной части раздернованный, в западной — поросший кустарником. Большая часть вос-

точной половины поселения покрыта старыми барками, помещенными сюда для укрепления берега. Участки с непотревоженным культурным слоем не выявлены. В сборах преобладает средневековая лепная керамика (91 фрагмент), круговая древнерусская керамика (25 фрагментов), ямочно-гребенчатая керамика (23 фрагмента). Наиболее высокая концентрация средневековой керамики отмечена на трех участках: в восточной части территории порта, на западной части поселения, примерно в 500 м от старых барок, помещенных здесь для укрепления берега, вблизи русла небольшого ручья, и в 300–600 м к западу от его устья. Повышенная концентрация неолитической керамики отмечена в восточной части территории порта, сетчатой и лепной гладкостенной — на западном краю поселения к западу от устья ручья.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1998.

308. Белозерский кремль, поселение. Средневековье — позднее средневековье. Белозерский кремль представляет собой земляное городище подчетырехугольной формы с мощным валом, длина которого по периметру составляет около 1200 м, и ровом, сооруженными на выступе вытянутого с востока на юго-запад моренного гребня, возвышающегося над уровнем воды в Белом озере на 30 м. Согласно летописи, земляная крепость была сооружена в 1488 г. Шурфовка и разведочные раскопки на территории кремля проводились в 1989 г. С. А. Шаровым и Е. А. Хворостовой. Помимо позднесредневековых напластований в центральной и западной части кремля, зафиксирован влажный культурный слой XII–XIII вв. с остатками деревянных сооружений. Среди находок древнерусская круговая керамика, шиферные пряслища, стеклянные бусы, двусторонние костяные гребни. Спилы бревен из тына и настилов датированы дендрохронологическим методом 1145, 1166 и 1167 гг. Конструкции, ис-

следованные у восточного фасада Спасо-преображенского собора в раскопе площадью около 40 кв. м, интерпретированы С. А. Шаровым как остатки деревянных укреплений. Домонгольские культурные напластования залегают на участке площадью около 6500 кв. м.

Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 182–188.

309. Верегонец (Новое Село), местонахождение. Эпоха камня. Южный берег Белого озера к востоку от д. Верегонец в 0,3 км к западу от урочища Новое Село, находящегося в месте отхода обводного канала от берега озера. При обследовании местности С. Д. Захаровым в 1994 г. в размывах берега обнаружены кремневая пластина и отщеп (?).

Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994.

310. Маэкса III, селище. Средневековье. Находится на берегу Белого озера в 0,5 км к северо-востоку от поселка Маэкса, в 1,1 км к востоку от устья р. Маэксы и в 400 м к востоку от восточного края селища Маэкса II. Памятник открыт в 1998 г. Н. А. Макаровым, собран подъемный материал. Местность представляет собой участок берегового вала, сложенный из переотложенного песка высотой 0,5–0,8 м над меженным уровнем воды в озере, край берега частично размыт и лишен дернового покрова, частично порос кустарником, площадка понижается по направлению к югу. Поселение вытянуто вдоль озера на 200 м. В обнажениях найдено несколько фрагментов средневековой лепной керамики.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1998.

311. Маэкса IV, поселение. Ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на берегу небольшого залива Белого озера, в 1,4 км к востоку от устья р. Маэксы, у востоку от устья небольшого ручья. Вытянуто вдоль берега озера на 200 м. Обнаружено в 1998 г.

Н. А. Макаровым, при обследовании собран подъемный материал. Местность представляет собой береговой вал из переотложенного песка, возвышающийся над меженным уровнем воды в озере на 0,3–0,5 м, берег порос травой и кустарником, частично подболочен. В обнажениях собраны фрагменты гладкостенной лепной керамики раннего железного века, лепной средневековой и крутовой позднесредневековой.

Макаров Н. А., Захаров С. Д., Суворов А. В., А-1998.

312. Липин Бор VII (Липин Бор), поселение. Эпоха бронзы — ранний железный век. Находится в центре поселка Липин Бор, располагается на левом берегу р. Боровки на высоте около 7 м над уровнем воды. Поселение открыто в 1976 г. С. В. Ошибкиной. Площадка занята строениями. В обрывах и в зачистке собрана небольшая коллекция лепной керамики со штрихованной поверхностью эпохи бронзы или раннего железа.

Ошибкина С. В., А-1976, л. 22.

313. Против устья р. Китлы, местонахождение. Неолит (?). Находится на левом берегу р. Ковжи напротив впадения в нее р. Китлы. В начале 1950 г. на пашне при случайных земляных работах найден сланцевый топор, переданный впоследствии В. В. Гарновскому.

Гарновский В. В., А-1953, л. 6.

314. Яглобойская II — Сосновый Бор II, стоянка. Неолит. Находится в 0,2 км к северу от д. Сосновый Бор, в 1,6 км к югу от пос. Zubovo на левом берегу Костозерского ручья. Открыта в 1948 г. В. В. Гарновским, в 1949, 1953 и 1954 гг. обследовалась В. В. Гарновским, в 1965 г. — Р. В. Козыревой, в 1976 г. — Н. В. Тухтиной, в 1989 г. — Н. В. Левиной. Местность представляет собой мыс при впадении Костозерского ручья в р. Яголбу, возвышающийся над водой на 3 м. Поверхность памятника раздерно-

вана, значительно нарушена располагавшейся здесь ранее нефтебазой и поросла редким сосновым лесом. Стоянка занимала значительную площадь, но в настоящее время культурный слой сохранился на участке площадью около 100 м. Культурный слой содержит неолитическую ямочно-гребенчатую керамику и кремневый инвентарь.

Гарновский В. В., А-1953, л. 7–12; Козырева Р. В., 1965, с. 74–75; Левина Н. В., А-1989, л. 8–9.

315. Яглобойская II — Сосновый Бор III, стоянка. Неолит. Находится на правом берегу Костозерского ручья, в 0,1 км к северу от д. Сосновый Бор, в 1,7 км к югу от пос. Zubovo. Открыта в 1948 г. В. В. Гарновским, обследовалась В. В. Гарновским в 1949, 1953 и 1954 г., Н. В. Тухтиной в 1976 г., Н. В. Левиной в 1989 г. Площадь поселения, по оценкам Р. В. Козыревой, около 4000 кв. м, в настоящее время культурный слой сохранился на участке около 150 кв. м. Раскопками В. В. Гарновского в 1953 г. вскрыта площадь 44 кв. м, раскопками Р. В. Козыревой в 1965 г. — площадь 30 кв. м. В раскопах зафиксированы культурные напластования общей мощностью до 45 см с ямочно-гребенчатой неолитической керамикой и кремневым инвентарем.

Гарновский В. В., А-1953, л. 7–12; Козырева Р. В., 1965, с. 74–75; Левина Н. В., А-1989, л. 8–9.

316. Сосновый Бор I (У Тихвинского Моста), стоянка. Эпоха камня. Находится в 0,15 км к западу от д. Сосновый Бор на левом берегу Максимкова ручья, образующего в месте своего слияния с Костозерским ручьем р. Яголбу. Открыта в 1965 г. Р. В. Козыревой, в 1989 г. обследована Н. В. Левиной. Подтопленные устья ручьев образуют широкий разлив, омывающий стоянку с севера. Площадка поселения возвышается над меженным уровнем воды на 2 м, площадь стоянки около 7000 кв. м. Поверхность поросла лесом, частично нарушена старой до-

рогой от пос. РТС (д. Сосновый Бор) в д. Зубово. В обнажениях собраны кремневые ножевидные пластины и отщепы.

Козырева Р. В., А-1965; Левина Н. В., А-1989, л. 6–7.

317. Сотозеро, местонахождение. Эпоха камня. Находится на восточной стороне Сотозера, у дороги между д. Мишино и д. Подсосенье, в 0,1 км к югу от кладбища. Местность представляет поле в 500 м от берега Сотозера на высоте около 20 м над уровнем воды. При обследовании В. В. Гарновского в 1953 г. найдено 15 кремневых пластин и 2 скребка. При обследовании Н. В. Левиной в 1989 г. культурный слой и находки не зафиксированы.

Гарновский В. В., А-1954, л. 17; Левина Н. В., А-1989, л. 4.

318. Кузнецово, могильник. Позднее средневековье. Находится на западной стороне Сотозера на западной окраине д. Кузнецово. Местность представляет собой небольшой холм высотой около 2 м, примыкающий с юга к болотистой низине — руслу пересохшего ручья, впадавшего в Сотозеро. На вершине холма, где когда-то стояла часовня, заметны следы небольшого карьера и картофельных ям. Первые сведения о находках костей при рытье картофельных ям были получены череповецким краеведом А. А. Алексеевой, в 1976 г. могильник был обследован Н. В. Тухтиной, в 1983 г. — Н. А. Макаровым, заложившим здесь небольшую разведочную траншею. В траншее зафиксированы три безынвентарные погребения в грунтовых ямах глубиной до 110 см. Костяки находились в прямоугольных дощатых гробах, ориентировка западная с небольшим отклонением к югу, кисти руки погребенных находились в области таза. Два погребения принадлежали взрослым, третье — ребенку.

Тухтина Н. В., А-1976, л. 21; Макаров Н. А., А-1983, л. 10–12.

319. Троицкое IX (Киснемская), поселение. Эпоха бронзы (?) — позднее средневековье (?). Находится на северном берегу Белого озера в 600 м к юго-западу от д. Троицкое, в 500 м к западу от устья р. Киснемки. Местность представляет собой низкий луг, возвышающийся над водой на 1 м. Памятник был обследован в 1977 г. С. В. Ошибкиной, по-видимому, эта же стоянка включена в каталог памятников М. Е. Фосс по материалам более ранних обследований В. В. Гарновского. В зачистке С. В. Ошибкиной выявлен гумусированный культурный слой мощностью до 35 см, перекрытый 20-сантиметровым слоем намывного песка и собрана неорнаментированная плоскодонная керамика.

Фосс М. Е., 1952, с. 260; Ошибкина С. В., паспорт на памятник археологии Киснемская, Архив Сектора археологических сводов и карт ИА РАН.

320. Сидоровская, поселение. Эпоха бронзы (?) — позднее средневековье (?). Находится на северном берегу Белого озера в 300 м к югу от д. Сидоровская, на лугу, возвышающемся над уровнем воды на 1 м в устье небольшого ручья. Местность обследовалась В. В. Гарновским в 1940, 1947 и 1956 гг., в размывах берега обнаружен кремневый топор, переданный в Череповецкий музей; на карте археологических памятников Вашкинского р-на, составленной В. В. Гарновским в 1943 г., она отмечена как стоянка Киснемская. В 1978 г. памятник обследован С. В. Ошибкиной, выявившей в зачистке берега гумусированный культурный слой мощностью до 25 см, залегающий под 10–15-сантиметровым слоем дерна. В размывах берега собрана неорнаментированная керамика, кремневые отщепы и кремневый нож.

Фосс М. Е., 1952, с. 260, № 252; Ошибкина С. В., 1978, с. 49; Ошибкина С. В., паспорт на памятник археологии стоянка Сидоровская, Архив Сектора археологических сводов и карт ИА РАН).

3. Каталог археологических памятников бассейна Лозско-Азатского озера, Ворбозомского озера, Андозера и верховьев р. Андоги

321. **Зорино 1**, поселение. Ранний железный век. Находится на левом берегу р. Куности в 150 м к северу от д. Зорино, в 0,5 км к северо-западу от д. Чулково. Занимает часть склона коренного берега реки, возвышаясь над водой до 2–3 м. Приурочено к основанию мыса, образованного ручьем. Поверхность частично распахивается, частично задернована. Размеры поселения приблизительно 20 x 45 м. Поселение открыто в 1989 г. А. П. Ланцевым. При зачистке берега выявлен культурный слой — коричневый гумусированный суглинок мощностью 0,2 м. На поверхности собраны фрагменты стенок лепных неорнаментированных сосудов и кремневые отщепы.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 27.

322. **Зорино II**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — средневековье. Находится в 150 м к югу от д. Зорино на мысу, образованном левым берегом р. Куность, озером Лозским и заболоченной низиной. Высота мыса над современным меженным уровнем воды в озере до 2,5 м. Памятник открыт в 1990 г. А. В. Кудряшовым, при обследовании 1991 г. заложен шурф. Берег со стороны реки имеет обрыв. Площадь поселения составляет около 3000 кв. м. Мощность культурного слоя от 0,3 до 0,6 м. В шурфе и размывах берега обнаружены кремневая стрела, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики эпохи неолита, грубой толстостенной керамики, ук-

рашенной тычковым орнаментом, и круговой древнерусской керамики.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 74–75; Кудряшов А. В., А-1991, л. 65–66.

323. **Антушево 1**, стоянка. Мезолит. Находится в небольшом заливе на северо-западном берегу Лозского озера, в 0,4 км к юго-востоку от с. Антушево. Занимает часть мыса, образованного озером и заболоченной поймой, высота берега до 1,5 м. Стоянка обследована в 1965 г. Р. В. Козыревой, в 1976 г. — С. В. Ошибкиной. Культурный слой связан с глинистой почвой, залегающей под дерном. Размеры стоянки 20 x 100 м. Со стоянки происходят обломки нуклеусов, два кремневых скребка, фрагменты ножевидных кремневых пластин.

Козырева Р. В., 1969, с. 69; Ошибкина С. В., А-1976.

324. **Антушево II**, поселение. Каменный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на северо-западном берегу Лозского озера, в 0,5 км к северо-востоку от с. Антушева на правом берегу впадающего в озеро ручья, на террасе высотой до 5 м. Поселение открыто в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Площадь памятника около 6000 кв. м. Поверхность распахивается. Среди подъемного материала кремневые отщепы, лепная средневековая и круговая позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 74.

325. Антушево III, поселение. Эпоха раннего металла — ранний железный век — позднее средневековье. Находится на северо-западном берегу Лозского озера, в 1,5 км к юго-востоку от с. Антушево. Обнаружено в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Памятник располагается на длинном мысу, образованном озером, его заливом и заболоченной низиной, на склоне, обращенном в сторону озера. На краю берега имеются обнажения. Размеры поселения приблизительно 25 x 80 м. В обрыве зафиксирован черный культурный слой мощностью до 0,2 м, перекрытый желтой мешаной глиной мощностью 0,20–0,25 м. Среди подъемного материала, собранного под обрывом, кремневые отщепы, рыболовное грузило, фрагменты гладкостенной лепной, сетчатой и штрихованной керамики и позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 74.

326. Чулково I, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится в истоке р. Куности из Лозского озера, на территории современной деревни Чулково. Открыто в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Распологается на мысу высотой от 2 до 5 м над уровнем воды, образованном рекой, озером и небольшим ручьем. Размеры памятника приблизительно 50 x 100 м. Берег разрушается озером, уровень воды в котором поднят плотиной на р. Куность. Культурный слой темно-серого цвета мощностью 0,4 м зафиксирован в обрыве берега. Среди подъемного материала фрагменты ямочно-ребенчатой неолитической керамики, лепной и круговой средневековой и позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 75.

327. Чулково II, стоянка. Мезолит — позднее средневековье. Находится на северо-восточном берегу Лозского озера, в 0,5 км к югу от д. Чулково. Обнаружена в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть мыса высотой 1,5–2 м над уровнем воды,

образованного озером и заболоченной низиной. Поверхность мыса распаивается. Площадь памятника около 3500 кв. м. В распаханном слое обнаружены очажные камни, кальцинированные кости, кремневые отщепы, сколы и позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 75.

328. Чулково III, поселение. Каменный век — позднее средневековье. Находится на восточном берегу Лозского озера, в 1,5 км к югу от деревни Чулково. Распологается на мысу, образованном озером и заболоченными низинами, высота берега над водой до 2,3 м. Размеры мыса 60 x 80 м, поверхность его имеет следы старой распашки. Поселение обнаружено в 1990 г. А. В. Кудряшовым. На памятнике собраны кремневые отщепы и фрагменты позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 75–76.

329. Левково, местонахождение. Неолит — эпоха раннего металла. Коллекция ямочно-ребенчатой керамики, а также керамики с редкими ямками и ребенками, собранной на западном берегу Лозского озера вблизи д. Левково, поступила в Череповецкий краеведческий музей в 1982 г. от местного жителя С. Онищука.

Фонды ЧерМО, колл. НВ № 972.

330. Старое Село 1, местонахождение. Неолит. Ямочно-ребенчатая керамика, собранная на восточном берегу Лозского озера вблизи д. Старое Село, поступила в Череповецкий краеведческий музей в 1958 г. от краеведа А. А. Алексеевой.

Фонды ЧерМО, колл. № 3329.

331. Старое Село II, стоянка. Каменный век. Находится на восточном берегу Лозского озера, в 1 км к юго-западу от д. Старое Село. Обнаружена в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Распологается на мысу между двумя заливами. Мыс интенсивно размывается,

имеет обрывы, длина мыса 60 м, ширина от 5 до 25 м. Площадка возвышается над меженным уровнем воды на 2-3 м. Культурный слой — светло-серая супесь с угольками мощностью 0,15 м. Слой содержит кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 66.

332. Старое Село III, поселение. Ранний железный век. Находится на восточном берегу Лозского озера, в 0,8 м к юго-востоку от д. Старое Село. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на мысу, образованном двумя заливами озера. Берег интенсивно размывается. В обнажениях выявлен культурный слой светло-серого цвета толщиной до 0,15 м. На отмели, перед обрывом, обнаружены фрагменты окатанной штрихованной керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 58.

333. Никитский остров, поселение. Эпоха раннего металла — позднее средневековье. Занимает юго-восточный край Никитского острова в Лозском озере, в 0,8 км к западу от д. Старое Село. Открыто в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Высота острова над водой чуть более 1 м. Подъемный материал собран на небольшой отмели протяженностью около 60 м. В обрыве берега зафиксирован темно-серый культурный слой мощностью до 0,3 м. Среди находок фрагменты лепной гладкостенной и позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 58.

334. Никоновская 1, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Лозского озера, на юго-восточной окраине д. Никоновской, занимает низкую террасу у небольшого залива, слева от впадения ручья. Высота террасы над водой около 1 м. На поверхности памятника находятся огороды и небольшие строения жителей деревни. В 1957 и 1959 гг. на стоянке собран подъемный материал краеведом А. А. Алексеевой.

В 1965 г. памятник был обследован Р. В. Козыревой, в 1976 г. — С. В. Ошибкиной. Размеры стоянки приблизительно 30 x 100 м. На памятнике собрана многочисленная ямочно-гребенчатая керамика.

Фонды ЧерМО, колл. № 3154, 3480; Козырева Р. В., 1969, с. 69; Ошибкина С. В., А-1976.

335. Никоновская 2 — Новая, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Лозского озера, в 0,4 км к юго-востоку от д. Никоновской. Располагается на мысу высотой около 1 м напротив острова с Никитской церковью. Поверхность стоянки задернована. Размеры памятника 30 x 50 м. Подъемный материал на памятнике впервые был собран краеведом А. А. Алексеевой, в 1976 г. стоянка была обследована С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Культурный слой залегает под дерном — коричневая гумусированная супесь толщиной около 0,2 м. С памятника происходят кремневые орудия, кремневые пластинки, ямочно-гребенчатая керамика.

Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 17-18.

336. Попова Гора 1, стоянка. Мезолит — неолит — эпоха раннего металла. Находится на западном берегу Лозского озера в урочище «Попова Гора», в 1 км к юго-востоку от д. Никоновской. Занимает береговой склон террасы, имеющей высоту около 6 м. Стоянка интенсивно размывается. Размеры ее приблизительно 10-20 x 70 м. Первые материалы со стоянки поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой в 1957-1959 гг. В 1976 г. памятник был обследован С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Среди многочисленного подъемного материала, поступившего со стоянки, орудия из сланца и кремня, орудия на кремневых пластинках, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и керамики эпохи раннего металла. Культурный слой — темно-ко-

ричневый суглинок толщиной 0,2 м — залегает под дерном.

Фонды ЧерМО, колл. № 3480; Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 18.

337. Попова Гора II, поселение. Средневековые — позднее средневековые. Находится на западном берегу Лозского озера в урочище «Попова гора», в 1,5 км к югу от д. Никоновской. Открыто и обследовано в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Памятник занимает часть берегового склона высотой от 3 до 7 м. Культурный слой темно-серого цвета имеет мощность около 0,3 м. Площадь памятника около 5000 кв. м. Первые находки эпохи средневековья — шиферное пряслице и лепная керамика — были собраны здесь краеведом А. А. Алексеевой. В 1990 г. А. В. Кудряшовым были обнаружены глиняные грузила, фрагменты круговой средневековой и позднесредневековой керамики.

ЧерМО, коллекция № 3682/I; Кудряшов А. В., А-1990, л. 74.

338. Попов ручей, местонахождение. Неолит. Подъемный материал собран краеведом А. А. Алексеевой и передан в Череповецкий краеведческий музей в 1957, 1967, 1968 гг. Материалы происходят из устья Попова ручья, располагающегося в урочище «Попова Гора» в 1 км к юго-востоку от д. Никоновской, на западном берегу Лозского озера. Среди находок кремневые орудия, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика.

Фонды ЧерМО, колл. № 3154, 4648, 5460.

339. Березово I, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу Лозского озера, на мысу, образованном озером и старицей небольшой речки Березовки, в 1 км к юго-западу от д. Березово. Поселение открыто в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Высота мыса над водой достигает 2 м, протяженность памятника вдоль берега озе-

ра около 100 м. Культурный слой, выявленный в обрыве берега, представляет собой желтый песок мощностью 0,15 м, он перекрыт темно-серым слоем толщиной до 0,3 м. Слой содержит кремневые отщепы. На отмели собрана также лепная керамика.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 66.

340. Березово II, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу Лозского озера, на небольшом мысу в 0,5 км к юго-западу от д. Березово. Открыто в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Высота берега — чуть более 1 м. Подъемный материал собран на отмели протяженностью около 50 м. Культурный слой в обрыве берега четко не прослеживается. Среди находок кремневые пластинки и фрагмент лепного сосуда в крупными примесами в тесте.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 57, 58.

341. Люковец 1, стоянка. Неолит. Находится у восточного берега Лозского озера в местности «Люковец», в 3 км к востоку от д. Пальцево, рядом с проливом, соединяющим Лозское озеро и Маткозеро. Занимает узкую песчаную косу. К востоку от стоянки берег заболочен, в высокую воду он затопливается. Поселение открыто в 1977 г. С. В. Ошибкиной. Подъемный материал собран на участке отмели размерами 25 x 150 м. Среди находок имеются кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1977.

342. Люковец II, стоянка. Неолит. Находится на острове в Маткозере — восточном заливе Лозского озера, в 2 км к северо-западу от д. Кузнечихи. Открыта в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Занимает южную часть острова, имеющего размеры 60 x 120 м и поросшего смешанным лесом. Высота острова над водой 0,5 м. Среди находок, собранных на небольшой отмели, кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 57.

343. **Титово**, поселение. Средневековье — позднее средневековье. Находится на берегу озера Титовского (залив Лозского озера) на месте деревни Титово, в 0,5 км к юго-западу от д. Кузнечихи. Высота береговой террасы над водой составляет 12–14 м. Обнаружено и обследовано в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Площадь поселения около 1 га. Мощность темно-серого культурного слоя достигает 0,35 м. В шурфе и в обнажениях слоя наряду с поздним деревенским мусором встречены фрагменты круговой древнерусской и позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 56–57.

344. **Кузнечиха**, поселение. Неолит — ранний железный век. Располагается на восточном берегу Маткозера (залив Лозского озера), в 1 км к югу от д. Кузнечихи. Находится на склоне береговой гривы, высотой от 1 до 3 м над уровнем воды, обращенном к озеру. Культурный слой темно-серого цвета перемешан распахкой, его мощность 0,13–0,18 м. Размеры памятника 35 x 100 м. Поселение открыто и обследовано в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Среди подъемного материала фрагменты неолитической ямочно-гребенчатой и сетчатой керамики и кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 67.

345. **Огунино**, стоянка. Неолит. Находится у восточного берега Лозского озера, в 1 км к северо-западу от урочища «Перино» и в 2 км к северу от деревни Горка, в местности «Огунино». Памятник занимает часть острова, отделенного от коренного берега заболоченной низиной. Стоянка занимает юго-западную часть мыса, высота берега до 2,5 м. Размеры стоянки 40 x 50 м. Культурный слой размывается озером. Памятник впервые обследован в 1977 г. С. В. Ошибкиной. В зачистке выявлен культурный слой — темная супесь мощностью 0,20–0,25 м, перекрытый наносным песком. Слой содержит фрагменты

неолитической ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1977.

346. **Перино**, стоянка. Неолит — ранний железный век. Находится на восточном берегу Лозского озера в местности «Перино», в 1,5 км к северу от д. Горки. Располагается на берегу небольшого залива, возвышающегося над уровнем воды на высоту чуть более 1 м. Поверхность его задернована, берег интенсивно размывается озером. Размеры стоянки приблизительно 40 x 50 м. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей в 1957 г. от краеведа А. А. Алексеевой. В 1977 г. стоянка обследована С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. В зачистке С. В. Ошибкиной выявлен культурный слой в виде темной супеси мощностью 0,4–0,5 м. Среди находок кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая и сетчатая керамика.

Фонды ЧерМО, колл. № 5154; Ошибкина С. В., А-1977, л. 30; Мирецкий А. В., л. 21.

347. **Пальцево**, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла. Находится на западном берегу Лозского озера, в 0,5 км к северо-востоку от д. Пальцево, в небольшом заливе. Занимает пологий склон береговой террасы высотой около 2 м над уровнем воды. Поверхность задернована, часть площадки памятника поросла кустарником, другая часть распахивается. Размеры стоянки приблизительно 20 x 120 м. Культурный слой интенсивно размывается озером. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей в 1957–1958 гг. от краеведа А. А. Алексеевой, в 1965 г. небольшие земляные работы на стоянке проводила Р. В. Козырева, в 1976 г. стоянка обследовалась С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Р. В. Козыревой заложен раскоп площадью 22,5 кв. м. Исследован культурный слой — суглинок темного цвета мощностью 0,2–0,4 м. Вскрыты часть жилища, хозяйственные ямы, орудия из слан-

ца, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика и лепная неорнаментированная керамика. Среди подъемного материала представлены каменные тесла, долото, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Фонды ЧерМО, колл. № 3154; Козырева Р. В., А-1965; Козырева Р. В., 1969, с. 69–72; Ошибкина С. В., А-1976, л. 21; Мирецкий А. В., А-1989, л. 16–17.

348. Пальцев мыс, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Лозского озера на узком длинном мысу, образованном озером и небольшим заливом, в 0,2 км к югу от д. Пальцево. Площадка возвышается над водой на 2 м. Поверхность памятника задернована, часть площадки размывается озером. Размеры стоянки 10 х 10 м. Памятник впервые обследован в 1976 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Культурный слой — гумусированный коричневый суглинок — имеет мощность до 0,25 м. В обнажениях собраны кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 17.

349. Новишки, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Чержмы в 0,5 км к востоку от д. Новишки. Открыто в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть береговой гривы высотой от 1 до 3 м. Размеры поселения 40 х 60 м. Мощность культурного слоя составляет 0,2–0,25 м, верхняя часть его распахана. При обследовании собраны фрагменты древнерусской крутовой и позднесредневековой крутовой керамики.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 73.

350. Остров Перховта, стоянка. Ранний железный век. Находится на острове Перховта, в 1 км к юго-востоку от д. Перховта, в 0,5 км к северо-востоку от д. Антоново. Занимает часть северного берега острова, возвышающегося над водой на 1–1,5 м. Раз-

меры стоянки 10 х 60 м. Стоянка обнаружена в 1976 г. С. В. Ошибкиной. В 1989 г. памятник обследован А. В. Мирецким. Культурный слой — слабогумусированный песок мощностью около 0,2 м. В размывах берега обнаружен фрагмент сетчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1976, л. 21–22; Мирецкий А. В., А-1989, л. 18–19.

351. Антоново 1, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Лозского озера, в 0,5 км к северо-западу от д. Антоново. Располагается на береговой террасе высотой до 1,2 м над весенним уровнем воды в озере. К западу и востоку от памятника располагаются заливы. Поверхность стоянки задернована, берег размывается озером. Стоянка обнаружена и обследована в 1989 г. А. В. Мирецким, произведена зачистка берега. Под дерном выявлен темно-коричневый суглинок — отложения озера мощностью до 0,34 м, ниже залегает черный суглинок с углями (0,10 м), его подстилает материк — темно-коричневая глина. Черный суглинок содержал обломок кремневой пластинки и отщепы. Среди подъемного материала скребок и кремневые отщепы.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 23, 24.

352. Антоново II, поселение. Каменный век — позднее средневековье. Располагается на южном берегу протоки, соединяющей Лозское и Азатское озера, в 0,4 км к юго-востоку от д. Антоново. Обнаружено в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Высота берега над водой от 1 до 2,5 м. Берег размывается, имеет обрыв. Культурный слой темно-серого цвета толщиной 0,2–0,3 м частично потревожен распашкой. На отмели в западной части памятника найдены скребок и кремневые отщепы, в восточной — оселок и позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 67.

353. Горка 1, стоянка. Эпоха бронзы. Находится на восточном берегу Азатского

озера, в 0,5 км к юго-западу от д. Горка. Располагается на северной оконечности мыса, образованного озером и руслом пересохшего ручья, у подножия небольшого холма, достигающего высоты 4 м. Поверхность памятника задернована, высота его над водой до 2 м. Размеры стоянки 25 x 30 м. Стоянка открыта и обследована в 1989 г. А. П. Ланцевым, сделаны две зачистки берега, в которых выявлен культурный слой мощностью 0,25–0,3 м, содержащий охаживаемые камни. В зачистках найдены кремневые отщепы и сколы, лепная керамика со штрихованной поверхностью и гладкая со сложным орнаментом.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 26–27.

354. Горка II, поселение. Ранний металл — средневековье — позднее средневековье. Находится на северном берегу протоки, соединяющей Лозское и Азатское озера, в 1 км к юго-западу от д. Горка. Открыто и обследовано в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на береговой террасе высотой до 4 м над водой. Обрыв берега прорезан небольшим карьером. Площадь памятника около 3000 кв. м. Культурный слой темно-серого, цвета имеет мощность до 0,55 м, верхний его горизонт распахан. Среди подъемного материала точило, фрагменты лепной гладкостенной керамики с крупными примесями, лепной и круговой средневековой и позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 67–68.

355. Горка III, поселение. Ранний железный век — средневековье. Находится в 1 км к юго-западу от д. Горка, на мысу, образованном озером и заболоченной низиной. Обнаружено и обследовано в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Высота мыса над водой 2–4 м, берег имеет обрыв. Площадь памятника около 3000 кв. м. Культурный слой имеет мощность от 0,4 до 0,55 м, верхний его горизонт распахан. В обнажениях берега собраны фрагменты штрихованной и

сетчатой керамики раннего железного века и лепной тонкостенной и грубой керамики эпохи средневековья.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 68.

356. Яковлево, стоянка. Эпоха раннего металла. Находится на западном берегу Азатского озера, на мысу, удаленном от д. Яковлево к юго-востоку на 0,4 км. Памятник занимает северную оконечность мыса, высота площадки над водой до 2 м. Размеры стоянки приблизительно 30 x 150 м. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой. Стоянка обследована С. В. Ошибкиной в 1968 и 1976 гг., заложены три шурфа. Обнаружен культурный слой мощностью 0,2–0,3 м. В слое и в подъемном материале имеются лепная керамика, украшенная гребенчатым штампом, веревочкой, сетчатая керамика, кремль, обломок сланцевого топора.

Фонды ЧерМО, колл. № 3480; Ошибкина С. В., 1966; Ошибкина С. В., А-1968, л. 3, 4; Ошибкина С. В., А-1976.

357. Яковлево 1, стоянка. Неолит — эпоха бронзы — средневековье. Стоянка находится на западном берегу Азатского озера, в 0,4 км к юго-востоку от д. Яковлево. Занимает южную часть каменистого мыса, возвышающегося над водой на 1,5–2 м. Размеры памятника приблизительно 30 x 50 м. В 1976 г. стоянка была обследована С. В. Ошибкиной, заложен раскоп площадью 20 кв. м. Выявлен культурный слой с материалами неолита и эпохи раннего металла. Культурный слой представляет собой темную супесь, мощность его до 0,4 м. Обнаружены орудия из сланца, кварца, кремня, ямочно-гребенчатая керамика, керамика эпохи раннего металла, средневековая керамика, пряслице.

Ошибкина С. В., А-1976, л. 19–20.

358. Яковлево 2, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Азатского озе-

ра, в 0,5 км к югу от д. Яковлево. Распологается в устье небольшого ручья в глубокой бухте. Высота берега над водой до 1–1,5 м, берег размывается озером. Размеры стоянки 20 х 100 м. Стоянка обнаружена и обследована С. В. Ошибкиной в 1976 г. В шурфе выявлен культурный слой в виде темной супеси мощностью 0,15–0,30 м, подстилаемой красной глиной. Среди подъемного материала ямочно-гребенчатая керамика.

Ошибкина С. В., А-1976, л. 20–21.

359. Полино, стоянка. Неолит. Находится на юго-западной оконечности острова Полино в Азатском озере, в 0,4 км к востоку от д. Яковлево. Занимает южную оконечность мыса, размываемую озером. Высота берега над водой около 1 м, культурный слой прослежен на площади 10 х 80 м. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой. В 1976 г. стоянка была обследована С. В. Ошибкиной, на площадке были заложены шурфы, в 1989 г. осмотрена А. В. Мирецким. Культурный слой стоянки — красный суглинок — имеет мощность до 0,4 м, его перекрывает слой светлого суглинка толщиной 0,10 м. Слой содержит керамику и кремневые отщепы. Среди материалов, собранных на отмели, многочисленны сланцевые топоры, тесла, орудия из кремня, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1976, л. 18, 19; Мирецкий А. В., А-1989, л. 22–23.

360. Полино 1, стоянка. Неолит. Находится на юго-западном берегу острова Полино в Азатском озере, в 0,4 км к востоку от д. Яковлево. Занимает северную оконечность мыса, выдающегося в озеро. Песчаная коса имеет высоту около 0,5 м над водой. Находки обнаружены на площади 40 х 90 м. Стоянка обнаружена и обследована С. В. Ошибкиной в 1976 г., в 1989 г. осмотрена А. В. Мирецким. Среди находок — ка-

менные орудия, скребки, наконечник дротика, ямочно-гребенчатая керамика.

Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 22.

361. Полино 2, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу острова Полино в Азатском озере, в 0,6 км к юго-востоку от д. Яковлево. Занимает небольшую террасу высотой до 2 м в устье ручья при заболоченной низине. Культурный слой существенно разрушен. Размеры памятника приблизительно 30 х 60 м. Культурный слой — суглинок — имеет мощность 0,2 м. С территории памятника происходит небольшое количество каменных орудий и ямочно-гребенчатая керамика.

362. Полино 4, стоянка. Неолит. Находится на юго-восточном берегу острова Полино в Азатском озере, в 1,5 км к юго-западу от д. Вотавново. Стоянка занимает северную часть мыса. Поверхность памятника задернована, заросла кустарником, мыс интенсивно размывается озером. Размеры приблизительно 10 х 50 м. Обнаружена и обследована в 1977 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. обследовалась А. В. Мирецким. Культурный слой представляет собой темный песок и суглинок толщиной 0,15–0,18 м. В слое и среди подъемного материала обнаружены сланцевые и кремневые орудия, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика.

Ошибкина С. В., А-1977, л. 30; Мирецкий А. В., А-1989, л. 22, 23.

363. Вотавново 1, стоянка. Эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу Азатского озера в 0,1 км к югу от д. Вотавново. Распологается на мысу в устье небольшой протоки, соединяющей небольшую старицу с озером, справа от него. Высота площадки достигает 1,5 м, поверхность распаивается. Размеры памятника 20 х 50 м. Открыта в 1977 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. обследована А. В. Мирецким. Куль-

турный слой имеет мощность 0,15–0,20 м. На стоянке обнаружена керамика с отпечатками мелкой гребенки и кремневые отщепы.

Ошибкина С. В., А-1977; Мирецкий А. В., л. 21, 22.

364. Вотавново 2, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу Азатского озера, в 0,3 км к югу от д. Вотавново, в 0,6 км к юго-востоку от полуразрушенной церкви св. Николая. Занимает часть восточной стороны мыса, вдающегося в озеро. Высота берега над водой 1,5 м. Поверхность памятника задернована, берег интенсивно размывается. Размеры сохранившейся части памятника приблизительно 5 x 65 м. Обнаружена и обследована в 1989 г. А. П. Ланцевым. Произведена зачистка берега. Зафиксирована следующая стратиграфия: под дерном залегает темно-рыжий суглинок толщиной 0,15 м, подстилаемый рыжей материковой глиной. В культурном слое найдены фрагменты керамики. Среди подъемного материала, собранного на отмели, скребки, нуклеус, отщепы, кремневая пластина.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 24.

365. Вотавново 3, поселение. Неолит — средневековье. Находится на восточном берегу Азатского озера, в 0,5 км к юго-западу от д. Вотавново, в 0,6 км к юго-востоку от полуразрушенной церкви св. Николая. Занимает западную часть мыса, вдающегося в озеро. Ограничено с севера заболоченным ручьем. Высота берега 0,5–1,0 м. Размеры стоянки 5 x 55 м, селища 12 x 65 м. Обнаружено и обследовано А. П. Ланцевым в 1989 г. Стратиграфия слоя в зачистке берега: дерн, ниже — черная гумусированная супесь с камнями мощностью 0,22 м, ниже — рыжая глина толщиной 0,22 м, подстилаемая темно-рыжей материковой глиной. В зачистке обнаружена ямочно-гребенчатая керамика и фрагменты круговой средневековой керамики.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 25.

366. Вотавново 4, стоянка. Неолит. Находится на острове у восточного берега Азатского озера, в 0,5 км к юго-западу от д. Вотавново, в 0,8 км к юго-востоку от полуразрушенной церкви св. Николая. Занимает юго-западный мыс острова. Высота берега около 1 м. Размеры стоянки приблизительно 30 x 70 м. Обнаружена и обследована в 1989 г. А. П. Ланцевым. Среди подъемного материала кремневые отщепы и керамика.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 25, 26.

367. Вотавново 2, селище. Средневековье. Находится на острове у восточного берега Азатского озера, в 0,5 км к юго-востоку от д. Вотавново, в 0,8 км к юго-востоку от полуразрушенной церкви св. Николая. Селище располагается на северо-восточном берегу острова. Площадка задернована, высота берега около 1 м. Размеры селища 60 x 80 м. Обнаружено и обследовано А. П. Ланцевым в 1989 г. Произведена зачистка берега. Стратиграфия: под дерном лежит темно-коричневый гумусированный суглинок толщиной 0,22 м, ниже — черный гумусированный суглинок толщиной 0,22 м, подстилаемый серым материковым суглинком. В зачистках и среди подъемного материала имеются фрагменты круговой древнерусской керамики.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 26.

368. Чирково, стоянка. Мезолит — неолит — средневековье. Находится на западном берегу Азатского озера на территории современной деревни Чирково (Черково). Располагается на береговой террасе высотой около 3 м над водой. Поверхность памятника занята огородами жителей деревни. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой в 1967 г. В 1976 г. стоянка обследована С. В. Ошибкиной. Культурный слой — слабоокрашенный песок толщиной 0,10–0,15 м — находится под пахотным слоем мощностью около 0,3 м.

Подъемный материал собран на площади 30 x 40 м. Среди подъемного материала, происходящего с памятника, кремневые пластинки и отщепы, ямочно-гребенчатая керамика, круговая средневековая керамика.

Фонды ЧерМО, колл. № 5511; Ошибкина С. В., А-1976.

369. Звоз-Польино, поселение. Каменный век — позднее средневековье. Располагается на юго-западном берегу Азатского озера между деревнями Звоз и Польино. Обнаружено в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Находится на небольшом мысу, образованном двумя низинами. Высота берега над водой 1–2 м, поверхность мыса периодически распаивается. Площадь памятника около 5000 кв. м. Среди подъемного материала кремневые отщепы и фрагменты позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 68.

370. Агашино, поселение. Позднее средневековье. Находится на западном берегу мыса Васькин Бор в Азатском озере, на северной окраине д. Агашино. Располагается на пологом склоне берега, на высоте около 2 м. На поверхности поселения находятся строения и огороды жителей деревни. Обнаружено и обследовано в 1989 г. А. В. Мирецким. Культурный слой — темно-коричневый гумусированный слой — смешан со слоем деревни. Его мощность 0,25–0,37 м. На поселении обнаружены фрагменты позднесредневековой круговой керамики.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 23.

371. Мыс — Васькин Бор, поселение. Ранний железный век. Находится на западном берегу полуострова Васькин Бор в Азатском озере, в 0,6 км к северо-западу от д. Агашино. Располагается на северном берегу небольшого мыса, выступающего в озеро, высота берега над озером около 3 м. Берег интенсивно размывается озером. Размеры поселения приблизительно 130 x 20 м.

Обнаружено в 1950-е гг. краеведом А. А. Алексеевой. Обследовано в 1968 и 1976 гг. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Культурный слой мощностью 0,15 м перекрыт слоем коричневой глины толщиной 0,4 м. В культурном слое и на береговых отмелях собраны фрагменты керамики эпохи раннего железа.

Ошибкина С. В., А-1968, л. 2; Ошибкина С. В., А-1976, л. 16,17; Мирецкий А. В., А-1989, л. 20.

372. Старцев Остров, стоянка. Неолит. Находится на острове в Азатском озере, в 1 км к юго-западу от д. Никоновской. Остров размером 20 x 300 м, интенсивно размывается озером. Подъемный материал собран с восточной стороны острова на отмели размерами приблизительно 50 x 5 м. Первые находки на острове были собраны краеведом А. А. Алексеевой, в 1976 г. стоянка была обследована С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Собраны многочисленные фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, орудия из сланца и кремня.

Фонды ЧерМО, колл. № 7106; Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 19.

373. Северная, стоянка. Неолит. Находится на северном берегу полуострова Васькин Бор, в 1,5 км к северо-западу от д. Орлово. Занимает часть северо-восточной оконечности мыса напротив Старцева Острова. Высота берега до 2 м, берег порос сосновым лесом. Размеры памятника приблизительно 100 x 15 м, берег интенсивно размывается озером. Первые находки в Череповецкий краеведческий музей поступили от краеведа А. А. Алексеевой. В 1968 и 1976 гг. памятник был обследован С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Культурный слой — желто-коричневый песок — имеет мощность до 0,4 м. Среди находок наконечники стрел, топор, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Фонды ЧерМО, № 3480; Ошибкина С. В., А-1968, л. 2; Ошибкина С. В., А-1976, л. 17; Мирецкий А. В., А-1989, л. 19.

374. Угловая, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу полуострова Васькин Бор в Азатском озере, в 1,5 км к северо-западу от д. Орлово. Располагается на невысокой террасе высотой около 1 м, приуроченной к небольшому заливу. Культурный слой стоянки практически размыт. Подъемный материал собран на участке отмели размерами 40 х 80 м. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой. В 1968 и 1976 гг. стоянка обследована С. В. Ошибкиной. Среди находок орудия из сланца и кремня и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Фонды ЧерМО, колл. № 4228; Ошибкина С. В., А-1968, л. 2, А-1976.

375. Васькин Бор 1, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу полуострова Васькин Бор в Азатском озере, в 1 км к северо-западу от д. Орлово. Занимает чуть заболоченный мыс, поросший кустарником. Высота берега до 2,5–3 м. Первые находки с памятника поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой в 1950-х гг. В 1956–1957 гг. памятник обследовался И. К. Цветковой, раскопками вскрыто 44 кв. м. В 1968 и 1976 гг. памятник обследовался С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — А. В. Мирецким. Размеры сохранившейся части памятника 10 х 70 м. Культурный слой имеет мощность 0,15–0,2 м. Стоянка интенсивно размывается озером. При раскопках обнаружены очаги, среди находок — орудия из сланца и кремня и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Фонды ЧерМО, колл. № 2791; Цветкова И. К., А-1956, л. 14; Цветкова И. К., А-1957, л. 10–13; Ошибкина С. В. А-1968, л. 2; Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 20.

376. Васькин Бор 2, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу полуострова Васькин Бор в Азатском озере в 1 км к северо-западу от д. Орлово. Стоянка находится на высоком берегу, возвышающемся над водой до 3 м. Первые находки со стоянки поступили в Череповецкий краеведческий музей от краеведа А. А. Алексеевой. В 1956–57 гг. раскопки памятника проводила И. К. Цветкова, вскрыто 184 кв. м. В 1968 и 1976 гг. стоянка обследовалась С. В. Ошибкиной. Культурный слой памятника, который сохранился от разрушения, исследован практически полностью. Подъемный материал собран с отмели берега размерами 40 х 100 м. Со стоянки происходят сланцевые топоры, тесла, полировальные плиты, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика.

Фонды ЧерМО, колл. № 2791; Цветкова И. К., А-1956, л. 14–16; Цветкова И. К., А-1957, л. 2–10; Ошибкина С. В., А-1968, л. 2; Ошибкина С. В., А-1976.

377. Орлово I, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на берегу залива, образованного мысом Васькин Бор и южным берегом Азатского озера, на территории д. Орлово. Обнаружено в 1990 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть береговой террасы высотой 4–7 м. Культурный слой темно-серого цвета с очажными камнями выявлен на огородах села на площади около 4500 кв. м. В обнажениях слоя собраны глиняные грузила, круговая средневековая и позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1990, л. 73.

378. Орлово II, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. Находится на южном берегу Азатского озера, в 0,4 км к востоку от д. Орлово. Открыто в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Памятник находится на гриве, расположенной между озером и заболоченной низиной, на ее склоне, обращенном к озеру. Перемешанный распахкой темно-серый гумусирован-

ный слой мощностью 0,3 м виден в обрыве берега. Подъемный материал собран на отмели на протяжении около 150 м. Среди находок кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика, сетчатая керамика, фрагмент крутовой древнерусской керамики.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 125.

379. **Рощино**, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу Азатского озера, на береговом мысу в 1 км к северу от д. Рощино. Обнаружена в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Высота берега до 3 м. В обрыве берега выявлен перемешанный распахкой серо-коричневый слой толщиной 0,2 м. На участке отмели протяженностью около 50 м обнаружены кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 76.

380. **Усть-Карпова**, поселение. Эпоха раннего металла — ранний железный век. Находится в устье реки Карповы, в 0,3 км к западу от д. Карпово. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Находится на мысу, образованном правым берегом реки и Азатским озером. Берег сильно разрушен озером, культурный слой в обрыве не прослеживается. Под обрывом, на участке отмели протяженностью 50 м, собраны фрагменты лепной керамики, украшенной редкими ямками и отпечатками гребенчатого штампа, а также фрагменты сетчатой и штрихованной керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 54.

381. **Залив**, стоянка. Эпоха бронзы. Находится на восточном берегу Азатского озера, в 3 км к северо-востоку от д. Орлово. Памятник располагается на низком берегу между двумя ручьями. Высота берега до 1,5 м, площадка ограничена высокими коренными берегами. Размеры памятника 30 x 280 м. Стоянка обнаружена в 1976 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. — обследована А. В. Мирецким. Памятник интенсивно размывается. Среди подъемного материала

фрагмент кремневой стрелы с двухсторонней обработкой, кремневые орудия, керамика, украшенная редкой гребенкой.

Ошибкина С. В., А-1976; Мирецкий А. В., А-1989, л. 20–21.

382. **Никановская III**, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу Азатского озера, на окраине с. Никановское. Открыто в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на обрывистом берегу высотой до 4 м, существенно испорчено карьером и дорогой. Темно-серый гумусированный культурный слой с угольками имел мощность 0,2–0,25 м и был перекрыт слоем желтой глины с галькой толщиной до 0,4 м. Культурный слой содержит кремневые отщепы и фрагменты лепной керамики.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 69.

383. **Якунино-Песенка**, стоянка. Неолит. Находится на правом берегу р. Карповы, в истоке ее из озера Родионовского, в 0,5 км к северо-востоку от д. Якунино. Открыта в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Располагается в урочище «Песенка», на месте бывшей деревни с одноименным названием. Поверхность памятника распахивается. Подъемный материал собран на поле, на участке размерами 25 x 30 м. Среди находок фрагмент кремневой стрелы, кремневый отщеп и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 54.

384. **Якунино**, поселение. Неолит — средневековье. Находится на восточном берегу озера Родионовского, в 0,6 км к юго-востоку от д. Якунино. Открыто в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Занимает северо-западную часть «острова», образованного озером и болотом. Высота берега достигает 1,5 м. В обрыве берега прослеживается серо-коричневый культурный слой толщиной 0,2 м. Подъемный материал собран на отмели протяженностью около 40 м. Среди

находок кремневые орудия, ямочно-гребенчатая керамика и грубая лепная керамика без орнамента.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 121.

385. Попово VII, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу озера Родионовского, в 0,6 км к северо-востоку от д. Попово. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым, на площадке заложен шурф. Памятник занимает южную часть острова между озером и болотом. Высота площадки над меженным уровнем воды достигает 1,5 м. Площадь памятника около 1000 кв. м. Культурный слой черного цвета мощностью 0,25 м перекрыт серо-коричневой супесью толщиной 0,3–0,4 м. Из культурного слоя происходит фрагмент лепной керамики, орнаментированной редкими ямками. На небольшой отмели были обнаружены очажные камни и обломки кремня.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 121.

386. Попово VI, стоянка. Неолит. Располагается на восточном берегу Родионовского озера, в 1 км к востоку от д. Попово. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Стоянка находится в небольшом заливе, высота берега не превышает 2 м, на поверхности памятника растет смешанный лес. Размеры стоянки 25 х 50 м. Мощность культурного слоя 0,4–0,5 м. Среди находок кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика, фрагмент венчика кругового сосуда.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 53.

387. Попово III, поселение. Эпоха раннего металла — средневековье. Находится на восточном берегу озера, на мысу высотой до 1 м над уровнем воды, образованном двумя заливами озера, в 1 км к юго-востоку от д. Попово. Памятник обнаружен в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Размеры поселения 10 х 30 м. В обрыве берега прослежен серо-коричневый культурный слой мощно-

стью 0,15–0,20 м с керамикой и очажными камнями. Из обнажений слоя и с отмели происходят фрагменты грубой лепной керамики с крупными примесями в тесте, относящиеся к эпохе раннего металла, а также лепная средневековая керамика, в том числе с оттисками гребенчатого штампа.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 72.

388. Попово IV, поселение. Эпоха раннего железа — средневековье. Располагается на острове в озере Родионовском, в 0,7 км к юго-востоку от д. Попово. Обнаружено в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Размеры острова 25 х 10 м, высота его над современным уровнем воды в озере до 1 м. Среди подъемного материала, собранного на отмелях, кремневые отщепы, фрагменты сетчатой керамики и древнерусской круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 72.

389. Попово-Родионовское I, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на западном берегу озера Родионовского, в 0,2 км к юго-востоку от д. Попово. Обнаружено в 1991 г. А. В. Кудряшовым, в 1994 г. заложен шурф. Памятник находится на береговом мысу размером приблизительно 150 х 80 м и высотой до 4–5 м над уровнем воды. На мысу находятся остатки церкви и старое кладбище. Выходы культурного слоя мощностью 0,3–0,5 м, поврежденного поздними перекопами, обнаружены на восточной оконечности мыса. В шурфе найдены шлаки, фрагменты глиняных сопел, оселок, сапожная подкова, глиняный грузик, ямочно-гребенчатая керамика, круговая древнерусская керамика, позднесредневековая керамика, в том числе ошлакованная. На отмели вокруг оконечности мыса собраны кремневые отщепы, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, древнерусской круговой керамики, костяной трапецевидный гребень, заготовка костяного изделия.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 69; Кудряшов А. В., А-1994, л. 52.

390. Попово-Родионовское II, поселение. Каменный век — позднее средневековье. Находится на западном берегу озера Родионовского, между деревнями Попово и Нефедово. Обнаружено в 1991 г. А. В. Кудряшовым. Располагается при устье небольшого ручья. Высота берега от 1 до 3 м. Площадь поселения около 5000 кв. м. В зачистке выявлен слой мешаного гумусированного песка с редкими очажными камнями толщиной до 0,5 м, содержащий позднесредневековую керамику. Ниже этого песка залегал черный углистый слой толщиной 0,08–0,12 м с очажными камнями и кремневыми чешуйками.

Кудряшов А. В., А-1991, л. 69.

391. Попово V, поселение. Эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на восточном берегу озера Родионовского, в 1,3 км к юго-востоку от д. Попово. Открыто в 1993 г. А. В. Кудряшовым, повторное обследование 1994 г. сопровождалось шурфровкой. Поселение занимает широкий мыс между двумя заливами протяженностью 250 м. Высота берега 1–1,5 м, берег интенсивно разрушается. На площадке памятника видны следы старой распашки, ныне она зарастает кустарником. Перемешанный распашкой темно-серый культурный слой имеет мощность от 0,2 до 0,4 м. Слой содержит крошку красной обожженной глины, кремневые отщепы и фрагменты керамики. Площадь памятника около 0,7 га. В шурфах и обнажениях собраны кремневые орудия, отщепы, фрагменты лепной гладкостенной керамики с редкими ямками и оттисками гребенчатого штампа, фрагменты сетчатой и штрихованной, лепной и круговой средневековой и позднесредневековой круговой керамики. Часть фрагментов лепной средневековой керамики украшена оттисками гребенчатого штампа. Среди находок имеется шиферное пряслице.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 72–73; Кудряшов А. В., А-1994, л. 52–53.

392. Усть-Рыбница, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье. Находится на мысу, образованном рекой Рыбницей и заливом Родионовского озера, в 1,3 км к юго-востоку от д. Попово. Открыто в 1993 г. А. В. Кудряшовым, в 1994 г. заложен шурф. Находится на поле со следами многолетней распашки, на высоте до 2,5 м над уровнем воды. Площадь памятника около 3000 кв. м. Культурный слой со следами распашки имеет мощность от 0,25 до 0,4 м. В слое обнаружены фрагмент кремневого наконечника стрелы, обломки ямочно-гребенчатой керамики, кремневые отщепы, кости животных, обломки лепной и круговой керамики эпохи раннего железа и средневековья.

Кудряшов А. В. А-1993, л. 73; Кудряшов А. В. А-1994, л. 53.

393. Рыбница, селище. Позднее средневековье. Находится в д. Рыбница (Река), на правом берегу одноименной реки. Обнаружено в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Занимает западную часть деревни, в 80 м от реки. Высота береговой террасы до 5–6 м. Черный углистый культурный слой с очажными камнями распространен на площади около 0,4 га. В обнажениях обнаружена позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В. А-1993, л. 73.

394. Нефедово I, поселение. Неолит — средневековье. Находится на восточном берегу озера Родионовского, в 0,4 км к востоку от д. Нефедово. Обнаружено в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Исследовалось раскопками в 1994–1995 гг., вскрыта площадь 492 кв. м. Поселение занимает часть гривы, имеющей высоту до 3 м над уровнем воды в озере. Берег имеет небольшой обрыв и разрушается. Площадь поселения около 5000 кв. м. Культурный слой имеет мощность от 0,25 м до 1 м. Верхний горизонт культурного слоя распахан. Слой содержал лепную и круговую средневековую керамику, а также фрагменты ямочно-гребенчатой

керамики. На поселении зафиксированы развалы очагов из камня, очаги, находящиеся в материковых ямах, хозяйственные ямы. В коллекции вещей выделяются хронологические комплексы X — начала XI вв. и XII–XIII вв. Из горизонта неолитического времени происходят фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, сланцевый топор и кремневые орудия.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 73–74; Кудряшов А. В., А-1994, л. 21–43; Кудряшов А. В., А-1995, л. 53–76.

395. Нефедово II, грунтовый могильник. Средневековье. Находится на восточном берегу озера Родионовского, в 0,5 км к востоку от д. Нефедово. Открыт А. В. Кудряшовым в 1993 г., в 1994 г. исследовался раскопками. Могильник занимает часть береговой террасы высотой до 10 м над уровнем воды в озере. Площадка памятника продолжительное время распаивалась. В раскопе вскрыто 8 погребений по обряду ингумации. Погребения находились в грунтовых ямах и имели различную ориентировку: четкую западную, восточную, юго-западную. Мужские погребения сопровождались топорами, ножами, кресалами с кремнем. В женских погребениях, кроме ножей, были обнаружены провололочные перстни, пряжки и некоторые другие вещи. В могиле-кенотафе обнаружены плоская двухголовая коньковая подвеска и бронзовый колокольчик. Могильник датируется XII–XIII вв.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 74, 75; Кудряшов А. В., А-1994, л. 43–49.

396. Нефедово III, стоянка. Неолит. Находится в 0,6 км к северо-востоку от д. Нефедово, в небольшом заливе на восточном берегу озера Родионовского. Обнаружена в 1993 г. А. В. Кудряшовым. В обрыве берега высотой от 1 до 3 м прослежен серо-коричневый культурный слой с угольками и колотыми камнями толщиной 0,2 м, перекрытый серым паханным слоем толщи-

ной от 0,3 до 0,6 м. Из серо-коричневого слоя происходят кремневые отщепы и ямочно-гребенчатая керамика. Размеры стоянки приблизительно 30 x 70 м.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 76.

397. Нефедово IV, поселение. Каменный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на западном берегу озера Родионовского, на северо-восточной окраине д. Нефедово. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Высота площадки над уровнем воды составляет 1–3 м. В обрыве берега прослежен паханный серо-коричневый слой с очажными камнями мощностью до 0,3 м. Размеры поселения приблизительно 30 x 70 м. На отмели перед обрывом и на огородах жителей деревни собраны кремневые отщепы, грубая лепная керамика с крупными примесями в тесте и позднесредневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 122.

398. Елино, стоянка. Неолит. Находится в 0,6 км к северу от нежилой д. Елино, в 1,5 км к северо-востоку от д. Нефедово. Обнаружена в 1995 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Стоянка занимает часть мыса, образованного рекой Рыбницей и ее заливом. Высота берега, поросшего смешанным лесом, достигает 3 м. Поврежденный распашкой культурный слой содержит очажные камни, кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, мощность слоя до 0,5 м. Размеры стоянки приблизительно 30 x 40 м.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 122.

399. Назарово, поселение. Средневековье — позднее средневековье. Находится на южном берегу озера Родионовского, в 1,5 км к юго-востоку от д. Нефедово в урочище «Назарово». Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. На поселении заложен шурф. Размеры памятника приблизительно 60 x 100 м. Перемешанный распашкой культурный слой мощностью 0,25–0,40 м

насыщен поздним деревенским мусором. Среди находок из шурфа и из обнажений фрагмент лепного сосуда с орнаментированным срезом венчика и фрагменты позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 122.

400. **Зубово**, поселение. Эпоха раннего металла — средневековье. Находится на острове в озере Кумозере, входящем в Лозско-Азатскую озерную систему, в 0,5 км к востоку от д. Зубово. Обнаружено и обследовано А. В. Кудряшовым в 1994 г., заложен шурф, собран подъемный материал. Размеры острова 30 x 50 м, высота площадки поселения над водой — около 1 м. На острове растет несколько берез. В северной части острова в обрыве берега собраны кремневые отщепы и фрагменты гладкостенной керамики, орнаментированные ямками по венчику. В шурфе, заложенном в центре острова, выявлен культурный слой мощностью 0,2–0,3 м, содержащий очажные камни и лепную керамику с крупными примесями и без орнамента.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 55.

401. **Ангозеро**, стоянка. Неолит — позднее средневековье. Находится на северо-восточном берегу озера Ангозера, в 1,2 км к востоку от д. Ангозеро. Открыта и обследована в 1994 году А. В. Кудряшовым. Берег высотой около 0,5 м размывается из-за подъема воды в Ангозере плотиной, находящейся в истоке речки Троицкой. Подъемный материал собран на отмели протяженностью около 120 м. В обрыве берега выявлен культурный слой мощностью 0,25–0,30 м, перекрытый торфом. Среди находок кремневые ножи, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика, фрагменты позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994 л. 55.

402. **Дюково**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье. Находится на озере

Люпинском на острове Дюково, в 30 км к югу от г. Белозерска, в 1 км к юго-востоку от д. Жидково. Открыто в 1994 г. А. В. Кудряшовым, в 1996 г. на площадке заложен шурф 2 x 4 м. В 1997 г. проведены раскопки на площади около 120 кв. м. Поселение занимает южную часть острова размером 180 x 60 м, возвышающегося над водой на 2,5 м. Поверхность острова покрыта смешанным лесом. Размеры средневекового поселения 30 x 80 м, размеры неолитической стоянки — 100 x 40 м. Раскопками выявлен культурный слой мощностью от 0,3 до 0,7 м и вскрыты остатки средневековых построек, слегка заглубленных в землю, с очагами в ямах. Обнаружены также очаги и ямы, относящиеся к различным предшествующим эпохам. Среди находок, происходящих с поселения, целый и фрагментированные железные ножи, зубильце, клинья от топоров, фрагменты листовой бронзы, оселки, различные орудия из кремня и сланца, а также ямочно-гребенчатая керамика, гладкостенная лепная керамика с редкими ямками и отпечатками гребенчатого штампа, сетчатая, штрихованная и грубая лепная, в том числе украшенная гребенчатым штампом, и круговая древнерусская керамика.

Кудряшов А. В. А-1994, л. 55; Кудряшов А. В., А-1996, л. 67, 68; Кудряшов А. В., А-1997, л. 12–30.

403. **Старина**, стоянка. Неолит — позднее средневековье. Находится на восточном берегу озера Люпинского, в 3 км к юго-востоку от д. Жидково в урочище «Старина», на территории современного дачного поселка. Открыта в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть береговой террасы высотой до 1,5 м. Размеры стоянки 20 x 80 м, центральная часть ее разрушена при благоустройстве дачного участка. Культурный слой светло-серого цвета мощностью 0,2–0,3 м, содержащий ямочно-гребенчатую керамику и кремневые отщепы, перекрыт желтым песком. Мощность песка до 0,3 м. Среди находок представлены также скреб-

ки, кремневые пластины и фрагменты позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 56.

404. **Балахтино**, поселение. Эпоха раннего металла — позднее средневековье. Находится на северном берегу озера Люпинского, в 0,5 км к востоку от д. Жидково в урочище «Балахтино». Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Поселение занимает часть береговой террасы, возвышающейся над поймой на высоту до 6 м. В шурфе выявлен культурный слой мощностью до 0,35 м, насыщенный поздним деревенским мусором. В культурном слое, кроме поздней круговой керамики, найдены кремневые отщепы, фрагмент лепной керамики с крупными примесями в тесте, фрагменты позднесредневековой керамики. Размеры поселения приблизительно 30 x 80 м.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 34.

405. **Закалитье**, селище. Позднее средневековье. Находится на северо-западном берегу озера Люпинского, в 0,8 км к юго-западу от д. Лесуково. Открыто в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Селище располагается на месте деревни Закалитье, на мысу, образованном озером и заболоченной низиной. Высота мыса над водой до 7 м. Размеры поселения приблизительно 50 x 90 м. В шурфе зафиксирован культурный слой — серо-коричневая супесь с многочисленными фрагментами позднесредневековой круговой керамики, в том числе чернolocенной.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 34–35.

406. **Люпинский погост**, поселение. Средневековье — позднее средневековье. Находится на юго-восточном берегу озера Люпинского, в 3 км к югу от д. Жидково. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Поселение располагается рядом с современным кладбищем, вблизи фундамента разрушенной деревянной цер-

кви. Оно занимает часть террасы, возвышающейся над водой на высоту 12–14 м. Терраса удалена от озера на 70 м. Размеры поселения приблизительно 50 x 50 м. В шурфе выявлен культурный слой серо-коричневого цвета толщиной до 0,35 м, содержащий очажные камни и средневековую круговую керамику.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 35.

407. **Люпинское озеро I**, стоянка. Мезолит. Находится на восточном берегу южного залива озера Люпинского, в 2,5 км к югу от д. Лесуково. Обнаружена в 1996 г. А. В. Кудряшовым. Занимает береговую террасу высотой до 2 м над водой. Поверхность густо поросла лесом. Культурный слой в обрыве визуально не прослеживается. Подъемный материал собран на неширокой отмели протяженностью около 170 м. Среди находок кремневые пластины и отщепы.

Кудряшов А. В., А-1996, л. 68.

408. **Павлинское озеро**, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на северном берегу озера Павлинского, располагающегося в 1,5 км к юго-востоку от Люпинского озера, в 4,5 км к юго-востоку от д. Жидково. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поселение располагается в 100 м к югу от места, где находилась д. Павлино. Высота берега здесь 0,5–1,0 м. Черный углистый слой, содержащий очажные камни, виден на площади размерами 20 x 50 м. Северный край селища распахан на современном поле. В зачистке берега и среди подъемного материала имеются фрагменты средневековой и позднесредневековой керамики, украшенной процерченными орнаментами.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 33, 34.

409. **Волочок**, селище. Позднее средневековье. Находится на южном берегу Ворбозомского озера, в 1,5 км к западу от д. Ануфриево. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшо-

вым. Находится на месте д. Волочок, заброшенной в 1970-х гг. Высота береговой террасы до 3-4 м. Культурный слой с очажными камнями распространяется на площади размерами 40 x 70 м. На поселении собрана позднесредневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 56.

410. Кукшево, стоянка. Неолит. Находится на северном берегу Ворбозомского озера, в 1 км к юго-востоку от д. Кукшево, в 450 м к юго-востоку от устья реки Кукшевки. Занимает небольшую ровную площадку с восточной стороны мыса, вдающегося в озеро. С востока стоянка ограничена ложбиной. Поверхность памятника задернована. Размеры его 15 x 55 м. Стоянка обнаружена и обследована М. В. Иванищевой в 1991 г. Культурный слой — темно-коричневый суглинок — залегает под дерном, его мощность 0,2 м. Среди подъемного материала кремневый нож и ямочно-гребенчатая керамика.

Иванищева М. В., А-1991.

411. Воздвиженье 1, стоянка. Неолит — ранний железный век. Находится в 0,5 км к юго-востоку от с. Воздвиженье. Занимает часть мыса, образованного двумя заливами на восточном берегу Ворбозомского озера. Высота берега до 1,5 м. Размеры памятника 25 x 85 м. Поверхность его распахивается. Обнаружена и обследована в 1989 г. А. В. Мирецким. В зачистке берега выявлен культурный слой — желтый и беловатый песок толщиной 0,3 м, перекрытый паханным слоем толщиной до 0,36 м. Среди подъемного материала — топоры, наконечники стрел с двухсторонней обработкой, скребки, пластинки, кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая керамика, сетчатая керамика и керамика, орнаментированная редкими ямками.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 5, 6.

412. Воздвиженье 2, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу Ворбозомского озера, в 1 км к юго-западу от церкви села Воздвиженье. Расположена на оконеч-

ности низкого мыса, глубоко вдающегося в озеро. Высота мыса около 0,5 м над весенним уровнем воды в озере. Поверхность стоянки задернована. Ориентировочные размеры 20 x 50 м. Обнаружена и обследована А. В. Мирецким в 1989 г. Зачисткой берега выявлена следующая стратиграфия: под дерном залегает темно-серая супесь толщиной 0,14 м, подстилаемая светло-серым суглинком (0,06 м). В культурном слое обнаружены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и кремневые отщепы.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 6.

413. Воздвиженье 3, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла. Находится в 0,7 км к северо-западу от с. Воздвиженья. Располагается в основании мыса коренного берега Ворбозомского озера, на высоте 0,5–0,7 м над весенним уровнем воды в озере. Размеры памятника 50 x 80 м, поверхность распахивается. Стоянка обнаружена и обследована в 1989 г. А. В. Мирецким. Мощность культурного слоя 0,05 м. Среди находок сланцевые топор, тесло, пластины и отщепы кремня.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 6.

414. Воздвиженье 4, стоянка. Неолит. Находится в 1,5 км к северо-западу от с. Воздвиженье, на восточном берегу озера Ворбозомского. Располагается на оконечности мыса коренного берега высотой до 1–1,5 м над весенним уровнем воды в озере. Поверхность памятника поросла смешанным лесом. Размеры стоянки 20 x 30 м. Памятник обнаружен в 1989 году А. В. Мирецким. Культурный слой представляет собой коричнево-серый суглинок, залегающий под дерном. Его толщина 0,07 м. В культурном слое обнаружены кремневые вкладыш на пластине и отщеп.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 7.

415. Воздвиженье 5, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла. Находится в 0,6–0,7 км к юго-востоку от с. Воздвиженье, в

1,8 км к северу от д. Ануфриево. Расположена на мысу, образованном двумя заливами Ворбозомского озера. Высота берега до 2 м над весенним уровнем воды в озере. Обнаружена и обследована в 1989 г. А. В. Мирецким. Размеры памятника не определены. В шурфе размером 1 х 1 м зафиксирована следующая стратиграфия культурного слоя: под дерном залегает коричневый суглинок толщиной 0,09 м, ниже залегает светло-коричневый суглинок толщиной 0,10 м, его подстилает светло-желтый намывной песок толщиной 0,16 м, подстилаемый материковой бурой глиной. На контакте коричневого и светло-коричневого суглинков обнаружены кремневые скребок и два отщепы.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 7, 8.

416. **Ануфриево 1**, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла. Находится в 1,2–1,3 км к западу от д. Ануфриево, на южном берегу Ворбозомского озера, в устье небольшой речки. Занимает часть мыса высотой 0,5–1,5 м над весенним уровнем воды в озере. Размеры 20–40 х 160 м. Открыта в 1989 г. А. В. Мирецким, при обследовании произведена зачистка берега на четырех участках. В зачистках выявлен культурный слой в виде темно-коричневого и светло-коричневого суглинков общей мощностью 0,15–0,4 м. В одной из зачисток обнаружен черный суглинок мощностью до 0,26 м. Культурный слой содержит фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, сетчатой керамики и керамики с редкими ямочными вдавлениями.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 8, 9.

417. **Ануфриево 2**, стоянка. Неолит — эпоха бронзы. Находится в 1,1 км к западу от деревни Ануфриево. Занимает часть мыса, образованного Ворбозомским озером и устьем небольшой речки, на правом берегу последней. Высота берега 0,5–1,0 м над весенним уровнем воды в озере. Поверхность задернована, размеры памятника 20 х 30 м. В зачистке выявлен культурный слой — темно-коричневый суглинок мощ-

ностью 0,16 м. Обнаружен фрагмент стенки лепного сосуда с расчесами и обломок ретушированного кремневого орудия.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 9.

418. **Ануфриево 3**, стоянка. Неолит — эпоха бронзы. Находится в 1,2 км к западу от д. Ануфриево, на южном берегу Ворбозомского озера. Располагается на мысу, образованном небольшой речкой и впадающим в нее ручьем. Высота мыса 0,5 м над весенним уровнем воды. На поверхности имеются небольшие ямы, остальная часть ее задернована. Размеры памятника 25 х 35 м. Стоянка обнаружена и обследована А. В. Мирецким в 1989 г. Зачищен край обнажения. В зачистке под дерном выявлен темно-серый суглинок толщиной 0,14 м, перекрывающий желтый суглинок толщиной 0,44 м. Нижний слой содержит кремневые отщепы.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 9, 10.

419. **Семкино**, селище. Позднее средневековье. Находится на западном берегу озера Робозеро (Заробозеро) на территории современной дачной деревни Семкино. Открыто в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поселение занимает центральную часть деревни, размещается на гриве высотой до 5 м над меженным уровнем воды в озере. Размеры поселения приблизительно 40 х 100 м. На поселении собрана позднесредневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 48.

420. **Усть-Похта**, поселение. Эпоха раннего металла — позднее средневековье. Находится на северо-западном берегу Робозера (Заробозера) в 0,8 км к северо-востоку от д. Семкино. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Участок берега, на котором располагается поселение, находится в 100 м к северо-востоку от устья реки Похты. Высота берега 1–2 м, поселение находится на небольшом зарастающем поле, которое распахивалось. Размеры памятни-

ка 25 x 55 м. Зачисткой берега обнаружен серо-коричневый паханный слой с угольками и очажными камнями мощностью до 0,3 м. Среди находок кремневые отщепы и орудие, фрагменты лепной керамики эпохи раннего металла и позднесредневековой круговой.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 48.

421. Сенной остров, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье (?). Находится на Сенном острове в Робозере (Заробозере), в 1 км к востоку от д. Семкино. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф, зачищен культурный слой в обрыве берега. Размеры острова 150 x 40 м, высота его над водой до 2 м. Остров порос смешанным лесом. Культурный слой имеет мощность от 0,4 до 0,55 м и включает несколько разновременных прослоек. Среди находок: фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, гладкостенной лепной керамики с редкими ямками, сетчатой, штрихованной и грубой лепной неорнаментированной керамики.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 49, 50.

422. Остров Молебный, поселение. Неолит — средневековье. Находится на острове Молебный в восточной части озера Робозеро (Заробозеро), в 3 км к востоку от д. Семкино. Обнаружено и обследовано в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. В 1998 г. произведены раскопки памятника, вскрыта площадь около 130 кв. м. Размеры острова 150 x 50 м, высота площадки над водой до 4–5 м, поверхность поросла редким смешанным лесом. Остров с западной стороны имеет обрыв. В ходе раскопок выявлен культурный слой серо-коричневого цвета мощностью 0,20–0,45 м, принадлежащий средневековому поселению. Ниже этого слоя залегал розовый песок с фрагментами ямочно-гребенчатой керамики и кремневыми отщепами толщиной от 0,12 до 0,5 м. В шурфе обнаружены шиферное пряслице, фрагмент наконечника стрелы

из кремня, скребки, фрагмент шлифовальной плиты, многочисленные фрагменты лепной средневековой керамики, в том числе орнаментированной гребенчатым штампом, а также фрагменты ямочно-гребенчатой неолитической керамики. Во время раскопок обнаружены остатки наземных построек, развалы очагов-каменок, очаги в материковых ямах. Среди индивидуальных находок эпохи средневековья рабочий топор типа 5 по А. Н. Кирпичникову, ножи, оселки, фрагменты бронзовой и железной посуды, тройная бусина-пронизка, бутылковидная подвеска и другие вещи. В числе неолитических орудий представлены многочисленные сланцевые тесла, топоры, стамески, кремневые скребки, ножи. Исследованы остатки неолитического жилища, слегка углубленного в материк. Средневековое поселение имеет размеры приблизительно 25 x 50 м, неолитическая стоянка занимала почти весь остров.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 50; Кудряшов А. В., А-1998.

423. Исток Самсорки I, стоянка. Каменный век. Находится на юго-восточном берегу Робозера (Заробозера), на береговом мысу в 0,4 км к западу от истока реки Самсорки из Робозера, в 3,5 км к югу от д. Семкино. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Высота берега около 2 м, поверхность памятника поросла смешанным лесом. Размеры поселения приблизительно 25 x 60 м. Культурный слой, выявленный в зачистке берега, имел мощность до 0,4 м и включал в себя несколько прослоек. В зачистке обнаружены фрагмент кремневого наконечника с двухсторонней обработкой и кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 51.

424. Исток Самсорки II, стоянка. Неолит. Находится в юго-восточной части Робозера (Заробозера), в 3,5 км к юго-востоку от д. Семкино. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на мысу высотой

до 1 м, образованном рекой Самсоркой и озером. Площадка памятника заросла смешанным лесом. Размеры стоянки 45 х 60 м. В зачистке берега выявлен культурный слой серо-коричневого цвета мощностью до 0,35 м. Найдены сланцевый отщеп и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 51.

425. Шиднем I, селище. Средневековье. Находится на острове Шиднем (ранее представлявшем собой полуостров) в озере Новозере, в 1,5 км к юго-востоку от д. Анашкино. Открыто в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Селище располагается на самом высоком месте острова, где когда-то стояла деревня Шиднем. Высота береговой террасы до 5 м. Культурный слой мощностью до 0,5 м содержит культурные остатки средневековья и поздний деревенский мусор. Размеры средневекового поселения приблизительно 30 х 120 м. На селище собрана круговая древнерусская керамика.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 76.

426. Шиднем II, поселение. Неолит — средневековье — позднее средневековье. Находится на острове Шиднем, на озере Новозере, в 2 км к юго-востоку от д. Анашкино. Обнаружено и обследовано А. В. Кудряшовым в 1993 г., заложен шурф. Поселение занимает часть береговой террасы высотой до 2,5 м над меженным уровнем воды на западном, обращенном к проливу, берегу острова. Размеры памятника 45 х 80 м, поверхность имеет следы распахки. Шурфовка и зачистка культурного слоя в яме показали, что он перемешан распахкой на 0,20–0,25 см, ниже залегает черный углистый слой мощностью 0,20–0,22 м, с очажными камнями и фрагментами поздне-средневековой круговой, лепной и круговой средневековой и ямочно-гребенчатой неолитической керамики. Еще ниже прослежен слой предматерикового рыжего песка толщиной 0,05 м с ямочно-гребенчатой керамикой.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 77.

427. Пыжелохта, селище. Позднее средневековье. Находится на южном берегу Новозера рядом с нежилой д. Пыжелохта. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Селище занимает часть береговой террасы высотой 3–4 м над меженным уровнем воды. В обрыве берега выявлен культурный слой с очажными камнями темно-серого цвета мощностью до 0,3–0,4 м. Размеры селища 25 х 65 м. При зачистке берега обнаружена поздне-средневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 35, 36.

428. Петряева Горка, селище. Позднее средневековье. Находится на южном берегу Новозера, в 1 км к югу от дачной деревни Екимово. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поселение располагается между озером и урочищем Петряева Горка, на береговом склоне высотой 1–3 м над водой. В зачистке ямы выявлен темно-серый мешаный слой толщиной 0,3–0,5 м с очажными камнями и поздне-средневековой керамикой. Размеры поселения приблизительно 30 х 70 м. Подъемный материал собран также на отмели.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 36.

429. Анашкино, селище. Позднее средневековье. Находится на северном берегу Новозера на территории деревни Анашкино. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Селище занимает прибрежную часть террасы на берегу небольшого залива. Высота берега до 3–4 м. Размеры поселения приблизительно 35 х 95 м. В составе подъемного материала, собранного на отмели, поздне-средневековая круговая керамика с крупными примесями в тесте и плохим обжигом.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 36.

430. Карл Либкнехт, стоянка. Неолит. Находится на западном берегу Новозера на территории поселка Карл Либкнехт. Зани-

мает часть мыса, образованного озером и рекой Новой, вытекающей из озера. Мыс имеет высоту над водой до 1 м. Поверхность памятника частично заболочена. Стоянка обнаружена и обследована А. Н. Башенькиным в 1992 г. Под дерном выявлен культурный слой — гумусированный суглинок мощностью около 0,15 м. Подъемный материал собран на отмели на участке протяженностью около 60 м. Среди находок имеются сланцевый топор, скребки, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Башенькин А. Н., А-1992.

431. **Устье I**, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу Андозера, в 0,5 км к юго-западу от д. Устье. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Находится на небольшом «острове» — сухой возвышенности высотой до 1 м над поймой. Стоянка занимает самую высокую центральную часть острова, ее размеры приблизительно 25 x 40 м. В шурфе выявлен культурный слой — темно-серый гумусированный грунт (0,12–0,18 м) и слабогумусированный песок (0,05 м). Слой содержит кремневые отщепы и ямочно-гребенчатую керамику.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 58.

432. **Устье II**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла. Находится на южном берегу Андозера в 1,5 км к западу от д. Устье. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Располагается на сухом «острове» размером 15 x 50 м, возвышающемся над поймой на 0,8 м, в 120 м от озера. В шурфе выявлен культурный слой — светло-серый гумус с угольками (0,07 м), перекрытый слоем торфа (0,20 м). Культурный слой содержит фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и лепной тонкостенной керамики хорошего обжига.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 37.

433. **Устье III**, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу реки Новы в 0,5 км выше

ее впадения в Андозеро, на территории современной деревни Устье. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Площадка селища возвышается над меженным уровнем воды в реке на 3 м. Культурный слой темно-серого цвета, содержащий очажные камни, круговую древнерусскую и позднесредневековую керамику, прослеживается на огородах деревни на площади около 50 x 100 м.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 37.

434. **Селище I**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье. Находится на восточном берегу Андозера, в 1 км к северо-западу от д. Устье. Обнаружено и обследовано в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Памятник находится в урочище «Селище» на большом мысу высотой до 1,5 м над современным уровнем воды в озере. Культурный слой сохранился на двух участках. Первый находится на западной оконечности мыса, имеет размеры 35 x 120 м, второй — в некотором отдалении от первого к северо-востоку, на небольшом мыске, имеющем высоту до 1,5 м над поймой. Его размеры 30 x 50 м. На первом участке в шурфе выявлен распаханый культурный слой мощностью 0,20–0,25 м. Слой содержал очажные камни, куски обожженной глины, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, гладкостенной керамики эпохи раннего металла, сетчатой, лепной и круговой средневековой керамики. В шурфе на втором участке зафиксирован серо-коричневый слой мощностью до 0,25 м с лепной и круговой средневековой керамикой. Не исключено, что пятна культурного слоя принадлежат двум различным поселениям.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 59, 60.

435. **Селище II**, селище. Средневековье. Находится в 1 км к северо-западу от д. Устье на восточном берегу Андозера, в урочище «Селище» в 200 м к северо-востоку от поселения Селище I. Обнаружено и обследо-

довано в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Берег возвышается над водой до 1 м. Размеры памятника 30 x 70 м. В шурфе выявлен черный гумусированный слой с лепной и круговой средневековой керамикой мощностью 0,25 м.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 60.

436. **Селище III**, стоянка. Неолит. Находится на восточном берегу Андозера, в 0,8 км к северо-западу от д. Устье в урочище «Селище». Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Стоянка располагается в небольшой бухте, берег имеет высоту 0,5–0,7 м. Подъемный материал собран на отмели протяженностью 40 м. Среди находок кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 60.

437. **Черная Лохта**, стоянка. Мезолит. Находится на восточном берегу Андозера, в 1,3 км к северу от д. Устье. Обнаружена и обследована в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Стоянка располагается на небольшом острове, между озером и болотом в заливе «Черная Лохта». Высота острова около 1 м, поверхность его поросла лесом. Размеры стоянки приблизительно 40 x 50 м. Культурный слой мощностью 0,15 м содержит очажные камни, кремневые отщепы, в том числе пластинчатые.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 60.

438. **Малышкино**, стоянка. Мезолит. Находится на восточном берегу Андозера, в 2 км к северо-западу от д. Устье. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Распологается в урочище «Малышкино», занимает часть небольшого мыса, возвышающегося над поймой Андозера на высоту до 2 м. Размеры мыса приблизительно 30 x 50 м. В шурфе выявлен серо-коричневый культурный слой толщиной 0,12–0,15 м со следами распашки. Культурный слой содержит кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 60–61.

439. **Сярма-остров**, стоянка. Каменный век. Находится на сухом острове в 2,5 км к юго-западу от д. Устье, в 0,5 км к югу от Андозера на правом берегу р. Сярмы, в 0,5 км от ее устья. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поросший березами остров, на котором находится памятник, имеет размеры 140 x 50 м, высота его над поймой до 1 м. В обнажениях прослежен светло-серый слой с угольками, на различных участках острова собраны кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 37, 38.

440. **Грудки**, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на северо-восточном берегу Андозера, в 2,5 км к северо-западу от д. Устье. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Распологается на гриве, лежащей между озером и болотом, на склоне берега, обращенном к озеру, рядом с устьем пересохшего ручья, вытекавшего из болота. Высота береговой террасы 1,5–2 м. Размеры памятника приблизительно 30 x 40 м. В зачистке берега зафиксирован культурный слой серо-коричневого цвета мощностью 0,20–0,25 м со следами распашки. Слой содержал кремневые отщепы и фрагменты лепной слабообожженной керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 61.

441. **Усть-Сярма**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — средневековье — позднее средневековье. Находится на южном берегу Андозера в 0,4 км к западу от устья р. Сярмы, в 1,5 км к юго-западу от д. Устье. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Распологается на небольшом сухом острове, возвышающемся над водой и поймой озера на высоту до 1,5 м. Размеры острова 25 x 70 м, на нем растет несколько берез. При зачистке берега выявлен культурный слой черного цвета, мощностью 0,25 м, содержащий куски глиняной обмазки, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики, толстостенной лепной керамики с гребенчатым штампом, средневековой круговой керамики, а также гвозди и стекла.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 61–62.

442. У острова Новоселки, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу Андозера в заливе, в 4 км к западу от д. Устье, в 0,5 км к югу от южного острова «Новоселки». Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Находится на островке размерами 25 x 30 м, высотой до 1,5 м над меженным уровнем воды. При зачистке берега выявлен светло-серый культурный слой с угольками мощностью до 0,12 м с мелкими очажными камнями. На отмели перед островом обнаружены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и осколки кремня.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 38–39.

443. Хутора, стоянка. Неолит. Находится на южном берегу Андозера, в 5 км к западу от д. Устье, в 1 км к востоку от урочища «Хутора», располагающегося рядом с дорогой, выходящей к озеру от пос. Визьмы. Стоянка обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на невысоком, едва достигающем высоты 1 м, берегу озера. Культурный слой черного цвета толщиной около 0,1 м с фрагментами ямочно-гребенчатой керамики перекрыт белым стерильным песком. Размеры стоянки 25 x 80 м.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 62.

444. Усть-Бозерка, стоянка. Мезолит. Находится на южном берегу Андозера, в 0,4 км к востоку от устья речки Бозерки, в 1,5 км к востоку от нежилой деревни Сенькино. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть береговой террасы высотой 1–1,5 м, имеет размеры 25 x 40 м. В шурфе выявлен культурный слой светло-серого цвета с угольками и мелкими очажными камнями. Его толщина до 0,18 м. В слое найдены кремневая пластинка и изделия из сланца.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 39.

445. Сенькино, стоянка. Неолит. Находится на Андозере, на восточном берегу

полуострова Пыжмень, в 1,2 км к северо-востоку от нежилой д. Сенькино. Памятник обнаружен в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на сухом острове размером 150 x 60 м, поросшем смешанным лесом. Высота острова над водой чуть выше 1 м. Стоянка размещается в юго-западной части острова, ее размеры приблизительно 20 x 40 м. Культурный слой представляет собой серый песок мощностью до 0,15 м, содержащий ямочно-гребенчатую керамику.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 62.

446. Лохта, поселение. Неолит — эпоха раннего металла. Находится на северном берегу Андозера на береговом мысу в 3 км к югу от д. Лохты. Обнаружено и обследовано в 1997 г. А. В. Кудряшовым. На мысу различаются два участка — первый в южной части мыса, где на отмели перед береговым валом высотой до 1 м обнаружены фрагменты ямочно-гребенчатой керамики. Отмель имеет протяженность около 50 м. Второй участок располагается на юго-западном краю мыса, занимает часть возвышенного (до 1,5 м над уровнем воды) берега с небольшим обрывом. Размеры его 20 x 45 м. В зачистке берега выявлен светло-серый гумусированный слой с мелкими очажными камнями толщиной до 0,18 м. Слой содержит фрагменты лепной гладкостенной керамики и сланцевый предмет. Не исключено, что на мысу располагались два памятника.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 38.

447. Веромень, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на северном берегу Андозера на мысу Веромень, в 5 км к северо-западу от д. Устье. Обнаружено в 1993 г. А. В. Кудряшовым. Находится на месте существовавшей до 1960-х гг. д. Веромень в прибрежной части террасы. Берег имеет высоту более 5 м, часть террасы уничтожена карьером размерами 40 x 80 м. В обрыве зафиксирован культурный слой — серый гумусированный песок с мел-

кими очажными камнями, угольками, штрихованной и поздней круговой керамикой. На отдельных участках мощность слоя достигает 0,5 м.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 78.

448. Поварня, поселение. Неолит — средневековье. Находится на северном берегу Андозера, в 4 км к северо-востоку от деревни Аристово. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Располагается на береговом валу между озером и болотом, на склоне, обращенном к озеру. Высота берега над водой до 3 м, он имеет небольшой обрыв. Местность носит название «Поварня». Размеры памятника приблизительно 25 x 30 м. На поверхности его растет смешанный лес. Выявленный в шурфе культурный слой мощностью до 0,4 м имеет серо-коричневую окраску и содержит очажные камни, угли, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики. Найдены также два фрагмента грубой лепной керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 62.

449. Андозеро 1, стоянка. Неолит. Находится в 1 км к востоку от д. Калинино, на берегу Андозера. Располагается на берегу коренного берега озера высотой 2–2,5 м. Размеры стоянки 20 x 40 м. Обнаружена в 1971 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. обследована А. В. Мирецким. Раскопками С. В. Ошибкиной вскрыта площадь 32 кв. м. Культурный слой толщиной 0,10–0,15 м залегает под дерном. При раскопках обнаружены кремневые ножевидные пластины и скребки, сланцевое тесло, фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1971; Ошибкина С. В., 1978, с. 41–42; Мирецкий А. В., А-1989, л. 11–12.

450. Андозеро 2, стоянка. Мезолит — неолит — эпоха раннего металла. Находится в 0,3 км к юго-востоку от д. Калинино, на краю террасы высотой до 2 м над водой.

Размеры памятника 20 x 70 м. Стоянка обнаружена в 1971 г. С. В. Ошибкиной, раскопками 1971 и 1974–75 гг. вскрыта площадь 160 кв. м. В 1989 году памятник обследован А. В. Мирецким. Зафиксирована следующая стратиграфия: под дерном залегает слой светло-коричневой супеси мощностью 0,4 м, ниже — слой глины толщиной 0,10 м, еще ниже залегает песок толщиной 0,1–0,15 м. Комплекс находок эпохи неолита связан со слоем светлой супеси, перекрывающий его на отдельных участках слой относится к эпохе раннего металла. В нижележащих слоях песка и глины зафиксированы материалы, относящиеся к мезолиту. Здесь обнаружены остатки жилища круглой формы. Из мезолитического слоя происходят орудия из сланца, кремня, шлифовальные плиты, орудия со сверлиной, пластины с ретушью, скребки на пластине, нуклеусы, мелкие кальцинированные кости. В неолитическом слое найдены остатки жилища, очагов. Среди находок этой эпохи орудия из кремня и сланца, ямочно-гребенчатая керамика, грузики, части от составных рыболовных крючков.

Ошибкина С. В., А-1971; Ошибкина С. В., А-1974; Ошибкина С. В., А-1975; Ошибкина С. В., 1978, с. 42–47; Мирецкий А. В., А-1989.

451. Андозеро 3, стоянка. Неолит — эпоха раннего металла. Находится в 0,8–1,0 км к югу от д. Калинино на берегу Андозера на высоте 0,5–1 м. Поверхность памятника периодически распахивалась. Точные размеры стоянки не определены. Открыта в 1971 г. С. В. Ошибкиной, повторные обследования производились в 1976 г. С. В. Ошибкиной и в 1989 г. А. В. Мирецким. В шурфе, заложенном С. В. Ошибкиной, зафиксирован культурный слой — торфянистый суглинок мощностью 0,4 м. На стоянке обнаружены кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая неолитическая керамика и керамика эпохи раннего металла.

Ошибкина С. В., А-1971; Ошибкина С. В., А-1976, л. 24; Ошибкина С. В., 1978, с. 47; Мирецкий А. В., А-1989, л. 13–14.

452. **Андозеро 4**, стоянка. Неолит. Находится у южного берега Андозера на западном берегу большого залива, в 0,4 км к северо-западу от д. Барково, в 3 км к югу от д. Калинино. Располагается на краю берега, у подножья моренного холма, на высоте 1–1,5 м. Поверхность стоянки задернована, памятник размывается озером. Размеры стоянки 30 х 80 м. Обнаружена и обследована в 1971 г. С. В. Ошибкиной, в 1989 г. осмотрена А. В. Мирецким. В зачистке берега выявлены гумусированные слои — темно-коричневого суглинка (0,15 м) и серого суглинка (0,15 м), подстилаемые рыжей материковой глиной. Культурный слой содержит кремневые отщепы и фрагменты ямочно-гребенчатой керамики.

Ошибкина С. В., А-1971; Ошибкина С. В., 1978, с. 47; Мирецкий А. В., А-1989, л. 15.

453. **Андозеро 5**, стоянка. Неолит. Находится на северном берегу Андозера, в 0,3 км к юго-востоку от д. Калинино. Занимает мыс высотой до 2 м. Поверхность стоянки задернована. Размеры 10 х 60 м. Стоянка открыта и обследована в 1975 г. С. В. Ошибкиной. В 1976 г. вскрыта площадь 10 кв. м, в 1980 г. — 12 кв. м. В 1989 г. осмотрена А. В. Мирецким. Раскопками С. В. Ошибкиной выявлены два культурных слоя, разделенные прослойкой, имеющие общую мощность 0,80–1 м. В верхнем слое обнаружены развал очага, орудия из кремня и сланца и ямочно-гребенчатая керамика.

Ошибкина С. В., А-1975; Ошибкина С. В., А-1976, л. 23–24; Ошибкина С. В., А-1980, л. 11–12; Мирецкий А. В., А-1989, л. 13.

454. **Калинино**, селище. Позднее средневековье. Находится на северном берегу

Андозера, в 1 км к северо-северо-западу от д. Калинино. Располагается на слабовыраженном мысу, образованном коренным берегом озера. Приурочено к небольшому заливу. Высота берега над весенним уровнем воды в озере 0,5–1 м. Поверхность распахивается. Размеры памятника 110 х 30 м. Обнаружено и обследовано в 1989 г. А. В. Мирецким. В зачистке берега и в обнажениях собраны фрагменты круговой керамики XV–XVII вв., куски глиняной обмазки, кованые гвозди, кремневый отщеп.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 14.

455. **Барково**, стоянка и селище. Неолит — ранний железный век. Находится в 0,6 км к западу — северо-западу от д. Барково, в 0,1 км к северо-западу от бывшего хутора Трофимов, на западном берегу залива Андозера. Стоянка располагается на мысу у подножия коренного берега, с востока ограничена озером, с севера — старицей. Расположена на краю поймы на высоте около 0,5 м над водой. Размеры памятника приблизительно 20 х 35 м. Обнаружена и обследована А. П. Ланцевым и Н. В. Левиной в 1989 г. Культурный слой представляет собой коричневую супесь мощностью до 0,35 м. Он содержит кремневые отщепы, фрагменты лепной керамики без орнамента с примесями дресвы в тесте. Среди подъемного материала кремневые нуклеус и пластины и фрагменты лепной керамики.

Мирецкий А. В., А-1989, л. 15, 16.

456. **Чагомень**, поселение. Неолит — эпоха раннего металла. Находится на восточном берегу западного залива Андозера, имеющего название «Разбой», в 2 км к западу от д. Калинино. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть береговой террасы в урочище «Чагомень». Высота берега от 1 до 3 м, берег имеет небольшой обрыв. Поверхность памятника периодически распахивается. Размеры поселения 20 х 50 м. В зачистке выявлен залегающий под дерном серый распаханный суглинок

без находок толщиной 0,3 м, перекрывающий слой темно-серого суглинка с угольками толщиной 0,10–0,15 м, содержащий лепную гладкостенную керамику. Еще ниже залегает серо-коричневый слой (0,05–0,08 м), который подстилает светло-серая глина (0,05–0,10 м). Два последних слоя содержат ямочно-гребенчатую неолитическую керамику.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 123.

457. Кьево I, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на северо-восточном берегу Андозера в заливе Разбой, в 2,5 км к северо-западу от д. Калинино. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Располагается в местности «Кьево», занимает часть береговой террасы высотой до 5 м над поймой озера. Размеры памятника приблизительно 50 х 60 м. Культурный слой распахан, имеет мощность до 0,22 м. Среди находок кремневые пластины и отщепы и лепная керамика.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 124.

458. Кьево II, поселение. Ранний железный век. Находится на восточном берегу залива Андозера «Разбой», в 2,5 км к северо-западу от д. Калинино. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Поселение занимает часть сухого «островка» в урочище «Кьево», между болотом и поймой озера. Оно возвышается над болотом и поймой на высоту до 2 м. Размеры острова 50 х 60 м, он порос молодым сосняком. В шурфе зафиксирован культурный слой — коричневый суглинок толщиной 0,05–0,07 м, содержащий угольки, мелкие очажные камни, кремневый скол, фрагмент сетчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 124.

459. Селище на Маттерке I, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье. Находится на правом берегу р. Маттерки, в 3 км выше ее впадения в Андозеро, в 5 км к югу

от д. Борок. Обнаружено и обследовано в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Поселение размещается на береговой террасе высотой до 4 м над рекой, занимая сухой холм между рекой и болотом, размерами 75 х 80 м. На поверхности памятника располагается луг. В шурфе зафиксирована следующая стратиграфия: под дерном залегает темно-серый гумусированный слой с угольками толщиной 0,25 м с лепной средневековой, штрихованной и сетчатой керамикой и кремневыми отщепами; ниже залегает серо-коричневый слой с крошкой обожженной глины, кремневыми отщепами и углями мощностью 0,20 м, еще ниже залегает светло-серый слой с угольками толщиной 0,15 м, содержащий гладкостенную лепную керамику эпохи раннего металла и ямочно-гребенчатую керамику, перекрывающий слой желто-серого песка толщиной 0,15 м с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой. В составе подъемного материала представлена также древнерусская круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 63.

460. Селище на Маттерке II, поселение. Эпоха раннего металла — средневековье (?). Находится на левом берегу р. Маттерки, в 1 км к северо-западу от урочища «Селище» и в 4 км к югу от д. Борок. Обнаружено и обследовано в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Размещается на сухом острове, возвышающемся над поймой на высоту от 1 до 5 м. Размеры поселения 30 х 80 м. В шурфе выявлен коричневый гумусированный культурный слой мощностью до 0,4 м, собраны фрагменты лепной гладкостенной керамики, украшенной редкими отпечатками гребенчатого штампа и ямками.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 124.

461. Девичья Гора I, стоянка. Неолит. Находится на северо-восточном берегу озера Сывозера, в 5 км к юго-западу от д. Борок. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Памятник размещается на восточном склоне высокого холма, имеющего назва-

ние «Девичья гора». Высота площадки над уровнем воды от 3 до 5 м. Размеры стоянки 30 x 35 м. В зачистке берега под дерном выявлен черный углистый слой с очажными камнями мощностью около 0,20 м, содержащий фрагмент круговой керамики, ниже залегал красный песок толщиной 0,15–0,20 м с фрагментами ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 63, 64.

462. Девичья Гора II, селище. Средневековые — позднее средневековые. Находится на северо-восточном берегу Сывозера, в 5 км к юго-западу от д. Борок. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Располагается в истоке из Сывозера р. Ухтомки, впадающей в реку Маттерку. Занимает мыс, образованный озером, рекой и болотом, высотой около 2 м над поймой. Размеры памятника приблизительно 25 x 35 м. В шурфе выявлен культурный слой — темно-серый гумус с очажными камнями мощностью 0,3–0,4 м, подстилаемый серо-коричневым предматериковым песком толщиной 0,05 м. В слое собрана лепная средневековая керамика, древнерусская круговая керамика, круговая керамика позднего средневековья и нового времени. Найдены также два фрагмента ямочно-гребенчатой керамики и кремневые отщепы, попавшие сюда, возможно, с соседней неолитической стоянки Девичья гора I.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 125.

463. Девичья Гора III, поселение. Неолит — позднее средневековые (?). Находится на северо-восточном берегу Сывозера, в 5,5 км к юго-западу от д. Борок, в 80–100 м к западу от урочища «Девичья гора». Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Занимает мыс высотой до 3 м над уровнем воды, образованный озером и заболоченной низиной. Мыс частично порос лесом, размеры памятника приблизительно 35 x 90 м. При зачистке ямы выявилась следующая стратиграфия: под дерном залегает черный

углистый слой мощностью 0,12–0,14 м, содержащий фрагменты ямочно-гребенчатой керамики и круговой керамики хорошего обжига, он подстилается слоем красного песка мощностью до 0,15 м, с кремневыми отщепами и ямочно-гребенчатой керамикой.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 39, 40.

464. Усть-Андога 1, поселение. Ранний железный век — средневековые. Находится в 0,3 км ниже истока р. Андоги из Андозера, на левом берегу реки, в 1 км к западу от нежилой деревни Усть-Андога, рядом с заброшенным кладбищем. Занимает часть небольшого мыса, высота береговой террасы до 2 м. Размеры поселения приблизительно 40 x 80 м. Поверхность памятника задернована. Памятник открыт и обследован в 1975 г. С. В. Ошибкиной, в 1982 г. обследован Н. А. Макаровым. На поселении заложен шурф 2 x 1 м, произведены зачистки берега. Культурный слой — коричневая заторфованная почва мощностью около 0,3 м. Среди находок фрагменты сетчатой и штрихованной керамики, круговой и лепной средневековой керамики, фрагмент бронзового предмета, фрагмент керамической подвески.

Ошибкина С. В., А-1975, л. 12; Макаров Н. А. А-1982.

465. Усть-Андога II, селище. Средневековые — позднее средневековые. Находится в 4 км к юго-западу от д. Калинино, в 0,9 км к западу от нежилой деревни Усть-Андога, в 150 м к востоку от старого кладбища Усть-Андога. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Селище занимает часть террасы, возвышающейся над поймой до 2 м, площадка периодически распахивается. Культурный слой зафиксирован на участке размерами примерно 30 x 80 м. В шурфе выявлен темно-серый гумусированный паханный слой толщиной 0,25–0,30 м, испорченный поздними перекопами, найдены один фрагмент лепной

керамики, фрагменты круговой древнерусской посуды, позднесредневековая керамика с крупными примесями в тесте.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 125–126.

466. **Усть-Андога III**, поселение. Эпоха раннего металла. Находится на правом берегу р. Андоги, в 5 км к юго-западу от д. Калинино, в 0,5 км к юго-западу от кладбища Усть-Андога. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на сухом «острове», на пойме между р. Андогой и береговой террасой. Поселение имеет размеры 30 x 50 м, высота острова над поймой до 1–1,5 м. Культурный слой, прослеженный в обнажениях, имеет серо-коричневую окраску и содержит мелкие очажные камни и фрагменты лепной гладкостенной керамики плохого обжига.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 126.

467. **Тишин Заезок**, поселение. Неолит — ранний железный век — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу реки Андоги, в 4 км к югу от кладбища Усть-Андога, в урочище «Тишин заезок». Обнаружено и обследовано в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Памятник находится на небольшом сухом «островке» размером 15 x 35 м, возвышающемся над поймой на высоту чуть более 0,5 м. Шурфом выявлен культурный слой черного цвета толщиной 0,3–0,4 м. Слой содержал очажные камни, сланцевое орудие, кремневые пластины и отщепы, ямочно-ребенчатую, сетчатую и лепную средневековую керамику (в том числе орнаментированную ребенчатым штампом), фрагменты круговой средневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 126.

468. **Муриновская пристань**, поселение. Эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье. Находится в урочище «Муриновская пристань» на правом берегу р. Андоги, в 5 км к югу от кладбища Усть-Андога, в 0,5 км к востоку от урочища

«Муриново». Обнаружено А. В. Кудряшовым в 1993 г., в 1994 г. заложен шурф, в 1995 г. проведены раскопки на площади около 240 кв. м. Поселение имеет размеры приблизительно 300 x 100–120 м. Оно занимает мыс, образованный речной поймой и болотом, имеющий высоту над поймой до 2,5 м. Часть поверхности поселения занимает зарастающая мелким лесом поляна, на части его растет еловый лес. Культурный слой памятника имеет мощность от 0,20 до 0,45 м, в ямах достигает 0,70 м. В раскопе вскрыты остатки углубленного жилища, наземные очаги-каменки, очаги в материковых ямах. Среди вещевого инвентаря многочисленные каменные изделия, изделия из железа — ножи, инструменты, наконечники стрел. Найдены также бусы, кресты-тельники, украшения из бронзы. Из слоя происходят фрагменты гладкостенной керамики эпохи раннего металла, сетчатая и штрихованная керамика, лепная и круговая древнерусская керамика. Часть лепной керамики орнаментирована ребенчатым штампом, круговая керамика имеет линейно-волнистую орнаментацию.

Кудряшов А. В., А-1993, л. 78; Кудряшов А. В., А-1994, л. 64; Кудряшов А. В., А-1995 л. 76–97.

469. **Муриновская пристань II**, стоянка. Каменный век. Находится на правом берегу р. Андоги, в урочище Муриновская пристань, в 4,5 км к югу от кладбища Усть-Андога. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Стоянка находилась на мысу, образованном поймой р. Андоги и болотом, в 100 м ниже поселения Муриновская пристань, занимая юго-восточную часть мыса. Высота берега над водой до 2–2,5 м. Размеры памятника приблизительно 40 x 80 м. Среди подъемного материала — кремневые отщепы и скребок.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 64, 65.

470. **Андопал**, селище. Позднее средневековье. Находится в урочище «Андопал»

на правом берегу р. Андоги, в 2,5 км от реки. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поселение располагалось на левом берегу небольшого ручья, впадающего в Андогу. Ныне здесь находится сенокос. На месте деревни сохраняются полуразрушенные срубы домов, находится сарай. Культурный слой темно-серого цвета, содержащий очажные камни, выявлен на площади 50 х 110 м. Найдены фрагменты позднесредневековой круговой керамики.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 40–41.

471. Долгий остров, стоянка. Неолит. Находится в 12 км к юго-западу от д. Калинино, в урочище «Долгий остров» на правом берегу р. Андоги. Обнаружена в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Занимает южную оконечность «острова» — сухой гривы, возвышающейся над поймой на высоту до 1,5 м. Размеры стоянки 35 х 60 м. В шурфе выявлен слой темно-серого гумуса толщиной 0,1 м, подстилаемый слоем слабогумусированного песка толщиной 0,20–0,25 м с находками ямочно-гребенчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 65.

472. Пертом, поселение. Неолит — средневековье. Находится на правом берегу р. Андоги, в 10,5 км к юго-западу от д. Калинино, в 0,5 км ниже Долгого острова. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на небольшом островке, возвышающемся над водой и поймой на высоту чуть более 0,5 м. Размеры острова 30 х 35 м, на нем растет несколько берез. В шурфе выявлен лежащий под дерном черный углистый слой толщиной 0,15–0,22 м, перекрывающий слой светло-серого песка толщиной 0,15 м. Среди находок имеются кремневые отщепы, ямочно-гребенчатая, лепная и круговая средневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 65.

473. Орлово, поселение. Неолит — эпоха раннего металла — средневековье. Нахо-

дится на «острове» в урочище Орлово на правом берегу р. Андоги, в 8 км к северо-западу от д. Шолгумзь, в 6 км к востоку от д. Пяшница. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть сухой гривы, расположенной между поймой р. Андоги и болотом. Высота острова до 1,5 м над водой. В южной части острова собраны фрагменты ямочно-гребенчатой керамики. В центральной, наиболее широкой, части острова зафиксировано поселение размером 50 х 70 м. В шурфе выявлена следующая стратиграфия: под дерном залегает слой темно-серого песка толщиной 0,22 м, перекрывающий песчаную прослойку толщиной 0,05 м, ниже залегает светло-серый гумусированный слой с угольками толщиной 0,12–0,15 м. Среди находок гладкостенная лепная керамика, древнерусская круговая керамика, керамическое рыболовное грузило, кремневые отщепы.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 66.

474. Кузобово I, поселение. Неолит — средневековье. Находится на правом берегу р. Андоги, в 3,5 км к западу от д. Шолгумзь. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Располагается на небольшом «островке», возвышающемся над водой и поймой на высоту около 1 м. Размеры острова 30 х 40 м. В шурфе и в зачистке берега под дерном выявлен черный углистый слой с очажными камнями толщиной 0,15–0,20 м, перекрывающий слой светло-серой супеси с угольками толщиной 0,10–0,12 м, содержащей ямочно-гребенчатую керамику. В черном углистом слое, кроме неолитической керамики и кремневых и кварцевых отщепов, найдены фрагмент лепной средневековой керамики и фрагменты круговой посуды.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 66–67.

475. Кузобово II, стоянка. Неолит. Находится на правом берегу р. Андоги, в 3,5 км к западу от д. Шолгумзь. Обнаружена в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть

небольшого островка между поймой реки и большим островом «Кузобово». Размеры стоянки 30 x 35 м, высота площадки над поймой до 1 м. В шурфе выявлен слой желто-серой супеси толщиной до 0,10 м и слой яркого желтого песка толщиной 0,15 м, содержащие ямочно-гребенчатую керамику. Эти слои перекрыты стерильным серо-коричневым суглинком, имеющим мощность до 0,25 м.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 127.

476. **Кузобово III**, стоянка. Неолит. Находится на правом берегу р. Андоги на острове «Кузобово», в 4 км к северо-западу от д. Шолгумзь. Обнаружена в 1995 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Занимает часть восточного берега острова Кузобово, имеющего высоту до 1,5 м над поймой. Поверхность поросла смешанным лесом. Размеры стоянки 30 x 60 м. В шурфе выявлена следующая стратиграфия слоя: под дерном залегает стерильный коричневый слой мощностью 0,2 м, ниже лежит слой желто-серого песка с угольками толщиной до 0,15–0,28 м, подстилаемый серой супесью с кремневыми отщепами и фрагментами ямочно-гребенчатой керамики мощностью 0,10–0,12 м.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 127.

477. **Ягринец**, поселение. Мезолит — неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век. Находится в урочище «Ягринец» на левом берегу р. Андоги, в 1,5 км к северо-западу от д. Иштомар. Открыто и обследовано в 1995 г. А. В. Кудряшовым, заложены два шурфа. Памятник занимает часть надпойменной террасы высотой от 1 до 3 м. Культурный слой распространяется на площади размерами 350 x 30 м, восточная часть поселения распахивается. Шурфами выявлен культурный слой мощностью 0,3–0,5 м со следами распашки. В шурфах и в обнажениях слоя собраны кремневые орудия, пластины и отщепы, фрагменты ямочно-гребенчатой, лепной гладко-

стенной, сетчатой и штрихованной керамики, а также фрагменты круговой посуды.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 127.

478. **Рябцево I**, стоянка. Мезолит. Располагается на правом берегу р. Иштомы, в 1 км к северо-востоку от д. Иштомар, в урочище «Рябцево». Обнаружена в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Занимает мыс высотой 1,5 м над поймой между пересохшим ручьем и поймой р. Иштомы. Размеры стоянки 70 x 150 м. Мыс периодически распахивается. При зачистке берега выявлен культурный слой мощностью 0,25–0,3 м. Слой перемешан распашкой, за исключением небольших прослоек углистого цвета в предматериковой его части. Среди находок кремневые отщепы, пластины и скребок.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 128.

479. **Рябцево II**, стоянка. Мезолит. Находится в 1 км к северу от д. Иштомар, в 0,3 км к северо-востоку от урочища «Рябцево». Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Располагается на левом берегу р. Иштомы. По памятнику проходит дорога на мост через реку, часть площадки периодически распахивается. Высота берега над водой 1–2 м. Культурный слой представляет собой темно-серый паханный суглинок мощностью до 0,3 м, в предматериковой части слоя видны углистые прослойки. Размеры стоянки 50 x 90 м. На поверхности собраны кремневые пластины и отщепы.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 41.

480. **Иштомар I**, поселение. Мезолит — неолит — эпоха раннего металла — ранний железный век — средневековье. Находится в устье р. Иштомы в 0,5 км к западу от д. Иштомар. Обнаружено в 1994 г. А. В. Кудряшовым, обследовалось шурфами Н. В. Косоруковой. Располагается на мысу, образованном поймой рек Андоги и Иштомы. Высота мыса над водой до 3 м. Размеры памятника 70 x 80 м. Культурный слой черного цвета мощностью 0,3–0,4 м

содержит кремневые пластины, скребки, отщепы, ямочно-гребенчатую, лепную гладкостенную, сетчатую керамику, а также фрагменты средневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1994, л. 67; Косорукова Н. В., А-1995, л. 67–78.

481. Иштомар IV, селище. Позднее средневековье. Находится на территории современной д. Иштомар, в 0,5 км к востоку от устья р. Иштомы. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Занимает северную часть деревни, находящейся на террасе высотой до 12–14 м над поймой. Темно-серый гумусированный слой, содержащий очажные камни, прослеживается на огородах деревни на площади примерно 55 х 120 м. Среди подъемного материала фрагменты позднесредневековой керамики с прочерченным орнаментом.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 41, 42.

482. Крутой Берег I, поселение. Каменный век — средневековье — позднее средневековье. Находится в урочище «Крутой берег» на левом берегу р. Андоги, в 1 км к северо-западу от д. Иштомар. Обнаружено и обследовано в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Памятник занимает мыс, образованный рекой и заболоченной низиной, высотой до 4 м над рекой. Поверхность памятника частично поросла кустарником. Размеры поселения приблизительно 50 х 50 м. В шурфах выявлен культурный слой темно-серого цвета, перекрывающий серый золистый слой общей мощностью 0,3–0,45 м. Среди находок кремневые отщепы, лепная и круговая средневековая керамика и позднесредневековая керамика.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 42, 43.

483. Крутой Берег II, селище. Ранний железный век. Находится на левом берегу р. Андоги, в 100 м к западу от урочища «Крутой берег», в 1,2 км к северо-западу от д. Иштомар. Памятник обнаружен в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Поселение занимает не-

большой мыс надпойменной террасы высотой до 2 м. Площадь памятника 40 х 50 м. В зачистке обрыва берега выявлен культурный слой мощностью до 0,4 м, содержащий кремневые отщепы и фрагменты сетчатой керамики.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 43–44.

484. Иштомар III, селище. Средневековье — позднее средневековье. Находится на левом берегу р. Андоги, в 2 км к западу от д. Иштомар, в 300 м выше автомобильного моста через реку. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым, заложен шурф. Памятник занимает небольшой мыс, образованный руслом пересохшего ручья, высотой до 2 м над уровнем воды. Размеры мыса 50 х 70 м. На поверхности поселения растет кустарник и мелкий лес. Шурфом выявлен черный углистый слой мощностью 0,25–0,4 м с очажными камнями и развалом очага. Среди подъемного материала фрагменты круговой средневековой керамики и оселок.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 44.

485. Олькино, стоянка. Мезолит. Находится на правом берегу р. Андоги, в 1 км к юго-востоку от д. Олькино. Обнаружена в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Памятник занимает небольшой островок высотой чуть более 0,5 м над уровнем воды и поймой. Размеры островка 10 х 15 м, он находится в 100 м выше автомобильного моста через Андогу. В обрыве берега прослежен углистый культурный слой толщиной 0,05–0,07 м, перекрытый слоем песка. Среди находок кремневые отщепы и кремни со сколами.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 45–46.

486. Дунина Нива, поселение. Эпоха раннего металла — средневековье — позднее средневековье. Находится на правом берегу р. Андоги в 70 м от воды, в 1 км к юго-востоку от д. Олькино, в 2,5 км к юго-западу от д. Иштомар. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Располагается в урочище «Дунина Нива» на небольшой возвы-

шенности, слегка удаленной от реки. Первоначальная высота холма над поймой составляла 4–5 м, в 1970-х гг. холм оказался разрушен карьером. Его первоначальные размеры были приблизительно 50 x 110 м. Основная часть культурного слоя уничтожена. В зачистках на небольших уцелевших участках зафиксированы слои темно-серого и светло-серого цвета со следами распахки, насыщенные очажными камнями. Мощность культурного слоя составляла от 0,3 до 0,6 м, слой содержал кремневые отщепы, лепную керамику с примесями мела, лепную и круговую средневековую керамику, позднесредневековую круговую керамику.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 46.

487. **Георгиевское**, селище. Позднее средневековье. Располагается на территории современного села Георгиевское (другие названия — Вадбал, Егорьевское, Старый Погост), занимая его центральную часть. Располагается в 1,5–2 км от реки Иштомы, в 0,4 км от ее поймы. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Культурный слой темно-серого цвета, насыщенный очажными камнями, прослежен на огородах села на площади размерами 70 x 100 м. Среди подъемного материала фрагменты древнерусской и позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 45.

488. **Ивановское**, селище. Позднее средневековье. Находится в центре современного села Ивановского (Новый Погост) на озере Ивановском. Обнаружено в 1997 г. А. В. Кудряшовым. Занимает часть берега озера высотой от 1 до 3 м. Культурный слой черного цвета прослежен на огородах села на площади приблизительно 120 x 130 м. На поселении собрана древнерусская и позднесредневековая круговая керамика.

Кудряшов А. В., А-1997, л. 45.

489. **Ключи**, селище. Средневековье. Находится на территории д. Ключи (Боло-

на) на левом берегу р. Миги в местности Лойда. Открыто в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Занимает центральную часть деревни, находясь на надпойменной береговой террасе в 0,5 км от р. Миги. Размеры участка с выходами черного углистого слоя 120 x 140 м. Шурфом выявлен мешаный культурный слой мощностью до 0,45 м, содержащий шлаки и позднесредневековую керамику с волнистым орнаментом.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 129.

490. **Пяшница**, поселение. Каменный век — позднее средневековье. Находится на юго-западной окраине деревни Пяшница в местности Лойда, на левом берегу р. Миги. Памятник находится на западном склоне гривы, на водоразделе рек Андоги и Миги, в 1,2 км от р. Миги. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Высота площадки поселения над поймой достигает 6 м. Культурный слой распространяется на огородах деревни на участке размерами 60 x 120 м. Среди подъемного материала сланцевый стержень, оселок, фрагменты позднесредневековой керамики.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 129.

491. **Искрино**, селище. Позднее средневековье. Находится в северной части д. Искрино в местности Лойда, на высокой гриве — водоразделе Миги и Андоги. Обнаружено в 1995 году А. В. Кудряшовым. Культурный слой черного цвета, насыщенный очажными камнями, распространяется на участке размерами 90 x 180 м. На поселении собрана круговая и лепная позднесредневековая керамика с крупными примесями в тесте и прочерченным орнаментом.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 129–130.

492. **Ивановская**, селище. Средневековье. Находится на правом берегу р. Миги, в 2 км к юго-западу от д. Ивановской (Лойда), в 1 км ниже моста на р. Миге. Обнаружено в 1995 г. А. В. Кудряшовым. Располагается в местности «Дошанику», или «Кри-

цы», на мысу, образованном рекой и болотом. Высота мыса в половодье чуть более 1 м. На мысу находятся две угольные ямы. В зачистке берега под дерном выявлен серый почвенный слой толщиной до 0,15 м, ниже залегает серо-коричневый слой с углем и керамикой мощностью 0,10–0,15 м, перекрывающий предматерик — желтый песок с темными вкраплениями толщиной 0,05 м. Размеры поселения приблизительно 25 х 40 м. Среди находок — лепная и круговая древнерусская керамика.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 130.

493. **Ивановская**, культовый камень. Позднее средневековье. Находится в 1 км от д. Ивановской по дороге из д. Лойды в д. Иштотмар. В 1995 и 1997 гг. обследовался А. В. Кудряшовым. Камень представляет собой валун моренного происхождения с

видимыми размерами 4,5 х 3,08 х 2,6 м. Он лежит на границе сухой гривы и болота, до 70-х гг. XX в. на камне находилась деревянная часовня. Рядом с камнем видны заброшенные могилы старого кладбища. Камень почитается жителями окрестных деревень. При шурфовке площадки, примыкающей к камню с юга, выявлены следы кострищ и очажные камни. В слое найдены кованые гвозди и засов от часовни, монеты XIX в., фрагменты круговой керамики. Рядом с камнем обнаружены также угли, очажные камни, круговая керамика. Здесь же, на глубине 0,5 м от поверхности, обнаружен слегка обработанный камень антропоморфного облика. Судя по находкам керамики, изготовленной на гончарном круте, камень стал объектом поклонения не позднее XV–XVI вв.

Кудряшов А. В., А-1995, л. 130; Кудряшов А. В., А-1997, л. 47.

Литература

- Агроклиматические ресурсы Вологодской области. 1972. Л.
- ААЭ, 1836. Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией императорской Академии наук. СПб., т. 1.
- Алексеев В. П., 1990. Об исторической урбозоологии // Урбозоология. М.
- Алексеев Л. В., 1966. Полоцкая земля. (Очерки истории Северной Белоруссии в IX–XIII вв.). М.
- Алексеева Т. И., 1973. Этногенез восточных славян по данным антропологии. М.
- Алексеева Т. И., 1977. Географическая среда и биология человека. М.
- Алексеева Т. И., 1986. Адаптивные процессы в популяциях человека. М.
- Алексеева Т. И., 1998. Адаптация человека в различных экологических нишах земли (биологические аспекты). М.
- Алексеева Т. И., 1999. Этногенез и этническая история восточных славян // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Алексеева Т. И., Федосова В. Н., 1992. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Часть I. Антропологический состав. Палеодемография // Вопросы антропологии, вып. 86.
- Алексеева Т. И., Шауро Э. А., 1970. Аномалии черепа в их географической, социальной и генетической обусловленности // Морфо-физиологические исследования в антропологии. М.
- Алексеева Т. И., Макаров Н. А., Балueva Т. С., Сегеда С. П., Федосова В. Н., Козловская М. В., 1993. Ранние этапы освоения Русского Севера: история, антропология, экология // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., с. 3–78.
- Альслебен А., Кенигсен Л.-К., Кроль Х., Мюллер-Вилле М., Носов Е. Н., Хаммер Т., Янссон И., 1994. Международные палеоботанические исследования в Новгородской земле (400–1200 гг. н. э.) // Археологические вести, № 3, СПб, с. 240–244.
- Андреева Е. Г., 1991. Фауна поселения Крутик // Голубева Л. А., Кочуркина С. И., Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Андряшев А. М., 1914. Материалы по исторической географии Новгородской земли. Шелонская пятинa по писцовым книгам 1498–1576 гг. М.
- АСЭИ, 1958. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI в., т. 2. М.
- Атлас Вологодской области. 1965. М.
- Афанасьева Н. Б., 1996. Современная лесная растительность и ее история в пределах южной части Белозерско-Кирилловских гряд (Вологодская область). Автореф. дисс. канд. биол. наук. М.
- Башенькин А. Н., 1992. Исследование памятников первого тысячелетия н. э. в бассейне Мологи // Новгород и Новго-

- родская земля. История и археология. Новгород.
- Башенькин А. Н., Васенина М. Г., 1994. Зооморфные украшения Молого-Шекснинского междуречья раннего железного века // *Культура Русского Севера*. Вологда, с. 11–28.
- Башенькин А. Н., 1985. Погребальное сооружение у д. Никольское на р. Суде // *Новое в археологии Северо-Запада СССР*. Л.
- Башенькин А. Н., 1986. Юго-Западное Белозерье во второй половине I — начале II тыс. н. э. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.
- Башенькин А. Н., 1989. Некоторые общие вопросы культуры веси. V–XIII вв. // *Культура Европейского Севера России*. Вологда.
- Башенькин А. Н., 1993. Сельское расселение в Белозерье X–XIII вв. // *Сельское расселение на Европейском Севере России*. Вологда, с. 3–10.
- Башенькин А. Н., 1995. Культурно-исторические процессы в Молого-Шекснинском междуречье в конце I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. // *Проблемы истории Северо-Запада Руси. Славяно-русские древности*, вып. 3. СПб.
- Башенькин А. Н., 1997. Вологодская область в древности и средневековье // *Вологда. Краеведческий альманах*, вып. 2. Вологда, с. 5–35.
- Белецкий С. В., 1996. Начало Пскова. СПб.
- Берг Л. С., 1938. Физико-географические зоны СССР, часть 1. Л.
- Бернштам Т. А., 1995. Локальные группы Двинско-Важского ареала: Духовные факторы в этно- и социокультурных процессах // *Русский Север. К проблеме локальных групп*. СПб., 1995, с. 208–318.
- Богданов Н. И., 1951. К истории вепсов по материалам топонимики // *Известия Карело-финского филиала АН СССР, Петрозаводск*, № 2.
- Богомазова Т. Г., Шевченко Ю. Ю., 1997. «Культура речных долин» в эпоху великого переселения народов (на примере пограничья Верхнего и Среднего Поднепровья) // *Природа и цивилизация. Реки и культуры. Материалы конференции*. СПб, с. 209–214.
- Богословский М. М., 1909. Земское самоуправление на Русском Севере в XVII в. Т. 1, М., 1909; т. 2, М., 1912.
- Богоявленский Н. А., 1960. Древнерусское врачевание в XI–XVII вв. Источники для изучения истории русской медицины. М.
- Богуславский О. И., 1995. Раскопки могильника Ялгино // *АО 1994 года*. М., с. 22–23.
- Бродель Ф., 1992. *Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм*. М.
- Брюсов А. Я., 1940. *История древней Карелии*. М.
- Брюсов А. Я., 1947. Краткий отчет о работах Северной археологической экспедиции в 1945 г. // *КСИИМК*, вып. XVII, с. 58–62.
- Брюсов А. Я., 1947а. Результаты Вологодской археологической экспедиции в Чарозерском районе Вологодской обл. // *КСИИМК*, 21, с. 58.
- Брюсов А. Я., 1948. Раскопки в Чарозерском районе Вологодской области в 1946 г. // *КСИИМК*, 20, с. 45–50.
- Брюсов А. Я., 1951. Свайное поселение на р. Модлоне и другие стоянки в Чарозерском районе Вологодской области // *МИА*, № 20, М.; Л., с. 7–76.
- Брюсов А. Я., 1952. *Очерки по истории племен европейской части СССР в неолитическую эпоху*. М.
- Брюсов А. Я., 1961. Караваяевская стоянка // *Сборник по археологии Вологодской области*. Вологда, с. 72–162.
- Брюсов А. Я., 1969. Финское погребение X–XI вв. в д. Погостище Кирилловского р-на Вологодской обл. // *КСИА*, 120, с. 81–83.
- Бужилова А. П., 1993. Оценка палеопатологических характеристик у древнерусского городского и сельского населения

- (в сравнительном аспекте) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Бужилова А. П., 1993а. Общий палеопатологический анализ средневекового населения Хрепле // Антропология и история культуры. М.
- Бужилова А. П., 1995. Древнее население (палеопатологические аспекты исследования). М.
- Бужилова А. П., 1997. Изучение возрастных пирамид и показателя среднего возраста смерти в археологическом контексте (по антропологическим и историческим материалам древнерусского населения) // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.
- Бужилова А. П., 1998. Палеопатология в биоархеологических реконструкциях // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.
- Бужилова А. П., 1998а. Программа фиксации индикаторов механического стресса, связанного с верховой ездой // Историческая экология человека. Методика биологических исследований. М.
- Булкин В. А., Дубов И. В., Лебедев Г. С., 1978. Археологические памятники Древней Руси IX–XI веков. Л.
- Бунак В. В., 1924. Об акклиматизации человеческих рас и сравнительном значении определяющих ее факторов // Русский антропологический журнал, т. 13.
- Буров В. А., 1989. Жаровский конец Жабенской волости в VIII–XVI вв. по историко-археологическим данным // Памятники железного века и средневековья на Верхней Волге и Верхнем Повинье. Калинин.
- Буров В. А., 1995. Два гнезда памятников VI–X вв. на р. Шлине и их судьбы в XI–XVI вв. // Славянская археология-1990. Ранне-средневековый город и его округа. М.
- Буров В. А., 1995а. О времени возникновения новгородского погоста Жабна // РА, № 2, с. 44–58.
- Бызова Е. Г., Кренке Н. А., Спиридонова Е. А., Чернов С. З., 1993. Средневековый Радонеж: археологический, палинологический и геоботанический подходы к изучению ландшафтов // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Витов М. В., 1962. Историко-географические очерки Заонежья XVI–XVII вв. М.
- Витов М. В., 1997. Этнография Русского Севера. М.
- Витов М. В., Власова И. В., 1974. География сельского расселения Западного Поморья в XVI–XVIII веках. М.
- Вишневский В. И., 1994. Новые материалы о земледелии племен дьяковской культуры Верхнего Поволжья // РА, № 3, с. 223–226.
- Гайдуков П. Г., Макаров Н. А., 1993. Новые археологические материалы о пушном промысле в Древней Руси // Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 7. Новгород, с. 179–188.
- Гашимова У. Ф., 1976. Антропологические аспекты исследования эпохальной динамики зубо-челюстной патологии // Вопросы антропологии, вып. 61.
- Голубева Л. А., 1962. Археологические памятники веси на Белом озере // СА, № 3.
- Голубева Л. А., 1973. Веси и славяне на Белом озере. М.
- Голубева Л. А., Кочкуркина С. И., 1991. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.). Петрозаводск.
- Гончарова Н. Н., 1995. Антропология словен новгородских и их генетические связи. Автореф. дисс. канд. биол. наук. М.
- Гончарова Н. Н., 1997. Анализ маркеров физиологического стресса в средневековых популяциях и территориальных группах Новгородской земли // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.
- Горюнов Е. А., 1981. Ранние этапы истории славян Днепровского Левобережья. Л.

- Горюнова В. М., 1982. О раннекруговой керамике на Северо-Западе Руси // Северная Русь и ее соседи в эпоху раннего средневековья. Л., с. 39–45.
- Горюнова В. М., 1997. Развитие раннегончарного комплекса и дендрохронология Рюрикова городища // Древности Поволховья. СПб., с. 146–169.
- Готье Ю. В., 1906. Замосковский край в XVII в. // Ученые записки императорского Московского университета. Отд. историко-филологическое, вып. 36.
- Гусаков Б. Л., Дружинин Г. В., 1983. Белое озеро. Прошлое, настоящее и будущее. Л.
- Даркевич В. П., Борисевич Г. В., 1995. Древняя столица Рязанской земли. М.
- Дворников А. С., 1998. Бежецкий Верх: взаимодействие экосистемы «человек — окружающая среда» в эпоху средневековья // Труды VI международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., с. 78–84.
- ДДГ, 1950. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв. М.; Л.
- Дэрумс В. Я., 1970. Болезни и врачевание в древней Прибалтике. М.
- Егоров В. А., 1923. Переселение народов Европейской России // Переселение народов. Пг.; М.
- Жеребцов А. Н., 1985. Этнографический обзор народа коми // Жеребцов А. Н., Конаков Н. Д., Королев К. С. Из жизни древних коми. Сыктывкар.
- Жукова О. В., Огрызко Е. В., Папкова Т. П., Шнейдер Ю. В., Рычков Ю. Г., 1999. Экологическая геногеография Восточной Европы: генофонд, здоровье и болезни сельского населения Европейской России // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Захаров С. Д., 1993. Левобережное Белоозеро по результатам обследований 1990–1992 гг. // Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 7. Новгород, с. 52–58.
- Захаров С. Д., 1994. Новые данные о Белоозере XIV в. // Белозерье. Историко-литературный альманах, вып. I. Вологда, с. 16–23.
- Захаров С. Д., 1996. Железные наконечники стрел из Белоозера // РА, № 2, с. 207–218.
- Иванова М. Г., 1982. Маловенижский могильник // Средневековые памятники бассейна реки Чепцы. Ижевск.
- Исланова И. В., 1990. Население бассейна Верхней и Средней Мологи и верховьев Мсты в VI–XIII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Исланова И. В., 1995. Структура сельского расселения в Мстинско-Моложском междуречье // Славянская археология. 1990. Раннесредневековый город и его округа. М., с. 157–166.
- Исланова И. В., 1997. Удомельское Поозерье в эпоху железа и раннего средневековья. М.
- История северного крестьянства. 1984. Крестьянство Европейского Севера в период феодализма, т. I. Архангельск.
- Кадиева Е. К., 1996. Крутовая керамика второй половины X — начала XIV веков центральных районов Ростово-Суздальской земли. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Казакова О. Н., Павлова Н. Н., Дашкевич З. В., 1970. Ландшафтное районирование Вологодской области // Природное районирование Вологодской области для целей сельского хозяйства. Вологда.
- Каменецкая Е. В., 1991. Заольшанская курганная группа Гнездова // Смоленск и Гнездово. М., с. 125–174.
- Камкин А. В., 1992. Православная церковь на Севере России: очерки истории до 1917 г. Вологда.
- Камкин А. В., 1994. Севернорусский сельский приход XVIII века: пространство, населенность, клир. Вологда, с. 91–108.
- Кириянов А. В., 1959. История земледелия в Новгородской земле X–XIII вв. // МИА, вып. 65.

- Кириянова Н. А., 1992. Сельскохозяйственные культуры и системы земледелия в лесной полосе Руси XI–XV вв. М.
- Клионер И. Л., 1962. Старческие и дегенеративные изменения в суставах и позвоночнике. М.
- Козинцев А. Г., 1975. Метопизм в Европе // Вопросы антропологии, вып. 49.
- Козловская М. В., Федосова В. Н., 1992. Ранние этапы славянской колонизации Русского Севера. Часть 2. Морфофизическая изменчивость // Вопросы антропологии, № 86.
- Козырева Р. В., 1969. Исследование неолитических стоянок в районе озера Белого в 1965 г. // КСИА, вып. 117, с. 69–75.
- Колосова И. О., Милютин Н. Н., 1996. Древнерусский некрополь Пскова (по материалам раскопа XVI) // Археологическое изучение Пскова, вып. 3. Псков, с. 148–160.
- Колчин Б. А., 1982. Хронология Новгородских древностей // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., с. 156–177.
- Колчин Б. А., Черных Н. Б., 1977. Дендрохронология Восточной Европы. М., с. 54–57, 113.
- Комаров К. И., 1995. К истории населения побережья Плещеева озера в X–XIII вв. // Сообщения Ростовского музея, вып. VIII. Ярославль, с. 137–172.
- Концевий В. Я., 1992. К истории сельского расселения и хозяйства в долине р. Ловать в эпоху средневековья // Новгород и Новгородская земля, вып. 6. Новгород, с. 38–43.
- Концевий В. Я., 1998. Семья и община у славян Приильменья в конце I тыс. н. э. // Труды VI международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., с. 13–21.
- Копанев А. И., 1951. История землевладения Белозерского края XV–XVI вв. М.; Л.
- Косменко М. Г., 1992. Многослойные поселения Южной Карелии. Петрозаводск.
- Кочуркина С. И., Линевский А. М., 1985. Курганы летописной веси. Петрозаводск.
- Кочуркина С. И., Спиридонов А. М., 1988. Поселения эпохи средневековья // Поселения древней Карелии. Петрозаводск, с. 121–142.
- Кочуркина С. И., 1973. Юго-Восточное Приладожье в X–XIII вв. Л.
- Кренке Н. А., 1987. Культура населения бассейна Москвы-реки в железном веке и раннем средневековье. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Кренке Н. А., 1996. Предыстория Москвы // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты. История, археология, культурная антропология и этнография, с. 244–253.
- Кудряшов А. В., 1992. Средневековые памятники Шексны // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Тезисы научной конференции, вып. 6, с. 44–50.
- Кудряшов А. В., 1994. К вопросу о распространении христианства в Белозерье в эпоху средневековья (по материалам археологии) // Культура Русского Севера. Вологда, с. 61–77.
- Кудряшов А. В., 1996. Средневековое поселение Октябрьский мост в Череповце // Череповец. Краеведческий альманах, вып. I. Вологда, с. 20–38.
- Куза А. В., 1978. Археологическое изучение древнерусских городов в 1962–1976 гг. // КСИА, вып. 155, с. 10–19.
- Кузьмин С. Л., 1991. Которский погост — локальный центр конца I — начала II тыс. н. э. в верховьях Плюссы // Материалы по археологии Новгородской земли. М., с. 153–168.
- Куликово поле. Материалы и исследования. Отв. ред. А. К. Зайцев // Труды ГИМ, вып. 73. М., 1990.
- Кучкин В. А., 1984. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X–XIV вв. М.

- Кучкин В. А., 1990. Города Северо-Восточной Руси в XIII–XV вв. (число и политико-географическое размещение) // История СССР, № 6, с. 72–85.
- Лабутина И. К., Кильдюшевский В. И., Урьева А. Ф., 1981. Древнерусский некрополь Пскова (по раскопкам 1976 г.) // КСИА, вып. 166.
- Лабутина И. К., Колосова И. О., Степанов С. В., Харлашов Б. Н., 1995. Средневековый Псков (по археологическим данным) // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. Материалы по археологии России. Вып. 2. М., с. 29–42.
- Лабутина И. К., 1996. Погребения Псковского некрополя (17–24, 26–28) // Археологическое изучение Пскова, вып. 3. Псков, с. 100–118.
- Лапшин В. А., 1992. Керамическая шкала домонгольского Суздаля // Древнерусская керамика. М.
- Лапшин В. А., 1985. Население центрального района Ростово-Суздальской земли X–XIII вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.
- Леонтьев А. Е., 1996. Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М.
- Леонтьев А. Е., 1983. Древнерусские поселения Верхней Мологи // Археологические исследования в Верхневолжье. Калинин.
- Леонтьев А. Е., 1984. Поселения мери и славян на озере Неро // КСИА, вып. 179, с. 26–32.
- Леонтьев А. Е., 1988. Археологические памятники ростовской мери // Проблемы изучения древнерусской культуры. М.
- Лесман Ю. М., 1990. Хронология ювелирных изделий Новгорода // Материалы по археологии Новгорода. 1988. М., 1990, с. 29–98.
- Лесман Ю. М., 1984. Погребальные памятники Новгородской земли и Новгород: проблемы синхронизации // Археологическое исследование Новгородской земли. Л., с. 118–153.
- Лисицына Г. Н., 1961. Природные условия среднего и позднего голоцена в бассейне озера Воже // Сборник по археологии Вологодской области. Вологда, с. 163–203.
- Любавский М. К., 1929. Образование основной государственной территории великорусской народности. Л.
- Любавский М. К., 1909. Историческая география России в связи с колонизацией. М.
- Любавский М. К., 1996. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М.
- Макаров Н. А., 1986. О некоторых комплексах середины — 3 четверти I тыс. н. э. в Юго-Восточном Прионежье и на р. Сухоне // КСИА, № 183, с. 23–31.
- Макаров Н. А., 1988. Средневековые поселения Устюжской округи // Материалы по археологии Европейского Северо-Востока, вып. 11. Сыктывкар, с. 122–131.
- Макаров Н. А., 1988. Средневековые памятники Белозерской округи (археологическая карта и комментарий) // Проблемы изучения древнерусской культуры. М., с. 57–93.
- Макаров Н. А., 1989. Новгородская и Ростово-Суздальская колонизация в бассейне озер Белое и Лача по археологическим данным // СА, № 4.
- Макаров Н. А., 1990. Население Русского Севера в XI–XIII вв. По материалам могильников Восточного Прионежья. М.
- Макаров Н. А., 1994. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. (по материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья). Автореф. дисс. докт. ист. наук. М.
- Макаров Н. А., 1997. Колонизация северных окраин Древней Руси в XI–XIII вв. По материалам археологических памятников на волоках Белозерья и Поонежья. М.
- Макаров Н. А., Зайцева И. Е., 1999. Новые исследования средневековых могильников на Русском Севере. Могильник Минино II на Кубенском озере // Российская археология, № 4.

- Макаров Н. А., Охотина-Линд Н. А., 2000. Сказание о Троицком Усть-Шехонском монастыре и круг произведений по истории Белозерья // *Florilegium*. Сборник к 60-летию Б. Н. Флори. М., с. 187–209.
- Макаров Н. А., Спиридонова Е. А., 1993. К истории формирования культурного ландшафта на Русском Севере // *Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы*. М., 145–166.
- Манюхин И. С., 1988. Специфические черты позднекаргопольской культуры // *КСИА*, № 194, с. 11–16.
- Манюхин И. С., 1989. Позднекаргопольская культура. Автореф. дисс. канд. ист. наук.
- Матвеев А. К., 1964. Субстратная топонимика Русского Севера // *Вопросы языкознания*, № 2.
- Матвеев А. К., 1969. Происхождение основных пластов субстратной топонимии Русского Севера // *Вопросы языкознания*, № 5.
- Медникова М. Б., 1995. Древние скотоводы Южной Сибири: палеоэкологическая реконструкция по данным антропологии. М.
- Медникова М. Б., 1998. Описательная программа балловой оценки степени развития рельефа длинных костей // *Историческая экология человека. Методика биологических исследований*. М.
- Милютин Н. Н., 1994. Некоторые результаты изучения древнерусского кладбища Пскова (погребальный обряд) // *Археологическое изучение Пскова*, вып. 2. Псков.
- Михайлов А. Н., 1989. Рентгенодиагностика и диагностика болезней человека. Минск.
- Мовсисян А. А., 1990. К вопросу о генетических предпосылках формирования древнерусской народности // *Вопросы антропологии*, вып. 84.
- Мовсисян А. А., Мамонова Н. Н., Рычков Ю. Г. 1975. Программа и методика исследования аномалий черепа // *Вопросы антропологии*, вып. 51.
- Монк М., 1996. Предварительный анализ растительных остатков по образцам культурного слоя Троицкого XI раскопа, собранным во время раскопок 1995 г. // *Новгород и Новгородская земля. История и археология*, вып. 10. Новгород, с. 104–109.
- Моргунов Ю. Ю., 1998. Посульская граница: этапы формирования и развития. Курск.
- Муллонен И. И., 1994. Очерки вепсской топонимии. СПб.
- Муллонен И. И., 1991. Этноисторические мотивы топонимии Межозерья // *Голубева Л. А., Кочуркина С. И. Белозерская весь (по материалам поселения Крутик IX–X вв.)*. Петрозаводск, с. 187–196.
- Мурашова В. В., 1998. Древнерусские наборные украшения. X–XIII вв. М.
- Насонов А. Н., 1951. «Русская земля» и образование территории Древнерусского государства. М.
- Наумов Е. П., 1974. К истории летописного «Списка русских городов, дальних и ближних» // *Летописи и хроники*. М.
- Неволин К. А., 1853. О пятинах и погостах новгородских в XVI веке. СПб.
- Неолит Северной Евразии. М., 1996.
- Новгородский сборник. Вып. 1. Новгород, 1865.
- Носов Е. Н., 1984. Новгород и Новгородская округа IX–X вв. в свете новейших археологических данных (к вопросу о возникновении Новгорода) // *Новгородский исторический сборник*, вып. 2(12). Л.
- Носов Е. Н., 1990. Новгородское (Рюриково) городище. Л.
- Носов Е. Н., 1991. Археологические памятники верховьев Волхова и Ильменского Поозерья конца I тыс. н. э. (каталог памятников) // *Материалы по археологии Новгородской земли*. 1990. М., с. 5–37.
- Носов Е. Н., 1993. Проблема происхождения первых городов Северной Руси // *Древности Северо-Запада*. СПб., с. 59–77.

- НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950.
- Овруцкий Г. Д., 1967. Профилактика заболеваний зубов // Руководство по терапевтической стоматологии. М.
- Овчинников И. В., Овчинникова О. И., Друзина Ек. Б., Бужилова А. П., Макаров Н. А., 1997. Древняя ДНК в антропологических исследованиях // Новые методы — новые подходы в современной антропологии. М.
- Озерные ресурсы..., 1981. Озерные ресурсы Вологодской области. Под ред. А. А. Ляпкина и Н. Н. Шевелева. Вологда.
- Олейников О. М., 1992. Климат в районе Верхней Волги в средние века // Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 6. Новгород.
- Отписная книга..., 1994. Отписная книга Троицкого Устьешехонского монастыря отписчика сына боярского Вологодского архиерейского дома Федора Блинова игумену Иоанну. 1660 г. Подготовлена к печати Ю. С. Васильевым // Белозерье. Историко-литературный альманах. Вологда, вып. 1, с. 93–107.
- Ошибкина С. В., 1966. Стоянка Модлона, ее происхождение и отношение к каргопольской культуре // РА, № 4.
- Ошибкина С. В., 1972. Могильник Пески в Вологодской области // КСИА, вып. 129, с. 65–69.
- Ошибкина С. В., 1978. Неолит Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С. В., 1983. Мезолит бассейна Сухоны и Восточного Прионежья. М.
- Ошибкина С. В., 1984. О находках сейменского времени в Восточном Прионежье // КСИА, вып. 177, с. 23–30.
- Панченко А. А., 1998. Исследования в области народного православия. Деревенские святыни Северо-Запада России. СПб.
- Папков А. А., 1898. Погосты в значении правительственных округов и сельских приходов в Северной России // Русский вестник. Ноябрь.
- Петрашенко В. А., 1998. Системы заселения Днепровского побережья в VIII–XIII вв. // Труды VI международного Конгресса славянской археологии. Т. 4. Общество, экономика, культура и искусство славян. М., с. 22–27.
- Петренко В. П., 1994. Погребальный обряд населения Северной Руси VIII–X вв. Сопки Северного Поволжья. СПб.
- Петров Н. И., 1997. Поселенческая структура Ильменского Поозерья (IX—начало XI в.): генезис и динамика трансформаций // Дивинец Староладожский. Междисциплинарные исследования. СПб., с. 85–94.
- Петрухин В. Я., 1995. Начало этнокультурной истории Руси IX–XI веков. Смоленск.
- Пименов В. В., 1965. Вепсы: Очерк этнической истории и генезиса культуры. М.; Л.
- Писцовая книга езовых..., 1984. Писцовая книга езовых дворцовых волостей и государевых оброчных угодий Белозерского уезда 1585 г. М.; Л.
- Платежная книга..., 1972. Платежная книга Каргопольского уезда 1555–1556 гг. // Северный археографический сборник, вып. 2. Вологда, с. 253–290.
- Платонов С. Ф., 1923. Прошлое Русского Севера. Пг.
- Платонова Н. И., 1988. Погосты и формирование системы расселения на северо-западе Новгородской земли (по археологическим данным). Автореф. дисс. канд. ист. наук. Л.
- Платонова Н. И., 1991. Укрепленные поселения Лужской волости // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990. М., с. 68–88.
- Плоткин К. М., 1996. Граница псковского некрополя (по материалам раскопа X) // Археологическое изучение Пскова, вып. 3. Псков, с. 161–171.
- Подосинов А. В., 1978. О принципах построения и месте создания «Списка русских городов, дальних и ближних» // Восточная Европа в древности и средневековье. М., с. 40–48.

- Попов А. И., 1947. Топонимика Белозерского края // Ученые записки ЛГУ. Сер. востоковедческих наук, № 105, вып. 2: Советское финно-угроведение. Л.
- Прянишников Д. Н., Якушкин И. В., 1936. Растения полевой культуры. М.
- Прянишников Д. Н., 1922. Растения полевой культуры. М.
- ПСРА, т. 10, т. 11. — Летописный сборник, именуемый Патриаршей или Никоновской летописью. М., 1965, т. 10, т. 11.
- ПСРА, т. 25 — Московский летописный свод конца XV века. Л., 1949.
- ПСРА, т. 27 — Никаноровская летопись: Сокращенные летописные своды конца XV в. М.; Л. 1962.
- ПСРА, т. 37 — Устюжские и Вологодские летописи XVI–XVIII вв. М., 1982.
- Рабинович М. Г., 1988. Очерки материальной культуры русского феодального города. М.
- Риер Я. Г., 1996. К проблеме социального развития раннесредневековой Восточной и Центральной Европы: сравнительный анализ археологических данных // РА, № 1, с. 114–121.
- Рихтер Г. Д., 1946. Север Европейской части СССР. М.
- Рохлин Д. Г., 1965. Болезни древних людей. М.
- Рыбаков Б. А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
- Рыбаков Б. А., 1982. Киевская Русь и русские княжества XII–XIII вв. М.
- Рычков Ю. Г., Балановская Е. В., Нурбаев С. Д., Шнейдер Ю. В., 1999. Историческая геногеография Восточной Европы // Восточные славяне. Антропология и этническая история. М.
- Санкина С. Л., 1995. Антропологический состав и происхождение населения Новгородской земли // Автореф. дисс. канд. ист. наук. СПб.
- Сахаров А. М., 1959. Города Северо-Восточной Руси XIV–XV вв. М.
- Седов В. В., 1952. Антропологические типы населения северо-западных земель Великого Новгорода // КСИЭ, вып. XV.
- Седов В. В., 1960. Сельские поселения центральных районов Смоленской земли (VIII–XV вв.) // МИА, № 92.
- Седов В. В., 1982. Восточные славяне в VI–XIII вв. // Археология СССР. М.
- Седов В. В., 1999. Становление первых городов в Северной Руси и варяги // Раннесредневековые древности Северной Руси и ее соседей. СПб., с. 206–210.
- Седова М. В., 1981. Ювелирные изделия древнего Новгорода (X–XV вв.). М.
- Седова М. В., 1992. Суздаль и его округа. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Седова М. В., 1997. Суздаль в X–XV веках. М.
- Седова М. В., Сабурова М. А., 1984. Некрополь Суздаля // Культура и искусство средневекового города. М., с. 91–130.
- Селин А. А., 1992. «Деревенские святыни» — источник для реконструкции культурной истории микрорегиона // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Новгород.
- Селин А. А., 1994. Об одном явлении в сельском храмовом строительстве XVI в. // Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 10. Новгород, с. 218–231.
- Сизов В. И., 1902. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1. Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР, № 28, СПб.
- Сметанка З., 1985. Археологические исследования средневековой Чехии // Археологические изучения памятников 6–15 веков в Чехии 1975–1985 гг. Прага, с. 31–64.
- Сотная из писцовых книг..., 1972. Сотная из писцовых книг Ф. Ф. Хидырщикова и Г. Л. Клементиева на земли Кирилло-Белозерского монастыря в Белозерском уезде // Северный археографический сборник, вып. 2. 1972, с. 184–204.
- Спиридонов А. М., 1989. Керамика приладожской курганной культуры // Кочуркина С. И. Памятники Юго-Восточного Приладожья и Прионежья. Петрозаводск, с. 303–315.

- Спиридонова Е. А., Алешинская А. С., 1999. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа // РА, № 1, с. 23–33.
- Спирина Д. В., 1996. Археологическое изучение Вологодской области в XIX — первой половине XX века // Древности Русского Севера, вып. 1. Вологда, с. 249–261.
- Спицын А. А., 1901. Древности бассейнов рек Оки и Камы // МАР, № 25. СПб.
- Спицын А. А., 1902. Древности камской чуди из коллекции Теплоуховых // МАР, № 26. СПб.
- Спицын А. А., 1905. Владимирские курганы. ИАК, вып. 15. СПб.
- Строев П., 1877. Списки иерархов и настоятелей монастырей российской церкви. Составил Павел Строев. СПб.
- Суворов А. В., 1996. Археологические исследования сезона 1995 г. на соборной площади города Каргополя // Каргополь. Историческое и культурное наследие. Сборник трудов. Каргополь, с. 40–59.
- Тимошук Б. А., 1990. Восточнославянская община VI–IX вв. М.
- Тихомиров М. Н., 1952. Список русских городов, дальних и ближних // Исторические записки, т. 40. М.
- Туганев В. В., Ефимова Т. П., 1982. Возделываемые культуры и их засорители на полях северных удмуртов в IX–XII вв. н. э. // Средневековые памятники бассейна р. Чепцы. Ижевск.
- Тухтина Н. В., 1966. Об этническом составе населения бассейна р. Шексны в X–XII вв. // Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. 40. М.
- Узянов А. А., 1993. Освоение Среднерусской возвышенности славянами в раннем средневековье // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., с. 79–97.
- Узянов А. А., Сычева С. А., 1987. История антропогенного влияния на природу Курского Посеймья // Антропогенная эволюция геосистем и их компонентов. М.
- Ушаков Ю. С., 1982. Ансамбль в народном зодчестве Русского Севера. Пространственная организация, композиционные приемы, восприятие. Л.
- Фехнер М. В., 1953. Материалы к археологической карте Белозерского и Кирилловского р-нов Вологодской обл. // Археологический сборник. Труды ГИМ, вып. 22. М.
- Фоломеев Б. А., Александровский А. Л., Гласко М. П., Гоняный М. И., Гуман М. А., 1990. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле. Материалы и исследования. Труды ГИМ, вып. 73. М.
- Фосс М. Е., 1947. Неолитические культуры севера Европейской части СССР // СА, т. IX.
- Фосс М. Е., 1952. Древнейшая история севера Европейской части СССР // МИА, т. 29.
- Фролов А. А., 1996. Хозяйственно-культурная ситуация конца I тыс. н. э. в бассейне р. Волмы // Новгород и Новгородская земля. История и археология, вып. 10. Новгород.
- Харлашов Б. Н., 1986. Археологическое изучение селищ Изборской округи // КСИА, вып. 183, с. 70–76.
- Харлашов Б. Н., 1991. Псковские губы (к вопросу о происхождении) // КСИА, вып. 205, с. 21–29.
- Харлашов Б. Н., 1995. Погосты и губы в Псковской земле XIV–XVI вв. Автореф. дисс. канд. ист. наук. М.
- Хорошев А. С., 1982. Новые материалы по археологии Неревского конца // Новгородский сборник. 50 лет раскопок Новгорода. М., с. 239–268.
- Цалкин В. И., 1956. Материалы для истории скотоводства и охоты в древней Руси // МИА, № 51.
- Чернов С. З., 1989. Исторический ландшафт древнего Радонежа. Происхождение

- ние и семантика // Памятники культуры. Новые открытия. 1988. М.
- Чернов С. З., 1991. Археологические данные о внутренней колонизации Московского княжества XIII–XV вв. и происхождение волостной общины // СА, № 1.
- Чернов С. З., 1991а. Сельские некрополи XIV–XVI вв. на северо-востоке Московского княжества // Московский некрополь. История, археология, искусство, охрана. М., с. 73–97.
- Чернов С. З., 1997. Из истории Киснемы последней четверти XIV — начала XV века // Кириллов. Краеведческий альманах. Выпуск 2. Вологда.
- Чернов С. З., 1998. Некрополь и селище у церкви Николы на Пружках по данным археологических исследований 1990 г. // Канонизация святых на Руси. Материалы VI Российской научной конференции, посвященной Памяти Святителя Макария (10–12 июля 1998 года). Можайск, с. 317–341.
- Черных Н. Б., 1972. Дендрохронология средневековых памятников Восточной Европы // Проблемы абсолютного датирования в археологии. М.
- Чеснис Г., 1990. Фенетические взаимоотношения средневековых восточных славян по дискретным признакам черепа // Вопросы антропологии, вып. 84.
- Шаров С. А., Хворостова Е. А., 1996. Археологическое изучение Белозерского кремля XII–XV вв. // Древности Русского Севера, вып. 1. Вологда, с. 182–188.
- Шахматов А. А., 1904. Сказание о призвании варягов. СПб.
- Шахматов А. А., 1908. Разыскания о древнейших русских летописных сводах. СПб.
- Шевырев С., 1850. Поездка в Кирило-Белозерский монастырь. Вакантные дни профессора С. Шевырева в 1847 г. В двух частях. М.
- Шекун А. В., 1990. К вопросу территориального развития древнерусской селищной структуры (по материалам Черниговщины) // Проблемы археологии Южной Руси, Киев, с. 73–76.
- Шинаков Е. А., Ющенко Н. Е., 1993. Стародуб и его округа в конце X–XII вв. // Словяни і Русь у науковій спадщині Д. Я. Самоквасова. Чернівці, с. 57–61.
- Шуберт Ф. Ф., 1958. Специальная карта западной части России. СПб.
- Щепанская Т. Б., 1995. Кризисная сеть (традиции духовного освоения пространства) // Русский Север. К проблеме локальных групп. СПб., с. 110–176.
- Эпоха бронзы..., 1987. Эпоха бронзы // Археология СССР. М.
- Юшков С. В., 1913. Очерки истории приходской жизни на Севере России XVI–XVII вв. СПб.
- Янкаускас Р. П., 1993. К антропозологии средневекового города (по литовским остеологическим материалам) // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М.
- Alsleben A., Jansson I., Hammar T., Könningsson L.-K., Kroll H., Müller-Wille M., Nosov E., 1993. Paleobotanical studies on the Novgorod Land C 400–1200 AD // Archäologisches Korrespondenzblatt. V. 23, h. 4, Mainz.
- Alsleben A., 1991. Archäobotanische Untersuchungen in der Hansestadt Lübeck // Offa, band 48, S. 329–362.
- Ambrosiani B., 1964. Fornlämningar och bebyggelse. Studier i Attundalands och Södertörns förhistoria. Stockholm.
- Andersson H., 1993. Reflections on Swedish medieval rural archaeology // Archäologie des Mittelalters und Bauforschung im Hanseraum. Eine Festschrift für Günter P. Fehring. Rostock, S. 83–90.
- Åqvist C., 1992. Pollista and Sanda — two Thousand-year-old Settlement in the Mälaren region // Holmström M., Lamm K. (ed.), Rescue and Research. Reflections of Society in Sweden 700–1700 A. D. Riksan-

- tikvarieambetet Arkeologiska undersökningar. Skrifter No 2. Stockholm. P. 310–332.
 Archaeobotany. 1989. Handbook for Archaeologists. Prepared by James Grieg. Strasburg.
 Astill G., Grant A. (ed.), 1988. The Countryside of Medieval England. Oxford.
 Aston M., Lewis C. (ed.), 1994. The medieval landscape of Wessex. Oxford monograph, 46. Oxford.
 Aston M., 1997. The Shapwick Project, Somerset, England // Rural settlements in Medieval Europe Papers of the “Medieval Europe Brugge 1997 Conference”, vol. 6. Zellik. P. 195–210.
 Barnes E., 1994. Developmental defects of the axial skeleton in palaeopathology. Colorado. 361 p.
 Becker C. J. (ed.), 1980. Viking-Age Settlements in Western and Central Jutland, recent excavations by C. J. Becker, Lise Bender Jørgensen, Steen Hvass, Leif Christian Nielsen, Torben Skov and Ingrid Stoumann // Acta Archaeologica, vol. 50 (1979).
 Beresford M., Hurst J. G. (ed.), 1971. Deserted Medieval Villages. Studies.
 Beresford M., Hurst J., 1990. Wharram Percy. Deserted Medieval Village. London.
 Berglund B. E., 1991. The cultural landscape during 6000 years in Southern Sweden // Ecological bulletins, v. 41. Copenhagen.
 Binderup M., Christoffersen J., Crumlin-Pedersen O., Holmberg B., Nielsen N., Porsmose E., Tharne H., 1996. Atlas över Fyns kyst i jernalder, vikingetid og middelalder. Odense.
 Bridges P. S., 1991. Degenerative Joint Disease in Hunter-Gatherers and Agriculturalists from the Southeastern United States // American Journal of Physical Anthropology. № 85.
 Broberg A., 1992. Archaeology and East-Swedish Agrarian Society 700–1700 A. D // Ersgard L., Holmström M., Lamm K. (ed.). Rescue and Research. Reflections of Society in Sweden 700–1700 A. D. Riksantikvarieambetet Arkeologiska undersökningar. Skrifter No 2. Stockholm. P. 273–309.
 Brothwell D. R., 1958. The use of non-metrical characters of the skull in differentiating populations // Tagungsber. Deut. Ges. Anthropol. Tag. 6.
 Dyer C., 1997. Recent developments and future prospects in research into English medieval rural settlements // Rural settlements in Medieval Europe Papers of the “Medieval Europe Brugge 1997 Conference”, vol. 6. Zellik. P. 55–61.
 Early Agriculture in the North European Boreal Forest // Journal of World Prehistory, v. 12, № 2, p. 199–253.
 Fox H., 1992. The origins of the midland village. Leicester.
 Hook, Della (ed.), 1985. Medieval villages. A Review of Current Work. Oxford.
 Hurst J. G., 1985. The Wharram Research Project: problem orientation and strategy 1950–1990 // Hook, Della (ed.). Medieval villages. A Review of Current Work. Oxford. P. 201–205.
 Hvass S., 1979. Jernalderlandsbyen ved Vorbass. Nationalmuseets Arbejdsmark.
 Hvass S., 1993. Settlement // Digging into the Past. 25 years of archaeology in Denmark. Ed.: Hvass S., Storgaard B. Copenhagen. P. 187–194.
 Janssens P. A., Marcsik A., De Meyere C., De Roy G. 1993. Qualitative and quantitative aspects of Scurvy in ancient bones // Journal of Paleopathology, v. 5 (1).
 Jansson I., 1985. Ovala spännbuclor. En studie av vikingatida standardsmycken med utgångspunkt från Björko-fyndet. Archaeological Studies Uppsala University Institute of North European Archaeology. Aun, 7. Uppsala.
 Jurmain R., 1990. Paleoepidemiology of a Central California Prehistoric Population from CA-ALA-329: II. Degenerative Disease // Amer. J. Phys. Anthropol., № 83.
 Khvoschinskaya N. V., 1990. Evolution of the burial rite of the finnic population of the Eastern coast of Lake Peipus in the beginning of the second Millennium AD. // ISKOS, v. 9, p. 107–113.

- Königsson L.-K., Possnert G., Hammar T., 1997. Economical and Cultural Changes in the Landscape Development at Novgorod // *Tor*, 1997, p. 353–387.
- Larsen C. S., 1981. Functional implications of postcranial size reduction on the prehistoric Georgia coast, USA // *J. Hum. Evol.* № 10.
- Lehtosalo-Hilander P. -L., 1982. Luistari. II. The Artefacts. SMYA, 82: 2.
- Maekawa K., 1997. A deserted medieval village and the formation of a fortified town in Cambridgeshire, England // *Rural settlements in Medieval Europe Papers of the "Medieval Europe Brugge 1997 Conference"*, vol. 6. Zellik. P. 243–252.
- Magnusson G., 1995. Iron production, smithing and iron trade in the Baltic during the Late Iron Age and the early middle ages (c. 5th–13th centuries) // *Archaeology East and West of the Baltic. Papers from Second Estonian-Swedish Archaeological Symposium. Sigtuna, May 1991. Stockholm*, p. 61–70.
- Mahler D., 1998. The stratigraphical cultural landscape // *Outland use in Preindustrial Europe*. Ed.: Hans Andersson, Lars Ersgård, Eva Svensson. Lund studies in medieval archaeology. 20. Lund. P. 51–62.
- Makarov N. A., 1994. The Colonization of Vologda Slaveny in the Eleventh — Thirteenth Centuries — the Medieval Economy of the New Settled Areas // *Fenno-Ugria et Slavi* 1992. Helsinki.
- Makarov N. A., Buzhilova A. P., 1997. The Northern Periphery of Russia: archaeological and anthropological evidence of medieval colonization // *Medieval Europe. Brugge, 1997. Method and Theory in Historical Archaeology*. v. 10. Zellik. p. 183–190.
- Meyer W., Auf der Maur F., Bellwald W., Bitterli-Waldvogel T., Morel P., Obrecht J., 1998. "Heidenhüttli". 25 Jahre archäologische Wüstungsforschung im schweizerischen Alpenraum. Basel.
- Nazarenko V. A., 1990. The "homes of the dead" in the South-Eastern Ladoga region // *ISKOS*, v. 9, Helsinki, p. 137–140.
- Ortner D. J., Ericksen M. F., 1997. Bone changes in the Human Skull probably resulting from scurvy in infancy and childhood // *International Journal of Osteoarchaeology*, vol. 7.
- Ortner D. J., Putchar W. G. J., 1985. Identification of Pathological Conditions in Human Skeletal Remains, Washington.
- Östergren M., 1989. Mellan Stengrund och Stenhus. Gotlands vikingatida silverskatter som boplatssindication. Theses and Papers in Archaeology, v. 2. Visby.
- Ovchinnikov I. V., Ovchinnikova O. I., Druzina E. B., Buzhilova A. P. and Makarov N. A., 1998. Molecular genetic sex determination of Medieval human remains from North Russia: Comparison with archaeological and anthropological criteria // *Antropologischer Anzeiger*, Jg. 56, 1.
- Ovchinnikova O. I., Buzhilova A. P., Kozlovskaya M. V., Mednikova M. B., Ovchinnikov I. V., 1995. Molecular-genetic analysis of ancient human remains from slavonic burial-places in North Russia (XI–XIII centuries) // *Abstracts in: Inherited Disorders and their genes in different European populations*. San Feliu de Guixols, Spain.
- Roberts C. A., Manchester K., 1995. The archaeology of disease. New York.
- Ruttkay M., 1997. Early medieval settlement structure in Slovakia // *Rural settlements in Medieval Europe Papers of the "Medieval Europe Brugge 1997 Conference"*, vol. 6. Zellik. P. 7–15.
- Sawyer P. H. (ed.), 1976. Medieval Settlement, Continuity and Change. E. Arnold, London.
- Sawyer P. H., 1985. The Anglo-Norman village // *Medieval villages. A Review of Current Work*. Oxford, p. 3–6.
- Steensberg A., 1968. Atlas över Borups ågre 1000–1200 e. Kr. København, V. 1–2.
- Steensberg A., 1983. Borup. A. D. 700–1400. A Deserted Settlement and its Fields in South Zealand, Denmark. Copenhagen, v. 1–2. 228 p.

- Svensson E., 1998. Människor i utmark. Lund studies in medieval archaeology. 21. Lund.
- Svensson E., 1998a. Outland use in Northern Varmland. Landscape, local society and household // Outland use in Preindustrial Europe. Ed.: Hans Andersson, Lars Engstrand, Eva Svensson. Lund studies in medieval archaeology. 20. Lund, p. 95–110.
- Taavitsainen J.-P., Simola H., Grönlund E., 1998. Cultivation History Beyond the Periphery: Early Agriculture in the North European Boreal Forest // Journal of World Prehistory, v. 12, N 2, p. 199–253.
- Thunmark-Nylen L., 1995. Die Wikingerzeit Gotlands. V. I. Abbildungen der Grabfunde. Stockholm.
- Uino P., 1997. Ancient Karelia. Archaeological studies. SMYA, v. 104, Helsinki.
- van Zeist K., Wasylkova K., Behre K. E., 1991. Progress in Old World Paleoethnobotany. Rotterdam; Brookfield; Vermont.
- Zoll-Adamikova H., 1975. Wczesnośredniowieczne cmentarzyska ciepłopalne słowian na terenie Polski. Cz. I. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

АРХИВНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

- Алешковский П. М., А-1981. Архитектурные раскопки в Кирилло-Белозерском монастыре. 1980 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 8258.
- Алешковский П. М., А-1981. Отчет об архитектурно-археологических исследованиях кузницы XVI в. в Кирилло-Белозерском монастыре. — Архив ИА РАН, Р-1, № 8663.
- Алешковский П. М., А-1982. Научный отчет о производстве археологических исследований на территории Ферапонтова монастыря. 1982. — Архив ИА РАН, Р-1, № 9027.
- Беляев А. А., А-1985. Отчет о работе на территории Ферапонтова монастыря. 1985. — Архив ИА РАН, Р-1, № 11035.
- Гарновский В. В., Отчет об обследовании памятников материальной культуры в Шольском районе Вологодской области в 1953 г. — Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, № 783.
- Гарновский В. В., Отчет об обследовании памятников материальной культуры в Шольском районе Вологодской области в 1954 г. — Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, № 939.
- Голубева Л. А., Макаров Н. А., А-1980. Отчет Белозерской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках поселения «Крутию» у д. Городище Кирилловского р-на Вологодской области в 1980 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 7964.
- Голубева Л. А., Макаров Н. А., А-1981. Отчет Белозерской экспедиции Института археологии АН СССР о раскопках поселения «Крутию» Кирилловского р-на Вологодской области в 1981 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 9926.
- Кандакова Н. В., А-1988. Отчет Череповецкого отряда Севернорусской археологической экспедиции о полевых работах в Вологодской области в 1988. — Архив ИА РАН, Р-1, № 12544.
- Кандакова Н. В., А-1989. Отчет Череповецкого отряда Севернорусской археологической экспедиции о полевых работах в Вологодской и Ленинградской областях в 1989 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 14157.
- Лазаревский Я. М., А-1860. Об археологических разысканиях в окрестностях Белозерска. — Архив ИИМК, ф. I, № 15/1860 г.
- Левина Н. В., А-1989. Отчет о разведках в Белозерском районе Вологодской области в 1989 г. — Архив ИА АН СССР, ф. Р-1, № 13546.
- Макаров Н. А., А-1981. Отчет о разведках и раскопках в Вологодской области в 1981 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 8153.
- Макаров Н. А., А-1985. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1985 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 10762.
- Макаров Н. А., А-1986. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1986 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 11835.
- Макаров Н. А., А-1987. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1987 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 12571.

- Макаров Н. А., А-1988. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1988 г. (Раскопки средневековых памятников в Кирилловском р-не Вологодской области, Котласском р-не Архангельской области и разведки на Северной Двине и Ваге) — Архив ИА РАН, Р-1, № 12844.
- Макаров Н. А., А-1989. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1989 г. (Раскопки средневековых памятников в Кирилловском и Великоустюгском районах Вологодской области и разведки на Северной Двине в Архангельской обл.) — Архив ИА РАН, Р-1, № 14354.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1990. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1990 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1991. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1991 г. (Разведки и раскопки средневековых памятников в Вашкинском и Белозерском р-нах Вологодской области и в Плесецком и Няндомском районах Архангельской области) — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1992. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1992 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1993. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1993 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1994. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1994 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1995. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1995 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1996. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1996 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Макаров Н. А., Захаров С. Д., А-1997. Отчет о работах Онежско-Сухонской экспедиции в 1997 г. — Архив ИА РАН, Р-1.
- Мирецкий А. В., А-1989. Отчет о разведках в Вологодской области в 1989 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 14450.
- Никитин А. В., А-1968. Археологический отчет о раскопках в Вологодской области и разведках по Архангельской области за 1968 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 4061.
- Ошибкина С. В., А-1976. Отчет о работе Вятской и Северной экспедиции в 1976 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 6390.
- Сапожников Н. В., А-1989. Отчет об архитектурно-археологических раскопках на территории бывшего Кирилло-Белозерского монастыря в г. Кириллове в 1989. — Архив ИА РАН, Р-1, № 13974.
- Сухов П. А., А-1939. Отчет о полевых археологических работах в Кирилло-Белозерском районе в 1939 г. — Архив ИИМК РАН, ф. 35, оп. I, № 41/1939.
- Тухтина Н. В., А-1976. Отчет о работе Бабаевского отряда Белозерской экспедиции в 1976 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 6110.
- Хворостова Е. Л., А-1989. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Белозерска Вологодской области в 1989 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 14778, 14780, 14781.
- Хворостова Е. Л., А-1990. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Белозерска в 1990 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 15348, 15349, 15350.
- Хворостова Е. Л., А-1991. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Белозерска Вологодской области в 1991 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 16014, 16015.
- Хворостова Е. Л., А-1992. Отчет об археологических исследованиях на территории г. Белозерска Вологодской области в 1992 г. — Архив ИА РАН, Р-1, № 17311, 17349.
- Хлопин И. И., А-1972. Отчет об археологических раскопках в Кирилло-Белозерском монастыре в 1972 г. — Архив ИА РАН, Р-1, 5678.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия
АОКМ — Архангельский областной краеведческий музей
АСГЭ — Археологический сборник Государственного Эрмитажа
АСЭИ — Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в.
ВА — Вопросы антропологии
ВОИСК — Вологодское общество по изучению Северного края
ГЭ — Государственный Эрмитаж
ДДГ — Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв.
ЗОРСА РАО — Записки Отделения Русской и Славянской археологии Русского археологического общества
ЗРАО — Записки Русского археологического общества
ИАК — Известия Археологической комиссии
ИГАИМК — Известия Государственной академии истории материальной культуры
КБИАХМ — Кирилло-Белозерский историко-архитектурный и художественный музей
КСИА — Краткие сообщения Института археологии
МАВГР — Материалы по археологии восточных губерний России
МАР — Материалы по археологии России
МИА — Материалы и исследования по археологии СССР
НПЛ — Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов
ПВА — Повесть временных лет
ПСРА — Полное собрание русских летописей
РА — Российская археология
РГАДА — Российский государственный архив древних актов
СА — Советская археология
САИ — Свод археологических источников
САС — Северный археографический сборник
Чер МО — Череповецкое музейное объединение
SMYA — Suomen Muinaismuistoyhdistyksen Aikauskirja

SUMMARY

I. MEDIEVAL SETTLEMENT IN BELOOZERO REGION, NORTHERN RUSSIA

Introduction

Rural sites and the problems of rural development never were neglected in Russian archaeology. Turning back we can find many examples of special interest to different types of monuments in the medieval countryside which emerged in archaeology at different stages of its development, starting from the period of the barrow excavations in the middle of the XIX-th century, as well as many important contributions to the rural studies dealing with the problems of peasant culture and social organisation, agrarian production and settlement patterns.

One of the most important and influential books which inspired research interest in the archaeology of the rural settlement in Russia was V. Sedov's monograph on the rural sites of Smolensk area, published in 1960 (Седов В. В., 1960). Medieval villages became the objects of growing research activity since 1970-ies, when a number of projects focusing on the reconstruction of the local settlement patterns or on the wide-scale excavations of the rural dwelling sites was put forward. This research direction was partly stimulated by similar trends in western archaeology — but at a greater degree by internal factors. Different programmes of ancient monuments registration launched in 1970-ies and supported by the Ministry of culture and regional administrations opened rather wide perspective for settlement patterns and landscape studies. On the other hand it became clear that the

problem of the origin and the phenomenon of medieval Russian town, which was a matter of hot debates in 1960–70-ies, could never receive solution until archaeology obtain knowledge on the settlement situation in the areas where towns emerged. Most significant and impressive research projects dealing with medieval rural settlement were accomplished in the 1980-ies in the Ilmen lake area in the centre of Novgorod land (Носов Е. Н., 1991; Носов Е. Н., 1992) in the areas of Rostov and Suzdal in north-eastern Russia (Леонтьев А. Е., 1996; Лапшин В. А., 1985) and of the Vorya local commune in the Moscow region (Чернов С. З., 1989; Чернов С. З., 1991). Still it seems obvious that even in 1980–1990-ies rural archaeology always remained in the shadow of the urban studies and at present we have serious gaps in our knowledge of medieval Russian villages, cultural landscape and rural economy. Many aspects of our present concepts of rural development in Russia seem to be historical reconstruction without reliable archaeological background.

Land surveys in different rural areas of Northern and Central Russia and excavations on the early medieval rural sites create background for some general observations concerning medieval settlement and rural development. Perhaps the most striking fact is the general character of the spatial distribution of prehistoric and medieval sites with the areas of the high concentration of monuments and the areas of sparse settlement. Configuration of these areas and balance between them

probably were decisive factors which shaped the territory of Ancient Russia and strongly influenced its territorial and political organisation. Of not less importance is rich evidence of rapid rural settlement growth and settlement continuation since late X–XI-th century until XIII-th century AD in different regions of Northern and Central Russia after a period of rather sparse settlement and slow development in the second half of the I millennium AD. We have distinct indications that this process had much in common with the agrarian growth in Western Europe in the same period. The following period of the late XIII-th — early XIV-th centuries AD was the time of serious settlement changes and transformations, though we have no evidence of growth interruption or complete break of the former settlement tradition.

Land documents and cadaster books of the late medieval and early modern period produce a picture of dispersed rural settlement in Northern and Middle Russia with single farmsteads and small hamlets (Russian “дережня”) dominating on an extensive territory from the Oka and Moscow river basin towards the White sea. Since XIX-th century historical geography put forward and developed the concept of medieval cultural landscape as a system of small isolated farms scattered over extensive woodland areas. However, archaeological investigations in the rural areas give rich evidence that settlement patterns of the earlier period — approximately 900–1250 AD — in Russia had a different character. Rural settlements of this period usually cover large areas and thus can not be identified with the later hamlets. Location and topographical patterns of the early medieval and late medieval sites, mentioned in the land documents, usually do not correspond. Assuming the spread of the more dispersed settlement patterns with smaller dwelling sites since 1250–1300 AD as a main trend, we should also assume that these patterns varied in different regions and that we still have very few detailed and complete regional studies that can illuminate medieval settlement in its dynamics.

1. Beloozero region and archaeological monuments in the area

One of the areas where thorough surveys produce reliable source base for settlement studies is Beloozero region in Northern Russia, the territory which formed the north-eastern boundary of Ancient Russian state in 900–1100 AD and remained a stable territorial unit since Early Medieval up to Modern Times. (Kopanev A., 1951). About 180 early medieval dwelling sites had been registered in Beloozero region as a result of our field works at an area of about 9000 square km. Although some sites could have been missed during ground level observations or have been completely destroyed, there mustn't be much doubt that archaeological maps give adequate picture of medieval settlement in the area.

The name “Beloozero” is translated from Russian as the “White lake”. This name refers to a large lake, to the region, which surrounded the lake and formed a territorial unit, and to the town, which was located near the lake. Beloe lake belongs to the Volga river system, but forms its most northern part, neighbouring with the water systems of the Onega lake and the Northern Dvina river. Thus, lying deep inside continental Russia, Beloozero was connected with the Baltic, the White, and the Caspian seas.

According to Primary Chronicle - the chronicle, which displays the most significant information concerning the earliest period of Russian history, — Beloozero region was inhabited by ves' — Finno-Ugrian people, and since 862 was governed by Sineus, the brother of prince Rurik, who was invited to Novgorod from Scandinavia. However, we must take into consideration that very few sites with the cultural layers of the IX-th century are registered in the area and that in the later period Beloozero was incorporated in Rostov-Suzdal principality and governed from Rostov. Records of the later period in the chronicles contain

very few mention of Beloozero until 1237, when the town served as a shelter for the Rostovian bishop Kirill during the Mongolian invasion and became a centre of a separate principality. Since that time Beloozero received a reputation of a safe and well-protected territory. In 1480, in the moment of the most serious conflict with the tatars, Moscow prince Ivan III sent to Beloozero his wife and his treasury. Sigismund Herberstein, ambassador of emperor Maximilian, who visited Russia in 1517 and 1526, described Beloozero as a place, practically inaccessible because of the forests and swamps surrounding the town.

Land documents of the early XV–XVI-th centuries, contrasting with Herberstein's statement, give evidence of many hamlets, farmsteads and fields located around the Beloe lake, mostly to the south of it. At that time a number of monasteries was founded in the Beloozero region by the monks from Moscow and other towns of Middle Russia. Kirillov monastery, founded in 1397, soon became one of the most powerful religious centres of Russia and concentrated extensive land property in its possession. Numerous land documents, which had been preserved in the monastery, produce rich data on the settlement organisation, land use and local economy. The earliest of them date to the late XIV-th — early XV-th centuries (АСЭИ, 1958, v. II). Very few territories in Russia possess comparable source base for the settlement studies. Since XIX-th century these documents drew attention of many scholars dealing with the problems of social, economical and agrarian history (Kopanev A., 1951).

More than 490 prehistoric and early medieval monuments had been registered in Beloozero region. Early medieval cultural layers or finds are presented on 186 dwelling sites. Unfortified sites form the majority of the monuments. The number of the cemeteries doesn't exceed 20. The practice of erecting burial mounds wasn't widespread in the region and identification of medieval burial places with no

marks on the surface still remains a difficult task.

Dwelling sites of the Beloozero area, as elsewhere in Northern and Central Russia, usually have rather thin cultural deposits, mixed and destroyed by ploughing and water regulation. Remains of the houses can not be distinctly identified on most of the sites, as stone constructions were not used by the medieval inhabitants and timber is poorly preserved in the dry sandy soil. Cultural deposits contain burned stones from the hearths and ceramics and in many cases — rather rich find material, which gives good opportunities for the dating. Test pits and land surveys make possible to locate the area of the sites and to trace their boundaries. Thus, conducting surveys since 1992 until 1998, we managed to obtain evidence about the location of the sites, their chronology, their sizes and in some cases about their development.

Sites are usually located near the large lakes and in the valleys of the large rivers, the majority of them — close to the Beloe lake, the Sheksna and the Kema rivers. The greater part of the territory, lying aside the largest lakes and rivers, yielded no indication of sedentary settlement earlier than 14-th century. Almost all the early medieval settlements were founded in the period of 900-1200 AD as new sites, but very often — on the places which had been settled in the Neolithic, Bronze Age and Early Iron Age, but later abandoned. We have limited data about the layout of the sites. It seems that in some cases dwelling houses were constructed very close to each other and arranged in rows, stretching along the river banks, but these observations have preliminary character. Most of the sites produce few finds of pottery dating to the XIV-th and XV-th centuries. This fact indicates serious transformation in the settlement structures which started in the late XIII-th century.

Dwelling sites vary in size. Land surveys conducted in Beloozero area in 1970–1980-ies

gave indications of dispersed settlement with the small dwelling sites forming local groups. More thorough field investigations of the recent decade point that the picture was much more complicated. Small sites with an area of 250–7000 sq. m coexisted with larger ones, with an area up to 11 hectare. Among the 116 sites with defined areas small settlements with the area up to 7000 sq. m strongly dominate, constituting more than 85%. 8 dwelling sites with the areas from 2 to 11 hectare form considerably small group. Large sites were located mainly on the shore of the Beloe lake and in the valleys of the two large rivers - Sheksna and Kema - belonging to its water system, the small ones were spread over the whole territory of the region.

2. Settlement organisation in the Beloozero region and its development in 900–1250 AD

Beloe lake and Upper Sheksna region display comparatively high concentration of medieval monuments. 186 sites dating to the period of late IX-th — early XIII-th century were registered there at an area of 9000 sq. km. 169 of them are dwelling sites or stray finds on the places of completely destroyed settlements. Settled region had distinct borders in the East, Northeast and Northwest, being surrounded there by a broad strip of uninhabited territories, mostly bogs and woodlands on the watersheds. These borders crossed Kovzha and Kema rivers in their middle streams, followed the watershed between Beloe and Voszhe lakes and the watershed between Beloe and Kubenskoe lakes. Western and southern borders of the settled area, which crossed Sheksna and Andoga and Shola rivers in their upper streams, dividing Beloozero region into two parts, were less distinct.

Settled area around Beloe lake constituted the largest group of medieval settlements in the Northern Periphery of Russia and to certain extent marked the boundary of Russian

settlement or dense inhabited lands in the X-th — early XIII-th centuries. Although Russian colonisation in the XI–XII-th centuries spread much far northwards and eastwards, it resulted mostly in formation of small dispersed settlement units. Land surveys in the Onega, Sukhona and Northern Dvina regions revealed no indications of dense settlement until the late XIII–XIV-th centuries.

Land surveys present the picture of uneven distribution of Medieval settlement in Beloozero region. Dwelling sites were concentrated near the large lakes and rivers, the greater part of them (84 sites) — on the shores of the Beloe lake and in the river valleys of the Sheksna and the Kema. Extensive pieces of land, mainly watersheds and areas in the upper and middle streams of the rivers, falling in the Sheksna and Kema, remained uninhabited until the late XIII-th century. Thus the limits of the Late Medieval territorial unit “Beloozero” mentioned in the land charters and cadaster books, are much broader than the limits of the territories settled in the XII–XIII-th centuries. Pollen materials from the bogs on the watershed between Sheksna and Kubenskoe lake, which produce no evidence of early medieval forest cuttings, give additional proof to this observation.

Considerable part of the dwelling sites in Beloozero area formed local groups. Analysis of the spatial distribution of the sites gives evidence of 12 large local units, consisting of 6–21 sites. Identification of the local centres in the region seems to be much more complicated problem. Fortified settlements, such as Krutik, Vasutino and Nikolskoe I on the Kema river, can be regarded as local centres of the late IX–X-th centuries. However, it should be noted that two of them were sole settlements with no sites in the surrounding areas and thus their functions were much wider than supporting local trade and administration. Identification of the local centres of the later period is even more problematic, as all the sites dating to the XI–XIII-th centuries are unfortified.

Beloozero town, the centre of the region, like most of the other sites had no fortifications, but its outstanding status is marked by its extensive size (cultural deposits cover the area of 54 hectare) and by special categories of find material (such as lead seals, golden jewellery, carved stone icons). The town was located on both banks of Sheksna river, not far from Beloe lake, in which the river takes its issue. This geographical position had special advantages in the system of water communications, as it gave access to all the areas, surrounding the lake, to the 3 main portages of the Beloozero region, which opened the way to Onega lake, Onega river and Northern Dvina river systems, and to the Volga. It provided perfect opportunities for the control over communications between the Far North and the central areas of Rostov-Suzdal principality. On the other hand, it is quite evident that being a central place in the region, Beloozero town grew far from the geographical centre of the territorial unit. It was lying on the periphery of the settled area, close to its boundary. No rural sites dating to the X–XIII-th centuries were discovered in the vicinities of Beloozero. Being a centre of a complicated system of water communication and long-distance trade, Beloozero town had rather weak background in the local rural settlement.

Identification of the artefacts and ceramics dating to the late IX–X-th, the XI-th — the early XII-th and the late XII-th — the early XIII-th centuries in the find material from the dwelling sites opens perspective for investigating settlement dynamics. Materials of the earliest period constitute a modest group. They were discovered on the 29 sites. Dwelling sites of this period are mostly small single settlements (with the areas of up to 2000 sq. m), dispersed all over the region with higher concentration in its south-western part. Three sites, which display materials of late IX–X-th century were fortified settlements. Their decay in the end of the X-th century coincide with the rise of Beloozero town, founded in the

second half of the X-th century in the sparsely inhabited area.

The period of the XI–XIII-th centuries was the time of rapid colonisation and settlement growth. Settlement situation of the XI-th — the early XII-th centuries is much more difficult for reconstruction than the situation of the earlier and the later periods, because of the character of ceramics from the dwelling sites. Wheel-made pottery of this period was identified on 16 dwelling sites, but much larger group of the sites — 54 in number — produce materials, relating to wider chronological spans of the X-th — the XI-th or the late X-th — the XII-th centuries. There is no doubt that a great deal of this material dates to the XI-th century and gives evidence of settlement expansion. Though several sites of the earlier period were abandoned in the end of the X-th century, the main trends in the development are settlement continuation in the local areas, growth and formation of the settlement units consisting of several sites in the local areas with single settlements of the former period. The territory of the Beloozero town increased 5 times by the end of the XI-th century and covered 7 hectare on both banks of the Sheksna river. Finds of lead seals belonging to princes Svyatopolk Iziaslavich and Vladimir Monomach and silver and golden coins should be regarded as the evidence of central functions of the settlement.

Finds of the late XII — the early XIII-th centuries are known from 84 dwelling sites, giving indications of the further settlement growth in all parts of the region, especially rapid in the eastern areas, sparsely inhabited in the XI-th century. Development was marked by the establishment of large nucleated settlements with the areas of several hectare as well as by formation of local settlement units and agglomerations. Most of the local areas display distinct settlement continuation, but dispersed settlement is usually replaced by agglomerated structures, growing on the basis of the single sites of the earlier period. Time span from the middle of the XII-th century up to the middle

of the XIII-th century was the highest point in the development of Beloozero town. Artefact material includes various categories of finds that prove urban character of the site and high status of certain groups of its population. It gives clear evidence that regional elite was concentrated in this settlement. But its functions were not limited to trade, craft production, managing administration and military control over the area. As the area of the town constitutes over 30% of the total area of the Beloozero region dwelling sites, we can assume that inhabitants of the town formed about 30% of the population of the region. Population of that size could not make its living through collecting taxes from the rural sites and conducting trade. This community included not only tax-collectors, but also tax-payers. Though being included in long-distance trade, Beloozero settlement could function only as more or less self-sufficient unit with its own agriculture and trapping. It presents an interesting case of an urban centre, dependant on trade and extraction of wilderness products much more than on the rural settlement in the region and needs of local economy, and evidently stimulating rural colonisation.

We still lack detailed knowledge of the further development of the settlements that functioned in Beloozero in the XII–XIII-th centuries. Occupational deposits dating to the XIV–XV-th centuries are missing on the vast majority of these sites, but many of them present XVI–XVII-th century pottery. XV-th century land documents give evidence that local areas, settled in the X–XIII-th centuries were not abandoned. To sum up, we would say that settlement situation of the late XIII–XIV-th centuries in Beloozero should be defined as a radical transformation of the earlier pattern, which however didn't lead to the collapse of the local areas, settled in the earlier times. Hamlets in the local areas changed their position, agglomerated settlements were mostly replaced by dispersed farmsteads, settlement spread to the areas, lying far from large rivers and lakes, but the early medieval local units

remained important elements of the new settlement organisation.

3. Early medieval dwelling sites in the context of prehistoric settlement patterns

Though vast majority of the early medieval sites in Beloozero region displays no direct continuity from the earlier settlement, an outlook into prehistoric settlement adds much to the understanding of the origin and the character of medieval cultural landscape. We would specially focus on the situation in the central and eastern part of the region with 207 dwelling sites dating to prehistoric and medieval times, which were the objects of the most thorough surveys. 132 sites in this area present find material of different chronological stages. Thus about 64% of the sites produce evidence of occupation over long time span or more likely of re-occupation in different periods. That means that the basic elements of settlement pattern and land utilisation preserved without marked changes since Neolithic until the Early Medieval times.

Spatial distribution and topographical layout of the dwelling sites which emerged and functioned in the area since Neolithic until the Early Medieval times is characterised by a set of common features. The great majority of them is located very near to the open water in close connection with large lakes and rivers, on low terraces or in the flood-lands. Pieces of land in the river mouth were specially preferred. Omitting details we can assume that settlement systems of all mentioned above chronological phases can be regarded as variations of one pattern, which strongly differs from the earlier — Mesolithic and the later — Late Medieval — models.

Long term settlement development in Beloozero region was far from constant progress: It had a curved trajectory with phases of growth in the Neolithic (late V-th — middle of the III-th millennia BC) the Early Iron Age (I millennium BC — 1 half of the I millennium

AD) the Early Medieval (950–1250 AD) periods and phases of decline in the Bronze Age and Late Iron Age.

Comb-and-pit ware of the Neolithic period was discovered on 128 sites in various local areas, on the shores of the Beloe lake as well as near the small lakes. Pieces of land in the river mouths, in the places, where rivers took their issues from the lakes, and canals, which connected lake systems, were settled most often. Sites varied in sizes. Some of them, where only few pieces of ceramics and flint tools were found, probably could have been temporary stations and seasonal hunting camps. Numerous ceramic finds, thick occupational deposits and extensive areas of the other sites give evidence that they were comparatively large permanent settlements. The two largest sites were located in the upper stream of the Sheksna river, not far from the place where it takes its issue from the Beloe lake (in the area where Beloozero town later emerged) and on the opposite site of the lake in the mouth of the Kovzha river. Outland activities of the inhabitants of the region in Neolithic period is marked by flint tools, mainly knives and scarpets, found at different places on the lake shores. Spatial distribution of the sites points to the importance of fishing in local economy. High density and permanent character of the sites probably indicate that hunting and fishing economy formed the background for stable development.

Eneolithic and Bronze Age development is marked by a strong settlement decline. Only 34 sites with Bronze Age remains were registered in Beloozero region. Most of the Bronze Age settlements were small. Some sites display spatial matching with the Neolithic monuments, the others occupy pieces of land lying near to them, but on higher terraces. In spite of the strong decrease of the number of sites, the greater part of the local areas with Neolithic settlements wasn't depopulated. Local groups of the sites were just replaced by single settlements.

Settlement growth of the Early Iron Age resulted in formation of 103 dwelling sites

which mostly display the same spatial distribution over the region and the same type of layout as those of the Neolithic and Bronze Age. The difference is that settlements located on the low pieces of land at that period coexisted with dwelling sites on the edges and on the slopes of high terraces (4–12 m above the water level). The latter has much in common with the layout of Iron Age hillforts in Central Russia though non of the sites in Beloozero region was fortified. Most of the sites produced net-impressed ware which was widely spread on extensive areas of Central and Northern Russia. Development was followed by a new decline in the second half of the I millennium AD. Finds of hand-made ceramics and metal ornaments dating to the VI-th — the VIII-th centuries are known only from 9 sites.

Hence, settlement system of the X-th — the XIII-th centuries grew in a sparsely inhabited, almost unsettled region, which had a long settlement tradition and numerous traces of prehistoric habitation. The number of the Early Medieval dwelling sites in the area under discussion — 138 — is comparable with the number of the Neolithic and the Iron Age sites, but the former relate to much shorter chronological span and thus indicate more dense settlement.

Medieval population of Beloozero area settled the same places as the earlier groups of the Neolithic and Early Iron Age. Spatial matching of the Neolithic and Early Medieval settlement positions was discovered on 39 sites, spatial matching of the Early Iron Age and Early Medieval settlement positions — on 33 sites. Cases, where prehistoric and Early Medieval settlement occupied neighbouring pieces of land in the same local area, are much more frequent. Most of the early medieval local settlement groups emerged in the local areas which were occupied during prehistoric period. It is worth notice that almost all the places of the large Neolithic settlements were occupied by the Early Medieval groups. Medieval Russian population, with no direct cultural and genetic

connections with the cultures of the earlier periods in the region, to certain extent restored prehistoric settlement pattern, which passed through a period of deep decline in the second half of the first millennium AD

The background of this stability of the settlement patterns over a long chronological span is yet not very clear. It is obvious that one reason for it is the stability of the economy with predomination of natural resources utilisation. Pieces of land once settled by the Neolithic inhabitants could have been the optimal geographical points for these economical practice for the following five millennia. Phases of abandonment of these local areas were followed by phases of re-occupation during the periods of general settlement growth. On the other hand it is very likely that prehistoric sites were often re-settled because of the clearances, which made them most convenient for occupation in the woodlands. Pollen studies in Nefedievo in Volok Slavensky local area point that the forest, being cut there in Eneolithic period, never restored, and the site, where the Bronze Age, the Iron Age and the Early Medieval settlement later emerged, always remained a clearance. Future pollen studies can probably reveal whether it was an exception or a common situation.

4. Plant remains from the Beloozero region: on the expansion of farming in the northern periphery of Russia

Macrofossil flora from the Early Medieval cultural deposits of Russian towns and rural sites was regarded as an important source material for paleoeconomical and paleo-environmental studies since 1950-ies. However until the recent times large accumulations of charred cereal grains discovered by the excavations were the only objects of the studies. Floatation of the occupational deposits wasn't spread as a method of collecting macrofossil remains, and it was only in 1980-ies when N. Krenke introduced this technique conduc-

ting excavations on the Dyakovo hillfort near Moscow. In the recent decade this practice was used in the field works on the early medieval sites of the Ilmen lake area, providing opportunities to a more systematic analysis of the paleobotanical materials.

Floatation of the stratified early medieval cultural layers was a special issue of the field work on the medieval dwelling sites in Beloozero region in the 1990-ies. Sampling was made on the 22 sites in different local areas. Early medieval charred cereal grains — all in all about 2000 — were discovered on the 20 sites. Settlements, where medieval cereal remains were found, varied in size (from 400 sq. m to 11 hectare) and presented a great diversity of landscapes. Some of them were located in the arable areas, in the later period settled by the peasant population, others were located in swampy woodlands, which now seem to produce poor conditions for farming.

The majority of the grain material and its highest concentration was registered in the central area of Beloozero town (late X-th — early XI-th and XI-th century deposits) and on Nikolskoe X dwelling site in the Lower Kema (X-th — XII-th century deposits). Another dwelling site in the Lower Kema — Nikolskoe V (with late X-th — early XI-th century deposits) where large amount of soil was floated also produced a large quantity of cereal grains, but its concentration in the soil was at an average level. The rest of the sites produced quite a modest amount of cereal grains.

Charred cereal grains were identified in 14 samples dating to the period of the X-th — XI th centuries on 6 dwelling sites. Macrofossil remains represent barley, which is dominating, followed by rye, wheat and oats. The earliest cereal grain material was discovered on Krutik hillfort, which presents find material of Finno-Ugrian character. These remains date to the period not later than 970-ies. Samples from Nikolskoe V site in the Lower Kema and from the lower layers of Beloozero town display higher concentration of cereal grains and the expansion of rye, which is dominating on the

later site. 13 samples dating to the period of the XII-th — XIII-th centuries, which were taken on 10 sites, represent the same set of species. However, rye is dominating in all the samples. It is followed by barley, wheat and oats. Peas, flax and hemp seem to be more rare species. There is some increase in the concentration of the grains compared to the previous period. Samples with wider chronological span (XI-th — XIII-th centuries) display the same set of cereal plant remains.

Thus macrofossil remains from Beloozero region represent the four main cultivated species widely spread in Medieval Russia in the pre-Mongolian period. High proportion of barley, which is known as a culture adjusted to low temperatures, is not surprising taking into consideration soil and climatic conditions of Beloozero region. We have evidence of its domination on a number of sites in the forest area of European Russia dating to the second half of the I millennium AD and to the Early Iron Age. It is worth notice that millet is not presented in the Beloozero samples, being widespread in the Ilmen lake area in the same period. The reason for that is probably the climatic conditions of Beloozero, in which millet could hardly ripen.

Archaeobotanical studies in Beloozero region add 17 new spots to the map of cereal grain finds of the period of 900–1250 AD on the Russian plain. Cereal grain finds from Beloozero form the northmost region with distinct evidence of early medieval cultivation and probably can be regarded as an evidence of the local farming. Finds of sickles and millstones in Beloozero town (though not large in number) produce additional proof of cultivation in the area. However, it doesn't mean that farming constitute the main direction of local economy and the major mean of livelihood. It is obvious that utilisation of outland forest resources was of not less importance.

Cereal grains found on the Early Iron Age sites in the Moscow river and upper Volga area and recent finds in the Kubenskoe lake area

probably point that the history of cultivation in Beloozero region could go back to the beginning of the I millennium AD. However evidence of the early medieval cultivation is much more rich and distinct. It probably marks agricultural intensification and expansion of farming to the wider areas which developed in connection with colonisation and medieval settlement growth.

5. Local settlement units in Beloozero region

The problem of local settlement units emerged in Russian archaeology since early 1960-ies, after V. Sedov's surveys in Smolensk region revealed spatial organisation with small groups of rural sites, constituting distinct territorial units. Field investigations of the later decades proved that local settlement groups of the same character were widely spread in different regions of Russia and should be regarded as important elements of medieval settlement patterns which formed in the IX–X-th centuries AD. The idea was put forward that this settlement pattern developed in connection with special social organisation based on strong kinship relations. It was often claimed that local settlement groups correspond with the peasant communes or kin-based communes and that spatial transformations in the local areas directly followed social changes. However, sociological interpretations of local settlement structures in many cases can be argued, as they are based on rather limited and incomplete source material.

Settlement pattern with local settlement units was rather widespread in Beloozero region, but wasn't totally dominating. Local groups of the sites coexisted there with sole settlements. Colonisation developed mostly as the formation of new single settlements and many of them remained sole sites for several centuries. However, about 65% of the early medieval dwelling sites in Beloozero region were associated in local groups of various sizes: small local units, consisting of 2–5 sites,

stretching on a territory of no longer than 2,5 km with a joint area from 2000 square meters to 3 hectare and larger agglomerations, consisting of 5–13 sites, stretching over a distance of up to 7 km with a joint area from 1,5 to 16 hectares. Several small units are often incorporated in a larger one. In some cases we have rather vague grounds for registration of a site as a sole settlement or as a group of neighbouring settlements, forming one local unit. Local settlement units include small sites as well as large medieval villages covering the area of several hectares. Medieval sites of the Beloozero region constitute 37 small local units and 12 larger local groups (fig. 4).

Did the sites, belonging to the same local unit, function simultaneously or they present different chronological phases of local development and the whole group should be interpreted as one or two settlements changing their location from time to time? In some cases this question remains without answer due to the lack of the find material which can distinctly determine chronological position of the sites. Detailed examination of the find material from 23 small local groups points, that either some of the sites or all the sites in the units functioned simultaneously. In some cases archaeological records revealed complicated process of local development most often with the gradual growth of the number of the sites in the local area. There can be no doubt that the greater part of the local groups of the sites is more or less identical to historical settlement units.

The structure of these units proves to be simple. With one exception they include only unfortified sites. The character of the find material as well as the sizes and the layout of the sites indicate no differences in their status. Archaeological records do not present clear evidence of any local centres with special administrative functions. The character of the burial sites, which were discovered in 8 local areas, points, that the practice of establishing large cemeteries, common for all the sites, belonging to large local group, didn't spread in

Beloozero. Most of the small local units probably had their own cemeteries.

Formation of the large agglomerated local structures is especially vivid in the Kisnema, Maeksa and Lower Kema local areas.

Kisnema settlement unit (fig. 59–63) is situated on the northern shore of the Beloe lake and includes 7 sites with the total area of 16 hectares located very close to each other at a distances of 100–300 m. Dwelling sites occupy rather high terrace cut by a number of small rivers and stretch along the lake for about 2 km. 3 sites cover areas more than 2 hectares. Find material from Kisnema includes knives, spindle whorls, cross-pendants, glass beads, pieces of glass armrings, fragments of bronze neckrings and numerous ceramics. Settlement history started with the formation of the two small sites (about 1000–2000 sq. m) at a distance of 250 m from each other in the X-th century. In the XI-th century both sites expanded on a larger territory and two others appeared in the vicinities. Settlement went through a great upheaval in the XII-th — early XIII-th century. Ceramics dating to this period dominate on the 5 sites, it is spread over all the territory of agglomeration. We have reliable evidence that in the XII-th century extensive territory of about 16 hectare was more or less occupied. The upheaval of Kisnema with the high population density on a limited area wasn't followed by the settlement expansion to the neighbouring river valleys. Moreover, the mouths of the two rivers, nearest to Kisnema, with the natural conditions favourable for medieval occupation, were not settled until the Late Medieval times. It seems that the inhabitants of Kisnema deliberately kept colonisation under control, perhaps preserving these territories as special hunting and fishing areas belonging to the commune. Find material dating to the XIV-XV-th centuries on the Kisnema sites is very poor. It seems that agglomeration was not totally deserted at that period, but only few small pieces of land there remained inhabited. The earliest land charters

which mention Kismema are of the period of 1435–1470. They give evidence of small farmsteads scattered over a large territory, some of them at a distance of 5 km from the lake. However, late medieval parish centre is located directly in the centre of agglomeration, very near to the site which produce the earliest medieval materials.

3 sites in Maeksa are located on the southern shore of the Beloe lake in the mouth of a small river (fig. 64–67). This settlement unit is symmetrical to Kismema in regional settlement structure, but display different landscape surrounding. The sites occupy low flat terrace with even surface and cover total area of 17,5 hectares. Two largest sites (4,2 and 11 hectares) lie close to each other, divided by the river mouth. Ploughed cultural deposits contain rich find material including cufic and west-European coins, metal ornaments, cross-pendants, glass beads, knives, arrowheads. Cufic coins and hand-made pottery give good evidence that settlement was founded in the X-th century and initially was located very near to the lake. Ceramics and metal ornaments of the XI-th and especially XII-th centuries are much more numerous. We have good proof that Maeksa settlement, like Kismema, went through the greatest upheaval in the XII-th century. Like Kismema, it was not abandoned in the Late Medieval times. Mixed cultural layers contain Late Medieval pottery, stray finds include XVI and XVII-th century coins. However, find material, probably dating to the XIV-th century is very poor, indicating decline of the former agglomeration and perhaps — its transformation in a system of a small farmsteads.

Settlement unit Nikolskoe on the Lower Kema (fig. 50–57) had a different character and a complicated history. It includes 12 unfortified dwelling sites and a small hillfort. The sites are stretched along the river on a distance of 5 km, forming 3 smaller local associations. Settlement unit on the Lower Kema formed as a complicated structure with a hillfort and 5 small

unfortified sites as early as in the X-th century. In the XI-th century the hillfort was abandoned, but the number of the unfortified settlements increased and they expanded on the larger areas. Find material of the late X–XI-th centuries includes cufic coin, metal ornaments and amulets, (some of them of Scandinavian origin), numerous beads, different tools and implements. Ceramics dating to the XII — early XIII-th centuries was registered on the 6 sites. Some of the sites, founded in the early period, at that time were abandoned, and replaced by the new ones, which emerged very near in the same landscape. Thus, the number of the sites in this area didn't increase, but the period of the XII-th century was marked by the development of the two large sites with the areas of about 2–2,5 hectare. One of these sites later (in the late XIV th century) became the centre of the small principality, and both of them became parish centres from at least XVI-th century. Settlement situation of the XIV-th century remains unclear. It seems that development of large rural sites in the river valley at that period stopped and colonisation expanded over broader areas with different types of landscape, but the early local centres didn't lost their importance.

Turning to the smaller settlement groups, which were not incorporated in the units of the higher level, we can focus on Pogostische and Karbotka local areas.

The former is located on the north-eastern border of the region, in the curve of the Modlona river, which belongs to Onega river-system on the territory of the late medieval village Pogostische and in its vicinities. Two small dwelling sites with the joint area of 3400 sq. m and a flat burial site lie close to each other — the distance between them doesn't exceed 200 m. Inhumation burial dating to the early XI-th century is the earliest indication of medieval colonisation in the local area. However, occupational layers relating to this period were not found in the local area in spite of thorough surveys. Perhaps they were totally

destroyed by the Late Medieval settlement. Rich find material from the dwelling sites (fig. 26) dates to the period of the late XII–XIII-th centuries, as well as a number of the burials in the cemetery. Besides pottery, find material from the dwelling sites includes iron knives, iron key, detail of the iron lock, iron arrowhead, glass beads, details of metal ornaments and ceramic cross-pendant. Colonisation of the local area started in the early XI-th century and continued in the late XII–XIII-th centuries. Settlement situation of the late XI-th — early XII-th century is not clear — perhaps development at that period was interrupted or slowed down. XIII-th century pottery is widely presented on the sites, but constitutes the latest part of the find material. Changes in settlement organisation which followed between late XIV-th and XVI-th centuries resulted in establishing Pogostische village directly on the place of medieval cemetery.

Karbotka local settlement group is situated in the suburbs of the Kirillov town, on the banks of the channel which was initially a small river falling in Pokrovskoe lake. It consists of 4 dwelling sites with the joint area of 1,1 hectare. The sites stretch along the channel for about 700 m. Though pieces of ceramics found on one of the sites relate to the chronological span of the XI–XII-th centuries, we have no distinct indications of the XI-th century settlement in Karbotka. Find material from the 3 sites include different artefacts dating to the period of the late XII-th — early XIII-th century: knives, glass beads, details of metal ornaments as well as hand-made and wheel-made pottery. Like in many other local areas, in Karbotka we have distinct evidence of settlement expansion in the second half of the XII-th century and stable development in the early XIII-th century. 3 sites in the local area were abandoned in the second half of the XIII-th century, the fourth displays evidence of settlement continuation up to the XIV–XV-th centuries.

Analysis of the settlement dynamics in different local areas and the correlation between the structure of the units, the sizes of the

settlements and the character of the landscape proves that development of local settlement units was influenced by different factors. Local environmental conditions were of not less importance for shaping settlement forms than social organisation. Dry flat terraces near the shore of the Beloe lake provided excellent opportunities for establishing large settlements in Maeksa and Kisnema. In most of the other parts of the Beloozero region relief had another character. Broken landscape type of the Upper Sheksna and Voloč Slavensky wasn't suitable for nucleated settlement. Trends to nucleation there could result mostly in establishing a group of small sites in one local area.

On the other hand it is obvious that formation of the local settlement groups in Beloozero region in the XII–XIII-th centuries indicates formation of the territorial communes. At least some of the local settlement units of the XI–XIII-th centuries (for instance Nikolskoe on the Kema river, Kisnema, Maeksa, Pruzhinino-Volohovo on the Sheksna river) can be treated as predecessors of the later local communes named in the XIV–XV-th century documents, though position of the early settlements and of the later local centres in a number of cases does not correspond directly.

It was already mentioned that though large settlements with the area over 2 hectare constituted rather modest group if compared with the settlements of the smaller sizes, their total area constitutes about 35% of the total area of all the medieval sites. Taking into consideration the fact that in many local areas sites are located rather close to each other and that their cultural layers date to one chronological period, we come to an unexpected conclusion that some of the local areas were rather densely populated during 1100–1250 AD, while the others, often displaying similar environmental surrounding, remained uninhabited. Glancing on a regional map of the sites, we can assume this distribution of the sites as dispersed settlement, but detailed analysis of the situation on a local level leads to quite

different conclusions. They seem more obvious if we compare this pattern with the earlier — Iron Age — and especially the later ones, of the Late Medieval period, when isolated farmsteads and small hamlets lying at a distance of about 0,5–1 km from each other replaced sites and local units with an area of several hectares.

What could have been the economic background of the X–XIII-th century spatial organisation with large agglomerated units coexisting with the dispersed sites? At a current state of research I would prefer to avoid heavy determinism, interpreting medieval settlement in the North. However archaeological material, obtained in Beloozero area, indicate some aspects of regional economy which can probably be the starting point in our interpretations of the early medieval settlement organisation and its transformation. Find material from the Beloozero sites dating to the late X–XII-th centuries includes numerous imports and gives evidence of trade activity, prosperity and high level of consumption, contrasting with material of the later sites, displaying very modest set of artefacts. On the other hand, we should assume that development of the large agglomerations like Kisnema and Maeksa caused serious difficulties to normal agricultural land use, as the farmers had to cover long distances on their way to fields. Single farmsteads scattered on the pieces of land with the most fertile soils, which replaced large rural sites, better suited the needs of agriculture. Thus the rise of the agglomerated settlement in the North was probably connected with the development of complex economy, which combined extraction of out-land resources, cultivation and trade and obviously had certain advantages in the context of this economy. Decrease of fur hunting and trend to agrarian economy with limited trade activities in 1250–1350 AD caused serious changes in settlement organisation and finally lead to formation of the dispersed pattern.

6. Beloozero and Belozersk — two towns on the Beloe lake

Changes in rural settlement organisation in Beloozero region were not the only result of the drastic historical transformations of the second half of the XIII-th — XIV-th centuries. They were followed by the decline of the main urban centre of the region — Beloozero town — in the early XIV-th century. This decline is usually interpreted as a consequence of the epidemics of the Black Death of the 1352 and 1363–64 and is named as a “replacement of the town” which was moved to a new local area. However, recently obtained archaeological data and more thorough analysis of the written sources indicate that this process was much more complicated and multi-aspect. Rich collection of the artefacts picked from the surface of the town, destroyed by the water-regulation (consisting of about 13 000 objects) and reports on the earlier excavations, conducted by L. Golubeva on the area of 5500 sq. m., constitute reliable source base for defining the area of the town in different chronological periods and sheds new light on the dynamics of its development.

Beloozero town emerged in the middle of the X-th century and already at the turn of the century covered the area of about 1,4 hectare (fig. 77). Cultural deposits of the early period occupied two areas near the banks of the two small rivers, which formed the borders of the higher part of the river terrace (Голубева Л. А., 1973, с. 65). A piece of land between them remained unsettled. The area of the town was quite modest if compared with the other urban centres of Russia, nevertheless it was the largest settlement in the region.

Further development of the town is marked by two periods of rapid growth — in the XI-th century and in the second half of the XII-th — the early XIII-th centuries. During the XI-th century the area of the site increased 5 times up to 7 hectares (fig. 77). In the late XI-th

century the town stretched along the two banks of the Sheksna river, covering its highest parts. Settlement on the right bank was about 1 km long, settlement on the left bank — not less than 0,7 km long. The period of the second half of XII-th — the early XIII-th centuries was the highest point of the towns flourishing. Find material dating to this period is spread through over the whole territory of the site. The area of the town at that period was over 50 hectare (fig. 78).

Gradual decrease of the territory of the town started since the second half of the XIII-th century. Distinct remains of the XIV-th century dwellings were discovered only in the two places of excavations on the far eastern periphery of the area of the town. Analysis of the find material picked up during surface surveys in the recent decade reveal the same situation. Artefacts dating to the late period constitute only 1% of the total amount of the collection. Analysis of the spatial distribution of the artefacts, dating to this period, points its concentration in the eastern periphery of the settlement area on the right bank of the Sheksna river. We still lack archaeological data for precise calculation of the area of the town in the early XIV-th century. Artefact material distinctly dating to the period of the first half — the middle of the XIV-th century spread at an area of 0,7 hectare. Assuming, that all the eastern periphery of the town was settled in this period, we can estimate its total area as 7 hectares. Hence, the territory of the town was not larger than in the XI-th century, moreover, probably it was much smaller.

Analysis of the written sources give additional proof to archaeological observations. Charter of 1490–1492 on legal proceedings concerning land possession in Krokhniskaja village, which was located not far from the Old town — Beloozero is the most important document in the context of these studies (АСЭИ, 1958, т. II, № 332). This document gives clear evidence that the settlement, mentioned in the chronicles in the

late XIV-th century as the “old town Beloozero”, was a small site owned by a noblemen (“boyarin”) who lived in this local area.

Development of the central place of the Beloozero region corresponds with the general dynamics in the area in Medieval period. Settlement situation in the local area and its transformations are of vital importance for the understanding of the character of the urban growth in Beloozero. It was already mentioned that Beloozero town emerged in a sparsely populated local area without direct connections with the rural sites. Thorough surveys in the local area revealed only 7 early medieval sites (2 of them are now completely destroyed) at a distance of up to 10 km from the town (fig. 80). All these sites display material dating mostly to the second half of the XII-th — the XIII-th centuries. The balance between the area of Beloozero town and the rural sites in the local area proves that the net of the rural settlement was on the initial stage of its formation during the whole time span from the X-th up to the late XIII-th century. The town constituted 96% of the whole settled area in this locality, and hence, probably, of the whole amount of its population (fig. 80).

Local area on the southern shore of the Beloe lake, where Belozersk town emerged in the following period, displays quite different settlement situation. Sites in this area constitute Maeksa-Belozersk local settlement unit, which turns to be the largest in the region (fig 65, 80). The earliest medieval sites in this area emerged approximately at the same time as Beloozero town. Find material distinctly dating to the X-th century was discovered on the 2 sites. Settlement growth in the local area started in the XII-th century. All the sites on the southern shore of the lake present ceramics dating to the XII–XIII-th centuries. Three of them — Maeksa I, Maeksa II and Belosersky Port are very large in size according to the regional standards. Maeksa II site with the area of 11 hectares is the largest rural settlement in the region. The origin of the settlement on the territory of Belozersk Kremlin (“fortress”) also

dates to this period. It covered the area of 0,65 hectare (Иларов С. А., Хворостова Е. А., 1996, с. 187). Layout of this site, which was located at a distance of 700 m from the Beloe lake on the level of 30 m above its surface considerably differed from the usual local patterns.

Emergence of this site is an important aspect of regional settlement development. However, we have rich evidence that the "Old town Beloozero" remained the centre of power and administration in the region in the XII–XIII-th centuries. The status of the two settlements probably correlates with the balance between the settled areas on the southern shore of the Beloe lake and in the issue of the Sheksna river in the XII-th the XIII-th centuries (fig. 80). Beloozero town constitutes more than 71% of the settled areas on this territory, while Belozersk town constituted less than 1%. Not enough excavations had yet been made in Belozersk town, thus the process of its formation is not yet clear in details. We have no direct archaeological evidence of the time when Belozersk town obtained its functions as a regional centre, but all the source material which relates to the subject, points, that it got the new status in the first half of the XIV-th century.

Beloozero town was founded in the sparsely inhabited region and had no agrarian countryside, however the town was strongly incorporated in the economical system, which provided wide opportunities for the rapid development of Beloozero region in the X–XIII-th centuries. Complex economy of the region was a combination of different branches, with wide-scale extraction of forest resources, which formed the background for the high degree of commercialisation. This type of economy remained effective for several centuries and stimulated formation of special settlement pattern, which was flourishing in the XII–XIII-th centuries. Crisis of the complex economy in the late XIII-th century was probably caused by the exhaustion of the natural resources of the forest. It made a strong

effect on settlement organisation. New rural settlement patterns, which grew since late XIII-th century, were much more adjusted to the needs of agrarian production. Changes in economy probably destroyed economical background of the old urban centre of the region. Beloozero town could not develop under the new conditions and declined.

The new regional centre grew at a distance of only 15 km from the old one, but in quite different landscape and environmental surrounding. Moraine landscapes in the vicinities of Belozersk provided opportunities for large-scale cleanings and expansion of field systems. This local area became the object of intensive agrarian colonisation in the XIV-th — XV-th centuries. Formation of the new rural settlement system in this area was thoroughly investigated by A. Kopanев on the ground of the late medieval land documents. Middle XIX-th century map gives the picture of settlement situation in this area on the final stage of its development and thus presents final results of medieval expansion.

7. The Ves' and the Slavs in Beloozero region

Introduction to the Primary Chronicle, which gives the list of various peoples, inhabiting Eastern Europe, and points the areas, settled by different ethnic groups, mention Ves' people as the first settlers of the Beloozero region. It is usually regarded that geographical introduction to the chronicle describes settlement situation of the IX-th century, prior to the period of Slavonic expansion in the north-eastern direction. According to the Primary Chronicle, "Ves' people inhabit Beloozero region". Archaeological investigations in Beloozero region produced rich data on the cultural situation in the area which until the recent time has seemed to fit the picture drawn by the chronist. The earliest cultural deposits of the Beloozero town, discovered by L. Golubeva, contained hand-made pottery with stamped ornamentation,

dating to the second half of the X-th century, which had little in common with Slavonic ceramics. Excavations on the Krutik settlement, conducted by L. Golubeva in the 1970-ies, revealed remains of late IX–X-th century dwelling site with find material, including hand-made pottery and numerous metal ornaments of the Finno-Ugrian character. Excavations on the burial sites dating to the XI–XII-th centuries produced material of mixed Finno-Slavonic character. The concept of the ethnic and cultural history of the Beloozero region, which was put forward in 1970-ies (Голубева Л. А., 1973), assumed that the areas around the Beloe lake were the centre of the Ves' settlement in the end of the I millennium AD. Beloozero town in the issue of Sheksna river was the central place of Ves' tribal unit. Later Slavonic colonisation resulted in assimilation of the Ves' people around the Beloe lake. Russian settlement structures, which grew on this territory in the XI–XII-th centuries, after Slavonic expansion, developed on the background of the earlier Finno-Ugrian settlement.

However, recent field investigations in Beloozero area revealed new data, which make questionable the basic issues of this concept. Starting point for its revision is settlement situation of the late IX–X-th centuries in the region. It was already mentioned that only 29 sites dating to this period and 18 sites dating to the broader period of the late IX–XI-th centuries were discovered in the named area. Almost all the sites relating to this chronological span are small settlements with the area of 2000–3000 thousand sq. m. Only three of them (Krutik, Vasutino and Beloozero town) spread at the areas of 6000–10000 sq. m. The greater part of these settlements was founded in the late X-th century and has no direct connection with the earlier settlement. Population of these sites was, no doubt, small in number. Thus archaeological picture of the early medieval settlement around Beloe lake contradicts the evidence of the Primary Chronicle, which names the Ves' people as an important actor in

the political and military activities of the IX-th century.

The neighbouring region of the river systems of the Suda, the Middle Mologa and Chagodoshcha displays settlement situations of another character. About 120 dwelling sites and burial monuments dating to the period of the I millennium AD were discovered there in the recent decades by A. Bashenkin (Башенькин А. Н., 1985; Башенькин А. Н., 1989; Башенькин А. Н., 1995). Burial sites are mainly cemeteries with cremations, often with log constructions, containing cremated bones, which received the name "burial chambers". The custom of constructing monuments of this type wasn't practised among the Slavonic population, it is regarded to be Finno-Ugrian. Suda-Middle Mologa region, where about 15 cemeteries with cremated bones in timber burial chambers were excavated, proves to be the area of their highest concentration (fig. 84, 85). Some of these cemeteries functioned during a short chronological span, the others - during a period of several hundred years. The earliest cremation burials of this type date to the end of the first millennium BC, the latest (which were investigated only on the Suda river) — to the late X-th — the early XI-th centuries. Thus we have evidence of strong cultural continuation in Suda-Middle Mologa region. Tradition of constructing timber burial chambers wasn't widespread on the territories lying eastward from the Suda river in the end of the I millennium AD. Only one cemetery in the upper Sheksna region presents constructions of that type. Concentration of the monuments of distinct Finno-Ugrian character dating to the I millennium AD in the Suda-Middle Mologa region should be regarded as an indication that this territory was the centre of the Ves' settlement while Beloozero region and Upper Sheksna formed its periphery.

It can be argued that this localisation contradicts the evidence of the written sources, which point Beloozero (Beloe lake) as the core

area of the Ves' habitation. However, analysis of the context of the late medieval land documents, which use geographical name Beloozero, proves that it was referred to a very extensive territory, including local areas, lying at a distance of 100–120 km from the Beloe lake. Suda river system was a part of the Beloozero territorial unit at least since XIV-th century. Moreover, like many other local areas, it is often mentioned as a territory, lying "at the Beloe lake" in the land charters of late XIV–XV-th centuries, though configuration of the water system didn't provide direct and easy access to the lake.

Archaeological materials from the Beloozero region reveal complicated interaction between Finno-Ugrian and Slavonic cultural elements which lasted for several hundred years. Russian culture of the Beloozero region absorbed various elements of Finno-Ugrian origin, which shaped its specific character. But it doesn't mean that regional settlement system in Beloozero formed in the XI–XII-th centuries on the background of the earlier Ves' settlement. Core areas of these systems do not coincide. Medieval Russian settlement grew on the periphery of the Ves' habitation area and probably had no direct links with the former settlement structures.

8. Early medieval settlement and late medieval parish system: break or continuation?

As elsewhere in Europe, parish churches constitute important elements of rural cultural landscape in Russia. Church buildings which have been preserved in the rural areas up to the present times usually date back to the XVIII–XIX-th centuries, but it can be assumed that vast majority of them is located on the places of the earlier churchyards, and thus mark the position of the early parish centres. However, written sources produce poor evidence on the formation of the parish system and the early history of the parish churches in

the rural areas of north-western and north-eastern Russia. History of the parishes based on the cadaster books and land charters in most of the regions starts from the XVI-th or late XV-th century. Situation of the earlier period is little known due to the lack of the source material. Archaeological investigation in the churchyards can hardly improve our knowledge on the origin of the parish centres, as remains of the early timber church buildings and early occupational deposits are strongly destroyed by the later structures built of brick and modern cemeteries.

Studies on the interrelations between the early medieval settlement organisation, reconstructed on the basis of archaeological surveys, and the Late Medieval parish system, reconstructed on the ground of the written sources, probably can reveal important data on the formation of the parish centres in the rural areas and its connection with the earlier local settlement units. Beloozero region opens particularly interesting perspective for this approach, due to the unusually rich collection of the XV-th century land documents, which mention a number of parish centres and churchyards. The earliest evidence of the parish churches in this area dates to the period of 1398–1427. Cadaster books and land charters give evidence of 35 late medieval or early modern period parish centres on the areas around the Beloe lake and the Sheksna river settled as early as in the XI–XIII-th centuries. Churchyards with the ruins of the late ecclesiastic buildings destroyed in the Soviet period in most cases can be easily identified in the landscape. 27 of them were surveyed in 1990-ies, the rest remain inaccessible because of the water regulation or completely destroyed.

Topographical position of the churchyards displays different patterns. 7 churchyards are located on the edges of the high (10–20 m above the water level) river terraces or on the tops of high glacial hills. The rest of them are located on the small hills in the river valleys or in the lowlands around the lakes (up 4–5 m, in rare cases up to 7–8 m above the water level),

on the edges of the low river and lake terraces (2–5 m above the water), or on the plane places in the lowlands. A considerable part of the churchyards occupy comparatively low pieces of land.

75% of the historical parish centres in the Beloozero region (on the territories around Beloe lake, the Sheksna and the Kema rivers) display close connection with the early medieval sites. 5 churchyards are located directly on the places of the early medieval sites, 12 — in the centres of the early medieval local settlement units at a distance of 50–150 m from the nearest dwelling site, 3 — in the old-settled local units at a distance of 200–300 m from the nearest early medieval site. Only 5 parish centres are located in the areas which remained unsettled in 900–1250 A. D.

In several cases parish centres are located very near to the large early medieval dwelling sites, occupying small hills directly on the boundaries of the early settlements. These churchyards usually lie at the lower places than the neighbouring villages founded in the late medieval times or at the same level. Their topographical pattern is very similar to the pattern of the early medieval cemeteries discovered in Beloozero area. It is very probable that this layout indicates position of the early parish churches, founded in 1100–1250 AD and that modern age churches in these local areas grew directly on the places of early medieval timber church buildings and cemeteries.

Analysis of the interrelations between the early medieval settlement organisation and the late medieval parish system gives evidence that the latter was strongly determined by the early settlement patterns. Formation of the churchyards on the low terraces very near to the lakes and rivers is obviously connected with the old settlement tradition of Northern Russia, which goes back to the Iron Age and Neolithic period. Material reveal special tradition of church construction on the places of the abandoned Early Medieval dwelling sites which had once been the starting points of local colonisation. Finally, we have serious grounds to assume that

a number of parish centres, known from the documents since the XV–XVI-th centuries, grew directly on the places of the early cemeteries and church buildings, indicating strong continuation in the local settlement and religious practice.

9. General aspects of Medieval rural settlement in Russia in the light of settlement studies in Beloozero region

Due to the marginal position of Beloozero region in the territorial structure of medieval Russia, observations concerning settlement patterns and their development in this region can be estimated as a special case, which possibly have little in common with the general picture of settlement development in the country. However, more thorough view on the material makes clear that it reflects important general aspects of settlement and cultural situation in Medieval Russia and especially in its northern regions.

The rise of numerous new settlements with the new economical basis and new material culture in Beloozero region was evidently a part of a general economical and settlement change which resulted in formation of medieval rural system as a new form of settlement organisation and agrarian economy. This transformation, which occurred in the end of the I – the beginning of the II millennia AD, may be observed throughout the northern parts of Europe in many regions — from Ireland and Iceland in the West towards Northern Dvina and Volga in the East, though its chronological limits and the types of the settlements which emerged in different areas considerably varied. The origin of medieval rural system and changes in settlement and cultural landscape, which took place in Russia at that time, attracted much less attention than similar phenomena in Western Europe. However, we have reliable evidence that changes and innovations in settlement here were not less drastic than in the West.

Like many other Medieval Russian territorial units in the north-east and north-west, Medieval Beloozero grew in the areas which during time span of several millennia had comparatively low population density, conservative life-sustenance systems and slow dynamics of cultural innovation introduction. Medieval settlers of these areas got quite a modest background for the future development from the earlier generations. It is worth notice that Neolithic period passed in these areas without introduction of farming, the Bronze Age was a time of very limited spread of bronze tools and weapons, wide use of iron tools started only in the end of the I millennium BC, and the turn to the Iron Age wasn't followed by the wide spread of hillforts and fortified settlements, which became common at that period in Middle Russia and Kama region. Ancient communities, which inhabited these areas since Neolithic up to the Iron Age displayed quite simple forms of culture, without any monuments manifesting power and control over the territories. This cultural tradition and economical heritage probably was an important factor which shaped the character of the later historical development in the North of the Russian Plain, where Medieval centres of Russian settlement and administration grew.

An important feature of the Early Medieval spatial organisation in the north-west and north-east of Russia was formation of comparatively small densely populated settlement areas with extensive unsettled woodlands lying between them. Land surveys, conducted since 1970-ies, revealed great contrasts between the settled areas (usually located around the urban centres, such as Novgorod, Pskov, Izborsk, Rostov, Suzdal, Perejaslavl, Juriev Polskoj, Velikij Ustug, but in some cases developing as pure rural areas — like 2 areas in Volga Kostroma region or south-eastern Ladoga area) and the sparsely populated territories which constituted the greater part of the country. These contrasts are particularly vivid in the North-East, where Beloozero,

Volga-Kostroma and Volga-Klyazma regions present the areas of the high concentration of medieval sites. Geographical position of these densely settled areas shaped to a great extent general configuration of the Novgorod land and the Rostov-Suzdal principality as the two main political and territorial boards of Northern Russia.

Spatial organisation of Beloozero region is evidently one of the most clear examples of the "lake pattern", which turns to be very common in Early Medieval Russia. Though river systems were usually regarded as the most powerful factors of settlement organisations in Russia, recent research proves, that many important settlement regions emerged near the lakes and were strongly dependant on the lake systems. Settlement areas of Novgorod, Pskov, Rostov and Perejaslavl Zalesky belong to this pattern. Special advantages of the lake areas as the territories of dense settlement and urban growth were probably based on rich natural resources of the lakes and surrounding lowlands, which provided excellent opportunities for fishing, cultivation and cattle-breeding, as well as on the configuration of the water systems, in which the lakes provided convenient access to the areas lying in different directions by the rivers falling in the lake or taking its source out of it. However, this problem needs more thorough investigation.

Field research in Beloozero region add important new data to the general picture of colonisation, settlement growth and increased intensity of landscape exploitation in Russia in the IX–XIII-th centuries. Its dynamics was different in different regions, but its general trends had the same character on vast territories from the Middle Dnieper and Upper Don regions in the South towards South Eastern Ladoga and Upper Northern Dvina in the North. Like in many other regions, settlement growth in Beloozero was a combination of two major factors — external colonisation and

internal development. Like many other areas of Northern Russia, Beloozero region displays few indications of direct settlement continuation since the middle of the I millennium AD to the first centuries of the II millennium AD. These observations don't mean that continuation was completely interrupted. Spatial distribution and topographical layout of the Early Medieval sites in Northern Russia have much in common with those of pre-historical settlements. It means that Medieval settlers were to a certain degree dependant on the cultural landscape which formed in the early periods and preserved certain traditions of land-use which took origin in the prehistoric times.

Early Medieval settlement patterns in different regions of Northern and Central Russia display great similarity. Concentration of the sites in the river valleys, settlement location on the low river terraces, predominance of large settlements, formation of local units consisting of several sites are common features of this pattern. In the late XIII–XIV-th centuries settlement spread to the watersheds, large sites were replaced by single farmsteads and small hamlets, and local units with the sites lying close to each other transformed into the structures of another character, covering large territories but with weaker connections between the sites. These observations, first made by V. Sedov on the ground of surveys in Smolensk region in the late 1960-ies, can now be applied to vast areas, from Upper Luga and Izborsk in the North-West to Suzdal and Beloozero in the North-East. It doesn't mean that settlement organisation and trajectories of local development in different areas were identical. As an example we can point that colonisation of the watersheds in certain areas in the centre of Novgorod land started as early as the late XII-th century, while in the Upper Northern Dvina region, in vicinities of Velikij Ustug, settlement pattern with rural sites lying on low terraces in the valleys of the

largest rivers dominated until the XV-th century. Areas of Rostov and Perejaslavl Zalesky produce evidence of strong settlement continuation since the X-th until XIII-th centuries, while the others, like the Lovat river basin, indicate changes and settlement decrease in the XII–XIII-th centuries. However, taking into consideration the scale of the territory and the variety of local environmental conditions, similarity of the main trends of settlement development seems to be much more noticeable and important aspect than regional differences.

Archaeological materials reveal drastic changes in settlement which took place throughout Russia in the late XIII-th — the XIV-th century but provide not enough data for the interpretation of these changes. Very few sites dating to the period of the late XIII-th — the XV-th centuries have yet been the objects of wide-scale excavations. Decline of the old settlement units and establishment of the new dispersed structures covering wider areas is sometimes explained in connection with re-organisation of the peasant commune and establishment of the new laws, regulating land use and land property (Чернов С. З., 1991; Буров В. А., 1995). At current state of research this interpretation can't be excluded, although it doesn't correlate with source material which characterise economy, consumption and material culture of the rural sites of the time span of the XII–XIV-th centuries. Seeking for other explanations, we would draw attention to the fact that changes in settlement patterns went side by side with changes in material culture of rural sites in Northern and Central Russia. Rural sites dating to the period of late XIII–XV-th centuries display very poor set of artefacts, contrasted with those of the earlier ones. They produce few indications of trade activity, prosperity and high level of consumption. It seems more and more likely that the period of late XIII–XIV-th centuries was a turn to a more agrarian economy with less

degree of commercialisation in the rural areas. Re-organisation of rural settlement and land use was probably connected with the main trends in economical development.

Beloozero town is not the only example of the urban centre on a sparsely populated territory whose development wasn't stimulated by the needs of local economy and local rural population. Recent land surveys in

different regions of Northern Russia — such as Ilmen lake area, Suzdal area or Izborsk area — reveal few settlements relating to the period of the origin of the towns on these territories. Thus the rise of the towns outside densely inhabited areas in Medieval Russia seems to be quite a common pattern of early urbanisation and needs more thorough investigation.

II. BIOLOGICAL AND SOCIAL ADAPTATION OF MEDIEVAL SETTLERS IN NORTHERN RUSSIA

One of the principal components of human biological history is the study of the interaction between the individual and environment. This dynamic condition comprises a complex of interrelations between separate organism and various environmental components. The process of adaptation to the circumstances becomes especially pressing for a migrant population. As a rule in the conditions a man is capable to show insignificant morphological and functional changes promoting the adaptation to new life conditions.

V. V. Bunak (1924) has allocated four factors, in relation to which the adaptation of the migrants can be carried out: meteorological, ergological, biological and racial. The first factor is influence of climatic components, promoting formation of a specific complex of physiological reactions and exchange of substances in the representatives of various climatic zones (Alexeeva, 1977; 1986). Obviously, when one gets in another climatic zone they have to make over replacement processes for an integral adaptation to new conditions. The second, ergological, factor consists in the ability of migrants to update the archetype in life according to the new requirements of the environment. As a rule, under such conditions the diet, clothes, character of inhabited constructions, mode, kind of labour activity, and many another things can change. The third factor is the biological condition of specified plants and animals which promote occurrence of new diseases in the migrants because of the absence of immunity to the specific parasites.

The processes often results in a survival of only adapted persons, due to the rigid selection. Finally, the racial factor is connected with the formation of a biochemical and morphological originality of races generated during the evolution of humankind. Thus, there is a clear and significant effect of environmental factors on the biological development and adaptation of human communities and their inhabitants.

In the following paper we have tried to estimate consequences of physiological adaptation of the medieval populations to natural and social factors of the environment after the peopling of Russian North. The degree of the adaptation of populations was analysed by demographic parameters and various markers of physiological stress (Goodman et al., 1984; Buzhilova, 1998). Anthropological data of the level of health of the medieval population of the Novgorod region has been used as a comparative model.

Geography of physical features of the population of north of Russian plain

T. I. Alexeeva (1973) remarks that eastern Slavs are rather homogeneous as regards parameters of variability of craniological attributes. Nevertheless, the researcher emphasises, that there are certain geographically dependent directions of variability that separate attributes within certain territories of inhabited ancient Russia. These are connected with migration and mixing processes which had

taken place on this territory over the course of a few centuries.

Craniological data allow one to assume, that the population in the north of the East Europe plain was formed by the mixing of an anthropological complex connected with migrants from the southern coast of the Baltic in the West of the plain and of the people from the central plain' lands in the Eastern section. Two geographical poles — West and East, exhibit an obvious difference of craniological characteristics demonstrating that similar tendencies of mixing of the Caucasoid population with local finno-ugrian people had taken place.

The analysis of the genogeographical maps constructed on the data of the frequency of 100 alleles at 36 gene loci of modern population in Eastern Europe enables an estimation of the degree of variability of gene structure within the population, traced to the earliest epoch (Rychkov et al., 1999). The principal component, describing variability of the offered attributes, demonstrates the minimal meanings in the West and maximal in the East of the East European plain, and the area of importance to us represents the average fluctuation of variability. The uniformity of the population in the north of the Russian plain is described by this principal component, and the region covering the Ladoga-Onega area (eastern area near Onega and Mezen-Pechora) is encompassed by the second component (Rychkov et al., 1999).

Model of formation of a population during early colonisation of Russian North

Historical and archaeological data allow of the conclusion that a part of the population of the Russian North were complete migrants (Makarov, 1992; 1997). 15 osteological series from territory of the Russian North from XI–XIII AD have been studied, permitting an analysis of a variety of epigenetic traits (table 2, figure 94).

There the series from Nefedievo was used as a model group for the reconstruction of the formation of physical features connected with relations between members of the migrants' population (Makarov, 1990; Makarov, 1997). To this series anthropologists and archaeologists have addressed repeatedly in the light of good preservation of material and because of a completely developed archaeological basis (Alexeeva et al., 1993; Makarov, 1997).

In the analysis the archaeological indicators marking an originality of local funeral traditions, elements of costume, and anthropological markers connected to some diseases and anomalies, transmitted by right of succession, were used.

In the Nefedievo series several persons (8 of 65 supervision) show on the internal part of skull the marked characteristic *impressionses digitatae* on the frontal and the parietal areas marking a predisposition to high endocranial pressure (figure 95). It is necessary to stipulate that similar finds are rare and in palaeopopulations found extremely seldom (see, for example, Derums, 1970, c. 64–67). In other investigated groups from the territory of the Russian North, of 196 studied cases only one was marked, that of a male from the Nikolskoe-III series. This has given us the chance to use this attribute as a marker of relations within a group.

The analysis of this anomaly within chronological subgroups has shown that the attribute appears mainly in the sample of the XI century. Some observations appear in a sample from XII–XIII, and one of a male from burial 66, which has not been chronologically defined (Makarov, 1997) (figure 96, 97)

On the example of the Nefedievo series it is possible to show the mechanism of formation of a population of colonists in the territory of the Russian North in the epoch of the middle ages. Probably, first came a settlement of related families (8–14 people), which during 3–4 generations at small casual updating from the outside occupy new place. Further on a housed settlement appeared there with the arrival of other migrant families.

Reconstruction of the negative factors of the environment or the adaptive possibility of the medieval population in the north of the Russian plain

It is known, that the parameter of the average age death gives essential correction to bioarchaeological reconstruction of the life style of palaeopopulations, because the changes to this attribute depend on many reasons, like the influences of climatic, socio-economic and biological factors. This indicator indirectly reflects different sorts of change occurring in the life of ancient communities.

The average age of death in the territory of ancient Russia is characterised by an interval from 32.3 to 43.8 years (Alexeeva, 1973; Buzhilova, 1995). The demographic analysis of it shows two areas in the north of the Russian plain: the territories of Novgorod and Yaroslavl (Goncharova, 1997; Buzhilova, 1997). The high level within the parameter of the average age at death (42.5 years), except of the series Krivets-II, are demonstrated by the population of the Russian North (table 3). There is an impression that, in the north-west of the plain, the average age of death is in a smaller range than in the north-east of territory. Probably, a number of a social and biological factors adversely influenced the population of ancient Novgorod land.

The analysis of variability in some markers of physiological stress in the north-west and north-east of the Russian plain gives the basis for speaking about probable presence of nutrition stress, bacterial and parasitic infections in the Novgorod populations. They may also have engaged in other professional duties, more so than in the Russian North (tables 4, 5). The realisation of bioarchaeological reconstruction allows one to determine the factors that caused a combination of indicators of physiological stress. Most likely it was the rural population with a low standard of living, that spent significant time in the open air and engaged in

heavy physical work connected with agriculture and part-time farming. Probably from time to time separate Novgorod populations lacked food resources, owing to various negative situations. The fixed features of distribution of the markers of physiological stress in the Novgorod population allow one to assume an influx of negative factors, not environmental, but laying most likely in a social and economic context as the climatic conditions of the compared territories are about identical.

Estimation of adaptation of migrant' populations of Russian North

The above mentioned results of comparative research have shown that the medieval population of the Russian North demonstrates more certain parameters of physiological stress in comparison with the populations of the north-west territories. As the separate groups in this territory are positively identified as migrants, it was interesting to look at the results of adaptation to the new conditions of the environment and to estimate the reasons for its success.

Practically all indicators of physiological stress marked in the populations of the Russian North demonstrate the low parameters that testifies to a high level of health of the inhabitants. It is necessary to emphasise that even the migrant populations analysed in the example of the group of Nefedievo shows rapid occurrence of successful adaptation to the local factors of the environment. Archaeological sources allow us to put forward a hypothesis of a higher economic level of the populations of the Russian North in comparison with the other territories (Makarov, 1997). This social factor against a background of safe biological adaptation of the population could have played an important role for the creation of the physiological optimum which has expressed itself in particular in the increase of the average duration of life in the populations of Russian North.

Epidemics and their consequences

The written historical sources testify to a wide circulation of various epidemics in the north of the Russian plain. The north-west territories and especially urban centres were the vulnerable areas involved in epidemics of a plague, measles and various zoonosis (Bogoyavlenskiy, 1960).

In addition to the distribution of infectious diseases we have attempted to study, we have also reviewed diseases in the territory of the Russian North connected with metabolic disorders like scurvy. Today this disease can distinctly be determined in children (Ortner, Puchar, 1985; Janssens, Marcsik et al., 1993; Ortner, Ericksen, 1997). Henceforth an estimation of the distribution of scurvy in a palaeopopulation was estimated on the basis of the children's population, also it gives an incomplete picture of the development of the illness. Nevertheless, indirect image specifies the presence of the illness in ancient groups.

Thus, the detection of scurvy in children testifies to the difficult moments in life; connected first of all to maintenance of a meal, especially in the winter period. In total 53 remains of children were surveyed from 12 series of the Russian North. These results show that in 10 persons the illness is fixed on all valuable attributes, and in 12 persons the attributes do not allow the complete diagnosis because of bad bone preservation. Thus, the frequency of scurvy in populations of the Russian North changes within the limits of 18,9–41,5 % (10–22 persons).

In a series of Nefedievo, Shuigino and Voezero the level of illness was fixed (table 13). In the series from Voezero, among the children in the age group of 1–1,5 of years old the rate is 88,9–100 % of cases being affected. The two groups of the Nikolskoe and the Voezero demonstrate diametrical results varying from the complete absence of disease to practically everyone being affected. In series from Nefedievo and Shuigino the frequency of scurvy does not differ and reflects a near

average mean at an interval (table 13). Chronological dynamics of the parameter were shown in an example of the group Nefedievo. In a sample from the XI century scurvy is fixed in children of migrants within the limits of 0–20 %, and later in the XII–XIII centuries, the frequency of the disease changes within the limits of 22,2–44,4%. Thus, scurvy becomes most typical for the group in the later periods, approximately at the same time when a diet rich in carbo-hydrate food is increased. In the opinion of C. Roberts (Roberts, Manchester, 1995) scurvy should be the characteristic illness of an agricultural population, instead of hunters - collectors or cattle-breeders. Long winters and poor harvests are the stimulating factor for the development of illness in agricultural communities.

Written sources and the results of the osteological researches confirm the existence of various kinds of epidemics in the territory of the north of the Russian plain. The mass destruction of the people resulted in the extinction of separate settlements, thus promoting a change in the genes found. Nevertheless, the infectious diseases mentioned occurred in economically advanced areas and did not influence a change in the gene found of peripheral areas. Whereas scurvy depended on the quality of the food of rural groups, it could have been the essential factor influencing the duration of the existence of a community and a settlement in the whole. It is necessary to add however, that the mass destruction of the people during extremely poor harvests and epidemics directly influenced the formation of economic development of region.

Reconstruction of features of economy and originality of the economic type of region

For the population of Russian North the distribution of physical activity was analysed mainly on the example of the groups Nefedievo, Shuigino and Nikolskoe III and another (table 2). In the series from Nefedievo (more

than 60 postcranial skeletons) the indicators of physical loading and some pathologies allowing for reconstruction of professional employment of the population were analysed. As a whole, in the male sample, the level of physical loading is allocated at rather regular intervals in a zone of upper and lower extremities. It is necessary to notice significant development of the gastrocnemius muscle on the bottom legs and also of the muscles on the upper extremities, that testify to intense physical activity.

In the female sample it is difficult to notice a steady law in distribution of the influence of mechanical stress. In one case, the variants of distribution of loading appear on both forearms and the lower extremities. In the next one we fixed markers only on the upper extremities. In third case, as well as in the male sample reconstructed loading appears distributed more or less at regular intervals, testifying to their high level of physical activity.

The analysis of the indicators of mechanical stress depending upon chronological stages has allowed one to note that the types of physical activity are registered in the men and women in a sample concerning to the centuries XII–XIII AD. That is to say the initial stages of development within the district. There is a clear chronological dependence on the increase of the number of variants with the amplified loading on the lower extremities in the Nefedievo population from the sample XII–XIII (figures 111, 112). In this case one observes such indicators as a defeat knee and elbow of joints, that we also remark in the Novgorod population and the Moscow groups. Apparently, the later population is characterised by attributes marked more often in the farmers (Larsen, 1981; Jurmain, 1990; Bridges, 1991). Probably, the occurrence of this variant at the later stages of development of the Nefedievo is connected with an increase of the share of agricultural work, as we specified above.

Besides, an estimation of general physical loading on bone system was carried out at horse driving by fixing the indicators of mechanical stress (Buzhilova, 1998). In total, 365 persons

were investigated from various rural and urban groups, with the population of the Russian North constituting about half the number of observed persons (184).

Usually the fixing of a pathological condition illustrates connection to professional activity in the cases of the certain diseases (trauma, illness of joints and bones). For an estimation of activity of horse-riders, all categories of markers connected to an estimation of changes of joint surfaces, muscular development, enthesopathies, pathologies of joints and bones, traumas were used (Buzhilova 1998: 169–173). As well as in other reconstructions of activity the differential diagnostics with the certain system diseases was carried out. Therefore on final stages of the analysis the cases were presented not causing doubts to valuable categories (table 16).

Horse-driving is a real phenomenon, though not widespread in the Russian North. Nevertheless, the submitted results are important as to certify the distribution of horse-riders in the North, traditionally considered as territory on which water ways were common.

As one more marker of physical and social activity of the population it is possible to consider the distribution of traumas. The most illustrative traumas of the skull are considered, as they give representation about the military activity of the population.

For the Novgorod population this parameter changes within an interval of 0–15,5%, in the Tver region — to 0 up to 9 %, as the men of Smolensk come up to 14%. In the male sample from the Moscow area, the parameter settles down to an interval of 4–7 %, while in the female sample it reaches 15%. It is necessary to note a high level of skull traumas in the Vitchev series (23,5%), whereas in the Yaroslavl population the skull traumas are not marked at all. In the whole of the ancient Russian population the traumas are marked mainly in the men. Most frequently this parameter is fixed in urban and frontier samples.

For the population of the Russian North the parameter of traumas changes within the

limits 0–11,1 %, which corresponds to the average mean of this marker. For the men trauma is more typical than for the women. In the Nefedievo series, skull trauma is about 2,8% while the postcranial traumas are at about 8,8%. The level of parameters and character of traumas allow one to speak about the Nefedievo population as an ordinary rural group. The similar tendencies are marked in others groups like the Shuigino, Minino, Nikolskoe XVIII. The chronological dynamic of the character of traumas investigated on materials from Nefedievo allows one to show the tendency toward the reduction of the number of skeleton traumas and the occurrence of skull traumas at later stages of life of a community (figure 113). In this connection it's easy to present skull trauma in the males from the Hgorka series, which is characterised as military because of the use of a weapon with a sharp

cutting (figure 114). Nevertheless, proceeding from the level and character of the skull traumas marked in populations of Russian North, one sees that military traumas are unusual in the Russian North.

The analysis of various markers of mechanical stress leaves us with rather trivial conclusions about the distribution of a complex type of management in the Russian North, which, besides agriculture, included a fur craft, hunt and fishery. The data of historians, archaeologists and zoologists testify to it (Makarov, 1997). On an example from the group of Nefedievo, it is possible to see some tendency of increase in the share of agriculture during the later stages.

Obviously the strategy of survival in severe climatic conditions, as chosen by the population, appears to be that which was most adequately suited to a complex of environment factors.

Illustrations

Fig. 1. Archaeological investigations of rural dwelling sites in the territory of Ancient Russia: present situation (*p. 11*).

a — areas of long-term land surveys where continuous identification of dwelling sites dated to the 10th–13th centuries was conducted; *б* — borderlines of ancient Russian principalities; *в* — borderline of Ancient Russia.

Fig. 2. The area covered by archaeological reconnaissance conducted by Onega-Sukhona expedition of the Institute of Archaeology, RAS, and the expedition of Cherepovets museum association on the Beloe lake and the Upper Sheksna river (*p. 20*).

a — clusters of archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries in the region of the Beloe lake and the Upper Sheksna river; *б* — territory under archaeological reconnaissance; *в* — borderline of Beloozero district (uezd) in the 17th century; *г* — borderline of Beloozero principality in the 14th century (according to V. A. Kuchkin).

Fig. 3. Central part of the Beloozero district (uezd) in the first third of the 17th century (*p. 22*).

The map shows the centers of minor administrative units (volost') and the villages included into the land cadaster book of Beloozero district of 1627 (RSAAD, f. 1209, No. 592).

Fig. 4. Archaeological monuments of the 10th–13th centuries in the Beloe lake zone.

Figures indicate main local groups (clusters) of dwelling sites (*p. 28*).

1 — Nikolskoe; 2 — Novokemsky; 3 — Kisnema; 4 — Maeksa–Belozersk; 5 — Volokhovo–Pruzhinino; 6 — Goritsy–Shuklino; 7 — Volotskoe; 8 — Volo Slavensky; 9 — west Andozero; 10 — Andozero — Novoe ozero; 11 — Lozskoe; 12 — Azatskoe–Rodionovskoe.

a — dwelling sites; *б* — ground cemeteries; *в* — barrow mounds and sopka mounds; *г* — finds' locations; *д* — hoards.

Fig. 5. Medieval dwelling sites around the Beloe lake and on the left bank of the Sheksna river (*p. 34*).

1 — dwelling sites' group near Karbotka village on the Pokrovskoe lake in the vicinity of the town of Kirillov; 2 — Lipin Bor II dwelling site in the Borovka river estuary; 3 — Zubovo III dwelling site on the Lower Shola river; 4 — Megrinsky II dwelling site in the Megra river estuary.

a — borderline of cultural deposit and stray finds.

Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.

Fig. 6. Medieval dwelling sites on the Lower Kema river (*p. 35*).

1 — Novokemsky XI dwelling site; 2 — Novokemsky XIII dwelling site; 3 — Nikolskoe XIII dwelling site.

a — borderline of cultural deposit and stray finds.

Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.

- Fig. 7.** Medieval dwelling sites on the north-western shore of the Beloe lake. Fragment of the General plan of Belozersk district executed in 1789 (RSAAD, f. 1356, No. 2980) with medieval archaeological monuments shown (*p.* 36).
a — dwelling sites of the 10th–13th centuries; 6 — location of finds dated to the 10th–13th centuries.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 8.** Medieval dwelling sites situated in the estuaries of the rivers flowing into the Beloe lake. Fragments of the General plans of Belozersk and Kirillov districts executed in 1789 and 1785 (RSAAD, f. 1356, Nos. 2969, 3039) with medieval archaeological monuments shown (*p.* 37).
1 — dwelling site in the Kovzha river estuary; 2 — dwelling sites' group in the Kustovka river estuary; 3 — dwelling sites' group in the Mun'ga river estuary; 4 — dwelling sites' group in the Ukhtoma river estuary.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 9.** Medieval dwelling sites on the Upper Sheksna river (*p.* 38).
1 — dwelling sites' group near the Goritsy Resurrection monastery; 2 — Goritsy II dwelling site; 3 — Goritsy V dwelling site.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 10.** Medieval dwelling sites on the Upper Sheksna river and on the lakes of the Sheksna left bank (*p.* 39).
1 — Sukhoverkhovo dwelling site on the Zaulomskoe lake; 2 — Chaika II dwelling site; 3 — Kosino II and Vognema dwelling sites; 3 — Kargach dwelling site.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 11.** Medieval dwelling sites on the Beloe and Pokrovskoe lakes and Modlona river (*p.* 40).
1 — Kunost' IV dwelling site near the Kunost' river estuary; 2 — Karbotka III dwelling site on the Pokrovskoe lake. In the bank precipice near the modern building a lens of cultural deposit is clearly seen; it contains under-stove pit dated to the 12th–13th century and covered with dump from the channel bed dug in early 1820-s; 3 — Pogostische A dwelling site on the Modlona river. Cultural deposit was observed on the river bank within washed-out spots at boat-mooring.
- Fig. 12.** Prehistoric and medieval dwelling sites on the Beloe lake (*p.* 41).
1 — Megrinsky I dwelling site at the Megra river estuary; 2 — Kunost' I dwelling site in the Kunost' river estuary; 3 — Maeksa II dwelling site in the Maeksa river estuary.
- Fig. 13.** Medieval dwelling sites on the Kema river (*p.* 42).
1 — Lower stream of the Kema river. View from Nikolskoe III cemetery towards Nikolskoe II dwelling site; 2 — Novokemsky XII dwelling site; 3 — Nikolskoe I fortified settlement with rampart remains in the foreground.
- Fig. 14.** Medieval dwelling sites on the Lower Kema river. Fragment of the General plan of Kirillov district executed in 1785 (RSAAD, f. 1356, No. 3039) with medieval archaeological monuments shown (*p.* 43).
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.

- Fig. 15.** Medieval dwelling sites on the Vashkozero lake and on the Upper Sheksna river (*p. 44*).
1 — Vashkozero I dwelling site on the Vashkozero lake; 2 — Pruzhinino II dwelling site on the Upper Sheksna river.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 16.** Medieval dwelling sites in Kisnema on northern shore of the Beloe lake (*p. 47*).
1 — Troitskoe II-III dwelling site; 2 — Troitskoe IV, Troitskoe V — Koptevo II, Koptevo I dwelling sites.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 17.** Medieval dwelling sites and cemeteries on the Sheksna river and Beloe lake (*p. 50*).
1 — Shuklino B dwelling site on the Sheksna river. Cavity filled with dark-coloured cultural deposit containing potsherds of the 12th–13th centuries is seen in the cleared-up spot; 2 — Pruzhinino IV cemetery and Pruzhinino II dwelling site on the Sheksna river. In sounding trench two pit-graves are identified containing burial remains dated to the 12th–13th centuries; 3 — Kiuy I dwelling site in the Kiuy river estuary. Dark-coloured cultural deposit containing potsherds of the 11th–13th centuries is seen in sounding.
- Fig. 18.** Cultural deposit of dwelling sites on the Beloe lake dated to the 10th–13th centuries (*p. 51*).
1 — Shuklino A dwelling site on the Sheksna river, clearing up cultural deposit; 2 — Shuklino B dwelling site on the Sheksna river, sounding trench No. 7; 3 — Nikolskoe IX dwelling site on the Kema river, sounding trench No. 1; 4 — Nikolskoe IX dwelling site on the Kema river, pit in virgin soil containing stones' accumulation (stove remains).
- Fig. 19.** Dwelling sites dated to the 10th–13th centuries in the Beloe lake zone and the Upper Sheksna river. Sites' distribution according to their dimensions (*p. 53*).
- Fig. 20.** Nikolskoe V and Nikolskoe VII dwelling sites on the Lower Kema river (*p. 54*).
Top: plan of the territory. Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
Bottom: plans and sections of the excavation trench at Nikolskoe V dwelling site.
- Fig. 21.** Nikolskoe V dwelling site on the Lower Kema river. Artefacts excavated (*p. 57*).
1–16 — glass; 17, 19 — bronze; 18 — silver; 20–37 — iron.
- Fig. 22.** Nikolskoe V dwelling site on the Lower Kema river. Artefacts excavated (*p. 58*).
1–4 — stone; 5–9 — clay.
- Fig. 23.** Nikolskoe V dwelling site on the Lower Kema river. Ornamented handmade pottery (*p. 59*).
- Fig. 24.** Nikolskoe VIII dwelling site on the Lower Kema river. Medieval handmade pottery (*p. 60*).
- Fig. 25.** Pogostische A and Pogostische B dwelling sites on the Modlona river. Artefacts' collection from land survey (*p. 61*).
1–16, 19 — Pogostische A; 17, 18 — Pogostische B.
1–12, 14–18 — wheel-made pottery; 13 — clay net-sinker; 19 — flint arrowhead.
- Fig. 26.** Pogostische A and Pogostische B dwelling sites on the Modlona river. Artefacts' collection from land survey (*p. 62*).
1–11 — Pogostische A; 12, 19 — Pogostische B.
1–4, 12 — glass; 5, 6, 13 — bronze; 11 — stone; 7–10, 14–19 — iron.

- Fig. 27.** Archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries on the Beloe lake and the Upper Sheksna river (*p.* 72).
 a — dwelling sites covering an area less than 1 ha; 6 — dwelling sites covering an area 1 to 2.5 ha; b — dwelling sites covering more than 2.5 ha; r — ground cemeteries; Δ — barrow mounds and sopka mounds; e — finds' locations and hoards.
 1 — Nikolskoe dwelling sites' group; 2 — Kisnema dwelling sites' group; 3 — Maekca dwelling sites' group; 4 — Beloozero; 5 — west Andozero dwelling sites' group (Andopal); 6 — Voloč Slavensky.
- Fig. 28.** Medieval dwelling sites on the Upper Sheksna river. The second half of the 9th — first half of the 13th centuries (*p.* 73).
 a — dwelling sites; 6 — cemeteries; b — finds' locations.
- Fig. 29.** Medieval dwelling sites on the Upper Sheksna river (*p.* 74).
 Fragment of the General plan of Kirillov district executed in 1790 (RSAAD, f. 1356, No. 75/3044) with archaeological monuments dated to the second half of the 9th — first half of the 13th centuries shown.
 a — dwelling sites; 6 — cemeteries.
 Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 30.** Archaeological monuments dated to the second half of the 9th — first half of the 13th centuries within Lozskoe–Azatskoe lake system (*p.* 75).
 a — dwelling sites; 6 — cemeteries.
- Fig. 31.** Archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries on the Beloe lake and the Upper Sheksna river, and landscape regions (*p.* 76).
 1 — terrain of terraced lake coasts and river valleys; 2 — terrain of level and undulating plains with fir-and-pine woods and birch-alder woods with pine admixture; 3 — marshes, mainly highmarshes; 4 — terrain of moraine and kames' hills with birch-alder woods and fir-and-pine woods growing on loam, sandy loam and sandy soils.
 a — dwelling sites; 6 — ground cemeteries; b — barrow mounds and sopka mounds; r — finds' locations; Δ — hoards.
- Fig. 32.** Dwelling sites dated to the second half of the 9th–10th centuries on the Beloe lake (*p.* 81).
 a — dwelling sites precisely dated to the second half of the 9th–10th centuries; 6 — dwelling sites less precisely dated to the 10th–11th centuries.
- Fig. 33.** Plan of the dwelling site situated on moraine butte at Vasyutino village. The second half of the 9th–10th centuries (*p.* 82).
- Fig. 34.** Dwelling sites dated to the 11th — early 12th centuries on the Beloe lake (*p.* 86).
 a — dwelling sites precisely dated to the 11th — early 12th centuries;
 6 — dwelling sites less precisely dated to the 10th–11th and late 10th–12th centuries.
- Fig. 35.** Dwelling sites dated to the second half of the 12th — first half of the 13th centuries on the Beloe lake (*p.* 88).
 a — dwelling sites precisely dated to the second half of the 12th — first half of the 13th centuries;
 6 — dwelling sites less precisely dated to the 11th–13th or late 11th–13th centuries.
- Fig. 36.** Shares of main local dwelling sites' groups (clusters) and the town of Beloozero in total area covered by the dwelling sites on the Beloe lake dated to the 10th–13th centuries (*p.* 91).
- Fig. 37.** Novokemsky XIII dwelling site. Stray finds of different epochs (*p.* 96).
 1–6 — Neolithic comb-and-pit pottery;
 7 — Early Iron Age Hand-made pottery;
 8, 9 — flaked flint blades; 10, 11 — flint scrapers; 12–17, 19 — medieval wheel-made pottery; 18, 20 — medieval hand-made pottery.

- Fig. 38.* Dwelling sites yielding finds of the Neolithic comb-and-pit pottery on the Beloe lake (*p. 98*).
- Fig. 39.* Zubovo IV dwelling site. Stray finds (*p. 99*).
1–16 — Neolithic comb-and-pit potsherds; 17 — Eneolithic fragment of porous pottery; 18–19 — flint flakes.
- Fig. 40.* Peski I and Peski II dwelling sites. Stray finds (*p. 100*).
1–6 — Neolithic comb-and-pit potsherds; 7–15 — net-impressed, smooth, and trailed potsherds of the Bronze and Early Iron Ages; 16, 18 — flint scrapers; 17 — flint point.
- Fig. 41.* Dwelling sites with net-impressed, trailed, and Hand-made smooth pottery dated to mid 1st millennium BC — mid 1st millennium AD on the Beloe lake (*p. 104*).
- Fig. 42.* Dwelling sites dated to mid 1st millennium BC — mid 1st millennium AD in the Beloe lake zone (*p. 105*).
1 — Novokemsky IX dwelling site on the Lower Kema river; 2 — Novodevichye I dwelling site on the Upper Sheksna river.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plans correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 43.* Novokemsky IX and Novokemsky X dwelling sites. Pottery and flint artefacts from sounding trenches and land survey (*p. 106*).
1–11 — trailed and smooth pottery dated to the Early Iron Age; 12–14 — flint blades; 15, 16 — flint scrapers, 17 — flint core.
1 — Novokemsky X; 2–17 — Novokemsky IX.
- Fig. 44.* Dwelling sites yielding the material of the middle — third quarter of the 1st millennium AD on the Beloe lake (*p. 108*).
a — dwelling sites dated to wide chronological limits of the 1st millennium AD; 6 — dwelling sites precisely dated to the middle — third quarter of the 1st millennium AD.
- Fig. 45.* Cultivated plants' remains found at the medieval monuments of the Beloe lake zone (*p. 114*).
1 — Pokrovskoe II; 2 — Nikolskoe V; 3 — Nikolskoe IX; 4 — Nikolskoe X; 5 — Vokok B; 6 — Vokok A; 7 — Pogostische III; 8 — Pogostische VI; 9 — Troitskoe VI; 10 — Maeksa I; 11 — Maeksa II; 12 — Beloozero town; 13 — Pruzhinino II; 14 — Pruzhinino IV; 15 — Krutik; 16 — Fedos'in Gorodok; 17 — Shuklino; 18 — Karbotka III; 19 — Gora; 20 — Kudrino.
- Fig. 46.* Cultivated plants' remains from cultural deposit of medieval dwelling sites on the Beloe lake and the Upper Sheksna river (*p. 115*).
1 — rye, Pogostische VI, 1995; 2 — wheat, Beloozero town, 1994; 3 — barley, Maeksa II, 1994; 4 — oats, Pogostische III, 1995; 5 — peas, Nikolskoe V, 1995; 6 — flax and hemp, Kudrino, 1994.
- Fig. 47.* Quantity of cereals' grains and their fragments in cultural deposit of medieval dwelling sites on the Beloe lake and the Upper Sheksna river (calculated for the same volume of float sample) (*p. 117*).
I — whole grains; II — grain fragments.
1 — Krutik; 2 — Vokok B; 3 — Nikolskoe V; 4 — Pruzhinino IV; 5 — Beloozero town; 6 — Nikolskoe IX; 7 — Maeksa II; 8 — Karbotka III; 9 — Kudrino; 10 — Gora; 11 — Pokrovskoe II; 12 — Pogostische III; 13 — Pogostische VI; 14 — Vokok A; 15 — Shuklino; 16 — Troitskoe VI; 17 — Maeksa I; 18 — Pruzhinino II; 19 — Nikolskoe X; 20 — Fedos'in Gorodok.
- Fig. 48.* Frequency of different cultivated plants' finds at medieval dwelling sites

- on the Beloe lake and the Upper Sheksna river in different periods. (Share of different cultivated plants in grain-containing float samples) (*p. 118*).
I — the 10th–11th centuries; II — the 12th–13th centuries; III — the 11th–13th centuries.
1 — rye; 2 — wheat; 3 — barley; 4 — oats; 5 — peas; 6 — flax; 7 — hemp; 8 — grain fragments.
- Fig. 49.** Dwelling sites' clusters on the Beloe lake (*p. 126*).
1 — dwelling sites' cluster in the Ukhtoma river estuary; 2 — dwelling sites' cluster in the Kiuy river estuary.
a — borderline of cultural deposit and stray finds.
- Fig. 50.** Medieval monuments on the Lower Kema river. Fragment of the General plan of Kirillov district executed in 1789 (RSAAD, f. 1356, No. 79/3048) with archaeological monuments dated to the second half of the 9th–13th centuries shown (*p. 129*).
a — dwelling sites; б — barrow mounds' group; в — fortified settlement; r — finds' location.
Numbers on the map correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 51.** Medieval settlement on the Lower Kema river in different periods (*p. 130*).
1 — the second half of the 9th–10th centuries; 2 — the 11th — first half of the 12th centuries; 3 — the second half of the 12th–13th centuries.
a — monuments precisely dated to the indicated chronological intervals; б — monuments dated to wider chronological intervals.
- Fig. 52.** Medieval monuments of Nikolskoe local cluster on the Lower Kema river. (*p. 131*).
1 — dwelling sites near Pokrovskoe and Nikolskoe villages; 2 — dwelling sites near pulled down villages of Pogoreloe and Boltinskaya.
- Numbers on the map correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 53.** Pokrovskoe I dwelling site on the Lower Kema river. Wheel-made (Nos. 1, 4, 7, 9–12) and hand-made (Nos. 2, 3, 5, 6, 8) medieval pottery (*p. 132*).
- Fig. 54.** Nikolskoe VI dwelling site. Hand-made (Nos. 1–6, 8–12, 14, 15) and wheel-made (Nos. 7, 13) medieval pottery (*p. 133*).
- Fig. 55.** Nikolskoe IX dwelling site. Hand-made (Nos. 1, 3–12, 14–16) and wheel-made (Nos. 2, 13) medieval pottery (*p. 134*).
- Fig. 56.** Nikolskoe IX dwelling site. Artefacts from land survey (*p. 135*).
1, 2 — silver; 3–12 — glass; 13–28 — non-ferrous metal; 29–31 — iron.
- Fig. 57.** Nikolskoe X dwelling site. Artefacts from land survey (*p. 136*).
1 — glass; 2, 3 — non-ferrous metal; 4–6 — iron.
- Fig. 58.** Novokemsky XIII dwelling site. Artefacts from land survey (*p. 136*).
1–4 — non-ferrous metal; 5–7 — iron.
- Fig. 59.** Medieval monuments' local cluster in Kismema on the Beloe lake northern shore. Fragment of the General plan of Kirillov district executed in 1789 (RSAAD, f. 1356 6, No. 78/3047) with archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries shown (*p. 140*).
a — dwelling site; б — cemetery; в — finds' location.
Numbers on the map correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 60.** Medieval monuments' local cluster in Kismema on the Beloe lake northern shore (*p. 141*).
1 — the Beloe lake northern shore between the Vodoba and Slobodka rivers'

- estuaries. a — dwelling site of the 10th–13th centuries; 6 — cemetery of the 10th–13th centuries.
2 — the Beloe lake shore near Kisnema.
a — borders of the dwelling sites dated to the 10th–13th centuries; 6 — spots of cultural deposit dated to the 10th century within dwelling sites.
Numbers on the map correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 61.* Medieval dwelling sites in Kisnema. Artefacts from sounding trenches and land survey (*p. 142*).
1, 2 — Troitskoe VI; 3–5, 8–10 — Troitskoe II; 6, 7 — Monastyrskaya.
1–5 — glass; 6, 7 — bronze; 8–10 — stone.
- Fig. 62.* Troitskoe II–III dwelling site. Hand-made pottery (*p. 142*).
- Fig. 63.* Medieval dwelling sites in Kisnema. Wheel-made (Nos. 1, 8, 12–14, 16, 18) and hand-made (Nos. 2–7, 9–11, 15, 17) medieval pottery (*p. 143*).
3, 5–11, 15 — Monastyrskaya; 2, 4, 12–14, 16–18 — Troitskoe II.
- Fig. 64.* Medieval dwelling sites on the Beloe lake southern shore (*p. 146*).
1 — the Beloe lake southern shore; a — dwelling site of the 10th–13th centuries.
2 — Maeksa I and Maeksa II medieval dwelling sites in the Maeksa river estuary.
a — dwelling sites' borders.
- Fig. 65.* Medieval monuments on the Beloe lake southern shore. Fragment of the General plan of Belozersk district (RSAAD, f. 1356, No. 3a/2969) with archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries shown (*p. 147*).
a — dwelling site.
Numbers on the map correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 66.* Maeksa II dwelling site. Hand-made (Nos. 1–3, 5–12, 14–16) and wheel-made (Nos. 4, 13) medieval pottery (*p. 148*).
- Fig. 67.* Maeksa II dwelling site. Artefacts from land survey (*p. 149*).
1–12, 19 — silver; 13 — glass; 14–18, 20–14 — non-ferrous metal; 25–31 — iron; 32, 33 — stone.
- Fig. 68.* Medieval dwelling sites of Pruzhinino-Volokhovo local cluster (*p. 152*).
1 — medieval dwelling sites' cluster near Volokhovo boat-mooring; 2 — Pupkovo dwelling site.
- Fig. 69.* Pruzhinino I dwelling site and Pruzhinino IV cemetery on the Upper Sheksna river (*p. 153*).
1 — plan of the excavation trench at the cemetery. Burial 1: 1 — bronze lunate pendant; 2–11 — glass beads; burial 2: 1 — iron fire-steel; 2 — iron knife with binding. 2 — location plan: a — borderline of cultural deposit and stray finds.
Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 70.* Pruzhinino IV cemetery. Artefacts from the burials (*p. 154*).
1–14 — burial 1; 15–17 — burial 2; 18–24 burial 3.
1–9 — glass; 10, 18, 19 — non-ferrous metal; 11–17, 21–24 — iron.
- Fig. 71.* Pruzhinino II dwelling site. Hand-made (Nos. 1, 3, 4, 6, 14–17, 19, 20, 22) and wheel-made (Nos. 2, 5, 7–10, 12, 13, 18, 21) medieval pottery (*p. 155*).
- Fig. 72.* Southern part of Goritsy-Shuklino dwelling sites' local cluster (*p. 157*).
Fragment of the General plan of Kirillov district executed in 1785 (RSAAD, f. 1356, No. 71/3039) with archaeological monuments dated to the 10th–13th centuries shown.
Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.

- Fig. 73.** Medieval dwelling sites' cluster near Shuklino village (*p. 158*).
Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 74.** Medieval dwelling sites near Shuklino village. Hand- and wheel-made medieval pottery (*p. 159*).
1 — Shuklino B dwelling site; 2–7, 15 — Shuklino A dwelling site; 12–14, 16, 17 — Shuklino B dwelling site.
1, 3, 17 — hand-made pottery; 2, 4–16 — wheel-made pottery.
- Fig. 75.** Medieval dwelling sites near Shuklino village. Artefacts from sounding trenches and land survey (*p. 160*).
1–3, 5 — Shuklino A; 4 — Shuklino B; 6 — Shuklino B.
1 — glass; 2 — stone; 3, 4 — bronze; 5, 6 — iron.
- Fig. 76.** Development of settlement systems and cultural landscape on the Beloe lake in the 12th–14th centuries. General pattern (*p. 166*).
a, 6 — situation in the 12th — first half of the 13th centuries; b, r — situation in the 14th century.
- Fig. 77.** Territory of Beloozero town in the 10th and 11th centuries (*between pages 176 and 177*).
a — rivers' banks before submergence; 6 — excavation trenches by L. A. Golubeva; b — precisely established borderline of cultural deposit; r — supposed borderline of cultural deposit; Δ — the town's territory in the 10th century; e — the town's territory in the 11th century.
- Fig. 78.** Territory of Beloozero town in the first half of the 12th — early 13th and in the 14th centuries (*between pages 176 and 177*).
a — rivers' banks before submergence; 6 — excavation trenches by L. A. Golubeva; b — precisely established borderline of cultural deposit; r — supposed border-
- line of cultural deposit; Δ — the town's territory in the 12th — early 13th centuries; e — the town's territory in the 14th century.
- Fig. 79.** The region of Sheksna river source according to the General landmarking map (*p. 177*).
a — approximate borderline of cultural deposit; 6 — Ust' Sheksna Trinity monastery location; b — supposed location of Seredny pogost; r — borders of arable lands.
- Fig. 80.** Archaeological monuments in close vicinities of Beloozero and Belozersk towns. 1–3 — diagrams showing distribution of areas covered by the monuments dated to the 12th–13th centuries in close neighbourhood of Beloozero and Belozersk towns (*p. 178*).
1 — general diagram; 2 — Beloozero town and vicinity; 3 — dwelling site in Belozersk kremlin and surrounding dwelling sites; a — dwelling sites dated to the 10th–13th centuries; 6 — dwelling sites dated to the 11th–13th centuries; b — dwelling sites dated to the 12th–13th centuries; r — finds' locations; Δ — Beloozero town; e — dwelling sites in Beloozero town close neighbourhood; ж — dwelling site in Belozersk kremlin; з — dwelling sites surrounding Belozersk kremlin; и — borders of zones with radius 10 km.
- Fig. 81.** Drawing illustrating "Tale on Ust' Sheksna Trinity monastery". Manuscript in RSL, f. 178, No. 3445, fol. 183v–184 (*p. 182*).
- Fig. 82.** Dwelling sites dated to the 15th–17th centuries in close vicinity of Beloozero and Belozersk towns. Villages shown according to A. I. Kopanев (*p. 185*).
a — dwelling sites dated to the 15th–16th centuries; 6 — dwelling sites dated to the 16th–17th centuries; b — dwelling sites dated to the 15th–17th centuries.

- Fig. 83.** Dwelling sites around the Beloe lake in the 30-s of the 19th century. Fragment of "Topographic special map of western part of Russian empire" executed by F. F. Shubert, according to edition of 1859 (*p. 186*).
- Fig. 84.** Burial monuments of "burial chamber" type and cremation cemeteries dated to the 1st millennium AD in the Beloe lake zone and the territory between the Mologa and Sheksna rivers (*p. 190*).
a — burial monuments of "burial chamber" type and ground cremation cemeteries dated to the 1st millennium AD.
1 — Chagoda I; 2 — Chagoda II; 3 — Nikolskoe IV; 4 — Nikolskoe VI; 5 — Nikolskoe XIII; 6 — Nikolskoe XVII; 7 — Nikolskoe XVI; 8 — Volodino; 9 — Zaozer'e; 10 — Pugino; 11 — Ust'e; 12 — Ust'-Sitskoe VI; 13 — Kurevanikha XVII, XX.
- Fig. 85.** Nikolskoe V burial construction on the Suda river (according to A. N. Bashen'kin). Plan and sections (*p. 192*).
- Fig. 86.** Minor administrative units (volost'), settlements and land possessions, mentioned in documents of the 14th–15th centuries as located "on the Beloe lake" (*p. 195*).
a — borderlines of Beloozero principality in the 14th century according to V. A. Kuchkin; б — borderlines of Beloozero district (uezd) in the 17th century according to A. I. Kopanев; в — volost' administrative units, settlements and land possessions mentioned in documents of the 14th–15th centuries as located "on the Beloe lake".
1 — Koloshma; 2 — Suda; 3 — Fedos'in Gorodok; 4 — Milolyubsky ez; 5 — Volochek; 6 — Slobodka; 7 — Volskoe; 8 — Shagot'; 9 — Vyksa; 10 — Romanova Slobodka; 11 — Ostaf'evskaya Slobodka; 12 — Tovskie pustoshi.
- Fig. 87.** Topoformants *-l* and *-ichi* in ecunymia of Mezhozer'e zone according to I. I. Mullonen (*p. 196*).
1 — administrative regions' borders; 2 — administrative districts' borders; 3 — *-ichi* formant; 4 *-l* formant.
- Fig. 88.** Rural parishes in the 15th–17th centuries in the Beloe lake zone and on the Upper Sheksna river (*p. 201*).
- Fig. 89.** Nikolskoe I fortified settlement on the Kema river (*p. 202*).
1 — plan of fortified settlement area with wooden church foundation shown; 2 — plan of excavation trench with wooden church foundation shown; 3 — pectoral cross found in the fortified settlement area.
- Fig. 90.** Nikolskoe I fortified settlement on the Kema river. Wooden church foundation in the fortified settlement area (*p. 203*).
- Fig. 91.** Dwelling sites dated to the 10th–13th centuries and late medieval parish churches on the Beloe lake and Sheksna river (*p. 204*).
1 — Shuklino A dwelling site and Nikolsky pogost on the Sheksna river; 2 — dwelling sites' cluster in the Mun'ga river estuary and Il'insky pogost in Mun'ga. Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 92.** Dwelling sites dated to the 10th–13th centuries and late medieval parish churches on the Beloe lake (*p. 205*).
1 — Pokrovskoe II dwelling site and Il'insky pogost on the Kema river; 2 — dwelling sites' cluster in the Borovka river estuary and Troitsky pogost in Lipin Borok. Numbers on the plan correspond to those of archaeological monuments in the catalogue.
- Fig. 93.** Dwelling sites dated to the 10th–13th centuries and late medieval parish churches on the Beloe lake (*p. 206*).

- Novye Vashki dwelling site in the place of former Starye Vashki village and the Holy Virgin Nativity pogost in Vashki.
- Fig. 94.* Medieval cemeteries in the zones of Beloe and Onega lakes. The sites marked on the map had yielded material analyzed by methods of physical anthropology included into the present publication (*p. 236*).
a — ground cemeteries; 6 — barrow mound cemeteries.
1 — Karelskoe; 2 — Moshinsky Pogost; 3 — Voezero; 4 — Palkino; 5 — Gorka; 6 — Popad'ino; 7 — Voilokhta; 8 — Nikolskoe III; 9 — Krokhtinskies Peski; 10 — Nikolskoe XVIII; 11 — Nefedovo; 12 — Shuygino; 13 — Nefed'evo; 14 — Minino II on Kubenskoe lake; 15 — Krivets II; 16 — Minino on the Yug river.
- Fig. 95.* Nefed'evo cemetery, burial 66. Skull with indications of endocranial pressure. The arrow shows dactylic press in endocranium in frontal area (*p. 237*).
- Fig. 96.* Nefed'evo cemetery. Blood relationship of the first settlers reconstruction according to archaeological and biological markers: ? — missing or doubtful chronological determination; * — presence of the marker showing high endocranial pressure; ** — preserved frontal metopium suture (*p. 238*).
- Fig. 97.* Nefed'evo cemetery. Spatial evaluation of close relationship within the group with regard to biological markers. Black-marked burials are linked by the biological marker sought for. The area outlined includes blood-relatives' burials determined according to archaeological data (*p. 239*).
- Fig. 98.* Nefed'evo cemetery, burial 43. Spondylolysis, the fourth lumbar vertebra (*p. 240*).
- Fig. 99.* Comparative analysis of stress markers spread in the north of Russian plain (*p. 242*).
- Fig. 100.* Body length in different ancient Russian populations (*p. 244*).
1 — Novgorod Slavs (Khreple); 2 — Moscow Vyatichians; 3 — Lyubech; 4 — Vitichev; 5 — Novgorod; 6 — Staraya Ryazan'; 7 — Smolensk.
- Fig. 101.* Variability intervals of otitis indicators in different ancient Russian populations. Average values are linked with dotted line (*p. 246*).
- Fig. 102.* Nefed'evo cemetery, burial 32. Cribrotic changes in eye-socket areas (Cribra orbitalia) (*p. 246*).
- Fig. 103.* Nefed'evo cemetery, burial 20. Disturbance of tooth enamel formation — enamel hypoplasia (*p. 248*).
- Fig. 104.* Nefed'evo cemetery, burial 63. Harris lines — temporal growth arrests in childhood; tibia roentgenogram (*p. 248*).
- Fig. 105.* Nikolskoe III cemetery, burial 5 from excavations by M.E. Arsakova (Cherapovets museum, collection No. 652) (*p. 250*).
Indications of chronic abscess.
- Fig. 106.* Variability intervals of caries indicators in different ancient Russian populations. Average values are linked with dotted line (*p. 251*).
- Fig. 107.* Nefed'evo cemetery, burial 63. Mandibula, bone relief in the area of masticatory muscle attachment (*p. 251*).
- Fig. 108.* Variability intervals of anaemia (Cribra orbitalia) indicators in different ancient Russian populations. Average

- values are linked with dotted line (p. 253).
- Fig. 109.* Voežzero cemetery, burial 22. Scurvy indications on the skull and post-cranial skeleton (p. 256).
- Fig. 110.* Nefed'evo cemetery, burial 62. Indications of cold after-effect on the skull (p. 258).
- Fig. 111.* Nefed'evo cemetery. Chronological variability of different everyday activities within male population group (p. 261).
- Fig. 112.* Nefed'evo cemetery. Chronological variability of different everyday activities within female population group (p. 261).
- Fig. 113.* Nefed'evo cemetery. Changes of traumas' character in the course of time (p. 264).
- Fig. 114.* Gorka cemetery, burial 1. Skull trauma (p. 264).
- Fig. 115.* Krokhińskie Peski cemetery. Plan of the area, excavated burial mounds and ground burials with inhumations are shown (p. 280).
a — inhumations in ground pits; b — excavated areas.
- Fig. 116.* Krokhińskie Peski cemetery. General view of the burial mound after removing superimposed layer of 17th–18th century dwelling site (p. 281).
- Fig. 117.* Krokhińskie Peski cemetery. Plan of burial mound (p. 282).
a — calcinated bones' accumulations; b — medieval pottery; B — finds from medieval horizon. Samples collected for radiocarbon dating are marked on the plan, their absolute age indicated.
- Fig. 118.* Krokhińskie Peski cemetery. Sections of burial mounds and barrow ditch (p. 283).
- Fig. 119.* Krokhińskie Peski. Artefacts from the horizon of medieval and modern periods, and re-deposited assemblages dated to the Stone Age and Early Metal period (p. 284).
1–3, 5–8 — bronze; 4 — silver; 9–11, 13–21 — stone; 12 — iron.
- Fig. 120.* Krokhińskie Peski cemetery. Inhumation in south-eastern part of excavation area (p. 292).
- Fig. 121.* Krokhińskie Peski cemetery. Artefacts from burial assemblage containing cremations (p. 294).
1–6, 12, 13 — bronze; 7–11 — horn.
1, 2 — burial I; 4, 12, 13 — burial II; 3, 7–11 — burial III; 5, 6 — barrow ditch infill and re-deposited layer.
- Fig. 122.* Krokhińskie Peski cemetery. Artefacts from burial assemblage containing cremations and inhumations from south-eastern part of excavation area (p. 295).
1–10, 15, 34, 45 — bronze; 11–13, 32, 35–42, 46, 47 — iron; 16, 17, 43 — stone; 14, 18 — horn; 19–31, 44 — glass.
1–4, 10, 19 — burial I; 5, 9, 20–29 — burial II; 14, 15, 17 — burial 3 III; 6–8, 11–13, 16, 18, 32–42, 44 — barrow ditch infill and re-deposited layer; 43, 45, 46 — burial 2; 47 — burial 3.
- Fig. 123.* Krokhińskie Peski cemetery. Pottery from eastern sector of barrow ditch infill (p. 296).
- Fig. 124.* Krokhińskie Peski cemetery. Pottery from burial mound and barrow ditch infill (p. 297).
- Fig. 125.* Krokhińskie Peski cemetery. Pottery from burial mound and barrow ditch infill (p. 298).

ARCHAEOLOGICAL MAP OF THE BELOE LAKE — UPPER SHEKSNA RIVER BASIN

Plate 1. Eastern shore of the Beloe lake — upper stream of the Sheksna river.

Plate 2. The area of Itkolskoe and Pereshnoe lakes.

Plate 3. Upper stream of the Sheksna river between Vognema and Ivanov Bor.

Plate 4. Volok Slavensky area.

Plate 5. Middle and Lower stream of Modlona river.

Plate 6. Southern and north-eastern shores of the Beloe lake.

Plate 7. Western shore of the Beloe lake.

Plate 8. Lower stream of the Kema river.

Plate 9. Northern shore of the Beloe lake.

Plate 10. The area of Unzhenskoe and Roksomskoe lakes .

Plate 11. The area of Lozsko-Azatskaja lake system.

Plate 12. The area of Andozero lake — Novoe lake.

Plate 13. The area of Andozero lake - upper stream of the Andoga river.

**Археологическая карта района
Белого озера, Верхней Шексны,
Лозско-Азатского озера и Андозера**

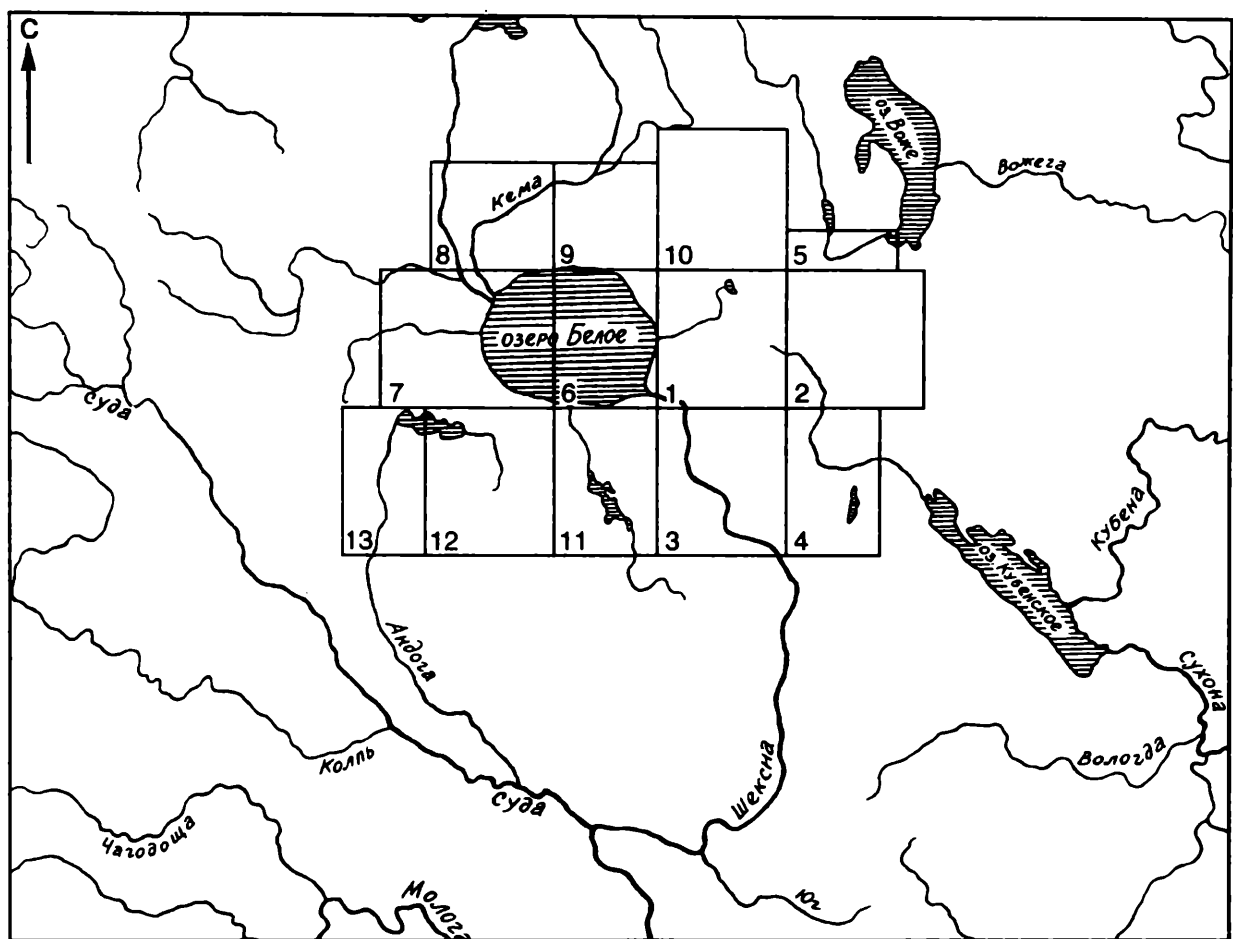

Схема расположения листов

Условные обозначения

местонахождение

стоянка

поселение

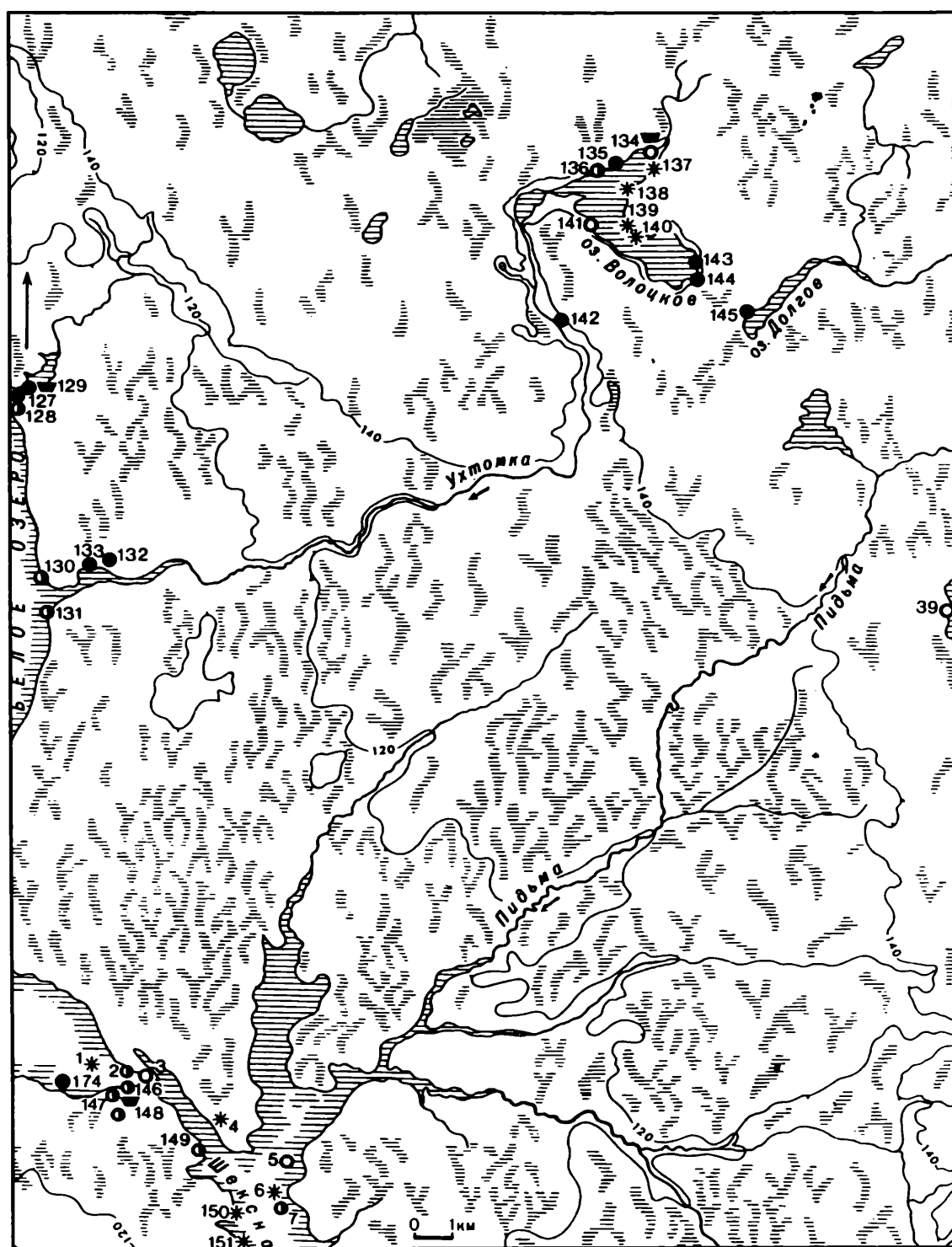
селище

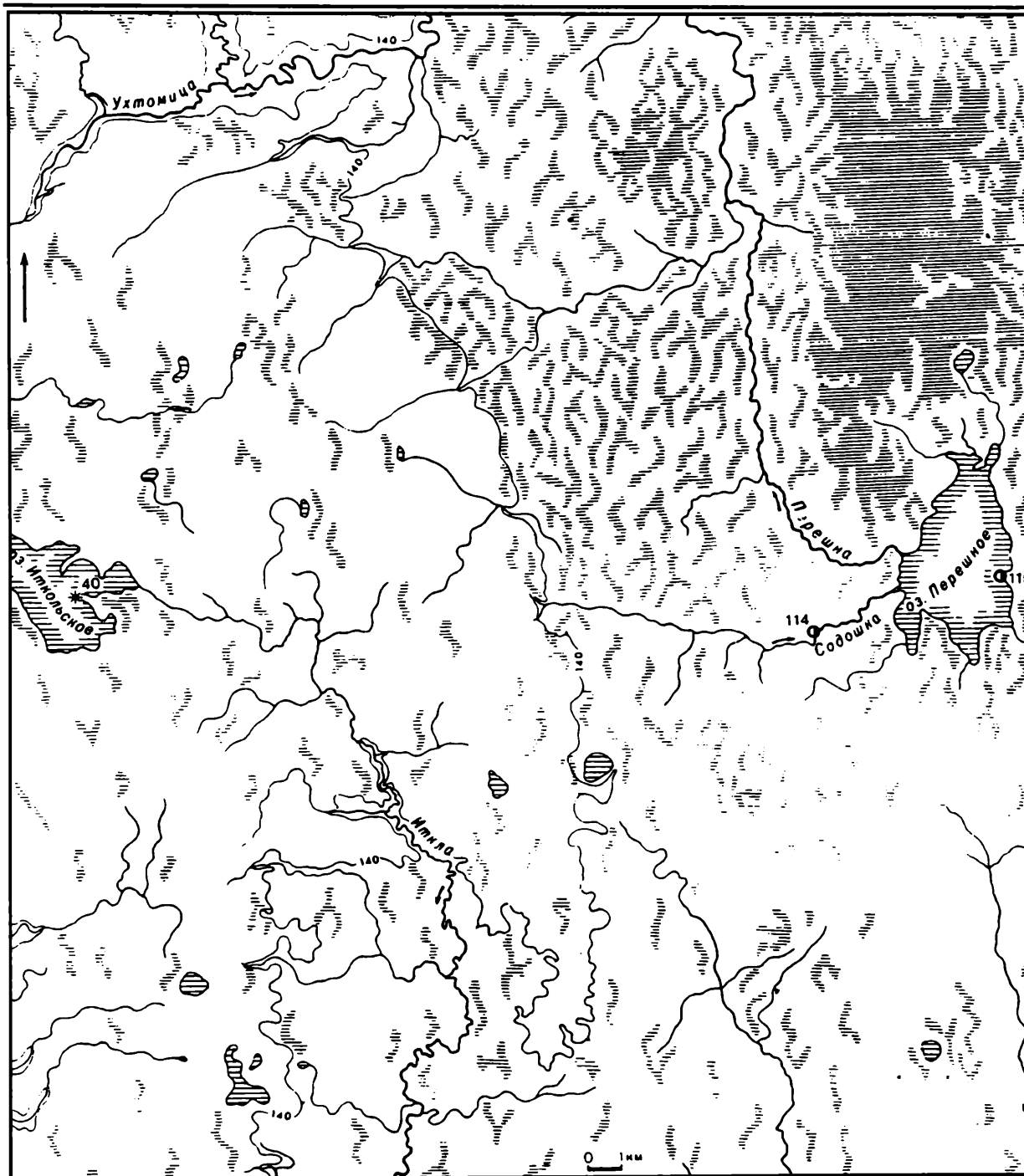
могильник

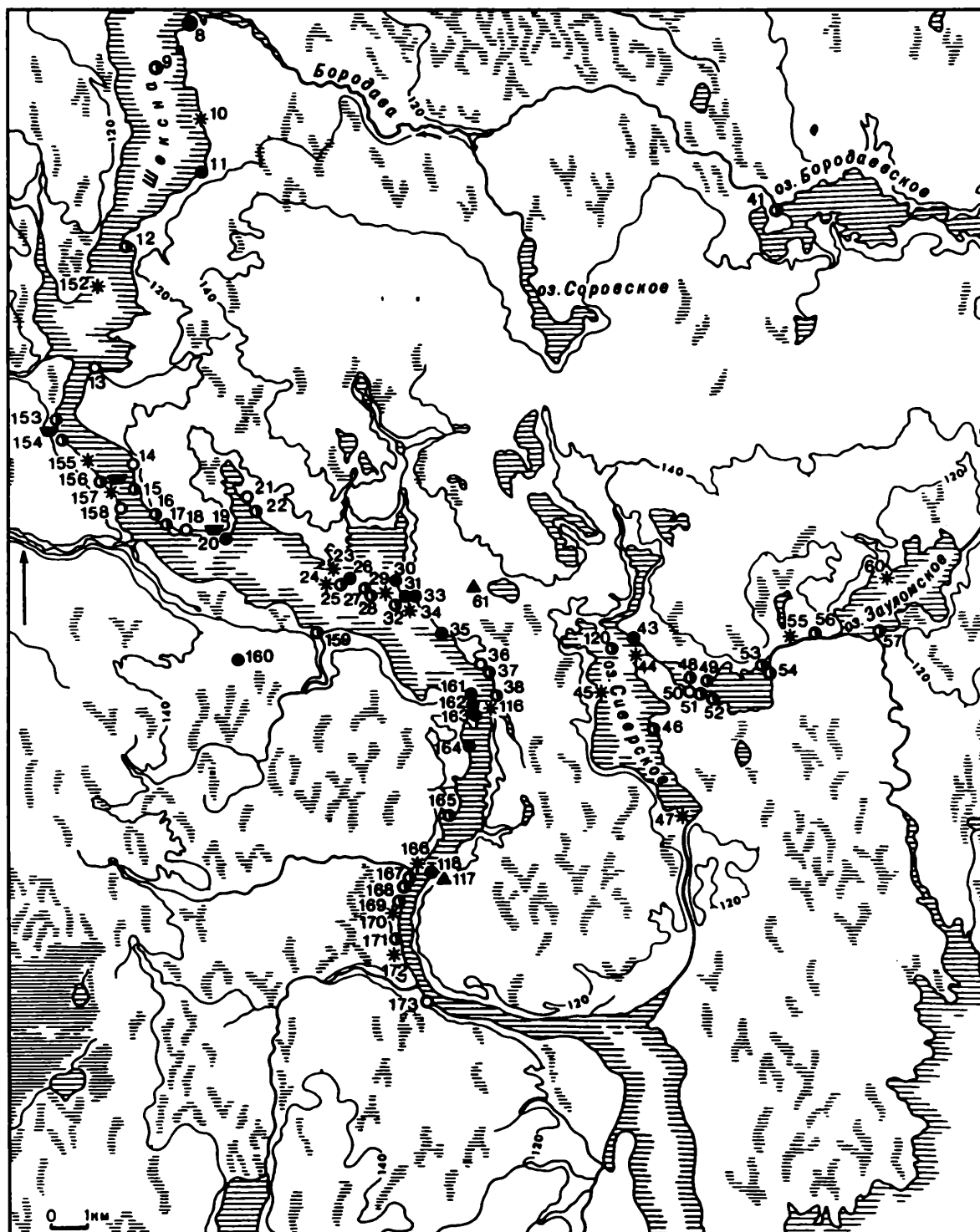
культовые камни

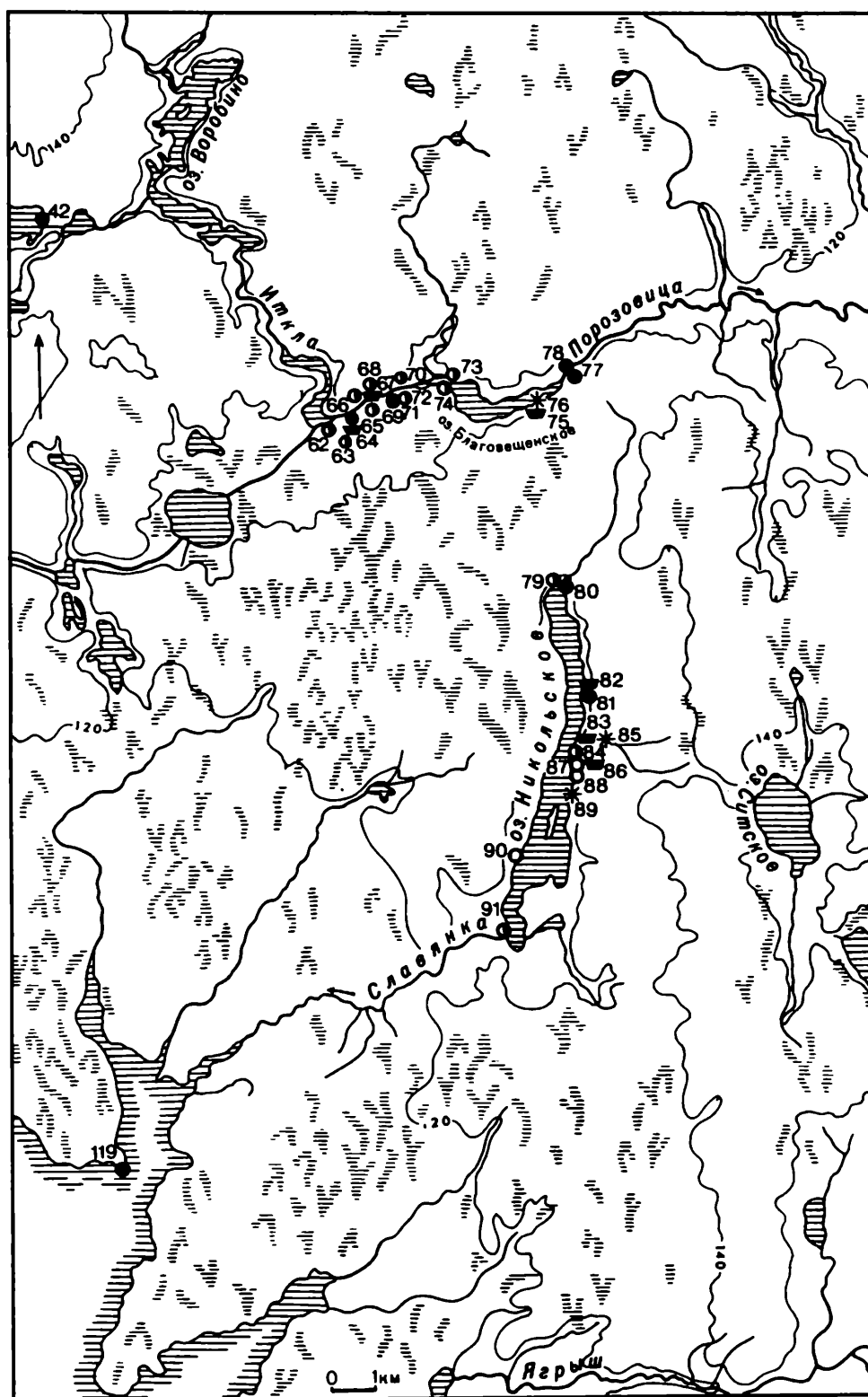
Лист 1. Восточный берег Белого озера — верхнее течение р. Шексны

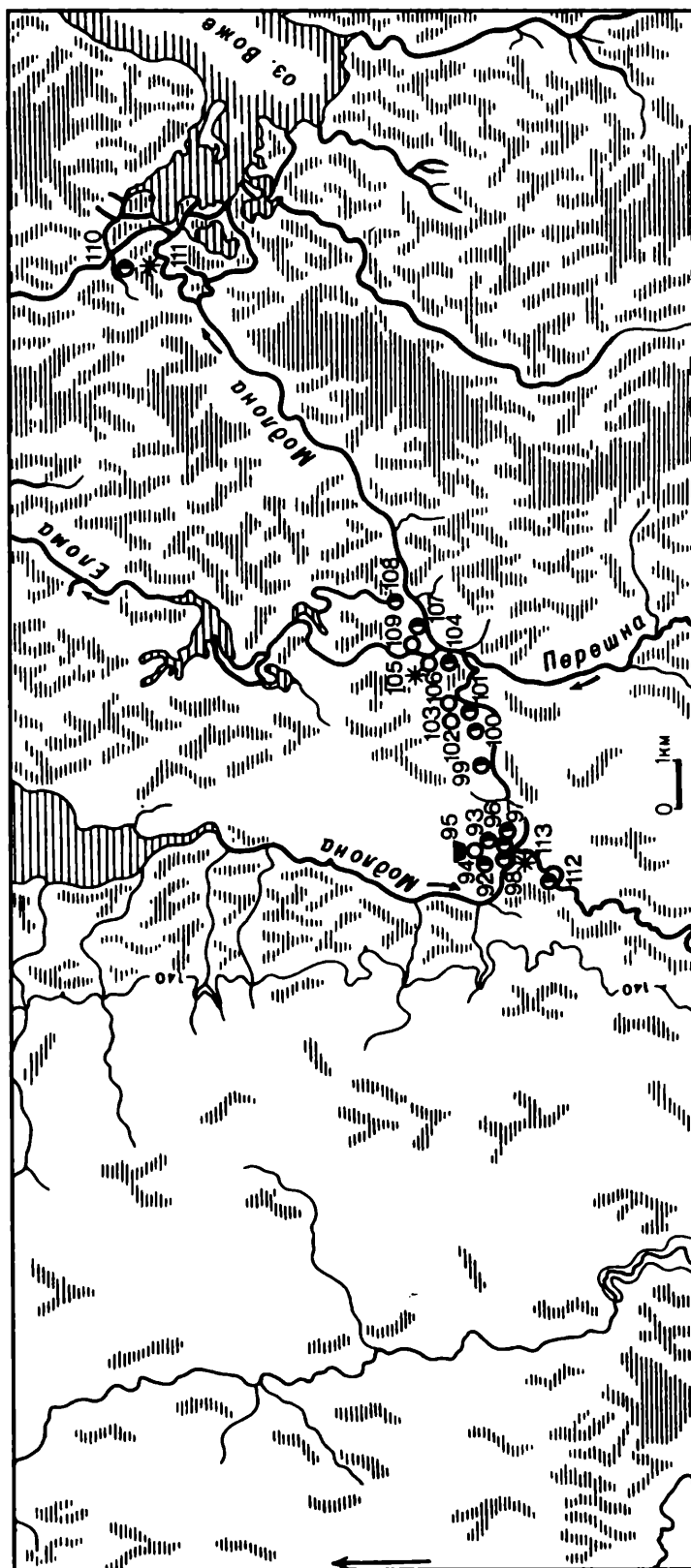
Лист 2. Район Иткольского озера и Перешного озера

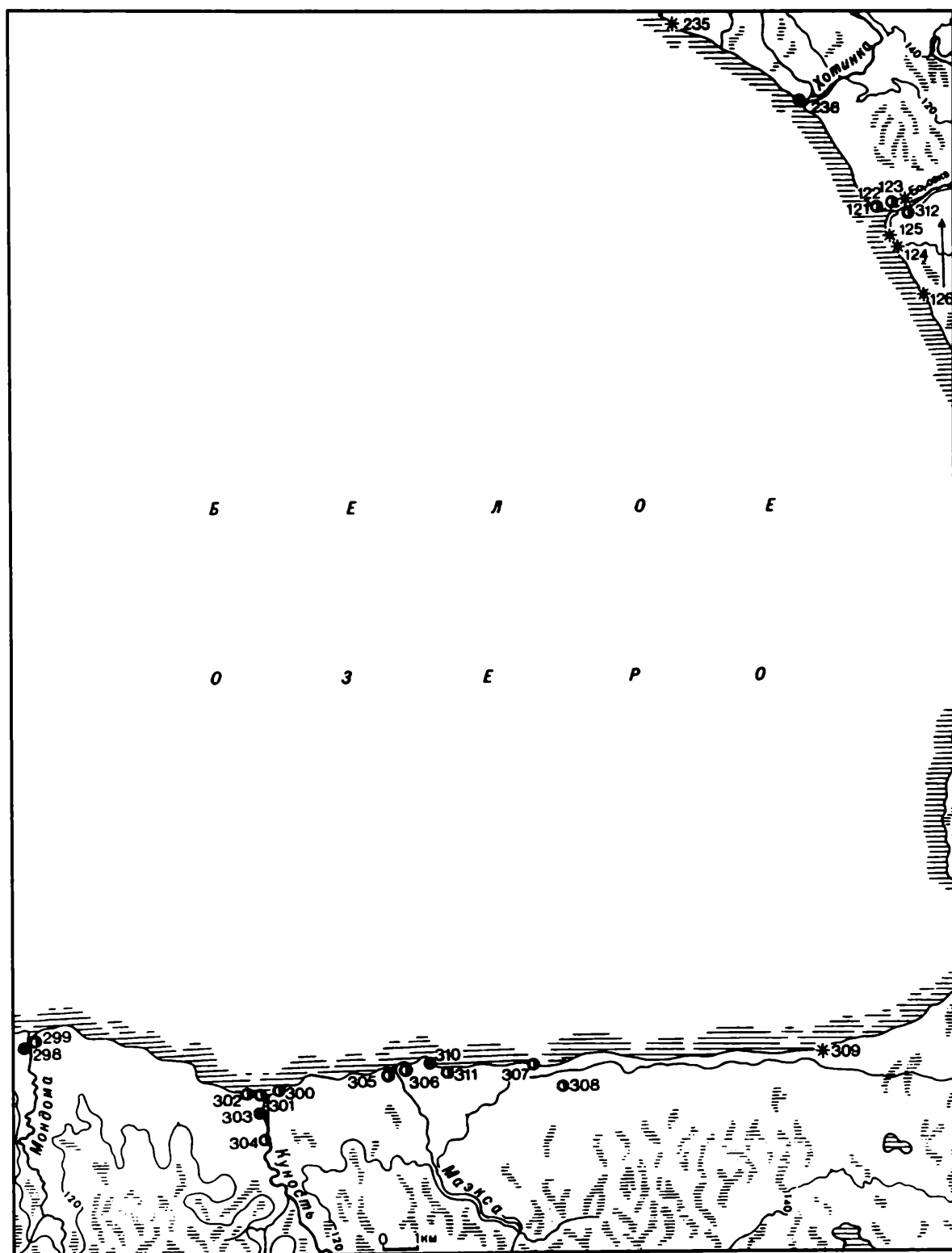
Лист 3. Верхнее течение р. Шексны между д. Вогнемой и д. Иванов Бор

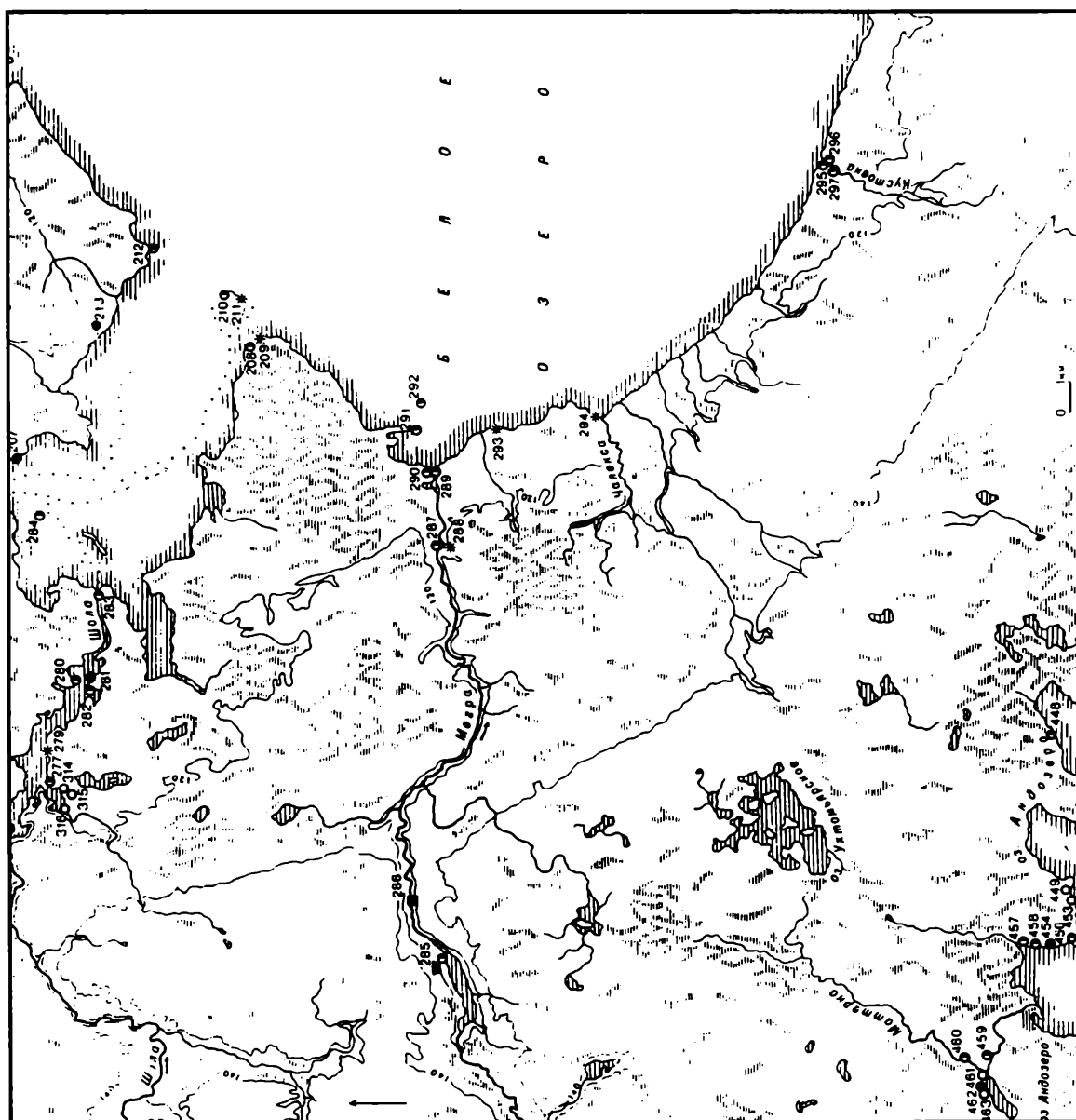
Лист 4. Район Волока Славенского

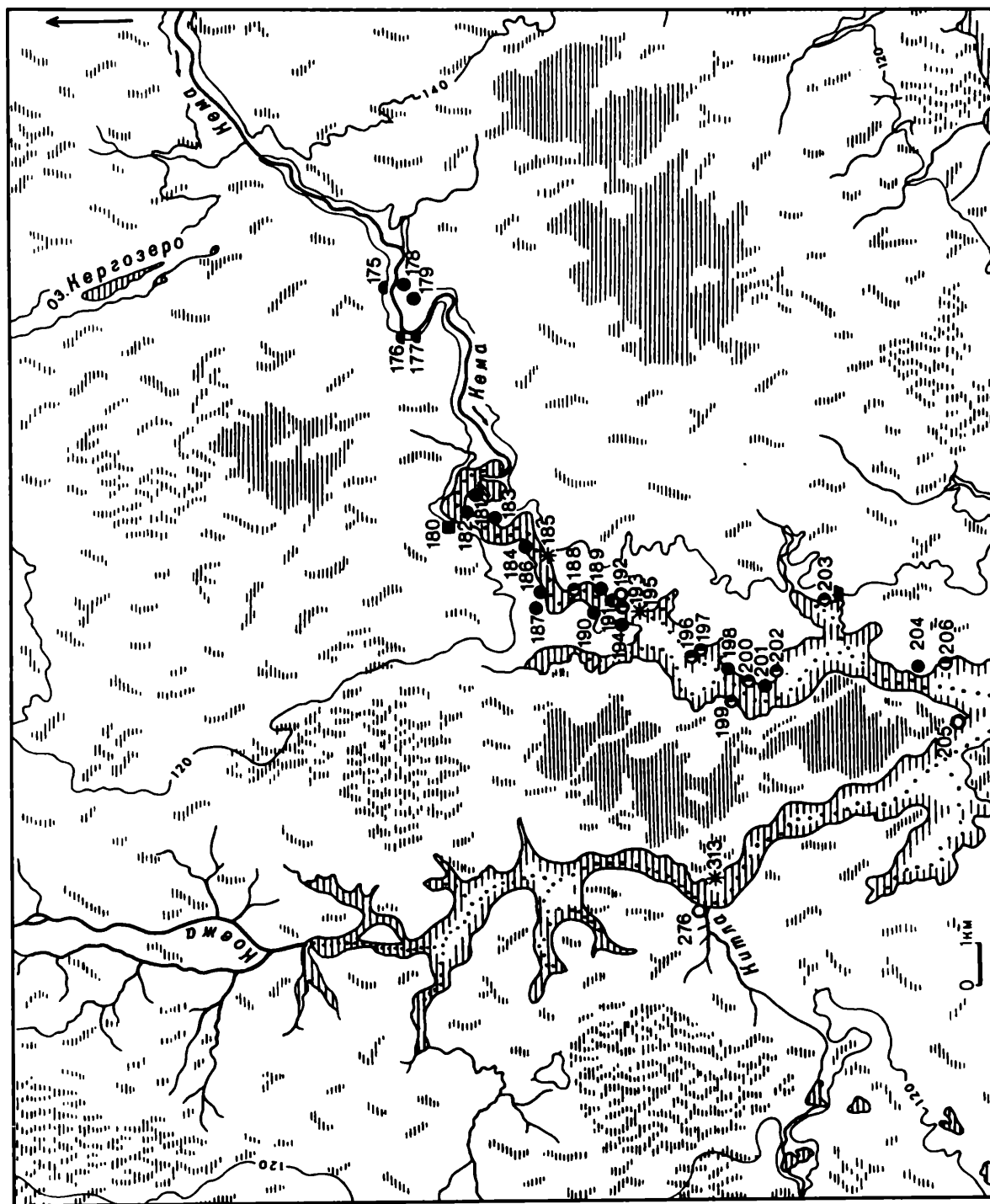
Лист 5. Среднее и нижнее течение р. Молодны

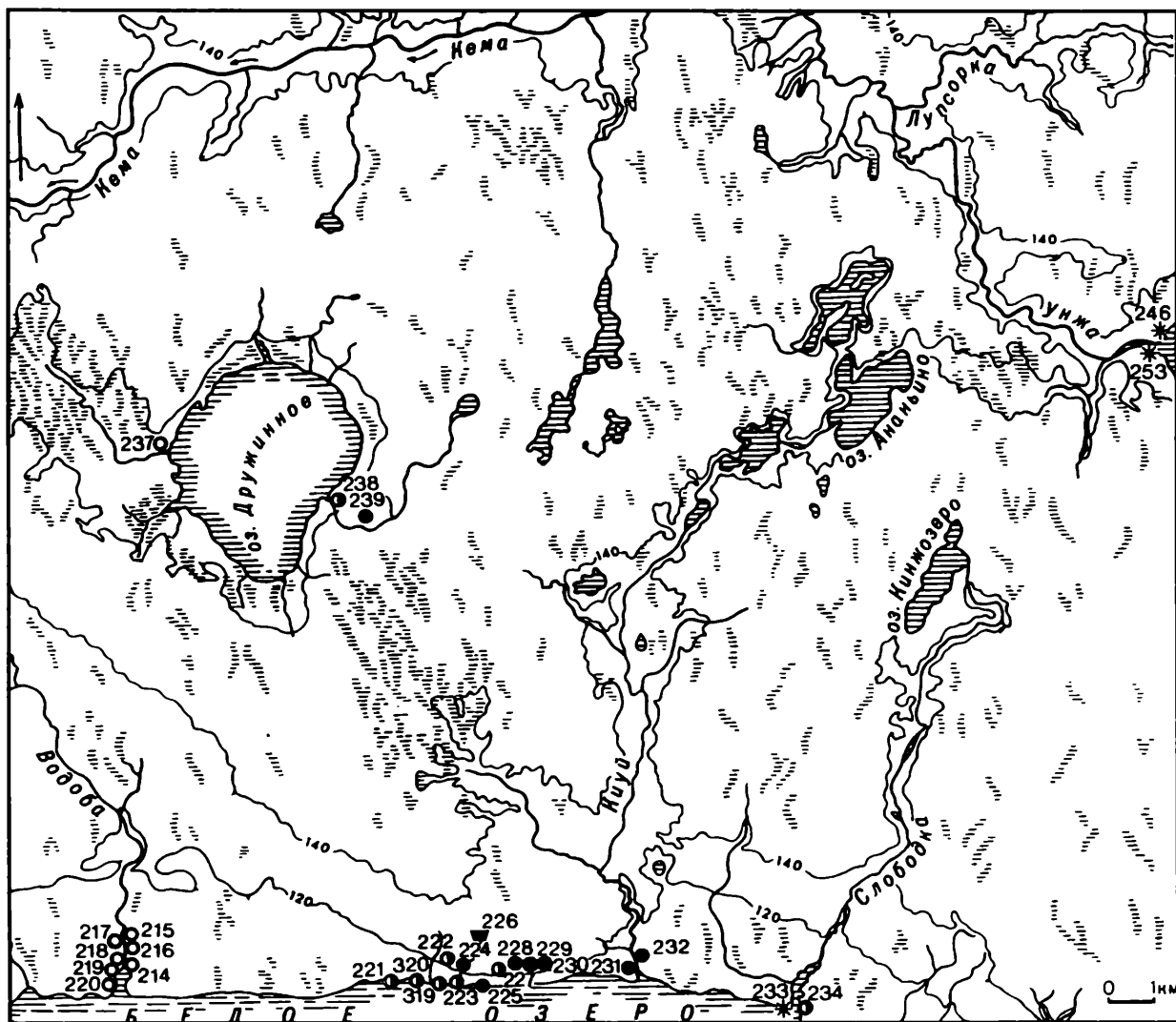
Лист 6. Южный и северо-восточные берега Белого озера

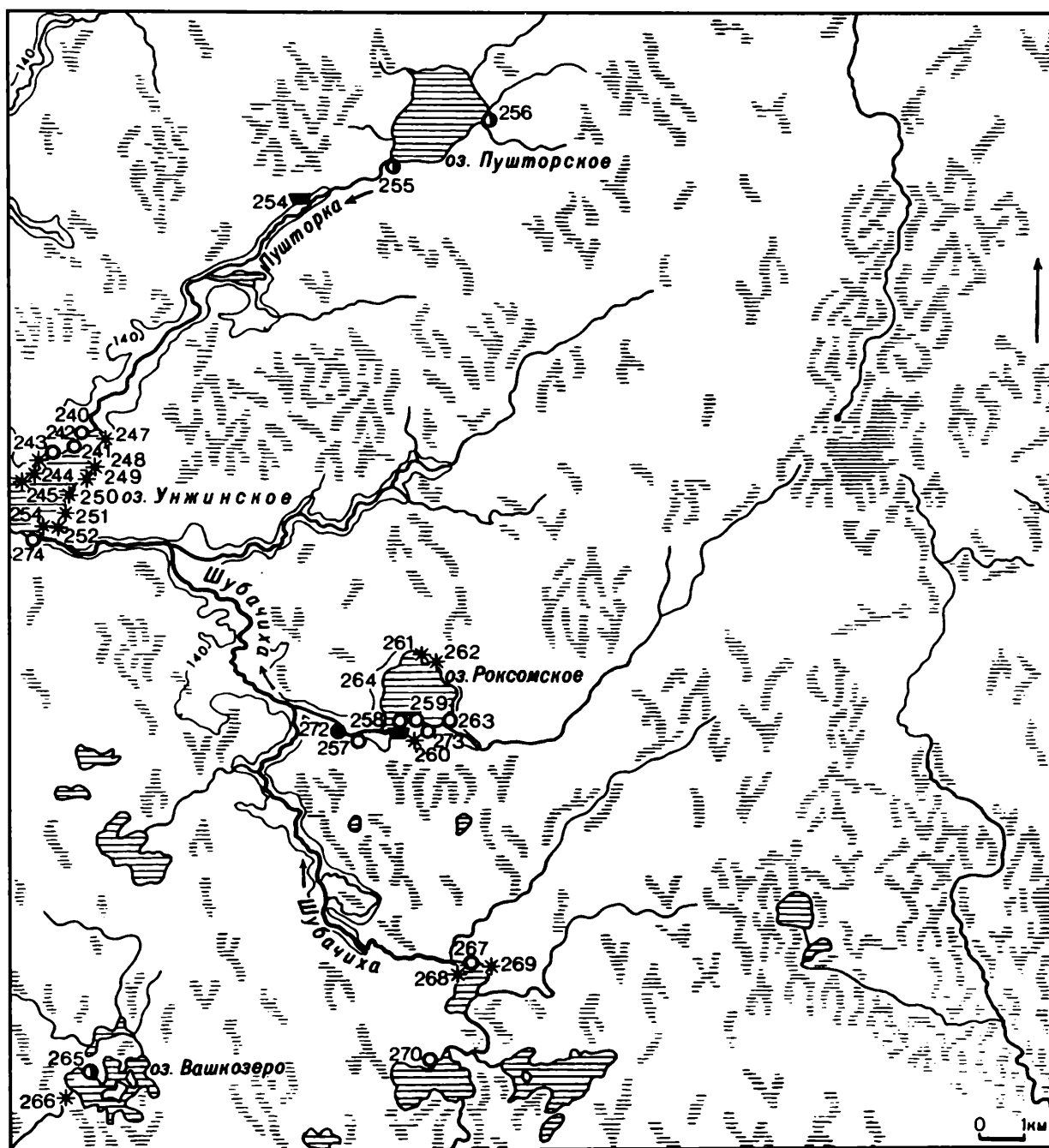
Лист 7. Западный берег Белого озера

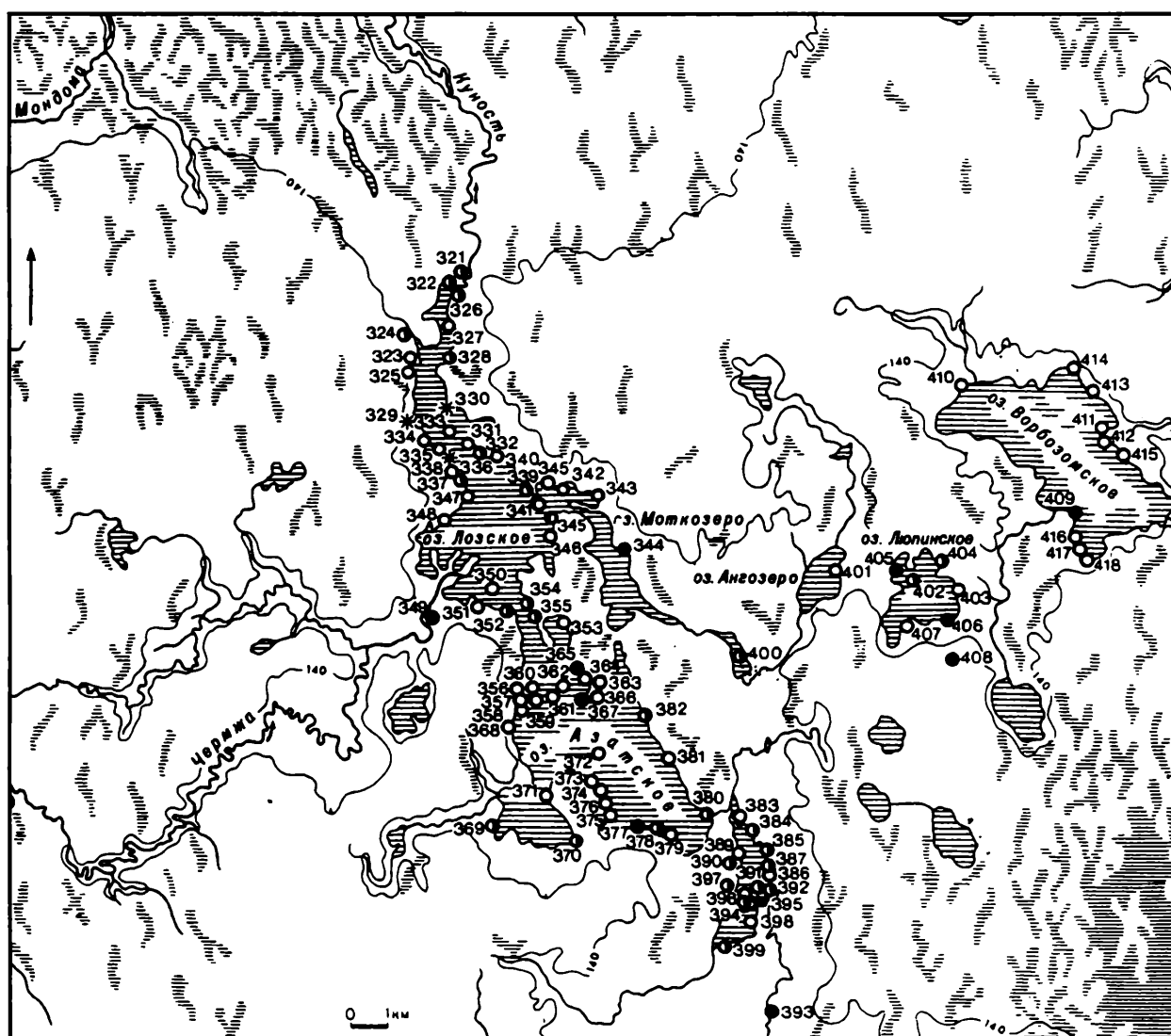
Лист 8. Нижнее течение р. Кемы

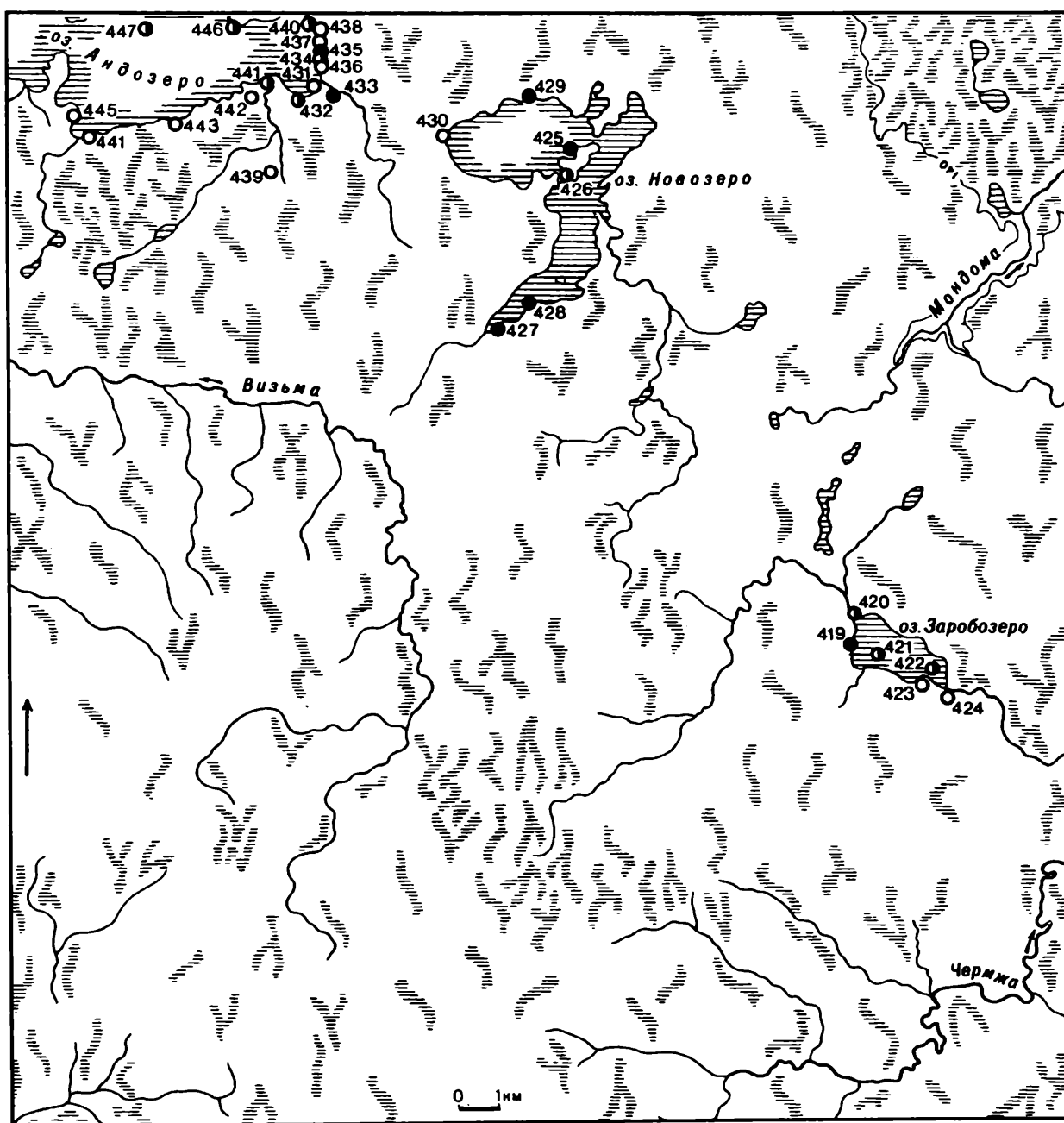
Лист 9. Северный берег Белого озера — район Дружинского озера

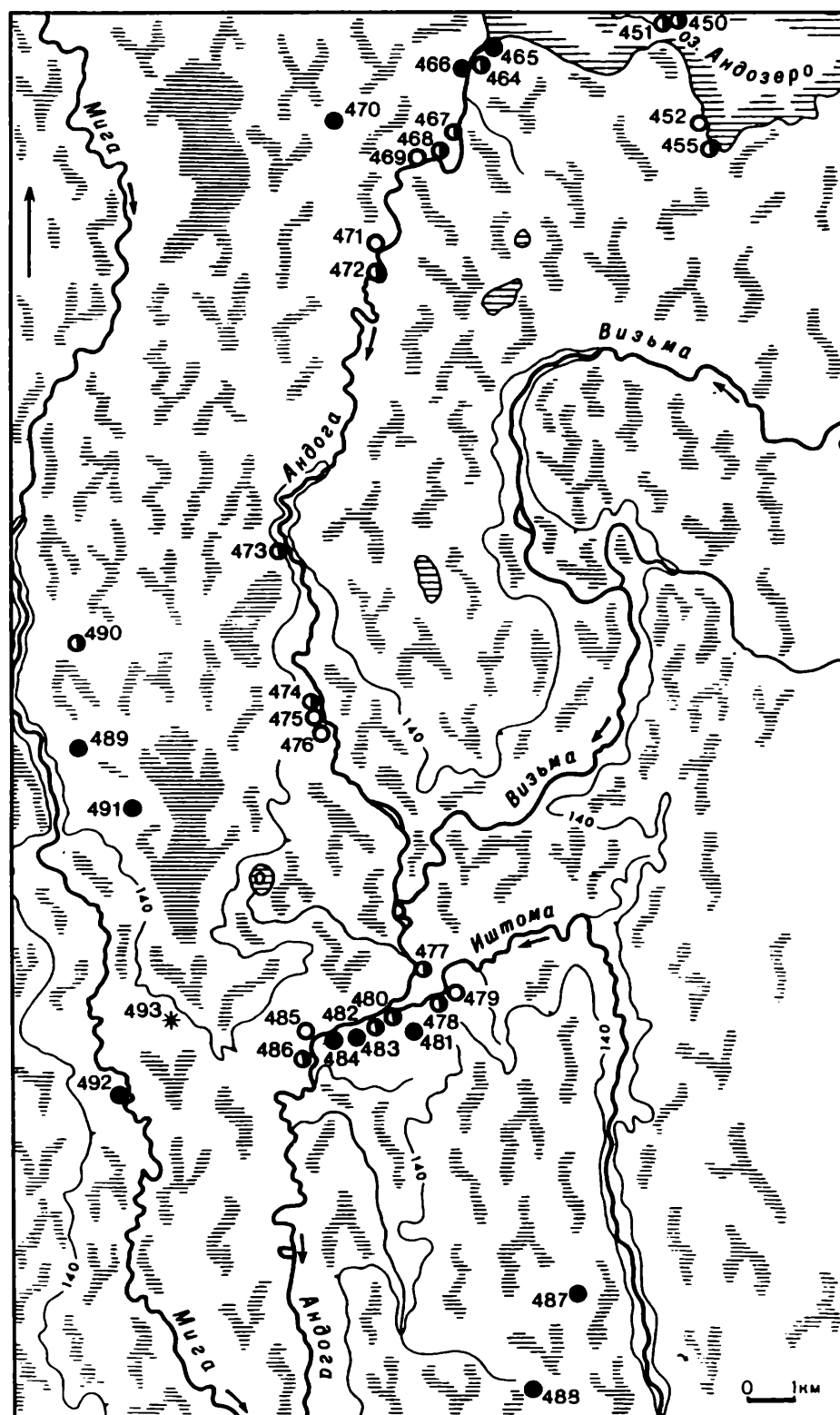
Лист 10. Район Ужженского озера — Роксомского озера

Лист 11. Район Лозско-Азатской озерной системы

Лист 12. Район Андозера — Новозера

Лист 13. Район Андозера — верхнее течение р. Андоги

Николай Андреевич Макаров

Ni.ma@g23.relcom.ru

Сергей Дмитриевич Захаров

Zsd@aha.ru

Александра Петровна Бужилова

albu@4.rsiantro.bio.msu.ru

**СРЕДНЕВЕКОВОЕ РАССЕЛЕНИЕ НА БЕЛОМ ОЗЕРЕ
MEDIEVAL SETTLEMENT IN BELOOZERO REGION**

Издатель А. Кошелев

Художественное оформление обложки
Наталии Прокуратовой и Сергея Жигалкина

Корректор И. И. Соколова

Оригинал-макет подготовлен В. Ю. Гусевым

Подписано в печать 11.12.2000. Формат 84x108 ¹/₁₆.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура «Гарамонд».
Усл. печ. л. 50,22. Заказ №1012. Тираж 1000 экз.

Издательство «Языки русской культуры».
129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

Каталог в ИНТЕРНЕТ

<http://www.lrc-mik.narod.ru>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография «Наука»».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order this publication
by E-mail: koshelev.ad@mtu-net.ru
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).